

№ 10

ОХОТНИКЪ И ОХОТА.

61
109

—❁—

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

РУЖЕЙНОЙ И ПСОВОЙ ОХОТЫ,

РЫВНОЙ ЛОВЛИ, ОХОТЫ НА ПѢВЧИХЪ ПТИЦЪ,
ГОЛУБЕЙ И ВОЙЦЕВЫХЪ ПѢТУХОВЪ.

—❁—

Руководитель для неопытныхъ охотниковъ, какъ находить и стрѣлять птицъ и звѣрей; дрессировать и лечить собакъ; удить рыбу; ловить, воспитывать и содержать въ клѣткахъ пѣвчихъ птицъ; покупать, разводить и гонять голубей и имѣть лучшихъ бойцовыхъ куръ и пѣтуховъ.

~~~~~

Составилъ Милъ Зарудинъ.

—❁—

МОСКВА
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Арбатъ, д. Платонова.
1885.

24320-48

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Небольшое число изданныхъ сочиненій объ охотѣ, можно раздѣлить на два, почти діаметрально противоположныхъ отдѣла: одинъ изъ нихъ, чисто литературный, занимается исключительно художественной стороной охотничьяго дѣла и носитъ на себѣ поэтическую подкладку дѣла охоты, другой — по преимуществу технико-промышленный.

Кромѣ того, они не обнимаютъ собою *всѣхъ охотъ*, а занимаются исключительно рассмотрѣніемъ охоты на *нѣкоторыхъ только птицъ* какой либо мѣстности. Объ охотѣ же на птицъ и звѣрей другаго края, въ нихъ говорится очень мало. Слѣдовательно, на каждый родъ охоты нужно приобрѣтать отдѣльныя руководства.

Такимъ образомъ, изъ выраженнаго нами взгляда, видно, что на русскомъ языкѣ, до сей поры, нѣтъ ни одного изданія, въ которомъ были-бы совмѣщены обѣ стороны литературы охотничьяго дѣла, т. е. литературно - художественная съ технико-практическою.

Въ виду этого, мы рѣшились издать такую книгу, въ которой были-бы сгруппированы всѣ роды охотъ и которая удовлетворяла бы требованіямъ не только ружейнаго и псоваго охотника, но и птицелова, рыболова и другихъ. И въ этомъ отношеніи, смѣемъ надѣяться, что составленная нами книга: «Охотникъ и охота», можетъ быть полезна не только начинающему охотнику, но и старому.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Охота на болотную дичь. Стрѣлокъ-охотникъ. — Характеристика охотника и охоты. — Прилетъ и отлетъ птицъ. — Богота разныхъ видовъ. — Охота на бекасовъ, дупелей, гаршнеповъ, болотныхъ куликовъ, красноножку, щеголя, сороку, рѣчнаго кулика, травника, поручейника, черныша, фи-фи, поплавка, краснолобика, морскаго куличка, зуйку, песочника, куличка-воробья, болотнаго курахтана и курицу, погоныша, пиголицу, чибиса и др. . . . .

Стр.
1— 48

ГЛАВА II.

Охота на водныхъ птицъ и звѣрей. Разнообразіе водъ: рѣки и рѣчки, озера, пруды проточныя и непроточныя. — Обитатели водъ: лебедь, гусь, утка, кряква, чирокъ, сѣрая утка, свіязь, широконожка, нырокъ, чернь, гагара, гоголь, лысуха. — Бобръ, выдра, выхухоль и друг. . . . .

49— 77

ГЛАВА III.

Ловля рыбы. Совѣты начинающимъ ловить рыбу. — Лучшія мѣста для ловли. — Необходимыя принадлежности охоты. — Различныя насадки и прикормки. — Ловля хищныхъ рыбъ. — Ловля не хищныхъ рыбъ и проч. . . . .

78—113

ГЛАВА IV.

Охота на степныхъ звѣрей и птицъ. Степь. — Степныя птицы: дрофа, стрепеть, журавль, рябчикъ, крошкеникъ, сѣрая куропатка, красная куропатка, перепель, степная пиголица, горная куропатка, авдотка, тиркушка, саджа. — Звѣри: сайганъ, дзерель и джейрапъ, тушканчикъ, байбакъ, сусликъ, хомякъ, хорсаръ . . . . .

114—140

ГЛАВА V.

Охота на лѣсныхъ птицъ и звѣрей. Весна. — Лѣсъ и его обитатели. — Тага. — Птицы: вальдшнепъ, фазанъ, глухарь, тетеревъ-березовикъ, рябчикъ, бѣлая куропатка, вяхирь, клинтухъ, горлица; звѣри: лиса, олень, касуля, кабарга, кабанъ, заяцъ и др. . . . .

141—246

Г Л А В А VI.

Пѣвчія птицы, голуби и бойцовыя пѣтухи. О звукѣ птицъ. — Языкъ птицъ. — Соловей. — Малиновка. — Пѣночка. — Варакушка. — Горихвостка. — Славка. — Черношляпка. — Камышевка. — Завирушка. — Мухоловка. — Дрозды. — Скворецъ. — Трясогуска. — Кузнечикъ. — Жаворонки. — Ходулька. — Юла. — Овсянка. — Зябликъ. — Щеголь. — Рѣполовь. — Чечотка. — Чижъ. — Дубоноса. — Синица. — Щуръ. — Клестъ. — Свиристель. — Свигирь. — Иволга. — Перепелка. — Канарейки. — Ловля птицъ. — Голуби. — Бойцовыя пѣтухи. . . . . 247—327

Г Л А В А VII.

Техника ружейной охоты. Ружье (заряды, прицѣлъ, стрѣльба). — Бой ружья дробью и пулею. — Вѣрность выстрѣловъ. — Максимумъ боя ружья. — Отчего живить ружье. — Гильзы: австрійскія, прусскія, англійскія *Емля*. — Варшавскія Бекера. — Принадлежности охоты. . . . . 328—352

Г Л А В А VIII.

Лягавая собака. Значеніе собаки для охотника. — Породы лягавыхъ собакъ. — Англійскій пойнтеръ и сеттеръ. — Гордоновскій и Ирландскій сеттеръ. — Курляндская собака. — Выборъ щенковъ и воспитаніе. — Дрессировка собакъ въ комнатѣ. — Дрессировка (натаска) въ полѣ . . . . . 353—394

Г Л А В А IX.

Болѣзни собакъ. Первое условіе при болѣзни собакъ. — Бѣшенство. — Чума. — Падучая болѣзнь. — Воспаленіе въ легкихъ. — Воспаленіе желудка. — Глисты. — Зобъ. — Параличъ. — Капель. — Нарывы. — Течь. — Ушибы. — Чесотка. — Глазныя болѣзни. — Наросты. — Паразиты. — Яреніе. — Вывихи. — Бородавки. — Раны. — Поносъ кровавый. — Сапъ. — Тугой слухъ. — Подагра. — Жаба и проч. . . . . 395—415

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Охота на болотную дичь.

Стрѣлокъ-охотникъ.—Характеристика охотника и охоты.—Прилетъ и отлетъ птицъ. — Болота разныхъ видовъ.— Охота на бекасовъ, дупелей, гаршнеповъ, болотныхъ куликовъ, красноножку, щеголя, сороку, рѣчного кулика, травника, поручейника, черныша, фифи, полавка, краснолобика, морскаго куличка, зуйку, песочника, куличка-воробья, болотнаго журактана и курицу, погоныша, пеголицу, чибиса и др.

Чтобы быть охотникомъ, необходимо быть и стрѣлкомъ. Охотникомъ въ полномъ значеніи этого слова, сдѣлаться нельзя, имъ нужно родиться. Намъ быть можетъ замѣтить, что хорошій стрѣлокъ, есть въ то-же время и хорошій охотникъ... Неправда, отвѣтимъ мы. Неправда потому, что истиннымъ, дѣйствительнымъ охотникомъ сдѣлаться нельзя, какъ нельзя сдѣлаться художникомъ, артистомъ, поэтомъ... На это необходимо имѣть особенный талантъ, способность, которыя даются человѣку не путемъ искусства, а природой.

«Охота пуще неволи» говоритъ русская пословица и на этомъ основаніи, крестьянинъ смотритъ на странности охотника не съ насмѣшкой и призраніемъ, а съ любовью и уваженіемъ, такъ какъ видитъ въ немъ не «баловника», а настоящаго «завятаго» охотника.

Страсть къ охотѣ обладаетъ такою ужасающей силой, такимъ обаятельнымъ увлеченіемъ, что ее ничто не можетъ удержать и остановить. Это своего рода опьяненіе, угарь.... Охотникъ переноситъ всевозможныя лишения: голодный, холодный и усталый до истощенія силъ, сплошь и рядомъ довольствуется отдыхомъ на какойнибудь мокрой болотистой

почвѣ. А изъ-за чего? Изъ-за какой нибудь маленькой птички.

Жизнь охотника разнообразна также какъ природа: «то онъ путешествуетъ среди вѣковыхъ лѣсовъ и его обитателей, то онъ теряется въ безпредѣльной степи, какъ въ травяномъ морѣ, то онъ проходитъ по волнующемуся хлѣбу, и полные колосья привѣтливо киваютъ ему своими головками; то онъ заберется въ шумящіе тростники болота и очутится среди своеобразной болотной жизни»... Красоты природы увлекаютъ его, онъ наслаждается ею.

Дѣйствительный, или по народному выраженію «завзятый» охотникъ, не есть ли въ то-же время и наблюдатель. Посмотрите, какъ онъ подкравшись къ своей жертвѣ, стоитъ и любуется ею... Полюбуется, полюбуется, да такъ и уйдетъ, не сдѣлавъ выстрѣла. Онъ не промышленникъ—охотникъ, а охотникъ—любитель. Ему не нужна масса дичи, онъ бьетъ столько, сколько хочется. Онъ родился охотникомъ и умретъ имъ.

— И мы, говорятъ многіе, были когда-то охотниками, да теперь бросили охотиться.

Такіе господа называются только потому охотниками, что несутъ длинныя сапоги, да ходятъ съ ружьемъ и собакой.

Разнообразны охоты, разнообразны и охотники. Одни изъ охотниковъ привязываются къ какой нибудь одной охотѣ и отдаютъ ей преимущество предъ всѣми остальными. Другіе—наоборотъ, занимаясь своей любимой охотой, непрочъ иногда позабавиться и другой.

«На вкусъ и цвѣтъ, говорятъ, мастера нѣтъ», такъ и въ охотѣ: для охотника съ ружьемъ самое высшее наслажденіе—стойка сабаки; для псового — скачка борзыхъ; для охотника на звѣря—борьба съ страшнымъ своимъ противникомъ. Рыбакъ блаженствуетъ тогда, когда обманетъ рыбу и ее подсѣчетъ.

На охотѣ человѣкъ забываетъ всѣ житейскія невзгоды.

Въ такомъ дѣлѣ, какъ охота на дичь, очень важную роль играетъ прилетъ и отлетъ птицъ.

Безконечно долго тянется зима для охотника. Ждетъ онъ ее какъ Свѣтло-Христова Воскресенія и не дождется. Ярко

свѣтитъ съ неба мартовское солнце — такъ ярко, что лучи его, отраженные отъ снѣга и капелекъ воды, находящихся на снѣговой поверхности, совсѣмъ ослѣпляютъ, если долго глядѣть на нихъ. Въ воздухѣ тепло, слышится близость весны, съ крыши бѣжитъ вода, да и по дорогамъ около полудня, когда разогрѣетъ солнцемъ, журчатъ ручейки, унося съ собою грязь и соръ. На рѣчкахъ выступаетъ мѣстами вода; ледъ кое-гдѣ треснулъ и съ каждымъ днемъ все выше и выше поднимается къ берегамъ.

Въ это время года легче дышится, чаще и сильнѣе бьется сердце и, какъ будто, оживаетъ человѣкъ и вливается къ нему въ грудь новыя силы. Вокругъ него повсюду заражается жизнь, раздаются веселые свѣжіе звуки, самыя деревья какъ будто съ нетерпѣніемъ ждутъ чего-то; даже, вѣчно зеленя, угрюмыя ели и сосны, и тѣ имѣютъ праздничный видъ.

Въ густой тѣни лѣсной, куда мало достигають солнечные лучи, еще совсѣмъ свѣжо, — снѣгъ мерзлый... только кое-гдѣ виднѣются проталины, на которыхъ севозитъ прошлогодняя пожелтѣвшая травка.

Изъ дня въ день солвечные лучи припекають все сильнѣй и сильнѣй, крыши избъ и проѣзжія дороги отоляются отъ снѣгу; доморощенные воробушки, пригрѣтые солнышкомъ начинаютъ чирикать и полощутся въ лужахъ.

Съ наступленіемъ весны настаетъ прилетѣть птицы, первыми вѣстниками которой являются тетерева и начинаютъ токовать.

Въ южныхъ краяхъ нашего отечества прилетѣть птицъ идетъ съ конца февраля, но за раннее посѣщеніе иногда онѣ дорого расплачиваются. «Я видѣлъ, говоритъ, Радде, безчисленныя стада утокъ, сидѣвшихъ на льду по мелководнымъ заливамъ Сиваша. Я пробовалъ подойти на выстрѣлъ, хотя зналъ, что это не легко; утки заврякали, многія улетѣли, но большая часть осталась. Я подошелъ ближе, утки старались, но не могли летѣть. Голодъ и холодъ истощили ихъ; инныя лежали мертвыя, другія сидѣли неподвижно, спрятавши голову подъ крыло, или рѣже, протянувши шею; самыя бодрія взлетали; но пролетѣвши нѣсколько шаговъ, падали черезъ голову. Всѣ одурѣли, у всѣхъ кружилась голова; летѣли какъ-то бокомъ.

На первый день я взялъ только немногихъ мертвыхъ селезней кряквы. На другой день мы на одномъ мѣстѣ, въ полчаса собрали сто старыхъ кряковныхъ селезней; восемнадцать живыхъ селезней и двѣ утки были отнесены домой. Здѣсь, въ истопленной комнатѣ, они оставались нѣсколько часовъ, зажмурившись, спрятавши голову, неподвижно и не трогая положеннаго корма. Имъ влили въ горло воды со спиртомъ и это ихъ не оживило. Осталось въ живыхъ только четыре селезня.

На второй день связи, голубые нырки (солдаты) и шилохвосты были еще бодры. Продолжительный холодъ, впрочемъ, повредилъ и имъ, но гораздо менѣе, чѣмъ кряквамъ. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ на тѣ-же мѣста, погода была теплая, и широкіе, желтые потоки снѣжной воды впивались въ соленый Сивашъ. Голодные утки толпились у устьевъ этихъ потоковъ, но многихъ относилъ вода, и колыхаясь на поднимаемыхъ сѣвернымъ вѣтромъ волнахъ, онѣ вновь впадали въ прежній обморокъ. Въ сонномъ положеніи, не двигая ногами, онѣ носились по Сивашу и забивались подъ льдины. Тутъ гибли не однѣ кряквы, но и другія утки; только пѣганка, неизмѣнный житель Сиваша, оставался бодрой и по прежнему молча тянула надъ страждущей толпой. Бѣлохвостый орелъ и пугачъ нашли тутъ занятіе себѣ по сердцу, обклеывая множество дохлыхъ утокъ. Черезъ годъ еще были видны обильные слѣды тогдашняго мора.

Въ мартѣ мѣсяцѣ совсѣмъ другое дѣло для прилетныхъ птицъ. Морозовъ почти нѣтъ нигдѣ, одни только *утренники*, выражающіеся легкими морозцами и пропадающіе подъ первыми лучами весенняго солнца.

Въ этомъ мѣсяцѣ заморскіе гости летятъ цѣлыми тучами. Числа пятнадцатаго прилетаютъ грачи и долбятъ своимъ клювомъ землю, вытаскивая оттуда жирныхъ червячковъ. Въ концѣ второй половины марта летятъ яблники, оглашая рощи своими неумолкаемыми криками. Въ это же время прилетаютъ и скворцы, разстилаясь по полямъ, лугамъ и садамъ, нескончаемой вереницей. Солнечные лучи апрѣля мѣсяца съѣдаютъ послѣдніе остатки снѣга и весна начи-

наетъ выступать въ полномъ блескѣ и во всемъ своемъ величіи. Птица летитъ густыми, темными тучами день и ночь. Въ воздушномъ пространствѣ слышится неумолкаемый крикъ и свистъ летящей птицы. Въ концѣ апрѣля идетъ валовой прилетъ пернатыхъ жителей далекихъ странъ. Гуси и лебеди тянутъ иногда и раньше, но не присаживаются. Теперь появленіе ихъ становится чаще, летятъ не особенно высоко и опускаются на лоно разлившихся рѣкъ и озеръ. Въ подобныхъ случаяхъ охота на нихъ невозможна, на томъ простомъ основаніи, что къ нимъ нельзя ни подойти и не подѣхать. Послѣ лебедей и гусей тянутся чайки, утки, чибиса, кулики. Наконецъ, появился журавль и затѣмъ жаворонокъ, оглашая всю окрестность звонкими пѣснями. Весенняя вода сошла, луга и рощи зазеленѣли, защелкалъ соловей и закуковала кукушка.

Въ степныхъ губерніяхъ прилетъ птицъ начинается немного раньше, чѣмъ въ сѣверныхъ полосахъ. На югѣ весна коротка, не успѣешь глазомъ моргнуть, какъ ее и не бывало. Тамъ животныя и насѣкомыя развиваются чрезвычайно быстро, — все спѣшитъ вырости, плодиться... Весна смѣняется жаркимъ лѣтомъ, образуется засуха, растительность сохнетъ... и залетные гости перекочевываютъ, то на ближайшія возвышенности, то на степныя воды, словомъ въ тѣ мѣстности, которыя болѣе обезпечиваютъ ихъ кормомъ. Съ ними вмѣстѣ летятъ туда же и молодые выводки.

Хотя наши сѣверныя окраины не особенно привѣтливы, но его необозримыя тундры, съ цѣлыми облаками всевозможныхъ насѣкомыхъ и богатствомъ водъ, переполненныхъ сѣдобрными предметами, тянутъ туда громадныя массы гусей, лебедей и другой птицы. Но бѣдныя, онѣ во время линянія не могутъ летѣть и ихъ тогда ловятъ и бьютъ не сотнями, а цѣлыми тысячами.

Послѣ вывода дѣтенышей, птицы не поютъ и не щебечутъ. Онѣ начинаютъ заботиться о выращиваніи полинявшаго пера, чтобы съ новыми крѣпкими силами отправиться туда, откуда прилетѣли. Къ концу лѣта, поля, луга, лѣса, озера, начинаютъ какъ будто пустѣть, но это только кажется, въ

дѣйствительности же все биткомъ набито птицей. Приближается суровая осень, старыя птицы перелиняли, молодыя окрѣпли и выросли. Наступаетъ пора отлета, птицы чувствуютъ это и заблаговременно приготавливаются въ путь — дорогу, въ ту милую сторонку, гдѣ не живетъ Морозъ Морозовичъ.

Первыми отлетаютъ тѣ птицы, которыя къ намъ раньше прилетѣли. Щебетунья ласточка, прилетѣвшая въ концѣ апрѣля, въ концѣ августа летитъ уже по направленію въ Африку, пробѣгая это громадное пространство съ непонятною и непимовѣрною быстротой. Массы отлетающихъ птицъ постоянно держатся направленія горъ и рѣкъ и никогда не измѣняютъ своего маршрута.

Приготавливаясь къ долгому странствованію, птицы стараются отѣяться и въ это время бывають чрезвычайно жирны. Сначала онѣ тлнутся понемногу, небольшими стаями, но подъ конецъ осени онѣ собираются громадными тучами и, нпгдѣ не отдыхая, летятъ по направленію къ югу. Во время полета, птицы опускаются на землю на самое короткое время, чтобы подкрѣпиться только пищею и снова отправиться въ путь. Мелкія птички, сопровождаемыя ночными, крупными птицами, летятъ не особенно высоко отъ земли. Во время дня совершается полетъ тѣхъ птицъ, которые не боятся своихъ враговъ и могутъ дать имъ отпоръ. Въ большинствѣ случаевъ птицы летятъ массаами и, за рѣдкимъ исключеніемъ парами. Маленькія птицы летятъ кучами, гуси же и журавли въ своемъ полетѣ составляютъ уголь, боковыя стороны котораго расходятся въ ширь. Уставшая впереди и спящая птица, отлетая въ сторону, замѣняется другой. Воздухъ и вѣтеръ, въ странствованіяхъ птицъ и помогаетъ и препятствуетъ лету птицъ, смотря потому — попутный онъ, или непопутный. Для птицъ необходимъ встрѣчный вѣтеръ, онъ даетъ возможность держаться на воздухѣ и облегчаетъ ихъ полетъ. Вѣтеръ, душій взадъ птицъ, т. е. непопутный, утомляетъ ихъ, вслѣдствіе усиленнаго напряженія силъ.

Водныя птицы, какъ то гагары, крахали и другія, во время своего путешествія никогда не упускаютъ случая воспользо-

ваться водой для того, чтобы не летѣть, а плыть. Чертовы куры, коростели, перепела, говорятъ, тоже, въ извѣстныхъ случаяхъ пользуются водой.

Съ глубокаго сѣвера, во время большихъ холодовъ, въ среднія полосы Россіи прилетаютъ щуры, свиристели и нѣкоторыя другія птицы. Крошечныя пташки, какъ на примѣръ, щеглы, чижи, снигири всегда перелѣтаютъ изъ одного мѣста въ другое, постепенно подвигаясь въ теплую, южную сторону края.

Перелеты нашихъ лѣсныхъ пѣвцовъ постоянно совершаются въ дѣвственные, непроходимые лѣса Америки. Жаворонки и другія подобныя имъ птички посѣляются на поляхъ, тѣ, которыя жили у насъ въ кустарникахъ, живутъ въ нихъ и въ Африкѣ; болотныя птицы копышатся въ озерахъ и болотахъ Средиземнаго моря, нѣкоторыя плаваютъ въ роскошныхъ водахъ Нила. Любимымъ мѣстомъ зимовки птицъ всегда были прѣсно соленныя озера Средиземнаго моря. Воды этой мѣстности богаты разнообразной растительностью, множествомъ насѣкомыхъ и несмѣтнымъ количествомъ разныхъ рыбъ и водяными животными.

Вотъ въ какой далекой сторонѣ избрали себѣ пристанище тѣ птицы, которыя отлетаютъ изъ Россіи. Среди существующихъ тамъ озеръ, въ несмѣтномъ количествѣ плаваетъ разнородная птица. Гуси, лебеди, утки, пеликаны и другіе разноперые водные обитатели, сотнями тысячъ кипятъ и гогочуть на островахъ этого благодатнаго края. Громадную, темною массою, между камышей и топкимъ берегомъ островковъ бѣгаютъ и шумятъ: курицы, аисты, цапли, кулики и другіе, дугоносики и длинноносики и между ними чуть замѣтныя кулички. Возлѣ береговъ распнувшійся лѣсъ, представляетъ собой какую-то движущуюся массу, отъ неисчислимаго количества летающихъ и порхающихъ въ немъ птицъ. Поля засѣяныя хлѣбными злаками кишмя кишатъ гаршнепами, дупелями, бекасами и миллионами прилетающихъ и отлетающихъ куличковъ. Въ воздухѣ, какъ молнія, рѣютъ ласточки а въ выси небесной парятъ орлы, ястреба и другія хищныя птицы.

Но вотъ, февраль мѣсяць близится къ концу, наступаетъ пора весны и все пернатое царство радостно несется и летитъ къ намъ на родину въ свои оставленныя гнѣзда.

Переходя къ описанію охоты на болотную дичь, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самыхъ болотахъ.

Болотомъ называется всякое топкое мѣсто, даже луга, лежащіе около береговъ рѣкъ, озеръ и заливаемые въ половодье водою.

Болота бываютъ двухъ родовъ: *глузія* и *топкія*. Почва подобныхъ болотъ размокаетъ и становится иломъ, который отъ вліянія солнечныхъ лучей покрывается корой. Кора эта бываетъ очень обманчива — не дай Богъ стать на нее: выльзти назадъ врядъ-ли придется, такъ какъ она очень быстро засасываетъ въ себя свою жертву и не представляетъ ей никакихъ средствъ къ спасенію. Подобнаго рода болота почти постоянно окружены густымъ ельникомъ, не допускающимъ проникнуть ни одному солнечному лучу и до того пустынно, что ни одна птица не свиваетъ въ нихъ себѣ гнѣзда. Иногда такія болота бываютъ очень глубоки и мѣстами представляютъ видъ озера. Окраины этихъ болотъ всегда покрыты вышуклостями и верхушками; кочки, разсыпанныя по болоту, покрываются до такой степени густой и высокой растительностію, что ставши въ нее, видѣнъ только сводъ неба да маковки разрознагося камыша. Пробиравшись по такому болоту и прыгать по кочкамъ нужно очень осторожно — одинъ неловкій шагъ и неминуемая гибель. Но зато добравшись до середины, вы встрѣчаетесь съ массой водной дичи: утки, гуси, лебеди, цѣлыми сотнями высиживаютъ молодое поколѣніе.

Есть еще такъ называемыя *мокрыя* болота, которыя тянутся по направленію какой нибудь рѣчки, образующей вслѣдствіе разливовъ, *плѣса*, окруженныя на близкомъ разстояніи палочникомъ и ситовникомъ, а на дальнемъ — ольховыми и лозовыми кустарниками. Эти болота служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ болотныхъ куръ, вурочекъ, корастельковъ. На *плѣсахъ* вы видите утокъ, лысухъ, гагаръ, а по краямъ ихъ цапель.

Во время разлива берега рѣчки поростають осокой, а когда вода спадетъ, то на этихъ мѣстахъ образуется грязь, въ которой, отыскивая себѣ пищу, такъ любятъ копошиться разнообразные кулики и кулички. Болота такого рода самыя обыкновенныя и распространенныя, въ которыхъ особенно любятъ охотиться охотники. Недалеко отъ такихъ болотъ лежатъ и *потныя* болота, на которыхъ изобильно растущій мохъ, смѣшавшись съ луговой травой, представляетъ всѣ удобства для жизни обыкновеннаго чибеса. Но ни одно изъ болотъ не можетъ сравниться своей растительностію и богатствомъ пищи для птицъ, съ такъ называемымъ *лрвовымъ* болотомъ, которое во время весенняго разлива представляетъ собой необозримую водную гладь. Послѣ того, какъ полая вода сойдетъ, все пространство чрезвычайно скоро покрывается густой и высокой травой, а ямы съ оставшеюся въ нихъ водой, окаймленныя густымъ кустарникомъ, поростають болотными растеніями и служатъ лучшимъ мѣстомъ для размноженія насѣкомыхъ, составляющихъ лакомую пищу птицъ и птичекъ. Радостно и привольно по такому болоту мелькають въ весеннюю пору пестрые кулики, барашекъ носится въ воздухѣ, вдали заливається кроншнепъ... Есть еще *сухія* болота, но такъ какъ они не представляютъ собой ничего особеннаго для охотника, то мы объ нихъ и говорить не будемъ.

Самыми опасными болотами для охотника считаются *зыбунны* или заросшія озера. Озера, окруженныя лѣсомъ, не даютъ возможности вѣтру разносить появляющуюся заросль, а падающіе листья и водяныя растенія, перегнивая, образуютъ иль; затѣмъ появляется зелень и болотныя травы, которыя своими корнями, связывая иль, покрываютъ водное пространство зеленымъ пологомъ. По прошествіи не особенно долгаго времени, пологъ этотъ крѣпнетъ, и на столько твердо, что можетъ сдерживать на себѣ порядочную тяжесть. Ходить по такому болоту опасно потому, что на немъ бывають *окна*, т. е. заросшія мѣста, которыя раздѣляются на открытыя и закрытыя. Боже сохрани на что-нибудь засмотрѣться, и не замѣтишь, какъ попадешь въ *окошко*, изъ котораго безъ особеннаго случая или сторонней помощи и не вылѣзешь.

Теперь, читатель, мы займемся описаніемъ блотной дичи и охотой на нее.

Бекасъ. Его называютъ также *бараномъ*, *бараиномъ*, и, вѣроятно, потому, что во время токованья, когда онъ летитъ на призывной крикъ самки, въ воздухѣ отъ сотрясенія его перьевъ разносится звукъ, похожій на бляенье барашка.

Бекасъ гораздо мелче дупеля и очень похожъ на него. Опереніе почти такое же какъ у дупеля, но съ тою разницею, что у него брюшко, нѣкоторая часть зоба и груди бѣлыя, а не сѣрыя, а носъ и ноги немного длиннѣе, чѣмъ у дупеля. Глаза у бекаса на выкатѣ, мягкіе, темно-бураго, а ноги темно-розоваго цвѣта, хвостъ короткій.

У бекаса нѣтъ товарищей, онъ живетъ и прилетаетъ въ одиночку. Путешествія свои изъ дальнихъ странъ Египта и Индіи совершаетъ ночью, и потому охотникамъ рѣдко когда приходится видѣть его прилеты. Онъ никогда не живетъ въ сухихъ мѣстахъ, а вѣчно гнѣздится въ болотахъ.

Прилеты бекаса бываютъ въ началѣ апрѣля, а на югѣ немного ранѣе. Брэмъ ¹⁾ говоритъ, что бекасъ живетъ и на песчаныхъ берегахъ рѣкъ и бѣгаетъ по нимъ какъ истовый *песочникъ*. Нельзя не вѣрить въ этомъ случаѣ, такому авторитету, какъ Э. Брэмъ.

Лишь только обсохнутъ болота и станетъ зеленѣть травка, бекасы разобьются на пары и начинаютъ токовать ²⁾. Самецъ и самка, избравъ себѣ изолированный уголокъ болота, не подпускаютъ къ себѣ никого, и сами не залетаютъ къ другимъ, довольствуясь любовью другъ друга.

Бекасы токують не такъ, какъ токують дупеля. У нихъ нѣтъ общаго, сборнаго пункта для токованія, какъ это бываетъ у послѣднихъ. Избравъ уголокъ на какомъ нибудь болотѣ, онъ токуеть одинъ. Вспорхнувъ съ зеленой болотной кочки, бекасъ, съ быстротою молніи, поднимается въ небесную высь, и оттуда красивыми и смѣлыми полетами начинаетъ

---

1) «Жизнь птицъ».

2) *Токъ*, *токованье* значитъ мѣсто, въ которое слетаются самцы и самки во время спариванья.

прельщать самку, сидящую на какой-нибудь кочкѣ и слушающую съ удовольствіемъ то бляевье, которое несется сверху. Но вотъ ему слышится любовный призывъ и онъ стрѣлой и почти отвѣсно опускается къ самкѣ. Насладившись любовными восторгами, онъ начинаетъ весело бѣгать по болоту и не умолкаетъ кричать: «таку — такую, такую — такую»....

Когда самка сдѣлается матерью, что случается чаще всего въ первыхъ числахъ мая, тогда начинается спѣшное, усиленное приготовленіе гнѣзда. Для него всегда выбирается поросшая густою травой кочка, въ которой производится углубленіе и выкладывается сухой растительностію.

Самка кладетъ по четыре яйца зеленоватаго цвѣта съ темно-коричневыми крапками. Высиживаніе дѣтенышей всецѣло ложится на самку, а на долю самца падаетъ бляевіе, которымъ онъ утѣшаетъ свою милую половину. Дней черезъ 15—17-ть появляются на свѣтъ Божій маленькіе бекасики. До тѣхъ поръ, пока они малы, самецъ и самка берегутъ ихъ и держатъ въ кустахъ и топяхъ, а когда выростутъ крылья, переводятъ въ луговые болота.

Съ конца іюня или начала іюля молодыхъ бекасиновъ можно уже стрѣлять.

Въ то время, когда бекасиныя самки сядутъ на гнѣзда, около которыхъ остаются и самцы, — всѣ холостые бекасы разбиваются врознь по обыкновеннымъ кочковатымъ болотамъ, и начинается лѣтняя, мало-добычливая стрѣльба бекасовъ.

Бекасы послѣ вывода дѣтей, начинаютъ линять, не теряя способности летать. Послѣ линьки, снова появляются на старыхъ мѣстахъ, въ которыхъ и остаются до отлета. Въ это время они отѣждаются и становятся жирными.

Дѣятельность бекаса во время токованія проявляется въ сумерки, когда онъ бѣгаетъ и щетъ для себя, пищи, запуская свой носъ въ болотную землю и извлекая изъ нея червячковъ и насѣкомыхъ. Въ полдень его невидать.

Бекасы быстры въ своихъ побѣгахъ, плаваютъ и во время грозящей ему опасности даже нырять. Самки обладаютъ удивительною способностію переносить на хвостѣ яйца изъ одного мѣста въ другое. Покойному Н. А. Основскому, страстному

охотнику, одинъ его знакомый рассказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ самка переносила по одиночкѣ свои яйца съ потопленной кочки, на которой было гнѣздо, въ другое мѣсто на хвостѣ, распутивши его въ видѣ вѣера, а самецъ вталкивалъ или вкатывалъ ихъ на хвостъ.

Обладая хорошей силой, прилетный бекасъ, превосходно, мастерски умѣетъ летать. Онъ лишь только подыметъ къ верху, какъ въ ту же секунду кидается въ сторону, сдѣлаетъ нѣсколько зигзаговъ и затѣмъ какъ молнія бросается впередъ; опишетъ дугу и опять опустится на то мѣсто, съ котораго поднялся. Охотникъ, какъ говорится, долженъ смотрѣть въ оба, иначе не успѣешь моргнуть глазомъ, какъ бекасъ будетъ находиться далеко отъ выстрѣла.

Переходя къ описанію охоты на бекаса, мы считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ о собакѣ, которая если въ извѣстное время охоты и не приноситъ пользы, то и не вредитъ.

Съ начала прилета бекасовъ ихъ много не настрѣляешь, они бываютъ въ это время очень строги и держатся далеко отъ своего преслѣдователя. Въ это время собака существенной пользы мало приноситъ, такъ какъ бекасъ стойки не держитъ; точно также она и во время токованья не особенно нужна. Въ остальное же время охоты безъ собаки шагу сдѣлать нельзя. Хорошій песъ въ охотѣ великое дѣло.

«Купленная мною собака говоритъ Н. В. Киреевскій ¹⁾, была совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: отлично выдрессирована, неутомима, съ отличнѣйшимъ чутьемъ и крѣпкой стойкой. Все это для молодого охотника было чистымъ кладомъ,— и не прошло года, какъ я уже могъ называть себя стрѣльцомъ и бивалъ по 7 и 8 бекасовъ безъ промаха; но стрѣлялъ и стрѣляю почти на вскидку постоянно». «Странно», говоритъ онъ далѣе, «что до сихъ поръ я не могу стрѣлять сидячую птицу, т. е. немогу долго цѣлиться; и вотъ примѣръ моей быстрой стрѣльбы: я шелъ по срединѣ рукава большаго болота; два егеря слѣдовали по окраинамъ его; изъ-подъ каж-

---

¹⁾ Изъ воспоминаній стараго охотника.

даго, одновременно, вылетѣло по бекасу; не успѣли они вскинуть ружей, какъ я уже повалилъ бекасовъ».

Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы поговоримъ о собакахъ поподробнѣе.

Когда нѣтъ увѣренности, что не убьешь птицу, то лучше не стрѣлять. Бьютъ бекасовъ обыкновенной бекасиной дробью, мелкой, но бьютъ также и крупной: четвертымъ и даже пятымъ номеромъ. Мелкой дробью, скорѣе попадешь въ бекаса, но такъ какъ этотъ летунъ постоянно кружится и держится очень высоко, то № 9-мъ скорѣе ранишь, чѣмъ убьешь. Хорошіе результаты стрѣльбы бекасовъ всегда проявляются во время ихъ токованія.

Самая лучшая охота за бекасами, это — съ начала августа до половины сентября. Чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ они жирнѣе. До начала августа молодыхъ бекасовъ стрѣлять положительно не слѣдуетъ: стрѣльба слишкомъ проста и легка и мясо не особенно вкусно.

Самые удачные и блистательные выстрѣлы бываютъ тогда, когда бекасъ играетъ вверху, не опасаясь присутствія охотника, потому что, завидя охотника, онъ сейчасъ поднимется выше. Въ подобныхъ случаяхъ можно дробь употреблять № седьмого, которая будучи крупнѣе № девятого, летитъ дальше и бьетъ крѣпче. Мѣра для выстрѣла должна быть немного болѣе шестидесяти шаговъ. Стрѣлять слѣдуетъ только въ ту минуту, когда бекасъ летитъ прямо надъ головой, поэтому необходимо поставить ружье совершенно перпендикулярно. Застрѣленный бекасъ падаетъ изъ-подъ небесъ медленно и винтообразно. Въ случаѣ опасности, бекасъ сейчасъ ляжетъ и вытянется по землѣ. Рѣдко увидишь и еще рѣже убьешь сидячаго.

«На охотѣ за бекасами, говорить г. Аксаковъ ¹⁾, были со мной два странные случая. Одинъ разъ ударилъ я бекаса вверху, и онъ, тихо кружась, упалъ въ десяти шагахъ отъ меня съ распростертыми крыльями на большую кочку; онъ былъ весь въ виду, и я, зарядивъ ружье, не торопясь подо-

---

¹⁾ Записки ружейнаго охотника.

шелъ взять свою добычу; я протянулъ уже руку, но бекасъ вспорхнулъ и улетѣлъ, какъ здоровый, прежде чѣмъ я опомнился. Въ это время бекасы были рѣдки; выстрѣлъ былъ отличный, и мнѣ была очень досадна эта потеря.

Въ другой разъ собака подала мнѣ застрѣленнаго бекаса; я взялъ его и, считая убитымъ на-поваль, бросилъ возлѣ себя, потому что заряжалъ въ это время ружье; бекасъ, полежавъ съ минуту, также улетѣлъ и даже закричалъ, а раненныя птицы не кричатъ.

Для предупрежденія такихъ досадныхъ потерь, я принялъ за правило всегда прикалывать живую птицу. Совѣтую и всѣмъ охотникамъ дѣлать тоже, и дѣлать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то-есть такъ, что перо не попадетъ въ мозгъ, а угодить какъ нибудь мимо, также можетъ улетѣть, что со мной случалось не одинъ разъ, особенно на охотѣ за осенними тетеревами».

Такихъ и тому подобныхъ случаевъ на охотѣ бываетъ очень много. «Однажды, говоритъ Вавиловъ, слышавши токующаго бекаса, я направился къ нему и скоро увидѣлъ его мелькающаго въ голубой выси. Ружье у меня было заряжено девятымъ номеромъ и я полѣнился переряжать. Улучивъ удобное мгновенье, я выстрѣлилъ, но не поцалъ, бекасъ какъ будто не замѣтилъ моего нападенія и продолжалъ свою забаву. Выстрѣломъ изъ втораго ствола однако я его задѣлъ, такъ какъ онъ тотчасъ же пересталъ токовать и полетѣлъ въ сторону. Я опершись на ружье не спускалъ съ него глазъ и началъ уже терять его изъ виду, какъ вдругъ онъ повернулъ въ другую сторону и началъ приближаться ко мнѣ, но не прямо, а описывая огромную дугу. Черезъ минуту онъ очутился надъ моей головой, распустилъ крылья и плавно сталъ опускаться по спиральной линіи внизъ, еще нѣсколько секундъ и онъ съ распростертыми крыльями, упалъ на кочку. Я подбѣжалъ къ нему, взялъ его въ руки... Онъ уже умеръ.

Что бекасъ, смертельно раненый, еще долго леталъ, въ этомъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, подобные случаи бывали со мной, да и съ другими охотниками не разъ. Но удивительно тутъ то, что бекасъ, сдѣлавши громадный кругъ,

воротился умереть на то мѣсто, откуда я въ него стрѣлялъ».

Охота на бекасовъ прекращается съ того времени, какъ самки засядутъ въ гнѣзда. Антрактъ продолжается до тѣхъ поръ, покуда молодые бекасики не выростутъ, а старыя не перелиняють.

Охотникъ никогда не долженъ горячиться и рыскать за перепархивающими бекасами, а спокойно, не торопясь осматривать каждую кочку, каждый кустикъ. Стрѣльба другое дѣло, она требуетъ проворства, ловкости и снаровки.

Охоту можно производить цѣлыми обществами, и если оно не особенно многочисленно и всѣ стрѣлки истинныя охотники, то она можетъ быть очень счастлива и пріятна. Но для такихъ охотъ нужно выбрать болота, чтобъ они не были топкія, зыблющіяся подъ ногами, а твердыя, покрытыя частыми кочками и мелкими кустиками, не мѣшающими стрѣльбѣ.

Самое же лучшее охотиться одному или вдвоемъ.

Нѣкоторыя изъ бекасовъ иногда не отлетаютъ до самыхъ заморозковъ. Вѣроятно, это тѣ бекасы, которые позднѣе другихъ вывелись или заболѣли. Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что поздняго бекаса никогда не убьешь сытаго, жирнаго.

Поэтому случаю, мы не можемъ удержаться, чтобы не привести разсказа г. Аксакова, который, между прочимъ говоритъ о томъ, какъ много значить имѣть на охотѣ хорошую собаку.

«Самаго поздняго бекаса, и нехудаго, я убилъ 18-го октября, въ степи, около небольшой осенней лужи, когда уже лежалъ мелкій снѣжокъ. Я шель на лыжахъ (въ Оренбургской губерніи) по берегу рѣки Бугуруслана и искалъ нырковъ, которые съ прудоваго материка полетѣли вверхъ по рѣкѣ. Вдругъ изъ подъ крутаго берега, гдѣ впадалъ ручеекъ, изъ ближняго родника, съ крикомъ вырвался бекасъ. У меня отъ такой неожиданности, какъ говорится, сердце оторвалось; я выпустилъ было драгоценную добычу изъ мѣры, но, опомнившись, выстрѣлилъ... Стволъ былъ заряженъ рябчиковою дробью, одна дробинка повредила правое крыло у корня двухъ послѣднихъ перьевъ; бекасъ пошелъ къ низу и упалъ на отлетъ — сажень на сто на противоположномъ берегу рѣки и

быстро побѣжалъ по стеклянному насту, подпрыгивая и подлетывая... Собака не рѣшалась броситься съ крутого, высокаго снѣжнаго берега въ рѣчку; я приходилъ въ отчаяніе; но умное животное обѣжало на мостъ за полверсты, поймало и принесло мнѣ бекаса, не помявъ ни одного пера... Радость была неописанная».

Вообще, чѣмъ болѣе представляется трудности въ охотѣ, тѣмъ болѣе требуется искусства отъ того, кто охотится.

Всякій, кто только порядочно стрѣляетъ и не лѣнивъ, всегда можетъ набить порядочное количество птицы.

Дупельшнепъ или дупель. Мы первое мѣсто отвели бекасу, но, вѣроятно, съ нами въ этомъ, старовѣры охоты не согласятся, которые отдають предпочтеніе дупелю и ставятъ его на первый планъ охоты. Быть можетъ, это происходитъ отъ того, что дупель почти въ двое крупнѣе бекаса, жирнѣе и вкуснѣе, выносить стойку и подпускаетъ къ себѣ ближе охотника и собаку; летитъ несравненно тише и прямѣе бекаса. Мы же отдаемъ предпочтеніе бекасу потому, что онъ быстрѣе въ полетѣ и его гораздо труднѣе убить, чѣмъ дупеля.

Дупель съ бекасомъ на столько сходенъ, что съ разу и не различишь, если не обратишь вниманіе на величину или на брюшко дупеля, которое у него сѣро-пестрое, а не бѣлое, какъ у бекаса. Шея, ноги и носъ дупеля короче бекасиныхъ. Голова дупеля чрезвычайно красива и рѣзко выдѣляется между головами другой болотной дичи. Глаза большіе, немного приподняты назадъ и подступаютъ ближе къ верху черепа. Клювъ въ основаніи толстый, въ вершинѣ тонкій и особенно вѣпкокъ. Конецъ носа испещренъ небольшими рубчиками. Ноги не особенно длинны, слабыя и всегда согнутыя. Пальцы ногъ свободны и перепонкою не связаны. Крылья широкія, но короткія и на концахъ закруглены. Перо дупеля плотно прилегаетъ къ тѣлу. Верхняя часть тѣла и крылья темно-коричнево-сѣроватаго цвѣта. Ноги зеленоватя, словомъ все опереніе чрезвычайно подходитъ подъ цвѣтъ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ.

Дупеля показываются позднѣе бекасовъ и иногда одною, а другой разъ и двумя недѣлями. Они прилетаютъ въ боль-

шинствѣ случаевъ въ концѣ апрѣля или началѣ мая .и садятся на кочковатыя, потныя низменности, размокшія луговины, на залежи, покрытыя высокимъ бастыльникомъ и на загоны съ прошлогоднею жнивой.

Дупель взлетывая производитъ крыльями шумъ или шорохъ, по которому опытные охотники всегда отличаютъ его отъ бекаса, хотя бы онъ вылетѣлъ сзади; но потомъ летитъ тихо, такъ что его глухаго покрякиванья не слышать и садится гораздо скорѣе, чѣмъ бекасъ. Прилетаютъ они въ одиночку, парами и иногда соединяются въ стада вмѣстѣ съ гаршнепами и бекасами. Такія соединенія называются *высытками*, на которыя охотникъ можетъ натолкнуться только случайно. Счастливъ тотъ, кто попадетъ на такой *высытокъ* — успѣвай только заряжать ружье. Послѣ весеннихъ высыпокъ дупеля занимаютъ свои болота съ кочками, кустиками, — и начинаютъ слетаться по вечерамъ на тока, на которыхъ и остаются всю ночь. Токованіе идетъ всю ночь. Дупеля токують почти одинаково съ тетеревами, съ тою только разницею, что не бормочутъ и не издають звука. Распустя кокетливо хвостъ и крылья, дупель, употребляетъ всѣ усилія, чтобы своимъ граціозными движеніями расположить къ себѣ самку.

Съ заходомъ солнца, на ровномъ, сухомъ мѣстѣ и по большей части на полянѣ, поросшей черемихою, между большими кустами, дупеля гоняются другъ за другомъ, припрыгиваютъ и горячо иногда дерутся за обладаніе пернатой красавицы — пухъ и перья только летятъ. Бываетъ и такъ, что во время драки, какой нибудь ловкій волокита, пользуясь сумятицей наслаждается любовными ласками самки. Наконецъ, изъ дерущихся кто-нибудь взялъ верхъ и спѣшитъ къ той, изъ-за которой подвергалъ свою жизнь опасности, но увь, ужъ поздно...

Токованье начинается съ первыхъ чиселъ мая и продолжается почти до половины іюня. Оплодотворенныя самки засѣли ужъ въ гнѣзда, а самцы все еще продолжаютъ летать на токъ, наконецъ, какъ бы убѣдившись, что прошедшее невозвратно, удаляются въ крѣпши и тамъ линяють, не теряя, впрочемъ, способности летать.

Напавши на мѣсто дупелинаго тока, охотникъ засядетъ еще съ вечера за кустъ и выжидаетъ того времени, когда дупеля начнутъ токовать. На токъ слетается дупелей масса и охота на нихъ въ это время бываетъ чрезвычайно добычлива. Они то и дѣло подвертываются подъ выстрѣлъ — успѣвай только поворачиваться.

Дупеля во время токованія вечернимъ выстрѣломъ особенно не испугаешь.

Темнота на самое короткое время останавливаетъ охоту, но лишь только блеснетъ заря, какъ можно снова заняться охотой. Во время полнаго разсвѣта дупелей приходится иногда бить изъ подъ собаки, но по утрамъ они отъ выстрѣла разлетаются въ глухія мѣста болотъ, въ которыхъ и остаются до вечера. «Мнѣ не нравится, говоритъ Аксаковъ, эта охота, хотя она заманчива тѣмъ, что требуетъ отъ стрѣлка много ловкости и проворства. Главное въ ней условіе острота зрѣнія, а я никогда не могъ имъ похвалиться. Притомъ гораздо болѣе дупелей поранишь, чѣмъ убьешь наповаль, да часто не найдешь и убитыхъ, потому что охотникъ не выходитъ изъ скрытнаго мѣста до окончанія охоты, и тогда только собираетъ свою добычу. Очевидно, что во время стрѣлбы собака не нужна; поутру необходимо употреблять ее для отысканія убитыхъ и подбитыхъ дупелей, которые иногда имѣютъ еще силы отойдти довольно далеко. Въ заключеніе скажу, что мнѣ показалось какъ-то совѣстно убивать птицу пьяную, безумную, вслѣдствіе непреложнаго закона природы, — птицу, которая въ это время не видитъ огня и не слышитъ ружейнаго выстрѣла!»

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго охотника, но спрашивается, кто изъ стрѣлковъ устоитъ отъ того соблазна, который представляется ему въ это время.

Въ Оренбургскомъ краѣ, Мордва, Чуваша и Татары ловятъ дупелей во время токованія такъ называемыми *поножами*, или *сильями*, и лишь только дупель попадетъ въ эту импровизированную сѣтку, какъ начинаетъ биться — товарищи, накидываются на него и начинаютъ бить, запутываясь сами въ этой сѣткѣ.

Самка сидитъ на яйцахъ крѣпко, такъ крѣпко, что ее можно брать руками. Дней черезъ 17—18-ть появляются детеныши въ пухѣ, ржаваго цвѣта, съ черными или бурыми пятнышками. Черезъ нѣсколько дней (7—8) по выходѣ изъ яйца удетенышей вмѣсто пуха начинаютъ появляться перья, а недѣли черезъ двѣ они уже припархиваютъ. До совершеннаго возраста, т. е. до тѣхъ поръ покуда молодые дупеля не могутъ летать, родители держатъ ихъ въ густой и высокой травѣ.

Въ сумеркахъ, а пожалуй и во всю ночь, дупель отыскиваетъ себѣ пищу — днемъ онъ этимъ никогда не занимается. Добываетъ онъ ее преимущественно въ темныхъ, тихихъ мѣстахъ, засовывая въ рыхлую землю свой клювъ и извлекая оттуда червей, гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ. Въ этомъ ему помогаетъ клювъ, конецъ котораго имѣетъ нервы и прикосновеніе къ которымъ насѣкомыхъ онъ моментально чувствуетъ.

Послѣ линянія дупеля сваливаются въ большія болота вмѣстѣ съ бекасами и остаются въ нихъ до своего отлета, т. е. до сентября. Они въ это время не крѣпки и слабы къ ружью, а во время ожирѣнія онъ даже неохотно подымается и стойку собаки выдерживаетъ крѣпко.

Во время свалки дупелей съ бекасами, ихъ хорошо стрѣлять дробью № девятый. Отпускать дупеля отъ себя нужно на такое разстояніе, чтобы не сдѣлать промаха и не разбить птицы.

Мирныхъ и не напуганныхъ выстрѣлами дупелей можно травить ястребами. Ястребъ всегда догонитъ дупеля, если онъ вскочитъ не дальше шести или семи шаговъ. Во время ожирѣнія они допускаютъ очень близкую стойку собаки.

Лица, занимающіяся охотою съ промышленной цѣлью, ловятъ дупелей сѣтями, наволакивая сѣть тогда, когда надъ дупелемъ стоитъ собака. Есть и другія способы ловли, но мы объ нихъ говорить не станемъ, такъ какъ подобный родъ охоты не входитъ въ планъ нашего изданія.

Въ заключеніе охоты на дупелей, мы приведемъ рассказъ стараго охотника.

«Не могу, говорить Н. В. Кирѣвскій въ своихъ расска-

захъ, исключить одного отличнаго поля, взятаго близъ дома: разъ я неосторожно позавтракалъ, такъ неосторожно, что вынужденъ былъ послать за докторомъ; въ это время гостилъ у меня короткій мой пріятель, большой охотникъ; онъ отпросился еще съ двумя, также жившими у меня, стрѣлками въ нетронутое болото на вечернее поле. Тогда употреблялись еще патронташи и съ ними неразлучные кремни. Охотники дали мнѣ слово не брать на ружье болѣе 24 патроновъ, — хотя послѣ и покаялись, что взяли по 48. Тяжело мнѣ было отпустить злодѣевъ на подвигъ; я отпивался мятой, а они крошили дупелей. Къ захожденію солнца триумвиратъ возвратился и выложилъ изъ яхдташей 78 дупелей, разстрѣлявъ всѣ заряды. Зрѣлище это какъ специфическое лекарство, исцѣлило меня мгновенно, хоть я называлъ это душегубствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горѣлъ нетерпѣніемъ превзойти товарищей въ кровопролитіи. Цѣлый вечеръ прошелъ въ толкахъ о прошедшей и предстоящей охотѣ на завтра. Микстура полетѣла въ окошко, патроны набивались, кремни справлялись. На другое утро все поднялось и отправилось на вчерашнее болото: подѣхавъ къ мѣсту, мы соскочили съ дрогъ и разровнялись по сухому, кочковатому выгону, находящемуся между двухъ селъ, видныхъ теперь съ моего балкона. Пройдя менѣе версты, мы сошлись на мельницѣ и, обревизовавъ яхдташи, нашли въ нихъ 50 дупелей, за упокой которыхъ и выпили. Когда мы перебрались черезъ плотину и части конопляника, то глазамъ нашимъ открылось одно изъ лучшихъ въ старину болотъ, покрытое свѣжей атавой. Мы развернули фрунтъ; я былъ на правомъ флангѣ; *Фельдманъ* *) мой заискалъ и шомполъ не переставалъ прибавать новые пыжи, а яхдташъ наполняться дупелями. Опять пройдено было не болѣе версты, опять собрались мы, но уже не къ мельницѣ, а къ палаткѣ и къ выѣхавшей съ обѣдомъ кухнѣ; опять осмотрѣли яхдташи, въ которыхъ оказалось еще 60 дупелей. Тутъ кафтаны подетѣли долой, бутылки зазвенѣли и отдыхъ, т. е. непрерывающійся говоръ, споръ и хвастовство были продолжительны. Обѣдъ былъ съѣденъ исправно, выпито еще

*) Кличка собакѣ, о которой мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

лучше. Нѣкоторые товарищи отъ утомленія, а, можетъ быть, и отъ частаго употребленія гостовъ, храпѣли, добывая во снѣ улетѣвшихъ долгоносыхъ. Наконецъ, видя, что солнце уже низко, я скомандовалъ: «вставай!» и ватага поднялась на ноги, которыя не у всѣхъ еще были тверды, но отставать никому не приходилось. И какъ ни плохо стрѣляли мы послѣ обѣда, но убили еще 26 штукъ, и съ 136 вернулись пить чай на скромномъ моемъ балкончикѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось и щепокъ».

Вотъ какъ охотились въ старину съ кремневыми ружьями.

Гаршнепъ-волосяной куликъ. Онъ, вдвое меньше бекаса и очень схожъ съ дупелемъ, а перомъ съ тѣмъ и другимъ, за исключеніемъ пестрины, которая у него на спинѣ немного темнѣе и красноватѣе и имѣетъ сизо-зеленоватый, точно металлическій отливъ; кожа на шеѣ мясистая и толстая, на которой растутъ длинныя перушки и косички. Онъ постоянный житель топкихъ болотъ, поросшихъ кустиками камыша. Сладкіе корешки болотныхъ травъ и въ особенности молодаго камыша, козявочки, червячки и нѣкоторыя другія, составляютъ его любимыя блюда.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, гаршнепъ прилетаетъ въ одно время съ дупелемъ и вмѣстѣ съ нимъ показывается на высыпкахъ, послѣ которыхъ занимаетъ излюбленныя имъ мѣста топкихъ болотъ. Избранныхъ мѣстъ однажды онъ никогда не мѣняетъ. Въ моментъ прилета и отлета онъ только *присаживается* на озера, пруды а иногда на большія лужп.

Какъ гаршнепъ размножается и токуеть-ли онъ, навѣрное неизвѣстно. Извѣстно только то, что онъ вскорѣ по прилетѣ куда-то пропадаетъ и появляется въ августѣ, а иногда и въ сентябрѣ съ молодыми уже выводками. Есть предположеніе, что гаршнепы для вывода дѣтей *забираются* въ непроходимыя и недоступныя окрестныя болота, лежащія по близости тѣхъ мѣстъ, куда они прилетѣли. Доказательствомъ тому можетъ быть случай, о которомъ говоритъ Ваксель *). Ему однажды удалось найти (въ началѣ іюня мѣсяца) дѣтеныша гаршнепа.

*) Карманная книжка для охотниковъ.

«Онъ еще, рассказываетъ Ваксель, не леталъ и былъ такъ смѣшно малъ, что болѣе походилъ на какого-то долгоносаго паука въ пуху, чѣмъ на птицу, и если бы не находились при немъ его старики, то едва-ли я догадался бы, что онъ принадлежить къ числу красной дичи».

Во всякомъ случаѣ, вопроса о томъ, куда и зачѣмъ по своемъ прилетѣ скрывается гаршнепъ, рѣшить въ положительной формѣ нельзя, такъ какъ порядочная доля ихъ не скрывается, а остается на мѣстѣ своего прилета.

Прилетъ и отлетъ гаршнеповъ совершается не разомъ, а въ одиночку. Эта птичка какъ и вся остальная благородная дичь, скорѣй всего ночная, чѣмъ дневная. Чѣмъ долѣе держится осень, тѣмъ онъ больше жирѣетъ. Бывали случаи, что гаршнепъ встрѣчался охотникамъ около зимняго Никола. Конечно, такіе случаи очень рѣдки, но всетаки они бывають, а это не говоритъ ли въ пользу того мнѣнія, что гаршнепъ требуетъ еще много наблюдений...

Въ Вестфалии и Помераніи находили гнѣзда гаршнепа, которія состояли изъ маленькихъ ямокъ, вырытыхъ на бугоркахъ и выложенныхъ сухою растительностію, въ которыхъ помѣщалось по четыре яйца, очень схожихъ съ бекасиными, но немного глаже ихъ.

Гаршнепъ летаетъ очень быстро и превосходно плаваетъ. Залученныя и размокшія отъ дождей поля Индіи, Египта и Греціи служатъ лучшими и любимыми мѣстами гаршнеповъ, во время зимовки.

Вечеромъ иногда гаршнепъ издаетъ звукъ, похожій на «киць, киць». Во время же токованья птицъ онъ какъ будто поетъ, производя непрерывные звуки въ родѣ «те те те тете»...

Во время вѣтра гаршнепа бить очень трудно на томъ основаніи, что онъ, не имѣя возможности бороться съ вѣтромъ, едва держится въ воздухѣ и несется вѣтромъ точно пухъ. Неувѣренный въ силѣ своихъ крыльевъ, онъ лежитъ крѣпче дупеля, и взлетаетъ почти изъ — подъ самага носа собаки. Въ безвѣтренное время полетъ его плавень, тихъ. Во время вѣтра лучший моментъ для стрѣльбы въ гаршнепа тотъ, когда онъ, противодѣйствуя вѣтру, останавливается въ воздухѣ.

Гаршнепа въ лѣтнюю и весенюю пору много не настрѣляешь, зато во время вывалокъ, осенью, бей, какъ говорится, сколько хочешь. Дробь для стрѣльбы этой маленькой птички нужно употреблять мелкую № 10—11-й.

Мясо гаршнепа очень вкусно, и осенью чрезвычайно жирно. Его готовить непотрошеннымъ — такъ онъ хорошъ.

Въ заключеніе мы должны сказать о гаршнепѣ, что онъ съ начала прилета стойку собаки выдерживаетъ не особенно долго.

Этимъ описаніемъ мы заканчиваемъ три вида одной породы птицъ.

Болотный куликъ. Кромѣ этого имени онъ очень много носить другихъ названій: жеребчикъ, сукалень, авдотка, авдошка, авдотья, веретенникъ, неттигиль и проч. *Веретенникомъ* его называютъ будто потому, что крикъ похожъ на слово: веретень, веретень! Болотный куликъ ростомъ съ голубя, голова небольшая, носъ и ноги чрезвычайно длинны, средній палецъ на ногахъ гораздо длиннѣе другихъ и соединенъ съ вѣшнимъ пальцемъ маленькою перепонкою. Крылья острия, узкія и длинныя. Перо желтовато-красноватое. Хвостъ короткій и немного закругленъ. По виду болотный куликъ кажется больше того, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

Прилетъ болотныхъ куликовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, бываетъ въ половинѣ апрѣля. Они летятъ стаями и по прилетѣ разъединяются на пары. Они очень крѣпки и живы.

До тѣхъ поръ, покуда не сольетъ полая вода, кулики бродятъ около озеръ, прудовъ и другихъ мокрыхъ мѣстъ. Но лишь только пообсохнетъ, они немедленно удаляются въ тѣ болота, гдѣ жили въ прошлое лѣто.

Во время половодья, ихъ стрѣляютъ съ подхода, съ подбѣзда и сидячихъ. Въ это время они жирны и смиренны.

Разъ поселившись на какомъ либо болотѣ, они постоянно на немъ живутъ и только въ крайнихъ, нечаянныхъ случаяхъ перемѣняютъ мѣсто своего жительства. Болотные кулики не особенно разборчивы въ удобствахъ жизни: грязное, топкое, кочковатое, мокрое или сухое болото, — для нихъ это все равно лишь бы подальше отъ людей.

У болотныхъ куликовъ токовъ, не бываетъ. На излюблен-

номъ болотѣ они устраиваютъ гнѣзда не особенно затѣйливой архитектуры: простая ямка въ какойнибудь кочкѣ выкладывается корешками, стебельками и другой растительностью. Самецъ помогаетъ самкѣ во всемъ, даже въ высиживаніи яицъ, которыхъ самка кладетъ по четыре штуки, каждое величиной немного менѣе куриного, а формой и цвѣтомъ какъ дупелиное.

Во время сидѣнія самки на яйцахъ, самецъ исполняетъ обязанности самаго усерднаго и бдительнаго сторожа. Но нерѣдко это излишнее усердіе губитъ его и его семейство. Крикомъ и летаньемъ около гнѣзда онъ указываетъ дорогу, безжалостному охотнику. Высиживанье тянется не долѣе трехъ недѣль. Маленькіе куличата не успѣютъ еще хорошенько обсохнуть, по выходѣ изъ яйца, какъ начинаютъ уже бѣгать и искать себѣ пищу. Пушокъ на нихъ желтовато-сѣраго цвѣта. Самка съ самцомъ держатся съ ними въ болотѣ до тѣхъ поръ, покуда они не окрѣпнутъ; а затѣмъ ужъ выводятъ ихъ въ сухіе луга и хлѣбныя поля, въ которыхъ они подростутъ и получаютъ возможность летать. Старпки же за это время успѣютъ перелинять.

Молодыхъ куликовъ, когда они держатся въ высокой травѣ или хлѣбномъ полѣ, можно бить изъ подъ собаки, точно также какъ дупелей. Собаку они подпускаютъ къ себѣ очень близко и нерѣдко выдерживаютъ стойку. Поднятые летятъ невысоко и недалеко; опускаются въ пустую траву и, притаившись, сидятъ смирно. Полетъ ихъ тихій, прямой — бить можно наверняка.

Въ концѣ іюля мѣсяца болотные кулики перелетаютъ отдѣльными выводками на новыя мѣста и преимущественно на отлогіе берега рѣкъ, озеръ, прудовъ. Въ августѣ ихъ невидать уже. Во время отлета куликовъ о правильной охотѣ и думать нечего. Собираясь въ громадныя стаи и дѣлаясь чрезвычайно строгими, стрѣльба въ нихъ можетъ быть только случайная.

Кулики имѣютъ привычку виться надъ убитыми товарищами. Поэтому никогда не слѣдуетъ скоро подходить къ застрѣленному кулику, а немного выждать. Кулики, не видя охотника, поднимаются на воздухъ, вьются надъ погибшимъ

товарищемъ и опускаются на землю. Тутъ выстрѣлы даромъ не пропадутъ.

Стрѣлять бѣдныхъ, безхитростныхъ, болотныхъ куликовъ въ то время, когда они сидятъ на яицахъ, безразсудно и безчеловѣчно. Они отъ всѣхъ куличьихъ породъ отличаются особенною горячностію къ своимъ дѣтенышамъ.

Проученныя кулики, какъ называютъ ихъ охотники, очень осторожны и бить ихъ чрезвычайно трудно. Для такихъ куликовъ не мѣшаетъ имѣть дробь покрупнѣе.

Вообще для стрѣльбы болотныхъ куликовъ употребляютъ дробь № 7 и 8-й и даже 9-й.

Замѣчательно то, что кулики не боятся лошадей и подпускаютъ ихъ на ружейный выстрѣлъ. Этимъ многіе пользуются. Бить куликовъ легко, подпускаютъ охотника близко и къ ружью не крѣпки.

Во всякомъ случаѣ стрѣляющій долженъ укрываться.

Мясо болотныхъ молодыхъ куликовъ очень пріятно на вкусъ.

Щеголь-красноножка. Называютъ эту птицу и иначе: большая красноножка, лознякъ темный. Но точнѣе и лучше всего, характеризуютъ два первыя названія. Красивый, складный, перомъ чистый; ноги длинныя, ярко-краснаго цвѣта; клювъ мягкій, длинный, съ роговой оконечностью; тѣломъ немного менѣе болотнаго кулика. Видомъ онъ кажется больше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ — точно также какъ болотный куликъ. Щеголь покрытъ темно-сѣрымъ, пепельно-дымчатымъ перомъ съ поперечными крапинками и полосками; шея и брюшко бѣловатыя.

Прилетъ щеголя бываетъ въ концѣ апрѣля, а иногда въ началѣ мая. Появляется онъ въ одиночку и рѣдко вдвоемъ; держится болотъ и топей сѣвера; на югѣ же появляется пролетомъ. Съ выводомъ дѣтей и перелинявши, щеголи летятъ въ южную сторону, въ которой и кочуютъ съ августа до послѣднихъ чиселъ сентября.

Щеголь очень силенъ, а въ сентябрѣ даже жиренъ. По крику, выражающемуся особеннымъ свистомъ, издаема можно узнать, гдѣ бродитъ щеголь. Онъ очень остороженъ, недоувѣрчивъ, и потому его много не набьешь.

Нѣкоторые охотники цѣнятъ его очень высоко и гоняются за нимъ, не зная устали, до тѣхъ поръ, пока не убьютъ или не потеряютъ изъ виду, пренебрегая всѣмъ куличьимъ обществомъ, которое его постоянно окружаетъ.

Вкусъ мяса отлетнаго щеголя чрезвычайно приятенъ.

Щеголь очень много имѣетъ общаго съ *улитомъ*, въ особенности голосомъ. Сплошь и рядомъ случается, что на крикъ щеголя летитъ улитъ и наоборотъ: на призывъ улита летитъ щеголь.

Любимыя мѣста щеголя: берега озеръ, прудовъ, рѣчныхъ заливовъ.

Грязовикъ. Онъ принадлежитъ къ породѣ крупныхъ куликовъ. Одѣтый ярко-красно-ржавымъ перомъ, съ продольными бураго цвѣта полоскамъ, онъ очень красивъ. Глаза бурые; клювъ красноватый съ черносѣрой оконечностью; поверхность туловища, плечей, спины черная, съ пятнами и каемками ржаваго цвѣта; хвостъ сѣрый, испещренъ мраморными полоскамъ; ноги черныя.

Прилетъ грязовиковъ одновремененъ съ болотными куликами. Держатся они не долгое время. По выводѣ дѣтей немедленно начинается отлетъ, такъ что во второй половинѣ августа ихъ нигдѣ не встрѣтишь. Послѣ линьки, цвѣтъ пера у грязовиковъ измѣняется: ярко-красный цвѣтъ смѣняется сѣрымъ; такъ что весь верхъ становится черно-бурымъ, а низъ бѣлымъ.

Они чрезвычайно любятъ воду и постоянно держатся болотъ, озеръ, рѣкъ и нерѣдко около нихъ ночуютъ.

Выводка дѣтей у грязовиковъ тождественна съ выводкой болотныхъ куликовъ. Тѣ изъ нихъ, которые почему-либо не нашли себѣ *пары*, или, говоря иначе, самку, кидаютъ болото и улетаютъ на берегъ моря, выжидая оставшихся товарищей, съ которыми и отправляются зимовать въ южную Европу, Африку и въ особенности къ озерамъ нижняго Египта.

Грязовикъ очень остороженъ; у него нѣтъ той довѣрчивости, какъ у болотнаго кулика. Завидя охотника, звѣря или животное, онъ быстро отлетаетъ, предчувствуя грозящую ему бѣду.

Для добычи пищи грязовики не ограничиваются берегомъ, но входятъ въ воду во всю длину своихъ ногъ. Они прекрасно плаваютъ, а въ случаѣ опасности ныряютъ.

Грязовиковъ не особенно легко стрѣлять, такъ какъ они летаютъ быстро, легко и очень ловко. По этому нужно употреблять лучшую дробь, 4 или 5-й №, а на дальнемъ разстояніи не мѣшаетъ пустить въ ходъ и 1-й №. Онъ никогда не садится на землю съ налета; опускаясь, онъ вытягиваетъ во всю длину ноги и быстро, безпрерывно машетъ крыльями, покуда не почувствуетъ подъ собою почву.

Крикъ грязовика во время слариванья похожъ на звукъ: «табіэ, табіэ»; въ остальное время голосъ его издаетъ что-то въ родѣ: «кеі, кеі».

Главную пищу грязовиковъ составляютъ гусеницы, черви и даже крошечные рачки и самая мелкая рыбка.

Улитъ большой (Лозникъ большой). Онъ очень строенъ, гордъ; ростомъ крошечку поменьше грязовика. Носъ длинный, твердый и загнутъ къ верху; ноги длинныя, голыя, сѣро-зеленаго цвѣта; глаза бурые, пальцы соединены перепонкою; голова небольшая. Поверхность улита покрыта черными перьями съ бѣлыми каемками; исподъ и надхвостье же совершенно бѣлаго цвѣта; сѣрый хвостъ украшенъ черными и бѣлыми пятнышками.

Улитъ по своему прилетѣ для устройства жилища выбираетъ болото или топъ на гладкой, открытой поверхности, такъ чтобы ему представлялась возможность обозрѣвать все пространство на далекое разстояніе. Лѣсной растительности онъ боится довѣряться.

Выбравъ подъ какимънибудь деревцомъ травянистый холмикъ, улиты приступаютъ къ постройкѣ гнѣзда. Самка кладетъ въ гнѣздо четыре яйца блѣдно-оливково-желтаго цвѣта съ буро-сѣрыми пятнами и массой чернобурыхъ точекъ и пятнышекъ. Во все время насиживанья яицъ, самецъ исполняетъ роль охранителя и утѣшителя своей подруги, преподнося ей звуки въ родѣ: «дядудл, дядудл, дядудл».

Дѣтеныши лишь только вылупятся и стануть на ножки, какъ начинаютъ уже бѣгать. Замѣтивъ какуюнибудь бѣду,

они прячутся въ травѣ, и такъ скрытно, что ни за что не найдешь.

У улитовъ послѣ линія цвѣтъ пера измѣняется точно также, какъ у грязовика. Поверхность спины становится темно-пепельно-сѣраго цвѣта съ черными каймами, стволикami и разбросанными по перу небольшими пятнышками.

Улитъ проходить большія пространства; шагъ его широкъ, походка быстрая. Будучи превосходнымъ пловцомъ, онъ очень легко переносится вплавъ съ одного берега на другой. Замѣчательно то обстоятельство, что онъ во время нырненья дѣйствуетъ подъ водой не одними ногами, но и крыльями. Полетъ улита прямой, быстрый. Онъ очень чутокъ — малѣйшій шорохъ его будить. Осторожность у улита развита до послѣднихъ предѣловъ, и его чрезвычайно трудно бить. Поднявшись въ высь, онъ не скоро опускается, и вообще отлетаетъ отъ охотника на такое разстояніе, что глазомъ не видать.

Въ виду такихъ способностей улита, совѣтуемъ употреблять лучшаго сорта дробь и тѣхъ же М.М., какіе предложены нами для стрѣльбы грязовика.

Улитъ во время испуга издаетъ короткій, тресчатый звукъ, похожій на: «*крю, крю*». Въ остальное, спокойное время у него вылетаетъ высокій, пріятный свистъ.

Молодые улиты отдѣльно отъ старыхъ, шлѣются по всей мѣстности. Съ конца августа, а иногда съ начала сентября, они отлетаютъ въ южную Европу, въ которой и держатся до октября мѣсяца, а затѣмъ летятъ въ Африку и Египетъ. Тѣ же, которые проводятъ весну и лѣто въ сибирскихъ краяхъ, отправляются въ сторону Китая и Индіи.

Морская сорока. Именъ этой птицѣ не меньше, чѣмъ и болотному кулику: куликъ-сорока, дикая курица, кривоногъ, кривякъ, устрицеловъ. Ближе всего къ ней подходит названіе сороки. Такъ какъ по перу и даже по складу она очень похожа на простую сороку. Отличается она отъ обыкновенной сороки въ особенности тѣмъ, что у ней хвостъ короче, носъ шея, ноги длиннѣе, и тѣломъ гораздо ея больше.

Замѣчательно въ морской сорокѣ то, что ярко-красный цвѣтъ ея носа, глазъ и ногъ, которыми онѣ окрашены, про-

бываются даже въ мясѣ, жирѣ, кожѣ. Вкусъ ея мяса не особенно приятенъ и пахнетъ рыбой; вѣроятно, оттого, что она между прочимъ употребляетъ въ пищу мелкую рыбу, рачковъ, моллюсковъ. Способность держаться на водѣ у ней такая же, какъ и у утки.

Морская сорока живетъ преимущественно по берегамъ морей, большихъ рѣкъ, озеръ, прудовъ. Въ особенности ее бываетъ много на Волгѣ, прибрежные жители которой зовутъ ее *Волжскимъ куликомъ*.

Полетъ сороки быстръ, прямъ. Стрѣльба ихъ очень трудна. Когда онѣ разобьются на пары, то бить ихъ легче. Прилетъ этой птицы бываетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ огромными стаями, и убить сороку въ это время нѣтъ никакой возможности, если не представится особеннаго случая. Она очень чутка, осторожна, и подрастаться къ ней трудно. Куликъ этотъ очень крѣпокъ къ ружью и его мелкой дробью не убьешь, а ранишь. Для него лучше всего употреблять дробь № 4 и 5.

Морскія сороки между собою строго сохраняютъ вѣжливость и за несоблюденіе приличій производятъ отчаянную драку. Онѣ очень храбры, въ особенности, во время ухаживанія за самками, за обладаніе которыхъ дерутся не на животъ, а на смерть.

Гнѣзда свиваются въ травѣ по близости воды. Самка кладетъ по два — по три яйца острой формы, съ черно-сѣрыми и свѣтло-зелеными точками, пятнышками, по ржаво-желтому фону. Высиживаніе дѣтей тянется три недѣли. Во всѣ моменты спариванья раздается непрерывная пѣсня самца.

Морская сорока не пользуется со стороны охотниковъ уваженіемъ и ею никто не дорожитъ. Придется убить, такъ — убьютъ, а не придется, то и не гонятся. Вѣроятно причиной тому дурной вкусъ птицы.

Травникъ. Иностранцы называютъ эту птицу малою красноножкой. Травникъ-куличекъ похожъ на щеголя, но немного меньше; голова, шея, спина и крылья сѣро-каштановаго цвѣта; хвостъ бѣловатый, съ коричневыми, поперечными полосками; брюхо бѣловатое съ коричневыми крапинками; ноги и носъ красные.

Профессоръ Рулье говоритъ, что за исключеніемъ кулика-сороки, красныя ноги имѣютъ только два кулика: щеголь и травникъ.

Образцомъ жизни и нравомъ травники чрезвычайно сходны съ болотными куликами, и одновременно съ ними занимаютъ болотныя пространства для вывода дѣтенышей и живутъ съ ними не разлучно.

Въ началѣ апрѣля, покуда не обсохнутъ болота, травникъ бродитъ около рѣкъ, озерковъ и большихъ лужъ. Они свиваютъ гнѣзда преимущественно на кочкахъ и, помѣщаясь вмѣстѣ съ негелями, кладутъ по четыре яйца. Зорко оберегая гнѣзда, травникъ, завидя какую нибудь опасность, готовъ пожертвовать своею собственною жизнію.

Старые травники, не смотря на то, что дѣтеныши начинаютъ порхать, держатся своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, покуда молодые кулички окончательно не подростутъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля травники съ выводками переселяются на открытые, голые берега озеръ, прудовъ и рѣчныхъ заливовъ, гдѣ и проводятъ все время вплоть до своего отлета. Нравится имъ иногда пошляться и около грязи.

Травники, принадлежа къ семьѣ красноножекъ, не могутъ похвалиться ихъ осторожностію, онѣ какъ-то довѣрчивы, глупы. Во время вывода дѣтенышей, лишь только замѣтятъ приближающагося охотника, бабъ съ звенящимъ пискомъ «тень, тень», летятъ прямо на него и начинаютъ держаться неподвижно надъ его головою. Въ это время ихъ положительно не слѣдовало бы бить, но очень трудно отъ этого удержаться. Соблазнъ ужъ очень великъ: десятками такъ и налетаютъ и на собаку и на стрѣлка. Во время выводки дѣтей, мясо травниковъ сухо и неособенно вкусно. Да, впрочемъ, они и жирны то никогда и не бываютъ.

Для стрѣльбы травниковъ лучше всего употреблять дробь № 9.

Отлетаютъ травники въ первой половинѣ августа.

Рѣчной куликъ. Онъ строенъ, красивъ и увѣсистъ. Названіе рѣчнаго кулика дано ему, вѣроятно, потому, что онъ постоянно держится на песчаныхъ мѣстахъ большихъ и среднихъ

рѣкъ. Иногда встрѣчаются они и на озерахъ, и рѣже того на маленькихъ рѣчкахъ и прудахъ. Цвѣтъ пера его сѣрова-то-бѣлесоватый; часть шеи, брюшко и подхвостье — бѣлыя, носъ роговаго цвѣта, а ноги зеленоватыя. Ростъ его немного менѣе щеголя. Прилетаетъ онъ почти позднѣе всѣхъ куличковъ.

Записные охотники рѣчному кулику отдаютъ преимущество передъ всѣми естальными на томъ основаніи, что мясо его несравненно сочнѣе и пріятнѣе другихъ. По той пищѣ, которую онъ употребляетъ и образу своей жизни, онъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ однокашниковъ

Рѣчныхъ куликовъ встрѣчается мало. Они очень зорки и ихъ много не убьешь.

Поручейникъ. Кромѣ этой вички онъ имѣетъ и другую: *лозникъ прудовой*. Этотъ куличекъ живое подобіе травника, только несравненно его мельче. Перо какъ у того такъ и у другаго почти одинаковое, только ноги у поручейника не красныя, а зеленоватыя. Мясистъ и жиренъ онъ никогда не бываетъ. Прилетаетъ и отлетаетъ онъ въ одно время съ травникомъ, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ свиваетъ гнѣзда и выводитъ дѣтей. Тотъ же образъ жизни и такой же характеръ, какъ у травника. Особо на него не охотятся, а бьютъ, когда попадется.

Прилетаетъ онъ въ апрѣлѣ, пропадаетъ въ августѣ. Поручейникъ съ тою же горячностію относится къ дѣтямъ, какъ и травникъ. Крикъ его похожъ на стонъ, хныканье. Охотники удостоиваютъ его стрѣльбой тогда только, когда перебьютъ болотныхъ куликовъ и травниковъ.

Болотный Улитъ (*Лозникъ болотный*). Величиной онъ по больше скворца. Держится преимущественно въ тѣхъ болотахъ, которыя поросли или окружены лѣсомъ. Высокія ноги и прямой клювъ придають ему видъ крупной птицы. Верхъ пера темнокоричневаго цвѣта съ бѣловатыми краями, а низъ весь бѣлый. Бочка шеи и зобъ коричневыя съ большими пятнами продолговатой формы. Перья по срединѣ хвоста пересыпаны крапинами чернаго и бѣлаго цвѣта.

По прилетѣ болотный улитъ старается выбрать такой островокъ на водѣ, который былъ бы задекоратированъ ра-

стительностию: осокой, палочникомъ и др. Облюбовавъ мѣстечко, самка и самецъ приступаютъ къ устройству гнѣзда.

Въ то время, когда самка высиживаетъ дѣтенышей, самецъ стоитъ на стражѣ и издаетъ звуки, похожіе на «гиф-гифъ, титирло». И лишь только замѣтитъ приближающагося охотника, какъ быстро поднимается вверхъ и надъ головою стрѣлка начинаетъ въ воздушномъ пространствѣ описывать круги.

Выводки, только что вылупившіеся изъ яицъ, сейчасъ же начинаютъ бѣгать за родителями и такъ скоро, что ихъ нѣтъ никакой возможности поймать.

Выросшіе и окрѣпнувшіе молодые улиты уходятъ изъ болотъ вмѣстѣ со стариками на берега рѣкъ, рѣчекъ и въ особенности туда, гдѣ есть грязи. Они чрезвычайно быстры въ своихъ движеніяхъ, въ особенности во время приискиванія себѣ пищи.

Въ то время, когда они испуганы, то подпускаютъ къ себѣ охотника довольно близко, но если преслѣдованіе становится частымъ, то они дѣлаются строгими. Вообще, болотный улитъ образомъ жизни очень похожъ на поручейниковъ, травниковъ. Передъ отлетомъ они жирѣютъ и вкусомъ не уступаютъ благородной дичи.

Черный куличень, Чернышъ (Зуй, Зуюкъ). Послѣднія два названія объясняются тѣмъ, что простой народъ, не различая болотныхъ куликовъ по виду, называетъ ихъ вообще *кумками*, за исключеніемъ мелкихъ, которыхъ онъ наименовалъ *зуями, зуйками* и вѣроятно потому, что они издаютъ свистъ, чрезвычайно похожій на «зуй, зуй, зуй».

Чернышъ очень миловиденъ, складенъ и проворенъ. Онъ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а все бѣгаетъ. Полетъ его быстрый и убить его не особенно легко, въ особенности въ *летъ* или въ *уонъ*. Лучшій моментъ для выстрѣла тотъ, когда чернышъ налетитъ на охотника; въ это время его легко срѣзать въ *поперекъ* *). Убивъ черныша, можно смѣло похвалиться мѣткостію своего выстрѣла.

---

*) Записки ружейнаго охотника.

У черныша отъ зоба и до хвостика брюшко бѣлое, шея сѣро-пестрая, верхъ перьевъ темнаго цвѣта, усыпанъ мелкими, бѣлыми крапинками; крылья еще темнѣе, края которыхъ не имѣютъ крапинокъ. Хвостъ бѣлый, на концѣ котораго темныя пятнышки. Носъ и глаза черные, ноги зеленоватыя.

Во второй половинѣ апрѣля черныши прилетаютъ вмѣстѣ съ другими куликами и встрѣчаются всюду, гдѣ только есть вода. Всякое мокрое мѣсто приманиваетъ къ себѣ черныша, на которыхъ они и встрѣчаются попарно и въ одиночку. При взлетѣ его въ высь слышится звонкій, пріятный звукъ, похожій на «зуй, зуй, зуй»... и «тилли, тилли», гдѣ награвшпсь, какъ говорится, всласть, поджавъ крылья, съ быстротою молніи опускается на землю.

Послѣ токованья черныши удаляются на лѣсныя болота, на кочкахъ которыхъ и вьютъ себѣ гнѣзда. Въ то время, когда птица сядетъ на гнѣздо, а въ томъ числѣ и черныши, то они не пропадаютъ, какъ это бываетъ съ другими, а встрѣчаются въ небольшомъ числѣ въ теченіе всего лѣта. Вѣроятно это отъ того происходитъ, что они остаются холостыми или не принимаютъ никакого участія въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей.

Молодые черныши, сравнявшись съ силами своихъ родителей, оставляютъ ихъ и отдѣляются. Въ это время они отличаются отъ старыхъ чернышей тѣмъ, что они немного мельче ихъ ростомъ и имѣютъ болѣе яркую окраску пера. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно.

Съ прилета чернышей слѣдуетъ стрѣлять дробь № 9-й, а лѣтомъ 10-й.

Ходулочникъ-авдотка (Аватка). Птица эта принадлежитъ къ разряду самыхъ удивительныхъ птицъ въ томъ отношеніи, что его можно отличить между несмѣтными количествомъ другаго вида птицъ, а именно: тонкія, почти полуаршинныя ноги и на нихъ величиной съ голубя очень красивая птица. Цвѣтъ ея пера замѣчательнъ: бѣлый съ нѣжно розовымъ налетомъ. Верхушка головы, спина и узенькая полоска позади шеи — чернаго цвѣта. Глаза кармино-краснаго,

а ноги розово-краснаго цвѣта. Клювъ черный. По спинѣ прелестный зеленоватый отливъ.

Ходулочникъ преимущественно держится Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго морей. Мясо его не особенно вкусно: жестко, вязко. Въ началѣ мая начинаютъ вить гнѣзда, избирая для этого мѣсто, гдѣ растетъ осока. Сидя на гнѣздахъ, держатся крѣпко. Охотника подпускаютъ шаговъ на 50—60. Во время подъема медленно кричатъ «кри-бра, кри-кри-кри». Онъ хорошо плаваетъ и, отыскивая пищу, заходитъ въ воду дальше всѣхъ куликовъ.

Для стрѣльбы ходулочниковъ лучше всего употреблять дробь № 4—5.

Фифи. Онъ очень много имѣетъ сходства съ поручейникомъ. Названъ онъ такъ потому, что крикъ его сходенъ съ звукомъ «фи-фи». Ноги у него свѣтло-зеленаго цвѣта. Брюшко, низъ шеи и подъ горломъ — бѣлые. Въ общемъ одежда его пестрая, сѣро-каштано-зеленоватая. Глаза и носъ черные. Небольшой бѣлый хвостъ украшенъ на подобіе елки темными, косыми полосками.

Фифи особенно любитъ держаться иловатыхъ и тѣнистыхъ мѣстъ. Прилетаетъ въ апрѣлѣ, пропадаетъ къ осени.

Мясо его очень вкусное.

Перевощикъ (зуюкъ, береговикъ сѣрый). По своей величинѣ онъ принадлежитъ къ разряду маленькихъ куличковъ. Цвѣтъ его пера: маслянисто-буроватый съ пурпуровымъ отливомъ. Бочка зоба бураго цвѣта съ продольными, темными пятнами. Брюшко бѣлое. Крылья состоятъ изъ чернаго, буро-сѣраго и бѣлаго пера. Ноги свинцово-сѣрыя, глаза бурые.

Перевощикъ очень проворенъ, всегда на сторожѣ и вѣчно вертитъ хвостомъ. Отыскивая себѣ пищу, онъ поминутно оглядывается на всѣ стороны. Держится постоянно песчаныхъ отмелей по теченію рѣкъ и лишь замѣтитъ опасность то, тотчасъ летитъ на другую сторону и такъ низко, что представляется не летящимъ, а скользящимъ по водѣ.

Завидя охотника, онъ съ перцугу не летитъ, а ныряетъ и покажется тамъ, гдѣ его вовсе не ожидаютъ. Очень часто случается, что слышишь его поплескиванье и не знаешь, гдѣ

онъ. А между тѣмъ онъ сидитъ или на пнѣ, выдавшимся изъ воды, или на сучкѣ, нависшимъ надъ рѣкою.

По прилетѣ перевозчики немедленно приступаютъ къ выбору мѣстности для постройки гнѣздъ, которое они выкладываютъ изъ соломонокъ, сухихъ листьевъ и т. п.

Самецъ во время ухаживанія за самкой напѣваетъ трели, въ родѣ того, какъ голубъ голубкѣ. Во время выплыванія дѣтенышей они чередуются: лишь самка спорхнетъ съ гнѣзда, какъ самецъ садится на ея мѣсто. По выходѣ изъ яицъ, дѣтеныши грѣются подъ крылами матери, а двѣи черезъ 7 — 8 они начинаютъ ужъ оперяться. Недѣли черезъ четыре послѣ появленія на свѣтъ Божій начпають летать. Съ исходомъ іюля родители съ дѣтми переходятъ на берега рѣкъ и прудовъ, гдѣ и проводятъ время вплоть до своего отлета.

При стрѣльбѣ этихъ куличать, дробь слѣдуетъ брать мелкую № 10 — 11.

Поплавокъ (плавунчикъ). Онъ красивъ и складевъ: верхъ головы темный, ноги свѣтло-бланжевыя, брюшко и подъ шейю бѣловатое; остальное перо голубовато-сизое. Поплавокъ въ вѣкоторомъ отношеніи схожъ съ чернышемъ, но гораздо меньше его тѣломъ. Имѣя между пальцами ногъ тонкую перепонку, онъ превосходно плаваетъ и ныряетъ. Не смотря на перепонку на ногахъ, онъ очень быстро бѣгаетъ.

Мясо ихъ никогда не бываетъ жирно, но за то вкусно.

Для стрѣльбы поплавокъ хорошо употреблять дробь № 10.

Ржанка. Кромѣ этого названія ржанка носятъ много другихъ: семенуха, пѣтушокъ, полевой курахтанчикъ, ячменникъ, озпмая курица и др. Она очень миловидна. Голова большая, носъ короткій, ноги не длинны. Перья шелковистыя, зеленовато-желтая спина испещрена крапинками и точками золотистаго цвѣта; почти такого цвѣта затылокъ и голова съ пятнами золотатаго отлива. Темно-бурые глаза и черно-сѣрый клювъ довершаютъ портретъ ржанки.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, иногда въ первыхъ числахъ мая, ржанки спариваются и устраиваютъ гнѣзда, которыя не особенно затѣйливы: простыя ямки, выложенныя не особенно густо травой.

Въ теченіе 16—17 дней самка не сходитъ съ яицъ. Ржаночки, вылупившись изъ личекъ и пообсохнувъ, начинаютъ бѣгать за родителями и такъ ловко, что во время предстоящей для нихъ опасности, они спрячутся такъ хорошо, что найти ихъ можетъ одно только чутье собаки.

Родители ржанокъ очень хитры. Завидя врага, онѣ притворяются больными, не имѣющими возможности летать, падаютъ и лишь только замѣтятъ удобную минуту, вспорхнутъ и быстро улетятъ. Ржанки дѣятельны, бодры. Во время ихъ пролета отъ нихъ глазъ не оторвешь. Онѣ спускаются на землю съ шумомъ и рассыпаются въ разныя стороны. Въ это время подходить къ нимъ особенно трудно; онѣ, обладая замѣчательно быстрымъ бѣгомъ, постоянно будутъ убѣгать отъ охотника и не подпустятъ его къ себѣ на ружейный выстрѣлъ. Верхомъ къ нимъ легче подобраться, собственно потому, что онѣ лошадей не боятся. Звать тутъ нѣкогда — стрѣлай. Первый выстрѣлъ поднимаетъ ржанокъ вверхъ, гдѣ они сдѣлавши нѣсколько круговъ, снова опускаются на поле и не особенно далеко отъ прежняго мѣста.

Ржанки преимущественно держатся сѣверныхъ тундръ, гдѣ имъ полное раздолье. Человѣкъ рѣдко туда заглядываетъ, боясь быть съѣденнымъ комарами. А ржанкамъ, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше.

Тѣ ржанки, которыя поселились въ южной сторонѣ, держатся на поляхъ, въ пересохнувшихъ тонахъ, но не на болотахъ. Имъ въ этомъ случаѣ нравятся открытыя мѣста и они удаляются отъ лѣса.

Ржанка питается комарами, при перелетахъ же ѣстъ гусеницъ, жучковъ, червей и т. п. Онѣ встрѣчаются въ теченіе всего лѣта. Вкусъ мяса превосходный и этимъ въ особенности дорожитъ охотникъ сѣвера.

Ржанокъ гибнетъ не столько отъ охоты, сколько отъ ея враговъ: куницы, лисицы, соколы и другія хищныя птицы и звѣри истребляютъ ихъ въ громадномъ количествѣ.

Не слѣдуетъ тотчасъ послѣ выстрѣла подходить къ убитымъ ржанкамъ, такъ какъ оставшіеся подруги и товарищи вьются надъ убитыми и ихъ можно еще настрѣлять.

Тамъ, гдѣ гнѣздится ржанка стрѣлять можно дробью № 9-мъ, а во время прилета, № 4-мъ. Вообще ржанка очень крупна къ ружью.

Черноголовка (ржанка глухая, звукъ глупый). Непонятно, почему эту ржанку называютъ глупой. Она ни сколько не глупѣе другихъ птицъ, а по своей дѣятельности гораздо умнѣе многихъ. Своею формою черноголовка имѣетъ много сходства съ ржанкой, съ тою только разницей, что у нея голова отъ груди отдѣлена черными и сѣрыми полосами. Верхнее перо черноватое съ ржаво-красными краями. Глаза темнобурые, надъ которыми проходитъ свѣтлая полоса. Носъ черный, ноги зеленовато-желтыя.

Черноголовка живетъ на страшной высотѣ горныхъ склоновъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ черноголовка начинаетъ строить гнѣздо, садится на яйца и такъ крѣпко держится на нихъ, что ее можно взять руками. Но ее трудно замѣтить, такъ какъ опереніе ее сливается съ цвѣтомъ окружающей природы. Обладаетъ она тою же хитростію, какъ и ржанка. Лишь только замѣтитъ охотника, кидается ему на встрѣчу, вьется около ногъ и прикидывается больной. Но если стрѣлокъ, не обращая вниманія на ее притворство, направляется къ гнѣзду, то она распутивши крылья, впадаетъ на него.

Въ быстротѣ бѣга черноголовки не уступятъ ржанкамъ. Полетъ ихъ быстрый, неторопливый. Свистъ ихъ мелодиченъ, пріятенъ.

Во время пролета къ нимъ можно подходить на растояніе ружейнаго выстрѣла; въ это время онѣ подпускаютъ къ себѣ близко, а потомъ и убить ихъ можно несравненно больше, чѣмъ въ другое время.

Для стрѣльбы № 9-й дроби очень пригоденъ.

Галстушникъ (звукъ рѣчной). Галстушникомъ его называютъ потому, что кругомъ шеи проходитъ черная полоса, похожая на галстукъ, а зуйкомъ рѣчнымъ оттого, что онъ попадаетъ только на песчаныхъ берегахъ. Величиной онъ съ жаворонка. Верхъ его пера сѣро-песочнаго цвѣта; брюшко и грудь бѣлыя, на лбу бѣлая и черная полоса. Глаза темно-бурые, окружены ярко-зеленымъ кольцомъ. Ноги красновато-сѣрыя.

Галстушники по прилетѣ водворяются на жительство по теченію рѣкъ на песчаныхъ мѣстахъ, на которыхъ и устраиваютъ гнѣзда, вырывая ногами небольшія ямки. Самецъ и самка поочередно сидятъ на яйцахъ дней 16 — 17. Дѣтеныши не обсохнувъ еще хорошенько, оставляютъ гнѣздо и идутъ за добычей пищи вмѣстѣ съ своими родителями. Выросши и совершенно оперившись, они не разстаются съ стариками.

Самцы очень ревнивы. Сохрани Богъ, если какъ нибудь онъ замѣтилъ, что другой галстушникъ ухаживаетъ за его супругой: такую трепку задастъ, что непрошенный гость въ другой разъ глазъ не покажетъ.

Галстушникъ цвѣтомъ пера очень похожъ на песокъ и потому бить его въ сидячемъ положеніи чрезвычайно трудно, какъ разъ пропуделяешь. Но зато въ летъ его всегда можно срѣзать. Днемъ онъ почти постоянно спитъ, но за то въ сумерки и свѣтлыя ночи проявляетъ необыкновенную дѣятельность.

Кромѣ обыкновенной пищи, гусеницъ, улитокъ и т. п., галстучникъ, въ видахъ лучшаго пищеваренія проглатываетъ маленькіе камешки. Пьетъ онъ много.

Отлетаетъ онъ въ концѣ августа, а иногда и въ сентябрѣ, если хороша погода.

Напуганные галстучники становятся очень строгими, а не напуганные подпускаютъ къ себѣ близко. Въ первомъ случаѣ, завидя охотника, онъ бѣжитъ, а убѣдясь въ преслѣдованіи, — летитъ.

Бьютъ ихъ обыкновенно дробью № 10 и 11.

Песчаникъ (песочникъ, галстучникъ, желтоглазка). Складомъ своимъ, онъ похожъ на *галстучника*. Величиной онъ немного больше рослаго воробья. Голова и грудь темно-коричневая, брюшко бѣловатое, а шейка точно повязана галстучкомъ, отчего и смѣшиваютъ его съ *галстучникомъ*. Желтоглазкой же называютъ потому, что у него около глазъ желтый ободочекъ.

Образъ жизни ведетъ такой же какъ и галстучникъ. Гнѣзда строятъ на песку и дѣтей выводитъ также.

Песчаникъ какъ только замѣтитъ подходящаго стрѣлка, то

сейчасъ же начинаетъ посвистывать и кланяться. Вслѣдствіе того, что онъ очень близко къ цвѣту песка, на которомъ сидитъ, его чрезвычайно трудно замѣтить. Свистъ слышится а невидать гдѣ онъ.

Мясо песочника очень мало, на зато очень вкусно. Такъ какъ они никогда не собираются стайками, то охотники ихъ мало бьютъ — на одного не стоитъ тратить заряда, говорить С. Т. Аксаковъ.

Куличекъ - воробей (песочничекъ, песочникъ малый). Онъ очень много схожъ съ грязовикомъ, потому что любитъ отдавать преимущество голымъ, не заросшимъ травой грязнымъ берегамъ прудовъ. Встрѣчается иногда по окраинамъ весеннихъ лужъ. Величиной онъ меньше обыкновеннаго воробья, это, такъ сказать, пигмей въ куличномъ царствѣ. Пролетъ куличка — воробья бываетъ въ концѣ апрѣля. Летитъ онъ стайками. Къ осени съ выводками молодыхъ возвращается на родину. Перо мѣняется два раза въ годъ. Весной у него верхъ сѣрый съ темными пятнами. Грудь и шея свѣтложавая съ бурными пятнами, а горло бѣлое. Макушка черная со ржавыми каймами. Надъ глазами бѣлая, а между глазъ и носомъ проходитъ темно-бурая полоса. Носъ немного загнутый, чернаго цвѣта. Ноги зеленовато-чернаго цвѣта. Спина черноватая, съ ярко-ржавыми каймами.

Осенью нѣтъ уже такого разнообразія цвѣтовъ въ опереніи куличка-воробья: онъ дѣлается темно-пепельно-сѣрымъ, брюшко бѣлымъ, а грудь ржаво-сѣрою.

Гнѣзда ихъ состоятъ изъ ямочки, вырытой въ землѣ и устланной травкою.

Съ прилета они сыты, а передъ отлетомъ жирны. Мясо вкусное.

Бить ихъ не особенно трудно, потому что они очень смиренны. Дробь слѣдуетъ употреблять самую мелкую, № 10 — 11.

Ибисъ каравайка. Она принадлежитъ къ разряду крупныхъ птицъ.

Отъ шеи и до хвоста, съ бедрами и частью верхнихъ крыльевъ она покрыта каштано-буро-красными перьями. Темно-бурая голова отлиываетъ красноватымъ цвѣтомъ. Бу-

рые глаза окружены сѣро-зеленымъ кольцомъ. Носъ грязно-темно-зеленоватый. Спина, хвостъ и крылья черно-бурые съ фіолетовымъ отливомъ. Ноги сѣро-зеленаго цвѣта. Пальцы соединены перепонкою.

Перелинявшая каравайка изъ яркихъ цвѣтовъ переходитъ въ черный и сѣрый. Голова и шея покрываются черными перьями съ бѣлою каймою. Спина, крылья и хвостъ становятся темно-мѣднаго цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ. По низу идутъ сѣро-бурые перья. Каравайка любитъ жить въ болотахъ, находящихся около большихъ озеръ и рѣкъ. Онѣ очень часто перекочевываютъ съ одного мѣста на другое.

Для устройства гнѣздъ онѣ избираютъ такія болота, до которыхъ охотнику доступъ почти невозможенъ. Каравайки ночь проводятъ постоянно на деревьяхъ и къ ночлегу ихъ пробраться очень трудно, почти невозможно, потому что мѣсто, избранное ими, всегда находится или по серединѣ топкаго болота, окруженнаго трясинами, или большого озера.

Онѣ очень осторожны. Въ какомъ бы положеніи каравайка не находилась, но глаза ея, глаза зорко смотрятъ на окружающіе ея предметы: малѣйшій шорохъ и самый легкій звукъ доносится до ея чуткаго слуха. Каравайка изощряется до того, что различаетъ охотника отъ поселянина.

Каравайки отлично плаваютъ.

По прилетѣ онѣ немедленно приступаютъ къ устройству гнѣздъ и выводу дѣтей. Окруженные лозовыми или ольховыми кустами они безопасно сидятъ на своихъ гнѣздахъ.

Молодые каравайки до тѣхъ поръ не сходятъ съ гнѣздъ, покуда не выростутъ крылья. Вообще развиваются онѣ очень туго. Только по истеченіи двухъ лѣтъ они могутъ размножаться. Живутъ онѣ преимущественно стадами, рѣдко когда въ одиночку. Крикъ ихъ скорѣе похожъ на карканье, чѣмъ на свистъ.

Мясо ихъ очень вкусно.

Стрѣлать нужно самой крупной дробью.

Болотный турухтанъ-курахтанъ. Онъ очень красивъ, статенъ и строенъ. Описать весенній нарядъ пѣтушка курахтана невозможно, на столько причудливо его опереніе. Всѣ пѣтушки, говорить г. Аксаковъ, имѣютъ особенность: не быть похожи-

ми другъ на друга ни цвѣтомъ перьевъ, ни фигурою пестринъ. Вотъ его портретъ: носъ розоваго цвѣта, длиною въ полвершка; темные небольшіе глаза; желтовато-сѣро-пестрая голова; съ затылка идетъ гривка, изъ бѣлыхъ длинныхъ и твердыхъ въ основаніи перьевъ, которыя лежатъ по бокамъ и по всей нижней части шеи до самой хлупъ; на верхней же сторонѣ шеи, отступя пальца на два отъ головы, уже идутъ обыкновенныя, сѣренкія, коротенькія перья; вся хлупъ по свѣтло-желтоватому полю покрыта черными крупными пятнами и крапинами; спина сѣрая, съ темно-коричневыми продольными пестринами, крылья сверху темныя, а подбой ихъ бѣлый по краямъ и пепельный подъ плечными суставами; въ коротенькомъ хвостѣ перышки разныхъ цвѣтовъ: бѣлыя съ пятнышками, сѣрыя и свѣтло-коричневыя; ножки свѣтло-бланжевыя. Кромѣ гривы самцы еще украшаются бородавковидными наростами. Самка мельче самца и безъ гривы.

Курахтаны иногда въ половинѣ, а иногда въ концѣ апрѣля прилетаютъ громадными стадами. Летятъ они ночью въ формѣ треугольника, а днемъ отдыхаютъ. Въ началѣ всѣхъ прилетаютъ самцы и старики, а молодые и самки появляются уже послѣ нихъ.

До прилета самокъ пѣтушки бродятъ по краямъ прудовъ, рѣкъ, озеръ и болотныхъ лужъ. Въ это время стрѣлять ихъ лучше всего съ подъѣзда или съ подхода. Много ихъ убить нельзя по той причинѣ, что они минуты не постоятъ на одномъ мѣстѣ, все бѣгутъ, бѣгутъ и рассыпаются врознь. Я, говоритъ Вавиловъ, нерѣдко пускался на хитрость и убивалъ ихъ штукъ по десятку, стрѣляя изъ обѣихъ стволовъ. Хитрость заключалась въ слѣдующемъ: я заходилъ навстрѣчу бѣгущей стае турухтановъ, подбирался къ нимъ, причась за кустами и вдругъ выходилъ: турухтаны бросались назадъ и на минуту смѣшивались въ кучу, а я въ это мгновеніе спускалъ оба курка....

Пора любви для курахтановъ настаетъ съ момента прилета курочекъ и съ того же времени между самцами начинаются дуэли. Выходятъ они на поединокъ не изъ-за самокъ, а просто такъ — изъ любви къ искусству.

Первый прилетѣвшій самецъ на болото, говоритъ Науманъ, вызывающимъ образомъ озирается, нѣтъ-ли гдѣ по близости другаго; если же онъ и прилетѣлъ, но не слишкомъ расположенъ къ ссорѣ, то поджидается второй или третій и т. д. и вскорѣ завязывается драка. Вотъ противники отыскивали другъ друга, они встрѣтились и бросаются одинъ на другаго, дерутся короткое время, пока не истощатся ихъ силы и затѣмъ каждый опять занимаетъ прежнее мѣсто, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и вновь начать бой. Такимъ образомъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока оно не надоѣстъ имъ, и они не улетятъ всѣ съ мѣста боя, чтобы вскорѣ возвратиться къ нему опять.

На обязанности самокъ лежитъ устройство гнѣздъ, высиживаніе и уходъ за молодыми курахтанчиками. Гнѣздо устраивается на болотной кочкѣ, близъ воды.

Только что вылупившіеся курахтанчики начинаютъ бѣгать, и бѣгаютъ чрезвычайно быстро. Растутъ и крѣпнуть тоже скоро и до самаго отлета не расстаются съ матерью.

Любовь матери къ своимъ дѣтямъ безпредѣльна. Лишь только замѣтитъ она приближающагося стрѣлка, какъ кидается ему навстрѣчу и употребляетъ всевозможные фокусы для того, чтобы отвлечь его вниманіе отъ гнѣзда.

Образомъ жизни и нравомъ курахтаны особенно ничѣмъ не выдѣляются отъ другихъ куликовъ, за исключеніемъ единковъ. Они очень быстры въ своихъ движеніяхъ и чрезвычайно чутки — спящимъ курахтанамъ рѣдко можно видѣть.

При взлетѣ они издаютъ звукъ «как, как». Къ отлету на зимнія жилища онѣ бываютъ жирны. Мясо ихъ на вкусъ превосходно.

Къ ружью не особенно крѣпки. Бить ихъ слѣдуетъ дробью № 8—9.

Камнешарка (сѣверная камнешарка). Такое названіе дано этому кулику потому, что онъ добываетъ себѣ пищу подъ камнями и между ними. Большая голова, короткій загнутый къ верху клювъ, длинныя крылья и короткія ноги. Держится она постоянно морскихъ береговъ. Во время полета случайно встрѣчается по краямъ береговъ большихъ озеръ и рѣкъ.

По своей величинѣ камнешарка относится къ породѣ маленькихъ куличковъ.

Прилетаетъ она въ апрѣлѣ большими стаями и, разбившись на пары, бросается искать для себя удобное мѣстечко, чтобы свить гнѣздо. Для этого избирается преимущественно островокъ или берегъ, покрытый кустарникомъ или густой, рослой травой. Гнѣздо состоитъ изъ ямочки, выложенной стебельками и травкою.

Самецъ и самка очень любятъ своихъ дѣтенышей и въ виду грозящей опасности, бьются изо всѣхъ силъ, чтобы спасти крошечныхъ малютокъ.

Въ августѣ камнешарки отлетаютъ.

Этотъ куличекъ летаетъ хорошо и быстро. Убить его не такъ легко, какъ кажется. Онъ очень боязливъ, остороженъ и близко къ себѣ не подпускаетъ. Въ летъ стрѣлять ее почти что невозможно, потому что она, разстилаясь по землѣ, моментально подымается въ небесную высь и тамъ мелькаетъ, точно молнія.

Она чрезвычайно дѣятельная птица: ни днемъ, ни ночью почти не спитъ, все бодрствуетъ.

Морская песчанка. Песчанка принадлежитъ къ роду тѣхъ куличковъ, которыхъ называютъ *песочниками*, и отличается отъ нихъ тѣмъ, что у нея нѣтъ пальца назади. Великою она не больше жаворонка.

Это настоящій сѣверянинъ, который попадаетъ въ средней Россіи только во время своего пролета.

Песчанка ловкая, дѣятельная. Бѣгая по песчаному берегу моря и отыскивая себѣ пищу, она безпрестанно посвистываетъ, издавая звукъ на подобіе «питт, питт, питт».

Она довольно красива и въ особенности весною: верхъ краснобурый съ бѣлыми и желтыми пятнами. Крылья чернобурья, съ бѣлой полосой и ржаво-красными зигзагами. Внизу, вплоть до груди идутъ ржаво-красно-сѣрыя перья, а въ остальныхъ мѣстахъ бѣлыя. Первые три рулевья пера бѣло-сѣраго цвѣта. Ноги темно-сѣрыя, носъ черноватый, глаза темно-бурые.

Гнѣздо песчанка свиваетъ по близости моря, около стоячей воды.

Охотятся за ними больше потому, что онѣ бѣгаютъ стадами, и однимъ выстрѣломъ можно ихъ убить до двухъ десятковъ, что разумѣется составляетъ не малое удовольствие.

Песочникъ кривonosый (дугоносый трухтанчикъ). Кривonosымъ названъ потому, что у него согнуть носъ дугою. Онъ не много менѣе *песчанки*. Водится онъ на сѣверѣ, въ средней Россіи и даже на югѣ. По прилетѣ держится на грязныхъ краяхъ прудовъ, озеръ и лужъ.

Перомъ очень красивъ: макушка головы черноватая со ржаво-сѣрыми волнами. Верхняя часть шейки красная, со ржавчиной и чернымъ продольными полосками. Спина черная, со свѣтло-ржавыми пятнами и свѣтло-пепельно-сѣрыми и ржаво-желтоватыми каемками. Хвостъ пепельно-сѣрый.

По прилетѣ приступаютъ къ устройству незатѣйливыхъ гнѣздъ, въ которыхъ и высидиваютъ дѣтенышей. Выводки очень скоро подрастаютъ и врѣпнута.

Песочники, относительно, даже храбры, они подпускаютъ къ себѣ чрезвычайно близко, въ особенности если не подавать имъ вида, что ими интересуешься. Но лишь только песочникъ замѣтитъ, что ему грозитъ опасность, какъ въ ту же секунду, рѣзкимъ крикомъ сообщаетъ о томъ своимъ однокашникамъ, которые стремглавъ бросаются въ летъ. Летятъ они сплошной массой надъ водою и чрезвычайно низко, чуть не задѣвая крыльями воду. Если попасть выстрѣломъ въ такое стадо, то въ накладѣ не останешься. Песочникъ почти не знаетъ покоя: ходитъ, бѣгаетъ, остановится на минуту и опять побѣжитъ.

За нѣсколько времени до отлета они собираются въ стаю, выберутъ себѣ какого-нибудь большаго булика и подъ его распоряженіемъ шлеются по окраинамъ грязныхъ водныхъ береговъ.

Отлетаютъ они въ августѣ, не стайками, а по одиночкѣ, вмѣстѣ съ другими болотными птичками.

Если песочникъ облюбилъ мѣсто, то не оставляетъ его, даже послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

Болотный бѣгунъ (грязовикъ крошечный). Самая любимая

мѣста этого куличка берега грязныхъ, иловатыхъ озеръ, прудовъ, лужъ.

Болотный бѣгунокъ крошечку больше воробья. Голова маленькая, носикъ немного длиннѣе головы, кончикъ котораго немного загнуть, ноги низенькія.

Не смотря на крошечный ростъ, онъ красивъ, статенъ. Чернобурая головка покрыта двумя ржаво-желтыми полосками, сверху бурыхъ глазъ проходитъ такого же цвѣта полоска, а поперегъ тянется бѣлая. На спинкѣ черныя перья со ржаво-желтыми краями. Брюшко бѣлое, ножки темно-желтовато-сѣрыя. Грудь, шея, зобъ ржаво-желтоватые, съ сѣро-бурыми пятнами. Клювъ красновато-сѣрый, а на оконечности черноватый.

Болотные бѣгунки доврѣчивы и подпускаютъ къ себѣ охотника на самое близкое разстояніе.

Устройствомъ гнѣздъ, выборомъ для нихъ мѣста и высиживаніемъ дѣтенышей они схожи съ песочникамп.

Спугнутый бѣгунокъ, спорхнувъ съ своего мѣста и пролетѣвъ немного надъ водой, сейчасъ же возвращается на оставленное мѣсто, и какъ ни въ чемъ не бывало, начинаетъ бѣгать и ловить насѣкомыхъ.

Мясо ихъ очень вкусно, особенно если оно хорошо приготовлено.

Для стрѣльбы бѣгунковъ нужно употреблять самую мелкую дробь, № 10 — 11 — 12-й, потому собственно, что они не крѣпки къ ружью.

Шилоносъ (шилоклювца, кривоносый куличъ). Названія даны по носу, который къ верху выгнуть, длиненъ, узокъ и на концѣ сплющенъ.

Онъ очень красивъ и миловиденъ. Верхъ черный съ бѣлымъ подбоемъ. Крылья бѣлыя съ черными полосками: глаза красно-бурные. Носъ черный, а ноги пепельно-голубыя.

Этотъ куличекъ держится постоянно морскихъ береговъ, въ другихъ мѣстахъ онъ почти не встрѣчается. По прилетѣ они разбиваются на пары. Мѣста для устройства гнѣздъ избираются на солонцоватыхъ побережьяхъ, съ небольшою растительностію, на которыхъ водворяются вкупѣ съ другимп

куликами. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ свиваютъ гнѣзда и на хлѣбныхъ поляхъ.

Когда настанетъ время спариванья, то шилоносъ издаетъ звукъ похожій на «кліу, кліу». Какъ во время высиживанія, такъ и во время выращиванія дѣтей, самецъ во всемъ помогаетъ самкѣ. Молодые шилоноски сидятъ въ гнѣздахъ до тѣхъ поръ, покуда не обсохнутъ. А затѣмъ родители уводятъ ихъ въ мѣста, покрытыя густой травой, и держатся тамъ, покуда они подростутъ. Когда же выростутъ крылья, то перелетаютъ на берегъ моря.

Шилоноски живутъ стадами и между ними всегда найдется «стрѣляный воробей», который въ минуту опасности спорхнеть и увлечетъ за собой все стадо. Поэтому бить ихъ не особенно легко. Лучше всего стрѣлять ихъ съ подѣзда, стараясь показывать видъ, что ихъ не замѣчаешь; при такомъ условіи они подпускаютъ къ себѣ очень близко. При малѣйшемъ подозрѣніи они бросаются въ море и уплываютъ въ самую глубь его.

Пропадаютъ шилоноски очень рано.

Лопатень, колпица. Названіе дано по ея клюву, который своей шириной похожъ на лопату. Своей своеобразной наружностію, онъ рѣзко выдѣляется между своими собратьями куликами. Вотъ его портретъ:

Аршинный ростъ, длинная шея, ноги и длинный сплюснутый носъ съ лопатообразной оконечностію, и ногтемъ на его верхней половинкѣ съ продольными бороздками внутри. Опереніе лопатеня снѣжно-бѣлаго цвѣта, съ маленькою желтой полоской на головѣ. Голое горло зеленовато-желтаго цвѣта. Носъ черный съ желтой оконечностію. Кармино-красные глаза, черныя какъ уголь ноги и длинный бѣлый хоколь довершаютъ характерное опереніе этой птицы.

Прилетаетъ она очень рано: въ мартѣ и первыхъ числахъ апрѣля. Занимаетъ преимущественно озера, окруженныя топкими иловатыми болотами, по которымъ важно расхаживая, отыскиваетъ себѣ пищу, отдавая предпочтеніе рыбѣ, ракамъ, улиткамъ и проч.

Лопатень очень остороженъ, ухо его вѣчно на сторожѣ.

Малѣйшій шумъ, шорохъ, шлепанье охотника заставляютъ его бросить свои занятія и пуститься въ летъ на огромную высоту.

Гнѣзда они вьютъ на деревьяхъ и не по одиночѣ, а масами. Во время высиживанія дѣтей самка съ самцомъ чередуется: лишь только слетитъ съ гнѣзда самка, какъ на ея мѣсто садится самецъ. Прожорливость дѣтенышей немало приноситъ хлопотъ родителямъ. Выводки сидятъ въ гнѣздахъ, покуда не выростутъ у нихъ крылья.

По образу жизни лопатень имѣетъ сходство съ короваемъ. Днемъ занимаются прискиваніемъ пищи и охарашиваньемъ самихъ себя. Ночуютъ и отдыхаютъ въ полдень, на самыхъ высокихъ деревьяхъ, усаживаясь на макушкахъ. Гдѣ нѣтъ лѣсу, тамъ лопатень выбираетъ открытыя мѣста для сна, а для гнѣздъ густой камышъ и колку, окруженныя болотною топью.

Мясо его не особенно вкусно и отзываетъ запахомъ рыбы, поэтому на него и охотятся мало.

Бить слѣдуетъ крупной дробью.

Чибисъ, пиголица (луговка, чайка). Первые два названія ей даны, вѣроятно, потому, что крикъ ее похожъ на «кйивить» и по народному на «чьи — вы, чьи — вы», а *луговой* потому, что она живетъ въ Малороссіи на сѣнокосныхъ лугахъ. Чибисъ попадается всюду и смириѣ всякой другой птицы, поэтому, вѣроятно, къ нему охотники и относятся съ пренебреженіемъ.

Онъ налетаетъ на охотника смѣло и вьется около его безотвязно. Величиной и станомъ онъ сходенъ съ полевымъ курахтаномъ; ноги и шея у него длинны, но не столько какъ у настоящихъ куликовъ. Верхъ головы покрытъ темно-чернымъ, блестящимъ перомъ. Хохолъ такого же цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ. Передъ шею, верхъ груди и хвостъ темно-чернаго цвѣта съ блескомъ. Спина темно-зеленая съ пурпуровымъ и голубымъ отливомъ. Бока шеи, остальная часть груди, брюшко и нпзъ хвоста бѣлше. Подхвостье темно-жово-желтаго цвѣта. Глаза бурше, носъ черный, ноги грязно-темно-красныя. Вообще красота перьевъ чибиса замѣчательна.

Прилетаютъ они ранѣе всякой другой птицы.

По прилетѣ, какъ первая появившаяся дичь, чибисъ пользуется благорасположеніемъ и тѣхъ охотниковъ, которые въ другое время отъ него отворачиваются.

Въ половинѣ апрѣля, чибисы, занявъ свои любимыя мѣста на потныхъ болотахъ и поемныхъ лугахъ разбиваются на пары и начинаютъ токовать.

Чибисъ устраиваетъ себѣ гнѣздо на кочкѣ или на какойнибудь сухой возвышенности. Родители сидятъ на гнѣздѣ попеременно, обоюдно заботясь о воспитаніи дѣтей, которыхъ точно также, какъ и кулики переводятъ въ луга, а когда выростутъ крылья, то перекочевываютъ въ хлѣбныя поля.

Выводки появляются въ іюлѣ мѣсяцѣ на берегахъ рѣкъ, прудовъ и за частую на скошенныхъ лугахъ. Большими стадами собираются въ августѣ мѣсяцѣ на большихъ рѣкахъ и озерахъ. Это лучшее время для охоты на чибисовъ: отъѣвшіеся, жирные, они становятся чрезвычайно вкусными. Въ концѣ сентября чибисы пропадаютъ.

По быстротѣ полета и тѣмъ фокусамъ, которые они производятъ въ воздухѣ, ни одна изъ птицъ куличьяго царства сравниться не можетъ.

Чибисъ всегда старается поселиться по близости воды, такъ какъ онъ очень охочъ до купанья.

До отлета бить нужно дробью № 9-мъ, а передъ отлетомъ гораздо крупнѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Охота на водныхъ птицъ и звѣрей.

Разнообразіе водъ; рѣки и рѣчки, озера, пруды проточныя и непроточныя. Обитатели водъ: лебедь, гусь, утка, крякva, чирокъ, сѣрая утка, свіязь, широконожка, нырокъ, чернь, гагара, тогoль, лысуха. Бобръ, выдра, выхухоль и др.

Вода—это жизненная сила природы, это импульсъ жизни послѣдней! Гдѣ нѣтъ воды, тамъ нѣтъ и жизни! Громаднѣйшія пространства земли представляютъ собою смерть, и горе всякому живому существу проникнуть въ эти мертвыя страны. Кромѣ песку, ничего не видно на необозримое пространство: здѣсь нѣтъ мѣста ни деревцу, ни былинкѣ. Но едва въ подобномъ мѣстѣ является какой нибудь родникъ, ручеекъ, какъ жизнь начинаетъ бить живымъ ключемъ. Взгляните на Сахару: эта огромная пустыня наводитъ ужасъ на все живущее, неминуемая почти смерть ожидаетъ того, кто рискнетъ проникнуть въ нее. Но не совсѣмъ безжизненна она. Въ рѣдкихъ мѣстахъ пробивается ключъ воды и, благодаря ей, среди знойной песчаной пустыни, со всей силою развертывается жизнь. А вотъ другое мѣсто, гдѣ протекаетъ рѣка, или широко раскинулось озеро. Какая громадная разница, въ жизни природы: здѣсь ничего не напоминаетъ о смерти, а напротивъ жизнь развивается со всею силою, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ впадахъ.

Да и какъ разнообразны самые законы образованія воды. Взгляните на Днѣпръ, Волгу, Каму, какъ красивы онѣ въ своей необъятности, въ своей ширинѣ, особливо во время разлива, взглядъ не достигаетъ противоположнаго берега; верхушки вѣ-

ковыхъ, громадныхъ лѣсовъ исчезаютъ подъ ея поверхностью, по которой гордо несутся пароходы, барки, надъ которой проносятся тысячи пернатыхъ, заморскихъ гостей.

А вотъ рѣка, пробившая себѣ дорогу сквозь необъятные, ненаселенные лѣса. Видъ подобныхъ рѣкъ представляетъ собою особенность, — этотъ видъ необыкновенно торжественъ. Берега этой рѣки какъ бы священны: къ нимъ никто никогда не прикасался; изрѣдка развѣ охотникъ забредетъ на нихъ, но слѣдъ его тотчасъ же исчезаетъ, избытокъ влаги, почти мгновенно, поднимаетъ смятую траву и цвѣты. Свободно обростають берега темно-зеленою, непроходимою осокою, на гладкой поверхности мѣрно колыхаются качаемые течениемъ воды на своихъ длинныхъ стебляхъ темнозеленые лопухи.

Въ необыкновенной тишинѣ и мракѣ катятся многоводныя волны и только вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, спустившихъ свои вѣтви въ воду и сопротивляясь теченію, производятъ тихій и глухой ропоть.

Такихъ мѣстъ не любитъ птица, она, какъ будто, боится уединенія, а потому она покидаетъ рѣку, углубившуюся въ лѣсъ и перелетаетъ на болѣе оживленное мѣсто. Тогда хозяевами этой рѣки остаются только рыба да земноводныя, и тишина ея нарушается только плескомъ щуки, да иногда нырянемъ выхухоля.

Есть и другаго еще вида рѣки, которыя пробѣгаютъ по ровной долинѣ или широкому лугу. Берега ихъ мѣстами образуютъ лознякомъ, вербою, или одною только осокою. Небольшіе пруды, образующіеся вслѣдствіе разлива этихъ рѣчекъ, распространяють мокрыту и влажность и не только поддерживаютъ болота, но и образуютъ еще новыя, необитаемыя дичью.

Пруды бываютъ двухъ родовъ: *проточныя* и *непроточныя*. Рѣка иногда дѣлается часъ отъ часу все шире и шире и наконецъ образуетъ широкій прудъ. Такіе пруды изобилуютъ дичью: здѣсь раздолье ей и она сваливается сюда со всѣхъ сторонъ, особенно утки. Безопасно и сытно имъ здѣсь. Въ камышахъ не схватитъ молодаго утенка прожорливая щука

или сомъ, не налетитъ на него и коршунъ. Не любитъ этотъ хищникъ темноты, напрасно онъ чуть не цѣлый день описываетъ въ поднебесьи круги, или виситъ въ воздухѣ въ чайніи налетѣть на добычу. Напрасны ожиданія, камышь и осока не выдаютъ птенцовъ, и неприятно хищнику слушать ихъ пискъ и не видѣть добычи. Но зато на горе птенцу, если онъ отбившись отъ матери, услышитъ ея зовъ и рискнетъ переплыть открытое пространство: его ждетъ неминуемая гибель или широкое горло щуки, или же когти коршуна.

Другой родъ прудовъ непроточныхъ, пначе сказать копаныхъ, не представляютъ для охотника никакого интереса, поэтому мы перейдемъ прямо къ озерамъ.

Озера, подобно прудамъ, бываютъ *проточныя и непроточныя*, но кромѣ этихъ есть еще третій родъ озеръ, называемыхъ *глужими* или моховыми. Какъ въ проточныхъ такъ и непроточныхъ озерахъ, вода всегда прозрачна и они необыкновенно живописны и поростають обильной растительностію. Немалую опасность представляютъ тѣ мѣста озеръ, которыя покрыты растительностію «водяной травой». «Я, говоритъ Вавиловъ чуть, не заплатилъ жизнью за то, что осмѣлился проплыть за убитой уткой. Уже я возвращался назадъ какъ почувствовалъ, что мои ноги стягиваются все больше и больше. Не успѣлъ я придти въ себя отъ изумленія, и, признаться, страха, какъ почувствовалъ, что разорвать путы я не въ силахъ, они меня крѣпко держали. Дѣло произошло такъ: когда я, плывя, бороздилъ ногами, трава все больше и больше опутывала ихъ и наконецъ совсѣмъ опутала, только нырнувши и разорвавши руками траву, я освободился отъ нея и былъ доволенъ, что отдѣлался незначительными царапинами».

Что касается *моховыхъ* озеръ, то они большею частію очень не велики, но добраться до нихъ можно только съ большимъ трудомъ и опасностію. Всѣ они окружены болотами, которыя ничто иное, какъ тѣ же самыя озера, только заросшія на поверхности болотными травами. Ходьба по нимъ опасна, потому что подъ ногами болото это поднимается волнами и съ непривычки кружится голова. Вода въ этихъ озерахъ совер-

шенно черная, что происходитъ отъ ила, который лежитъ толстымъ слоемъ на днѣ ихъ. На такихъ озерахъ ничего почти не видно, такъ какъ ихъ избѣгаютъ даже птицы.

Обитатели всѣхъ этихъ водъ рѣзко отличаются отъ болотныхъ птицъ, описанныхъ нами въ первой главѣ. Овалъ длиннаго, челнообразнаго стана, обиліе перьевъ и пуха, покрытыхъ тонкимъ лакомъ, не пропускающимъ мокроту, самое устройство всѣхъ членовъ тѣла, ясно указываютъ, что назначеніе этой породы птицъ, — не временное плаваніе по водѣ, но постоянное пребываніе на ней.

Походка ихъ медленна — некрасива; нѣкоторыя изъ нихъ почти совершенно лишены способности ходить, но зато вода, ихъ стихія, на водѣ онѣ чувствуютъ себя какъ дома. Повидимому безъ всякаго движенія, безъ всякихъ усилій, спокойно, плавно, тихо, по всѣмъ направленіямъ разсѣкаютъ онѣ поверхность воды, незамѣтно передвигая свои перепончатыя лапы. Здѣсь онѣ ловки и красивы.

Перейдемъ теперь къ описанію породъ водныхъ птицъ.

Лебедь. Красивѣйшій изъ всѣхъ водныхъ птицъ, — безспорно лебедь. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, темными, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и такими же ногами, съ длинною гибкою шеей, онъ необыкновенно красивъ, когда спокойно скользитъ по зеркальной поверхности воды. Согласно наружности и всѣ движенія его необыкновенно красивы и граціозны: начнетъ ли онъ пить, нырять, и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающіяся съ его пушистаго тѣла, начнетъ ли онъ охорашиваться, легко и свободно загнувъ назадъ дугою свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья, распуститъ ли крыло по воздуху какъ будто длинный косой парусъ и начнетъ также перебирать въ немъ носомъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великолѣпно въ немъ, и недаромъ его называютъ царемъ водяной птицы, недаромъ слово «лебедушка» сдѣлалось любовнымъ, ласкательнымъ именемъ.

Самки отличаются отъ самцовъ только меньшимъ ростомъ.

Лебеди прилетаютъ къ намъ ранней весной, когда еще снѣгъ не успѣетъ сойдти, обыкновенно въ началѣ апрѣля. Прилетая, они выбираютъ очистившіяся отъ льда мѣста на рѣкахъ и рѣчныхъ разливахъ, гдѣ и дѣлаютъ остановку до того времени, пока не наступитъ настоящая весна, тогда они занимаютъ большія прѣсноводныя озера или обширныя, богатыя водою болота. При этомъ они всегда предпочитаютъ неглубокія мѣста, съ неглубокимъ дномъ и съ обильной водной растительностію: такія мѣста для нихъ положительно необходимы, такъ какъ они могутъ доставать пищу со дна, только на глубинѣ, равной ихъ шеи. Ѣдятъ же они всякаго рода растенія, насѣкомыхъ, червей, слизняковъ и мелкую рыбу. Растенія они просто срываютъ, мелкихъ водныхъ животныхъ отыскиваютъ, подобно уткамъ, т. е. процѣживаютъ воду чрезъ клювъ.

Едва только начнетъ припекать солнышко, едва зазеленеетъ трава, какъ лебединыя пары начинаютъ розыскивать себѣ мѣста для гнѣздъ. Выбравъ мѣсто, они отмежевываютъ себѣ цѣлый округъ, за черту котораго никто не можетъ переступить. Только одинъ человѣкъ можетъ нарушить ихъ покой. Едва лебеди замѣтятъ, что ихъ мѣстопребываніе открыто человѣкомъ, какъ нисколько не медля, оставляютъ облюбованное ими мѣсто и переселяются на другое.

Вѣрность лебедей другъ другу необыкновенно замѣчательна. Разъ они спаровались и никакими силами ихъ разъединить нельзя, развѣ только смерть разлучитъ ихъ: во всю свою долгую жизнь они остаются вѣрными другъ другу.

Оригинально, во время спариванья, ухаживаніе самца за самкой. Онъ ухаживаетъ за своей подругой по своему, то плавая и дѣлая круги вокругъ нея, то привѣтствуя ее радостнымъ крикомъ. Все это продѣлывается до тѣхъ поръ, пока сама самка не разнѣжится. Насладившись любовію, они принимаются устраивать гнѣзда; устраиваетъ его самка, самецъ же доставляетъ ей матеріалъ для постройки его, принося этотъ матеріалъ или въ клювѣ, или сплавляя его по водѣ, смотря по тому, какъ для него удобнѣе.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, самка начинаетъ

нести и наносить яицъ до семи штукъ. Яица высиживаются одною только самкою, самецъ же въ это время или плаваетъ вокругъ гнѣзда, какъ бы оберегая свою подругу, или же сидитъ съ ней рядомъ. Въ теченіе шести недѣль выводятся птенцы; изъ яицъ они вылупливаются покрытыми густымъ пухомъ. Цѣлыя сутки сидятъ они послѣ этого подъ матерью, чтобы просушиться; на слѣдующій день ихъ выводятъ на воду, гдѣ они, плавая вокругъ родителей, ловятъ насѣкомыхъ, или же взбираются на спину матери, гдѣ и сидятъ, пока не соблазнить ихъ какая нибудь мошка.

Лебеди горячо любятъ своихъ дѣтей и защищаютъ ихъ, насколько хватаетъ силъ. Необходимо три мѣсяца, чтобы молодые лебеди одѣлись въ перья, выросли у нихъ крылья и они могли бы летать и сдѣлаться самостоятельными.

Розсказнямъ о томъ, что лебеди необыкновенно смиренны и нѣжны не должно вѣрить, это смиреніе и эта нѣжность существуетъ только между самцомъ и самкой, въ отдѣльности же они никогда не живутъ мирно между собою, они постоянно дерутся, въ особенности самцы. Даже ручные лебеди настолько злы, что ласкать ихъ не всегда бываетъ безопасно, частенько они ни съ того ни съ сего угостятъ ласкающаго своими крыльями, что не очень пріятно, такъ какъ бывали случаи, что лебеди крыльями ломали людямъ руки, настолько сильны они. Приручать лебедей, между тѣмъ, очень легко; достаточно поймать молодыхъ еще не летающихъ лебедей и перевязать имъ кончики крыльевъ, чтобы они выпущенные на прудъ не могли улетѣть; видя постоянно вокругъ себя людей, они привыкаютъ къ нимъ и дѣлаются ручными. Но есть еще и другой способъ приручиванія ихъ. Обыкновенно находятъ лебединья яйца и кладутъ ихъ подъ гусыню, которая ихъ и выводитъ. Эти лебеди дѣлаются совершенно ручными и бывають величиною съ гуся.

Масо лебедей очень не вкусно, оно слишкомъ жестко, не смотря на то, сколько бы ихъ не мочили въ водѣ, если же и охотятся за ними, то благодаря только пуху, который цѣнится очень высоко.

Охота на нихъ довольно не легка; они, во-первыхъ, черезъ-

чуръ осторожны во вторыхъ садятся далѣе ружейнаго выстрѣла. «Я, говоритъ Аксаковъ, каждый годъ видалъ по нѣскольку разъ лебедей, по большей части въ недосыгавшей вышинѣ пролетавшихъ надо мною и плавающихъ по озерамъ, но всегда неожиданно и въ такомъ разстояніи, что не только гусиною дробью, но и картечью стрѣлять было невозможно; а иногда и стрѣлялъ, но выстрѣлъ мой могъ скорѣе назваться почетнымъ салютомъ, чѣмъ нападеніемъ врага. Впрочемъ, одинъ разъ въ моей жизни, когда я бродилъ по колѣна въ разливѣ рѣки Бугуруслана между частыми кустами, на меня налетѣлъ лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью; лебедь покачнулся, пошелъ внизъ и исчезъ изъ виду. На другой день мордвинъ сосѣдней деревушки нашель его мертвымъ съ версту отъ того мѣста гдѣ я стрѣлялъ».

Интересенъ рассказъ объ охотѣ на лебедей г. Вавилова *). «Разъ, въ началѣ апрѣля, говоритъ онъ, я сидѣлъ и читалъ; вечеръ уже приближался къ концу и была пора ложиться спать, когда вошелъ ко мнѣ извѣстный старому и малому охотникъ Иванъ Ивлевичъ, по прозванію *Утинный царь*; молча снялъ онъ шапку, молча обвелъ глазами комнату, обратился къ образамъ и отвѣсилъ три поясныхъ поклона...

— Лебедки есть, обратился онъ ко мнѣ, не хочешь ли попытать счастья!

— Садись-ка, Иванъ Ивлевичъ, да расскажи, откуда ты узналъ, что лебеди прилетѣли?

— Это то не убѣжить, а лебедки улетятъ; видишь ли я готовъ совсѣмъ, — и онъ показалъ на сумку, и хотя не на мудрую, но на поразительно далеко бьющую, двухстволку.

— Неужели ты сейчасъ идешь? Посмотри какая темнота.

— Чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше: убьешь больше. Одѣвайся ка поскорѣе, баринъ, да клади въ двухстволку побольше зарядъ, чтобъ не фальшивило.

Что то меня невольно останавливало, говорило, чтобы я не ходилъ, но желаніе убить лебеда, а больше стыдъ показаться трусомъ, передъ такимъ охотникомъ, какъ *Ути-*

---

*) Охота въ Россіи.

ный царь, преодолѣли всю боязнь и я сталъ проворно собираться.

Зарядивши бумажными зарядами свою двухстволку и захвативъ охотничій топоръ да веревку, въ нѣсколько сажень— мы вышли на дворъ. Было темно, но не тихо. Какой-то странный гулъ носился въ воздухѣ. Мы шли почти ощупью по двору и по улицамъ города, и потомъ мало по малу при-смотрѣлись и пошли впередъ бодрѣе. Сначала мы шли по хорошо знакомой деревенской дорожкѣ, но вотъ еще нѣсколь-ко шаговъ и ноги начали проваливаться въ рыхлый снѣгъ.

— Стой, баринъ, теперь шутить нечего, а обвязывай одинъ конецъ вокругъ пояса, а другимъ обвяжусь я. Я пойду впередъ, а ты старайся идти по моимъ слѣдамъ.

Утинный царь, какъ хорошій знатокъ мѣстности, бодро шелъ впередъ, не смотря на темноту. Правда, что можно было различать снѣгъ въ двухъ шагахъ, но за то окрестъ ничего не было видно. Я съ трудомъ поспѣвалъ за своимъ проводникомъ, и если бы не веревка, да изрѣдка пронзосимое «держиcь правѣе, или лѣвѣе», то я подумалъ бы что со мной никого нѣтъ. Мнѣ показалось, что мы уже шли нѣ-сколько часовъ. Снѣгъ захватывалъ за колѣна, ходьба съ каждой минутой становилась труднѣе.

— Тащи-ка веревку! раздалось въ моихъ ухахъ и я не-вольно вздрогнулъ, понимая, что съ Иваномъ случилось что нибудь не доброе. Уже прошло минутъ около пяти, какъ я напрягалъ всѣ свои силы, но веревка не подавалась ни на вершокъ, а напротивъ, какъ бы уходила отъ меня.

— Я, въ болотѣ, тащи въ лѣво! какъ то глухо, но страш-но раздался голосъ Ивана посреди царствующей темноты. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ влѣво и въ свою очередь про-валился по поясъ. Въ первую минуту я сильно потерялся, но, почувствовавъ твердый грунтъ подъ ногами, обрадовался. Мои усилія увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Веревка медлен-но, но всетаки подвигалась впередъ и скоро къ крайней моей радости Иванъ стоялъ на ногахъ и отряхивался.

— Спасибо, баринъ! ты провалишься и я тебя вытащу, сказалъ онъ и зашагалъ впередъ.

Вдругъ впереди меня, гдѣ-то далеко раздался лебединный крикъ, я только что отерлъ ротъ, чтобы крикнуть Ивану, какъ онъ очутился возлѣ меня и быстро прошепталъ: «Ни слова... Здѣсь рѣка, затрепщитъ ледъ — ложись на брюхо!» и снова скрылся въ темнотѣ.

Жутко мнѣ стало отъ этихъ словъ, но ворочаться было поздно; волей неволей я долженъ былъ идти впередъ. Нѣсколько шаговъ отъ берега и... ледъ затрепскалъ подъ ногами. Въ какой-то смертельной тоскѣ, въ невыразимомъ ужасѣ я протянулся. Въ эту критическую минуту, *Утинный царь* появился около меня, что придавало мнѣ бодрости; я чувствовалъ, что при такомъ человѣкѣ я не погибну: извиваясь какъ змѣи, то на локтяхъ, то упираясь колѣнами, мы подвигались впередъ. Когда мы чувствовали, что ледъ подъ нами гнулъся, мы быстрѣе проползали опасное мѣсто. Но вотъ и благодатный берегъ, вотъ я опираюсь на него руками, вотъ я и стою на немъ. Ни за какія блага въ мірѣ, я не рѣшусь повторить подобной охоты.

Мы осмотрѣли ружья и пошли по колѣна не то въ водѣ, не то въ снѣгу. Лебединный крикъ слышался все ближе и ближе.

Чу! съ боку несется шумъ, какъ налетающій порывъ сильнаго вѣтра.... Это стадо гусей. Вмигъ ружье выхвачено изъ чехла и щельнули курки, но Иванъ и тутъ помѣшалъ; онъ крѣпко стиснулъ мою руку и велѣлъ спустить курки. Я повиновался и мы пошли дальше. Вдругъ цѣлыя сотни голосовъ раздались въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ. Иванъ положилъ свою руку ко мнѣ на плечо и мы остановились.

— Они плывутъ на насъ! проговорилъ онъ шепотомъ мнѣ на ухо.

Я сталъ всматриваться, но было темно, началъ вслушиваться, но ничего не слышно, хотя и зналъ что *Утинный царь* не ошибался. Мы сѣли на кочки, перемѣнили патроны и стали всматриваться. Блеснула зорька и мы увидали шагахъ въ пятидесяти штукъ до сорока лебедей. Терять времени было некогда; мы быстро приложились и три лебедя пропѣли свою

последнюю пѣсню, еще два свалились сверху. Я былъ счастливѣе Ивана, первымъ выстрѣломъ убилъ двухъ.

Разыгралась заря, солнце вышло изъ-за лѣсу и мы пошли домой».

Бьютъ лебедей особенно много тамъ, гдѣ они гнѣздятся; во время ихъ линьки и молодыхъ, когда они не могутъ еще летать.

Въ Алжирѣ арабы ихъ ловятъ, вбивая колья возлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они стануютъ. Къ кольямъ привязываютъ нитки изъ верблюжьей шерсти, оканчивающіяся крючками, на которые насаживаютъ хлѣбъ, мясо или рыбу. Лебедь, замѣтивши приманку, проглатываетъ ее и попадаетъ на крючекъ.

На большихъ озерахъ, гдѣ живутъ лебеди, во время сильнаго вѣтра, на нихъ охотятся также на лодкахъ, пуская лодку на всѣхъ парусахъ и держа руль прямо на нихъ. Последніе взлетаютъ и такъ какъ они необходимо должны летѣть противъ вѣтра, то и налетаютъ на лодку, откуда ихъ стрѣляютъ въ летъ.

Стрѣлять лебедей нужно пулей или картечью, такъ какъ для дробы они слишкомъ сильны.

Гусь. Описывать гуся нѣтъ никакой надобности, такъ какъ онъ хорошо извѣстенъ всѣмъ и каждому.

Гуси на зиму не улетаютъ, подобно другимъ птицамъ далеко на югъ, они зимуютъ у насъ же на югѣ Россіи, преимущественно на Сивашѣ и другихъ мѣстахъ взморья. Еще за долго до теплыхъ весеннихъ дней, когда еще снѣгъ не начинается таять, когда вода въ рѣкахъ и озерахъ скована льдомъ, гуси поднимаются съ зимовки и летятъ высоко въ воздухъ на далекой сѣверъ. Цѣлыми вереницами отправляются они туда и немудрено встрѣтить эти вереницы въ мартѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда еще не появлялись жаворонки въ нашихъ среднихъ губерніяхъ. Въ это время гуси летятъ небольшими партіями, валовой же перелетъ начинается въ то время, когда начинается спадать снѣгъ и таять ледъ; по мѣрѣ того, какъ дѣлается тепло, стада гусей все болѣе и болѣе увеличиваются. Они летятъ обыкновенно въ формѣ

огромнаго клина съ неровными концами и имѣють впереди своего предводителя.

Едва спадетъ полая вода, оголятся луга и обмелѣють болота, какъ гуси начинаютъ разбиваться на пары и подумывать о гнѣздѣ. Старики просто отдѣляются отъ стада, а молодые, двухгодовыя самцы начинаютъ ухаживать за молодыми гусынями, желая выбрать себѣ подругу жизни. Здѣсь нерѣдко происходятъ между самцами жестокия драки, но зато какъ скоро соединится парочка, то ужъ подобно лебедямъ не растаетъ во всю жизнь.

Спаровавшись, гуси выбираютъ себѣ въ болотѣ самое глухое, непроходимое поросшее камышами мѣсто для гнѣзда и подобно лебедямъ отмежевываютъ себѣ владѣнія, за черту которой ни одинъ пришлецъ не смѣетъ переступить: отъ этого и происходятъ часто драки между гусаками, поселившимися вблизи одинъ отъ другаго. Во время спариванья гусакъ ни на одинъ шагъ не отходитъ отъ своей гусыни, стараясь насколько возможно доказать свою любовь ей. Когда гусыня оплодотворится, то тотчасъ же начинаетъ устраивать гнѣздо, гусакъ ходитъ въ это время по ея слѣдамъ, но ни въ чемъ не помогаетъ ей, а только оберегаетъ ее. Устроивъ гнѣздо, гусыня начинаетъ нести яйца и кладетъ ихъ иногда до 14 штукъ, затѣмъ садится высидывать ихъ и высидываетъ въ теченіе двадцати восьми дней; если во время высидыванья она сходитъ съ гнѣзда, чтобы поѣсть, то накладываетъ на яйца толстый слой перьевъ, чтобы не остыли они. По выходѣ изъ яйца гусенята остаются нѣсколько дней въ гнѣздѣ и потомъ мать выводитъ ихъ на воду, на какое нибудь плесо, прудъ, или небольшое озеро, густо заросшее болотною травой. Старики обыкновенно съ гусятами переселяются на близъ лежащія воды, а иногда перелетаютъ на озера, лежащія на нѣсколько верстъ отъ гнѣзда; во время этихъ переходовъ большая часть гусенятъ гибнетъ какъ отъ человѣка, такъ и отъ животныхъ.

Какъ скоро гусенята поднимутся, старики начинаютъ линять. Гусаки раньше линяютъ гусыни; послѣднія начинаютъ линять въ то время, когда гусенята уже летаютъ.

Во время линьки промышленники истребляют гусей во множествѣ: сперва уничтожаютъ молодыхъ, а потомъ принимаются и за старыхъ. Охотнику, конечно, противна такая бойня, такъ какъ въ этомъ случаѣ не нужно даже умѣнья стрѣлять и птицъ бьютъ просто палкою.

На сѣверѣ ловятъ гусей тысячами, загоня ихъ въ сѣти.

Когда выводки подрастутъ, то соединяются въ стада и начинаютъ кормиться въ хлѣбныхъ поляхъ, преимущественно въ гречишныхъ, гороховыхъ и овсяныхъ. Облюбовавъ какое нибудь поле, они постоянно летаютъ на него, даже и послѣ жнитвы, подбирая здѣсь оставшіяся зерна.

Въ это время гуси ведутъ совершенно правильный образъ жизни. Съ закатомъ солнца по голосу стариковъ стадо поднимается и летитъ въ поле набивать себѣ зобы; набивъ ихъ какъ можно больше, они улетаютъ на какое нибудь уединенное озеро и отдохнувъ здѣсь два или три часа, снова отправляются на извѣстное поле и возвращаются только къ раннему утру.

Это время самое лучшее для охоты, гуси отъѣдаются и дѣлаются жирными, всего лучше стрѣлять ихъ на перелетахъ, подмѣтивъ ихъ воздушную дорогу.

«Какъ только послѣдніе лучи догорающаго дня проникали въ мою комнату, говоритъ г. Вавиловъ, я снималъ со стѣны пару двустволокъ, заряжалъ ихъ безъимяной и отправлялся въ путь. Пришедши на мѣсто, я усаживался подъ какой-нибудь кустикъ, взводилъ курки на ружьяхъ и ставилъ ихъ около себя. А ночь между тѣмъ ужъ опустилась на землю и отъ поднимающихся испареній стало холодно. Ночная тишина мало по малу водворилась и какъ то неволью становится жутко. Долго сидишь, бывало, долго ждешь гусей и какъ то обрадуешься, когда издали донесется гоготанье сторожеваго гуся, сзывающаго на ночлегъ. Вмигъ позабудешь про все, позабудешь и про холодъ и про то, о чемъ думалъ. Ружье уже давно въ рукахъ, а другое стоитъ около.... Вотъ донесся глухой шумъ и черезъ секунду на небосклонѣ появилось громадное темное пятно. Низко и плавно летятъ гуси, неподозрѣвая засады. Вотъ они налетѣли, быстро стрѣляешь въ

ближайшихъ гусей, затѣмъ не давъ имъ опомниться, выпускаешь еще два заряда. Мнѣ разъ удалось такимъ способомъ убить десять штукъ».

Кромѣ стрѣлянія гусей ловятъ еще капканами и перевѣсами.

Гуси летая кормятся въ поля и возвращаясь оттуда назадъ летятъ всегда по одной и той же дорогѣ, и такъ крѣпко держатся разъ избраннаго пути, что пролетаютъ часто между одними и тѣми же деревьями. Вотъ на этой то дорогѣ и устанавливаются перевѣсы. Для этого устанавливаютъ два высокихъ шеста, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ широка сѣть; на самомъ концѣ этихъ шестовъ ввинчивается по желѣзному кольцу, сквозь котораго продѣвается бичевка, привязанная къ краямъ сѣти. При помощи бичевокъ сѣть поднимается до самаго верху, а внизу слегка привязывается къ шестамъ, такъ что она виситъ не натянутою, а на слаби. Бичевки проведены въ шалашъ или кустъ, въ которомъ скрывается охотникъ. Самая сѣть вяжется изъ толстыхъ крѣпкихъ нитокъ, такой величины, чтобы гуси могли пролѣзть до крыльевъ.

Гуси, возвращаясь съ поля не видятъ сѣтки, по причинѣ темноты, и всей массой вваливаются въ сѣть. Тутъ дѣло охотника опустить только бичевки, сѣть опускается и покрываетъ все стадо. Но иногда гуси немного уклоняются отъ своего пути и касаются только края сѣти, такъ что попадаютъ только нѣсколько гусей; чтобы избѣжать этой неприятели, ставятъ обыкновенно нѣсколько перевѣсовъ рядомъ.

Дикіе гуси очень легко приручаются, особливо если они высижены домашней гусыней, но въ первый годъ имъ необходимо подрѣзывать крылья, иначе они улетятъ.

Утка. Кряковная утка очень походитъ на нашихъ домашнихъ и нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдніе произошли отъ первыхъ. Кряковная утка или кряква крупнѣе всѣхъ остальныхъ дикихъ утокъ. Селезень необыкновенно красивъ, голова и половина шеи у него точно изъ зеленого съ золотомъ бархата, на крыльяхъ лежитъ синевато-вишневая золотистая полоска. Утка вся сѣрая. Весною стаи кряковныхъ утокъ прилетаютъ къ намъ еще въ псходѣ марта, раньше другихъ утиныхъ

породъ, кромѣ нырковъ. Сначала летятъ они высоко надъ землей, покрытой еще снѣгомъ, но едва весна вступитъ въ свои права, какъ утки начинаютъ летѣть ниже и опускаться на мѣста, которыя имъ понравятся. Въ это время стрѣлять ихъ почти невозможно, по крайней мѣрѣ охота на нихъ трудна, потому что они дики и осторожны и не подпускаютъ къ себѣ ни коннаго, ни пѣшаго. Скорѣе можно убить крякву въ летъ особенно поздно вечеромъ, когда стаи летятъ гораздо ниже, или перелетаютъ съ одной лужи на другую. Эта стрѣльба называется *стойкою на мѣстахъ*. Но это длится не долго, скоро утки разобьются на маленькія стайки, поприглядятся, попривыкнутъ и присмирѣютъ. Тогда можно къ нимъ подѣзжать на простой телѣгѣ или дрожкахъ.

Для стрѣльбы нужно употреблять крупную утиную дробь № 2 и 3, а если птица дика, то можно пустить въ дѣло и гусиную.

По мѣрѣ того, какъ весна дѣлается теплѣе, небольшія стаи кряковныхъ утокъ окончательно разбиваются на пары, *понимаются* и дѣлаются смирнѣе, въ особенности потому, что подрастаетъ трава, гдѣ они могутъ спрятаться. Селезень не отходить отъ утки ни на одинъ шагъ, это самый сладострастнѣйшій изъ всѣхъ самцовъ, онъ не разлучается со своей подругой и ни за что не слетитъ съ мѣста, прежде нея.

«Иногда, говоритъ Анановъ, утка положится въ какой-нибудь лужѣ или щелочетъ носомъ въ жидкой грязи, а селезень какъ часовой стоитъ на берегу, или на кочкѣ; охотникъ подѣзжаетъ къ нему въ мѣру, но утка не видитъ или не замѣчаетъ ничего; селезень пошевеливается, повертывается, побрякиваетъ, какъ будто подаетъ ей голосъ, ибо видитъ опасность, но утка не обращаетъ вниманія. Одинъ онъ не летитъ прочь и мѣткій выстрѣлъ убиваетъ его на повалъ. Утка улетаетъ, не показывая никакого участія къ убитому селезню. Совсѣмъ другое бываетъ, когда охотникъ убьетъ утку; селезень не только будетъ летать кругомъ охотника, не налетая впрочемъ слишкомъ близко, но даже нѣсколько дней сряду станетъ колотиться около того мѣста, гдѣ потерялъ дружбу».

Въ это время не трудно подѣзжать къ разнѣженнымъ парамъ или еще удобнѣе подходить или подкрадываться изъ-за какого-нибудь предмета, такъ какъ утка замыслившая гнѣздо или задумавшая нестись, никогда не садится съ селезнемъ на открытомъ мѣстѣ, а гдѣ-нибудь въ овражѣ или густой травѣ, такъ какъ ей необходимо обмануть бдительность селезня, для достиженія своей цѣли. Селезень насколько чувственъ, настолько же и ревнивъ, онъ не переноситъ всего того, что можетъ разлучить хотя на короткое время его съ самкою, поэтому онъ, найдя гнѣздо, разноситъ его окончательно, перебиваетъ яйца, если же вмѣсто нихъ найдетъ живыхъ дѣтенышей, то перебьетъ и ихъ. Вслѣдствіе этого утка должна пускаться на всевозможныя хитрости, чтобы обмануть самца. Почувствовавъ тяжесть отъ яйца, утка всегда близъ удобнаго къ побѣгу мѣста, всего чаще на лужѣ или озерѣ присядетъ на бережокъ, положить голову подъ крыло и притворится спящею. Селезень присядетъ возлѣ нея и уснетъ на самомъ дѣлѣ, а утка наблюдающая за нимъ изъ подъ крыла, тотчасъ же спрячется въ траву или камышъ; отползетъ нѣсколько десятковъ сажень, поднимется невысоко и облетѣвъ стороной опустится на землю и подползетъ къ своему уже готовому гнѣзду.

Утка устилаетъ гнѣздо своими перьями и пухомъ, снесетъ первое яйцо, бережно прикроетъ его тою же травою и перьями, отползетъ на нѣкоторое разстояніе въ другомъ направленіи, поднимется и съ противоположной стороны является на то мѣсто, гдѣ она оставила селезня, который давно уже ищетъ ее. Увидѣвъ свою подругу, онъ съ яростію бросается на нее, хватая за шею и начинаетъ награждать ее своими супружескими ласками. Едва утка, измятая любовными ласками селезня оправится и выйдетъ на берегъ, какъ селезень снова мнетъ ее и это повторяется нѣсколько разъ въ теченіе одного часа.

Но не всегда бывають удачны побѣги утокъ. Иногда селезень замѣчаетъ, какъ его подруга, желая скрыться, шмыгнула въ траву, онъ тотчасъ же бросается вслѣдъ за нею, хватая ее за шею и вытащивъ на берегъ, начинаетъ съ

нею творить расправу, такъ что изъ нея перья летять. Вслѣдъ за побоями и наказаніями наступаютъ горячія супружескія ласки.

Утка несетъ до 11 яицъ, изъ которыхъ всегда бываетъ два болтуна. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вылупленія, утятъ нельзя уже найти въ гнѣздѣ, мать ихъ вывела уже на тихую воду пруда, озера или залива съ камышами. Между тѣмъ селезни долго еще остаются на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ покинула самка, и въ это время ихъ много бьютъ охотники. Наконецъ и для нихъ наступаетъ время линянья и они на это время скрываются въ крѣпкія мѣста. Но наступаетъ августъ, и начинается самая ужасная охота; молодья еще смирны, *глупы*, какъ выражаются охотники и близко подпускаютъ къ себѣ. Подстрѣленная утка воровата, она умѣетъ мастерски прятаться даже на открытой водѣ, если только достанетъ силъ, то она сейчасъ нырнетъ и, проплывъ подъ водою сажень пятнадцать, иногда и двадцать, вынырнетъ или выставитъ носъ и часть головы наружу и прильнетъ къ берегу, такъ что нѣтъ возможности различить ее. Посреди чистой воды, она выставляетъ только одинъ носъ для дыханія и погруженная всѣмъ тѣломъ въ воду, уплываетъ по теченію рѣки, такъ что и не замѣтишь.

Въ октябрѣ утки сваливаются въ большія стаи и въ это время добывать ихъ дѣлается трудно. День проводятъ они на большихъ прудахъ и озерахъ. Нерѣдко вода бываетъ буквально покрыта ими. Къ такой огромной стаѣ, сидящей на открытомъ мѣстѣ, подкрасться нѣтъ никакой возможности. Большею частью ихъ разгоняютъ выстрѣлами на мелкія стаи, которыя и приближаются къ берегу, гдѣ бить ихъ уже легко.

Кряковныя утокъ стрѣляютъ также на подманку, особенно селезней, когда утки начинаютъ прятаться отъ нихъ. Они охотно летять на поддѣльный крикъ утки.

Мясо кряковныя утокъ довольно сухо и черство, но всегда питательно, но осенью они бываютъ жирны и вкусны. По временамъ мясо всѣхъ утиныхъ породъ пахнетъ рыбой, это происходитъ отъ обилія мелкой рыбы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ утки. Рыбой этой они принуждены питаться, за от-

существомъ другой пищи, но мясо краквы никогда не отдаетъ рыбой

Шилохвость. Эта порода утокъ получила свое названіе отъ формы своего хвоста, похожаго на шило.

Величиною она меньше краквы. Утка не такъ красива какъ селезень и меньше его. Шилохвости прилетаютъ позднѣе краквы и летятъ очень большими стаями. Когда онѣ разбиваются на пары, то встрѣчаются гораздо рѣже другихъ утиныхъ породъ; какъ гнѣзда, такъ и выводки попадаютъ рѣдко. Какъ не странно, но шилохвости, летая весною огромными стаями, рѣдко попадаютъ подъ выстрѣлъ охотника, онѣ слишкомъ осторожны. «Оренбургскій охотникъ» рассказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ. «Шель я, говоритъ онъ, внизъ по рѣчкѣ Берля, отъ небольшого пруда къ другому болѣе обширному, находящемуся верстахъ въ трехъ пониже. Кучеръ съ дрожками ѣхалъ неподалеку за мной. Шесть крупныхъ шилохвостей пронеслись высоко навстрѣчу мнѣ; я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но ни одна утка не обратила, повидимому, никакого вниманія на мои выстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ кучеръ закричалъ мнѣ, что тѣ же утки летятъ назадъ, и точно, видно имъ что нибудь помѣшало опуститься на маленькій прудъ, оставленный мною назадъ и они возвращались на большой прудъ. Утки летѣли такъ высоко, что стрѣлять было невозможно. Я проводилъ ихъ глазами и продолжалъ идти по рѣчкѣ. Вдругъ кучеръ мой снова закричалъ мнѣ, что тѣ же шесть шилохвостей опять летятъ мнѣ навстрѣчу, прибавивъ, что «видно и на большомъ пруду помѣшали имъ сѣсть». Мы оба устремили глаза на летящихъ еще выше прежняго надъ нами утокъ. Вдругъ одна изъ нихъ перевернулась на воздухъ, быстро пошла къ низу и упала недалеко отъ меня. Это былъ селезень шилохвость, съ переломленною пополамъ плечною костью праваго крыла. Трудно повѣрить, а дѣло было точно такъ. Со всякою другою раной птица можетъ нѣсколько времени летать; но летать съ переломленною костью плеча и летать долго — это просто невозможно. Не было никакого сомнѣнія, что это были тѣ же самыя утки, въ которыхъ я выстрѣлилъ: зоркій кучеръ мой не выпускалъ

ихъ изъ глазъ. И такъ, нельзя иначе объяснить это казусное дѣло, какъ предположеніемъ, что дробина ударила въ папоротку селезня и надломила плечную кость *вдоль*, то есть произвела маленькую трещинку въ ней, и что наконецъ, отъ усиленнаго летанья, кость переломилась *поперекъ* и птица упала. Изумительно также тутъ стеченіе обстоятельствъ: надобно же было сдѣлаться перелому въ ту самую минуту, когда утки, пролетѣвъ нѣсколько верстъ взадъ и впередъ, въ третій разъ летѣли надо мной, такъ что шилохвость упалъ почти у моихъ ногъ».

Свѣязь. Эта утка менѣе двухъ предыдущихъ описанныхъ породъ, имѣетъ складъ круглый и крѣпкій. Быстрый полетъ, частое и рѣзкое маханье крыльями показываютъ ея сильное сложеніе. Утка летитъ очень рано весной, необыкновенно высоко и большими стаями. Ее можно узнать по свисту, который раздается при ея полетѣ, смѣшанному съ особаго рода шипѣшьемъ, которое издають они. Свистъ этотъ происходитъ отъ быстрого полета, который сливается съ ихъ сиповатымъ покрякиваньемъ. Свѣязи не летаютъ подобно другимъ утинымъ породамъ на хлѣбныя поля, они питаются мелкой рыбой, отчего запахъ ихъ мяса и отдаетъ послѣдней. Впрочемъ свѣязи подобно другимъ породамъ и безъ хлѣбной пищи, осенью бываютъ жирны, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ кряквы. Прилетая весной большими стаями, они въ продолженіе всего лѣта попадаютъ охотникамъ чрезвычайно рѣдко и поэтому послѣ кряквы цѣнятся очень высоко.

Широконоска. Названіе это получила утка вслѣдствіе ширины своего носа, она очень периста, но не смотря на это объемомъ меньше всѣхъ преждеописанныхъ утокъ. Она слабаго, рыхлаго сухощаваго сложенія. Жирныхъ широконосокъ никогда не бываетъ. Стаями не видно ихъ никогда: во время прилета и отлета дичи, они всегда попадаютъ парами. Цѣнятся эти утки весьма дешево.

Къ ружью онѣ довольно слабы, но бываютъ случаи, что раненныя онѣ долго живутъ. О подобномъ случаѣ рассказываетъ г. Аксаковъ бывшимъ съ нимъ. «Одинъ разъ, бродя между высокими камышами по колѣно въ грязи и довольно

нагрузивъ мой ягташъ мелкою дичью, увидѣлъ низко и прямо летящую на меня пару широконосокъ. Онѣ летѣли въ совершенно равной вышинѣ отъ земли съ моимъ ростомъ. Я ударилъ имъ нанстрѣчу бекасиною дробью и убилъ ихъ наповаль. Мнѣ не хотѣлось мять въ ягташѣ бекасовъ и гаршнеповъ и я заткнулъ головы обѣихъ широконосокъ за кожаный ремень, которымъ былъ подпоясанъ, затянулъ его потуже, чтобы утки не выскочили. Я проходилъ еще болѣе часа. Наконецъ вышелъ къ своимъ дрожкамъ, положилъ всю дичь въ кожаный ящикъ и первыхъ бросилъ туда широконосокъ. Я воротился домой нескоро; стрѣлялъ дорогой съ подѣзда и набилъ полонъ ящикъ различною дичью. При возвращеніи при мнѣ выбирали у крыльца дичь изъ дрожекъ, когда добрались до дна ящика, вдругъ селезень широконосокъ вылетѣлъ и скрылся изъ глазъ, какъ совершенно здоровый».

Вообще оглушительныя и обморочныя, преимущественно головныя раны, послѣ которыхъ птицы, убитыя, повидимому, на поваль, отдыхаютъ и улетають, вовсе не рѣдкость. Но странно то, какъ не задушился селезень, придавленный за шею ремнемъ, такое долгое время.

Чирокъ. Чирки составляютъ самую мелкую, проворную, и складную породу утокъ. Во время весенняго перелета и осенняго отлета, они появляются большими стаями. Весною они появляются позднѣе другихъ утокъ, а осенью остаются долже, кромѣ кряковныхъ утокъ. Въ розницу чирки попадаются чаще другихъ утокъ. Прилетаютъ они довольно сытыя и улетають буквально облитыя жиромъ, немного уступая кряквямъ, хотя и не замѣтно, чтобы они летали въ хлѣбныя поля. Полетъ ихъ живъ и скоръ, особенно когда собираются они въ большія стаи. Чирки съ весны попадаютъ охотникамъ парами, а потомъ и въ одиночку, вездѣ, гдѣ только есть вода. Но они особенно любятъ маленькія рѣчки, озера и лужи. Подстрѣленный чирокъ ныряетъ проворнѣе всѣхъ утокъ и искуснѣе всѣхъ умѣетъ спрятаться и притаиться въ травѣ. Мясо чирка вкуснѣе мяса остальныхъ утиныхъ породъ, въ немъ слышится запахъ дичины.

Нырокъ. Нырки небольшого роста, но мясисты, пѣгаго цвѣта.

Полетъ ихъ очень быстръ и сопровождается особеннымъ звукомъ, напоминающимъ собою полетъ стрепета. Нырокъ, завидя человѣка не сразу поднимается съ воды, предварительно онъ начинаетъ нырять и такъ проворно, что на широкой водѣ онъ въ одно мгновеніе очутится внѣ выстрѣла. Если охотникъ внезапно явится передъ нимъ, то нырокъ рѣшается подняться. Поднимается онъ обыкновенно очень неловко и летитъ сначала шлепая по водѣ крыльями, но вскорѣ разлетается, поднимается высоко и тогда уже летитъ быстро. Весной прилетаютъ они раньше всѣхъ утокъ.

Сначала они являются большими стаями и нигдѣ не опускаются, такъ какъ сдѣлать имъ этого негдѣ, всѣ воды еще покрыты льдомъ. Затѣмъ появляются они парами вездѣ, гдѣ только вода очистилась ото льда. До лѣта нырки держатся парами и одиночками по рѣкамъ и прудамъ. Въ продолженіе лѣта нырковъ встрѣчается очень мало, и то если попадаютъ, то селезни. Къ осени они снова собираются стаями, готовясь къ отлету. Нырки никогда не устраиваютъ себѣ гнѣздъ, подобно другимъ уткамъ на землѣ. Ихъ гнѣзда находятся преимущественно въ камышахъ на водѣ, или надъ водою. Утки съ утятами упорно держатся въ камышѣ и почти нѣтъ возможности выгнать ихъ на открытое мѣсто. Мясо ихъ было бы вкусно, если бы не пахло сильно рыбой. Къ ружью они очень крѣпки и ихъ нужно бить не иначе какъ утиною дробью № 4-й.

Чернь. Эта порода получила свое названіе оттого, что покрывая воду огромными стаями, одѣваютъ воду совершенно чернымъ покрываломъ. Они бываютъ у насъ только пролетомъ весною и осенью. Садятся обыкновенно на чистыхъ, открытыхъ прудахъ и бить ихъ чрезвычайно трудно, такъ какъ добраться до нихъ стоитъ не мало хлопотъ. Но добравшись, однимъ выстрѣломъ можно положить ихъ штукъ до десяти, такъ скученно сидятъ они.

Лысуха. По устройству своего тѣла и по носу, похожему на куринный, лысуху нельзя причислить къ породѣ утокъ. Лысуха водится во множествѣ на прудахъ и озерахъ, но перелета стаями ихъ видѣть невозможно по той простой причинѣ, что

онѣ являются въ одиночку или же парами. Лысуха получила свое названіе отъ бѣлаго пятна на лбу, что издали ее дѣлаетъ дѣйствительно похожей на лысую. Пятно это не любитъ холода, поэтому она прилетаетъ поздно весною, когда дѣлается совершенно тепло и улетаетъ рано осенью, до невзгоды. Обыкновенное мѣстопребываніе лысухи стоячія воды; она обыкновенно держится на мелкой водѣ или же у самаго берега, такъ какъ ея пищу составляютъ насѣкомыя, водяная трава и далѣе тина. Гнѣздо свое лысуха устраиваетъ изъ сухой осоки и, такъ сказать, вылуживаетъ его собственнымъ жаломъ. Оно не прикрѣпляется къ какому вѣбудь мѣсту, а свободно плаваетъ на водѣ. Въ случаѣ опасности, лысуха, бываетъ гораздо благоразумнѣе утки, она никогда не отдастъ себя въ жертву изъ-за дѣтей, отвлекая отъ нихъ охотника, она прячется всегда съ ними вмѣстѣ въ камышъ, или осоку. Мясо лысухи было бы вкусно, если бы сильно не отдавало рыбой. Для устраненія этого запаха обыкновенно сдираютъ съ нея кожу и тогда уже жарятъ ее.

Сѣрая утка. Кромѣ этого названія, она носитъ много и другихъ: полуматерая утка, полуха, неразвѣтъ, неразень.

Порода сѣрыхъ утокъ чрезвычайно схожа со всѣми остальными утинными самками. Селезень отъ утокъ почти ничѣмъ неразнится. Все отличіе заключается въ томъ, что у него пестрины немного мельче и по крыльямъ протянулась узенькая красно-коричневая полоска.

Сѣрая утка своей красотой особеннаго вниманія не вызываетъ, но не смотря на то, она очень уважается охотниками. Она встрѣчается несравненно рѣже чѣмъ кряква. Впрочемъ, охотясь за благородною дичью, на нихъ мало обращаютъ вниманія.

Сѣрая утка крѣпка къ ружью такъ же какъ и кряква. Для стрѣльбы употребляютъ дробь № 3—4; осенью же и весной, когда онѣ не подпускаютъ къ себѣ близко, ихъ бьютъ № 1—2.

Каргатна. Она носитъ нѣсколько названій; въ Малороссіи зовутъ кипуномъ и огаремъ, въ Сибири краснымъ турпаномъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красной уткой. Опереніе какъ самца такъ и утки почти одинаковое: темно-ржаво-краснаго цвѣта.

Верхъ спины и голова бѣловатыя; внизу ржаво-желтой шеи проходитъ черно-зеленой ошейникъ; низъ спины покрытъ черными и бѣлыми черточками; крылья бѣлаго цвѣта; хвостовыя перья черного, блестящаго цвѣта. Самецъ отличается отъ утки только тѣмъ, что онъ менѣе ея величиной и не имѣетъ ошейника.

Карагатки послѣ прилета разбиваются на пары, какъ и всѣ вообще утки. Волокитство самцевъ за самками и любовная страстность такая же какъ и у кряквы.

Гнѣзда выстилають сухими листьями и травой, покрывая пухомъ. Онѣ особенно любятъ гнѣздиться въ старыхъ покинутыхъ норахъ.

По выходѣ изъ яицъ, молодые утенята какъ только обсохнутъ, сейчасъ же отправляются съ матерью на воду, на которой и остаются до тѣхъ поръ, покуда не выростутъ крылья. Оперившись какъ слѣдуетъ и получивши возможность летать, онѣ каждый день совершаютъ путешествія въ тѣ поля, которыя засѣяны хлѣбомъ.

При наступленіи августа мѣсяца, карагатки отлетаютъ на югъ и держатся на морскихъ побережьяхъ вплоть до октября:

Карагатки въ нѣкоторомъ отношеніи похожи на гусей: ходятъ прямо и не переваливаются съ боку на бокъ. Для стрѣльбы нужно употреблять крупную дробь.

Пѣганка. Название дано вѣроятно по цвѣту пера. Она пѣлаго цвѣта и, сравнительно съ другими породами утокъ, довольно велика.

Любимыя мѣста пѣганки: морскія побережья и солончатые озера. Не особенно рѣдко встрѣчается пѣганка и на прѣсныхъ водахъ.

По ходкѣ, нырянію, плаванію и голосу—это живое подобіе кряквы. Мѣста для гнѣздъ преимущественно выбираетъ въ норахъ и устраиваетъ ихъ нерѣдко даже въ норахъ барсуковъ и лисицъ, которые ихъ не трогаютъ. Последнее обстоятельство невозможно объяснить.

Опереніе селезня чрезвычайно красиво: голова и нѣкоторая часть шеи черно-зеленаго цвѣта; исподъ шеи, середина спины, крылья и хвостъ бѣло-снѣжнаго цвѣта. Оконечность хвоста,

середина груди, маховыя перья и брюшко сѣро-черныя; грудь окаймлена поясомъ рыжаго цвѣта, но по крыльямъ идетъ пурпурово-зеленое пятно. Темно-орѣховыя глаза и ноги тѣлеснаго цвѣта заканчиваютъ красную одежду птицы. Пѣганки очень храбры и смѣлы.

Охотятся за пѣганками преимущественно потому, что пухъ этой птицы на столько же хорошъ и превосходенъ какъ и гагачій.

Мясо ихъ можно ѣсть только во время голодной смерти, на столько оно противно.

Гага. Охотятся на эту птицу точно также какъ и на пѣганку — изъ за добычи пуха. Она преимущественно держится на крайнемъ сѣверѣ, по берегамъ Ледовитаго моря. Какъ селезень такъ и утка перомъ очень красивы. Вскорѣ послѣ спариванья селезень линяетъ и вмѣсто роскошнаго наряда одѣвается въ болѣе простую одежду. Полное опереніе молодыхъ гагъ совершается не особенно скоро.

Гага почти постоянно живетъ на водѣ и зиму проводитъ въ не замерзающей части моря, возвращаясь на свои старыя гнѣздовья только въ апрѣлѣ. Яица начинается класть въ маѣ, іюнѣ, а иногда и позднѣе. Она превосходно плаваетъ и замѣчательно глубоко ныряетъ. По землѣ ходить плохо, и если заторопится, то тыкается носомъ.

Раковины, небольшія рыбки и другія морскія животныя служатъ ей самой лакомою пищей.

Селезень, во время носки яицъ самкой, находится безотлучно возлѣ нея. По истеченіи 25 дней вылупляются детеныши и лишь только обсохнутъ, какъ съ матерью отправляются въ воду.

Самое лучшее время для стрѣльбы гагъ то, когда онѣ находятся въ гнѣздахъ. Находясь на свободѣ, онѣ очень осторожны и близко къ себѣ не подпускаютъ.

Гоголь. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что почти ходить не можетъ. Во время линянія летаютъ плохо и вообще на подъемъ съ воды тяжелы. Гоголь перомъ сизо-голубоватый. Ныряетъ и плаваетъ превосходно. Держитъ себя, по народному выраженію, *воиномъ* гордо и самодовольно.

Пищу гоголя составляет мелкая рыба и водныя насѣкомыя. Мясо ихъ отзывается рыбой и на вкусъ очень непріятно.

Гоголи прилетаютъ къ намъ очень рано — когда земля и воды покрыты еще снѣгомъ. Въ это время ихъ бьютъ охотно, какъ первую появившуюся дичь. При прилетѣ другой птицы ихъ почти совсѣмъ не стрѣляютъ.

Убить гоголя на водѣ довольно трудно, потому что замѣтивши охотника, онъ нырнетъ и вынырнетъ тамъ, гдѣ вы его не ожидаете. Бить ихъ легко тогда, когда онѣ подымутся.

Гоголь немного меньше гагары и равенъ величиной съ широконожкой.

Оплодотворенная самка устраиваетъ гнѣздо, выстилая его сухимъ тростникомъ, камышемъ и травяными листьями. Въ то время, когда самка кладетъ яйца, самецъ не покидаетъ ее ни на одну минуту, но лишь только замѣтитъ, что она садится высидывать, моментально улетаетъ и путается до тѣхъ поръ по разнымъ мѣстамъ, покуда не придетъ время линять. **Крохаль, Гагара.** Это утка-рыбалка, любимую пищу которой составляетъ мелкая рыбка и другія водныя животныя. Она особенно отличается тѣмъ, что у ней хвостовыхъ перьевъ почти не существуетъ. Цвѣтъ перьевъ пепельно коричневый; края перьевъ бѣлыя. Ростъ ея: въ длину около 11 вершковъ; носъ съ одинъ вершокъ, тонкій, къ концу острый.

Мясо пахнетъ рыбой и ѣсть его невозможно. Стрѣляютъ ихъ для того, чтобы попользоваться пухомъ.

Крахаль преимущественно держится глубокихъ прудовъ и большихъ озеръ. Способности ходить у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Растутъ они очень скоро, но возможность летать получаютъ поздно.

Такъ какъ охота на птицъ, мясо которыхъ отзывается рыбой, отвѣчаетъ скорѣе цѣлямъ промышленника, чѣмъ дѣйствительнаго охотника, то мы далѣе говорить о нихъ и не будемъ, а перейдемъ къ описанію охоты на водныхъ звѣрей.

З в ѣ р и.

Бобръ. Онъ водится на Кавказѣ, по рѣкамъ Тереку, Сунджѣ и Алазани, по западнымъ берегамъ Каспійскаго моря и по Уралу. Перѣдко встрѣчаются по вѣкоторымъ сторонамъ Ботническаго залва, между сѣвѣрною Двиною и Обью и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Литвы и Польши и во многихъ другихъ. Лучшими считаются Камчатскіе бобры.

Въ прежнее время бобры славились замѣчательными постройками, и воздвигали для своего житья чуть не каменные дома, по всѣмъ правиламъ архитектуры. Теперь не то: живутъ въ норахъ, по берегамъ рѣкъ. Въ западной Сибири, на самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, куда рѣдко заглядываетъ человекъ, еще можно кой гдѣ встрѣтить затѣйливыя постройки бобровъ.

Бобръ въ длину около трехъ футъ. Вѣсомъ иногда болѣе пуда. Морда толсто-овальная, носъ голый и толстый съ широкими ноздрями; задъ толще чѣмъ начало головы; верхъ губы разрѣзанъ и *рызцы* видны. Мы вполне увѣрены, что внѣшній видъ бобра настолько извѣстенъ каждому, что входить въ подробныя его описанія было бы совершенно излишнимъ.

Особенность бобра заключается въ томъ, что у него подъ хвостомъ, около задняго прохода, находятся два мѣшечка, въ которыхъ содержится извѣстная *бобровая струя*, которая, какъ говорятъ, имѣетъ свойство возбуждать половыя органы. Жидкость эта имѣется какъ у самца, такъ и у самки.

Норы бобровъ идутъ вверхъ надъ водой, до такой высоты, что никогда не могутъ быть залиты водой. Живутъ они цѣлыми обществами и всегда въ затишѣ, выбирая для этого неглубокія мѣста и окружая ихъ плотиною, для которой употребляютъ молодыя деревья, землю и иль. Обладая чрезвычайно острыми зубами, они перегрызаютъ дерево толщиною въ поларшина.

Сдѣлавши плотину, бобры приступаютъ къ устройству своей хаты, раздѣленной на двѣ половины. Первая половина

находится подъ водой, а другая поверхъ воды. Въ этихъ хатахъ они проводятъ только одну зиму, остальное время на берегу, на которомъ у нихъ вырыты норы.

Въ концѣ февраля или началѣ марта, у бобровъ является половое стремленіе и образуется такъ называемая *течка*.

Мѣсяца черезъ 2, или 4 послѣ оплодотворенія, самка разрѣшается друмя или четырьмя дѣтенышами, которыя развиваются чрезвычайно быстро, такъ что къ концу втораго года могутъ быть сами производителями.

Пища бобровъ преимущественно состоитъ изъ мягкихъ деревьевъ: ивы, тополя, березы, ольхи и т. п.

Въ теченіе дня бобры спятъ, а на ночь выходятъ изъ своихъ хатокъ для добычи пищи.

Бобръ превосходно плаваетъ и ныряетъ.

Мясо бобра употребляютъ въ пищу и находятъ вкуснымъ, въ особенности хвостъ.

Отъ постоянного преслѣдованія бобры стали очень осторожны и убить его не особенно легко. Нужно застать его врасплохъ или выжидать въ засадѣ.

Ловятъ ихъ капканами и сѣтями; для приманки употребляютъ какую нибудь вѣточку изъ тополя или ивы. Приманка намазывается какимъ нибудь пахучимъ веществомъ. Въ большинствѣ случаевъ она готовится изъ слѣдующаго: берутъ тополевыхъ почекъ, нѣсколько камфоры, мяты, кленоваго сахару и другихъ, и варятъ все это въ водѣ, покуда не образуется каша, которою и мажутъ приманку.

Капканъ опускается въ воду на глубину двухъ, трехъ пальцевъ и къ чему нибудь привязывается, иначе бобры его утащутъ.

Сѣть раскидывается по берегу того мѣста, гдѣ бобры занимаются кормежкой. Подходя съ собаками къ этому мѣсту, бобры, почувявъ опасность, бросаются къ берегу и запутываются въ разставленныхъ сѣтяхъ.

Въ зимнее время ловятъ бобровъ такимъ способомъ: пробираясь по льду, охотникъ постукиваетъ по ледяной корѣ палкой и прислушивается къ звуку. Если звукъ будетъ издавать глухой тонъ, то охотникъ, значить, набрелъ на жилище бо-

бровь. Тогда онъ, прорубивши ледъ, начинаетъ разрушать ихъ пепелище; бобръ, желая спасти свою собственную жизнь, бросаются къ берегу и прячутся въ норы, изъ которыхъ охотникъ достаетъ ихъ рукой, если они неглубоки или крюкомъ на длинной палкѣ, если глубоки.

Выдра. Она величиной съ добрую собаку, только на коротенькихъ лапахъ. Держится всегда около рѣкъ, по озерамъ и прудамъ. Плаваетъ и ныряетъ превосходно, и подъ водою можетъ пробыть долго. Слѣдить ее по слѣгу очень легко, такъ какъ она кромѣ ногъ, еще своимъ длиннымъ брюхомъ оставляетъ по себѣ слѣдъ.

Носъ у ней голый и покрытъ бородавчатой кожей; уши круглыя и маленькія; глаза круглыя, небольшіе. Мѣхъ темно-бурый съ блескомъ.

Выдра любитъ рѣки съ каменистымъ дномъ. Живетъ она въ норахъ, выкопанныхъ на берегу, съ выходомъ въ воду. Въ особенности любитъ селиться въ старыхъ барсучьихъ и лисьихъ норахъ и въ углубленіяхъ, размытыхъ водой.

Выйдя на берегъ, она не отходитъ далеко отъ рѣки и при малѣйшей опасности бросается въ воду и ныряетъ; иногда она переходитъ изъ одной рѣчки въ другую, и если собака застанетъ ее на такомъ переходѣ, то остановитъ; если же выдра прошла раньше, то собака доведетъ охотника до того мѣста, гдѣ выдра скрылась въ воду. Въ такомъ случаѣ охотники перегораживаютъ рѣчку сѣтями, выше и ниже того мѣста на нѣсколько десятковъ сажень, смотря по удобству, — потомъ садятся вдвоемъ въ лодку, взявши съ собой длинный шестъ и обыкновенную тупую острогу, которою бьютъ рыбу, и отправляются на поиски. Она забирается въ ломъ, которымъ мѣстами рѣчекъ сильно завалены, и тамъ прячется; такія то мѣста охотники осматриваютъ тщательно, причемъ, пока одинъ старается шестомъ выгнать выдру изъ лому, — другой съ острой караулитъ, и какъ только она вышлываетъ, — бьетъ. Если въ части рѣчки, загороженной сѣтями, выдры не оказалось, то захватываютъ мѣсто выше по теченію и продолжаютъ поиски; въ случаѣ если она вышла изъ рѣчки, то собака отыщетъ ее по слѣду.

Шкурка у выдры такъ крѣпка, что тупая острога ее не пробиваетъ, но сильный ударъ ломаетъ ей хребтовую кость и лишаетъ возможности бѣжать. Острога съ тонкими и острыми зубами, употребляемая обыкновенно на озерахъ, здѣсь не годится, потому что дно рѣчекъ очень каменисто и тонкіе зубья скоро ломаются.

Зимою бьютъ выдру изъ винтовокъ, для чего ищутъ по рѣчкамъ такую полынью, изъ которой выдра выходитъ на ледъ. Живя около одного мѣста, она выходитъ въ одну полынью, какъ только поймаетъ рыбу, съѣстъ ее тутъ же на льду, и потомъ опять нырнетъ въ воду за добычей.

Найдя такое мѣсто, охотникъ садится на берегу въ закрытомъ мѣстѣ съ винтовкой и ожидаетъ появленія выдры. Но этотъ способъ охоты имѣетъ два неудобства: нужно нѣсколько часовъ сряду просидѣть неподвижно на снѣгу и иногда въ трескучій морозъ, а, во-вторыхъ, необходимо ее убить на повалъ, иначе даже раненая смертельно выдра успеетъ броситься въ полынью, и хотя тамъ умереть сейчасъ же, но все-таки охотнику не достанется. Если найдутъ въ лѣсу слѣды, гдѣ выдра переходитъ изъ рѣчки въ рѣчку, то на тропѣ ставятъ капканъ, который нужно прикрѣпить къ дереву, а то она утащитъ и капканъ въ воду.

Лѣтомъ убить выдру изъ ружья можно только случайно. Вообще стрѣльбой ихъ добываютъ не особенно много, а большей частію различными снастями и снарядами.

Выдра по землѣ бѣгаетъ чрезвычайно тихо, такъ что ее въ состояніи догнать человекъ, за то на водѣ, выдра движется съ такой быстрой, что любая рыба позавидуетъ.

Норна. Величиной она съ рослую кошку. Шерсть на ней темная, легкая и пушистая. Живетъ она по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, прудовъ, въ болотахъ. Плаваетъ и ныряетъ отлично, ходитъ плохо. Пища ея состоитъ преимущественно изъ раковъ, мелкой рыбки, лягушекъ, водныхъ и болотныхъ птичекъ, птенчиковъ.

Норка устраиваетъ себѣ жилище на возвышеніяхъ, въ болотистыхъ кустахъ. Въ норѣ продѣлано нѣсколько выходовъ, которые всегда обращены къ водѣ, способствующіе ей при первой опасности броситься изъ нихъ въ воду.

Какъ только настанетъ весна и обмелѣютъ рѣчки, пруды и озера, то сейчасъ же начинается охота на этого звѣрька. Охотятся всегда вдвоемъ. Строго говоря, за ними не охотятся а бьютъ, топоромъ, острогой, или ловятъ сѣтями.

Выхухоль. Шерсть этого звѣрька густая и пушпстая, сверху дымчатая, снизу бѣловатая.

Берега рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, не особенно большихъ и быстрыхъ, служатъ любимыми мѣстами выхухоля. Онъ точно такъ же какъ выдра и норка отлично плаваетъ и почти постоянно живетъ въ водѣ. Устройство норы почти одинаковое съ выдрой. Шляпки, черви, комары, водяные пауки и слизи составляютъ лакомое блюдо выхухолей.

Выхухолевыя шкурки очень красивы и употребляются на одежду, на опушку шубъ, шапокъ и т. п. Выхухолевыя хвосты, пропитанные мускусомъ, запахъ котораго происходитъ отъ мѣшечковъ, находящихся подъ хвостомъ, имѣетъ свойство одурять тѣхъ животныхъ, за которыми охотится выхухоль. Хвостъ выхухоля кладутъ нерѣдко между мѣховымъ платьемъ для сохраненія его отъ моли.

Охота съ ружьемъ на выхухоля производится только тогда, когда онъ выплыветъ на поверхность воды. Во всѣхъ другихъ случаяхъ ихъ ловятъ бреднями и сѣтью.

Зимою очень часто выхухоль попадаетъ подъ льдомъ въ верши, вороты, мережи.

Кромѣ этого, отыскавши нору, стучать по берегу палкой, испуганный выхухоль выскакиваетъ изъ своего жилища и попадаетъ въ разставленную сѣть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ловля рыбы.

Советы начинающим ловить рыбу.— Лучшія мѣста для ловли. Необходимыя принадлежности охоты.— Различныя насадки и прикормки.— Ловля хищныхъ рыбъ.— Ловля не хищныхъ рыбъ.

Отправляясь на рыбную ловлю, прежде всего необходимо осмотрѣть, все ли въ исправности. Кромѣ удочекъ, нужно всегда имѣть въ запасѣ: крючки, грузила, поплавки, леса и т. п. Отправляясь на ловлю крупной рыбы, не мѣшаетъ взять съ собой сачекъ и небольшую продолговатую корзинку для садки пойманой рыбы. Такая корзинка тѣмъ хороша, что ее не прокуситъ щука, что нерѣдко случается съ такъ называемыми *кружками*, сплетенными изъ нитокъ. Кромѣ того, въ погруженной въ воду корзинѣ, рыба не такъ скоро снетъ, какъ въ *кружкахъ*. Точно также необходимо запастись всякаго рода приманками, насадками, и именно тѣми, которыя больше всего любитъ рыба.

Выбрать хорошее время для ловли рыбы и мѣсто, составляетъ не маловажную трудность для охотника. Притонъ рыбы преимущественно бываетъ на мѣстахъ быстрыхъ и поросшихъ водяной травой. Хищныя рыбы въ особенности любятъ держаться около мельничныхъ колесъ, запрудовъ и т. п. Въ подобныхъ мѣстахъ почти всегда можно встрѣтить щуку и жериховъ. Въ мѣстахъ поросшихъ травой и кустарникомъ, можно встрѣтить не только плотву; головля и уклейку, но и окуня, щуку. Въ глинисто-иловатыхъ отмеляхъ разгуливаютъ леши. Сомы въ большинствѣ случаевъ попадаются въ ямахъ выдолбленныхъ льдомъ; налимы преимущественно подъ карягами.

Вообще рыба держится больше тамъ, гдѣ ей привольнѣе и больше добычи.

Лучшее мѣсто для ужения рыбы, это прозрачная рѣка, въ которой видно, какъ рыба клюетъ и идетъ на приманку.

Ранняя пора лучше всего для ловли рыбы; въ это время она голодна и съ жадностью бросается на насадку. Въ жаркое время слѣдуетъ охотиться рано утромъ и поздно вечеромъ. Вскорѣ послѣ дождя рыба особенно хорошо берется. Въ вѣтреное время рыба клюетъ плохо, да и подсѣкать трудно. Во время ненастной и холодной погоды слѣдуетъ удить глубже. Крупная рыба всегда глубже ходитъ мелкой.

Въ началѣ весны нужно удить рыбу почти по дну, потому что въ это время года она высоко не подымается. До тѣхъ поръ, покуда не выростетъ трава и лоза не покроется листьями, рыба держится въ водѣ глубоко.

Въ холодное лѣто рыба особенно хорошо ловится. Въ жаркую пору, рано утромъ и поздно вечеромъ, лучше всего удить на открытыхъ мѣстахъ, а въ полдень гдѣнибудь въ тѣнистомъ мѣстѣ и заросшемъ травю.

Августъ самое лучшее время для ужения рыбы. Такъ какъ рыба чрезвычайно пуглива, то необходимо соблюдать тишину. Забрасывать въ воду удочку нужно осторожно, чтобы не было слышно шуму и удилице по водѣ не шлепало. Закинувши крючекъ на известное разстояніе, подтягивать къ себѣ слѣдуетъ его медленно, не торопясь. Удилище, если не захочется держать въ рукахъ, можно воткнуть въ землю, но никакъ не класть на воду.

Когда ужение рыбы производится безъ поплавка, то нужно подсѣкать тогда, когда рыба потянула лесу, но не тогда, когда она уже ее дернула. При ужении съ поплавкомъ, подсѣкать нужно въ тотъ моментъ, когда получится движеніе поплавка. Нужно принять къ свѣдѣнію, что крупная и мелкая рыба клюетъ различно, а потому дѣйствительное время для подсѣчки опредѣлить почти невозможно. Это дается долгимъ опытомъ. Вообще крупныя рыбы тащатъ поплавокъ ко дну тихо, мелкая же только окунываетъ его и ведетъ въ сторону,

Большую рыбу необходимо утомить и затѣмъ вытаскивать.

не хватаясь за лесу, въ противномъ случаѣ она ее перерветь. Подведи рыбу къ берегу, можно подхватить сочкомъ.

Въ травянистомъ мѣстѣ, гдѣ подтащить рыбу къ берегу невозможно, поступаютъ такъ: доведя рыбу до поверхности воды, быстро дергаютъ лесу и перебрасываютъ черезъ голову. Перебрасывать слѣдуетъ осторожно, чтобы рыба не сорвалась съ крючка и не попала бы опять въ воду.

Очень часто случается, что во время лова рыбы по дну, крючекъ за что нибудь зацѣпится, въ такомъ случаѣ нужно осторожно дергать лесой въ разныя стороны и крючекъ освободится. Въ крайнемъ случаѣ можно употребить шесть и имъ отцѣпить. Иногда для той же цѣли употребляютъ кольцо, которое дѣлается такимъ образомъ: желѣзное кольцо, привязываютъ къ тонкой веревкѣ, надѣваютъ на удочку и спускаютъ до лесы, по которой оно, сбѣгая внизъ, своей фунтовой тяжестью освобождаетъ крючекъ.

Теперь перейдемъ къ снарядамъ, которые употребляются для ловли рыбы.

Удилище. Оно имѣетъ нѣсколько назначеній: во первыхъ, оно служитъ для болѣе удобнаго забрасыванія лесы, во вторыхъ, для подсѣчки рыбы, взявшей приманку, и въ третьихъ, для того, чтобы утомить пойманую рыбу и вытащить ее на берегъ; сообразно съ этими назначеніями удилища, отъ него требуются слѣдующія качества: оно должно быть достаточно длинно и легко при этомъ — иначе оно будетъ утомлять руку охотника, особенно при частомъ закидываніи; оно должно быть прямо и гибко для того, чтобы подсѣчка была успѣшна; къ гибкости оно должно присоединять еще извѣстную упругость и крѣпость, чтобы нѣсколько ослабить толчки пойманной рыбы, которая иначе легко могла бы оборвать лесу.

Изъ естественныхъ удилищъ, по моему, говоритъ баронъ Черкасовъ *), мнѣнію, первое мѣсто по прямизнѣ, гибкости, упругости и прочности, принадлежитъ несомнѣнно можжевеловымъ удилищамъ. За ними слѣдуютъ березовыя и орѣховыя; первыя я предпочитаю послѣднимъ, такъ какъ легче выбрать

---

*) Природа и охота 1880 г. «Записки объ уженъи рыбы».

изъ нихъ совершенно прямое. Удилище должно быть срѣзано ранней весной и завялено — а не высушено. Кромѣ этихъ, наиболѣе простыхъ, естественныхъ удилицъ, употребляются другія, составляющія переходъ къ складному заграничному удилицу; они состоятъ изъ болѣе или менѣе длинной березовой, орѣховой, иногда просто сосновой палки, на которую надѣвается, посредствомъ мѣдной или жестиной трубки, можжевеловый прутикъ въ аршинъ или полтора длины. Такія удилица въ большомъ ходу между московскими рыболовами и достигаютъ своей цѣли нисколько не хуже цѣльныхъ удилицъ; преимущество же ихъ передъ послѣдними заключается въ томъ, что прямой, достаточно толстый, гибкій и упругій можжевеловый пруть, въ полтора аршина длины, несравненно легче сыскать, чѣмъ длинное удилице, совмѣщающее въ себѣ всѣ тѣ же качества.

Въ Москвѣ же я видѣлъ слѣдующее простое и вполне цѣлесообразное приспособленіе для наматыванія запаса леса на удилице: на аршинномъ, приблизительно, разстояніи отъ конца, въ удилице вколачиваются, верхкакъ въ пяти другъ отъ друга, два мѣдныхъ крючка, обращенныхъ сгибами одинъ къ другому. Леска привязывается около одного изъ нихъ посредствомъ мертвой петли къ удилицу, и затѣмъ наматывается на нихъ крестъ-на-крестъ, такъ что въ намотанномъ видѣ представляетъ цифру 8 суженную и удлинненную; при уженіи же леса сматывается съ крючковъ и обвивается вокругъ удилица, къ концу котораго она привязывается двойной или тройной петлею.

Теперь перейду къ складнымъ удилицамъ, употребляемымъ съ катушкой; они бывають трехъ сортовъ, изъ обыкновеннаго колѣнчатаго тростника, изъ бамбуковаго тростника и изъ дерева.

Удилища изъ обыкновеннаго тростника, по большей части, состоятъ изъ четырехъ, рѣже изъ пяти колѣнъ, изъ которыхъ три (или четыре) тростниковыхъ, а верхнее, обыкновенно, жимолостное, или изъ другаго какаго нибудь упругаго, гибкаго дерева. Такія удилица въ полномъ составѣ четырехъ или пяти колѣнъ имѣють значительную длину 9, 10 и до

12 аршинъ—при сравнительно незначительномъ вѣсѣ; въ четырехъ-колѣнномъ удилицѣ (пяти-колѣнными мнѣ не приходилось удить) я по большей части обходился безъ нижняго, толстаго колѣна, имѣющаго около трехъ аршинъ въ длину, такъ какъ 7—8 аршинное удилице, по большей части совершенно достаточно.

Недостатокъ описываемаго сорта состоитъ въ томъ, что если тростниковое удилице отсырѣетъ (вслѣдствіе сильной росы, тумана или дождя) и затѣмъ будетъ пригрѣто солнцемъ, то оно нерѣдко трескается; впрочемъ этотъ недостатокъ легко устраняется слѣдующимъ простымъ способомъ. Тростниковыя колѣнца слѣдуетъ хорошенько вытереть тонкой стеклянной бумагой (для того, чтобы къ нимъ лучше присталъ клей,) затѣмъ взять шелковую узкую ленточку или тесемку, пропитанную жидкимъ и горячимъ растворомъ самаго крѣпкаго столярнаго клея, и наматывать ее какъ можно туже на каждое колѣнцо не слишкомъ крутой и не слишкомъ отлогой спиралью.

Тотъ конецъ ленты, съ котораго начинаютъ обвиваніе, крѣпко привязывается къ удилицу тонкимъ крѣпкимъ шелкомъ; также прикрѣпляется и другой конецъ. Когда клей высохнетъ, то ленту и кольцеобразныя закрѣпленія на концахъ ея слѣдуетъ прокрыть нѣсколько разъ жидкимъ спиртовымъ лакомъ, чтобы клей не подвергался дѣйствию сырости.

Такимъ способомъ отдѣланное удилице, кромѣ того что не трескается при рѣзкомъ переходѣ отъ сырости къ жару, еще выигрываетъ въ отношеніи крѣпости и становится болѣе благонадежнымъ для уженія очень крупной рыбы.

Удилища изъ бамбуковаго тростника или, какъ ихъ нерѣдко называютъ въ торговлѣ, — перцоваго дерева, рѣдко бываютъ такъ длинны, какъ вышеописанныя, и вѣсомъ нѣсколько превосходятъ ихъ; длина ихъ обыкновенно не превышаетъ девяти аршинъ. Что же касается болѣе значительнаго вѣса, то этотъ недостатокъ выкупается тѣмъ, что они не такъ легко трескаются и могутъ вынести болѣе крупную рыбу, чѣмъ простое тростниковое удилице; впрочемъ склеиваніе лентой и для нихъ не бесполезно.

Третій сортъ складныхъ удилицъ — деревянные; болѣе дешевыя дѣлаются изъ ясени, болѣе дорогія изъ бѣлаго американскаго орѣха — *хикори* (*hickory*), *гринхардта*, *лансвуда* и др. Они дѣлаются весьма различныхъ размѣровъ — отъ 3½ до 9 арш., и состоятъ изъ трехъ, четырехъ и пяти колѣнъ; привозятъ ихъ по большей части изъ Англїи. Удилища эти обыкновенно бывають сдѣланы очень тщательно, но зато и стоятъ не дешево. Особенно дорого платятъ за удилица назначенныя для ловли семговыхъ породъ на искусственную мушку.

Отъ всѣхъ трехъ описанныхъ сортовъ удилицъ одинаково требуется, что бы колѣнца совершенно плотно соединялись одно съ другимъ; поэтому при покупкѣ складнаго удилица, должно собрать его, крѣпко вставивъ каждое колѣно въ соответствующее ему гнѣздо, и затѣмъ нѣсколько разъ сдѣлать движеніе, дѣлаемое при подсѣчкѣ. Если колѣна хорошо пригнаны по своимъ гнѣздамъ, то въ удилицѣ гибъ при движеніи будетъ ровная, нигдѣ не почувствуется сотрясеніе; если же будутъ чувствительны легкіе толчки, то это значить, что мѣдныя трубки, находящіяся на соединеніи колѣнъ, слишкомъ широки.

Если во время уженія, по какой либо причинѣ, колѣнца расбухнутъ такъ, что будетъ невозможно ихъ вынуть одно изъ другаго, то достаточно поддержать мѣдную трубку каждаго колѣна надъ зажженной спичкой или бумажкой. Сырость испарится и колѣнца разберутся свободно.

Мулине — *moulinet*, *катушка*. Катушка, или какъ ее называютъ нѣкоторые рыбаки изъ простонародія — *жермичка*, необходимый и неизмѣнный спутникъ складнаго удилица.

Назначеніе катушки двояко: во-первыхъ, катушка служить для того, чтобы удлинять и укорачивать лесу сообразно съ требованіями мѣстности, а во-вторыхъ, для того, чтобы утомить пойманную крупную рыбу и не дать ей возможности оборвать лесу или сломать удилице. Оба эти назначенія катушка выполняетъ отлично; приходится ли удить изъ-за кустовъ съ короткой лесой — нѣсколько поворотовъ рукоятки сокращають длину ея до требуемаго размѣра; приходится ли удить съ высокаго, обрывистаго берега, — также быстро можно удли-

нить лесу; попалась ли рыба на столько крупная, что удилцу и лесѣ угрожаетъ опасность, ей позволяютъ смотать извѣстное количество шнурка; какъ только она остановится, шнурокъ опять наматывается и это продолжается до тѣхъ поръ, пока утомленная добыча не будетъ подведена къ берегу, гдѣ ее легко подхватить сачкомъ или багромъ.

Покончивши съ главными принадлежностями иностраннаго способа уженія, считаю не лишнимъ замѣтить, что при покупкѣ ихъ, слѣдуетъ обратиться въ хорошій, добросовѣстный магазинъ, — въ особенности тому, кто не умѣетъ еще выбрать самъ.

Леса. Лесою называется волосяная, пеньковая или шелковая нить, соединяющая удилцу съ крючкомъ; отъ хорошей леси требуются слѣдующія качества: она должна по возможности соединять тонкость съ крѣпостью, не должна путаться и гнить. Къ сожалѣнію качества эти трудно совмѣстить; волосяныя леси не гниютъ, но зато имѣютъ должную крѣпость только при извѣстной, довольно значительной толщинѣ. Шелковыя леси соединяютъ крѣпость съ тонкостью, зато склонны путаться и перегнивать; недостатки эти впрочемъ очень нетрудно устранить, какъ читатель это увидитъ ниже.

Пеньковыя леси имѣютъ тѣ же недостатки и тѣ же достоинства, какъ и шелковыя. — Въ Россіи наиболѣе употребительны волосяныя леси; причинъ тому нѣсколько: конскій волосъ легко достать, легко изъ него ссучить или сплести лесу; волосъ не гниетъ и не требуетъ такого присмотра и просушивания, какъ шелкъ или пенька. Волосяныя леси бываютъ цѣльныя, безъ узловъ, и вязанныя изъ отдѣльныхъ прясель; какъ тѣ такъ и другія имѣютъ свои недостатки, зависящіе, впрочемъ, отъ недостаточно тщательнаго приготовленія. Во первыхъ, онѣ нерѣдко крутятся отъ того, что круто свиты; во вторыхъ, узлы часто развязываются, а если леси безъ узловъ, то бываетъ, что она нѣсколько рассучится въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединены концы двухъ прясель и вслѣдствіе этого разрывается.

Я употребляю плетенныя леси; плету ихъ либо въ три пряди, т. е. 3 волоса, 6, 9 и т. д., либо въ четыре пряди, т. е. 4

волоса, 8, 12 и т. д. Лесы плетенныя въ четыре пряди, красивѣе, такъ какъ онѣ круглыя; что же касается до крѣпости такихъ лесъ, то она значительно больше, чѣмъ въ витыхъ.

На лесу, плетеную въ три волоса (изъ хорошаго разумѣется матеріала), при нѣкоторой привычкѣ и при хорошемъ удилицѣ, можно выудить рыбу фунта въ три; въ продажѣ эти лесы почти не бывають, а когда бывають, то стоятъ очень дорого.

Всякій, кто желаетъ сплести въ четыре пряди (въ три пряди всякій ребенокъ умѣетъ плести), можетъ этому научиться у любого шорника или даже еучера, такъ какъ этимъ способомъ часто плетутся кнуты. Навыкъ же лучше всякихъ объясненій научить во-время вплетать новый волосъ, закрѣплять надлежащимъ образомъ концы и т. д.

Что касается приготовленія витыхъ или сученыхъ волосныхъ лесъ, то вотъ нѣкоторыя правила, которыми совѣтую при этомъ слѣдовать: волосъ (обыкновенно бѣлый) слѣдуетъ брать изъ хвоста жеребца или вообще сильной лошади, но отнюдь не кобылицы; связавъ весь пучекъ волосъ, такъ чтобы не спутать его, должно вымыть волосы въ теплой водѣ или въ щелоеѣ съ мыломъ, затѣмъ сполоснувъ хорошенько, высушить на солнцѣ (отъ этого волосъ дѣлается бѣлѣе). Сучить слѣдуетъ въ разныя стороны, т. е. одно прямо влѣво, другое вправо, и такъ попеременно связывать ихъ; это дѣлается затѣмъ, чтобы раскручивающее движеніе одного прясла парализовалось движеніемъ другаго. Прежде чѣмъ связывать прясла, должно положить концы ихъ въ воду, минутъ на 20, и затѣмъ связать двойнымъ рыбачьимъ узломъ; если же взять два прясла, не помочивъ ихъ предварительно, то они могутъ развязаться въ первый же разъ, какъ намокнутъ. Шелевныя лесы у насъ далеко не такъ употребительны, какъ волосныя; имъ ставятъ въ укоръ (кромѣ довольно высокой цѣны) то, что онѣ скоро намокають и тонуть; такъ что не пригодны для наплавной удочки безъ поплавка и грузила, и что по той же причинѣ ими труднѣе подсѣкать, чѣмъ волосными.

Конечно это справедливо, — но только до извѣстной сте-

пени; стоитъ рыболову сдѣлать леску непромокаемой, и она перестанетъ тонуть, гнить и путаться; да при этомъ будетъ, по крайней мѣрѣ, втрое крѣпче, чѣмъ волосяная леса одинаковой съ ней толщины. Вотъ два простыхъ средства для достиженія этой цѣли; первое состоитъ въ слѣдующемъ: смѣшиваютъ поровну варенаго льнянаго масла и копаловаго лака; въ эту смѣсь кладутъ лесу, а когда она пропитается какъ слѣдуетъ, ее вытираютъ тряпкой и просушиваютъ на воздухѣ. Операція эта повторяется еще разъ и леса получаетъ всѣ требуемыя отъ нея качества. Второе средство еще проще: небольшую губку смачиваютъ *ol. siccat.*, съ прибавленіемъ небольшого количества зеленой масляной краски, разведенной слегка бѣлилами; лесу привязываютъ къ чему нибудь и, слегка натянувъ ее, натираютъ этой смѣсью. Тѣ же средства пригодны и для пеньковыхъ лесъ.

Буйволовъ волосъ. Подъ этимъ названіемъ между охотниками и въ продажѣ извѣстенъ прозрачный и чрезвычайно крѣпкій, бѣлый волосъ, изъ котораго дѣлаютъ поводки и даже цѣлыя лесы; кромѣ этого, наиболѣе распространеннаго, названія, существуютъ еще другія: растительный, морской, индійскій волосъ. Волосокъ этотъ готовится слѣдующимъ способомъ: изъ шелковичныхъ червей, готовыхъ къ дѣланію коконовъ, выбираютъ самыхъ толстыхъ и кладутъ ихъ на сутки въ крѣпкій бѣлый уксусъ. По прошествіи этого времени ихъ вынимаютъ изъ уксуса и разрываютъ пополамъ; въ каждомъ червякѣ при этомъ находятъ по два зеленоватожелтыхъ, мягкихъ волоса, толщиной съ тонкую соломинку, вытягиваютъ ихъ въ уксусѣ до требуемой длины и толщины, а затѣмъ высушиваютъ на особой дощечкѣ въ тѣни.

За-границей волосокъ во всеобщемъ употребленіи, тогда какъ въ Россіи его употребляютъ, сравнительно, немногіе рыболовы; многіе охотники, не испытавъ его на дѣлѣ, считаютъ его непригоднымъ, на основаніи чужихъ словъ; другіе, не умѣя съ нимъ обращаться, приписываютъ ему всѣ неудачи, которыя происходятъ единственно отъ ихъ неумѣнья.

Крючекъ. Хорошій крючекъ долженъ быть непременно сталь-ной; въ немъ различаютъ пять частей: 1) лопаточку—расши-

реніе стержня, служащее для удержанія поводка; 2) стержень или спинку — прямую часть крючка; 3) изгибъ или сгибъ — согнутую часть его; 4) жало или остріе; 5) бородку или зазубрину. Крючки дѣлаются 13—14 номеровъ, не считая полевыхъ, употребляемыхъ преимущественно для жерлицъ: они дѣлаются съ лопаточкой, съ колечкомъ и съ гладкимъ, къ концу нѣсколько утончающимся, стержнемъ. Двойные и тройные крючки дѣлаются столькихъ же номеровъ какъ и одиночные.

Самые лучшіе крючки англійскіе; встрѣчающіеся въ продажѣ нѣмецкіе и русскіе не могутъ даже быть сравниваемы съ ними.

Поводокъ. Поводкомъ называютъ звено, соединяющее крючекъ съ лесомъ; для этого служитъ конскій волосъ, буйволовь волосъ, тонкая мѣдная проволока, гитарныя струны, готовящіяся изъ шелка, обмотанныя тончайшей мѣдной проволокой и т. д.

Поплавокъ или *наплавокъ*. Назначеніе поплавка двоякое во-первыхъ, онъ долженъ удерживать крючекъ съ насадкой на той глубинѣ, на какой желаетъ рыболовъ, а во-вторыхъ, онъ долженъ указывать своими движеніями прикосновеніе рыбы къ насадкѣ и то мгновеніе, когда, легкимъ движеніемъ удилица вверхъ или въ сторону, рыбакъ долженъ подсѣчь рыбу.

Первое назначеніе поплавка можетъ быть исполнено просто кусочкомъ дерева или пробки, но для того чтобы поплавокъ вполне хорошо исполнялъ второе назначеніе, онъ долженъ быть хорошо сдѣланъ и хорошо вывѣренъ. Хорошо устроенный поплавокъ долженъ быть устойчивъ, т. е. не ложиться на бокъ отъ сильнаго вѣтра или волнъ, долженъ быть хорошо видѣнъ, не смотря на рябь, и конечно долженъ быть проченъ и не намокать; всякій поплавокъ, удовлетворяющій этимъ условіямъ, можетъ быть хорошо вывѣренъ, т. е. сдѣланъ на столько чувствительнымъ, что будетъ передавать самое легкое прикосновеніе рыбы къ насадкѣ. Для этого къ лесѣ прикрѣпляютъ грузило, на столько тяжелое, что если къ нему прибавить одну дробицу, то она совершенно погрузитъ

поплавокъ въ воду; разумѣется, что невозможно употреблять для ловли всѣхъ породъ рыбъ одинаково чувствительный поплавокъ, такъ какъ одна рыба беретъ осторожно, нерѣшительно (плотва, подустъ); другая же беретъ съ разбѣга (окунь, щука).

Поплавки дѣлаются изъ дерева, древесной коры, пробки, тростника, гусиныхъ и лебединыхъ перьевъ, колючекъ дикобраза и т. д.; самые лучшіе изъ нихъ, на мой взглядъ, пробочные полавки — въ тѣхъ случаяхъ, когда быстрота теченія требуетъ болѣе или менѣе тяжелаго грузила, и полавки изъ одного гусянаго или лебединого пера, когда теченіе незначительно. Для ловли рыбъ, клюющихъ нерѣшительно, послѣдній родъ поплавокъ положительно не замѣнимъ.

Грузило или *свинчатка*. Назначеніе его удерживать крючекъ на отвѣсномъ мѣстѣ, а если унять съ поплавкомъ, то на столько погружать послѣдній, чтобы онъ передавалъ малѣйшее прикосновеніе рыбы къ крючку. Грузила, употребляемыя для уженія съ поплавкомъ, дѣлаются изъ дробы, картечи, листоваго свинца; при уженіи безъ полавка, на такъ называемую донную удочку, употребляются въ видѣ грузила ружейныя пули, четырехъугольныя, овальныя и коническія куски свинца.

Лотъ, или *грузильце*, какъ его зовутъ московскіе рыбаки, это ничто иное какъ довольно тяжелый кусокъ свинца, такъ или иначе прикрѣпляемый къ крючку и опускаемый въ воду, для опредѣленія глубины ея въ данномъ мѣстѣ.

Сачекъ. Сачкомъ называютъ мѣшокъ изъ сѣтки, прикрѣпленный къ желѣзному или лучше мѣдному обручу, надѣваемому на палку, служащей для выниманія рыбы, которая по своей величинѣ не можетъ быть вытащена одною удочкою; онъ долженъ быть связанъ изъ крѣпкихъ нитокъ и притомъ не слишкомъ часто, такъ какъ это можетъ пугать рыбу.

Дѣлаютъ сачки съ складными обручами и палками; они очень удобны, но безобразно дороги.

Нивогда не слѣдуетъ наводить сачекъ на рыбу съ головы; если сдѣлать это, то можно потерять рыбу уже совершенно сдавшуюся, такъ какъ видъ приближающагося сачка ее такъ

пугаетъ, что собравъ послѣднія силы, она нерѣдко оставляетъ рыбака съ оборванной лесой, а иногда и со сломаннымъ удилицемъ. Сачекъ всегда должно подводить съ хвоста. Когда сачекъ хорошо наведенъ, быстрымъ движеніемъ впередъ и кверху рыба подхватывается имъ и вытаскивается на берегъ.

Отцѣпка. Отцѣпкой называютъ кольцо (съ зубцами или безъ зубцовъ), или тупой якорекъ, употребляемые для освобожденія крючка, зацѣпившагося за какое нибудь подводное растеніе или неровность дна.

Иногда случается, что крючекъ зацѣпится за вѣтку, которую нельзя достать рукою; въ такихъ случаяхъ полезно имѣть серпообразный ножъ, которымъ, насадивъ его на палку, можно было бы срѣзать вѣтку.

• **Вилка.** При уженіи, особенно окуней и щуекъ, нерѣдко случается терять много времени за выниманіемъ глубоко заглотанныхъ крючковыхъ; для облегченія и ускоренія этой операціи служитъ вилочка.

Игла для насаживанія живца принадлежитъ тоже къ числу очень полезныхъ вспомоgetельныхъ снарядовъ; она дѣлается обыкновенно изъ стали, рѣже изъ мѣди. Одинъ конецъ заостренъ въ родѣ острія стрѣлы, другой снабженъ петелькой, въ которую вкладывается петля поводка; иглы дѣлаются всегда прямыми, но иногда удобнѣе употреблять кривую иглу, которую не трудно сдѣлать изъ прямой.

Кружокъ. Сѣтчатый мѣшокъ, натанутый на три обруча, изъ коихъ два одинаковой величины, а третій гораздо уже, верхка три въ поперечникѣ; въ глухому концу кружка, т. е. въ его дну, привязываютъ камень или свинцовый конусъ въ $\frac{1}{4}$ фунта вѣсомъ, чтобы было удобнѣе погружать его въ воду. Назначеніе кружка сохранять пойманную рыбу живою.

Корзина. Ее носятъ на ремнѣ черезъ плечо. Она во всеобщемъ употребленіи за-границей. Красивѣе и удобнѣе такой корзины врядъ ли можно что нибудь придумать; въ Англии пытались замѣнить ее разными *фимъ-ташами*, но все-таки корзина до сихъ поръ находится во всеобщемъ употребленіи.

Нахожу не лишнимъ замѣтить, что гораздо лучше, для сохраненія вкуса рыбы, убивать ее, какъ только она будетъ

вынута изъ воды; сдѣлать это не трудно — достаточно ударить ее по головѣ чѣмъ нибудь тупымъ или разрѣзать ей позвоночный столбъ у самаго хвостоваго плавника *вдоль*. Оно и для рыбы не такъ мучительно, да и для вкуса лучше.

Мотовильце. Мотовильцемъ называется дощечка, служащая для наматыванія лесъ; мотовильца бывають плоскія — деревянныя и полукруглыя — тростниковыя. На концахъ сдѣланы выемки для того, чтобы леса не могла соскользнуть, а на краяхъ находятся двѣ зарубки, куда зацепляется конецъ лесы.

Сумка. Для рыболова очень удобно имѣть сумку съ нѣсколькими отдѣленіями, вмѣщающими все то, что можетъ понадобиться ему во время уженія; въ сумкѣ должны находиться: запасные крючки различной величины, лотъ, отцѣпка, ножъ, серпъ, вилочка, игла, ножикъ, мотокъ шелка, поплавки и проч. и проч.

Насадка и прикормка. Насадкой и прикормкой называется, то, что надѣвается на крючекъ, чтобы рыба взяла его въ ротъ, *прикормкой, привадой, приправой* то, что бросается въ воду, чтобы привлечь рыбу къ извѣстному мѣсту.

Различныя насадки.

Глисть, глистовка, земляной червь безспорно составляютъ одну изъ лучшихъ насадокъ.

Самый крупный земляной глисть водится въ клумбахъ, грядкахъ, вообще въ жирной, хорошо обработанной землѣ; большой запасъ ихъ легче всего сдѣлать, если отправиться вечеромъ, послѣ хорошаго дождя, на огородъ, вооружившись фонаремъ и посудой для собиранія туда червей. При свѣтѣ фонаря охотникъ увидитъ множество червей почти совсѣмъ выползшихъ изъ своихъ норъ; нужно только не зѣвать, а подкравшись какъ можно тише, схватывать червяка по возможности ближе къ хвосту.

Описанный видъ червей составляетъ отличную насадку для великой крупной рыбы: *форели, леща, головаля, марены, окуня*, а весной и къ осени крупной *плотвы*.

Красный земляной червь. Его находятъ подъ досками, въ ку-

чахъ перегнившаго листа; на него хорошо клюютъ: *елець, плотва, пискарь, линь* и вообще всякая средняя рыба.

Навозный червь, находимый въ перегорѣломъ навозѣ въ парникахъ, почти одного роста съ краснымъ землянымъ червемъ; кончикъ хвоста у него желтый, а все тѣло выдѣляетъ желтый пахучій сокъ. Очень хорошая насадка для всякой средней и мелкой рыбы.

Опарышъ (личинка мясной мухи) довольно мало употребляется въ Россіи, за границей составляетъ одну изъ самыхъ употребительныхъ насадокъ. Добыть опарышей не трудно; стоитъ взять кусокъ мяса, а еще лучше *печенки*, и сдѣлавъ на немъ нѣсколько глубокихъ надрѣзовъ, повѣсить его на солнце. Тотчасъ соберется множество мясныхъ мухъ и положить въ надрѣзы свои яйца; тогда мясо кладутъ въ закрытый горшокъ, и вскорѣ изъ яицъ выводятся бѣлые черви съ черною точкою внутри. Въ горшокъ прибавляютъ нѣсколько пригоршней пшеничныхъ отрубей и черезъ нѣсколько времени (3—4 дня) опарыши достигаютъ полной величины; тогда ихъ перекалываютъ, на половину насыпанными пшеничными отрубями и даютъ имъ только необходимое для питанія ихъ количество печени. Черезъ нѣсколько дней черное пятно внутри опарышей исчезаетъ, и они становятся годными для употребленія.

Сохраняютъ ихъ въ *сухомъ* сосудѣ и *прохладномъ* мѣстѣ.

Личинки осъ, шмелей и шершней также составляютъ хорошую насадку для очень многихъ рыбъ — *ельцовъ, плотва, головлей, язей, лещей* и проч.

Угръ — личинка майскаго жука много употребляется для ловли *головлей, язей, окуней*.

Пявки служатъ отличною насадкою для многихъ крупныхъ рыбъ, преимущественно же для *форели*.

Рѣчная раковина употребляется для ловли крупныхъ *окуней, язей, головлей* и др.; большія же (двустворчатая) употребляются для ловли *сомовъ*.

Улитки пригодны для ловли большей части рыбъ; *голавль* особенно лакомъ до большихъ сѣрыхъ и черныхъ улитокъ.

Тараканы (какъ черные, такъ и рыжіе), *жуки, мухи, кузне-*

чки, поденки, стрекозы хороши для ловли головлей, ельцовъ, форелей, хариусовъ; кузнечикамъ не слѣдуетъ отрывать ногъ.

Мелкія лягушки служатъ превосходною насадкою для крупныхъ головлей.

Большія лягушки, за неимѣніемъ мелкой рыбы, годятся для уженія *щуки*; тамъ же, гдѣ есть *сомы*, онѣ служатъ ихъ любимую садкою.

Линючіе раки — отличная насадка для всякой крупной рыбы.

Мелкая рыба — *живецъ* служитъ насадкою для всѣхъ хищныхъ рыбъ; на живца берутъ: *сомъ*, всѣ семговые рыбы, *щука*, *судакъ*, *окунь*, *шересперъ*, *голавль*. Для насадки употребляютъ небольшихъ рыбокъ почти всѣхъ породъ — *искарей*, *гольцовъ*, *уклеекъ*, *лошковъ-гольяновъ*.

Положительно не совѣтую употреблять для насадки карасей и линей.

Зелень, водяной шелкъ въ срединѣ лѣта составляетъ превосходную насадку для плотвы; это ничто иное, какъ мягкая волокнистая плѣсень, находимая преимущественно на подводныхъ камняхъ.

Хлѣбныя зерна, бобы, горохъ, картофель, мятый хлѣбъ, тѣсто употребляются для ловли *плотвы*, *язя*, *ельца*, *сазана*.

Сыръ употребляется для головлей и марець.

Шварки — остатки, получающіеся при вытопкѣ сала, служатъ хорошою насадкою для *маренъ*, *плотвы*, *ельца*, *головля*.

Кромѣ описанныхъ простыхъ, такъ сказать естественныхъ насадокъ, есть еще много составныхъ, дѣйствіе которыхъ одни совершенно отрицаютъ, другіе же превозносятъ.

Прикормка. Прикормка бросается постоянно до уженія и во время уженія. Благодаря прикормкѣ, можно выудить порядочное количество средней и крупной рыбы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ прикормки попадалась бы одна лишь мелочь.

Въ водѣ *стоячей* или текущей *медленно* прикормку можно бросать прямо въ томъ видѣ, какъ она есть; въ болѣе сильномъ же теченіи приходится прибѣгать къ глинянѣ, или вообще какойнибудь вязкой землѣ, чтобы прикормка не уносилась водою, прежде чѣмъ дойдетъ до дна.

Для прикормки можно употреблять: хлѣбныя зерна, го-

рохъ, бобы, картофель, отрубн, гречневую и перловую крупу, квасную гущу, солодь, хлѣбный мякишъ, рубленое мясо, рубленую рыбу и т. п.

Если прикормка брошена разсудительно — несомнѣнно, что она принесетъ пользу; но вмѣсто пользы она легко можетъ принести вредъ, если пользоваться ею неразсудительно. Не слѣдуетъ, забывать что цѣль прикормки не есть *насыщеніе* рыбы, а только возбужденіе ея *аппетита*, поэтому никогда не слѣдуетъ бросать слишкомъ много прикормки.

Искусственныя приманки. Этотъ разрядъ приманокъ у насъ употребляется очень мало; единственныя виды ихъ, которые болѣе извѣстны — это *блесна* и *дорожка*. Въ западной Европѣ искусственныя приманки находятся въ большомъ употребленіи и раздѣляются на три разряда: *насъкомыхъ*, *рыбокъ* и *блесень*».

Кромѣ ловли рыбы удочками, ихъ ловятъ еще *неводами*, *бреднями*, *вершами*, *чертаками* и другими снастями, о которыхъ мы ничего говорить не будемъ, такъ какъ подобный ловъ рыбы не отвѣчаетъ нашимъ цѣлямъ.

Хищныя рыбы.

Сомъ. Онъ имѣетъ широкую приплюснутую голову съ огромной пастью, усаженною усами. Всѣ плавники, изъ которыхъ заднепроходный и хвостовой составляютъ одно цѣлое — могущественное плесо, чернаго цвѣта, бока темнозеленые безъ чешуи, брюхо желтовато-бѣлое, усы бѣлые.

Сомъ живетъ въ рѣкахъ и озерахъ, любитъ преимущественно воду тихую съ пловатымъ дномъ, лѣнивъ въ движеніяхъ, не гоняется за добычею, а подстерегаетъ ее, сидя въ ямахъ, между корягами, подъ суднами, купальнями, плотами и проч.; движенія его весьма порывисты, такъ что онъ нерѣдко съ разбѣга пробиваетъ неводъ. Это чрезвычайно прозорливая рыба — сомъ не брезгаетъ ничѣмъ: попадется ли ему падаль, рыба, лягушка, ракъ, рѣчная устрица, утка, — онъ все пожираетъ... Сомъ достигаетъ громаднхъ размѣровъ; встрѣчаются двухъ саженой длины и до пятнадцати пудовъ вѣсомъ,

такъ что дѣлаются опасными для купающихся даже взрослыхъ людей.

Разсказываютъ много случаевъ, что сомы тащили за ноги купающихся, схватывали своимъ плескомъ въ воду козъ, проситъ и дѣтей, подходившихъ къ ямамъ, въ которыхъ водились большіе сомы, а потомъ ихъ пожирали.

Сомы вѣсомъ отъ 2 до 4 пудовъ далеко не рѣдкость въ Днѣпрѣ, возлѣ Кіева, гдѣ они преимущественно держатся около пароходныхъ пристаней, откуда бросаютъ въ воду разную требуху. Они изъ своихъ убѣжищъ выходятъ за добычею преимущественно ночью, не оставляя дна, но передъ грозою всплываютъ на поверхность воды. Если у крутаго берега поднимаются на поверхность воды большіе пузыри, то это признакъ, что идетъ сомъ. Онъ, чавкая пастью, издаетъ иногда особый звукъ, похожій на звукъ отъ ударовъ вогнутой частью ложки объ воду. На этомъ основана ловля сомовъ съ хлопушкою. Для этого берутъ веревочку, толщиною въ карандашъ и длиною сажень въ 50 и болѣе, одинъ конецъ которой привязываютъ внутри большой лодки, и затѣмъ вся веревочка сматывается въ клубокъ, и къ свободному ея концу привязывается большой желѣзный крючекъ, толщиною въ гусиное перо, на который насаживаютъ кусокъ мяса, требуху, или что нибудь подобное. Рыбакъ садится въ лодку, держитъ въ зубахъ веревку аршина на три отъ ея конца съ наживленнымъ крючкомъ, беретъ въ правую руку деревянную ложку съ толстою длинною ручкою и плыветъ по теченію, придерживая весломъ лодку такъ, чтобы она шла по наибольшей глубинѣ, гдѣ водятся сомы. При этомъ онъ хлопаетъ вогнутой частью ложки по водѣ и отъ времени до времени, взявъ веревку въ руку, поднимаетъ крючекъ съ насадкою нѣсколько вверхъ и опускаетъ. Сомы, слышавъ хлопанье, идутъ къ лодкѣ и хватаютъ насадку. Какъ только рыбакъ почувствовалъ, что насадка схвачена, подсѣкаетъ и быстро удаляется къ берегу, причемъ нужно остерегаться, чтобы веревка не зацѣпилась за лодку, а сматывалась съ клубка совершенно свободно. Когда лодка благополучно пристаетъ къ берегу, то рыбакъ, подтягивая къ себѣ сома и отпуская, старается утомить его

и подвести къ берегу. Когда же сомъ будетъ близокъ къ берегу, то рыбакъ беретъ на руки долбню или багоръ и старается подведеннаго сома угодить по головѣ. Чаше случается, что сома трудно вытащить самому, безъ посторонней помощи, а потому роль глушителя принимаетъ на себя другой. Оглушенный сомъ выволакивается на берегъ.

Если лодка недостаточно велика, или сомъ идетъ далеко отъ берега, или, наконецъ, если веревка запутается, то сомъ потащить лодку на буксирѣ до тѣхъ поръ, пока утомившись, не дойдетъ до глубокой ямы. Въ послѣднюю онъ непременно станетъ ложиться, и если веревка коротка, лодка мала, и сомъ великъ, то онъ непременно потопитъ лодку. Единственное спасенье — постараться отрѣзать веревку и, слѣдовательно, пожертвовать пойманною рыбою.

Вообще ловля сомовъ съ хлопущею далеко не безопасна: она требуетъ снаровки, хорошихъ снастей и порядочной физической силы.

Сому ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ совать въ ротъ руки, потому что онъ не только можетъ отдавить, но даже и раздробить руку.

Мясо большихъ сомовъ отвратительно жирно и неудобоваримо; но маленькіе сомы фунтовъ въ пять или менѣе очень хороши.

Шересперь, жерихъ. Въ южной Россіи она носитъ названіе: бѣлизна и белестъ; на Камѣ и Ока — конь.

У этой рыбы нижняя губа болѣе верхней и загнута кверху, спина черноватая, затылокъ темно-синій, бока синеvато-бѣлые, спинной и хвостовой плавники синіе, а остальные красноватые. Шересперь любитъ воду глубокую, чистую, быструю. Имѣетъ свойство плескаться на поверхности воды или же, подобно маренѣ, изъ нея выскакивать, и вообще рыба очень живая, быстрая въ своихъ движеніяхъ. Только въ молодости кормится червячками и травою, а по достиженіи зрѣлаго возраста питается исключительно рыбою, такъ что это уже настоящій хищникъ. Достигаетъ десяти и болѣе футовъ. Перестится въ апрѣлѣ. Шересперь имѣетъ мясо довольно нѣжное, но тѣмъ не менѣе, по костлявости своей, мало упот-

ребляется и цѣнится гораздо ниже другихъ крупныхъ рыбъ. Для лова себѣ добычи, онъ подходитъ къ берегамъ, особенно поросшимъ травюю.

Ловятъ ее на удочки для хищныхъ рыбъ съ поплавкомъ, пуская крючекъ на аршинъ отъ поверхности воды и наживляя маленькой рыбкой. Кромѣ того, ловится на рогульки и блесну.

Окунь. Онъ довольно широкъ станомъ, горбовать, покрытъ чешуею зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта; спинной плавникъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ передній съ открытыми иглами; хвостовой и особенно нижніе плавники краснаго цвѣта; брюхо бѣловато; глаза желтые съ черными зрачками, поперекъ всего тѣла лежатъ пять полосъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми больно колется, если его возьмешь неосторожно. У него большой ротъ и широкое горло.

Окунь любитъ воду свѣжую, прозрачную, и живетъ во всѣхъ рѣчкахъ, рѣчкахъ, озерахъ и прудахъ, причемъ въ рѣчкахъ предпочитаетъ мѣста не быстрыя, обрывистыя, имѣющія на днѣ много корней, камней, а также поросшія лозью, травами. Плаваетъ на различной глубинѣ, но крупные преимущественно держатся дна и только за добычею поднимаются къ поверхности воды. Это одна изъ самыхъ хищныхъ рыбъ. Въ этомъ отношеніи окуня можно сравнить съ тигромъ. Окунь убиваетъ другихъ рыбъ не только для удовлетворенія голода, но, повидимому, и для своего удовольствія.

Страсть къ хищничеству у него достигаетъ такой степени, что онъ при этомъ даже не стѣсняется присутствіемъ человека и у самаго берега хватаетъ добычу. Мнѣ, говоритъ Радкевичъ*), случалось иногда видѣть, какъ пойманые окуни, привязанные на веревкѣ, не смотря на свой плѣнъ, не отказывали себѣ въ удовольствіи поохотится за рыбешкой. Сидя у берега, гдѣ водятся окуни, очень часто приходится слышать отрывочное чавканье — это окуни охотятся за мелюзгой.

---

*) Ужение рыбъ.

Окуни охотятся преимущественно утромъ и вечеромъ въ ясную погоду. При этомъ ходятъ цѣлыми стадами, и если придется напасть на такую станичку, то можно ихъ всѣхъ переловить, причемъ прежде всего попадаются болѣе крупные, а затѣмъ уже помельче. Но нужно остерегаться, чтобы не сорвался ни одинъ окунь, потому что сорвавшійся окунь быстро бросится въ сторону, а за нимъ и вся его компанія. Въ жаркій день они сидятъ въ тѣни между корчами и корнями, и оттуда выходятъ только утромъ и вечеромъ на добычу. Кромѣ главной своей добычи — рыбокъ, окуни не брезгаютъ земляными червями, кучею глисть, раковой шейкой и особенно линючимъ ракомъ (цѣлымъ или его частями).

Окуни весьма рѣдко бываютъ длиною въ поларшина, а по достиженіи извѣстнаго возраста увеличиваются въ толщину и бываютъ семифунтовые и даже тяжелѣе.

Окунь нересится раннею весною. Икра сходится студенистою лентою, которая имѣетъ въ ширину около полувершка, а въ длину отъ двухъ до трехъ аршинъ; но свертывается при выходѣ въ неправильный клубокъ и прикрѣпляется обыкновенно къ подводнымъ стеблямъ тростника, камыша и другихъ травъ. Отдѣльныя яички въ этой лентѣ бываютъ соединены, числомъ отъ 3 до 5, въ маленькія кучки, изъ которыхъ каждая заключена какъ бы въ особой клѣткѣ, и отъ этого вся лента получаетъ видъ узкой сѣти. Порядочной величины окунь выпускаетъ до трехъ сотъ тысячъ яичекъ. Такая плодовитость окуня и объясняетъ его почти повсемѣстную многочисленность.

Лучше всего удить окуней на большую и среднюю окуневую удочки, наживленные землянымъ червемъ, кучею глисть, раковою шейкою, небольшою рыбкою (уклейкою, писсаремъ, плотичкою) и др., можно даже употреблять и донныя удочки, наживленные тѣмъ же. Среднія удочки нужно пускать такъ, чтобы крючекъ былъ вершка на два отъ дна, а большія почти по дну. Можно употреблять удочки и съ двумя крючками, изъ которыхъ верхній долженъ быть меньше нижняго.

Окунь рыба сильная и въ клевѣ весьма добросовѣстная. Онъ нѣсколько разъ толкнетъ внизъ поплавокъ, а потомъ и

совсѣмъ его утащить. Впрочемъ иногда везеть его и въ сторону. Когда поплавокъ станетъ тонуть или удаляться въ сторону — подсѣвайте. Не слѣдуетъ медлить съ подсѣчкой, потому что послѣ трудно будетъ вытащить изъ рыбы крючекъ, такъ какъ окунь его сильно заглтываетъ. Вынимайте изъ воды окуней скоро или по крайней мѣрѣ, если боитесь, чтобы окунь не порвалъ леси, не держите её на слаби послѣ подсѣчки, потому что окуни сейчасъ же бросаются подъ корчъ или камень, и оттуда ихъ уже трудно вытащить, не испортивъ леси. Вѣроятно, говоритъ г. Радкевичъ, всѣ рыболовы со мной согласятся, что они удили окуней болѣе, чѣмъ всякой другой рыбы, изъ уваженія къ ихъ отличному клеву, не требующему никакой прикормки и къ ихъ отличному вкусу. Я самъ ловилъ очень много окуней и, признаюсь, ужение ихъ мнѣ нравится. Особенно любопытно бывало ужение окуней между камнями. Бывало въ омутѣ бросишь донную удочку; дернетъ порядочно; подсѣчешь — и окунь стремглавъ летитъ подъ камень. Потянешь — и леси взвивается словно перерѣзанная ножницами. Такъ я потерялъ нѣсколько леси, пока не изловчился. Если не успѣешь, бывало, не допустить окуня подъ камень, то оставляешь удочку, натянувъ леси, а удишь на другую, зорко посматривая на первую. Недолго окунь усидитъ подъ камнемъ, онъ непременно выйдетъ оттуда, что сейчасъ видно по удилицу, тогда его осторожно вытаскиваешь — и рыба вытащена и удочка цѣла. Въ корчахъ нужно соблюдать тоже. На удочки съ двумя крючками и съ поплавкомъ мнѣ случалось выуживать по два окуня за разъ.

Вслѣдствіе прозорливости окуней, можно ихъ ловить и на блесну. Для этого маленькое подобіе рыбки, отлитое изъ олова, привязывается къ маленькому снурочку, который долженъ быть почти вдвое короче удилица, имѣющаго по крайней мѣрѣ $5\frac{1}{2}$ или 6 аршинъ въ длину. Блесна эта опускается и поднимается прямо между корчами или лозою, гдѣ любятъ стоять окуни. Какъ только схватить окунь, его прямо тащатъ на берегъ. При этомъ нужно часто перемѣнять мѣста, потому что если минутъ черезъ пять окуни не берутъ, то это признакъ, что ихъ тамъ нѣтъ. Въмѣсто блесны можно для

этого способа ужения употреблять и другія насадки, употребляя въ такихъ мѣстахъ такой же длины лесу съ грузиломъ и безъ поплавка.

Клевъ окуней начинается очень рано весной. Въ это время ихъ можно ловить по залпвамъ съ лодки между затопленными кустамъ и травой.

Суданъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи его называютъ — сулей.

У судака довольно большая пасть, усаженная зубами, спина зеленовато-сѣрая, брюхо серебристо-бѣлое, желтоватые бока покрыты нѣсколькими поперечными полосами, щеки пятнистыя, спинные плавники испещрены множествомъ черныхъ пятнышекъ.

Судакъ любитъ воду свѣжую, глубокую; онъ быстръ въ своихъ движеніяхъ, плотоядецъ, достигаетъ болѣе аршина въ длину и тридцати фунтовъ вѣса. Нересится въ апрѣлѣ. Мясо судака здорово и очень вкусно, а потому судакъ вездѣ цѣнится выше всякой другой рыбы, за исключеніемъ красной. Живетъ преимущественно въ глубокихъ ямахъ, пещерахъ, гдѣ на днѣ есть корчи, камни, бревна; но за добычей, которая состоитъ исключительно изъ другихъ рыбъ, особенно пискарей, выходитъ на мелкія мѣста. Онъ стремительно и съ большимъ шумомъ бросается за добычей и до такой степени увлекается, что иногда даже, подобно окуню, выскакиваетъ на такія мѣста, гдѣ вода стоитъ не выше вершка. Гоняется и по верху за добычей въ ясную, теплую погоду утромъ, вечеромъ и особенно около полудня. Схвативъ добычу, онъ быстро удаляется въ глубину.

Ловятъ судаковъ исключительно на живца, для которыхъ употребляютъ верховодокъ и особенно пискарей. Насаживаютъ живцовъ на донныя удочки или еще лучше, на удочки съ поплавкомъ, пустивъ живца аршина полтора подъ поверхностью воды. Можно ловить ихъ и на блесну, употребляемую для окуней, причемъ вмѣсто лесы берутъ самую тонкую отбойку длиною аршинъ въ семь и самое длинное удилице. Блесну попеременно опускаютъ въ глубину и поднимаютъ, поддерживая ее въ постоянномъ движеніи.

Судаки ловятся также на ночные донные переметы, называемые рыбой.

Щука. Рыба крепкая, сильная, необыкновенно проворная, быстрая въ своихъ движеніяхъ, хитрая и въ высшей степени плотоядная. Всѣ живыя существа, обитающія на водѣ и подъ водою и доступныя ея силамъ, бываютъ подвержены преслѣдованіямъ щуки и дѣлаются добычею ея прожорливости. Она даже не щадитъ и своего племени — крупныя щуки пожираютъ меньшихъ наравнѣ съ другими рыбами.

Къ хищнической способности щуки приспособлено и строеніе ея тѣла. Оно брусковато, удлиненно; голова какъ у крокодила; пасть огромная, въ которой торчитъ до семи сотъ острыхъ зубовъ. Въ теченіе перваго года жизни цвѣтъ ея кожи зеленый, но на второмъ уже году она дѣлается пятнистою. Спину имѣетъ черную, а брюхо бѣлое. Щука достигаетъ иногда двухъ-аршинной длины и пудоваго вѣса. Она растетъ очень быстро и живетъ очень долго; рассказываютъ, что случалось ловить щукъ, которыя были посажены лѣтъ 200 тому назадъ и достигли гораздо болѣе саженой длины и нѣсколькихъ пудовъ вѣсомъ. Она нерестится очень рано весною — въ мартѣ или началѣ апрѣля. Щука любитъ воду тихую, поросшую травами, съ нависшими кустами или деревьями, водится у насъ изобильно въ заливахъ рѣкъ, рѣчкахъ, озерахъ, прудахъ и вообще есть одна изъ самыхъ распространенныхъ рыбъ. Мясо ея очень уважается особенно евреями, которые умѣютъ его готовить. Ловятъ ее, кромѣ разныхъ сѣтей, и другими многообразными способами. Такъ напримѣръ: во время нереста ловятъ щукъ петлями (силками) и стрѣляютъ изъ ружей, такъ какъ въ это время она часто стоитъ неподвижно въ мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ; осенью бьютъ щукъ острогою, развѣзая на лодкѣ въ темную ночь и освѣщая дно рѣчки или пруда разведеннымъ на ней огнемъ.

Удить ее лучше всего на рогульку, на крючекъ которой наживляютъ живую верховодку или плотичку. Крючекъ употребляется преимущественно двойной съ поводкомъ изъ басковой струны или металлической цѣпочки, потому что воло-

сяные, шелковые и нитяные поводки щукой перегрызаются. Двойные крючки могут быть и безъ зазубринъ. Если наживленіе производилось съ достаточною быстротою, то рыба очень долго остается живою и плаваетъ непрерывно. Щука завидѣвъ рыбу, быстро на нее бросается и схватываетъ. Опустившись на глубину, щука останавливается и пожираетъ рыбку, перевернувъ ее головою внутрь. Поэтому то съ подсѣчной щуки всегда слѣдуетъ обождать. Когда насадка проглочена щукой, то двойной крючекъ изъ нея можно вынуть, только распоривъ у нея брюхо.

Налимъ. Въ Малороссіи его называютъ — менъ, менекъ, на Окѣ мантусъ, въ другихъ мѣстахъ ментусъ; имѣетъ большую приплюснутую голову и большой ротъ. Обѣ его челюсти усажены семью рядами острыхъ зубовъ, а нижняя снабжена и усиками. Языкъ у него широкій, а въ небѣ торчатъ шероховатая косточки. Носовыя отверстія двойныя, и переднія изъ нихъ покрыты перепонкою; глаза маленькіе съ синими зрачками въ желтомъ кружкѣ. Кожа его вся испещрена пятнами.

Налимъ любитъ воду чистую, свѣжую, холодную, держится всегда на днѣ и лѣнивъ на движенія. Онъ стоитъ наичаще неподвижно и искусно притаивается между каменьями или корчами въ ожиданіи добычи, но когда таковая ему представится, то бросается на нее съ большою стремительностію.

Мясо налима очень вкусно.

Ловятъ его на насаженные рыбой, а иногда червями ночные переметы, которые пускаютъ преимущественно подъ судна, плоты и т. п.

Налимъ рѣдко лѣтомъ попадаетъ на удочку, да и то большей частью затаскиваетъ въ нору или подъ корягу. Еще рѣже попадаетъ налимъ въ рыболовную снасть.

Самая нехитрая ловля его производится въ рождественскій постъ нижеслѣдующимъ образомъ: изготовляется десятокъ короткихъ лесъ, къ которымъ вмѣсто крючка привязывается изъ прутика рогулька, въ видѣ буквы V; другой конецъ лески*) привязывается къ тонкому колышку, аршина

*) Для напуска привязана рогулька, на которую наматывается часть лески.

въ два длиною, на вышинѣ полуаршина отъ заостренаго конца его, который втыкають въ дно рѣки. На крючекъ надѣвается кусокъ рыбы, и искусно зашивается, такъ чтобы крючекъ былъ закрытъ совершенно. Такимъ образомъ изготовивши дома удочки, захвативъ пешню и топоръ, отправляется рыболовъ на рѣку, выбираетъ тамъ откосы или мель, прорубаетъ небольшія проруби вдоль рѣки, на разстояніи нѣсколькихъ сажень одна отъ другой, и въ нихъ разставляетъ удочки, оставляя ихъ до слѣдующаго дня. Послѣ полудня слѣдующаго дня, онъ идетъ осматривать свои снасти, и тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть добыча, уноситъ домой, потому что, не разрѣзавъ у налима желудка, невозможно освободить крючка, точно также какъ налиму невозможно не проглотить крючка, съѣсть съ него кусокъ рыбы. Вотъ почему приманка даромъ никогда не пропадаетъ, такъ какъ если ужъ разъ налима ее взяли, то ужъ непременно попался.

Ершъ. Водится онъ во всѣхъ рѣкахъ и на столько извѣстенъ, что описывать его наружный видъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ.

Любитъ онъ песчаное дно и свѣжую, не особенно быструю воду. Водится во всѣхъ проточныхъ рѣкахъ и заливныхъ озерахъ.

Ершъ не охотится за рыбешкой, но зато икрѣ онъ спуску не даетъ. Гдѣ бы онъ ее не увидѣлъ, непременно поѣсть.

Ерши ходятъ по дну громадными стаями и до такой степени прожорливы, что лишь только наживленный навознымъ червякомъ крючекъ дойдетъ до дна, какъ его немедленно схватываетъ ершъ.

Лучше всего удить ершей окуневой удочкой да крючкомъ № 6. Для того чтобы привлечь ершей къ извѣстному мѣсту, необходимо длиннымъ шестомъ поковырять дно, вслѣдствіе чего образуется муть и привлечетъ ершей.

Никогда не слѣдуетъ долго ожидать съ подсѣчкой, потому что придется провозиться съ выниманьемъ сильно заглотаго крючка.

Удить ершей лучше всего со дна и въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ корягъ и травы.

Ерши нересаются въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Въ это время они собираются большими массами.

Ловля ершей тѣмъ особенно пріятна, что они водятся почти круглый годъ.

Голавль. Онъ крупнѣе и длиннѣе язи, но за то не такъ широкъ какъ она. Онъ очень красивъ: верхъ спины черно-зеленый, брюхо серебристое; бока желтоватые, съ черными точками по краямъ отдѣльных чешуекъ. Хвостъ и верхніе плавники черноватые съ краснымъ отливомъ. Глаза темные, съ желтыми зрачками.

Голавль достигаетъ довольно большихъ размѣровъ. Живетъ въ проточныхъ рѣчкахъ, озерахъ и прудахъ и держится больше всего песчаныхъ и каменистыхъ мѣстъ. Онъ очень хищенъ и преимущественно питается небольшою рыбешкой. По своей огромной пасти и остротѣ зубовъ онъ родня щуки.

Голавль чрезвычайно быстръ въ своихъ движеніяхъ и силенъ.

Во время нереста, которое бываетъ въ концѣ апрѣля или началѣ мая, они собираются очень большими стадами, отыскивая песчаные косы для метанія икры.

Ловятъ ихъ на раковыя шейки, на хлѣбъ, червей. Иногда ловятъ ихъ переметами, наживленными рыбою. Удить ихъ лучше всего со дна. Онъ беретъ быстро и какъ только схватитъ насадку, то моментально бросается въ сторону и начинаетъ метаться какъ угорѣлая кошка. Случается такъ, что даже самъ себя подсѣкаетъ. Леску слѣдуетъ держать крѣпко и притягивать къ себѣ потихоньку, осторожно. Какъ только онъ будетъ подведенъ къ берегу, то сію же минуту нужно подхватить сачкомъ.

Въ жаркіе дни и въ особенности въ половинѣ дня головли берутъ плохо. Онъ очень невнимателенъ къ той пищѣ, которую ему подносятъ; случается что подойдетъ, понюхаетъ и отойдетъ на другое мѣсто. Очень ужъ остороженъ.

Маленькихъ головлей ловить несравненно проще, они идутъ на муху и съ жадностію кидаются на приманку.

Стерлядь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи стерлядь зовутъ чечугой. Она очень красива. вмѣсто описанія внѣшняго вида

этой замѣчательной рыбы, которая, полагаемъ, извѣстна всѣмъ и каждому, мы расскажемъ лучше анекдотъ.

Въ Царствованіе Екатерины II-й, великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, давалъ однажды въ честь Императрицы въ Таврическомъ дворцѣ обѣдъ, на которомъ участвовали вельможи и посланники.

Удивительнѣе всего была за этимъ обѣдомъ уха изъ стерлядей замѣчательной величины. Чтобы подать эту уху, князь заказалъ особенную серебрянную чашу, которая своею художественною отдѣлкой отличалась отъ всего извѣстнаго въ этомъ родѣ до того времени. Чашу несли 24 офиціанта, одѣтые въ великолѣпные и богатые костюмы. Уха эта стоила 15,000 рублей серебромъ.

Недаромъ въ своихъ одахъ восклицалъ Державинъ:

Шексинка стерлядь золотая!

Стерлядь любитъ быстро текущія рѣки съ каменистымъ дномъ. Мечетъ икру весною или въ началѣ лѣта. Она кромѣ червяковъ, жретъ улитокъ и икру другихъ рыбъ.

Ловятъ ее переметами, наживленными подденгой, или какъ называютъ на *Шекснѣ*, метлицей.

Пеструшка. Она рѣдко когда бываетъ болѣе полуаршина и тяжелѣе двухъ фунтовъ. Особенно много водится ее въ небольшихъ рѣчкахъ. Носъ пеструшки тупой, тѣло по бокамъ сжато, зубы крѣпкіе и сидятъ въ два ряда. Цвѣтъ этой рыбы зависитъ отъ качества той воды, въ которой она живетъ. Вообще же, спина у ней буровато-зеленая, бока и брюхо желтоватые, плавники желтовато-сѣрые.

Она имѣетъ нѣсколько названій: *кромница*, *трогница*, *горница*, *тарпинка*.

Держится она въ особенности въ горныхъ рѣчкахъ, ручьяхъ, въ проточныхъ озерахъ и прудахъ.

Для метанія икры она всегда идетъ къ верховьямъ рѣкъ; и ее не останавливаютъ никакія преграды (пороги, запруды), которыя она перескакиваетъ или перепрыгиваетъ.

При ловлѣ пеструшки по дну, удятъ на маленькую рыбешку, а по верху на навознаго червяка.

Не хищныя рыбы.

Карпъ. Внѣшній видъ этой рыбы мы описывать не будемъ, такъ какъ эту рыбу, полагаемъ, каждый знаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ его — коропъ, сазанъ.

Величина этой рыбы много зависитъ отъ пищи и мѣстности въ которой она водится. Какъ о величинѣ карпа, такъ и долговѣчности рассказываютъ различно. Утверждаютъ, что карпъ живетъ цѣлыя столѣтїя. Онъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 50 фунтовъ.

Цвѣтъ карпа зависитъ отъ возраста и свойства воды. Такъ напримѣръ тѣ, которые живутъ въ рѣкахъ и озерахъ, несравненно золотистѣе тѣхъ, которые водятся въ прудахъ.

Они водятся вездѣ. Питаются червями, пометомъ, личинками насѣкомыхъ, зернами и молодыми побѣгами разныхъ растений и проч. Зимой, въ сильную стужу, они зарываются въ илистое дно и не выходятъ для добычи.

Нерестъ бываетъ въ июнѣ, июлѣ, и чаще всего въ маѣ мѣсяцѣ. Въ это время они любятъ спокойныя, тихія мѣста, и отыскивая ихъ, пренебрегаютъ всѣми встрѣчающимися на пути препятствїями: перепрыгивая иногда саженныя препятствїя.

Не смотря на то, что карпы имѣютъ множество враговъ, они размножаются чрезвычайно быстро, очень живучи и потому способны для перевоза въ бочкахъ съ водою на большое пространство.

Мясо этой рыбы очень вкусно и удобоваримо.

Во время ужения онъ выказываетъ силу, смышленость и хитрость. Для ловли карпа нужно употреблять окуневую удочку, съ небольшими крючками и на тонкой лесѣ. Наши удильщики, говоритъ г. Родкевичъ, привязываютъ къ тому мѣсту удилица, которое держится въ рукахъ, конецъ длинной тонкой веревочки (напримѣръ отбойки), наматанной на катушку или клубокъ, причѣмъ другой конецъ веревочки привязывается къ чему нибудь на берегу. Какъ только подсѣкли порядочнаго карпа, то удилице бросаютъ въ воду, а карпъ тащить, утаскиваетъ его, разматывая при этомъ вере-

вочку. Когда рыба остановилась, ее стараются слегка подтащить къ берегу, наматывая веревочку на клубокъ. При первом толчкѣ рыбы опять пускаютъ веревочку и т. д. Много нужно терпѣнья и искусства, чтобы большаго карпа подхватить сачкомъ. Этотъ способъ неудобенъ въ томъ отношеніи, что лишаетъ рыбака возможности воспользоваться его гибкимъ удилицемъ, заставляя его вытягивать лесу въ одну линію съ удилицемъ. Вотъ тутъ то и выказывается отличное достоинство катушки, прикрѣпленной къ удилицу. При употребленіи этой катушки можно по произволу отпускать и наматывать снурокъ, употребляя въ дѣло и гибъ своего удилица, такъ какъ только неопытный рыбакъ можетъ позволить рыбѣ вытянуть лесу въ одну прямую линію съ удилицемъ.

Весной насаживаютъ земляныхъ и навозныхъ червей, а лѣтомъ хлѣбный мякишъ, медъ смѣшанный съ тѣстомъ, вареный горохъ и т. п. Лѣтомъ самое лучшее время для ужения: утро и вечеръ.

Во время дова нужно быть очень осторожнымъ, такъ какъ карпъ лишь только подсѣчется, бросается въ противоположную отъ рыболова сторону, какъ молнія. Какъ только не доглядить, то леса оборвется и въ рукахъ охотника остается одно удилице.

Лещъ. Это одна изъ самыхъ извѣстныхъ обыкновенныхъ рыбъ въ водахъ Россіи и извѣстна каждому. Она встрѣчается въ рѣкахъ, рѣчкахъ и особенно въ озерахъ, въ сѣверной, средней и южной Россіи. Они бываютъ разныхъ размѣровъ: отъ 3 до 16 фунтовъ.

Любимыми мѣстами леща служатъ воды тихія, не текущія, но обширныя, съ травяными зарослями и кустарниками по берегамъ и въ верховьяхъ; въ этихъ кустарникахъ онъ постоянно почти и держится, выходя на чистыя мѣста только для вечерней, ночной и утренней прогулокъ, а отчасти, вѣроятно и для отысканія корма, поэтому предпочитаетъ пруды и озера; въ рѣкахъ же, гдѣ водится, держится главнымъ образомъ въ заливахъ, въ травѣ и на глубинахъ, гдѣ теченье тише.

Лещъ нрава тихаго и очень робокъ. Въ прудахъ и озе-

рахъ клевъ леща бываетъ очень рано утромъ, до восхода солнца, очень поздно вечеромъ, послѣ заката, и въ продолженіе всей почти ночи, въ лѣтнее время, а затѣмъ лещъ удаляется въ травы и подъ кусты.

Самой лучшей насадкой для леща, служитъ земляной червякъ. Изрѣдка впрочемъ лещъ беретъ на мятый черный хлѣбъ и на черный хлѣбъ съ творогомъ. Говорятъ, что лещъ беретъ на распаренный слегка горохъ и бобы, на распаренный овесъ и другія хлѣбныя зерна.

Крючки для ужения лещей надобно употреблять средніе, и изъ среднихъ крупныя, т. е. не ниже № 6 и 7, потому что лещъ имѣетъ сухой, совершенно не мясистый ротъ, въ который и хорошій крючекъ трудно впивается.

Леса надобно употреблять прочныя въ 16—20 волосъ, потому что крупный лещъ, отъ 5—6 фунтовъ, сильно рветъ, особенно послѣ подсѣчки; потомъ онъ скоро утомляется, и лежа на боку свободно позволяетъ вести; но леща въ 9—12 ф. скоро утомить нельзя, и онъ очень долго и бойко ходитъ на крючекъ, такъ что выдержать борьбу съ нимъ можетъ только очень прочная леса.

Мѣста для вечерняго и утренняго уженія лещей нужно выбирать чистыя, со дномъ, идущимъ наклонно, на глубинѣ сажени и даже болѣе, и недалеко отъ берега, такъ какъ лещъ, совершая свою прогулку по пруду или озеру, клюетъ именно въ то время, когда идетъ вблизи берега. При ужении среди дня, въ теплую и ясную погоду, надобно перебираться въ травянистыя мѣста, и тамъ выбирать мѣсто чистое, проточное.

Клевъ леща начинается раннею весною. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая, онъ ловится часовъ съ 6—7 утра до 5—6 вечера. Съ наступленіемъ же теплой погоды, когда въ водѣ разроснется трава, т. е. съ конца мая, въ юнѣ, іюлѣ и даже вначалѣ августа, крупный лещъ начинаетъ брать на удочку только рано утромъ, до восхода солнца, очень поздно вечеромъ, на закатѣ солнца, и ночью, особенно, въ полнолуніе, въ тихія и теплыя ночи.

Язь. Онъ бываетъ очень красивъ весной: блеститъ, точно

металлическій, а щеки и голова какъ будто выплты изъ золота. При поворотахъ, подъ солнечными лучами, онъ представляется то золотымъ, то серебрянымъ. Нижніе плавники пунцовыя, а верхніе и хвостъ темнокрасные. Голова самца усыпана желтовидными какъ жемчугъ бородавками. Въ другое время года онъ не такъ красивъ.

Водится язь въ рѣкахъ, рѣчкахъ, прудахъ и озерахъ. Достаетъ иногда до аршина и вѣситъ фунтовъ десять. Держится преимущественно глубокихъ мѣстъ и проточныхъ водъ. Онъ очень остороженъ и хитръ. Мечетъ икру въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Хорошо ловится на крупныхъ земляныхъ червей, на горохъ, хлѣбъ, раковыя шейки. То мѣсто, гдѣ думается ихъ ловить, необходимо прикормить. Язь рыба бойкая, сильная. Въ маѣ, въ жаркіе дни, около полудня, хорошо ловятся язи на майскихъ жуковъ, скачковъ, оводовъ и проч.

Удить лучше всего рано утромъ по дну и употреблять большія окуневыя, донныя и наплавныя удочки. Леса должна быть не тонѣе какъ изъ восьми волосъ, длиной въ двѣнадцать и болѣе аршинъ. Крючки употреблять № 6.

Удилище съ катушкой при ловлѣ язей почти необходимо.

Въ то время, когда язь попадетъ на удочку, нужно натянуть лесу и крѣпко держать, такъ какъ язь имѣетъ привычку быстро бросаться въ сторону и можетъ оборвать ослабленную лесу.

Карась. Онъ двухъ сортовъ: одинъ серебристый, другой золотистый. Форма его тѣла, кажется, на столько всеѣмъ извѣстна, что описывать ее нѣтъ никакой надобности.

Караси почти всегда живутъ на днѣ, роются въ тинѣ и иногда зарываются въ иль.

Трутся они въ концѣ мая и началѣ іюня. Въ это время они всплываютъ на поверхность воды и отправляются на отмели, поросшія травой. Любимымъ мѣстомъ карасей это — тихая вода и тинистое иловатое дно. Держатся караси преимущественно въ озерахъ и прудахъ. Золотой карась чаще всего встрѣчается въ непроточныхъ водахъ, а серебряный въ рѣчныхъ заливахъ и проточныхъ прудахъ.

Ростъ золотого карася не достигаетъ болѣе пяти фунтовъ

вѣса, серебрянный же встрѣчается отъ пяти до девяти фунтовъ вѣса.

Нужно замѣтить, что цвѣтъ карася можетъ измѣняться, смотря потому какое время года и какія свойства той мѣстности, гдѣ онъ пребываетъ.

Карась спокоенъ и лѣнивъ. Употребляетъ въ пищу червей, улитокъ, травы. Растутъ медленно, а размножаются быстро.

Эта красивая и вкусная рыбка, клюетъ почти цѣлое лѣто. Наживляя удочку червями изъ мяса и навоза, а также и тѣстомъ ихъ лучше всего ловить со дна.

Весной, когда солнышко хорошо пригрѣетъ воду, караси отлично берутъ. Задолго до большихъ морозовъ, они перестаютъ клевать.

Когда карась возьмется тихо, то ведетъ поплавокъ въ сторону, когда же возьметъ быстро, то погружаетъ поплавокъ быстро въ воду. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ, подсѣкать нужно не спѣша.

Удочки для ловли карася слѣдуетъ употреблять маленькія. Лучшее время ихъ ловли — утро и вечеръ.

Линь. Онъ имѣетъ странныя свойства: вытащенный изъ воды, онъ измѣняетъ свой цвѣтъ, и тамъ гдѣ его хватили пальцами, появляются темныя пятна. Вѣроятно это отъ того, что онъ очень изобильно покрытъ слизью, которая на воздухѣ твердѣетъ и отваливается кусками.

Линь покрытъ небольшою чешуею золотистаго цвѣта; имѣетъ большую голову съ маленькими глазами, блестящаго желтаго цвѣта. Хвостовой плавникъ раздвоенъ и на краяхъ округленъ; ротъ у него небольшой.

Лини, которые живутъ въ проточной водѣ, желтоваты; тѣ же, которые держатся тинистыхъ и иловатыхъ мѣсть, — черные.

Самымъ любимымъ мѣстопробываніемъ линя, всегда бываютъ тихія и стоячія рѣчки, озера и пруды, съ травянистымъ, иловатымъ дномъ. Такъ какъ линь холодной воды не долюбиваетъ, то ему въ тѣхъ мѣстахъ, которыя поросли густой осокой и тростникомъ, не житье, а масляница. Червей, тины и разныхъ травъ въ волю: ѣшь, сколько хочешь.

Нерестятся лини въ маѣ и юнѣ. Въ это время они разгуливаютъ цѣлыми стадами.

Линь смиренъ, вялъ и непроворенъ въ своихъ движеніяхъ. Онъ рѣдко когда появляется на поверхности воды, а преимущественно держится дна.

Ловить линей нужно на окуневую, среднюю удочку, и такъ, чтобы крючекъ ходилъ по дну. Клюетъ онъ медленно, ворячая поплавокъ то въ ту, то въ другую сторону. Въ тотъ моментъ, когда онъ станетъ погружать поплавокъ въ воду, его нужно подсѣкать быстро.

Для насадки употребляютъ клѣбъ, навозныхъ и земляныхъ червей, раковыя шейки и небольшіе кусочки линючихъ раковъ, которыхъ, впрочемъ, очень трудно доставать.

Лучшее время для ужения линей, это: апрѣль, май и сентябрь. Въ раннюю пору весны они ловятся въ озерахъ, прудахъ и рѣчныхъ заливахъ; лѣтомъ же только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя поросли травю.

Плотица. Эта рыба имѣетъ множество названій: плотва, сорога, библица, горьва, серуха и др. Водится она во всевозможныхъ рѣкахъ, рѣчкахъ, озерахъ и прудахъ. Кормится водяными травами, червями и насѣкомыми. Отдаетъ преимущество водѣ тихой, спокойной.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая начинаетъ нереститься. Въ это время плотица появляется огромными стаями и направляется къ берегу, гдѣ и мечетъ икру.

У плотицы красные глаза и плавники.

Вслѣдствіе ея изобилія, рыболовы не особенно за ней и охотятся.

Плотица чрезвычайно пуглива, бойка и осторожна. Она идетъ на всякую насадку. Ловить ее нужно изловчасъ: какъ только поведетъ поплавокъ, сейчасъ и подсѣкать.

Густера. Она носитъ различныя названія: беребера, лоскирка, луширка, круглякъ, подлещикъ, и много другихъ.

Эта рыба не особенно велика и формою своего тѣла очень похожа на леща. Верхъ спины голубовато-бурый, брюхо серебристое, а бока съ голубоватымъ отливомъ. Не парные плавники сѣрые; парные же въ основаніи красные, а къ

верху темно-сѣроватые; глаза серебристые. Любитъ воду тихую, но глубокую; живетъ почти во всѣхъ рѣкахъ, рѣчкахъ и прудахъ. Питается преимущественно травой и тиной. Нересится въ маѣ и юнѣ.

Идетъ хорошо на червяковъ и удится отлично.

Красноперна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ: красноглазка, чермоха, гарюга.

Она не особенно прѣтна на вкусъ и костлява. Преимущественно любитъ мѣста тихія и въ особенности держится въ стоячей и не проточной водѣ.

Вообще за этой рыбой мало охотятся.

Елецъ. Любитъ воду чистую, свѣжую, съ песчанымъ дномъ. Держится особенно рѣкъ, рѣчекъ и проточныхъ прудовъ и озеръ. Больше десяти дюймовъ въ длину и пальца полтора въ толщину онъ рѣдко когда попадается. Елецъ проворенъ и живъ. Мясо его не особенно вкусно и мало цѣнится.

Ужение ельца начинается съ апрѣля и продолжается до заморозковъ.

Ельцомъ мы закончимъ описаніе ловли рыбъ, такъ какъ объ уженіи ихъ, сказали почти все, что необходимо знать начинающему охотиться, и перейдемъ къ описанію ловли раковъ.

Л о в л я   р а к о в ъ .

Для рыболова раки необходимы, ибо они составляютъ превосходную *насадку* при уженіи почти всѣхъ вообще рыбъ. Они водятся въ рѣкахъ и рѣчкахъ, въ озерахъ и проточныхъ прудахъ. Раки любятъ чистую воду. Самые крупные встрѣчаются въ водѣ съ каменистымъ и песчанымъ дномъ. Въ рѣчкахъ, поросшихъ травой, иногда бываетъ ихъ громадное количество, но, къ сожалѣнію, они тамъ не такъ крупны, какъ въ большихъ рѣкахъ.

Для охотника рыболова раки тогда хороши, когда они линяютъ, т. е. сбрасываютъ съ себя старую скорлупу. Линяніе раковъ бываетъ въ юнѣ и юлѣ мѣсяцахъ.

Ловятъ раковъ разными способами. Всего лучше ловить сачкомъ. Для этого одинъ заводитъ сачекъ подъ берегъ, а

другой бьетъ чѣмъ нибудь по камнямъ и корчагамъ и стукомъ выгоняетъ раковъ изъ норъ. Испуганные раки выползаютъ изъ своихъ жилищъ и попадаютъ въ подставленный сачекъ. Въ мелкихъ рѣчкахъ ихъ ловятъ такимъ образомъ: берутъ палку длиною аршина въ полтора или два и на концѣ дѣлаютъ разщепъ, въ который защемляютъ приманку: кусокъ мяса, лягушку, и опускаютъ въ воду около норъ, гдѣ замѣчены раки. Въ это время не мѣшаетъ имѣть сачекъ, и какъ только будетъ замѣчено, что ракъ схватился за приманку, то сейчасъ же его подставляютъ, чтобы онъ, оторвавшись, не упалъ въ воду.

Ловятъ раковъ также и на свѣтъ, нужно только чтобы вода была прозрачна; тогда ночью ходятъ по берегу рѣчки съ зажженною лучиною или факеломъ, и раки, которые въ это время очень близко ползаютъ около берега, увидя свѣтъ, останавливаются, и ихъ можно брать руками.

Раки идутъ на всякую приманку.

Ловля рыбы зимой.

Зимой хорошо ловить рыбу на конькахъ, во-первыхъ, потому, что скорѣе пробѣгается пространство, да и несравненно легче, чѣмъ ходить по льду пѣшкомъ; во-вторыхъ, когда ледъ тонокъ и начинаетъ трещать подъ ногами, то легче избѣжать опасности, чтобы не провалиться. Разумѣется, при конькахъ нужно имѣть крайнюю осторожность, чтобы при глушении рыбы и дѣланіи проруби не поскользнуться и не упасть въ сдѣланное отверстіе.

Зимняя ловля рыбы возможна только тогда, когда ледъ тонокъ и прозраченъ. Она продолжается не особенно долго; съ утолщеніемъ льда она становится невозможной.

Почти всѣ рыбы къ зимнему времени группируются большими стаями и находятся какъ будто въ сонномъ положеніи. Рыболовъ, напавши на такую стайку, быстро и сильно бьетъ по льду колотушкой и оглушенная рыба перевертывается брюхомъ къ верху. Не теряя ни минуты, охотникъ вырубаетъ прорубь и вылавливаетъ сачкомъ оглушенную рыбу, выкидывая добычу на ледъ въ какую нибудь сторону.

Въ теплые солнечные дни, рыба изъ-подо льда берется хорошо и на удочку. Зимнее удилице должно быть короче лѣтняго. Въ вырубленную пешней прорубь опускается леса съ грузиломъ и тихо подергивается удилицемъ, чтобы придать насаженному на крючекъ червяку больше живости. Длина леса должна быть согласована съ глубиной воды, такъ какъ рыба въ это время держится больше всего дна.

Удить можно на блесну, но ее нужно чаще подергивать. Нѣкоторые охотники ловятъ безъ удилица, находя, что безъ него несравненно лучше подергивать блесну.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Охота на степныхъ звѣрей и птицъ.

Степь. — Степныя птицы: дрофа, стрепеть, журавль, рябокъ, кровшнейъ, сѣрая куропатка, красная куропатка, перепель, степная пеголица, горная куропатка, авдотка, тиркушка, саджа. Звѣри: сайганъ, дзерецъ и джейравъ, тушканчикъ, байбакъ, сусликъ, хомякъ, корсаръ.

Дрофа. Это одна изъ дорогихъ и завидныхъ степныхъ птицъ: красавица въ полномъ значеніи слова. Голова, верхняя часть груди и крыльевъ свѣтло-пепельнаго цвѣта, спина желто-ранжевая съ полосками чернаго цвѣта, хвостъ красноватый съ бѣлыми концами. Носъ крѣпкій, шероховатый. Зрачки желтоватые. Подъ горломъ находится мѣшокъ, въ который можетъ много помѣститься воды. Ноги покрыты сѣрыми чешуйками. По обѣимъ сторонамъ головы у самца растутъ длинныя, вихрястыя перья, а около подбородка висятъ длинныя косицы. Самка не много меньше самца, цвѣтъ пера не такъ ярокъ какъ у самца и не имѣетъ бороды.

Дрофа водится преимущественно на югѣ и въ особенности въ задонскихъ степяхъ.

«Степная охота^{*)} и именно на дрофѣ и стрепетовъ охота своеобразная; она производится по большей части безъ собаки и не пѣшкомъ, а на дрогахъ. Кромѣ того, что нужно хорошо стрѣлять изъ дальнобойнаго ружья, нужно имѣть человѣка, который бы умѣлъ подѣзжать къ птицѣ и нагонять ее на залегшаго охотника.

Къ моему счастью при мнѣ былъ такой охотникъ, который провелъ свою жизнь по задонскимъ степямъ, постоянно охо-

^{*)} «Природа и Охота» 1880 г., т. I. Г. Андріановъ.

тился самъ и приобрѣлъ въ степной охотѣ замѣчательный навыкъ. Никто лучше его не выберетъ мѣсто, гдѣ нужно залечь; никто лучше не нагонитъ птицъ.

— А что, какъ думаешь, Емельяновичъ, убьемъ чтонибудь?

— Только бы увидать, а то все будетъ наше, отвѣчаетъ онъ самоувѣренно.

Жарко. Птицы никакой не видно. Съ обоихъ насъ катитъ градомъ потъ. Чувствуешь какое-то разслабленіе во всемъ тѣлѣ. Вдругъ Емельяновичъ своротилъ съ дороги.

— Баринъ, вонъ смотрите на лѣво три дрофы!

Я посмотрѣлъ по его указанію и на разстояніи 500 шаговъ увидѣлъ дрофъ; онѣ замѣтили насъ и стояли, озираясь на всѣ стороны.

— Ну, ужъ эти будутъ наши! радостно воскликнулъ Емельяновичъ.

— Да, пожалуй, подпустятъ на выстрѣлъ; ишь печать-то какъ.

И дѣйствительно, только что мы начали дѣлать круги, постепенно приближаясь къ нимъ, всѣ три дрофы, одна за другою посѣли въ траву, такъ что ихъ стало рѣшительно не видно. Къ счастью, мѣсто, гдѣ онѣ присѣли, было замѣчено нами хорошо.

— Соскакивайте съ дрогъ, баринъ, пора ужъ!

— Нѣтъ, еще немного протронь.

— Не успѣлъ я еще досказать фразы, какъ дрофы поднялись... я выстрѣлилъ съ дрогъ, но, вѣроятно, рука дрогнула и я пропуделялъ. Соскочивши съ дрогъ, я пустилъ другой зарядъ въ догонку, на удачу; дробь отчетливо хлопнула по перьямъ, но дрофа полетѣла, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Поѣдемъ скорѣе, она навѣрное дойдетъ (умретъ), потому что сильно захвачена.

Сѣли и поѣхали крупной рысью въ догонку дрофамъ. Вотъ одна изъ нихъ начинаетъ мало-по-малу отставать и опускаться все ниже и ниже, и вдругъ, взмахнувши въ послѣдній разъ крыльями и перевернувшись въ воздухъ, шибко пошла къ низу.

— Ага, одна есть! какая же крѣпкая на рану, бестія! говорилъ Емельяновичъ, отрѣзывая голову; — подѣ лѣвое крыло попало.

Лѣтомъ дичь не особенно вкусная, потому что худая, и стрѣлять ее очень легко, такъ что охота въ это время не особенно привлекательна; въ началѣ же осени, когда хлѣбъ собранъ и появилась зеленая травка, совсѣмъ другое дѣло.

Птица дѣлается жирная, вкусная, но за то очень осторожная. Въ это время дрофы собираются въ стаи и ужъ съ подѣзда дрофу не убьешь, нужно залегать. Вотъ тутъ - то Емельяновичъ показалъ все свое искусство.

— Баринъ, сегодня день хорошій для охоты на дрофѣ: небольшой вѣтерокъ и не жарко; поѣдемте-ка — убьемъ усача (самца дрофу).

Отправились.

— Когда вы залажете, то не поднимайте головы, а то онѣ смѣтятъ и не пойдутъ на васъ.

— Хорошо, будь покоенъ, послѣдую твоему совѣту. Только какъ же я узнаю, что дрофы близко отъ меня?

— Объ этомъ не беспокойтесь, я тогда свисну, или сгоню ихъ, чтобы онѣ на васъ полетѣли.

На разстоянїи версты, совершенно на ровномъ мѣстѣ, ходило около двадцати громадныхъ дрофѣ.

— Нужно найти мѣсто, гдѣ бы вамъ залечь. Вонъ видите небольшой курганчикъ, я подѣду къ нему, а вы упадете съ дрогъ и подползете къ нему на брюхѣ, а тамъ приготовьтесь и ждите.

— Хорошо, только ты поскорѣй, а то лежать будетъ скучно.

Подѣхали къ курганчику; я на ходу упалъ съ дрогъ и сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ Емельяновичъ. Долги и томительны показались мнѣ эти минуты; я лежалъ неподвижно. Легкій вѣтерокъ колыхалъ траву. Тишина необыкновенная; изрѣдка доносится только стужъ отъ дрогъ, но гдѣ-то, казалось, далеко, далеко... Чу, что-то зашумѣло впереди, я приподнялся и увидѣлъ на разстоянїи двадцати шаговъ штукъ пять дрофѣ, которыя летѣли прямо на меня; онѣ замѣтили

меня и начали сворачивать въ сторону; я прицѣлился по-вѣрнѣе и выстрѣлилъ; самая большая изъ дрофѣ, какъ бы сраженная молніей, перевернулась и упала.

Никогда еще мнѣ не приходилось убивать такую громадину: въ ней вѣсу было 35 фунтовъ, понятно, въ перьяхъ и съ внутренностями.

Существуетъ еще одинъ родъ охоты на дрофѣ, именно, охота съ подкатомъ. Устраивается подкатъ на двухъ низкихъ колесахъ; въ ось втыкается вертикально высокая трава, а горизонтально довольно длинная палка, посредствомъ которой подвѣтъ и приводится въ движеніе.

Охотникъ намѣтивши дрофѣ, беретъ подкатъ, садится на четвереньки и такимъ образомъ ползетъ помаленьку, толкая его впередъ. Такой способъ охоты чрезвычайно утомителенъ и почти не употребляется настоящими охотниками; громадное же примѣненіе онъ находитъ себѣ въ средѣ охотниковъ промышленниковъ.

Нѣкоторые изъ нихъ до того искусны, что подкрадываются къ стаѣ дрофѣ на разстояніе въ 15 шаговъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ однимъ выстрѣломъ. Дрофы чрезвычайно осторожны. Ея дальновзоркія глаза увидятъ охотника тогда, когда онъ еще ея не замѣтилъ.

Въ сильные холода и во время большихъ снѣговъ, она изъ степей подвигается въ Крымъ.

Стрепетъ. Онъ очень похожъ на дрофу и почти такъ же статенъ и красивъ. Ростомъ онъ малъ. Въ Малороссіи стрепета зовутъ — *холодвой*: зовутъ его и *степнымъ тетеревомъ* и *степной курицей*. Перо у стрепета спереди головы темно-сѣрое, а на темени свѣтло-желтоватое, съ бурными пятнами. Черная шея раздѣлена на двѣ половины бѣлымъ кольцомъ. По зобу тянется бѣлая широкая полоска. Спина и плечи свѣтло-красновато-желтаго цвѣта, съ черными пятнами и волнами. Хвостъ бѣлый съ полосками. Глаза свѣтло-желтые. Ноги зеленоватые.

Онъ прилетаютъ не особенно рано и по прилетѣ разбиваются на небольшія партіи и держатся не однихъ степей а и полей. Гнѣздо строить всегда въ степи, на открытомъ мѣстѣ.

Охота на стрепетовъ трудна. Охота съ подъѣзда, охота на току, да случайно подвернувшійся подъ выстрѣль стрепеть — вотъ добыча, которой сплошь и рядомъ приходится довольствоваться охотнику. Охота по выводкамъ еще того труднѣе, потому что стрепета съ выводками держатся вдали отъ жилья, въ нераспаханныхъ степяхъ и отыскать его въ бурьянѣ, вдвое выше чаловѣческаго роста, далеко не легко.

Осенью, когда стрепета собираются небольшими стадами, вставши рано утромъ, хорошо ѣхать верхомъ въ степь, въ тѣ мѣста, гдѣ расчитываешь встрѣтить стрепетовъ.

Стрепетъ утромъ пасется по мелкой травѣ и его видно далеко, днемъ же ложится. Для удачной охоты на стрепетовъ надо выбирать день очень жаркій и самое лучшее безвѣтренный.

Мѣста отысканныхъ гуртовъ замѣчаются и охотникъ затѣмъ возвращается домой. Въ полдень, когда наступитъ жара, онъ вторично отправляется въ степь, но одинъ — безъ собаки. Къ первому замѣченному гурту, надо подходить не торопясь, тихо переступая съ ноги на ногу, порывистыхъ движеній допускать не слѣдуетъ. Стрепетъ лежитъ крѣпко и допускаетъ охотника шаговъ на 5—6. Но вотъ одинъ изъ потревоженныхъ взлетаетъ, и охотникъ стрѣляетъ... Но тутъ опять маленькое условіе: нужно стрѣлять на цюваль, не дѣлать промаха, иначе все стадо снимется и тогда остается только разрядить по нимъ второй стволъ. Но если взлетѣвшій стрепеть убитъ наповаль, то остальные не подымутся, и охотникъ, не двигаясь съ мѣста, спокойно, не торопясь заряжаетъ свое ружье, однимъ словомъ, пережидаетъ минутъ пять, стоя, не садясь, и затѣмъ осторожно подходит къ убитой птицѣ. Но обыкновенно поднять ее не удастся тотчасъ же, потому что тутъ взлетаетъ еще стрепеть и опять приходится стрѣлять. Послѣ втораго выстрѣла опять нужно постоять немного неподвижно. Послѣ третьяго выстрѣла почти всегда поднимается уже все стадо. Охотникъ стрѣляетъ въ четвертый разъ, замѣчаетъ то мѣсто, куда перемѣстилось все стадо и отправляется ко второму стаду, замѣченному ранѣе, гдѣ продѣлываетъ тоже что и съ первымъ.

Лучшая дробь для стрепета № 4.

Журавль. Тѣломъ онъ немного менѣ дрофы, по величинѣ же крыльевъ и длинѣ перьевъ на спинѣ, журавль представляется одной изъ самыхъ крупныхъ птицъ. Длинная шея и ноги еще болѣе увеличиваютъ его статную фигуру.

Журавль встрѣчается въ степи и въ полѣ; любитъ вспаханную землю и хлѣбныя поля. Ёсть горохъ и разныя зерна. Съ голоду не брезгуетъ лягушкой, ящерицей, землянымъ червемъ и маленькой змѣей, которыхъ и проглатываетъ цѣликомъ.

Для устройства гнѣзда выбираетъ мѣсто сухое, возвышенное, поросшее бобовникомъ или чилизникомъ.

Журавль очень скоро становится ручнымъ. «Замѣчательный умъ и довѣрчивая натура моихъ молодыхъ журавлей, говоритъ Зейфертицъ, дошли до такой степени развитія, что возбуждаютъ вниманіе и удивленіе всѣхъ, кто только ихъ видитъ. Въ короткое время исчезъ весь ихъ страхъ передъ людьми и домашними животными, и они даже ищутъ общества первыхъ. Безъ всякой робости они входятъ въ нижнія комнаты нашего жилья, долго въ нихъ остаются и ѣдятъ съ одного блюда съ очень большой лягавой собакой».

Журавль чрезвычайно осторожная птица и къ нему подкрасться или подѣхать очень трудно. Въстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ огромной силой, которая заключается въ крѣпости его крыльевъ, ударъ которыми бываетъ ужасенъ. Въ виду опасности, онъ ложится на спину и защищаясь ногами, норовитъ носомъ попасть въ глазъ; поэтому къ раненному журавлю, никогда не слѣдуетъ наклоняться низко.

Охота на журавлей имѣетъ много сходства съ охотой на дрофу; таже требуется осторожность, хитрость и подкрадыванье. «Однажды, говоритъ Аксаковъ, поздно воротившіеся съ работы крестьяне сказали мнѣ, что проѣхали очень близко мимо станицы спящихъ журавлей; ночь была мѣсячная; я бросился съ ружьемъ въ крестьянскую телѣгу и велѣлъ везти себя по той-же самой дорожкѣ, по которой ѣхали крестьяне. Журавли подпустили меня очень близко; хотя сторожа ихъ не спали, но не подняли тревоги. Я заѣхалъ такъ, чтобы можно было ударить вдоль линіи спящихъ журавлей, кото-

рыхъ было десятка два: я прицѣлился въ третьяго съ края, и однимъ выстрѣломъ убилъ четырехъ. Это случилось въ августѣ, во время еще сильныхъ жаровъ. Въ другой разъ (24-го сентября) увидѣлъ я огромную стаю журавлей, опустившуюся на хлѣбное сжатое поле. Мѣсто было чистое и подъѣздъ, даже подходъ, невозможенъ. Я поползъ межой, заросшей бобовникомъ и вишенникомъ, и залегъ въ ней, а дрожкамъ своимъ велѣлъ заѣхать съ противоположной стороны. Журавли медленно подвигались на меня, мои дрожки продолжали ѣздить взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока вся журавлиная стая не подошла ко мнѣ очень близко. Наконецъ я выстрѣлилъ: три журавля остались на мѣстѣ, а четвертый, тяжело раненный, пошелъ на отлетъ къ низу и упалъ, версты за полторы въ глухой и болотистой уремѣ. Я искалъ его вплоть до вечера, и наконецъ нашелъ съ помощью собаки, но уже мертваго».

Бьютъ журавлей безъимянкой и картечью, а иногда пулей.

Мясо молодыхъ журавлей мягко и сочно, старыхъ же сухо и черство.

Вообще журавлей стрѣлять не особенно легко, и необходимо употреблять особенныя средства: прятаться за кусты, стоги сѣна, скирды хлѣба и т. п. Исключая подобныхъ приемовъ, можно употреблять и другія мѣры, какъ на примѣръ: примѣтивши, гдѣ они кормятся, ночуютъ, или гдѣ проводятъ полуденное время, то выбравши удобное, замаскированное чѣмъ-либо мѣстечко, притаившись, поджидать дорогихъ гостей и бить.

Рябокъ. Названіе степной птицы, по всей справедливости, болѣе принадлежитъ рябку. Степь его родина и могила: въ степи онъ рождается, растетъ, живетъ и умираетъ.

По виду рябокъ очень страненъ, это нѣчто среднее между голубемъ и курицей, и также своими привычками и обычаями онъ походить, какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ. Цвѣтомъ они чрезвычайно пестры и подходятъ къ той почвѣ, на которой живутъ. Голова и задняя часть шеи у него сѣро-розоватаго цвѣта, но затылокъ гораздо темнѣе всей остальной головы, спинка блѣдная или желтоватая съ небольшими пятнами, грудка красновато-сѣрая.

Мѣстомъ жилья рябки выбираютъ степь или совершенно открытую, или поросшую мелкимъ кустарникомъ, это для нихъ безразлично. Имѣя оригинальную наружность, они отличаются и своей походкой и полетомъ. Походка ихъ нѣсколько похожа на куриную, но они скорѣе прыгаютъ, нежели бѣгають; что же касается до полета, то онъ совершенно своеобразенъ и непохожъ на полетъ другихъ птицъ. Они съ сильнымъ шумомъ поднимаются съ земли и быстро, непрерывно, маша крыльями, они почти вертикально поднимаются вверхъ и достигнувъ высоты, въ ружейнаго выстрѣла, принимаютъ прямое направленіе. Во время полета они близко держатся другъ друга и не перестаютъ кричать.

Подобно другимъ птицамъ, рябки гораздо пугливѣе, когда находятся въ стадѣ и храбрѣе, чѣмъ въ одиночку, но въ одиночку они рѣдко попадаются.

Если стадо не напугано еще ружейными выстрѣлами, то оно подпускаетъ охотника довольно близко; но услышавъ нѣсколько разъ эти выстрѣлы они дѣлаются чрезвычайно робкими и тогда охотнику почти невозможно бываетъ подойти.

Едва наступаетъ весна, какъ рябки разбиваются на пары и ищутъ уединенія. Рябокъ-самецъ ухаживаетъ за самкой точно такъ-же, какъ и пѣтухъ: онъ кружится около нея, волоча на землѣ то одно, то другое крыло, издавая въ это время звуки, отличные отъ постоянного его голоса.

Въ обыкновенное время рябки тихіе и кроткіе; во время любви, они дѣлаются яркими ревнивцами; они ревнуютъ свою подругу положительно ко всѣмъ, не говоря уже о томъ, что въ это время они не могутъ равнодушно видѣть подобныхъ себѣ самцовъ, но завидѣвъ вблизи жаворонковъ, или птенцовъ-рябковъ съ яростію бросаются на нихъ.

Когда придетъ время кладки, рябокъ устраиваетъ себѣ гнѣздо, т. е. просто-на-просто выкапываетъ ямку въ землѣ, въ которую самка и кладетъ отъ 3 до 4 яицъ, цвѣтомъ очень схожимъ съ окружающею почвою. Сколько времени выводитъ самка птенцовъ и помогаетъ ли въ этомъ ей самецъ — неизвѣстно.

Рябки вѣчно находятся въ движеніи, и почти не знаютъ

отдыха. Едва блеснутъ первые лучи солнца, какъ они летятъ на водопой, сдѣлаютъ три, четыре глотка и отправляются назадъ розыскивать себѣ пищу, Старыя рябки питаются зернами, молодые же не брезгаютъ и насѣкомыми. Набивши зобы, они отправляются къ какому-нибудь отдаленному озеру или рѣчкѣ утолить жажду, но прямо къ водѣ никогда не опускаются, а садятся поодаль и осмотрѣвшись кругомъ, не грозить ли имъ отсюда-нибудь опасность, подходятъ къ ней.

Утоливъ жажду, они обратно отправляются въ степь и выкопавъ ямки ложатся на отдыхъ. Отдыхаютъ они такъ же, какъ и уры, ложатся на бокъ, протягивая свободную ногу и крыло; належавъ бокъ, они переворачиваются на другой.

Охота на нихъ для неопытнаго охотника, вышедшаго на нихъ въ первый разъ, чрезвычайно трудна. Къ ненапуганнымъ рябкамъ можно подойти близко, но къ слышавшимъ уже ружейные выстрѣлы этого сдѣлать невозможно. Трудность охоты еще заключается въ томъ, что ихъ очень трудно различить отъ земли и всегда возможно пройти мимо. Стрѣлять ихъ гораздо легче сидячихъ, нежели въ летъ.

Рябковъ ловятъ также и силками. Встрѣчая на своемъ пути камешекъ, они всегда обходятъ его, поэтому для ихъ ловли, замѣтивъ, гдѣ они пьютъ воду, устраиваютъ заборчики съ воротцами, въ которыхъ и ставятъ силки. Рябки, проходя въ нихъ, попадаются въ петли.

Рябковъ нужно стрѣлять 4-мъ номеромъ дроби, такъ какъ они подобно голубямъ крѣпки къ ружью.

Кроншнепъ. Его называютъ также и степнымъ куликомъ, котрусомъ. Эта птица, исключая степей, почти нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не появляется. Кроншнепъ чрезвычайно остороженъ, тамъ, гдѣ онъ водится, имъ чрезвычайно дорожатъ, такъ какъ онъ составляетъ для охотника самый заманчивый подарокъ.

Кроншнеповъ два сорта: одинъ большой, другой малый. Самка отъ самца отличается только тѣмъ, что она немного сѣроватѣе его.

Утромъ и среди дня кроншнепы отлетаютъ къ берегамъ близъ лежащихъ рѣкъ и озеръ, полощатся въ нихъ, отыски-

ваютъ себѣ кормъ и къ раннему вечеру прилетаютъ опять на луговины. Питаются они преимущественно червями, которыхъ извлекаютъ изъ земли; не гнушаются крошечными рыбками, рачками, насѣкомыми, хлѣбными зернами, ягодами и т. п.

У кроншнепа носъ длинный, ноги высокія, крылья тоже длинныя и книзу загнутыя. По верху перо бурое, съ свѣтло-желтыми оконечностями, а нижняя часть спины бѣлая, съ бурыми красивыми полосками; хвостъ свѣтло-сѣрый съ черноватыми полосками; маховыя перья черныя, съ бѣлою окопечностію. Ноги темно-сѣраго цвѣта.

Прилетаютъ кроншнепы въ концѣ или началѣ апрѣля. Ранѣе всего появляются на краяхъ весеннихъ лужъ, прудовъ, озеръ, а также на вспаханныхъ поляхъ. Въ половинѣ августа они начинаютъ уже пропадать.

Занявши степныя мѣста, окруженныя пашнею, они начинаютъ устраивать гнѣзда въ видѣ простой ямки, вытопанной и прикрытой либо ковылемъ, либо осокой. Послѣ кладки яичекъ, дней черезъ двадцать появляются куличата.

Лучшее и благопріятное время для охоты на кроншнепа,— весна и осень.

Для стрѣльбы кроншнеповъ, употребляютъ чаще всего дробь № 3.

Сѣрая куропатка. Величиною она съ рябчика. Общій цвѣтъ сѣро-рыжеватый съ пестринами. Особенно любитъ волнистые холмы, изрытые и покрытые мелкимъ кустарникомъ, близкіе къ засѣянному полю и лугамъ, не боится даже и моврыхъ мѣстъ, лишь бы были близки плодородныя поля. Въ сильную жару, скрывается въ подлѣсье, избирая низкій хвой и бересктовый кустарникъ.

Въ пищу употребляетъ особенно всякое зерно, полевое и огородное, корнеплодныя растенія, капусту, клеверъ, подсолнечникъ и проч.

Куропатки предпочитаютъ пшеницу ржи. Зимой летаютъ по гумнамъ и стогамъ, охотно зарываются въ снѣгъ, но терпятъ сильно, когда попеременныя оттепель и морозъ, покрываютъ его твердою корою. Въ этомъ случаѣ нерѣдко цѣлыя ста-

ницы вымираютъ и въ околосѣ ихъ нескоро отыщешь, развѣ спасутъ ихъ зайцы, которые сильною ногою глубоко разрываютъ снѣгъ. Терпятъ куропатки еще и въ очень сильные снѣга: тогда за неимѣніемъ притона и пищи въ полѣ, куропатки прибываются къ гумнамъ, ригамъ, сараямъ.

Вездѣ кромѣ сѣверной Сибири, куропатка осѣдлая птица. Тамъ она въ извѣстное время опускается на Югъ и возвращается на Сѣверъ.

Замѣчательно, что куропатки очень дружны, обыкновенно летаютъ семейками, станичками, которыхъ денно и ночно охраняетъ сторожъ. Вытянувши шею, и стоя по вѣтру, т. е. по направленію, по которому ей всего труднѣе замѣтить хищника, сторожевая куропатка охраняетъ станицу, когда она кормится и когда она отдыхаетъ. Долго эту обязанность несутъ на себѣ отецъ семьи, пригрѣвая между тѣмъ подъ крылышкомъ и птенцовъ, даже и тогда, когда они давно лишились матери. Почувялъ ли сторожъ опасеніе, онъ скоро двигаетъ вправо и влѣво хвостомъ, и охотникъ знай тогда, что птица готова подняться. Налуганная станица становится очень строгою, но за то ходитъ покойно около полевыхъ работниковъ и пастуховъ. Дружно ведутъ семьи свою жизнь, но неохотно допускаютъ къ себѣ чуждыхъ, развѣ мелкую пташку, съ которой живутъ въ дружбѣ. Смолоду легко привыкаютъ къ человѣку, но изловленная взрослая обыкновенно забивается, и конечно, ничему иному, какъ постоянному преслѣдованію должно приписать строгость птицы, которая очевидно просится въ домоводство человѣка: опыты прирученія и кладка яицъ въ домашнемъ быту встрѣчались неоднократно.

Родившись въ гнѣздѣ съ подругою, или прискавъ ее однажды, куропатка съ ней болѣе никогда не разстается и раздѣляетъ труды и размноженіе поровну. Въ началѣ апрѣля прискано гнѣздо — небольшое углубленіе въ землѣ, прикрытое травинками, рѣже къ лѣсу, нежели на полѣ, вблизи кустарника и зерновыхъ посѣвовъ, особенно въ пшеницѣ и клеверѣ. Яицъ бываетъ отъ 10 до 12, исключительно иногда до 22-хъ, цвѣтомъ свѣтло-зеленоватыя. Самка сидитъ такъ

плотно, что нерѣдко можно снять ее съ гнѣзда руками, особенно, если убить самца, стоящаго вблизи на стражѣ.

Куропатка постоянно находится въ движеніи, очень бойкая, проворная птица.

Съ начала весны за куропатками мало охотятся, настоящая охота за ними начинается со второй половины іюля. Къ этому времени выводки подымутся и выростутъ.

Безъ собаки охота на куропатокъ не мыслима. Попавши разъ на ихъ слѣдъ, она горячо поведетъ охотника впередъ. Замѣтивши издали собаку и стрѣлка, куропатки предаются бѣгству.

Хорошо стрѣлять куропатокъ по первой порохѣ: укрыться имъ негдѣ и они всѣ на виду.

Вить куропатокъ нужно мелкой утиной дробью.

Куропатка красная. Она немного больше сѣрой. Клювъ, ноги и кругомъ глазъ красныя; глаза свѣтло-бурныя; лобъ бѣлый; глотка и щеки бѣлыя съ чернымъ ободкомъ; грудь и верхъ туловища сѣро-красноватые, а низъ рыжеватый; бока бѣлыя съ красноватыми концами перьевъ.

Красная куропатка преимущественно водится на Кавказѣ и въ Грузіи.

«Красная куропатка, говоритъ Бремъ, по своимъ движеніямъ, имѣетъ много общаго съ нашей простой куропаткой, хотя и въ этомъ отношеніи она гораздо красивѣе и пріятнѣе. Бѣгъ ея очень быстрый, въ высшей степени ловкій; она бѣжитъ съ одинаковой быстротой среди скалистыхъ обломковъ и камней, лазаютъ по нимъ также чрезвычайно ловко и только рѣдко прибѣгаетъ къ помощи крыльевъ. Полетъ ее гораздо быстрѣе сѣрой куропатки и далеко не такъ шуменъ. Красная куропатка взлетаетъ легко, взбирается быстро на извѣстную высоту, летитъ здѣсь, съ небольшимъ шумомъ ударяя крыльями и, не шевеля ими, паритъ часто на значительномъ разстояніи, съ скалистыхъ обрывовъ она бросается внизъ точно хищная птица. Не смотря на это, она не охотно летаетъ и рѣдко взлетаетъ нѣсколько разъ къ ряду, стараясь по возможности спастись бѣгствомъ».

Гнѣзда, красныя куропатки устроиваютъ въ виноградныхъ

кустахъ и зерновыхъ поляхъ. Самка кладетъ отъ 12 до 16 яицъ. Не успѣютъ птенчики хорошенько высохнуть, какъ начинаютъ уже бѣгать.

Красная куропатка преимущественно питается разными сѣменами, зернами и зеленью.

Перепель. Родина перепеловъ, это — югъ Россіи, гдѣ они водятся массами и откуда ихъ тысячами доставляютъ въ сѣверныя губерніи.

Перепель по виду своему похожъ на сѣрую куропатку, хотя и гораздо меньше ея. Перья его не раскрашены яркими цвѣтами, почему и трудно опредѣлить цвѣтъ перепела. Вообще они желтоватыя съ темными и сѣрыми полосками и пятнами, зобъ и брюшко свѣтло-коричневый съ бѣлыми полосками, хвостъ рыже-коричневаго цвѣта, состоитъ изъ четырнадцати перьевъ съ бѣлыми стволками и черными пятнами. У состарѣвшихся самцовъ на шеѣ находится темное пятнышко. Самки отличаются отъ самцовъ тѣмъ, что цвѣтъ ихъ перьевъ блѣднѣе.

Едва наступитъ весна и трава поднимется верхка на три, какъ въ ней начинаютъ раздаваться голоса перепеловъ. Прилетъ и отлетъ ихъ почти никому не удастся видѣть, почему многіе и предполагаютъ, что перепела не улетаютъ на зиму, а остаются на мѣстѣ, забываясь въ норы и находясь въ оцѣпененіи подобно сусликамъ, но подобное предположеніе совершенно ложно.

Дѣло въ томъ, что перепель птица совершенно одиночная; они не только не ходятъ стаями, но даже и парами, причемъ именно ходятъ, а не летаютъ. Во время отлета они бѣгутъ быстро, сталкиваются по пути съ другими и образуютъ небольшія стайки и только на берегу моря ихъ собираются сотни тысячъ, гдѣ часть ихъ достается въ добычу людей. Но непривѣтная встрѣча ожидаетъ ихъ и на другомъ берегу моря: здѣсь ихъ уже ожидаютъ тысячи людей, чтобы воспользоваться ихъ мясомъ.

При перелетѣ перепела кажутся съ берега темной тучей, затѣмъ раздается шумъ на подобіе бури, наконецъ, по достиженіи берега, они усталые и измученные долгимъ перелетомъ падаютъ

на землю замертво и такъ лежать нѣкоторое время; здѣсь ихъ берутъ просто руками. Очнувшись, они быстро разбѣгаются по мѣстамъ, покрытымъ кустарникомъ и продолжаютъ путь свой дальше пѣшкомъ. Едва наступаетъ весна, какъ они возвращаются на родину, но далеко не въ томъ количествѣ, въ какомъ отправились въ чужіе края и быстро стремятся достигнуть тѣхъ мѣстъ, гдѣ выросли сами.

Перепела вѣчные холостяки и не имѣютъ, подобно другимъ птицамъ, подругъ, а потому и понятно, что они драчливы и берутъ себѣ самку для наслажденія въ любви съ бою.

Едва только кавалеры слышатъ голосъ своей дамы, какъ нѣсколько штукъ послѣдуетъ на ея призывный голосъ и не дешево расплачивается самка за свой призывъ. Самцы одинъ предъ другимъ стараются доставить ей наслажденіе и не унимаются до тѣхъ поръ, пока она, измятая, измученная и вполне удовлетворенная не убѣжитъ отъ нихъ.

Ярость любовная у перепеловъ разгорается еще больше въ то время, когда самки садятся на гнѣзда. Гнѣзда представляютъ ничто иное, какъ яму, куда перепела и владутъ до шестнадцати яицъ. Садятся на гнѣзда они въ разное время, одни раньше, другіе позже, начиная съ мая и кончая юлемъ. Перепелата выходятъ дней черезъ двадцать, покрытые сѣрымъ пушкомъ и тотчасъ же покидаютъ свои гнѣзда бѣгая толпой съ матерью.

Самое раздолье для нихъ бываетъ до жатвы, но они не покидаютъ поля и послѣ жатвы, бѣгая и скрываясь въ сорной травѣ, оставшейся послѣ жатвы или забиваясь подъ камни. Кормятся перепела обыкновенно вечеромъ и ночью, днемъ же отдыхаютъ по межамъ; въ это то время ихъ легко отыскать и никогда нельзя возвратиться съ пустыми руками. Охота на перепеловъ бываетъ самая разнообразная. Кромѣ ружья на нихъ охотятся и сѣтями. Обыкновенно охотникъ раскладываетъ по травѣ или кустамъ сѣть съ такими отверстіями, чтобы въ нихъ могла проскочить голова и шея перепела, затѣмъ прячась въ травѣ, онъ начинаетъ свистѣть дудкой, подражая голосу самки. Старая желаніемъ любви самцы бѣгутъ на этотъ свистъ и иногда подбѣгаютъ чуть не къ

самому охотнику. Тогда послѣдній вскакиваетъ на ноги, перепелъ взлетаетъ на верхъ и запутывается въ сѣти. Конечно охота тѣмъ будетъ удачнѣе, чѣмъ лучше будетъ выходить подражаніе крику самки. Охота сѣтями производится преимущественно въ то время, когда самки сидятъ на гнѣздахъ.

Степная пиголица. Она отъ чибиса или обыкновенной пиголицы отличается отсутствіемъ хохолка, да цвѣтомъ пера. Въ остальномъ она почти ни чѣмъ не рознится отъ чибиса. Зовутъ эту пиголицу кречеткой, пыжикомъ и копейкой.

Кромѣ степей, она въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается.

Замѣчательно то, что время прилета и отлета этой птицы никто не замѣчалъ. Появляется она въ началѣ мая и держится до половины іюля. Со стороны охотниковъ степная пиголица не пользуется никакимъ почетомъ. Мясо ея твердо, сухо и вслѣдствіе этого не особенно вкусно.

Чтобы отвлечь вниманіе охотника, степная пиголица неотступно вьется и кружится надъ нимъ, употребляя всѣ усилія, чтобъ онъ не добрался до выводка.

По маху крыльевъ и кувырканья на лету, ее принимаютъ иногда за болотную пиголицу.

Горная куропатка. Опереніе ея очень красиво: спина синевато-сѣрая; плечи почти пурпурно-красные; грудь съ поперечной красно-желтой полосой и каштановыми пятнами; хвостъ желто-красный съ блестящимъ отливомъ.

Горная куропатка нѣсколько больше сѣрой. Живетъ на горахъ и держится ихъ склоновъ. Полетъ ея не особенно быстръ, но бѣгъ ея замѣчательно скоръ.

Образъ жязни горной куропатки имѣетъ много общаго съ сѣрой куропаткой.

Сѣмена, зерна, ягоды, пауки и гусеницы составляютъ лакомую пищу этой птицы. Вкусъ мяса горной куропатки чрезвычайно пріятенъ.

Авдотка. Цвѣтомъ верхняго пера она напоминаетъ жаворонка. Крылья и хвостъ черные, края и оконечности послѣдняго бѣлыя, а подхвостье рыжее. Между глазами и глоткой перо бѣлое. Ноги желтыя, длинныя и оголены; глаза золотистые. Носъ нѣсколько длиннѣе головы. Авдотка замѣчательна въ томъ

отношеніи, что днемъ спитъ, а ночью бодрствуетъ. Держится преимущественно травянистыхъ степей и въ нихъ прячется. Вырвыши неглубокую ямку, самка кладетъ 2—3 яйца, на которыхъ и сидитъ болѣе двухъ недѣль. Дѣтеныши лишь только обсохнутъ, оставляютъ гнѣздо, и отправляются съ матерью на поиски пищи.

Полетъ этой птицы лѣнивый, походка медленная, но при видѣ опасности бѣгаетъ замѣчательно быстро.

Авдотка птица осторожная, зоркая, видитъ охотника издалека. Днемъ летитъ такъ тихо, что нѣтъ возможности замѣтить. Лучшая пора для стрѣльбы это ночь.

Исключительную пищу авдотоевъ составляютъ: черви, улитки, ящерицы, лягушки, нерѣдко полевые мыши и разныя насѣкомыя.

Авдотку можно приручить. Науманъ рассказываетъ слѣдующій случай. «У моего отца, говоритъ онъ, была живая авдотка, бѣгавшая по комнатѣ и сильно радовавшая старика своимъ довѣрчивымъ и нѣжнымъ нравомъ. Но первый хозяинъ, воспитавшій птицу смолоду, по всей вѣроятности мало заботился о ней, такъ какъ она попала къ намъ въ весьма плохомъ положеніи, не перемѣнивъ даже еще своего юношескаго наряда, не смотря на то, что имѣла уже годъ отъ роду. Это первое дѣйствіе совершила она у насъ, полгода спустя, въ февралѣ. Въ слѣдующемъ іюлѣ мѣсяцѣ, будучи двухъ лѣтъ отъ роду, она перемѣнила перья второй разъ въ своей жизни и затѣмъ мѣняла правильно каждый годъ въ это же время. Пищу ея составляла размоченная въ молокѣ булка, къ которой примѣшивали мелко изрубленную вареную говядину. Иногда ей давали также дождеваго червя, насѣкомое, мышенка, лягушку или кузнечика.

Подъ конецъ птица до такой степени привыкла къ моему отцу, что, когда онъ былъ дома, постоянно сидѣла у его ногъ; при возвращеніи его съ прогулки радостно встрѣчала его и часто, наклонившись къ землѣ, низко спустивъ клювъ, расширивъ крылья и распустивъ колосомъ хвостъ, привѣтствовала его нѣжнымъ «дик-дик».

Весной, когда наступит время любви, самец ухаживает за авдоткой, как нѣжный мужъ за своей женой.

Тирюшна. Всѣхъ названій этой птицы не скоро и перечесть: стрижь, степная ласточка, грицикъ, краснокутикъ, песчанка, чернобровка и много другихъ.

Тирюшка живой портретъ ласточки, но въ нѣсколько разъ больше. Полетъ ея быстръ, смѣль. Звукъ ея голоса похожъ «на *терюкъ-тюкъ терюкъ-тюкъ*».

По прилетѣ тирюшка держится затопленныхъ луговъ, полей и степныхъ мѣстъ, старательно разыскивая себѣ пищу. Но лишь земля немного обсохнетъ и станетъ зеленѣть, перелетаютъ въ степь, поля и берега сочныхъ болотъ.

Вырвыши въ землѣ небольшую ямочку, самка кладетъ 3—4 яйца и высидываетъ дѣтенышей.

При появленіи охотника, тирюшки летятъ къ нему на встрѣчу и стараются всѣми неправдами отвести его отъ гнѣзда въ сторону. Убѣдившись же, что обмануть охотника не удалось и онъ пробирается къ дорогому для нихъ гнѣзду, онѣ начинаютъ летать какъ молнія, кружась около его головы.

Надуганныя тирюшки очень осторожны и поднимаются въ высь, на которой убить очень трудно.

Вслѣдствіе того, что тирюшки летая, почти скользятъ по верху земли и дѣлаютъ быстрые, крутые повороты, бывають сплошь и рядомъ промахи.

Самое лучшее время для стрѣльбы этой птицы вечеръ, именно то время, когда онѣ носятся въ воздухѣ и ловятъ насѣкомыхъ.

Къ концу отлета мясо тирюшки становится особенно пріятнымъ.

Бьютъ ихъ № 9-мъ.

Саджа. Она образомъ жизни и своей формой напоминаетъ степнаго рябка. Опереніе ея чрезвычайно близко подходитъ къ цвѣту той почвы, на которой она держится, и потому замѣтить ее не особенно легко.

Особенность ея пера заключается въ томъ, что въ крыльяхъ первое маховое крыло, въ концѣ до такой степени сжато, что похоже на щетину.

Саджа преимущественно держится киргизских степей. Въ Европѣ ихъ очень мало.

Устройство ихъ гнѣздъ, говоритъ Радке, очень безыскусственно и совершенно похоже на гнѣздо рябковъ: оно состоитъ изъ плоскаго углубленія около пяти дюймовъ въ діаметрѣ, край его выложенъ нѣсколькими стебельками травы, да и ихъ иногда не бываетъ.

Лѣтомъ онѣ любятъ грѣться на солнцѣ и въ это время мнѣ случалось находить отдѣльныя парочки, но большею частью нѣсколько штукъ вмѣстѣ.

Охота за этой птицей, если она не напугана, довольно прибыльна, въ противномъ же случаѣ подобраться къ нимъ на выстрѣлъ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что на ровной степи негдѣ и спрятаться. При взлетѣ же ихъ стрѣлять необходимо тотчасъ же, такъ какъ онѣ летаютъ чрезвычайно быстро и въ нѣсколько секундъ очутятся уже вѣѣ выстрѣла.

Онѣ подобно домашнимъ курамъ любятъ закапываться въ рыхлую почву и въ ней купаться.

З в ѣ р и.

Сайганъ. Онъ величиной съ небольшимъ два аршина и въ нѣкоторомъ отношеніи, особенно съ перваго взгляда, похожъ на козу. Водится въ европейской и азіатской Россіи. Жизнь проводитъ въ степяхъ.

Морда сайгана одутловатая, короткая; уши широкія, но короткія; рога красивые, лирообразные; шкура покрыта густыми, мягкими волосами, рыжеватаго цвѣта, за исключеніемъ живота и хребта, изъ которыхъ первый бѣлъ какъ снѣгъ, а послѣдній пріятнаго темно-бураго цвѣта.

Любимыя его мѣста, сухія, съ солончаками степи. Черное и Каспійское море, Волга, Донъ, Балканъ, Иртышъ, — вотъ районъ его жизни.

Звѣрь этотъ очень остороженъ; но въ мѣстахъ, которыя посѣщаются человекомъ рѣдко, онъ бываетъ довѣрчивъ и подпускаетъ иногда къ себѣ близко.

Вотъ какъ описываетъ охоту на сайгана г. Андріановъ ¹⁾.

¹⁾ «Природа и Охота» 1880 г.

«Однажды рано утромъ будить меня Емельяновичъ и говорить:

— Приѣхалъ калмыкъ-табунщикъ, который рассказываетъ, что недалеко отъ рѣки Маныча видѣлъ небольшое стадо сайгановъ (родъ антилоповъ). Мнѣ никогда не приходилось близко видѣть это животное. Помню какъ-то смутно, когда я, будучи еще маленькимъ, ѣхалъ съ отцомъ къ сосѣду, то недалеко отъ дороги выскочило какое-то животное и помчалось съ неимоверною быстротою, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ скрылось изъ виду. Я спросилъ отца, что это такое. — «Сайганъ», объяснилъ онъ. — И вдругъ теперь я могъ не только видѣть сайгана, но даже, можетъ быть, стрѣлять ихъ.

— Вы, баринъ, вѣдь, никогда не охотились за сайганами, такъ я васъ научу. Нужно достать рыжій ергакъ¹⁾ и штаны кожаные, да на фурашку навязать травы. Какъ только увидите его, сейчасъ необходимо падать и потомъ помаленьку ползти; только заходить изъ-подъ вѣтру, а то эта звѣрина чуткая, — услышитъ и тогда прощай.

Достали все необходимое, по мнѣнiю Емельяновича; выбрали жаркiй, тихiй день, и отправились. Емельяновичъ то же на всякiй случай былъ вооруженъ. Ружья зарядили картечью. Жара страшная, просто задыхаешься, но сайгановъ нѣтъ, какъ нѣтъ, не смотря на то, что проѣхали уже верстъ 15.

— Совралъ, должно быть, проклятый! горячился Емельяновичъ.

— Посмотримъ вонъ въ тѣхъ музгахъ²⁾, — тамъ, пожалуй будутъ.

Подѣхали къ музгѣ; вдругъ что-то мелькнуло изъ-подъ ближняго берега.

— Сайганъ! сайганъ! кричитъ Емельяновичъ.

Но сайганъ былъ уже далеко. Онъ остановился, посмотрѣлъ пугливо на насъ, понюхалъ, подпрыгнулъ и понесся опять.

---

1) Ергакъ — пальто изъ шкуры маленькихъ жеребятъ.

2) Музгами называются небольшiя ложбины, въ которыхъ съ весны задержалась вода, но по причинѣ сильныхъ жаровъ высохла; растительности въ нихъ никакой.

— Вотъ такъ прозѣвали! вѣдь, это рогаль (самецъ), да еще здоровенный!...

Погоревали, погоревали, и отправились дальше. Выѣхали изъ впадины на возвышеніе и стали всматриваться въ даль.

— Вѣдь, это сайганы, Емельяновичъ.

— И то, баринъ, три штуки, одинъ большой, а два маленькихъ. Вы надѣвайте ергакъ и шаровары, прыгивайте и лежите смирно, я же постараюсь заѣхать напротивъ, а вы между тѣмъ ползите помаленьку.

На охотѣ за дрофами и стрепетами я привыкъ слушать совѣты Емельяновича, послушалъ и теперь. Но вообразите мое положеніе, — при 30° тепла въ ергакъ я ползъ; потъ лилъ съ меня градомъ; сердце такъ сильно билось, какъ будто хотѣло выскочить; я изнемогалъ. Но мысль о томъ, что сайганы могутъ уйти, придавала мнѣ неимоверныя силы; я все ползъ, не поднимая головы, не видя и не слыша ничего. Вдругъ слышу за собою голосъ Емельяновича.

— Вставайте, баринъ, пропали наши труды, они какіе-то бѣшеные. Я хотѣлъ заѣхать напротивъ ихъ, а они перебѣжали мнѣ дорогу и скрылись изъ виду. Тутъ только я понялъ, что сайганъ не дрофа и охота за нимъ гораздо труднѣе; понялъ также, что Емельяновичъ въ этой охотѣ смыслить столько же, сколько я. Но не смотря на это, я почувствовалъ еще большее желаніе застрѣлить сайгана, хотя бы пришлось пройти вдвое больше.

Всталъ я снявъ ергакъ и, о ужасъ! на мнѣ не было сухой нитки, а ергакъ походилъ на густой кисель.

— Поѣдемъ дальше, Емельяновичъ! мнѣ во-что бы ни стало хочется убить хотя одного.

Проѣхали еще верстъ пять, видѣли еще три штуки, но они не подпустили насъ и за версту.

— Вотъ ужъ и Тройная (рѣчка), здѣсь если-бы найти, то убить не трудно: можно близко подойти, сказалъ Емельяновичъ.

Дѣйствительно, мѣстность была очень удобная. Сама рѣчка яриета и очень узка; по обѣимъ сторонамъ ея на разстояніи 200—300 сажень тянулись небольшія возвышенія.

— Поѣдемъ по правой сторонѣ по косогору, сказалъ я — и въ это время посмотрѣлъ вдаль. — Сворачивай скорѣй направо! вонъ сайганъ подъ самымъ бугромъ, да еще никакъ рогадь.

Повторять было не нужно. Емельяновичъ круто повернулъ и мы въ одно мгновеніе скрылись отъ сайгана.

Осмотрѣвши ружье, я снялъ фуражку и пошелъ скорымъ шагомъ, къ мѣсту гдѣ пасся сайганъ. Вотъ ужъ близко. Сердце страшно бьется, руки дрожать, въ глазахъ какой-то туманъ. Нужно остановиться отдохнуть, а то какъ разъ промахнешься, думаю себѣ. Отдохнулъ, поуспокоился и пошелъ опять... Вотъ видны рога. Еще шагъ... сайганъ поднялъ голову — и со всѣхъ ногъ шарахнулся отъ меня, но я уже приложился, раздался одинъ, потомъ другой выстрѣлъ... Сайганъ понесъ правую переднюю ногу и уже не бѣжалъ, а шелъ. Емельяновичъ подбѣжалъ ко мнѣ; я взялъ у него ружье и побѣжалъ къ сайгану; онъ ускорилъ свой шагъ и, къ моему счастью, направился какъ разъ къ ярамъ рѣчки Тройной.

— Ну, подумалъ я, теперь онъ мой! на другой бокъ не перескочить.

— Емельяновичъ, заряжай ружье и заѣзжай съ правой стороны: если побѣжитъ на тебя, то бей.

Но это было бесполезно. Сайганъ съ каждымъ шагомъ шелъ все тише и тише. Я подошелъ на выстрѣлъ, прицѣлился повѣриѣе и выстрѣлилъ. Онъ подпрыгнулъ какъ то конвульсивно и растянулся на землѣ. Это былъ старый самецъ съ длинными рогами.

Но что меня особенно поразило въ немъ, то это устройство носа. На бѣгу сайганъ раздуваетъ ноздри и носъ имѣетъ видъ какъ бы пузыря. Подъ глазами находятся два небольшія отверстія, имѣющія сообщеніе съ ноздрями.

Сайганъ неутомимъ: ни лошадь, ни собака, не въ состояніи догнать его. Бываетъ иногда, что собаки ловятъ, но это ни больше ни меньше какъ случайность.

Небольшая сухая ковыла, совершенно ровная, изрѣдка только изрѣзанная музгами равнина, сухая, жаркая погода, — вотъ тѣ благоприятныя условія, при которыхъ сайганъ можетъ жить въ одномъ мѣстѣ».

Къ зимѣ, когда сайганы мѣняютъ свою свѣтло-коричневую одежду на блѣдно-чалую, почти бѣло-сѣрую длинношерстную зимнюю, они собираются въ большія стада, нерѣдко по нѣсколько сотенъ, даже тысячъ головъ въ каждомъ.

Такъ какъ сайганы зимою охотно уходятъ въ камыши, то въ Западной Сибири киргизы придумали особый способъ охоты за ними. Они подрѣзываютъ на нѣкоторомъ пространствѣ камышъ, такъ что заостренные концы его должны ранить скачущихъ черезъ него антилоповъ и затѣмъ гонять послѣднихъ къ такимъ мѣстамъ, гдѣ они скоро утомляются и становятся добычею охотниковъ.

Мы уже говорили, что сайганы бѣгаютъ чрезвычайно быстро и ихъ трудно догнать, но въ послѣднемъ случаѣ должны оговориться и сказать, что славныя киргизскія борзья настигаютъ ихъ безъ особеннаго труда.

Мясо ихъ не особенно вкусно и имѣетъ горькій полынный вкусъ, а лѣтомъ еще хуже, такъ какъ подъ кожей находится несмѣтное количество личинокъ овода, самаго страшнаго врага сайгановъ.

Дзеренъ и джейранъ. Такъ какъ оба звѣря почти во всемъ сходны съ сайганомъ, т. е. образомъ жизни и привычками, то, все что говорится о сайганѣ, можно отнести и къ нимъ.

Вслѣдствіе такого близкаго сходства мы о нихъ и говорить не станемъ.

Тушканчикъ (земляной зайчикъ). Онъ, говоря по справедливости, величиной съ нашу бѣлку, но кажется очень крупнымъ, вслѣдствіе длинныхъ ногъ и ушей и въ особенности хвоста. Тушканчикъ постоянно водится въ степяхъ Каспійскаго моря, Дона и Крыма, и живетъ въ норахъ, проявляя свою дѣятельность только ночью, а днемъ спитъ.

Это странный звѣрекъ: заднія ноги почти вчетверо длиннѣе переднихъ; глаза и голова круглыя и на верхней губѣ торчатъ усы; на хвостѣ широкій пучокъ волосъ. Верхъ тушканчика покрытъ желтовато-рыжей шерстью, а низъ бѣлой.

Живутъ тушканчики въ норѣ парами. Въ видахъ предохраненія своей собственной персоны, онъ имѣетъ привычку

отверстіе норы чѣмъ-нибудь затыкать, и тѣмъ самымъ указывать охотнику свое пепелище.

Въ силу устройства своихъ ногъ онъ большею частію скачетъ и прыгаетъ, а не ходитъ. Прыжки его замѣчательно часты и быстры.

Пища его преимущественно состоитъ изъ различныхъ растеній, коры молодого кустарника, а иногда онъ непрочь покусать и небольшихъ птичекъ.

Въ то время когда тушканчикъ скачетъ, поймать его нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онъ дѣлаетъ удивительно быстрые, крутые повороты.

На зиму тушканчики прячутся въ свои норы, въ которыхъ свернувшись влуккомъ не просыпаются до наступленія теплаго времени.

Пойманныхъ живыми ихъ очень скоро можно приручить. Чтобы поймать тушканчика живымъ, употребляютъ слѣдующій способъ: нору обводятъ сѣткою и въ отверстіе, которое было заткнуто, начинаютъ лить воду; бѣдный звѣрекъ, ища спасенія, выскакиваетъ изъ норы и попадаетъ въ разставленную сѣть.

Къ какимъ бы хитростямъ не прибѣгалъ тушканчикъ для своего спасенія, и какіе не дѣлалъ бы зигзаги, быстрый и мѣткій выстрѣлъ всегда положить его на мѣстѣ.

Байбакъ. Онъ точно такъ-же какъ и тушканчикъ на зиму засыпаетъ и пробуждается съ наступленіемъ тепла. Онъ очень не великъ, и по короткости своихъ ногъ представляется какимъ-то круглякомъ. Бѣгаетъ онъ плохо и потому старается всегда держаться какъ можно ближе къ своей норѣ.

Послѣ своего летаргическаго сна, онъ почти весь день проводить на открытомъ воздухѣ.

Байбаки любятъ ѣсть траву, листья и корни, а Байбаковъ любятъ кушать: лисицы, хорьки, волки, орлы, ястреба и другіе хищные звѣри и птицы.

Голова байбака толстая, плоская; верхняя губа раздвоена и украшена усами. Одежда байбака по верху сѣро-желтая, а по низу рыжевато-желтая.

Этотъ небольшой звѣрекъ очень остороженъ и стрѣлять

его не особенно легко, такъ какъ онъ, замѣтивши опасность, быстро прячется въ нору.

Преимущественно его ловятъ различными снарядами или выкуриваніемъ.

Когда время идетъ къ зимѣ, то байбакъ старается отъѣхаться на все время своей спячки и запастись сѣномъ, изъ котораго приготовляетъ себѣ въ норѣ мягкое ложе.

Обваренное и хорошо прокопченное мясо байбака довольно вкусно.

Сусликъ. Онъ носитъ нѣсколько названій: овражекъ, сузель, джумбура, пищуга, степная кошка и нѣсколько другихъ.

Зимой сусликъ предается спячкѣ. Заткнувъ чѣмъ-нибудь отверстіе норы, онъ ложится на днѣ ея, сначала только дремлетъ, а потомъ совсѣмъ засыпаетъ.

Этотъ крошечный звѣрекъ чрезвычайно вреденъ для сельскаго хозяйства. Сколько не принимали и не принимаются мѣры къ его истребленію, но все напрасно. Онъ размножается съ удивительною быстротою и опустошаетъ хлѣбныя поля въ громадномъ количествѣ.

Лѣтомъ, пригрѣтый солнышкомъ, сусликъ опустившись на заднія лапки, лапками пригибая колосья за колосомъ хлѣбнаго зерна пожираетъ его несчаднымъ образомъ.

Сусликовъ, строго говоря, два вида: сѣрый или музыкантъ и крапчатый. Есть еще одинъ видъ суслика, такъ называемый *карбышъ*; онъ крупнѣе двухъ предыдущихъ и живетъ между Волгой и Ураломъ. Величина сусликовъ не больше домашней крысы.

У *музыканта* волосъ шкурки гладокъ, лоснистъ и мягокъ какъ пухъ. Верхъ шкурки сѣрый, а низъ желтовато-бурый.

Поперекъ темной спины тянутся волнистыя, темно-сѣрыя полосы. Внизу шеи, брюшко и около лапокъ шкурка бѣловатаго цвѣта. Глаза большіе и черные какъ смоль. Хвостъ плоскій и покрытъ сѣрыми, а на концѣ рыжеватыми волосами.

Крапчатый сусликъ сѣроватаго цвѣта съ смурнымъ отличіемъ и золотистыми крапинками.

Карбышъ особенно отличается тѣмъ, что у него каждый

волосъ неоднѣцвѣтный, а трехцвѣтный; въ началѣ рыжеватый, по срединѣ черный, а въ концѣ бѣлый.

Нору устраиваетъ сусликъ въ тройномъ видѣ: отъ устья норы отлого идетъ круглый лазъ, аршина въ два или три длиною, шириною же вершка въ полтора или въ два. Этотъ лазъ постепенно углубляется по наклонной линіи, вдругъ поворачиваетъ къ верху, и сдѣлавъ два, три и четыре колѣна, оканчивается довольно объемистой котловиной, служащей какъ бы житницею для храненія съѣстныхъ припасовъ. Эта житница бываетъ обыкновенно со сводомъ и устраивается въ первомъ ярусѣ. Отсюда начинается опять отпорка въ сторону, и идетъ иногда въ прямомъ направленіи, а иногда нѣсколькими оборотами вплоть до другой котловины, находящейся во второмъ ярусѣ и предназначенной для помѣщенія семейства. Мы назовемъ ее питомникомъ. Питомникъ, хотя не такъ высокъ, но въ окружности болѣе житницы, и потому вообще просторнѣе и помѣстительнѣе. Норы втораго устройства, такъ называемыя сторчевыя, имѣютъ сходъ углубляющійся въ землю прямо, отвѣсно. На глубинѣ двухъ аршинъ, лазъ уступомъ поворачиваетъ въ бокъ и сдѣлавъ нѣсколько отпорокъ отводами, доходитъ до котловины перваго яруса, отъ которой продолжая ходъ нѣсколькими оборотами, примыкаетъ къ питомнику, или семейной котловинѣ втораго яруса. Норы третьаго устройства холостыя или гулевыя, дѣлаются иногда на нивахъ, но чаще на открытыхъ мѣстахъ, скудныхъ пищею, какъ-то, на выгонахъ, при дорогахъ и тому подобномъ. Цѣль, съ которой онѣ устраиваются, состоитъ въ томъ, чтобы въ случаѣ, если внезапная опасность застигнетъ овражка далеко отъ кореннаго жилища, онъ имѣлъ бы возможность спрятаться въ первую попавшуюся ему нору».

До сей поры не найдено еще вѣрныхъ средствъ для истребленія сусликовъ. Тамъ, гдѣ есть вода, ихъ выливаютъ водой. Но такъ какъ степи не могутъ похвалиться этимъ добромъ, то ихъ стараются душиить отравой, до которой сусликъ по инстинкту и не дотрогивается.

Самый злѣйшій врагъ суслика, — это хорекъ. Нигдѣ не

можетъ онъ отъ него укрыться; хорекъ вездѣ его отыщетъ и упьется теплою кровью. Въ этихъ видахъ стали теперь беречь хорька, а не бить.

Хомякъ. Вреденъ для землевладѣльца также, какъ и суслигъ. Кромѣ того, что онъ много жретъ зерна, хомякъ любитъ имъ запастись на все время весны. Вслѣдствіе этого охотятся за нимъ не столько изъ-за шкуры, сколько изъ-за зерна, котораго онъ припряталъ въ своихъ кладовыхъ пуда полтора.

Величину хомяка можно сравнить съ величиной большой крысы. Цвѣтъ его шкурки желтовато-бурый. Хвостъ и лапы короткіе. Брюхо и ноги черныя, лапы бѣлыя. Кругомъ шеи и около глазъ красно-бурая полоса.

Хомякъ неуклюжъ, но ловокъ. Ходить не шибко и по землѣ волочить брюхомъ. Прыгаетъ рѣдко и то въ виду опасности. Лапы у него замѣняютъ руки, ими онъ очень ловко наклоняетъ къ себѣ хлѣбные колосья, кладетъ въ ротъ пищу, моетъ и чистится.

Нору устраиваетъ съ входомъ и выходомъ. На глубинѣ 3 — 6 футовъ дѣлаетъ комнату, отъ которой прокладываетъ ходы къ запаснымъ кладовымъ. Надъ норкой высится небольшой холмикъ. У самокъ норы отдѣльныя съ множествомъ выходовъ: шесть, а иногда и восемь.

Съ наступленіемъ холодовъ, хомякъ закупоривъ въ норѣ отверстія, свертывается клубкомъ и засыпаетъ до внешнихъ дней.

Исключая зерноваго хлѣба хомякъ, непрочъ полакомиться крошечною птичкой, мышенкомъ и ящерицей.

Терпѣть не можетъ, если кто изъ однокашниковъ забредетъ въ его жилище, не пощадитъ даже самку — разтерзаетъ, если она припожаловала безъ зову.

Корсаръ. Величиной съ добрую кошку, лѣтняя одежда желто-краснаго цвѣта, а зимняя темно желтая. Конецъ хвоста украшенъ сѣрыми пятнами по черному фону.

Живетъ въ норахъ и появляется на свѣтъ божій, только ночью.

Устройство норы незатѣйливо, но постоянно съ нѣсколькими

выходами. Живутъ всегда хоть небольшими, но обществами. Питаются ящерицами, мышами, лягушками и птицами.

По внѣшнему виду корсаръ немного похожъ на лисицу. Мѣхъ его тепелъ и красивъ.

Охотятся за корсаромъ вдвоемъ или втроемъ. Найди нору, вначалѣ всего, всѣ отверстія, какія только окажутся, за исключеніемъ одного, заколачиваются; затѣмъ охотники съ собаками окружаютъ нору и приступаютъ съ выкуриванія звѣря чрезъ оставленное свободнымъ отверстіе. Дымъ расгилаясь по норѣ вынуждаетъ корсара искать выхода для своего спасенія. Найди свободное мѣсто для выхода, корсаръ выскочивъ изъ душившей его норы, бросается стремглавъ бѣжать. Охотники и собаки за нимъ. Видя неминуемую бѣду, корсаръ останавливается, подпускаетъ къ себѣ собакъ, и въ тотъ моментъ, когда онѣ уже готовы были его схватить, онъ какъ молнія выдается въ сторону и снова летитъ. Наконецъ измученнаго и усталаго берутъ собаки, или быстрый и вѣрный выстрѣлъ укладываетъ его на мѣстѣ.

Но бываютъ случаи, что во время такой погони корсару удастся встрѣтить на пути чужую нору, въ которую онъ и заскочитъ. Тогда охотникамъ приходится снова его выкуривать, или, если нора не глубока, то вводитъ въ нее штопорообразный винтъ, которымъ, такъ сказать, и вывинчиваютъ застрявшаго тамъ звѣря.

Нерѣдко для ловли корсаровъ употребляютъ такъ называемыя поставушки. Отыскавши нору, и заколотивши выходы, за исключеніемъ одного, ставятъ около выхода поставушку, въ которую онъ и попадаетъ.

Корсара можно встрѣтить не только въ Куманскихъ, Барабинскихъ, Зюнгорскихъ и Киргизскихъ степяхъ, но и въ другихъ мѣстахъ.

Корсариха приноситъ отъ четырехъ до шести дѣтенышей, слѣпныхъ какъ котята.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Охота на лѣсныхъ птицъ и звѣрей.

Весна.—Лѣсъ и его обитатели. Тяга.—Птицы: вальдшнепъ, фазанъ, глухарь, тетеревъ-березовикъ, рябчикъ, бѣлая куропатка, вяхирь, клинтухъ, горлица; звѣри: лиса, олень, касуля, кабарга, кабанъ, заяць.

Весна! «Улыбкой ясною природа, сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года; синѣя блещутъ небеса; еще прозрачныя лѣса какъ будто пухомъ зеленѣютъ»... говоритъ нашъ незабвенный поэтъ А. С. Пушкинъ.

Кто не восхищается этимъ временемъ года, кого оно не манитъ въ лѣсъ. Какъ онъ хорошъ въ эту пору. Самой свѣжей, самой причудливой зеленью блещутъ его крошечныя листочки и повсюду разносится благоухающій запахъ.

Чудно красивъ и разнообразенъ лѣсъ. Онъ съ водой какъ братъ съ сестрой — неразлученъ. И вольготно и привольно имъ вмѣстѣ. Напоенное освѣжающею влагою широко раскидывается чернолѣсье, боръ и краснолѣсье.

Чернолѣсьемъ называются такія мѣста, въ которыхъ растутъ: дубъ, вязъ, липа, береза осина, ольха и другія деревья, листь которыхъ осенью опадаетъ, а съ весны возобновляется. *Краснолѣсье* же состоитъ изъ породы смолистыхъ деревьевъ: ели, сосны, пихты и другихъ, имѣющихъ вмѣсто листьевъ иглы. Лѣсъ изъ однѣхъ сосенъ называется *боромъ*. Молодой лѣсъ называется *заростью*, *поростью*.

Въ знойный полдень лѣта, видъ густаго темнаго лѣса чрезвычайно отраденъ и очарователенъ. Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное. Въ густомъ, большомъ

лѣсу нападаетъ какой-то страхъ, становится грустно и хочется поскорѣе выбраться на открытыя мѣста.

Входишь въ лѣсъ—кругомъ чаща, полумракъ, сыростию пахнетъ; не одинъ листокъ, ни единая былинка не шевельнется. Широкія раскинуты сѣти паутины, и въ центрѣ такой сѣти, насупившись сидитъ паукъ и ждетъ добычи.— Изъ-подъ толстой гнилой валежины, граціозно изогнувшись, кокетливо, робко выглядываетъ зеленая ящерица, и весело мигаетъ черными глазенками.— По желтому и гладкому, какъ стекло, стволуку молодой березы, карабкаясь, ползетъ вверхъ жирный жукъ; ползетъ-ползетъ, доползетъ до болѣе гладкаго и скользящаго мѣста, оборвется, скатится внизъ, до ближайшей трещины, и ухватившись за нее, испуганно притаится,— всѣ ножки подъ брюшко подберетъ. Посидитъ, посидитъ, соберется съ силами, расхрабрится и лѣзетъ опять вверхъ, чтобы доползти до предательскаго мѣста, опять сорваться, скатиться до надежной трещины и опять испуганно притаяться.

Чу! Вотъ гдѣ-то рябчикъ пискнулъ, вотъ загремѣлъ, и опять тишина.— Смотришь вверхъ: тамъ, надъ самой почти головой, чисто и ясно—тамъ свѣтъ, просторъ, а здѣсь внизу, какъ бы темница глухая, темная, сырая. А тамъ еще выше, въ куполѣ томъ свѣтломъ и зеленомъ,— тамъ легкій вѣтерокъ гуляетъ: шуршатъ и гнутся вѣтви гибкія, лепечетъ трепетно листва... тамъ солнышко отрадно пригрѣваетъ, и нѣтъ той мертвой тишины. Тамъ, на сухоподстоинѣ, пѣгій дятель усердно стволуку долбитъ; и хорошо, должно быть, живется ему въ его выси свѣтлой и привольной...

Но, будетъ говорить о лѣсѣ, поговоримъ лучше о тягѣ вальдшнеповъ.

«Вечеръ... Солнце садится и, по мѣрѣ того, какъ его прощальные лучи багрянцомъ и золотомъ обливаютъ засыпающій боръ, болота и просѣки, лѣсъ и его опушка принимаютъ все болѣе и болѣе фантастическіе образы... Тихо и угрюмо стоятъ могучія сосны; ихъ густыя и широкія вершины, ихъ узловатыя вѣтви, какъ чьи-то безнадежно протянутыя руки, замерли и застыли въ воздухѣ... Мелкія поросли орѣшника и

ольхи боязливо жмутся и съ трепетомъ обхватываютъ подножія горделиво величавыхъ собратовъ... И все это постепенно погружается въ сладкую таинственную дремоту: все это будто засыпаетъ... Вотъ потянулись чуть ощутимыя для глаза тѣни и мягко ложатся на все: на засыпающій боръ, съ его угрюмою, задумчивою прелестью; на болота, съ которыхъ поднимается на встрѣчу имъ легкій призрачный туманъ, на журчащую рѣчку и ея зеленыя берега. Но жизнь еще кипитъ въ лѣсу... еще слышится въ немъ какой-то лепетъ, громкія голоса: это лѣсъ засыпаетъ, это его дыханіе, его борьба со сномъ... Вотъ—рѣзкій голосъ дрозда, веселая и задорная трель малиновки... съ поля, или вѣрнѣе, изъ темнѣющей синевы не бесъ, несется прощальная пѣснь жаворонка... Изъ нѣдръ болота вскипаетъ и вырывается неясный вздохъ, за нимъ другой, какъ рѣзкіе и торопливые аккорды... Прислушайтесь къ этой мелодіи, къ этому поражающему концерту... Болото будто стонетъ, будто влокочетъ, а надъ нимъ тянутся суровыя тѣни вечера; туманъ клубится и свивается въ дивныя, неувимыя образы, и они поднимаются все выше и выше, цѣпляясь своими призрачными одеждами за вершины деревьевъ и за молодую зелень кустовъ... Послѣдній, какъ бы прощальный, лучъ скользитъ по засыпающей окрестности... Лѣсъ еще разъ открываетъ свои отяжелѣвшія, смыкающіяся вѣжды и сквозь дремоту шепчетъ какія-то таинственныя и непонятныя рѣчи. Подъ бѣглымъ сіаніемъ этого луча корявыя пни и кусты лозняка разрастаются и свиваются въ фантастическія образы... тѣни мѣстами убѣгаютъ въ синеватую глубь лѣса... А небо горитъ и пышетъ... Огненный горизонтъ бросаетъ на всѣ предметы багровое зарево, торопливыя и блѣдно-розовыя отблески.

Я стою у самой опушки лѣса, говоритъ Жиркевичъ*), передо мною разстилается цѣлое море кустарника, затянутое волнами тумана; холодъ и сырость вечера обхватываютъ меня, потухающая заря обдаетъ и меня своими горячими отблесками... Сумерки надвинулись такъ быстро, что я уже не могу

---

*) «Тага вальдшнеповъ».

различить силуэт брата; я не вижу его фигуры, по послѣднему впечатлѣнію, прислоненной къ стволу березы. Мой вѣрный Пиратъ, съ удивленною мордою и настороживъ уши, сидитъ у ногъ моихъ; его печальные и умные взгляды будто спрашиваютъ меня: «Чего ты ждешь?! На кого ты думаешь охотиться?!»... По временамъ онъ взвизгиваетъ, нервно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и съ безпокойнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, торопливою рысцей бѣжитъ въ ту сторону, гдѣ остался мой братъ... Его фигура сначала ясно обрисовывающаяся и ныряющая между пнями и кустарникомъ, принимаютъ постепенно все болѣе и болѣе неуловимыя формы и наконецъ совершенно поглощается туманомъ... только слышенъ хрустъ и шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей... Гдѣ-то недалеко раздаются неясные звуки, то приближающіеся, то удаляющіеся... надъ моей головой съ рѣзкимъ крикомъ и свистомъ крыльевъ пронисится запоздавшій селезень, лавируя между стволами деревьевъ... Я хочу стрѣлять, прицѣливаюсь; но новый поворотъ... и птица польщенная сумерками, грузно опускается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня на рѣку, съ шумомъ расплескавъ воду... Встревоженный этими звуками лѣсъ снова погружается въ сладкую дремоту... Багрянецъ неба подергивается золотистыми жилками, пурпуровыми нитями; легкія облака кажутся цѣпью драгоцѣнныхъ камней; изъ болота попрежнему несутся могучіе аккорды, чья-то гигантская грудь безпокойно вдыхается, и влопочуть въ ней сонные звуки, страстные и глубокіе... вотъ пролетаетъ съ бурчаніемъ навозный жукъ — въ мертвой тишинѣ вечера долго слышится его невѣрный полетъ... И вотъ наконецъ раздается давно ожидаемый звукъ, — звукъ, отъ котораго спирается дыханіе въ груди у охотника, а кровь приливаетъ къ вискамъ... Съ воспаленными, полу-открытыми губами, я весь превращаюсь въ слухъ, съ какимъ-то томительнымъ ожиданіемъ и тревогой... Но звукъ проносится стороною и замираетъ въ воздухѣ. — «Быть можетъ, это былъ обманъ чувства?!» — Лѣсъ опять погружается въ сладкую дремоту... Гдѣ-то далеко-далеко раздается выстрѣлъ, за нимъ — другой — еще дальше...

Тяга началась...

«Тамъ стрѣляютъ... Значитъ, уже вальдшнепы тянутъ... а здѣсь ни одного!... вѣрно ничего и не будетъ!?!.. шевелится въ разгоряченной головѣ... Откуда-то, какъ могучій и цѣльный аккордъ, доносится лай собакъ, звукъ рожка, мычанье коровы и пѣсня возвращающагося съ поля крестьянина... Звуки плавно несутся, сливаются и грустною мелодіей замираютъ въ туманѣ... Въ сосѣдней рошѣ гремитъ выстрѣлъ... Весело и грозно, обгоняя другъ друга, порывистыми волнами несутся въ воздухъ его отголоски; будто духи тьмы проснулись и, встревоженные, поднялись въ сумракъ лѣса, и летятъ... и шепчутся... А небо еще горитъ, горячіе отблески дня еще борятся съ сѣрыми тѣнями ночи... Снова изъ синевы небесъ вскипаетъ завѣтный звукъ, такъ близко, такъ задорно раздающійся... Сначала будто легкое покашливаніе, затѣмъ все ближе и ближе, бурнѣе и бурнѣе... и вотъ, весь, словно нарисованный на яркомъ фонѣ неба, съ трещащими отъ страсти крыльями и опущенной внизъ головой, медленно выплываетъ изъ-за мелкаго лѣса опушки красавецъ - вальдшнепъ... Я ясно вижу его сидѣть, слышу его страстный шопотъ... и выжидаю удобнаго мгновенія... Полонъ любви и надежды, летитъ онъ, питомецъ лѣсовъ, ихъ краса и гордость... Тамъ, можетъ быть, даже за этимъ моремъ кустовъ, ждуть его страстныя объятія, нѣга и наслажденіе, тоска и забвеніе... Поэзія, любовь, все... Сама земля, одѣтая тьмою и туманомъ, и небо, озаряющее его стыдливыми, чистыми и ласкающими отблесками; эта просьба, наконецъ, этотъ растилающійся у ногъ его безбрежнымъ океаномъ лѣсъ — все замолкло, все, сдерживая дыханіе, приготовилось слушать его пѣснь, пѣснь призыва, свободы и любви... И вотъ гремитъ выстрѣлъ: бѣглымъ багрянцемъ озаряются и близъ лежащіе кусты, и корявые пни, и туманные образы... Могучимъ рокотомъ отвѣчаетъ ему лѣсъ, отбрасывая упругіе звуки; а они въ смятеніи мчатся, сталкиваются, будто хотятъ куда-то вырваться, и торопливо замираютъ въ страстномъ шопотѣ... Роковой звукъ!! Перестаетъ биться на землѣ еще одно сердце; еще одна грудь перестаетъ любить... Какъ подрѣзанная, сложивъ крылья, падаетъ смертельно-раненая птица, ломая на пути вѣтки, въ ту самую чашу, надъ которой такъ

гордо неслась минуту тому назадъ... Пѣсня порвана, пѣвецъ умолкъ; жизнь и страсть, и тоска и любовь — все исчезло, все умерло!.. И кому какое дѣло до всего величія этой свершившейся драмы, до этой поэтической и полной глубокаго смысла смерти?!. Грознымъ, суровымъ молчаніемъ встрѣчаетъ дѣсь роковую для него новость; еще плотнѣе прижимаются кусты къ столѣтнимъ стволамъ, и еще быстрѣе и боязливѣе сбѣгаются тѣни ночи...

Ослѣпленный выстрѣломъ, устремляюсь я туда, гдѣ послѣдній разъ, разсѣкая воздухъ, мелькнула птица. Еще мигъ неизвѣстности и страха... и красивый вальдшнепъ, окровавленный, но даже и въ минуту смерти красивый, бессильно трепещетъ крыльями у меня въ рукахъ...

— Тубо! кричу я на Пирата, который, какъ бѣшенный, появляется на выстрѣль и съ азартомъ, выпуская перья и пухъ, втягиваетъ въ себя широкими ноздрями запахъ дичи...

— Что, — убилъ? несется изъ сумрака вопросъ брата, и по тону этого вопроса я какъ-то угадываю, что и брата охватило такъ-же, какъ и меня, томительное ожиданіе, съ которымъ знакомы только охотники... Убилъ! — кричу и я, и мой голосъ сухо обрывается въ туманѣ... Проходятъ нѣсколько мгновений... цѣлая вѣчность... Опять несется, натываясь на стволы деревьевъ, дикій селезень; опять рѣзкіе крики его то удаляются и замираютъ, то дрожатъ надъ самымъ ухомъ... слышенъ свистъ крыльевъ; въ сосѣдней роцѣ гремитъ выстрѣль...

Я тороплюсь зарядить ружье... руки дрожатъ какъ въ лихорадкѣ... Недалеко, подъ низкими кустами опушки, раздается торопливое «пщиканье»... — Вѣрно испугался брата, — успѣваю подумать я, — яркій снопъ огня и оглушительный выстрѣль... Мгновенно все опять погружается въ рѣжущую ухо тишину и мракъ...

«Убилъ?!» кричу я въ свою очередь, забывъ всякую осторожность... — Молчаніе: только эхо повторяетъ послѣдній слогъ...

«Ваня, убилъ ты?.. кого? Опять молчаніе. Братъ не отвѣчаетъ. Я, съ внутренней завистью рисую въ своемъ воображеніи молчаливую фигуру брата, окруженную туманомъ и дымомъ, съ вальдшнепомъ въ рукахъ... «Ваня?!» уже съ оттѣн-

комъ досады, кричу я... — Опять молчаніе. «Упрямя, и какъ глупо упрямя», ворчу я, и весь превращаюся въ слухъ. «Еще могутъ летѣть вальдшнепы», шевелится въ мозгу... И вотъ... снова тоже, «пщиканье», новая птица... гремитъ выстрѣлъ, окутывая меня облаками дыма и обдавая свѣтомъ и жизнью сосѣдніе кусты.

«Мимо!.. Упалъ!?. Нѣтъ, промахъ! Пиратъ, ісі!.. Проклятая собака... Пиратъ!?» кричу я, отчаянно раздвигая кусты и царапая себѣ руки и лицо...

Изъ темноты вырисовывается спокойная фигура брата...

«Идемъ домой! Уже совсѣмъ темно и, вѣроятно, больше ничего не будетъ!.. Ты въ кого стрѣлялъ? — «Да въ кого-же? — Конечно въ вальдшнепа... и убилъ его.. Вотъ, если-бы ты не сидѣлъ тамъ, а пришелъ сразу, когда звали... «Экая досада!.. Пиратъ, ісі, ісі!.. и я съ азартомъ впивался въ уши бѣшено примчавшемуся Пирату; тотъ съ визгомъ вырывается и бросается въ сторону. «И какой большой вальдшнепъ... и упалъ вотъ сюда!.. Я самъ видѣлъ... Ваня, голубчикъ, помоги искать!» — Да не стоитъ, равнодушно уговариваетъ онъ меня, и его фигура начинаетъ удаляться, колеблется нѣсколько минутъ и наконецъ сливается съ кустами... слышенъ хрустъ вѣтвей, покашливаніе. «Я увѣренъ, что онъ упалъ»... шепчу я, продолжая шарить въ кустахъ... Пиратъ выдѣлываетъ чудеса храбрости и мечется, какъ угорѣлый... Идемъ! доносится ко мнѣ изъ мглистаго сумрака голосъ брата... Эхо рѣзко обрывается и замираетъ... «Иду!» отвѣчаю я, мимоходомъ еще разъ обшаривая опушку... «Что ты сидишь тамъ?! Давно пора домой!» — «Ахъ, Ваня! Но вѣдь вальдшнепъ былъ такой большой, такой жирный... И я его убилъ, навѣрное убилъ!.. Я такого большаго никогда не видалъ!..» — Вѣрно такой-же большой, какъ тотъ тетеревъ, котораго ты убилъ на прошлой охотѣ?! — (Братъ навѣрно намекаетъ на случай, когда, выстрѣливъ по неосторожности изъ ружья, я увѣрялъ всѣхъ, боясь насмѣшекъ, что убилъ громаднаго тетерева... и даже указывалъ мѣсто, куда онъ упалъ...). Я дуюсь, и ничего не отвѣчаю... Мы вступаемъ въ лѣсъ и, пройдя съ полъ-версты цѣликомъ, выходимъ на дорогу въ дому... Ночь царитъ кругомъ... болото

издаетъ меланхолическіе звуки... гдѣ-то недалеко раза два начинаетъ подвывать и обрывается на горловыхъ нотахъ волкъ... Сырость пронизываетъ насквозь... Ночная птица безшумно кружится надъ головою и, точно духъ, проваливается въ тьму. Грудь дышетъ легко, вбирая здоровую струю весенняго воздуха... «А какъ жаль вальдшнепа!» начинаю я... Братъ не отвѣчаетъ и молча шагаетъ въ темнотѣ. Надъ лѣсомъ медленно всплываетъ луна.

Тяга ¹⁾ вальдшнеповъ съ ихъ прилета у насъ продолжается не далѣе половины іюня. Начало тяги настаетъ съ тихими и теплыми вечерами, когда черный и пѣвчіе дрозды подаютъ первые голоса, и когда пролетающіе рябинники стадаются въ крупномъ лѣсѣ и запѣваютъ свою дружную пѣсню. Въ вечернюю зорю вальдшнепы тянутъ около часа, рѣдко во всю ночь, и потомъ на утренней зорѣ совершается тяга, только при тепломъ спокойномъ воздухѣ, и особенно, послѣ теплага, мелкаго, растительнаго дождя; но почти никогда въ сильный дождь, въ бурю, или холодную погоду. Въ началѣ тянутъ почти исключительно самцы, потомъ присоединяются къ нимъ и самки.

Въ началѣ весны тяга начинается, когда солнце уже садеть, и почти совершенно стемнѣетъ; чѣмъ-же весна подходитъ ближе къ лѣту, чѣмъ лѣсъ одѣвается гуще, тѣмъ и тяги начинаются ранѣе. Причина этого, какъ замѣчаютъ, заключается въ томъ, что когда лѣсъ еще не одѣлся, голъ, вальдшнепъ боится рано тянуть, опасаясь хищниковъ (ястребовъ); но когда лѣсъ одѣлся листьями и густъ, то вальдшнепъ имѣетъ болѣе возможности въ случаѣ нападенія укрыться отъ преслѣдованія.

Въ сильномъ яру вальдшнепъ тянетъ низко, много на тридцать пять футовъ, иначе въ пятьдесятъ и шестьдесятъ футовъ обыкновенно скользить по макушкамъ деревьевъ. Мѣстомъ для тяги вальдшнепъ избираетъ пролѣски, поляны, широкія дороги, просѣки, широкіе зеленые лѣсные овраги между деревьевъ. Обыкновенно вальдшнепы тянутъ нѣсколько лѣтъ на

---

1) Тягой называется токъ вальдшнеповъ.

одной мѣстности, конечно, ежели лѣсные порубки ее не измѣнили.

Вальдшнепъ. Это, говорить Н. А. Основскій ¹⁾, сова благородной дичи. Онъ выглядываетъ смѣшно глуповатымъ и напоминаетъ одну изъ полуночныхъ птицъ. Вообще же вальдшнепъ красивъ и есть на что полюбоваться.

Вальдшнепъ вдвое крупнѣе дупеля. Клювъ его мягкій, чувствительный, при жизни не чисто мяснаго цвѣта, постепенно темнѣющій къ концу. Пасть чисто мяснаго. У мертваго клювъ темнѣетъ, на кончикѣ чернѣетъ, мягкая внѣшняя оболочка высыхая втягивается въ ячейки, отчего клювъ становится какъ бы зубчатымъ, или шероховатымъ въ родѣ подпилка. Охотникамъ не мѣшаетъ помнить это послѣднее обстоятельство: оно иногда открываетъ обманъ или шутку, которымъ можно поддаться. Охотники болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ, иногда трофеями своихъ удачъ показываютъ купленную имъ на рынкѣ дичь, которая совсѣмъ похожа на свѣжую, но только какъ болѣе лежалая, имѣетъ влювъ болѣе высохшій, и потому болѣе шероховатый.

Цвѣтъ ногъ сѣро-мясной, на суставахъ и на исподѣ стопы сѣроватый, у молодыхъ осенью зеленовато-сѣрый.

Масть или одежда вальдшнепа состоитъ изъ отѣнковъ ржаво-краснаго, ржаво-желтаго, сѣраго, бураго, бѣлаго цвѣтовъ; рѣдко исподоваль другъ къ другу переходящихъ, а размѣщенныхъ болѣе удлиненными пятнами или полосками, на спинѣ вдоль птицы, на головѣ, груди и хлупѣ — поперекъ. Головные полосы черныя и ржаво-желтыя; на нижней передней части туловища полоски тянутся волнисто по сѣро-желтому полю. Хвостъ съ тыла сѣрый, а съ испода отмѣченъ на концахъ бѣлыми серебристыми пятнами. Отъ влюва черезъ глазъ тянется бѣлесоватая полоса; на крыльяхъ поперечныя бѣлесоватые пояски.

Коротковатое, мясистое, туловище, приземистыя толстыя ноги; короткая толстая шея (опять отличие отъ болотной дичи); но особенно рѣзко, рѣзче нежели у другой дичи, отличен-

---

¹⁾ «Записки Московскаго охотника».

ная голова, при длинномъ клювѣ — указываетъ на птицу, которую нельзя смѣшать съ другою: глаза не съ боку, а на затылкѣ, лба почти нѣтъ, за то приплюснутое удлинненное темя.

Таковы вальдшнепы, какъ самцы, такъ и самки. Трудно и часто невозможно различить полъ птицы.

Таковъ вальдшнепъ вообще или большею частію. Но бываютъ и видоизмѣненія, только рѣдко.

Спокойный вальдшнепъ, стоя на мѣстѣ, держится почти въ положеніи утки, втягивая однакожь голову (отчего шея еще болѣе толстѣетъ), опуская клювъ перпендикулярно къ землѣ. На ходу онъ ноги сильно сгибаетъ, отчего его походка низка, не скоро и не продолжительна. Онъ вѣчно какъ будто крадется, подстрѣленный легко излавливается безъ собаки, и если напугать его, то онъ самъ прижимается къ землѣ или прячется за что-нибудь.

Полетъ вальдшнепа самый медленный, но зато онъ имъ вполне управляетъ. Уступая рябчику въ быстротѣ полета, онъ однако же превосходитъ его въ умѣнны и скорости извертываться въ лѣсной чащѣ. Спуганный онъ летитъ гораздо быстрѣе, взлетаетъ едва на полсотни футовъ вышины, обыкновенно менѣе, и ежели близко кусты, то не выше ихъ и быстро кидается въ траву¹⁾; въ чистомъ мѣстѣ онъ чаще въ полетѣ стелится по землѣ. Рѣдко пролетаетъ онъ болѣе пяти-сотъ шаговъ и, ежели онъ на открытомъ мѣстѣ встрѣчаетъ даже уединенный кустъ, охотно въ него смѣщается. Нерѣдко, избѣгая чистаго мѣста, возвращается обратно, откуда вылетѣлъ и тѣмъ обманываетъ преслѣдователя. Сильно напуганный, онъ летитъ быстрѣе, чрезвычайно часто, сильно машетъ прижатými къ тѣлу крыльями и производитъ звукъ, похожій на движеніе сквознаго вѣтра въ тѣсномъ пространствѣ, въ родѣ „зуб — зуб — зуб.“

Совсѣмъ другой полетъ вальдшнепа на тягѣ. Издавая особенныя звуки „цыхъ — цыхъ — коррр“, тянетъ вальдшнепъ съ приподнятымъ перомъ (распустившись), отчего кажется

---

*) Вальдшнепы вообще нелюбятъ травяныхъ мѣстъ.

болѣе обыкновеннаго, весьма медленно и какъ будто нехотя махая крыльями, обыкновенно въ прямомъ направленіи. Летя другъ другу на встрѣчу, вальдшнепы часто сталкиваются, и даже дерутся клювами, такъ что сыплятся иногда перья. Бываетъ и то, что нѣсколько ихъ сваливаются въ клубокъ и падаютъ на землю, подобно ярующимъ воробьямъ; въ такомъ случаѣ можно однимъ выстрѣломъ убить нѣсколько штукъ вальдшнеповъ.

Въ тягѣ участвуютъ какъ вальдшнепы туземные, или жилые, т. е. тѣ, которые остановились на своихъ гнѣздовыхъ мѣстахъ, такъ и текущіе далѣе на сѣверъ. Вальдшнепъ, которому путь далекъ, тянетъ на пути, а тотъ, которому коротокъ весенній перелетъ, и котораго зимовище, слѣдовательно, мало холоднѣе лѣтoviща, тянетъ въ началѣ весны непосредственно до начала теченія.

Пища вальдшнепа почти исключительно твердокожія насѣкомыя, и только въ нуждѣ, какъ на примѣръ въ началѣ прилета, послѣ сильной зимы остатки годовалыхъ растений на землѣ.

Одинокіе вальдшнепы показываются у насъ даже въ концѣ марта, но дружный, или воловой пролетъ обыкновенно не ранѣе первой трети апрѣля. Замѣчательно, что общій пролетъ вальдшнеповъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда показываются у насъ рябинники и орѣховые дрозды, и когда изъ земли пробиваются печеночница и приземистый лютикъ.

Вальдшнепъ показывается весною прежде въ большихъ лѣсахъ, а потомъ въ рѣдкихъ и мелкихъ, особенно рано въ тѣхъ, гдѣ между большими деревьями много кустарника и подсѣда; въ такихъ теплота развивается ранѣе, земля, мочевины, травинка и насѣкомыя раскрываются также ранѣе, а здѣсь то и пріютъ и пища вальдшнепамъ. Особенно любятъ они широколиственный лѣсъ, гдѣ на потныхъ мѣстахъ растутъ орѣшникъ и тальникъ.

Съ точностію нельзя опредѣлить время осенняго пролета, когда птица легче укрывается въ густомъ лѣсѣ, и когда самый пролетъ бываетъ продолжительнѣе. Обыкновенно онъ у насъ начинается съ первой половины сентября и продолжается до октября.

Въ концѣ мая самка начинаетъ прискивать угоды для гнѣзда, въ лѣсу, въ глуши, въ кустарникѣ, между старымъ мхомъ, травю и особенно въ старомъ хворостѣ. Гнѣздомъ служитъ небольшое углубленіе, высланное сухою травю.

Самка кладетъ 3 — 4 яйца и сидитъ на нихъ семнадцать дней. Потревоженная вылетаетъ только изъ-подъ ногъ охотника. Дѣтеныши едва успѣютъ обсохнуть, какъ начинаютъ уже бѣгать. Отецъ и мать, испуганные чѣмъ-нибудь, взлетаютъ, выражая свое опасеніе звукомъ похожимъ: „декъ, — декъ, — декъ“. Говорятъ, что вальдшнепъ переноситъ своихъ дѣтей, въ случаѣ опасности, съ одного мѣста на другое, по словамъ однихъ въ когтяхъ, по другимъ — въ клювѣ. Охота на вальдшнепа особенно производится тогда, когда онъ скучивается, а это бываетъ четыре раза въ году, почему и охота столько же разъ можетъ быть успѣшна:

Во-первыхъ, во время весеннихъ вывалокъ. Эти вывалки у вальдшнепа, какъ вообще у всякой дичи, отличаются отъ осеннихъ: строгостью птицы, меньшимъ ея количествомъ, и меньшею продолжительностію пребыванія птицы на одномъ мѣстѣ. За ними не зѣвай охотникъ. Эти вывалки въ особенности бываютъ, какъ мы говорили, послѣ растительнаго дождя, въ лѣсу, на опушкѣ его, а близъ деревень даже въ садахъ, въ ягодномъ кустарникѣ и влужбахъ.

Во-вторыхъ, во время тяги. Охота на тягѣ отличается тѣмъ, что она совершается въ лѣсу, стоя на одномъ мѣстѣ, гдѣ собакѣ мало простору, и гдѣ чутье ея и стойка полезна лишь для отысканія убитаго; что стрѣлять вальдшнепа можно только тогда, какъ онъ летитъ на васъ, или въ его быстромъ пролетѣ въ лѣсной чащѣ. Охота на тягѣ если не добычна, то покойна и весела, потому что можетъ совершаться въ компаніи, безъ помѣхи другъ другу.

Въ-третьихъ, во время вылетанія выводковъ. Обыкновенно они перелетаютъ изъ крупнаго лѣса, изъ крѣпей въ мелоча, въ опушки къ ржанымъ полямъ. Но бить въ это время едва летающихъ вальдшнеповъ охотниковъ немного.

Въ-четвертыхъ, во время осеннихъ вывалокъ. Мѣста сборищъ тѣ-же какъ и весной, и, птица менѣе строга, долѣе

держится на мѣстѣ и доставляетъ по размноженіи своемъ обильную добычу. Осенью охота особенно добычлива.

Во всякое другое время вальдшнепы живутъ одиночно.

Фазанъ. Тѣ фазаны, которые водятся около рѣки „Сырѣ-Дарья“, въ полномъ смыслѣ слова красавцы; австралійскія райскія птицы по красотѣ встрѣтятъ въ немъ опаснаго соперника; кавказскихъ фазановъ онъ далеко красивѣе и съразу отличается отъ нихъ бѣлымъ на шеѣ галстукомъ.

На Кавказѣ шакалы и дикія кошки сильно вредятъ размноженію фазановъ. На сѣверъ отъ Туапсе къ Кубани ихъ водится много, а южнѣе и даже за Сухумъ ихъ такъ мало, что Его Высочество Намѣстникъ Кавказа даже запретилъ стрѣлять фазановъ.

Фазанъ на столько красивъ и пестръ своимъ перомъ, что не поддается никакому описанію. Преобладающій цвѣтъ его пера золотисто-зеленоватый съ синимъ и фіолетовымъ отливомъ. Глаза окружены колечками пунцоваго цвѣта. Клювъ ярко желтоватый. Крылья оливковыя съ черными, красными и коричневыми черточками. Надхвостье темно-мѣдно-краснаго цвѣта, съ пурпуровымъ отливомъ. Ноги свинцоваго цвѣта и сзади ихъ шпоры.

На чистыхъ мѣстахъ, при видѣ человѣка, фазанъ стоитъ всегда молодцомъ, почти въ вертикальномъ положеніи и только золотистый хвостъ его разстиляется по землѣ; въ излюбленныхъ имъ заросляхъ поднимается съ земли почти изъ-подъ ногъ охотника, летитъ плавно, тихо, подставляетъ вѣрную цѣль и промаху по немъ дать почти нельзя.

По полету фазанъ—чистая дворовая курица; перелеты его недалеки; рѣдко фазанъ улетитъ до двухъ сотъ сажень и если ему не дать отдыха, а поднять сію же минуту снова, онъ перелетитъ сажень пятьдесятъ, садится и уже болѣе летѣть не можетъ; тогда берутъ его руками безъ сопротивленія.

Но только для этого надо имѣть хорошую здоровую лошадь, чтобы не потерять мѣсто, гдѣ онъ опустился; довольно опоздать на одну или двѣ минуты, чтобы фазанъ въ травѣ убѣжалъ далеко и пропалъ совсѣмъ, а бѣгаетъ онъ быстро, неутомимо, какъ и всѣ плохо летающія птицы, напрімѣръ

страусъ, и хитро обманываетъ, къ тому же всегда держится въ мѣстахъ, поросшихъ камышомъ и густымъ колючимъ кустарникомъ.

На Сыръ-Дарьѣ, этимъ родомъ охоты занимаются киргизы на своихъ дрянныхъ лошаденкахъ по новому снѣгу, т. е. по порошѣ, какъ выражаются наши охотники, чтобы находить фазана по слѣдамъ.

Самка фазана некрасива, пестро-песочнаго цвѣта, менѣе самца смѣтлива, и на открытыхъ мѣстахъ, при видѣ охотника, прижимается къ землѣ, чтобы не быть видимой, чего самецъ не дѣлаетъ.

Вьютъ гнѣзда и выводятъ дѣтей фазаны на землѣ и въ такихъ густыхъ камышовыхъ заросляхъ, что найдти его гнѣздо или поймать выводокъ составляетъ очень большую рѣдкость.

Собака на охотѣ за фазанами играетъ немаловажную роль. „Крутится, говоритъ г. Смирновъ, бойкая собаченка, задаетъ широкіе круги на поискѣ, „чертитъ по землѣ узоры“ острой мордочкой, разбираетъ перепутанные слѣды. Какъ ни кроется, какъ ни вертится отъ нея вороватая курочка—фазанка, бѣгаетъ какъ заяцъ, мелькаетъ подъ корнями камыша и осоки, все пѣшкомъ хочетъ уйти отъ назойливаго преслѣдованія, какъ юркій коростель, но собака разыщетъ таки ее, прижметъ къ ярыгу, загонитъ въ густой камышъ и заставить подняться. Съ трескомъ и звономъ сорвется курочка, мотнется стрѣлой черезъ камышъ; собаченка остановится вдругъ на бѣгу; закуситъ губу, подниметъ переднюю ногу, вытянетъ хвостъ и слѣдитъ за полетомъ горящими глазами“... ожидая выстрѣла.

Условія охоты на фазановъ почти одинаковыя, какъ въ камышахъ, такъ и въ лѣсныхъ заросляхъ Кавказа.

Раннимъ утромъ фазанъ отправляется на водопой, и утоливши свою жажду идетъ въ кусты или въ хлѣбъ, гдѣ, набивши зобъ пищей, начинаетъ валяться въ пескѣ, какъ валяются въ немъ наши доморощенные курицы.

Отправляясь на сонъ грядущій, фазанъ взбирается на самую верхушку дерева и уткнувши носъ въ перья, предается сладкому сну.

Низкое, хотя и густое, мелколѣсье, перерѣзываемое лужайками и прогалинами, самое лучшее мѣсто для стрѣльбы фазана.

Мясо фазана вкусно и вѣжно.

Глухарь. Кромѣ этого названія онъ имѣетъ и другія: мошникъ, глухой тетеревъ, чукаръ. Названъ онъ глухаремъ не потому что глухъ, а потому что водится въ глубокихъ мѣстахъ.

Глухари отъ насъ не отлетаютъ и водятся круглый, годъ, не смотря на страшные холода и снѣжныя зимы.

«Глухарь — врагъ культуры, цивилизаціи и всего, чего коснется рука человѣка, говоритъ В. А. Разевигъ¹⁾. Это обитатель глухихъ, дремучихъ, непосѣщаемыхъ человѣкомъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, это птица тайги. Каждый ударъ топора, подсѣкая дерево, въ то-же время подсѣкаетъ и существованіе глухаря въ томъ участкѣ лѣса. Глухарь, любя пальники и гари, то-есть мѣста обезлѣсенныя стихійною силой, въ то-же время не любитъ вырубокъ, — площадей обезлѣсенныхъ человекомъ. Каждая канава, прорытая съ цѣлью осушенія лѣса и мѣстнаго болота, каждая просѣка, проложенная въ лѣсу, каждая лѣсовозная дорога, прочистка, посѣвъ и посадка лѣса, каждый намекъ даже на лѣсную культуру, — все это медленно, но вѣрно и неминуемо истребляетъ глухаря.

Недалеко то время, и мы доживемъ вѣроятно до него, когда, чтобы поохотиться за глухаремъ, придется ѣхать за тридцать губерній, куда-нибудь въ сѣверные уѣзды Олонецкой, Вологодской или Пермской губерній»...

Глухарь издалека представляется весь чернымъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не таковъ: грудь темно-зеленоватая съ стальнымъ отливомъ; шея и голова черныя; задъ шеи пепельно-черный съ черненькими пятнышками, а передъ шеи, черноватый съ пепельно-сѣрыми пятнышками; верхъ спины черный съ ржаво-пепельными мелкими пятнами; брови широкія и красно-ватая, глаза темныя; клювъ роговаго цвѣта; ноги въ перѣ пепельнаго цвѣта. Самка пестрѣе самца.

«Вѣрною и добычливою становится охота на току, только тогда, когда въ краснолѣсѣхъ появятся большія проталины,

---

¹⁾ «Глухарь въ чернолѣсѣ».

закишать муравьи, и начнется тяга вальдшнеповъ, тогда самки уже летаютъ на тока, старые самцы токують довольно зорко, а молодые уже начали токовать. Число токующихъ глухарей тогда гораздо большее, токовища оживленнѣе, да и самый подходъ гораздо легче; легче-же понятно найти и самыя токовища.

Самый разгаръ тока въ среднихъ губерніяхъ падаетъ, въ нормальную весну, на вторую половину апрѣля, въ позднюю же на двадцатые числа апрѣля и первую недѣлю мая. — Затѣмъ, тока слабѣють, и не позже второй трети мая окончиваются.

Конецъ токованья совпадаетъ обыкновенно съ тѣмъ временемъ, когда у березы (не у одиночныхъ деревьевъ, растущихъ по опушкамъ и на припекѣ, но у растущихъ въ глуби лѣса) листь развернется и достигнетъ, примѣрно, величины копѣйки.

Гнѣздо самка устраиваетъ въ еловыхъ или смѣшанныхъ хвойно-лиственныхъ насажденіяхъ, въ мѣстахъ болѣе глухихъ и укромныхъ. Гнѣздо устраивается либо подъ развѣсистую елью, либо въ еловомъ частомъ молоднякѣ, или же въ кучахъ хвороста и валежника. Въ чернолѣсье же они гнѣздятся только въ глухихъ участкахъ лѣса, гдѣ какъ щетка густой, подлѣсокъ изъ кустарника и древесныхъ породъ дѣлаетъ лѣсъ почти непроходимымъ. Мѣстность, избираемая глухаркою для гнѣздованія, носить на себѣ всегда характеръ скорѣе низменный, чѣмъ возвышенный.

Глухарь - самецъ, исхудалый и истомленный токованіемъ, удаляется въ крѣпи, и живетъ здѣсь пустынникомъ, заботясь лишь о восстановленіи своихъ силъ и спокойствіи. Но вот наступитъ лѣто, и въ концѣ мая, глухарь приступаетъ къ медленному и тяжелому процессу линьки. На это время, если возможно, онъ забирается въ еще болѣе крѣпкія заваленныя валежниками и густо поросшія кустами и травомъ мѣста, становится весьма лѣнивъ и неподвиженъ, но не въ ущербъ, однако, своей осторожности; онъ теперь только и знаетъ, что ѣсть, спать, да линять. На ѣду онъ тогда куда какъ не разборчивъ, а такъ какъ ягоды еще не созрѣли, кормиться же насѣкомыми слишкомъ медлительно и хлопотливо, ибо, чтобы туго набить свой зобъ, пришлось бы за ними изрядно

набѣгаться; да и гдѣ ихъ тамъ отыскивать подѣ всякой валежиной... Позднѣе, когда вылиняютъ и окрѣпнуть нѣсколько маховыя крылья, и поспѣютъ ягоды земляники, костяники и проч., онъ начинаетъ выходить, раннею утреннею и позднею вечернею зарей, на опушки небольшихъ полянъ и лужаекъ, расположенныхъ въ болѣе глухой, малопосѣщаемой людьми части лѣса; но никогда онъ не выходитъ на большія луговины и не удаляется такъ далеко отъ опушки лѣса, какъ молодые въ выводкѣ. Здѣсь онъ кормится и, найдя сухую кочку и разрывъ ее, купается.

При малѣйшей опасности, при малѣйшемъ шорохѣ, взлетаетъ на ближнее дерево и, обзрѣвъ мѣстность и замѣтивъ что-либо подозрительное, спасается въ глубь лѣса. Когда совершенно вылиняетъ, т. е. въ іюлѣ, выбирается изъ чащи и крѣпней въ сравнительно болѣе сухія и открытыя мѣста, питается разными ягодами (иногда незрѣлыми, какъ напримѣръ: ягодами бересклета), нерѣдко насѣкомыми (слизняками, куколками), главнымъ же образомъ все тою-же листвою.

Найти его въ этотъ періодъ времени съ лягавою собакою не трудно, но охотиться, т. е. бить его почти невозможно, такъ какъ пока невылиняетъ, плохо выдерживаетъ стойку собаки; главнымъ же образомъ почти невозможно подойти къ нему незамѣченнымъ, и онъ бѣжитъ отъ собаки, какъ заяцъ отъ борзой, и поводявъ-поводивъ собаку за собой, заведетъ въ такую крѣпнь, что нескоро и выберешься... Позднѣе, въ августѣ, то же недобьешься отъ него толку, по той-же причинѣ; но онъ теперь уже неведетъ собаку, а услыхавъ шумъ приближающагося охотника, взлетаетъ на лѣсъ и, завидѣвъ опасность, улетаетъ въ чащу. Убить его можно изъ-подъ лягавой, только случайно, на лужайкахъ — на зарѣ, а въ лѣсу въ жару, въ полдень, когда лягавая накроетъ его внезапно, сдѣлавъ стойку почти въ упоръ; тогда онъ уже не летитъ, а прижмется къ землѣ и дастъ возможность охотнику подойти почти вплотъ.

Во второй половинѣ іюня, когда у молодыхъ подрастутъ маховыя перья, и они уже въ состояніи перепархивать, молодые начинаютъ чаще показываться на опушкахъ травянистыхъ,

потныхъ прогалинахъ и лужайкахъ, въ густой и высокой травѣ, въ которыхъ они находятъ болѣе насѣкомыхъ, чѣмъ въ чащѣ лѣса.

Затѣмъ, въ послѣднихъ числахъ іюня, когда на лугахъ и сѣчахъ зарумянится и зазрѣетъ земляника, а молодые уже въ состояніи не перепархивать только, но и летать изрядно, они покидаютъ чащу лѣса, выбираютъ въ сравнительно болѣе сухія чащи лѣса, гдѣ въ опушкѣ ночуютъ и отдыхаютъ въ жару. На зоряхъ же, утромъ и вечеромъ, довольно далеко уходятъ въ сѣчи, вырубки, на луговины и лѣсные сѣнокосы. Въ этотъ періодъ они очень любятъ купаться въ пескѣ и пыли и усердно розыскиваютъ въ полянахъ сухія кочки, а за неимѣніемъ ихъ и песка, купаются даже въ трухѣ сгнившей валежины.

Когда станетъ жарко, часамъ къ девяти-десяти утра, они ищутъ прохлады, уходятъ въ чащу и, притаившись въ густой заросли, дремлютъ, пока не спадетъ полуденный жаръ. Подъ вечеръ часовъ въ шесть, они снова выходятъ на луга и сѣчи, кормятся до поздней зари, и тогда, подбирая на пути ягодки, направляются въ лѣсъ, гдѣ, когда стемнѣетъ, размѣщаются на сосѣднихъ деревьяхъ, и стоя на одной ногѣ, спрятавъ голову подъ крылышко — спятъ до ранней зари.

Такъ прошелъ Петровъ день — наступаетъ сѣнокосное время. На лужайкахъ и полянахъ тѣхъ, недавно еще столь тихихъ и укромныхъ, появляются люди, начинается шумъ, гамъ...

Не выходятъ болѣе глухарки съ молодыми на лужайки привольныя... Да нечего тамъ и дѣлать: трава-мурава скошена, а съ нею пропала и ягода земляника.

Глухари выходятъ развѣ только на зоряхъ на опушку такихъ кошенихъ лужаекъ — покупаться; держатся же или въ травянистыхъ сѣчахъ или въ густыхъ молоднякахъ. Теперь ужъ и въ лѣсу, и въ болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ созрѣла земляника, а тамъ пойдетъ костяника, малина. Оно-бы и ничего: житье такъ себѣ. Но вотъ бѣда: начали ходить люди съ ружьями да съ собаками.

Съ Петрова дня, — обыкновенно глухарята, достигшіе безъ мадаго величины съ рябчика, начинаютъ «мѣшаться», т. е.

у самчиковъ появляются, на спинѣ и бокахъ, черныя перья. Молодые, кормясь, держатся уже не столь тѣсно, а разбредаются и становятся болѣе самостоятельными.

Къ концу іюля молодые самцы достигаютъ величины старки, и уже «въ букетахъ», т. е. по рыжеватому фону ихъ первоначальнаго оперенія расплываются черныя пятна. Во второй половинѣ августа молодыя самочки сравнялись по величинѣ, безъ малаго, со старками, а молодые самцы вѣсомъ уже въ 5—6 фунтовъ.

Я замѣчалъ, что многіе охотники, при весенней охотѣ на глухаря, стрѣляютъ его сравнительно мелкою дробью, четвертымъ и даже седьмымъ номеромъ.

Это весьма фальшиво, и у такихъ охотниковъ изъ десяти стрѣленныхъ глухарей навѣрное шесть улетаютъ, хотя бы и смертельно раненые, въ крѣпль и теряются; а такой подбитый и утеранный глухарь, я думаю, долго помнится каждому охотнику... Въ періодъ токованія старый глухарь до невѣроятности крѣпокъ на рану, и съ разбитой шеєю, зобомъ, или брюхомъ, изъ котораго висятъ кишки еще, далеко улетаетъ. На мѣстѣ убиваетъ его только выстрѣлъ въ голову, въ плечо (грудь) и удачный выстрѣлъ снизу и немного съ заду напередъ, въ брюхо. Стрѣлять глухаря слѣдуетъ, — токуетъ ли онъ на строевой лѣсинѣ, на саженой ли сосенкѣ, — первымъ номеромъ дроби или нулевымъ, или же, кто хорошо стрѣляетъ пулею, изъ мелкокалиберной винтовки.

Тетеревъ-березовикъ. Кромѣ этого наименованія онъ имѣетъ и другія: косецъ, чернышъ, косачъ, польникъ, тетеревакъ; простой же народъ величаетъ «тетерей».

Взрослый тетеревъ чрезвычайно красивая птица. Онъ издали черенъ какъ уголь, а потому вѣроятно и называютъ его нѣкоторые *чернышомъ*.

Самку величаютъ *косаткой*, *полужой*, *копонихой*, *маракушей*, *тетерью*.

Тетеревъ гораздо больше тетерьюки, почти сплошнаго чернаго цвѣта съ отливомъ вороненой стали на зобу. Самка сѣро-рыжая, вся въ рябинахъ, безъ бородки, на крылѣ поперечный бѣлый поясокъ, хвостъ рыже-бурый, короткій, виллообразно-раздвоенный, перевязанный черными поясками.

Въ солнечную пору голова и шея тетерева переливается радужно-сине-зеленоватымъ цвѣтомъ. Подхвостье черно-синее, испещрено бѣлыми крапинками.

Изъ всѣхъ птицъ, тетеревъ больше всего похожъ на глухаря. Величиной онъ съ средняго пѣтуха и вѣситъ до трехъ фунтовъ, самка же рѣдко когда болѣе двухъ фунтовъ.

Тетеревъ-березовикъ проворенъ на лету и на ходу... Взлетаетъ неособенно высоко, летитъ съ усиліемъ, вслѣдствіе чего и происходитъ шумъ, о которомъ охотники говорятъ, что тетеревъ «залопоталъ».

Онъ строгъ, потому что отлично видитъ, прекрасно слышитъ и чуетъ. Въ сильный морозъ и глубокой снѣгъ тетеревъ подпускаетъ къ себѣ близко.

Во время токованія, самки издаютъ свистъ, похожій на свистъ человѣка. Но послушаемъ, что говоритъ Оренбургскій охотникъ въ своей увлекательной картинѣ токованья тетеревей. «Въ исходѣ марта начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, разогрѣется остывшая кровь въ косачахъ, проснется безотчетное стремленіе къ совокупленію съ самками, и самцы начинаютъ *токовать*, т. е. сидя на деревьяхъ, испускать какіе-то глухіе звуки, изрѣдка похожіе на гусиное шипѣніе, а чаще на голубиное воркованье, или бормотанье, слышное весьма далеко въ тишинѣ утренней зари, на восходѣ солнца.

Сначала косачъ токуетъ не подолгу, тихо, вяло, какъ будто бормочетъ про себя и то послѣ сытнаго завтрака, набивши зобъ надувающимися тогда березовыми почками. Потомъ, съ прибавленіемъ теплоты воздуха, съ каждымъ днемъ токуетъ громче, дольше, громчѣе и наконецъ доходитъ до иступленія: шея его распухаетъ, перья на ней поднимаются какъ грива; брови, спрятанныя во впадинкахъ, прикрытыя въ обыкновенное время тонкой, сморщенной кожицей, надуваются, выступаютъ наружу, изумительно расширяются, и красный цвѣтъ ихъ получаетъ блестящую яркость. Косачи рано утромъ, до солнечнаго восхода, похватавъ уже кое-какъ нѣсколько корма (видно и птицѣ не до пищи, когда любовь на умѣ), слетаются на избранное заранѣе мѣсто, всегда удобное для *будущихъ подвиговъ*. Это бываетъ или чистая поляна въ лѣсу, или дугъ

между деревъ, растущихъ на опушкѣ и иногда стоящихъ на открытомъ полѣ, преимущественно на пригоркѣ. Косачи, сидя на верхнихъ сучьяхъ деревъ, непрерывно опуская голову внизъ, будто низко кланяясь, присѣдая и выпрямляясь, вытягивая съ напряженіемъ раздувшуюся шею, шипятъ со свистомъ, бормочатъ, токують, и при сильныхъ движеніяхъ, крылья ихъ нѣсколько распускаются для сохраненія равновѣсія. Они часъ отъ часу приходятъ въ большую ярость: движенія ускоряются, звуки сливаются въ какое-то клокотанье, косачи бѣснуются и бѣлая пѣна брызжетъ изъ ихъ, постоянно разинутыхъ ртовъ...

Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, нѣсколько времени токующихъ уединенно; курочки уже давно прислушивались къ нимъ и наконецъ начинаютъ прилетать на тока; сначала садятся на деревья, въ нѣкоторомъ отдаленіи, потомъ подвигаются поближе, но никогда не садятся рядомъ, и противъ косачей. Неравнодушно слушая страстное шипѣнье и бормотанье своихъ черныхъ кавалеровъ и пестрыя дамы начинаютъ чувствовать всемогущій голосъ природы и оказываютъ сладострастные движенія: онѣ охарашиваютъ, повертываются, кокетливо перебирая носами свои перья, вздрагивая распускаютъ хвосты, взмахиваютъ слегка крыльями, какъ будто хотятъ слетѣть съ дерева, и вдругъ, почувствовавъ полное увлеченіе, въ самомъ дѣдѣ быстро слетаютъ на землю... Стремглавъ всѣ косачи бросаются къ нимъ... и вотъ, между мирными, флегматическими тетеревами, мгновенно вскипаетъ ревность и вражда, ибо курочекъ бываетъ всегда гораздо менѣе, чѣмъ косачей, а иногда на многихъ самцовъ — одна самка. Начинается остервенѣлая драка: косачи, уцѣпивъ другъ друга за шеи носами, таскаются по землѣ, кляются, царапаются безъ всякой пощады, перья летятъ, кровь брызжетъ... А между тѣмъ счастливейшіе, или болѣе проворные, около самой арены, совокупляются съ самками, совершенно равнодушными къ происходящему изъ-за нихъ бою. Оплодотворенная курочка сейчасъ начинаетъ заботиться о своемъ потомствѣ: въ рѣдколѣсье, или мелкомъ лѣсу, выбираетъ мѣсто сухое, не низкое, разрываетъ небольшую ямочку, ната-

скиваетъ прошлогодней сухой травы, вьетъ круглое гнѣздо, устилаетъ его дно мелкими перышками, нащипанными ею самую изъ собственной хлупи, и кладетъ первое яйцо. На другой день она опять вылетаетъ на токовище, тщательно прикрывъ гнѣздо травой и перьями, опять оплодотворяется отъ перваго ловкаго косача, кладетъ второе яйцо и продолжаетъ ту же исторію до тѣхъ поръ, пока гнѣздо будетъ полно, или временное чувство сладострастія вполне удовлетворено. Нѣсколько времени косачи продолжаютъ слетаться на токовища, постепенно оставляемые курочками, и тока, слабѣя день отъ дня, наконецъ прекращаются. Время любви прошло, распухшая кожа на шеѣ косачей опадаетъ, брови прячутся, перья лѣзутъ... пора имъ въ глухія крѣпкія мѣста, въ лѣсные овраги; скоро придетъ время *линять*, т. е. перемѣнять старыя перья на новыя».

Какъ только дѣтеныши обсохнутъ, самка оставляетъ гнѣздо и перемѣщается съ цыленками въ сѣчи, заросли, въ особенности къ мѣстамъ, изобилующимъ муравьиными кочками, яички которыхъ составляютъ первоначальную пищу ея птенцовъ.

Весной тетерева питаются молодыми листочками различныхъ растений. Потомъ ѣдятъ цвѣточныя почки травъ. Лѣтомъ кушаютъ улитокъ, сѣмена. Къ концу лѣта, тетерева, переходятъ на ягоду. Осенью, когда ягода высохнетъ и подберется, они навидываются на сѣмена хвойныхъ растений и въ особенности любятъ гречиху, желуди. Зимой тетеревъ отыскиваетъ все, что остается сколько нибудь зеленѣющаго и сочнаго на деревѣ. Не прочь, конечно, покушать и зерна.

Тетеревъ, какъ курица, любитъ купаться въ земляной пыли, которую онъ считаеъ съ себя крошечныхъ насѣкомыхъ, поселившихся въ его перѣ.

Тетеревъ всегда держится березоваго лѣса. Въ особенности любитъ мелколѣсье, заросли, сѣчи, опушки, пролѣски, прилегающіе поближе къ мѣстамъ, засѣяннмъ гречихой. Любитъ потныя, низкія мѣста, богатыя верескомъ и ягодой.

По разрытымъ муравьинымъ кучамъ узнаютъ мѣсто выводка.

При наступленіи зимы, тетеревъ уходитъ въ глубь лѣса, гдѣ ему теплѣе. Вечеромъ, послѣ плотной ѣды, онъ опу-

скается въ свѣжевыпавшій снѣгъ, и зарывается въ немъ, оставляя открытой одну только голову. Снѣгъ охраняетъ его отъ холода. Сибирскіе охотники, пользуясь подобнымъ положеніемъ тетеревей, подкрадываются потихоньку къ нимъ ночью, бьютъ ихъ палками или накрываютъ логовище тенетами.

За исключеніемъ декабря, января и февраля, богатыхъ сильными морозами и глубокими снѣгами, на тетеревей можно охотиться круглый годъ.

Лѣтомъ, когда у тетерева выпадаютъ маховыя и правильныя перья, онъ становится беззащитнымъ и удаляется въ лѣсныя крѣпи, въ которыхъ для охоты почти недоступенъ.

Охота за молодыми тетеревами (выводками) начинается съ перваго іюля. Въ это время они величиной съ перепела.

Охота за молодыми тетеревами ведется въ слѣдующемъ порядкѣ: лишь только собака подыметъ выводокъ и послѣ выстрѣла птица разлетится по разнымъ направленіямъ, то охотникъ, оставшись на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поднять выводокъ, подобравши собаку, устраиваетъ изъ наломанныхъ вѣтвей березы или ели, нѣчто въ родѣ шалаша и начинаетъ подманывать къ себѣ разлѣтѣвшихся тетеревей, подражая ихъ голосу. Если стрѣлокъ сидитъ не на виду птицы и хорошо поддѣлывается подъ голосъ тетеревей, то чрезъ нѣсколько минутъ самка прибѣжитъ на свистъ охотника. Вскорѣ затѣмъ стануть отзываться и молодые тетеревенки. Разумѣется, первую жертвою обмана дѣлается мать. Какъ только молодые тетеревята подадутъ голоса, то охотнику остается выбирать одно изъ двухъ: стрѣлять ихъ сидя, когда они опустятся или, вставши изъ своей засады и спустивши собаку бить ихъ на лету.

Любовь тетерекъ къ своимъ дѣтенышамъ замѣчательна. Лишь только мать замѣтитъ охотника съ собакой, какъ старается отвлечь его вниманіе въ сторону отъ своего выводка, летитъ отъ собаки медленно, низомъ, точно раненая или хвораая, безпрестанно опускается на землю, зачастую оставляя въ зубахъ собаки свой хвостъ и жертвуя жизнію для спасенія своихъ малютокъ.

Въ это время она поминутно клохчетъ и какъ говорятъ охотники — *валяется*.

Рябчикъ. Пестрый, рябой, вслѣдствіе чего, во многихъ мѣстахъ его называютъ *рябцомъ*. Величиной онъ нѣсколько больше голубя а складомъ похожъ на тетерева.

Верхнее перо усыпано рыжегато-бѣло-сѣрыми пятнышками. Маховыя перья сѣроватыя, съ бѣло-красноватыми рябинками. Верхнее перо крыльевъ ржаваго цвѣта съ бѣлыми полосками и пятнышками. Брови красныя, глаза темныя. На шеѣ, зобу и брюхѣ рябинки разноцвѣтныя.

Рябчикъ живетъ постоянно въ мѣтахъ темныхъ, т. е. въ лѣсахъ еловыхъ, мѣшанныхъ, березнякахъ и олешнякахъ, въ особенности гдѣ есть рябина, но никогда не бываетъ на моховыхъ болотахъ, гдѣ растетъ рѣдкій сосновый лѣсъ, и очень рѣдко его можно найти въ чистыхъ сосновыхъ борахъ.

Пищу рябчиковъ составляютъ ягоды — въ особенности рябина и брусника, а когда выпадетъ глубокій снѣгъ, они собираются къ ручьямъ, на олешникъ и ѣдятъ почки.

Снабженный небольшими крыльями сравнительно съ ростомъ, рябчикъ летаетъ съ трудомъ, поднимаясь съ мѣста, сильно шумитъ и не дѣлаетъ большихъ перелетовъ: въ густомъ лѣсу онъ часто только перескакиваетъ съ одного дерева на другое, или пролетитъ нѣсколько сажень; чѣмъ мѣсто открытѣе, тѣмъ и перелетъ его дальше. Онъ не любитъ садиться на освѣщенномъ мѣстѣ и дѣлаетъ это очень рѣдко. Вообще онъ не пролетаетъ больше ста сажень и то въ исключительныхъ случаяхъ.

Отыскавши гдѣ-нибудь подъ кустомъ и хворостомъ удобное мѣстечко, самка начинаетъ устраивать гнѣздо, состоящее изъ не глубокой ямки, выстланной сухой травой и прутиками.

Рябчикъ живетъ постоянно на землѣ, бѣгаетъ, ищетъ пищи и очень любитъ въ теплую и ясную погоду полоскаться въ песокъ и пыли.

Замѣтивъ какую-нибудь угрожающую опасность, онъ взлетываетъ на дерево, выбирая преимущественно ель, садится на сукъ, подлѣ самаго ствола, а который по опыту, оббѣгаетъ по сучкамъ на другую сторону дерева, и оттуда, выставивъ только голову, старается разсмотрѣть причину опасности. Въ такомъ положеніи его можетъ разсмотрѣть только

очень опытный глаз охотника. Вспорхнувъ на дерево, онъ уже не слетаетъ съ него до тѣхъ поръ, пока его не спугнешь легкимъ крикомъ или стукомъ по ближнему дереву; въ такомъ случаѣ онъ перелетаетъ дальше и опять садится на дерево. Иногда приглядѣвшись къ человѣку, когда тотъ долго его не видитъ, рябчикъ дѣлается очень смѣль, и тогда ни крикъ, ни даже сильный ударъ по тому дереву, на которомъ онъ сидитъ, не заставятъ его слетѣть оттуда.

Какъ утка по выходѣ изъ яйца можетъ сейчасъ же идти на воду, такъ рябчикъ можетъ взлетѣть на дерево, и уже цѣлымъ стадомъ живетъ до конца іюля и начала августа мѣсяца. Самецъ не помогаетъ высиживать цыплятъ, но съ молодыми бываетъ почти всегда. Сначала осени рябчики разлетаются врозь, но держатся большою частію парами.

Выводки лѣтомъ питаются мошками, червячками, молодой травой и живутъ спокойно на томъ мѣстѣ, гдѣ было гнѣздо; когда осенью поспѣютъ ягоды, и на этомъ мѣстѣ ихъ не будетъ, рябчики перебираются дальше и, перемѣстившись верстъ на 10—15, находятъ ягодный кормъ въ изобиліи и остаются здѣсь.

Весною рябчики-самцы начинаютъ *откликаться* и *идутъ на пищикъ*. Незатѣйливый этотъ инструментъ готовится изъ липовыхъ прутьевъ, гусиныхъ перьевъ и перѣдко дѣлается изъ олова. Онъ издаетъ звукъ, сходный съ пискомъ самки. Формой своей пищики похожи на тростниковыя дудки. Чтобы хорошо свистать, необходимо услышать голосъ рябчика, самки и дѣтенышей. Вообще въ голосѣ рябчиковъ слышатся нотки: «тіи, тіи — ти ти» и «тіи, тіи ти — те».

При охотѣ на рябчиковъ, самое главное условіе, — тишина. Начало охоты почти всегда бываетъ въ концѣ марта. Лучшее же время охоты — апрѣль. Охотятся за рябчиками въ это время или на лыжахъ или по насту. Въ вечернюю или утреннюю зорьку лучше идти на пищикъ, чѣмъ въ половинѣ дня.

Лѣтомъ охота съ собакой на рябчиковъ не особенно полезна, такъ какъ убить поднятаго собакой рябчика почти невозможно. Собака бываетъ необходима только въ томъ случаѣ, когда хотятъ напасть на слѣдъ выводковъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, когда дѣтеныши подростутъ, охота на рябчиковъ идетъ съ пищиками.

Вслѣдствіе того, что рябчиковъ приходится стрѣлять въ вѣтвистыхъ сучьяхъ, то нужно употреблять дробь № 6—8.

На сѣверѣ Россіи для стрѣльбы рябчиковъ употребляютъ малаго калибра винтовки, заряжая ихъ пулями, величиною съ небольшую горошину.

Кромѣ стрѣльбы, рябчиковъ ловятъ *силками*. Они бываютъ двухъ родовъ: на подставѣ и на землѣ. Въ первомъ случаѣ вбивается въ землю два не толстыхъ колышка, разстояніемъ одинъ отъ другаго аршина на два, и на одномъ оставляются вверху вилки длиною около полторы четверти; на колья кладется жердочка, одинъ конецъ ея выходитъ на четверть аршина далѣе вилокъ, въ которыхъ растягивается силокъ или петля изъ лошадиныхъ волосъ, на концѣ же жердочки вѣшается пукъ рябины. Рябчикъ, увидя рябину, прилетаетъ на жердочку, бѣжитъ по ней къ ягодамъ и, проходя вилки, попадаетъ въ силокъ. Ловля на землѣ основана на приващкѣ рябчика порхаться на песокъ. Выбравши въ чистомъ ельнике открытую площадку, или, преимущественно, найдя узкую полосу густаго лѣсу между болотами, расчищаютъ на землѣ площадку длиною около аршина, а шириною въ половину, а посрединѣ дѣлаютъ поперегъ маленькій частоколъ изъ сухихъ еловыхъ сучковъ, оставляя по срединѣ его воротцы, въ которыхъ растягивается силокъ, такъ же, какъ и на жердочкѣ, въ вертикальномъ положеніи. Въ ясную и теплую погоду увидя песокъ, рябчикъ слетаетъ на него и начинаетъ купаться, и когда земля уже нагрѣется, идетъ черезъ воротцы на другую половину площадки и попадаетъ въ петлю. Такъ какъ рябчики вообще большею частію ходятъ по землѣ, то чтобы не могли миновать петли, охотники кладутъ по обѣ стороны площадки срубленные елки, начиная отъ самаго частокола сажени на двѣ и больше. Дойдя до тако-го завала, рябчикъ не перелетитъ черезъ него, а поворачиваетъ въ сторону и идетъ вдоль, пока увидитъ воротцы и уже не минетъ силка.

Но это уже не охота, а промыселъ.

Бѣлая лѣсная куропатка. Въ Сибири эту птицу называютъ *бѣлымъ тетеревомъ*. Общей формой тѣла и ногъ, она, дѣйствительно, больше имѣетъ сходство съ тетеревомъ, чѣмъ съ сѣрой куропаткой. Бѣлая куропатка точно также, какъ рябчикъ, круглый годъ безвыходно живетъ въ лѣсномъ царствѣ. Зимой, куропатка становится совершенно бѣлою. Весной опереніе бѣлой куропатки слѣдующее: голова, грудь и бочка покрыты свѣтло-коричневымъ перомъ съ черненькими пятнышками и полосками. Спина, верхъ крыльевъ и середина хвоста, коричневаго цвѣта съ черненькими поясками. Брюшко почти все бѣлое и перо маховыхъ крыльевъ бѣлое съ черными стволиками. Ноги и ногти бѣлые, а брови красныя.

Бѣлая куропатка преимущественно любитъ держаться болотныхъ, моховыхъ мѣстъ, насажденныхъ неособенно рослой елью и сосной.

Старики питаются ягодами, почками, молодой листвою и верхушками травъ. Молоденькіе куропатки покуда не подрастаютъ, ѣдятъ насѣкомыхъ.

Самка устроивши незамысловатое гнѣздо подъ какимъ-нибудь кустомъ, обросшимъ голубиею или чернишникомъ, кладетъ яйца и высидиваетъ дѣтенышей. Во все время сидки самки на яйцахъ, самецъ зорко ее оберегаетъ.

Какъ только начнется весна, самецъ начинаетъ токовать. Въ это время, его подманиваютъ голосомъ самки, и только что онъ подбѣжитъ, его тотчасъ бьютъ.

Въ то время когда цыплята подрастаютъ, начинается охота на выводки. Собака, попавши на выводковъ, поднимаетъ самца, который первый летитъ на встрѣчу опасности, и старается всѣми силами отвести вниманіе охотника, въ противоположную сторону отъ выводка; выводокъ же въ это время бѣжитъ и гдѣ-нибудь залегаеть. Самецъ не подстрѣленный сразу охотникомъ, очень скоро возвращается на то мѣсто, съ котораго былъ поднятъ.

На зиму бѣлая куропатка зарывається въ снѣгъ, оставляя свободной только одну голову. Въ это время ихъ очень трудно отличить отъ снѣга.

Отъѣвшіяся осенью куропатки подпускаютъ къ себѣ близко

Лѣтомъ стрѣляютъ бѣлыхъ куропатокъ дробью № 9, а зимой нѣсколько покрупнѣе.

Вяхирь. Кромѣ этого названія онъ имѣетъ еще слѣдующія: витютинъ, припутень и трепетень.

Вяхирь изъ всей голубиной породы—одинъ изъ самыхъ крупныхъ. Онъ несравненно больше обыкновеннаго простаго голубя. Онъ красивъ и статень. Одежда дымчато-сизая, съ нѣжнымъ розовымъ отливомъ, который при солнечномъ блескѣ кажется зелено-розово-золотистымъ. Ножки точно также красныя, какъ и у нашего голубя.

Вяхири прилетаютъ къ намъ неособенно рано. Небольшими станичками ихъ можно встрѣчать около втораго апрѣля. Держится онъ и въ хвойномъ лѣсу и въ чернолѣсьи, но отдаетъ преимущество красному лѣсу и, какъ кажется, на томъ основаніи, что особенно любитъ кормиться сѣменемъ ели, сосны, пихты. Кромѣ этого корма, онъ употребляетъ хлѣбныя зерна, желуди, ягоды и т. п. Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, они разбиваются парами и начинаютъ волочиться за голубками. Изъ всѣхъ птицъ, кажется нѣтъ ни одной, такой нѣжной и ласковой къ своей подругѣ, какъ вяхирь. Все свободное время онъ посвящаетъ любовному воркованью, цѣлуется, ласкается. Сопешдись !разъ съ голубкой, онъ не расстаётся съ ней ни на одну минуту.

Когда наступитъ время кладки яицъ, голубка, выбравъ толстый сучекъ у какаго-нибудь пня, свиваетъ гнѣздо изъ крошечныхъ прутиковъ, выстилаетъ донышко сухой травкой и пухомъ, снесетъ два-три яичка и сядетъ для вывода птенчиковъ. Если голубка вспорхнетъ съ гнѣзда, чтобы поправить свои усталыя крылышки, или подкрѣпить свои силы пищею, то на ее мѣсто садится самецъ.

Охотятся на вяхирей вскорѣ послѣ ихъ прилета, но такъ какъ они въ это время крайне осторожны, то и охота чаштенько бываетъ не совсѣмъ удачна. Самое лучшее стрѣлать съ подгѣзда. Съ подхода, если не удастся изъ-за чего-нибудь къ нимъ подкрасться, убить очень трудно.

Въ то время, когда вяхири сидятъ на гнѣздахъ, за ними не охотятся.

Новая охота на вяхирей начинается съ концомъ лѣта, послѣ жатвы хлѣба.

Въ это время вяхири становятся жирными, отъѣдаясь на хлѣбныхъ поляхъ разными зернами. Вотъ тутъ-то охота можетъ быть добычлива и пріятна, такъ какъ, изъ-за скирдовъ и копенъ, къ нимъ легко подкрасться.

Стрѣлять эту птицу необходимо дробью № 4 и пожалуй нѣсколько крупнѣе, такъ какъ вяхирь крѣпокъ къ ружью, и нерѣдко приходится бить издалека.

Клинтухъ, дикій голубь. Онъ почти вылитый портретъ нашего простаго чисто-сизаго голубя. Клинтухъ величиной немного меньше вяхири и свойствомъ, нравомъ и жизнію особенно отъ него не отличается.

Прилетаютъ они очень рано, ранѣе другой всякой дичи, и держатся у насъ очень долго.

Любимыя мѣста клинтуха почти одинаковыя съ вяхиремъ: чернолѣсье и мѣшанные лѣса, изобилующіе дуплистыми деревьями.

Гнѣзда преимущественно устраиваютъ въ дуплахъ, непріятный запахъ отъ которыхъ далеко слышится.

Съ наступленіемъ іюля, самецъ и самка, оставивши дѣтей, улетають въ глубь лѣса для вторичнаго удовлетворенія страсти и вывода дѣтенышей.

Молодые же клинтухи держатся около своихъ гнѣздъ, а утричкомъ и вечеромъ перелетаютъ въ хлѣбныя поля для добычи корма. Какъ только солнышко станетъ сильно припекать, они удаляются съ поля въ лѣсъ. При пролетахъ съ поля въ лѣсъ и обратно, клинтухи залетаютъ къ ближайшимъ воднымъ мѣстамъ для утоленія томящей ихъ жажды.

Послѣ вторичнаго вывода дѣтенышей, клинтухи начинаютъ собираться въ маленькія стада и съ половины сентября приготавливаются къ отлету.

Клинтухи не настолько осторожны, какъ вяхири, и бить ихъ гораздо легче. За ними охотятся съ весенняго прилета и вплоть до того времени, когда самки садутъ въ гнѣзда. Молодыхъ лучше всего бить на хлѣбныхъ поляхъ, подкрадываясь къ нимъ изъ-за сноповъ и скирдовъ сжатаго хлѣба.

Приготовляясь къ отлету, онѣ становятся строже и потому стрѣлять ихъ труднѣе.

Для стрѣльбы елинтуховъ употребляютъ дробь № 5.

Горлица. Называютъ ее и горлинкой. Она меньше елинтуха и несравненно больше вяхиря.

Воркованье горлицы тихое, нѣжное, похожее на журчанье небольшого ручейка. Складомъ она, какъ и предыдущіе два голубя, но перомъ рѣзко между ними выдѣляется. Верхъ ея красновато-сѣрый, по срединѣ усыпанный пепельно-сѣрыми и сизо-черными пятнышками. Темя и задъ шеи сѣро-голубоватый. Съ обѣихъ сторонъ шеи протянуто по нѣсколько, черныхъ съ серебристыми коемочками, полосокъ. Зобъ, лобъ и передъ шеи темно-красноватые. Голубовато-красно-сѣрое брюшко сливается съ бѣлымъ перомъ. Маховыя перья черно-сѣроватая, а плечевыя—черноватая съ коймою ржаваго цвѣта. Темный хвостъ съ бѣлою коемкою. Глаза темные. Ноги красныя.

Летаетъ горлица чрезвычайно быстро. Прилетаютъ онѣ въ концѣ апрѣля, а отлетаютъ не позднѣе первыхъ чиселъ сентября.

Горлица преимущественно устраиваетъ свои гнѣзда въ густыхъ вѣтвяхъ хвойнаго лѣса, по опушкамъ и перелѣскамъ, вблизи рѣчекъ и рѣкъ, но никогда въ глубинѣ лѣса.

Питаются горлицы сѣменами растеній, улитками, молодыми побѣгами сосны и пихты. Во время уборки хлѣба летаютъ на поля и кормятся зернами.

Вообще горлицы, какъ образомъ жизни, такъ и привычками, мало чѣмъ рознятся отъ вяхиря и елинтуха. Онѣ на столько тихи и смирны, что ихъ легко сдѣлать ручными. Горлицы подпускаютъ къ себѣ довольно близко и ихъ стрѣлять не трудно. Нѣсколько труднѣе стрѣлять ихъ тогда, когда онѣ находятся въ лѣсной чащѣ. Къ ружью онѣ не особенно крѣпки и потому для стрѣльбы слѣдуетъ употреблять дробь № 9.

З в ѣ р и.

Лось. Въ Сибири зовутъ его *сохатымъ*, гдѣ онъ разгуливаетъ по дремучимъ тайгамъ громадными стадами.

Водится онъ также въ лѣсахъ Петербургской, Новгородской, Тверской и Псковской губерніи, и нѣкоторыхъ уѣздахъ Костромской, но далеко не въ такомъ количествѣ, какъ въ Сибири. Попадается лось, но чрезвычайно рѣдко, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Смоленской, Рязанской, Московской и Калужской губерніи. Обильны имъ бывають Вятскіе, Вологодскіе и Пермскіе лѣса.

Лось — самое большое животное изъ породы оленей; ростъ его часто превосходить ростъ лошади. Рога, его выходящіе горизонтально изъ головы, представляютъ двѣ большія и плоскія пластины, съ глубокими вырѣзками на вѣншемъ краю; вѣсъ ихъ иногда доходитъ до полутора пуда. Морда его длинная, толстая, тупая. Голова большая и вытянутая. Нижняя губа вдалась, а верхняя выдалась. Глаза маленькіе, а уши большіе. Шея толстая и короткая. Грудь широкая и на загривкѣ горбъ. Ноги длинныя. Хвоста почти нѣтъ. На затылкѣ толстая грива. Шерсть рыжевато-бураго цвѣта.

Самка роговъ не имѣетъ.

Лось любитъ жить въ дремучихъ лѣсахъ, растущихъ на низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Зимовать любитъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ и въ особенности такихъ, гдѣ изобильно молодятниками, какъ на примѣръ: березой, осиною, ольхой, рябиной, кленомъ, липой, дубомъ и т. п.

Любовь къ этой молодятинѣ выражается тѣмъ, что она составляетъ его избранную пищу. Почка, листь, молодая кора и побѣгъ — самыя лакомыя блюда лосей. Такъ что ободранныя и объѣденныя деревья, могутъ всегда служить доказательствомъ присутствія лосей.

Лось очень дикъ и смиренъ; становится свирѣпымъ только тогда, когда бываетъ или раздраженъ или во время течки; тогда чрезвычайная сила его дѣлается страшною для всѣхъ звѣрей. Случалось видѣть, что однимъ ударомъ передней ноги онъ убивалъ собакъ и волковъ.

Въ лѣтнее время докучливими его врагами бываютъ оводы, отъ которыхъ онъ погружается въ воду и сидитъ въ ней чуть не цѣлый день.

Лось постоянно перекочевываетъ съ одного мѣста на другое.

Во время непогоды убѣжищемъ лосей служить краснолѣсье, а въ тихую, хорошую погоду они держатся чернолѣсья. Съ наступленіемъ жаровъ они переходятъ къ тѣмъ мѣстамъ лѣса, гдѣ есть болота и озера, изъ водъ которыхъ почти и не выходятъ, питаюсь водорослю, которую достаютъ со дна.

Лось бѣгаетъ съ страшной быстротой и легкостью; ни топь, ни болото, ни озеро, ничто его не удержитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отлично плаваетъ. По льду бѣгаетъ онъ плохо, падаетъ, и его тутъ легко настичь.

Лось слышитъ и видитъ на далекомъ разстояніи.

Слѣдъ его безъ прометовъ (сакмы), не такъ какъ у оленей, и нѣсколько больше, чѣмъ у послѣднихъ.

Малѣйшій шорохъ, стукъ, услышанный имъ издали, заставляетъ его бѣжать безъ оглядки въ противоположную сторону.

Охотясь на лосей, нужно быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ какъ при малѣйшей оплошности охотника можно очутиться на лосьихъ рогахъ и отправиться туда, откуда не возвращаются.

Если лось замѣтитъ, что ему нѣтъ возможности спастись отъ охотника, то онъ, постоявъ немного, быстро накидывается на своего врага... Только смертельный выстрѣлъ, или быстрый скачекъ въ сторону, можетъ быть спасеніемъ отъ неминуемой смерти. Но и тутъ нужно приготовиться къ новому нападенію... Стать за старое, здоровое и толстое дерево еще можно на время, чтобъ оправиться и придти въ себя, но за тоненькое, Боже упаси: однимъ ударомъ ноги лось разобьетъ его въ дребезги.

Медвѣдь и тотъ не страшень такъ, какъ лось: не убилъ его на повалъ, такъ топоръ, ножъ можно входъ пустить, а для лосиныхъ страшныхъ рогъ, съ которыми онъ лезетъ на васъ, этими орудіями ничего не сдѣлаешь.

Въ половинѣ сентября у лосей начинается течка, которая продолжается около мѣсяца. Чѣмъ скорѣе они въ теченіе

лѣта отъѣдятся и зажирѣютъ, тѣмъ скорѣе начинается у нихъ течка. Во время любовныхъ наслажденій, весь накопившійся жиръ за лѣто у нихъ пропадаетъ, и они страшно худѣютъ.

Если случится охотнику подойти къ тому мѣсту, на которомъ находится самка съ теленкомъ, то она, вскочивши, кидается въ сторону, думая тѣмъ отвлечь охотника отъ своего дѣтища. Но опытный стрѣлокъ не поддается обману и залегаетъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ. Немного спустя времени возвращается мать и тихо подкрадывается къ оставленному логовищу... раздается выстрѣлъ и она пала. Точно также поступаютъ и тогда, когда теленокъ во время выстрѣла успѣетъ скрыться. Зима—самое лучшее время охоты на лосей. Виденъ слѣдъ звѣря, и давно ли онъ прошелъ. Въ особенности заманчива охота на нихъ поближе къ великому посту. Въ это время образуется настъ, по которому бѣжать на лыжахъ почти все равно, что катиться на конькахъ по льду. Настъ чрезвычайно благоприятенъ для охотникова, тогда какъ для звѣря онъ губеленъ: тонкая ледяная корка подъ тяжестью его продавливается и онъ тонетъ...

Въ эту то несчастливую пору для лосей собирается компанія охотниковъ, и вооружившись винтовками да топорами, отправляется бить лосей. Тихо, осторожно, подкрадываются они къ мѣсту стойбища; но подходъ охотниковъ лоси слышали издалека и перебрались на другое мѣсто. Совершая подобный переходъ, лоси, встрѣчая на своемъ пути какое-нибудь съѣдобное растеніе, останавливаются... Охотники же по свѣжему слѣду, скользя на лыжахъ и замѣтивши пріостановившихся лосей, подкрадываются ближе къ нимъ, цѣлятся и стрѣляютъ... Но какъ мы уже говорили, нужно быть осмотрительнымъ, чтобы легко раненый лось не набросился и не затопталъ.

Въ случаѣ неудачи такого подхода, испуганные лоси бросятся бѣжать, то на нихъ, какъ говорится, слѣдуетъ немного налечь и они далеко не уйдутъ, а остановятся... Но и тутъ осторожность должна быть на первомъ планѣ. Вскорѣ послѣ выстрѣла подходить къ убитому звѣрю тоже не слѣдуетъ,

такъ какъ бывали случаи, что лось въ предсмерной агоніи если не убиваль, то наносилъ страшныя поврежденія.

Въ весеннее время охоты на лосей почти совсѣмъ не бываетъ; въ это время ихъ чрезвычайно трудно находить. Въ лѣтнее время, когда на нихъ нападаетъ оводъ и кладетъ яички, изъ которыхъ образуются личинки, мучительно проѣдающія кожу лосей, тогда охота начинается вновь и бываетъ довольно добычная.

Въ такое тяжелое для лосей время, за ними охотятся на лодкѣ. Три или четыре охотника, убравши кругомъ лодку вѣтвями тальника, тихо подплываютъ къ тому мѣсту воды, гдѣ находится лось, прицѣливаются и бьютъ. Въ случаѣ промаха, стрѣляютъ изъ другой винтовки, а въ случаѣ опасности, правящей лодкой быстро отплываетъ въ сторону.

Бьютъ лосей и на приманку, подражая ихъ реву. Для этого существуетъ деревянная трубочка. Такого рода обманъ дѣлается осенью, во время течи лосей.

Во время течи, слышавши тихій ревъ самца, его легко убить. Въ это время лось не такъ остороженъ и находится въ любовномъ опьяненіи. Подкрившись на выстрѣлъ, бить нужно сначала самцу: находясь въ чаду, самецъ не только не убѣжитъ, но незамѣтивши выстрѣла, станетъ убитую лосиху рогами приподнимать.

Способовъ охотиться на лосей существуетъ нѣсколько; главные изъ нихъ: охота съ ружьемъ или винтовкой и ловъ снарядами. О послѣднемъ способѣ мы говорить не станемъ.

Мясо лося, а въ особенности молодаго, очень вкусно.

Олень. Это красавецъ своего рода. Лось красотой далеко уступаетъ оленю. Кто только оленя не видалъ, кто его не знаетъ!

Для охоты на оленя, говоритъ г. Воропай*), нужно крѣпкое здоровье, хорошую силу и неутомимыя ноги.

Олени достигаютъ двухъ, аршиннаго роста. Такіе олени не ходятъ стадами, а большею частію по одному, по два и по три. Средніе олени ростомъ около полутора аршина. Самцы

---

*) «Охота на сѣверѣ Россіи».

имѣютъ тонкіе вѣтвистые рога, немного наклоненные впередъ. Разстояніе между крайними вѣтвями иногда доходитъ до двухъ и болѣе аршинъ, что однако оленю нисколько не мѣшаетъ нестись по лѣсу чрезвычайно быстро. Если олень потеряетъ одинъ рогъ, то непремѣнно сбиваетъ и другой. Тонкія, высокія ноги оленя оканчиваются широкими раздвоенными копытами. Поэтому олень, идя шагомъ по снѣгу, вязнетъ въ немъ очень мало; но чѣмъ бѣгъ быстрѣе, тѣмъ онъ проваливается глубже, а при скачкахъ пробиваютъ снѣгъ почти до дна. Но чуть только къ веснѣ начнутъ оттепеливъ перемежку съ морозами, олень идетъ совершенно по верху. При переходѣ съ мѣста на мѣсто, они ступаютъ въ одинъ слѣдъ.

Стадо оленей обыкновенно состоитъ изъ 10—20 головъ; но бывають стада штукъ въ 50 и болѣе.

Зрѣніе у оленя очень слабое, но за то слухъ и обоняніе развиты необыкновенно сильно. Чуть раздастся малѣйшій шорохъ, олень прислушивается и начинаетъ бѣгать изъ стороны въ сторону, безпрестанно останавливается и втягиваетъ въ себя воздухъ, пока не пойметъ, съ которой стороны грозитъ опасность, и тогда бросается въ противоположную сторону.

Здоровый олень трусливъ необыкновенно, но къ смертельно раненному подходитъ опасно, особенно спереди. Когда раненный олень упадетъ, охотникъ подкрадывается къ нему сзади и старается ударить топоромъ въ голову, чтобы добить до смерти.

По различію привычекъ и образа жизни оленя лѣтомъ, осенью и весною, охота за ними раздѣляется на лѣтнюю, осеннюю и весеннюю.

Лѣтомъ на оленей точно также, какъ на лосей, нападаютъ оводы.

Лѣтомъ охотники ходятъ по опушкѣ лѣса около болотъ и караулятъ оленя, который, спасаясь отъ насѣкомыхъ, выбѣгаетъ на болото, трется о деревья, катается по землѣ, бросается въ разныя стороны и иногда самъ набѣжитъ на охотника или подпустить его подрастѣя къ себѣ. Въ это время ихъ больше ловятъ, чѣмъ стрѣляютъ. Ловятъ же ихъ въ веревочныя петли и ямы.

Осенью охота начинается, лишь только замерзнуть болота и выпадетъ снѣгъ; оканчивается же тогда, когда снѣгу выпадетъ вершковъ на шесть, такъ что ходить станетъ тяжело. Въ это время олени обыкновенно собираются въ стада, для чего и отыскиваютъ другъ друга по слѣдамъ. Они ходятъ безостановочно, отдыхаютъ только ночью, днемъ-же все идутъ все впередъ и впередъ: только кое-гдѣ на болотѣ разойдутся врозь, пощиплютъ вершинки, не совсѣмъ еще засыпанной снѣгомъ травы, или моху, да и потянутся опять вереницею дальше; въ полдень полежатъ немного да и опять въ походъ на цѣлый день.

Охотники по одному и по двое отправляются въ лѣсъ, разыскиваютъ свѣжіе слѣды оленей и идутъ по нимъ. Чѣмъ слѣды свѣжѣе, тѣмъ идутъ осторожнѣе, а когда олени недалеко, то къ нимъ начинаютъ подкрадываться какъ можно тише. Тутъ охотникъ долженъ каждую вѣтву тихонько отводить рукою въ сторону, не ставить ноги на землю твердо, пока не увѣрится, что подъ нею нѣтъ предательскаго сухаго сучка. Олень чутокъ: при малѣйшемъ шумѣ или трескѣ онъ встрепетъ и слушаетъ. Если охотникъ видитъ его въ этомъ положеніи, то и самъ остановится неподвижно, какъ будто окаменѣетъ на мѣстѣ. Увѣрившись, что опасности нѣтъ, олени идутъ дальше, а охотникъ, подкравшись на умѣренное разстояніе, стрѣляетъ. Послѣ выстрѣла олени не сразу бросаются бѣжать впередъ, а сначала кидаются въ разныя стороны, останавливаются, слушаютъ и разобравъ, съ которой стороны опасность, бѣгутъ въ противную сторону. Во время такой суматохи, послѣдовавшей за выстрѣломъ, охотнику иногда удастся, не сходя съ мѣста, убить еще одного оленя (если есть другое ружье), ибо иной самъ набѣжитъ на охотника шаговъ на десять и даже меньше. Подстрѣленный олень рѣдко падаетъ на мѣстѣ, развѣ пуля попадетъ въ голову, въ сердце или переломитъ хребтовую кость; по большой части онъ только подпрыгнетъ къверху и пустится бѣжать за стадомъ. Охотникъ тщательно осматриваетъ мѣсто, гдѣ были олени: нѣтъ-ли гдѣ убитаго или нѣтъ-ли крови изъ раны. Кровь не всегда показывается сейчасъ же; иногда ее

упадетъ только нѣсколько капель, которыя и закапываются въ снѣгъ; но раненный олень самъ себя окажетъ; онъ не пойдетъ далеко за стадомъ, а, проскакавъ, сколько можетъ, сворачиваетъ въ сторону и идетъ такъ, пока есть силы. Иногда пройдетъ и очень далеко, а при тяжелой ранѣ ступить нѣсколько шаговъ, но на самомъ слѣду стада никогда не ляжетъ. Поэтому охотники внимательно смотрять по сторонамъ и, если замѣтятъ отдѣлившійся слѣдъ, то идутъ по немъ — тутъ добыча вѣрная.

Убѣдившись, что выстрѣлъ былъ неудаченъ, т. е. найдя мѣсто, гдѣ пуля скользнула по снѣгу, охотникъ идетъ искать другихъ оленей, гнаться же за убѣжавшими бесполезно.

Въ тихую погоду, при порядочномъ морозѣ подкрасться къ нимъ довольно трудно. Но чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, чѣмъ страшнѣе вьюга, тѣмъ охота можетъ быть удачнѣе. Подкравшись съ подвѣтру и не показываясь, охотникъ легко можетъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ съ одного мѣста. Только одно горе — слѣды быстро заносятся снѣгомъ.

Весенняя охота — это охота самая важная и прибыльная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая трудная. Лѣтомъ и осенью каждый охотникъ можетъ убить оленя; весною же идутъ на охоту только самые искусные и сильные. Начинается она въ первыхъ числахъ февраля, когда можно ходить на лыжахъ, а оканчивается съ наступленіемъ ясныхъ теплыхъ дней, когда снѣгъ въ полдень немного таетъ, а ночью его поверхность мерзнетъ и образуетъ довольно твердую кору — настъ.

Къ полдню снѣгъ дѣлается мягкимъ и не поднимаетъ человека, поэтому заходить слишкомъ далеко въ лѣсъ, не взявъ про запасъ лыжъ, очень опасно. Безъ лыжъ по рыхлому снѣгу невозможно пройти и 50-ти сажень.

Когда за выпавшимъ въ продолженіе зимы глубокимъ снѣгомъ оленямъ ходить трудно, они перестаютъ кочевать съ мѣста на мѣсто, а, выбравъ боръ, изобилующій бѣлымъ мохомъ, главною ихъ пищею, остаются здѣсь, пока ихъ не потревожатъ. Чтобы достать моху, олень быстро разгребаетъ снѣгъ передними ногами. Корму ему надо очень мало: съѣвъ моху съ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ, онъ уже

сытъ и ложится отдыхать. Ёсть онъ два раза въ день; вотъ въ это-то время охотники его и стараются захватить. Олень, занятый своей работой, и за шумомъ, худо слышитъ, что творится около него, поэтому подойти къ нему легко.

Весною охотники рѣдко ходятъ по одному, большею-же частію по два, по три и по четыре человѣка вмѣстѣ. Не у всѣхъ бывають ружья; чаще всего двое идутъ съ ружьями, а двое другихъ съ лопатами, которыя нужны для закапыванія добычи и разчистки снѣга для ночлега; но топоръ и огниво имѣются у каждаго. Забравшись въ лѣсъ, охотники ищутъ не только свѣжихъ слѣдовъ, но и старыхъ, ибо бываетъ, что олени, хотя и давно прошли инымъ мѣстомъ, но найдя достаточно корму, не идутъ дальше, а живутъ гдѣ-нибудь недалеко. Болотомъ и чистымъ рѣдкимъ мѣстомъ идутъ обыкновеннымъ шагомъ; гдѣ лѣсъ больше, ступаютъ осторожнѣе, чтобы наткнувшись нечаянно на оленей, не испугать ихъ напрасно. Подкравшись къ стаду и выстрѣливъ, охотники, имѣющіе винтовки, бѣгутъ какъ можно скорѣе въ слѣдъ за стадомъ; и оставшіеся снимають шкуру съ убитаго, зарываютъ мясо убитаго, и затѣмъ отправляются вслѣдъ за товарищами. При этомъ они непременно должны идти по лыжницѣ*) убѣжавшихъ, хотя-бы и увидали ихъ, или услышали ихъ выстрѣлъ гдѣ-либо въ сторонѣ. Между тѣмъ передніе гонятся за стадомъ безъ отдыха. Испуганные олени бѣгутъ сначала вскачь, сколько есть силъ; но проскакавъ сажень сто по глубокому снѣгу, устануть и пойдутъ шагомъ. Лишь только охотники снова догоняютъ ихъ, они опять бросятся бѣжать и т. д., пока измученные не стануть ближе и ближе подпускать къ себѣ охотниковъ. Длинною цѣпью растянутся истомленные олени; паръ отъ нихъ, мѣшаясь со взрывае-мымъ копытами снѣгомъ, виситъ надъ стадомъ какъ облако. Между тѣмъ и преслѣдователямъ не легче, давно уже сбросившихъ съ себя одежду (эти все подбирается товарищами); оставшіеся въ однѣхъ сорочкахъ, съ винтовками въ рукахъ, неразлучнымъ топоромъ за поясомъ и зарядами за пазухой, —

---

*) Слѣдъ лыжи на снѣгу.

они гонятся, пока хватить силъ. Часто морозъ доходить до 20⁰/_о, а рубаха мокра и потъ струями бѣжитъ по горячему лицу.

Во время преслѣдованія то настигая стада, то забѣгая на перерѣзъ ему, охотники не упускаютъ случая стрѣлять. Они стараются при поворотахъ убить передоваго оленя; ибо какъ только онъ упадетъ, все стадо смѣшается и олени въ рассыпную долго вьжуются на одномъ мѣстѣ. Пока они осмотрятся и побѣгутъ дальше, охотники успѣваютъ сдѣлать еще нѣсколько выстрѣловъ.

Случается, что послѣ двухъ или трехъ-дневной гоньбы и люди и олени такъ устанутъ, что ложатся отдыхать въ виду другъ друга.

Успѣхъ охоты зависитъ отъ погоды. Иногда во всю зиму не перестаютъ морозы, отъ чего снѣгъ не сляживается и бываетъ очень рыхлъ.

Если случится мягкая непродолжительная оттепель, и затѣмъ снова наступитъ морозъ, то самый верхній слой снѣгу превращается въ твердую, но хрупкую скорлупу, называемую сковородкою. Сковородка эта не выдерживаетъ оленя, проламывается и краями жестоко рѣжетъ ему ноги; между тѣмъ на лыжахъ идти легко.

Такъ какъ пуля изъ небольшой винтовки не можетъ убить его сразу, то онъ иногда падаетъ только за 5—6-мъ выстрѣломъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ остановился.

Охота на оленя имѣетъ много общаго съ охотой на лося.

Косуля — козуля. Это, такъ сказать, тотъ-же олень, только маленькаго формата.

Мѣхъ козули въ лѣтнюю пору темно-рыжій, въ зимнюю — буро-сѣрый. Встрѣчаются козули чернаго цвѣта и другія, но такія явленія чрезвычайно рѣдки.

Лѣтомъ козуля держится въ камышахъ и болотистыхъ лѣсахъ. Въ остальное время года постоянно почти живетъ въ чащѣ густаго и темнаго лѣса. Вслѣдствіе того, что у козули зрѣніе слабое, она подпускаетъ къ себѣ близко. Бѣгаетъ же она замѣчательно быстро. Встрѣчающіеся на пути, во время бѣгства, препятствія перепрыгиваетъ удивительно какъ легко.

Благодаря устройству своихъ ногъ, козуля можетъ взбираться на верхушки очень высокихъ горъ и поотлого растущимъ деревьямъ. Кромѣ этого козули превосходно плаваютъ, и могутъ переплывать порядочныя пространства.

Весной на нихъ охотятся преимущественно тогда, когда онѣ выходятъ для присканія корма. Узнавши такія мѣста, охотники бьютъ ихъ изъ засады осенью, когда наступить у косуль любовная цора, бить ихъ не особенно трудно. Въ это время они какъ помѣшанныя: не видятъ и не слышатъ.

Исключая стрѣльбы, ихъ ловятъ разными снарядами, точно также какъ оленей и лосей.

Вообще охота на козулю почти одинакова съ оленями и лосями.

Кабарга. Она немного меньше козули и не имѣетъ рогъ. Водится только на Амурѣ и около Байкала. Особенность этого звѣря замѣчается въ томъ, что онъ имѣетъ сѣрпообразныя клыки и около половыхъ частей мѣшечекъ, содержащій въ себѣ пахучее вещество, которое называется *мускусомъ* или *кабарожьей струей*.

Кабарга постоянно живетъ на обрывахъ лѣсистыхъ горъ. Въ лѣтнюю пору встрѣчается около водныхъ, горныхъ мѣстъ.

Жизнь проводитъ всегда въ одиночествѣ, и соединяется съ другими только во время полового побужденія, которое обнаруживается въ декабрѣ и тянется до января. Въ это время, т. е. течки, запахъ мускуса слышится издалека.

Питается кабарга древесными лишаями, прянными корешками, горной и болотной травой, брусникой и альпійской розой.

Бѣгъ ея быстрый, а прыжки черезъ пропасти и верхушки горъ удивительны, если не сказать что нибудь больше. Кромѣ этого она превосходно плаваетъ. Мать до такой степени привязана къ своимъ дѣтямъ, что въ минуту угрожаемой для нихъ опасности готова пожертвовать своей жизнію. Въ этомъ случаѣ, даже прибѣгаетъ къ фокусамъ: притворяется больной или раненой.

Самое лучшее время охоты на кабаргу ранней весной и во время течки. Во время волокитства кабарга становится ничего не видащей, и ничего не слышащей. Подкравшись,

нужно стрѣлять такъ, чтобы зарядъ попалъ въ сердце или легкое, иначе звѣрь убѣжитъ и заберется въ такую глушь что его и не найдешь.

Въ то время, когда подрастутъ молоденькіе барашки, то кабаргу стрѣляютъ на манку, т. е. на пищикъ, подражающій голосу ея дѣтенышей. На этотъ зовъ она охотно идетъ, и въ большинствѣ случаевъ становится жертвою охотника.

Кромѣ стрѣльбы, кабаргу ловятъ различнаго рода снастями.

Аргали. Кромѣ мѣстностей Алтайскаго хребта, его, кажется, больше нигдѣ ни встрѣтишь. Кромѣ названія Аргали, онъ носитъ и другое — *каменный баранъ*.

Величиной онъ съ годовалаго быка. Волосъ на шкурѣ въ лѣтнюю пору сѣро-бурый, а зимой рыжий. Рога громадные и относительно красивые.

Аргали всю свою жизнь проводятъ въ лѣсистыхъ горныхъ долинахъ. Бѣгаетъ быстро, прыгаетъ смѣло, и потому убить его очень трудно.

При охотѣ на Аргали употребляютъ собакъ, приученныхъ къ охотѣ за ними.

Этотъ звѣрь крайне остороженъ. Малѣйшій шумъ его пугаетъ и онъ со всѣхъ ногъ пускается въ бѣгство.

Лучшее время охоты — зима, когда аргали, засыпанный снѣгомъ, спокойно лежитъ на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Но охотиться въ это время года въ горахъ крайне опасно.

Кабанъ. Внѣшній видъ его, живое подобіе доморощенной свиньи. Прожорливость и неопрятность такая-же, какъ и у ней. Словомъ, та же свинья, только въ дикомъ состояніи.

Кабанъ особенно отличается бѣлыми клыками, которые бываютъ величиной верхковъ пяти, трехъ гранные и загнутые нѣсколько назадъ. Клыки ужасно крѣпки и остры. Они служатъ ему обороной отъ враговъ. Ударъ клыками бываетъ настолько силенъ, что однимъ взмахомъ пересѣкаетъ человѣка.

Тѣ кабаны, которые населяютъ лѣса, гораздо менѣе тѣхъ, которые живутъ въ степныхъ, болотныхъ камышахъ.

Логовище кабана состоитъ изъ простой ямы, вырытой въ какой-нибудь чащѣ и высланной мохомъ, травой и т. п.

Кабанъ крайне чутокъ и остороженъ и почуетъ охотника издалека. Держится въ болотистыхъ лѣсахъ и густыхъ камышахъ.

Путешествуя стадами, кабаны смѣлы и идутъ молча, только передовые останавливаются часто и обнюхиваютъ воздухъ. Добравшись такимъ образомъ до края чащи, стадо нѣсколько времени прислушивается и оглядываетъ мѣстность, а затѣмъ бѣгомъ бросается къ мѣсту жировки. Одинокіе самцы еще осторожнѣе. Идетъ-идетъ, станетъ прислушиваться и всхрапнетъ.

Не видя во очію, говоритъ г. Познанскій *), трудно представить себѣ, какъ быстры движенія свиней. Это тѣмъ болѣе удивительно, что быстрота какъ будто бы вовсе не должна быть свойственна такому грузному и неуклюжему животному. Вѣдь эта громадина, когда нужно, метнется не хуже нашего куцаго зайчика.

Въ настоящее время кабановъ можно встрѣтить только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерніи. Въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи ихъ почти нѣтъ. За то въ Кавказскихъ и Сибирскихъ краяхъ ихъ тѣма-тѣмушал.

Въ лѣсахъ полѣсья и въ камышахъ Кубани свиньи живутъ безвыходно въ недоступныхъ мѣстахъ. Охотятся здѣсь на особой крупныхъ, старыхъ самцовъ, на столько уже смѣлыхъ или, что тоже, свирѣпыхъ, что они выходятъ изъ трущобъ и не уступаютъ дороги попавшемуся на встрѣчу врагу. Не такова вовсе закавказская охота. Здѣсь охотятся на свиней вообще, а не на кабана собственно. На Кавказѣ свиней столько, что ихъ не трудно встрѣтить. Охотнику, идущему съ цѣлью добыть мясо, нѣтъ даже расчета бить стараго кабана, ибо мясо его жестко и грубо, и при томъ убить его труднѣе. Гораздо выгоднѣе убить молодую свинью, мясо которой не отличается отъ мяса домашней свиньи и которая не такъ крѣпка на рану.

На такихъ охотахъ, при повсемѣстной чащѣ зарослей, приходится стрѣлять только на близкомъ разстояніи, а по-

---

*) «Охота въ черноморскомъ округѣ».

тому навѣрняка. Какъ въ самомъ дѣлѣ прамахнуться въ 5—20 шагахъ? Поэтому при этихъ охотахъ и нѣтъ надобности въ нарѣзномъ оружїи. Гладкоствольная двухстволка совершенно достаточна для охоты на свиней. Нужно только аккуратно заряжать ее. Подъ этимъ я разумѣю точный зарядъ пороху и хорошо пригнанную по стволу пулю. Я обыкновенно вбиваю пулю съ насаленнымъ хлюстомъ. На близкихъ дистанціяхъ (до 25 шаговъ) да еще съ колѣна я при стрѣльбѣ въ цѣль попадалъ въ центръ по нѣскольку разъ подрядъ. Въ свиней я давалъ относительно очень немного промаховъ.

Разъ я забрался въ чащу. Черезъ едва просвѣчивавшій большой кустъ колючки я увидалъ кабана, который рылся въ какомъ то болотѣ и съ фырканьемъ отмахивался отъ назойливой мошки. Припавъ на колѣно, я съ прицѣла началъ выбирать въ чащѣ просвѣтъ. Наконецъ выбралъ его и мнѣ довольно отчетливо видна была часть лба и глаза кабана: онъ стоялъ ко мнѣ en face. Разстояніе шаговъ пятнадцать. Прицѣлившись хорошенько, я выстрѣлилъ. Послѣ выстрѣла не слышно было ни обычнаго треска, ни малѣйшаго пороху, и на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тѣмъ стоялъ кабанъ, ничего не было видно. Я кинулся туда, но прямо пройти не было возможности: нужно было обойти цѣлую клумбу непролазной чащи. Второпяхъ я до того замѣтался, что не только не нашель того мѣста, гдѣ стоялъ кабанъ, но даже не сумѣлъ отыскать свой прежній слѣдъ. Я кабана потерялъ, такъ какъ вотъ теряютъ подбитую утку безъ хорошей собаки въ болотѣ. На другой день мнѣ никакъ нельзя было прибыть въ ту сторону, и уже на третій, по своимъ слѣдамъ я дошелъ до того мѣста, откуда стрѣлялъ; кабана я нашель, но онъ былъ уже истерзанъ, вѣроятно шакалами, и уже испортился. Пуля попала около глаза и пробила черепъ.

Я рассказалъ этотъ случай для подтвержденія того обстоятельства, что бить кабана можно и изъ не одноствольныхъ ружей.

Кабана нельзя назвать трусливымъ, но онъ сильно недолбливаетъ встрѣчаться съ охотникомъ. Въ минуту опасности случается, что онъ первый бросится на человѣка и смѣло

идеть въ бой. Горе тому, кто его разозлитъ и потревожитъ. Освирепѣвъ, онъ бросается на врага и разсѣкаетъ его клыками. Въ виду такой опасности нужно быстро отскочить въ сторону, либо стать за что-нибудь высокое. Самки, не обладая такими длинными клыками, какъ кабанъ, поступаютъ съ своими врагами иначе: сбивъ съ ногъ, вскакиваетъ на охотника ногами и рветъ на мелкія части зубами его тѣло.

Нужно имѣть величайшую осторожность при охотѣ на кабановъ, и смотрѣть, какъ говорится, въ оба глаза.

Лучшее средство избѣжать опасности, это выстрѣлъ безъ промаха. Но, къ сожалѣнію, это не всегда бываетъ: промахнуться легко можетъ и завзятый охотникъ. Самое главное условіе стрѣльбы — попасть въ грудь, голову или лопатки. Охотятся на кабановъ съ однимъ ружьемъ, съ ружьемъ и собакой, облавой, и кромѣ того разными снастями и стрѣлами.

Такъ называемыя «кабаньи собаки», идя по слѣду звѣря и настигнувъ его, впиваются въ ухо или въ ляжку, вслѣдствіе чего кабанъ волей или неволей долженъ остановиться. Въ этотъ моментъ подскакавшій охотникъ прикалываетъ его ножомъ или убиваетъ выстрѣломъ.

Охотникъ безъ собаки долженъ подбираться къ кабану скрадываясь и идти не по вѣтру, а противъ него, стараясь выбирать мѣста, въ которыхъ въ случаѣ опасности можно было бы укрыться. Такъ какъ раненный кабанъ, имѣетъ глупую привычку бросаться въ ту сторону, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ и гдѣ виденъ дымъ.

Охота на кабановъ въ камышахъ носить на себѣ совершенно другой характеръ, и мы не можемъ удержаться, чтобы не воспользоваться прекраснымъ разсказомъ *Вирненскаго гражданина* объ охотѣ на Сыръ-дарьѣ *).

«Охота за кабанями — дивная охота, увлекательная и ни съ какою другою не можетъ быть сравниваема. Послѣ охоты на дикихъ свиней, какою ничтожною и жалкою кажется потомъ охота на зайцевъ и на птицу. Можно утвердительно сказать, что страстный охотникъ за кабанями, объ охотѣ на

---

*) «Мантыкъ—истребитель тигровъ». П. и О. 1880 г.

первыхъ не будетъ думать никогда. Во всю жизнь мою не находилъ я лучшей и болѣе благородной охоты, какъ охота за кабаномъ. На этой охотѣ въ открытомъ полѣ бьешься съ кабаномъ въ чистую, такъ сказать на наличную монету; это своего рода турниръ. Охота на лѣснаго кабана совсѣмъ иная; тамъ есть возможность укрыться отъ раздраженнаго звѣря за пень, за дерево, убить врага изъ засады. Здѣсь, въ степи, укрыться не за что, бой идетъ открыто и не разъ случалось — въ рукопашную. Въ камышѣ кабанъ еще опаснѣе; онъ въ немъ дѣлаетъ нападеніе съ двухъ-трехъ шаговъ и такъ стремительно, что можно не успѣть принять его, и выскакиваетъ съ такой стороны, съ которой, охотникъ совсѣмъ его не ожидаетъ и видѣть не можетъ; здѣсь всѣ выгоды на сторонѣ кабана. Поэтому за ушедшимъ кабаномъ въ камышъ одинъ охотникъ идти не рѣшается, а всегда идутъ по два и по три вмѣстѣ, самые отчаянные и закаленные въ бою охотники; здѣсь кабанъ дешево не продаетъ свою жизнь: онъ непременно кого нибудь ранитъ и можетъ положить на смерть, чему примѣры бывали.

Отрадно вспомнить, какъ бывало съ товарищемъ, выгнавъ на поляну изъ камышей стадо головъ въ сорокъ этихъ дичихъ животныхъ, выбираемъ кабана, и на своихъ скакунахъ, имѣя въ рукахъ по пистолету съ взведенными курками, мчимся за нимъ какъ вихри.

На полуверстѣ нагоняемъ его непременно. Тутъ начинается опасная борьба, требующая ловкости и хитрости, если не удастся во время погони однимъ выстрѣломъ изъ пистолета, въ шею или ухо, положить кабана на мѣстѣ, а это удавалось намъ нерѣдко, этимъ мы щеголяли, это была наша гордость.

Охота за кабаномъ такъ сложна, такъ разнообразна и такъ была на Раймѣ *) богата эпизодами, что стоитъ особаго разсказа.

Разъ послѣ охоты, привязавъ къ хвосту лошади чумбуромъ кабана за морду, мы поѣхали въ лагерь, гдѣ нашли всѣхъ

---

*) Мѣстечко на Сыръ-Дарьѣ.

охотниковъ. Нарубили камышу, развели огонь, стали палить кабана и сварили чаю.

Ярко пылалъ большой костеръ; мы сидѣли вокругъ огня, вели разговоръ о завтрашней охотѣ, а кабана со свиньею переворачивали на огнѣ съ одного бока на другой. Вскорѣ подѣхалъ къ намъ киргизъ.

Послѣ небольшой паузы киргизъ сталъ рассказывать, что къ его кибиткамъ повадился ходить большой кабанъ, вырывать и пожирать заготовленный ими на зиму запасъ зернового хлѣба, на дняхъ ранилъ корову, а бычку распоролъ брюхо, что кабанъ этотъ сдѣлался страшень его семейству, его жена и дочери боятся ходить за камышомъ на топливо и что у нихъ нѣтъ средствъ его отвадить; неподалеку отъ кибитки кабанъ устроилъ гайно, на которомъ его сегодня видѣла старшая дочь. Черезъ часъ всѣ мы ѣхали за киргизомъ и версты чрезъ три подѣхали къ его кибиткамъ. Ко мнѣ подошла дѣвушка и, показывая пальцемъ въ камышъ, проговорила очень скоро и звонко.

— Я сегодня видѣла его лежащимъ въ своей постелѣ, пойдемъ, таксырь *), я покажу тебѣ!

— А почему ты знаешь, что я тюръ **)? Она быстро обвела меня и мою лошадь глазами и еще быстрѣе отрѣзала.

— Я не ребенокъ!

— Ну, пойдемъ, покажи кабана, моя красавица.

— А вотъ постойте, я только возьму лукъ и стрѣлу, сказала она и шмыгнула въ кибитку; изъ которой также проворно высочила съ лукомъ и стрѣлой.

— Что же ты взяла одну стрѣлу? спросилъ я; возьми штуки двѣ или три.

— У насъ всего и есть только одна стрѣла; будь у меня ихъ нѣсколько, я не только прогнала бы кабана, но и убила бы его.

Пройдя съ полверсты, дѣвушка остановила насъ.

---

*) Господинъ.

**) Начальникъ.

— Вотъ здѣсь, въ камышѣ, шаговъ десять до его постели, я сейчасъ его выгоню, сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди, намъ надо еще сговориться.

Чтобы кабанъ отъ насъ не утекъ, мы распорядились слѣдующимъ образомъ: два охотника отравились чрезъ камышъ и встали на льду озера, противъ того мѣста, гдѣ мы остановились съ дѣвушкой; вправо и влево, въ самомъ камышѣ, стали тоже по два охотника, такъ что кабанъ, если бы вздумалъ дать тягу, долженъ былъ непременно наткнуться на кого либо изъ насъ. Когда, по соображенію, охотники заняли назначенныя имъ мѣста, мы вчетверомъ тронулись за дѣвушкой. Черезъ мнуту она подняла руку, чтобы мы остановились, и медленными шагами, пристально всматриваясь впередъ, вошла въ камышъ. Мы съ взведенными курками, не спускали съ нея глазъ. Вотъ новая Аталанта приподняла лукъ, натянула тетиву — стрѣла загудѣла. Раненый стрѣлою кабанъ съ быстротою молніи вскочилъ съ гайна и полетѣлъ въ сторону озера.

— Берегись! кабанъ раненый, закричалъ Мانتыкъ*).

Мы, что есть духу кинулись за нимъ. Въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ одного изъ охотниковъ, стоявшихъ на льду; пуля рѣкошетировала около ногъ моей лошади. Кабанъ выбѣжалъ на озеро, но, встрѣтивъ эту неожиданность, на мгновеніе остановился, поднявъ рыло къ верху, какъ бы недоумѣвая, что-бы это значило, и быстро бросился вдоль камыша. Одинъ охотникъ изъ нашей группы неосторожно налетѣлъ на него; кабанъ бросился къ лошади и, однимъ взмахомъ клыковъ, разрѣзалъ выше колѣна задней ноги всѣ жилы до кости. Нога повисла, какъ плеть; сторяча лошадь брыкнула задомъ довольно сильно и сѣдокъ полетѣлъ съ нея вверхъ ногами. Кабанъ поскакалъ далѣе и наткнулся на поставленныхъ тамъ охотниковъ; съ ихъ стороны тоже раздался выстрѣлъ. Всѣ мы, сучившись въ беспорядкѣ, бросились за кабаномъ; поднимается суматоха, охотники начинаютъ горячиться и дѣлаютъ рядъ промаховъ. Порядокъ исчезъ, но всѣ однако держались

---

*) Кто такой Мانتыкъ, будетъ сказано при описаніи охоты на тигра.

отъ кабана на приличной дистанціи. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и получивъ нѣсколько пуль, раненый звѣрь «сѣлъ въ осаду». Осадою у охотниковъ называется то положеніе кабана, когда онъ, видя себя окруженнымъ и не надѣясь прорваться, садится на заднія ноги и выжидаетъ удобный моментъ, чтобы броситься на когонибудь. Въ такомъ положеніи кабанъ очень опасенъ, нападенія его въ это время стремительны и ужасны.

Не успѣли мы сговориться, какъ видимъ нелегкая несетъ одного охотника, Бухайча пѣшимъ, съ ружьемъ въ рукахъ, прямо на кабана; я хотѣлъ остановить его безразсуднаго, но кабанъ съ быстротою молніи бросился на него, сбиль съ ногъ и придавилъ передними ногами. Видя неминуемую гибель Бухайча, я въ одинъ мигъ подскакалъ къ нимъ и остановился такъ близко къ кабану, что могъ достать рукою его щетину. Кабанъ, видя меня около себя, уже не могъ рвать смятаго имъ охотника. Въ кабанѣ торчала стрѣла, пущенная дѣвушкой.

— Лежи смирно, Бухайчъ, не шевелись и не дыши!

Моментально закинулъ я ружье за плечи, выхватилъ изъ кабуры пистолетъ и спустилъ курокъ.

Кабанъ соскочилъ съ охотника и зубами схватилъ меня за голенище вмѣстѣ съ путилищемъ — ремнемъ, на которомъ виситъ стремя. Бухайчъ вскочилъ и далъ стрелка; я выхватилъ кинжалъ, чтобы нанести ударъ кабану въ шею, но меня предупредилъ мантыкъ: онъ подбѣжалъ съ рогатиной, которую и вонзилъ кабану въ ребра по самую трубку; кабанъ захрюкалъ, но, сорвавшись, быстро кинулся на Мантыка, вышибъ изъ рукъ рогатину и слегка задѣлъ клыкомъ его руку, немного выше ладони. Сгоряча не почувствовавъ этой раны, Мантыкъ успѣлъ вновь схватить рогатину и принять на нее кабана въ грудь пониже горла; кабанъ, яростно трясъ рогатину, рвался къ Мантыку; я спрыгнулъ съ коня, снялъ со спины ружье и пустилъ весь зарядъ въ лопатку, почти въ упоръ. Кабанъ грохнулся на землю, одинъ разъ вздрогнулъ и пересталъ дышать.

Заяцъ. Онъ пользуется такой громадной популярностію, что изображать его наружность было бы съ нашей стороны непростительнымъ промахомъ.

Зайцевъ два вида: русакъ и бѣлякъ. Вся разница между ними заключается только въ томъ, что у русака уши несравненно длиннѣе, чѣмъ у бѣляка, и у русака оконечность хвоста черная, а у бѣляка нѣтъ. Въ зимнее время бѣлякъ бѣлъ какъ снѣгъ, а русакъ мѣстами сѣро-желтовать.

Называютъ зайца *косымъ*, а онъ такимъ никогда и не былъ. Прозвище это ему вѣроятно дано потому, что онъ съ испугу бросается куда не попало и зачастую натывается то на дерево, то на человѣка. Что особенно замѣчательно у зайца, такъ это ноги, на которыхъ онъ стоять не можетъ, потому что заднія, несравненно длиннѣе переднихъ. Вслѣдствіе этого онъ не ходитъ, а скачетъ, и во время остановокъ, поджавъ заднія ноги, сейчасъ же на нихъ садится.

Обладая необыкновенно сильными и эластическими задними ногами, онъ дѣлаетъ диковинно-легкіе прыжки, простирающіеся до трехъ аршинъ въ длину». Присѣвъ на заднія ноги, т. е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротою и силою разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло, едва обопрется онъ о землю передними лопатками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчекъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ.

Зяцъ замѣчательно чутокъ, хитръ и золъ. Трусливъ же до ума помраченія: пугается даже своей собственной тѣни, движенія... Растеряется иногда отъ испуга до такой степени, что позволяетъ брать себя руками. Недаромъ же должно быть сложилась укоризненная поговорка: «трусливъ, какъ заяцъ»...

Зяцъ животное ночное; ночью онъ ѣстъ (жируетъ), ходитъ на водопой, наконецъ рѣзвится и играетъ; рано утромъ, всегда до восхода солнца, онъ путаетъ слѣдъ, двоитъ, троитъ, дѣлаетъ большіе скачки въ сторону (сметки или петли) и наконецъ ложится въ кустъ, густую траву, межу или водомойну, гдѣ и проводитъ притаившись весь день, опять до заката солнца; но лежитъ заяцъ днемъ неодинаково крѣпко: въ морозную или сухую и ясную погоду, онъ вскакиваетъ отъ

незначительнаго шума, человѣка или собаку не допускаетъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, а отъ гона стаи въ такую погоду, шумовые такъ и сыпать изъ острова — ни одинъ косою не выдержитъ характера и непременно вскочитъ. Со-всѣмъ другое дѣло въ теплую, сырую и пасмурную погоду: тутъ зайцы лежатъ такъ крѣпко, что подпускаютъ «вплотную» и вскакиваютъ только изъ-подъ ногъ человѣка или изъ-подъ носу гончей.

Лѣтомъ, пока хлѣба не сняты, заяцъ держится поля; съ началомъ жатвы, онъ постепенно перебирается въ лѣсныя опушки, въ дуга; ложится въ жнивѣ. Начнутся осеннія работы въ полѣ — зайцы больше въ лѣсу; наступилъ листопадъ, при теплой погодѣ, — онъ больше въ полѣ; въ осеннюю непогоду — въ сосновыхъ заросляхъ и ельникахъ, его можно встрѣтить и въ полѣ при межѣ, подъ кущою засохшей травы. Упала первая пороша, и ни въ полѣ, ни въ лѣсу почти нѣтъ слѣду: испугался заяцъ перваго снѣгу, и лежитъ весь день тамъ, гдѣ его застала зима; на другой, на третій день и поля и лѣса, все запестрѣетъ его шажкомъ (слѣдомъ). Въ началѣ зимы, при благоприятной погодѣ, большинство зайцевъ жируетъ въ полѣ — на озимяхъ. Жировавшій далеко въ полѣ, большею частью тамъ и остается на всю зиму, отходя не далеко отъ мѣста жировки на логово, или ложась и въ самыхъ жирахъ. Но если случится оттепель, а потомъ ударитъ морозъ, и покроетъ землю стекляннѣмъ настомъ, заяцъ не можетъ докапаться до озимей, переходитъ на жиръ въ опушки, къ лѣснымъ дугамъ и болотцамъ, гдѣ и наста такого крѣпкаго, какъ въ полѣ, не бываетъ и гдѣ есть другой кормъ: кора осины, лозы и послѣднихъ побѣговъ другихъ лиственныхъ породъ. Жировавшій же близко отъ опушки, большею частью, къ разсвѣту жируя, подвигается къ лѣсу, входитъ на дорожку, тихо попрыгивая, сбрасываетъ въ сторону, вновь у кустика жируетъ и такъ постепенно подвигаясь, выбираетъ себѣ мѣстечко, гдѣ и залегаетъ на цѣлый день. Въ сильные морозы заяцъ никогда не ложится въ жирахъ, а жируя постоянно бѣгаетъ, долго не топчется на одномъ мѣстѣ, а нажировавшись — далеко бѣжить: видимо ему не-

пріятно ложиться въ холодъ и онъ грѣется бѣгомъ, пока дневной разсвѣтъ не заставитъ его утомиться. Въ глубокіе снѣга заяцъ ложится преимущественно при дорогѣ; онъ не любитъ напрасно купаться въ снѣгу, и ходитъ на жиръ и возвращается всегда по дорогѣ. Поэтому въ глубокіе снѣга въ лѣсу относительно мало слѣдовъ. Если кромѣ того хватитъ морозъ, тогда заяцъ выбравшись съ утра на дорогу, уходитъ ею часто двѣ - три версты и дальше, сбрасываетъ на боковую тропинку, опять бѣжитъ, и ложится уже вблизи послѣдней. Отъ этого въ снѣжную и морозную погоду зайца мало: онъ или далеко въ полѣ или, большею частью, глубоко въ лѣсу, только жировать ходитъ въ поле, пока тамъ не образуется настъ.

Кормятся зайцы травой, хлѣбнымъ зерномъ, корой молодыхъ деревьевъ и въ особенности любятъ озимь.

Логовище зайца состоитъ изъ неглубокой, но длинной и широкой ямки, задъ которой устроенъ сводообразно.

Зайцы страстны и *плодущи*. Не смотря на январскіе холода, онъ ужъ начинаетъ заводить любовныя пѣсенки, и звонкое го, го, о, о, о.... частенько раздается въ морозную ночь. Во время *течки* они мало даже ѣдятъ, отыскивая самокъ для удовлетворенія своей чувственности. И Боже мой, какая въ это время у нихъ бываетъ война.

Четыре раза въ годъ бываютъ пометы у зайцевъ: въ мартѣ, апрѣлѣ, юнѣ и сентябрѣ. По прошествіи года молодые зайчата способны ужъ размножаться.

Охотятся на зайцевъ различными способами. Но лучшая охота — это съ борзыми. Опишемъ главные изъ нихъ, и начнемъ съ весны.

Съ разлитіемъ весеннихъ водъ, образуются такъ называемые *островки* или холмики, на которые со всѣхъ сторонъ стремятся зайцы, чтобы не потонуть въ низменностяхъ. Въ это время, въ подобныхъ мѣстахъ совершенный адъ. Зайцы мечутся какъ угорѣлые, бросаются во всѣ стороны, чтобы спастись отъ гибели, и всюду натыкаются на охотниковъ, которые ихъ лупятъ самымъ беспощаднымъ образомъ. Подобная охота производится на лодкахъ, на которыхъ подплы-

ваютъ къ островку, сходятъ на берегъ, и отправляются на поиски зайцевъ. Охота бываетъ чрезвычайно добычливая, но жалкая....

Вотъ какъ описываетъ эту картину поэтъ:

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
«Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вотъ тоже, — ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынуть,
И безъ того они сотнями гибнуть. —
Нѣтъ! еще мало! придутъ мужики
Ловятъ, и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ — ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ. —
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой; —
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подѣхалъ: лопочуть ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного.
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
«То-то!» сказалъ я: не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дяди Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ,
Столбикъ не столбикъ, зайчикъ на пнѣ;
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка.
Взялъ и его, — тягота не велика!
Только что началъ работать весломъ,

Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ —
Сильно дрожала.... Не рано ужъ было,
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
«Взялъ бы я васъ—да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку —
Я зацѣпился багромъ за сучекъ
И за собою бревно поволокъ....

Грустная, печальная картина, если не сказать что -нибудь другое.

По спадѣ водъ, лишь только опустится зеленью лѣсъ, охотятся на зайцевъ со свисткомъ, т. е. на манку. На прогалинкѣ, спрятавшись за какимъ-нибудь кустомъ, охотникъ начинаетъ свистать, подражая голосу самчихи. На этотъ призывъ, черезъ нѣсколько времени, идетъ заяцъ... Раздается выстрѣлъ и заяцъ убитъ. Лучшее время для подобной охоты: утрення и вечерняя заря.

Въ весеннее время заяцъ старается всегда лежать въ сучьяхъ снѣга, на которомъ его неособенно легко замѣтить. Въ это время можно охотиться за ними одному; замѣчательно то, что заяцъ въ эту пору не вскакиваетъ, а завидя охотника, прижимается плотнѣе къ землѣ, рассчитывая вѣроятно на то, что его не замѣтятъ. Въ такомъ положеніи стрѣляютъ не въ него, а подъ него. Иначе можетъ быть промахъ.

Въ началѣ лѣта хорошо охотиться за зайцами тогда, когда они ходятъ въ хлѣбныя поля кормиться. Выбираютъ они для этого тѣ поляны, кругомъ которыхъ лѣсъ или около лѣса. Вечерней порой, обойдя такія мѣста, рѣдкій изъ охотниковъ, возвращается безъ добычи. Подбираться нужно какъ можно осторожнѣе и ближе.

Во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ на зайцевъ нападаетъ клеща и мошка. Тогда они спасаясь отъ преслѣдованія своихъ враговъ, выбѣгаютъ на дороги, которыя лежатъ около

лѣса или въ самомъ лѣсу. Но и тутъ ожидаетъ зайца не-
радость... Мѣткій выстрѣлъ притаившагося охотника кла-
детъ его на мѣстѣ.

Осенью, задолго до перваго снѣга заяцъ выпѣтаетъ и ста-
новится бѣлъ. Въ новой, свѣтлой одеждѣ онъ далеко виденъ
на оголившейся и почернѣвшей землѣ. Въ это, по большей
части, дождливое время, онъ любитъ открытыя мѣста, на ко-
торыхъ плотно, прижавшись къ землѣ, лежитъ гдѣ-нибудь у
опушки лѣса. Подкравшись на ружейный выстрѣлъ, цѣляютъ
не въ него, а подъ него, точно такъ-же какъ весной на *су-
валкахъ*.

— Главное условіе при охотѣ на зайцевъ — знаніе мѣст-
ности. Охотнику незнакомому съ мѣстностью, можно реко-
мендовать одно правило: не забираясь въ лѣсъ и кусты, стано-
виться на лѣсныхъ дорожкахъ и перекресткахъ. Заяцъ любитъ
ходить дорожками, а какъ на перекресткѣ ихъ сходится три,
четыре, то и понятно, что тутъ скорѣе его встрѣтишь, —
авось побѣжить не одной такъ другой. Да почему авось? А
потому, говоритъ г. Сахацкій *), что хотя заяцъ и любитъ
ходить дорожками, да не всякими. Здѣсь пройдетъ онъ гор-
кой, а тамъ — долочкомъ; тутъ пролезетъ гущей и обложить
рѣдколѣсьемъ, по одной дорожкѣ саженой сто прокатитъ въ
длину, другую перескочитъ только поперекъ; то путается въ
кустахъ и не выживешь его на дорожку, а то пройдетъ ши-
рокой поляной, и переплыветъ воду.

Въ каждой мѣстности заяцъ имѣетъ свои собственные лазы.
Какъ велика привычка зайца къ обитаемому имъ району, также
велика она и къ тѣмъ, лишеннымъ всякихъ наружныхъ при-
знаковъ, мѣстамъ, которыми онъ ходитъ подъ гончими. Слѣдо-
вательно, для успѣшности охоты за зайцемъ съ гончими — *не-
обходимо* знать мѣстность. Какъ бы ни былъ опытенъ охот-
никъ, онъ въ незнакомой *кнѣ* или, вмѣстѣ со старичками,
бежитъ отъ логова, или становится наудачу на дорожкахъ,
въ надеждѣ на случайный выстрѣлъ, потому что не знаетъ,
да и не можетъ знать, гдѣ пройдетъ заяцъ, пока не позна-

---

*) Заяцъ въ Польшѣ. П. и О.

комится съ его лазами именно въ этомъ мѣстѣ. Заячьи кнеи такъ многочисленны и въ то же время такъ похожи одна на другую: тѣ же мелоча и горки, тѣ же овражки, долины и полянки, тѣ же дорожки и *гушавники*, а между тѣмъ — здѣсь онъ ходитъ такъ, а тамъ совсѣмъ иначе. — Извѣстно уже, что тронутый заяцъ дѣлаетъ кругъ. Первый кругъ обыкновенно бываетъ коротокъ, но на протяженіи его всегда есть два, три такихъ лаза, которыми пройдетъ всякій заяцъ, поднятый въ той же кнеѣ. Вотъ, въ концѣ этого круга заяцъ добирается до логова, сбрасываетъ въ сторону, хочетъ напетлять и надуть собакъ... Налетѣли паратые гонцы, не дали опомниться косому, и вытолкнули его на второй кругъ, который бываетъ уже значительно больше перваго. Заяцъ напрягаетъ силы, отсаживается отъ собакъ, опять сбрасываетъ, вздваиваетъ слѣдъ, колеситъ стороною къ логову... И на этомъ кругѣ есть два, три лаза такихъ же, какъ на первомъ. Но не даютъ псы мѣшкать сброду, и выпираютъ его на третій кругъ. Собираясь часто уже съ послѣдними силами, заяцъ далеко идетъ на прямикъ, вдругъ бросается въ сторону, вздваиваетъ, встраиваетъ слѣдъ, перерѣзываетъ его поперекъ и, выбравъ направленіе подъ угломъ къ послѣднему, опять идетъ снуркомъ, опять путаетъ, припадаетъ, и опять загибаетъ уголъ, но въ сторону логова, куда добравшись, ослабѣвшій — начинаетъ крѣпко западать... Вообще заяцъ на кругахъ употребляетъ всевозможныя хитрости, чтобы отдѣлаться отъ увязавшихся гончихъ.

Какихъ только продѣлокъ не творитъ онъ въ критическія минуты? Онъ даже ищетъ спасенія иногда подъ кровомъ своего сильнѣйшаго врага — въ лисьей норѣ.... Четвертаго круга почти никогда не бываетъ: если собаки параты и вязки, а охотникъ не встрѣтился съ зайцемъ, онъ его возьмутъ чаще всего въ концѣ третьяго круга; но при такомъ гонѣ — не встрѣтиться очень трудно. Если же собаки пѣши, да нечутысты — онъ потеряютъ часто на второмъ и непременно на третьемъ кругѣ. Наконецъ, если этого не случится, а заяцъ сохранилъ еще силу, онъ выбирается въ поле, въ болото, бросается между пасущимся стадомъ скота и такъ или иначе старается спасти свою шкуру, что ему иногда удается.

Всѣ круги, описываемые зайцемъ подѣ гончими, всегда имѣютъ, если не двѣ, три, то одну непремѣнно (кромѣ логова)— такую точку, въ которой пересѣкаются, другими словами, есть непремѣнно такой лазъ, которымъ заяцъ проходитъ на каждомъ кругу. Знаніе вотъ такихъ *главныхъ* лазовъ и необходимо для охотника.

Все сказанное нами о лазахъ и ходѣ зайца относится къ осенней охотѣ по чернотропу, которая, есть самая пріятная охота съ гончими. Тепло и мягко; всюду пройти можно, потому что все на виду — не засыпано снѣгомъ, а главное — подойдешь и подбѣжишь неслышно.

Выпадетъ снѣгъ — и многое измѣнится: но никогда память мѣстности не играетъ такой роли, какъ въ охотѣ по бѣлому полю. Неопытный охотникъ, даже заучившій кнею осенью, зимою потеряется въ ней — до такой степени снѣгъ измѣняетъ наружный видъ мѣстности — и нужно имѣть много чисто охотничей снаровки, чтобы изъ множества бѣлыхъ лѣсныхъ дорожекъ, отличить именно тѣ, которыя охотнику нужны. При теплой погодѣ и неглубокомъ снѣгѣ, и ходъ, и лазы зайца остаются тѣ же; но если снѣгъ лежитъ долго и новыхъ порошъ нѣтъ, лѣсъ испестряеття слѣдами чрезвычайно, что частью затрудняетъ гоньбу, такъ собака, привыкающая идти по порошамъ, сбивается и просится на болѣе свѣжіе изъ старыхъ слѣдовъ. За то въ такое время легче опредѣлить лазъ: заяцъ любитъ ходить подѣ гончими по своимъ, протоптаннымъ, на ночныхъ похожденіяхъ, дорожкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя часто совпадаютъ съ его осенними лазами, такимъ образомъ и здѣсь надо помнить главные осенніе лазы. Но въ глубокіе рыхлые снѣга, когда вѣтви молодыхъ сосенъ и елей, пригибаясь подѣ тяжестью снѣга къ землѣ, образуютъ непрерывныя группы новыхъ шатровъ, гдѣ зайцу тепло и уютно, характеръ его хода совсѣмъ измѣняется. Ходитъ онъ на жиры и возвращается на лежку преимущественно дорогами, стало быть слѣду даетъ мало; если же глубокой снѣгъ выпалъ внезапно, то заяцъ цѣлый день лежитъ не трогаясь, или потончется буквально только около своего куста, и опять ложится. Во всякомъ случаѣ въ это время онъ лежитъ очень

крѣпко и поднять его становится очень трудно; но поднятый, онъ сейчасъ же выбирается на дорогу, далеко уходитъ на прямикъ, дѣлаетъ отчаянный прыжокъ въ сторону, и западаетъ.... собаки пронеслись и размѣтались, а онъ вскочилъ опять на дорогу и покатилъ прежнимъ слѣдомъ назадъ. Если собаки справились скоро и опять повели, онъ все-таки держится дорогъ, сбрасываетъ на перекресткахъ, вновь западаетъ при дорогахъ и только неотступное и долгое преслѣдованіе можетъ заставить его, ныряя въ снѣгу, проскочить цѣлиной; но въ такую пору онъ большею частью бываетъ раньше убитъ на дорогѣ, а если этого не случится, и онъ, потерявъ голову, бросится въ снѣгъ, то отъ хорошихъ собакъ рѣдко уходитъ. Если же глубокой снѣгъ затянется непрочною ледянистой корой, тогда лучше вовсе не охотиться съ гончими: заяцъ легко идетъ по верху, задавая шальные круги, а собаки проваливаясь, рѣжутся, на первомъ уже кругѣ, кровянятъ снѣгъ, и не могутъ вязко гонять. Особенно страдаютъ въ такую пору собаки со шпорами. Проваливаясь, онѣ задѣваютъ шпорами за ледяную поверхность снѣга, и больно ихъ надрываютъ.

Когда снѣга начинаютъ таять и пропадать, въ лѣсу образуются черныя пятна — проталины, съ каждымъ теплымъ днемъ захватывающія больше мѣста; снѣгъ лежитъ только подъ густыми елками, во впадинахъ и вообще тамъ, куда его больше нанесло и гдѣ меньше достаютъ лучи начинающаго пригрѣвать солнца. Въ раннюю весну это случается иногда еще вначалѣ февраля, и вотъ тогда-то приходится заканчивать охоту на пестромъ полѣ. Не говоря уже о томъ, что въ это время случается наткаться на зайца на бѣлаго, иной разъ въ конецъ портящаго охоту; пестрое поле имѣетъ еще и другія дурныя стороны: обрадованный исчезновеніемъ снѣга, заяцъ выбираетъ уже, по возможности, мягкую землю, и ходитъ, какъ на утрахъ и течкѣ, такъ и въ особенности подъ гончими, почти вовсе не давая слѣду. Привыкнувши же гонять по снѣгу, собаки скальваются чаще обыкновеннаго.

Ружейный охотникъ можетъ хорошо охотиться съ двумя собаками; а съ четырьмя, такъ уже роскошно, пріятно и добычливо. «Я, продолжаетъ г. Сахацкій, большею частію охо-

чусь одинъ. Входя въ опушку, размыкаю собакъ, а самъ иду знакомою дорожкой, изрѣдка посвистывая или покрикивая, чтобы онѣ знали принятое мною направленіе. Собаки чрезвычайно привыкаютъ къ голосу охотника и способу охоты; не показываясь на глаза, онѣ постоянно ищутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ держатся недалеко отъ охотника, подвигаясь за голосомъ. Поэтому помычка бываетъ всегда относительно не далека и отчетливо слышна охотнику — условіе необходимое въ одиночной охотѣ. Но самая пріятная охота—въ компаніи съ двумя — много тремя, хорошими охотниками.

Охотники обыкновенно заранѣе условливаются, какія мѣста брать, т. е. откуда закладывать и куда *тянуть*. Если зайцевъ много, и охотники увѣрены, что собаки поднимутъ скоро, то закладываетъ одинъ (обыкновенно хозяинъ собакъ, къ голосу котораго онѣ привыкли), а остальные идутъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ за другимъ, дорожкой съ той стороны кней, куда, по преимуществу, бросается заяцъ, поднятый въ этой мѣстности. Закладчикъ, зайдя съ собаками съ противоположной стороны кней, размыкаетъ ихъ и, изрѣдка порская, подвигается въ условленномъ направленіи, заворачивая въ стороны, гдѣ, по мнѣнію его, онъ скорѣе можетъ тронуть или заподозрить зайца. Услыхавъ помычку собакъ, онъ соображаетъ, по мѣсту логова и разстоянію до него, перенять ли зайца на первомъ кругу или занять логово. Если попался заяцъ, не бывавшій въ передѣлкахъ, а время теплое и поле влажное, то онъ дѣлаетъ большею частью небольшой первый кругъ, а иногда въ разстояніи какой-нибудь сотни шаговъ отъ логова припадаетъ, и давъ пронестись собакамъ, возвращается только что пройденнымъ слѣдомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ частенько попадаетъ подъ выстрѣлъ закладчика; если же заяцъ тутъ не убитъ, или сразу пошелъ ходко, то охотники перенимаютъ его гдѣ и какъ кто умѣетъ; но всегда случается такъ, что кто-нибудь бережетъ отъ логова, если мѣстность это позволяетъ. Промазавшій по зайцу, или перевидѣвшій его внѣ выстрѣла, сейчасъ же накликаетъ собакъ: «На, ту-ту! На, ту-ту! На, ля ля ля!»... и добѣгая до мѣста, гдѣ заяцъ пролѣзъ, показываетъ слѣдъ собакамъ. —

Тамъ, гдѣ нѣтъ зайчистыхъ мѣстъ, охотятся иначе: всѣ охотники, пустивъ передъ собою собакъ и вытянувшись въ линію, шагахъ въ пятидесяти другъ отъ друга, входятъ въ лѣсъ. Закладчикъ (хозяинъ собакъ) долженъ быть въ срединѣ и только онъ одинъ долженъ порскать; всѣ же остальные держатся по его голосу. Возгласы съ разныхъ сторонъ и на разные лады, только сбиваютъ собакъ съ толку, нисколько не помогая дѣлу: если заяцъ лежитъ крѣпко, то чтобы поднять — нужно наступить на него. Мнѣ самому случалось, шаря по кустамъ и громко порская, подозреть зайца въ 10—15 шагахъ, когда я уже почти миновалъ его, а въ холодное и сухое время заяцъ вскочитъ и отъ молча идущаго охотника. Перевидѣвшій звѣря долженъ сейчасъ накликать и наваливать на него собакъ. Если зайца приходится искать долго, а охотники и собаки разбредутся по лѣсу шире, чѣмъ слѣдуетъ, то я всегда совѣтую перевидѣвшему не жалѣть заряда; близко ли, далеко ли вскочилъ заяцъ, удобно ли мѣсто для выстрѣла, нѣтъ-ли — пустить зарядъ и накликать: выстрѣлъ чрезвычайно ободряетъ и веселитъ заскучавшихъ долгимъ бездѣйствіемъ собакъ, да и слышенъ дальше, чѣмъ голосъ. Бояться промаха тутъ нечего, и всегда совѣтую начинающимъ охотникамъ избѣгать этого страха, потому что онъ происходитъ отъ ложнаго стыда передъ товарищами; выстрѣлъ по зайцу, вскочившему въ лѣсу, часто бываетъ несравненно труднѣе выстрѣла по бекасу и дѣльный охотникъ не позволитъ себѣ безтолковаго глумленья надъ новичкомъ, потому что самъ онъ начиналъ съ промаховъ и знаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ стрѣлка безъ промаху. Конечно, можно накликать и въ рожокъ, но многіе ли изъ нынѣшнихъ охотниковъ умѣютъ трубить?

Трубить слѣдуетъ только, призывая далеко ушедшихъ собакъ или вызывая къ выѣзду домой, или же, наконецъ, накликаая на свѣжій слѣдъ.

Кромѣ охоты съ гончими есть еще много способовъ для уничтоженія бѣднаго зайки.

Примѣняясь ко времени года и погодѣ, бьютъ его, поджидавая вечерами на озимяхъ; вытаптываютъ въ поляхъ и *уо-*

рагъ; сослѣживаютъ по малику; стрѣляютъ зимою въ лунныя ночи, при дорогахъ и на «припадѣ».

Но самая своеобразная, заманчивая и увлекательная охота на зайцевъ — охота съ борзыми, съ которой читатель познакомится при описаніи охоты на лисицу.

Зайцемъ мы заканчиваемъ отдѣлъ охоты на животныхъ, употребляемыхъ въ пищу человѣкомъ и перейдемъ къ описанію звѣрей, неупотребляемыхъ человѣкомъ въ пищу.

Медвѣдь. Кто только не знаетъ *Михайла Ивановича Таттылина*.... Кому только не приходилось слышать рассказовъ: подъ часъ смѣшныхъ, а подъ часъ и ужасныхъ. Изображать портретъ этого звѣря, нѣтъ кажется надобности—онъ всѣмъ извѣстенъ. Медвѣдей раздѣляютъ на два вида: бурый или стервятникъ, и, черный или муравейникъ. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ звѣрей нашихъ лѣсовъ.

Медвѣдь отлично бѣгаетъ, мастерски лазаетъ по деревьямъ и прекрасно плаваетъ. Обладаетъ хорошимъ слухомъ и чутьемъ.

Медвѣдь питается животной и растительной пищей. Въ молодости особенно любитъ поспѣвшій овесъ. Но что медвѣдь особенно любитъ, такъ это медъ. Что бы полакомиться послѣднимъ, онъ иногда залѣзаетъ на довольно высокія деревья, и пожираетъ въ разставленныхъ тамъ бортахъ медъ. И достается же ему отъ пчелъ, когда онѣ насядутъ на его носъ и начнутъ жалить — ревмя реветъ бѣдный, бѣсится, мотаетъ головой и тычется мордой о что ни попало. На муравьевъ, такъ онъ охотится оригинально: облюбовавши одну лапу, ставитъ ее на муравейникъ и ждетъ покуда они ее облепятъ, потомъ преспокойно подноситъ ко рту и слизываетъ ихъ.

Разъ попробовавши мяса, медвѣдь становится опаснымъ какъ для человѣка, такъ и для животныхъ.

«Страшенъ этотъ звѣрь, говоритъ Воропай, своею силою и дикостію, но для человѣка бывалога нисколько не страшнѣе злой дворной собаки. Чувствуетъ и медвѣдь, что человѣкъ — врагъ не по его силамъ, а потому ни когда не станетъ дожидаться его, а лишь только почуетъ — то уже и убегаетъ подальше; за то ежели принудятъ его къ дракѣ, —

постоить за себя, какъ слѣдуетъ, и уже почти навѣрное, кто-нибудь останется на мѣстѣ.

Всю зиму спитъ онъ непробуднымъ сномъ. Выбравъ большею частію поваленное дерево, выстелеть около него постель сухими листьями и мхомъ, устроятъ въ родѣ навѣса и отправляется ходить, чтобы очиститься совершенно: въ это время нѣсколько дней онъ не ѣстъ ничего. Лечь старается до снѣгу, чтобы не оставить слѣдовъ; а если не успѣетъ, то никогда не уйдетъ въ берлогу прямо: начнетъ ходить около по разнымъ направлениямъ, дѣлаетъ петли, т. е. проходитъ по два и по три раза однимъ слѣдомъ, дѣлая большіе прыжки въ сторону и къ берлогѣ, иногда съ полъ версты идетъ задомъ, такъ что и послѣдамъ найти его не легко. Наконецъ улегшись, уже не встаетъ, пока не дожидется теплыхъ дней и на буграхъ не начнутъ показываться проталины. Зимой снѣгъ занесетъ его совершенно. Только въ большіе морозы паръ тонкой струей выбивается изъ подъ снѣгу и выдаетъ мѣсто его зимней квартиры. Мѣсто для своей зимней квартиры выбираетъ вдали отъ деревень, куда люди мало ходятъ, а вставши весною подходитъ, какъ можно ближе къ селеніямъ, чтобы поймать корову, либо лошадь.

Медвѣдь хорошо знаетъ мѣста, гдѣ ему поживиться можно. Крадется онъ довольно оригинально: по его слѣду сейчасъ можно узнать, была ли это прогулка для моціона, или онъ задумалъ пообѣдать. Когда онъ идетъ безъ цѣли, то отпечатокъ лапъ его совершенно чистый, будто человѣка прошедшаго по грязи босикомъ; но лишь только почувялъ скотину, онъ сейчасъ же выпускаетъ кости, и слѣды ихъ дѣлаются замѣтны на землѣ. Сначала онъ идетъ на четверенькахъ; подойдя ближе, становится на заднія лапы, а передними закрываетъ носъ, чтобы не слышно было тяжелаго дыханія; подкравшись изъ за куста къ стаду, издаетъ рѣзкій свистъ ноздрями. Въ одно мгновеніе стадо вскакиваетъ и бросается въ разныя стороны; но иная скотина со страха остается не подвижной, и она то дѣлается жертвою медвѣдя: однимъ прыжкомъ онъ вскакиваетъ на нее, одной лапой и зубами впивается въ шею, а другой начинаетъ бить и самъ страшно

реветъ; убивши начинаетъ ѣсть на мѣстѣ, а остатки прячетъ и живетъ неподалеку до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ всего».

Проголодавшійся медвѣдь страшень для человѣка въ особенности тогда, когда онъ его не замѣтитъ и даетъ возможность подкрасться.... Тогда горе охотнику: одинъ мигъ и медвѣдь у него на плечахъ. Вообще же, не смотря на страшную силу медвѣдя, онъ чрезвычайно трусливъ. Стоитъ только къ нему подкрасться не замѣтно, звонко крикнуть или стукнуть, и онъ, устилая свой слѣдъ кровью, бросится бѣжать безъ оглядки.

Днемъ, забравшись въ непроходимую чащу лѣса, медвѣдь, любитъ отдохнуть. Для такого удовольствія, онъ старается найти такое мѣстечко, которое прилегалo бы ближе къ ручейку и рѣчкѣ. Къ вечеру выберется на свѣтъ Божій и всю ночь занимается промысломъ... Шляется, впрочемъ, онъ и днемъ.

Въ августѣ начинается у медвѣдей течка; въ это время они собираются по нѣсколько штукъ вмѣстѣ и изъ заобладанія самкой, производятъ такія битвы, что «небу жарко», и ревутъ такъ что лѣсъ дрожить.

Охотятся на медвѣдя различными способами. Сначала мы поговоримъ о ружейной охотѣ, а потомъ перейдемъ къ другимъ способамъ.

Въ лѣтнее время на медвѣдя мало охотятся. Бьютъ ихъ преимущественно зимой. Берлогу замѣчаютъ еще осенью.

Въ началѣ всего узнается, лежитъ медвѣдь въ берлогѣ, или ушелъ. Такая развѣдка дѣлается обкладчикомъ на канунѣ охоты, которая производится *облавой* и *безъ облавы*. Во время *облавы* *кричане* должны зорко смотрѣть за звѣремъ, что бы онъ не прошмыгнулъ мимо ихъ носа и не скрылся. Убѣжавшаго медвѣдя догонять чрезвычайно трудно. Въ товарищахъ по охотѣ должна быть увѣренность, другъ въ другъ что въ случаѣ опасности будетъ оказана помощь.

Рано утромъ, хорошо вооруженные охотники подходятъ тихо къ медвѣжьей берлогѣ и становятся полукругомъ около той стороны, съ которой медвѣдь залегъ въ свое логовище, такъ какъ поднятый медвѣдь, предаваясь бѣгству, идетъ

всегда по старому слѣду. Лишь только охотники станутъ на опредѣленные мѣста, обкладчикъ дѣлаетъ знакъ *кричанамъ* и тѣ начинаютъ кричать... Медвѣдь испуганный крикомъ и шумомъ вырвавшись изъ берлоги бѣжитъ.... Раздаются выстрѣлы, и, пошла потѣха.

Убить медвѣдя на поваль очень трудно — онъ слишкомъ крѣпокъ. Только выстрѣлъ попавшій въ сердцѣ или въ голову, укладываетъ его на мѣстѣ. Раненный онъ чрезвычайно свирѣпъ и кидается на своего врага удивительно какъ быстро. Малѣйшая оплошность со стороны охотника, можетъ окончиться гибелью. По этому, въ критическія минуты, нужно имѣть полнѣйшее самообладаніе и хладнокровіе. Въ тотъ моментъ когда медвѣдь идетъ на охотника, какъ говорится, грудью, мѣтитъ слѣдуетъ въ лѣвую сторону переднихъ ногъ, а когда стоитъ бокомъ, то въ голову за ухо. Вотъ такъ сказать основныя правила при охотѣ на медвѣдя съ облавой.

Теперь приведемъ рассказъ г. Воропая, какъ охотятся на сѣверѣ Россіи безъ облавы.

«Начиная съ послѣдней субботы передъ первытъ числомъ октября охотники идутъ въ лѣсъ за бѣлками и рябчиками, и промышляютъ до осьмага ноября. Ходивши каждый день, иному случается натѣнуться на спящаго медвѣдя или на слѣдъ его. Во всякомъ случаѣ, замѣтивши мѣсто берлоги,— его оставляютъ въ покоѣ.

Когда въ февралѣ снѣгъ уляжется настолько, что можно ходить на лыжахъ, настаетъ время бить медвѣдей. Для этого каждый приглашаетъ одного товарища, рѣдко двухъ. Приготовивъ съ вечера одну винтовку, и для каждаго по рагатиѣ и топору, на другой день рано отправляются въ лѣсъ, причемъ берутъ и собаку, если есть хорошо притравленная. Подойдя къ берлогѣ, начинаютъ осмотръ, — здѣсь ли звѣрь? Какъ только увѣрятся, что медвѣдь лежитъ на мѣстѣ, приготавливаются къ дѣлу, а сами заводятъ разговоръ.

— Что парень, а вѣдь мишка-то ушелъ!

— А и то ушелъ.

— Поди-жь ты, а вѣдь не трогалъ кажись никто; да вѣдь

умень: знаетъ, что плохо будетъ; даромъ что звѣрь, а тоже поди чувствуетъ!

— Что говорить, дѣло извѣстное, его не скоро обманешь.

Все это говорится для успокоенія медвѣдя, который, по суевѣрью тамошнихъ охотниковъ, былъ когда-то человѣкомъ, но за грѣхи Богъ обратилъ его въ звѣря и потому православный языкъ понимаетъ; слѣдовательно, услышавши настоящій разговоръ, подумаетъ, что дѣйствительно охотники говорятъ правду и скоро уйдутъ.

Но ведя такую, будто бы откровенную бесѣду, охотники лукаво перемигиваются и принимаются за работу: прежде всего заряжаютъ винтовки, вырубаютъ небольшую, но кудрявую елку и, помолившись Богу, подходятъ къ самой берлогѣ. Какъ извѣстно, въ берлогѣ всегда есть небольшое отверстіе; ставши возлѣ него, охотники, у которыхъ рогатины, держатъ на готовѣ, а у котораго въ рукахъ винтовка, ставятъ свою рогатину подлѣ себя рядомъ, подлѣ нея елку, а самъ, держа винтовку на готовѣ, старается разглядѣть черезъ отверстіе лежащаго медвѣдя; если это удастся, то стрѣляетъ прицѣлившись, а если его не видно, — стрѣляетъ на счастье въ берлогу.

Послѣ выстрѣла, въ одно мгновеніе бросаетъ винтовку, а елку, вершиною впередъ, всовываетъ въ отдушину и, схвативъ рогатину, ожидаетъ боя. Раненый или только разбуженный медвѣдь бросается къ отверстію, но, наткнувшись на елку, хватается ее лапами и старается втащить къ себѣ, но чѣмъ дальше тянетъ, тѣмъ болѣе елка оказываетъ сопротивленія, такъ какъ ближе къ корню сучья длиннѣе. Тутъ то настаетъ рѣшительная минута. Взбѣшенный медвѣдь мечется ужасно, снѣгъ обсыпается и наконецъ показывается темная его шуба, опущенная снѣгомъ; въ одну минуту охотники вонзаютъ въ него рогатины и изъ всей силы прижимаютъ къ землѣ; медвѣдь совется влѣбомъ, обхвативши лапами рогатины, причемъ если попадетъ на зубы желѣзо, то согнетъ его въ дугу, но скоро ослабѣваетъ и падаетъ мертвый.

У нѣкоторыхъ охотниковъ есть собаки, которыя приучены розыскивать медвѣдей зимою. Такіе, когда настанетъ пора, собираются по двое, по трое, и идутъ въ лѣсъ на недѣлю

и больше и бьютъ медвѣдей, гдѣ найдутъ собаки. Съ хорошо притравленной собакой нѣтъ никакой опасности: какъ бы ни былъ разсерженъ медвѣдь, пусть только собака рванетъ его сзади за ноги, онъ въ ту же минуту бросится за ней. Если собака захватитъ его врасплохъ, то уже съ мѣста не пустить: онъ сейчасъ же сядетъ на корточки и будетъ отъ нея отмахиваться.

Все вниманіе охотниковъ обращено на то, чтобы не выпустить медвѣдя изъ берлоги, такъ какъ на волѣ его поймать уже невозможно».

Охотятся на медвѣдей еще слѣдующимъ способомъ, такъ называемымъ, «на приваду».

Осенью, выбравъ глухое мѣсто у опушки лѣса, куда крестьяне не пускаютъ весной скотъ, выкапываютъ яму такой величины, что бы въ ней могли помѣститься 3 — 4 лошади. Затѣмъ въ яму опускаютъ срубъ, почти вровень съ поверхностью и, положивъ лошадей, накладываютъ крѣпкій бревенчатый потолокъ, который укрѣпляютъ четырьмя поперечными брусками, прибитыми къ потолку длинными деревянными гвоздями. Однимъ словомъ, надо потолокъ этотъ дѣлать какъ можно прочнѣе, иначе медвѣдь его сломаетъ. По серединѣ потолка вырубаютъ окошко, верхка четыре въ поперечникѣ и пяти длины, изъ котораго медвѣдь достаетъ мясо. Не далѣе шести сажень отъ привады, дѣлаютъ лабазъ, предпочтительно у отдѣльной небольшой группы елей, затѣмъ обставляютъ его молодыми елками, оставляя маленькое окошко, изъ котораго видна яма. Устройвъ такимъ образомъ нѣсколько ямъ съ привадою, на разстояніи не ближе трехъ верстъ одна отъ другой, охотникъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весны. По большей части въ половинѣ апрѣля медвѣди начинаютъ ходить на приваду: Приходятъ они къ этой ямѣ вскорѣ по захожденіи солнца, а иногда немного и раньше.

Караулить надо только тогда, когда вѣтеръ тянетъ отъ ямы; сидѣть одному и какъ можно тише, при этомъ, конечно, не курить. При соблюденіи означенныхъ условій, охота почти всегда бываетъ удачна. Охота на приваду производится и осенью по уборкѣ съ полей хлѣба. Различіе отъ весенней за-

ключается въ томъ, что медвѣдь приходитъ на приваду, большею частію, по утреннимъ, а не по вечернимъ зорямъ. Подходя къ привадѣ и располагаясь на лабазѣ, необходимо соблюдать полнѣйшую тишину. Это необходимо въ виду того, что медвѣдь, разъ попробовавъ мяса, устраиваетъ свое логово въ недалнемъ разстояніи отъ привады, особенно если это медвѣдица съ дѣтьми.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Архангельской губерніи занимаются охотою на приманку такимъ образомъ: шагахъ въ двадцати отъ приманки выбираютъ мѣсто, на которомъ бы въ недалнемъ разстояніи другъ отъ друга росли четыре ели, и образовали собою неправильный четырехугольникъ. Аршинъ около пяти отъ земли ели соединяють толстыми перекладинами, которыя привязываютъ веревками; на перекладины настилають тонкія жердчи и устилають ихъ еловыми лапками: однимъ словомъ устраиваютъ отличную постель и сами уходятъ. Медвѣдь очень остороженъ: онъ никогда не подойдетъ къ мясу прямо, но сдѣлаетъ кругъ и какъ только нападетъ на слѣдъ человѣка въ ту сторону, а обратно не пойдетъ, то уже его ожидать нечего; поэтому непремѣнно нужно идти нѣсколькимъ лицамъ и потомъ — одинъ или двое остаются на мѣстѣ, а остальные идутъ обратно. Не смотря на свою тяжесть и неуклюжесть, онъ такъ тихо и незамѣтно подойдетъ къ падали, что рѣдко удается замѣтить его издалека, и тѣмъ болѣе, что ворочаться и оглядываться нельзя, а надо лежать, какъ можно тише, иначе онъ увидитъ издали, и тогда его уже не дождешься. Приходитъ большею частію вечеромъ при самомъ закатѣ солнца и поутру на зарѣ, такъ что стрѣлять очень удобно.

Этотъ способъ охоты можно назвать однимъ изъ безопаснѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пріятнымъ.

Говорятъ, что такая охота опасна и раненный медвѣдь лѣзетъ къ охотнику на дерево, но это такіе рѣдкіе случаи, что ихъ можно считать только исключеніями. Охотникъ стрѣляетъ лежа, положивши ружье на перекладину и не дальше 20—25 шаговъ, а часто и ближе. Послѣ такого выстрѣла медвѣдь или падаетъ на мѣстѣ, или едва поволочется, а ужъ на де-

рево лѣзть онъ не подумаетъ, при легкой ранѣ бываетъ большею частію такъ, что не успѣетъ разойтись дымъ отъ выстрѣла, а звѣря уже и слѣдъ простылъ. На случай, если бы онъ вздумалъ лѣзть, у охотника есть съ собой топоръ и онъ можетъ обороняться.

Бьютъ медвѣдей посредствомъ *щемихъ петлей*, капкановъ, изъ которыхъ мы опишемъ только два первыхъ.

Лишь только весной начнетъ таять снѣгъ и образуются проталины на покатосяхъ, обращенныхъ на полдень, медвѣди выходятъ изъ берлогъ и по такимъ проталинамъ ищутъ себѣ пищи; тутъ-то устраиваются *щемихи*. Выкопавъ яму длиною около аршина, а шириной въ половину, ее выкладываютъ досками, чтобы не было возможности подкопаться. Вдоль этой ямы кладутъ два толстыхъ бревна, такъ чтобы она была совершенно закрыта; вдоль одного бревна вбиваютъ нѣсколько крѣпкихъ колышковъ, чтобы его невозможно было сдвинуть, и съ одного конца бревна связываютъ крѣпко, а подъ другой конецъ подкладываютъ гладко выстроганную дощечку, чтобы конецъ другаго бревна подвигался по ней свободно; бревна притесываются такъ, чтобы они складывались совершенно плотно. Потомъ аршинахъ въ шести съ боку противъ конца подвижнаго бревна вкапывается крѣпкій столбъ вышиною трехъ аршинъ и вдоль его, на сторонѣ, обращенной къ бревнамъ, выдалбливаютъ пазъ; раздвинувши концы бревенъ, вставляютъ между ними распорку длиною четвертей около трехъ и потомъ вставляютъ крѣпкую жердь, однимъ концомъ въ конецъ подвижнаго бревна, а другой въ пазъ столба. Когда все готово, въ яму подъ бревнами кладутъ кусокъ мяса и отъ него въ распоркѣ дѣлаютъ проводъ такъ, что если тронуть мясо, распорка выпадаетъ; жердь, опускаясь по пазу столба, прижимаетъ подвижное бревно къ неподвижному очень крѣпко.

Какъ только медвѣдъ, запустивши лапу, тронетъ мясо, бревна сдвигаются и освободиться нѣтъ уже силъ. Вотъ тутъ-то его и убиваютъ, если не хотятъ оставить живымъ.

Осенью ловятъ и бьютъ медвѣдей *петлями*. Устраивается она такимъ образомъ: на тропинкѣ, которая пролегаетъ между

ельникомъ, распускаютъ веревчатую петлю, нижній край которой вершковъ на шесть отъ земли привязывается концомъ веревки къ дереву. Медвѣдь, пробираясь по этой тропинкѣ, попадаетъ въ распущенную петлю головой, затягивается и душится. Въ Сибири, Орочны охотятся на медвѣдя одинъ на одинъ, и возвращаются домой почти всегда со шкурой лютаго звѣря. Все оружіе ихъ заключается въ рогатинѣ, которая формой своего устройства представляетъ громадный ножъ и желѣзной распорки въ видѣ якоря — *кошки*, съ прямыми, зазубренными лапками. Эту распорку онъ беретъ въ руку, а чтобы она не была видна при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, то онъ какъ на руку, такъ и на распорку натягиваетъ длинный рукавъ. Найдя медвѣдя Орочанъ старается его разозлить, и когда тотъ стремится, чтобы схватить охотника за руку, послѣдній, быстро всовываетъ ему распорку въ пасть и затѣмъ добываетъ его рогатиной, или, какъ они ее называютъ, *пальмой*. Въ тотъ моментъ, когда распорка попадетъ медвѣдю въ ротъ, онъ положительно какъ будто не видитъ своего врага и употребляетъ всѣ силы только для того, чтобы избавиться распорки.

Волкъ. Отъ малаго и до стараго всѣ знаютъ этого хищнаго звѣря. Онъ имѣетъ огромное сходство съ дворовой собакой и въ большинствѣ случаевъ отличается отъ нея тѣмъ, что держитъ хвостъ къ низу, а не къ верху. Онъ водится почти во всѣхъ странахъ свѣта, за исключеніемъ Англии и Шотландіи, гдѣ его почти положительно истребили.

Волкъ, одинъ изъ самыхъ хищныхъ и вредныхъ звѣрей. Онъ очень силенъ и обладаетъ цѣлымъ рядомъ страшныхъ зубовъ, которыя по народному выраженію не грызутъ и не рвутъ, а *рѣжутъ*.

«Кумъ», какъ величаютъ крестьяне волка, всю жизнь занимается грабежомъ и воровствомъ. Онъ далеко видитъ и очень чутокъ. Кусокъ гниющаго мяса онъ слышитъ версты за двѣ. Ночью глаза волка блестятъ какъ огоньки.

Въ лѣтнее время, днемъ, волкъ большею частію спитъ, а ночью бодрствуетъ, розыскивая себѣ добычу. Ходитъ онъ тихо, осторожно, озираясь на всѣ стороны, чтобы не наскочить на человѣка

Выходя на добычу, онъ старается всегда держаться лѣсной опушки, кустовъ и т. п. Подойдя къ жилой мѣстности, сначала прислушается: все ли спитъ, и потомъ уже пробирается туда, гдѣ надѣется поживиться телушечкой или барашкомъ...

Ночью, передъ разсвѣтомъ, говоритъ старшій охотникъ, одинъ изъ крестьянъ нашего села, проснувшись, услышалъ сильный лай своей собаки и какой-то топотъ въ хлѣвѣ, гдѣ у него заперты были овцы; бѣжитъ, открываетъ двери въ хлѣвѣ и что же видитъ? Двѣнадцать или тринадцать овецъ и ягнятъ, заѣденныхъ и израненныхъ волками, которыхъ конечно и слѣдъ простылъ... Начиная съ осени, въ теченіе зимы, подобныя вторженія волковъ въ усадьбы крестьянъ были очень часты: у одного заѣли свинью, у другаго — жеребенка, у третьяго загрызли собаку и пять овецъ»...

Вообще лѣтомъ волкъ не особенно часто заглядываетъ въ деревенскія хлѣва, а почти всегда придерживается тѣхъ мѣстъ, гдѣ пасется скоть.

Волкъ, затачивши добычу въ лѣсную чащу, и поѣвши, какъ говорится, въ «плотную», отправляется на водопой, затѣмъ ложится отдыхать, и проголодавшись снова идетъ на поиски. Не имѣя привычки дѣлиться добычей, онъ почти постоянно рискуетъ одинъ. За исключеніемъ конечно тѣхъ случаевъ, когда волкъ задумаетъ какое-либо предпріятіе, которое ему одному не по силамъ; тогда онъ дѣлаетъ «вличь», т. е. начинаетъ выть и созываетъ своихъ товарищей, которые явившись подчиняются его указанію и идутъ за нимъ слѣдомъ на разбой.

Лѣтомъ, кромѣ похищенія овечекъ, барашковъ, и тому подобнаго, волкъ охотится и за лѣсной птицей, на которую нападаетъ въ гнѣздахъ и луцить ихъ страшнымъ образомъ. Впрочемъ волкъ жретъ все, что ни попало, а въ особенности когда онъ голоденъ. Даже нападаетъ на человѣка, и разъ попробовавши его мяса, всегда отдаетъ ему предпочтеніе передъ другими. Такъ во время войны, волки огромными стаями являются на поля сраженій и пожираютъ тѣла убитыхъ.

Половыя страсти у старыхъ волчицъ разгораются въ де-

кабрѣ, а у молодыхъ въ январѣ. Въ это время между самцами, изъ-за обладанія самками, идетъ кровопролитный бой. Оплодотворенная волчица отходить въ непроходимую лѣсную глушь, устраиваетъ нору и родить не менѣе трехъ и не болѣе девяти волченковъ.

Способовъ охоты на волковъ очень много. Самое лучшее и благоприятное время для битья волковъ, это — осень и зима.

Охота съ облавой. При подобной охотѣ, главное условіе заключается въ томъ, чтобы звѣрь не услышалъ охотничьихъ голосовъ ранѣе того времени, покуда они не займутъ своихъ мѣстъ. Поэтому необходимо въ началѣ поставить стрѣлковъ на извѣстные пункты, а затѣмъ уже заводить *кричанъ*.

«Всѣ облавы, въ которыхъ я участвовалъ, говорить г. Недолинъ, не приводили къ желаемымъ результатамъ. То онѣ начинались ранѣе того времени, какъ волки возвращаются съ кормежки, то волки уходили ранѣе, чѣмъ становились стрѣлки, то наконецъ шумъ, гамъ и безалаберщина, причемъ распугивали осторожныхъ хищниковъ и въ результатѣ убивалось лишь время. Только при одной удачной облавѣ присутствовалъ я, именно при облавѣ, устроенной правительствомъ съ цѣлью истребленія волковъ; объ образцовомъ устройствѣ ея, такъ же какъ и о казусѣ, случившемся съ крестьяниномъ, стоявшимъ на сосѣднемъ отъ меня номерѣ, я не могу не рассказать здѣсь.

Въ восемь часовъ утра, въ назначенный для охоты день, кромѣ тысячи кричанъ, при которыхъ было человекъ тридцать верховыхъ, наблюдавшихъ за порядкомъ, собралось болѣе двухъ сотъ стрѣльцовъ. Стрѣлки эти были за часъ до начала гона разставлены амфитеатромъ, причемъ человекъ пятьдесятъ были поставлены сейчасъ же за линіей кричанъ, такъ что кричане отъ нихъ начали гнать. Цѣпь имѣла не менѣе четырехъ верстъ длины. Между каждыми 40—50 человекъ имѣлъ верховой и наблюдалъ, чтобы кричане не скучивались, не отставали и не забѣгали впередъ. Кромѣ трещетокъ въ дѣло были употреблены бубны, колокольчики и пр. Результатъ этой охоты было 26 убитыхъ волковъ, изъ которыхъ девять были убиты цѣпью стрѣлковъ, да не менѣе

этого количества было принято вѣроятно кричанами. Лисицъ же было убито до полсотни.

Мнѣ хотя стрѣлять и не пришлось, но зато я нахохотался въ волю. Рядомъ со мною стоялъ зажиточный казакъ съ фюзеей не менѣе сажени, и никакъ не иначе, какъ четвертаго калибра. Но оказалось, что у этого «охотнива» не было пороху, и потому онъ обратился ко мнѣ со слезной просьбой удѣлить ему этого снадобья». Я отмѣрялъ ему добрыхъ девять зарядовъ, что по увѣренію просителя, хотя было достаточно на три заряда, но на «поновку» не хватало; ружье было кремневое. Пришлось добавить еще зарядъ. Минуть двадцать послѣ сигнала (мы стояли на виду другъ у друга), вижу, казакъ подымаетъ свою пушку и, послѣ тщательнаго прицѣла, громыхнулъ по волку точно изъ пушки. О результатѣ я узналъ по возгласу. — «А бій тебе нечиста сіла, ото проклята худоба». — Ну, значить волкъ ушелъ. Не успѣлъ онъ зарядить свой мушкетонъ, вижу, опять цѣлится, опять громомъ прокатился по лѣсу выстрѣлъ и волкъ, переваливаясь и спотыкаясь, пошелъ на стрѣлка, стоявшаго черезъ два номера за мной.

Гляжу — казакъ, придерживая щеку рукой, идетъ ко мнѣ, безъ ружья и шапки, и подставляя бумажку, просить пороху. Я отсыпалъ еще добрыхъ заряда два.

— Ну теперь хоба не Божя воля, я не убивъ прокляту звирюку, шепчетъ казакъ и, постоявъ съ мнѣнату, еще просить девять картечей.

— Развѣ у тебя вовсе нѣтъ картечей? полюбопытствовалъ я.

— Есть, та мало, всего девять, а я положу восемнадцать.

— Богъ съ тобою, да это отдасть такъ, что щеку разворотить.

— Ничого, панычу — нахай буде и кози и лиси.

Противъ этой логики нечего было возражать. Я стоялъ и все надѣялся, что на моего сосѣда уже ничего не выйдетъ; но надежда не сбылась. Громадный матерый волкъ, миновавъ моего сосѣда справа и меня, подошелъ и въ двадцати шагахъ остановился противъ казака. Черезъ мгновение послѣ громаднаго влуба дыма раздался оглушительный взрывъ и

послѣдовалъ шумъ какъ отъ паденія тяжелаго тѣла. Въ страхѣ побѣжалъ я туда и вижу, что казакъ, съ подбитымъ глазомъ и струящейся изъ носу кровью — въ азартѣ добываетъ волка, у котораго вывалились кишки и все приговариваетъ: — «А що утичешь? Ни, не утичешь!»

— Да брось ты и оботри кровь, вѣдь у тебя все лицо разворочено!

— Ничого, паньчу — се не первина!

Тутъ я ужъ не могъ удержаться и разразился гомерическимъ смѣхомъ.

Охота съ борзыми. Лучше и увлекательнѣе охоты съ борзыми собаками на волка, кажется ничего нѣтъ. Собаки должны быть хорошо притравлены на такого звѣря какъ волкъ. Охотнику можно положиться на собакъ только тогда, когда онѣ берутъ волка за горло и крѣпко его держать. Если собаки обладаютъ такими качествами, то охотникъ смѣло можетъ бросаться съ коня на волка и приколотъ его. Въ противномъ случаѣ слишкомъ рисковано и отважно рѣшиться на то, чтобы его приколотъ или сострунить ¹⁾ Охоту съ борзыми мы передадимъ словамъ Н. В. Кирѣевского: «Я, говорить онъ, отправился на заранѣе отысканный въ большомъ *отъемъ* выводокъ волковъ. — Это было мое первое звѣриное поле. *Островъ* былъ окруженъ сворами борзыхъ съ надлежащей тишиной; гончихъ завели снизу; я сталъ въ головѣ *острова*, на короткомъ пролазѣ, изрѣзанномъ волчьими тропами. Гончихъ бросили безъ порсканья вблизи норъ. Гонцы скоро отозвались, начали подваливать, и стая закипѣла. Погода стояла тихая, гоньба была слышна далеко.... Тогда-то мурашки пробѣжали у меня по тѣлу и сильно забилося молодое сердце. *Островъ* оканчивался длинной, узкой полосой *мелочей*, тянувшейся къ мѣсту, которое избралъ я. Гоньба близилась ко мнѣ; наконецъ улюлюканья стали слышны, и вдругъ въ мелочахъ открылся фронтъ дожджачихъ, несущихся во всю прыть съ поднятыми арапниками; сомнѣваться болѣе было невозможно — звѣрь катить. На сворѣ у моего

---

¹⁾ Петля, которая вкладется на морду волка и затягивается кругомъ шеи.

стремянаго были двѣ собаки—*Любезный* и *Цыганка*. Не могу передать, что тогда происходило во мнѣ!... Вотъ крики все ближе и ближе; наконецъ послышалось: «Баринъ, береги, въ ноги!» И вслѣдъ за этимъ, волкъ, сѣрый врагъ поселянъ, выкатилъ ко мнѣ съ поднятой дыбомъ шерстью. «Пускай!» крикнулъ я стремянному. Въ одно мгновеніе *Цыганка* спопереку схватила грудью жданнаго гостя, полетѣвшаго кубаремъ; *Любезный* принялъ въ шиворотъ, — и ножъ очутился въ боку звѣря». Восхищеніе охотника, затравившаго въ первый разъ волка, не имѣло границъ.

Стаю сбили, завернули, и не прошло получаса, какъ другой волкъ былъ выставленъ на то же мѣсто и такимъ же образомъ второчень»...

Не можемъ удержаться, чтобы не передать стихотворенія Н. Б. Куроѣдова, прелестно рисующаго «травлю волка» съ борзыми собаками.

«Шумить, волнуется охотничій мірокъ...

Въ порядкѣ свора, взвыла стая,

Заржалъ и конь, гудитъ и рогъ;

То подзываетъ псарь, по зрячему порская:

«Ого-го, мои тявкуши!

Тутъ запалъ онъ, тутъ пропалъ,

Шевелись, не вѣшай уши:

Вотъ онъ—вотъ гдѣ промахалъ!...

У-люлю, у-люлю, у-люлюлю!»....

«Лазь - полазъ, добудь. Будило!

На горячій наведу....

Чу, труба заговорила:—

Вотъ онъ, вотъ онъ, — улюлю!—

У-люлю, у-люлю, у-люлюлю!»

«Ой-гой-го, невыдай дѣтки!

Подвались къ нему—вались.

Эхъ, запѣли однолѣтки,—

Нну, старинушка крѣпись!

У-люлю, у-люлю, у-люлюлю!»

А вотъ и живая картина:
Изъ мелкой опушки, на крупныхъ сажкахъ;
Несется матерой волчина:
Обтертыя плечи, бока въ сѣдинахъ,
Щетиною шерсть на скулистыхъ щекахъ
И шире бычачьяго лбина.
Конемъ галлопируетъ, уши прижалъ;
За нимъ на полянѣ вся стая.
И плачетъ выжлятникъ, на гриву припалъ:
Уходитъ, уходитъ!.. голубчикъ—Нахаль...
Эхъ!.. выручи, Галка, родная!»
Далеко въ отшибѣ, укрытый кустомъ,
Борзятника профиль чернѣеть;
Статуей застылъ онъ со сворой, конемъ;
Ничто не шелохнетъ, не звякнетъ на немъ,
И сердце-то биться не смѣетъ.
И самъ онъ, и псы, и охотничій конь,
Картинно такъ вытянувъ шею,
Расширили ноздри и звѣрю въ угонъ
Вперяли глаза пламенѣя.—
«Ужели на волчьемъ лазу впереди
Стремянный заснулъ безъ зазора?
Ужели... Но нѣту, пріятель, гляди:
Вонъ въ лобъ тебѣ сброшена свора.
Ага, покосилъ же, разбойникъ!.. Вотъ онъ
Вотъ этотъ моментъ вождедѣнный!
Всю зиму, все лѣто мечталось о немъ;
За это мгновенье готовъ—(не конемъ)
Пожертвовать—всею вселенной.

* *
*

Пригнулся охотникъ,—и борзый степнякъ.
Посовистый, легкій и смѣлый,
Шарахнулся съ мѣста, махнулъ черезъ оврагъ
И стелется полемъ, какъ истый сайгакъ!
И близится звѣрь опалѣлый.
Давно уже вѣзрилась свора: рѣзвѣ

Отметная сука dospѣла,
Ударила звѣря и сшибла его:
Но... знать не по вкусу—отсѣла.
Вложился любимецъ, кобель-молодышъ;—
Охотникъ въ восторгѣ, въ надеждѣ,
Готовъ ужъ отголкать и крикнуть отрыщъ;—
Доѣхаль—пошибку и... Что, братъ, шалишь?!—
Чѣмъ пахнетъ—понюхаль бы прежде.
Сконфуженъ охотникъ, глубоко смущенъ,
Охрипъ улюлюкая, стонеть.
По псарски бранится и безъ толку онъ
Коня неповиннаго гонить.
Какъ буря несется за волкомъ скакунъ;
Да что тому бури такія,
Когда и сученка и юный шалунъ
Вираглись къ нему въ пристяжныя?!
Въ унынѣ охотникъ и носомъ поникъ...
Но вотъ, тутъ же рядомъ съ оврага,
Вдругъ взмыль, изумленному звѣрю въ косикъ,
Стремяннаго своры надежа-старикъ,
Злобѣнь и могучъ, какъ отвага.
Опѣшилъ овчарникъ, полѣно (хвостъ) поджалъ,
И скоку надбавилъ; да поздно:
Броскомъ старичина въ лапухъ его смялъ;
Встряхнулся волчина и на дыбы сталъ.
Сцѣпились противники грозно;
Безмолвно хватили другъ-друга въ щипецъ,
Хватили, да такъ п зарьяли;
А тутъ навалился и юный боецъ
И сука,—опять его смяли!

* *
*

Мальчуга стремянный—какъ-тутъ, впопыхахъ
Наивно бросается въ свалку;
Доткнулся и замеръ съ кинжалцемъ въ рукахъ;—
«На что это глупое шильце въ ножнахъ?
Вотъ если-бы—длинную палку!...»

Межь тѣмъ мой борзятникъ, моментъ улова,
Чуть-чуть не на полномъ карьерѣ,
Падучей звѣздою скатившись съ коня,
Отважно сидитъ ужъ на звѣрѣ.
Зловѣще блестнулъ серебристый клинокъ,
Скользнулъ подъ грудную лопатку.
Закапала кровь на увядшій листокъ,
Вдохнулъ, потянулся и—сдохъ старичекъ....
Вдохнулъ и стремянный укладкой.

Отголкала охотникъ; но долго его
Дразнящее эхо, гудитъ: «о-го-го!»

Охота съ поросенкомъ. Это дѣлается такъ: двое или трое охотниковъ усаживаются въ сани и къ задку ихъ привязываютъ на длинной веревкѣ небольшую охапку сѣна. Въ санихъ же кладутъ завязаннаго въ мѣшокъ поросенка. Отправившись въ ту сторону, гдѣ предполагаются волки, начинаютъ изрѣдка подавливать поросенка, чтобы онъ пищалъ. Волки, услышавши поросичей визгъ, и предполагая, что волочащійся елокъ сѣна—поросенокъ, начинаютъ къ нему приближаться, но почувавъ обманъ, на минуту останавливаются, вотъ въ этотъ-то моментъ ихъ и стрѣляютъ. Но такого рода охота не совсѣмъ безопасна; такъ какъ на поросичей пискъ, можетъ набѣжать цѣлая стая голодныхъ волковъ и борьба можетъ выдти неровная.

Охота на приманку. Кладутъ какую-нибудь пададь недалеко отъ деревни, близъ сарая, бани или другаго какого строенія и не далѣе какъ на разстояніи 20—30 шаговъ. Охотники забираются въ постройку и дожидаются прихода волковъ. Пададь необходимо класть головой или хвостомъ къ тому мѣсту, изъ котораго придется стрѣлять и непременно къ мѣсячной сторонѣ, чтобы лучше можно было рассмотреть волковъ. Такъ какъ волки обладаютъ отличнымъ чутьемъ, то вслѣдствіе этого нужно садиться съ подвѣтрянной стороны, чтобы они не могли учуять засѣвшихъ въ засаду охотниковъ.

Въ степныхъ мѣстахъ волка стараются выгнать изъ камыша или бурьяна въ открытое поле и гоняются за нимъ до тѣхъ поръ, покуда онъ не въ состояніи будетъ бѣгать. Тутъ его и гибель. Кромѣ этого волковъ ловятъ въ капканы, ямы, западни и т. п., отравляютъ челибухой, стрихниномъ и другими ядовитыми предметами.

Стрѣляютъ волковъ пулями и картечами, стараясь всегда попасть въ голову, лопатки и грудь. Нанесенная рана въ другія части волчьяго тѣла не смертельна и звѣрь всегда можетъ уйдти.

Лисица. «Кумушка» пользуется такой же извѣстностью, какъ и «Куманекъ». Лисица беретъ хитростью, а волкъ разбоемъ. Портретъ лисы-патрикѣевны всѣмъ и каждому извѣстенъ; бываетъ различіе между лисицами только въ одеждѣ: однѣ изъ нихъ желтыя, другія красныя и третьи чернубурыя.

Лисица любитъ жить домкомъ, который и устраиваетъ надъ землей, то есть вырываетъ довольно глубокую нору и кромѣ главнаго лаза, проводитъ нѣсколько боковыхъ ходовъ. Во время сильныхъ морозовъ, она всѣ отверстія тщательно, затыкаетъ, не исключая даже и главнаго лаза.

Нерѣдко лиса, чтобы самой не трудиться особенно надъ устройствомъ жилища, выискиваетъ нору барсука и, подкарауливъ его выходъ, влѣзаетъ въ нору, испражняется въ ней и уходитъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, покуда барсуку не надоѣстъ исполнять обязанность ассенизатора и онъ перемѣстится на новоселье. Этого только и ждетъ хитрая «кумушка», чтобы занять готовое пепелище. Съ байбакомъ, вслѣдствіе его малосильности, она поступаетъ совершенно иначе: душитъ его со всей семьей и остается жить въ готовой норѣ. Разумѣется, поселившись въ нужной норѣ, она, конечно, кой-что и передѣлаетъ и поизмѣнитъ въ ней.

Въ лѣтнюю пору лисичка почти цѣлый день проводить, то въ норѣ, то возлѣ нея. Но лишь только солнышко станетъ опускаться за лѣсъ, какъ она бросается въ кусты и рыскаетъ по всѣмъ направлѣніямъ, отыскивая себѣ пищу.

Слухъ и обоняніе у лисицы замѣчательны. Она слышитъ запахъ своей добычи на чрезвычайно огромномъ разстояніи.

Она не пропуститъ ничего, чѣмъ можетъ поживиться: козленочекъ, курочка, уточка, все ей по вкусу. Во время голода не побрезгуетъ и падалью и червякомъ. Бѣда, если какъ-нибудь заберется въ курятникъ: не столько съѣсть она бѣдныхъ куръ сколько ихъ передушить. Съ особенной любовью и страстью лисица охотится за мышами. Въ это время она, кажется, забываетъ все ее окружающее, и подойти къ ней можно очень близко. Умѣющій хорошо подражать мышачьему голосу можетъ почти всегда подмануть къ себѣ лисицу и убить ее навѣрняка.

Съ февраля у лисицы начинается течка, и половое удовлетвореніе производится въ самой норѣ, въ которую забираются самцы, и добываютъ любовь самки съ бою. Оплодотворенная лисица, не выходитъ изъ норы почти во все время своей беременности. Сокоуплявшійся съ ней самецъ доставляетъ ей пищу.

Двухмѣсячные лисенята начинаютъ уже ходить съ матерью за добычей, а въ концѣ іюня отправляются съ ней на житье въ поля и луга, въ которыхъ и держатся до уборки хлѣба, а затѣмъ переселяются въ кустарники, гдѣ усваиваютъ всѣ хитрости матерп и осенью, отдѣлившись отъ нее, начинаютъ сами жить самостоятельно.

Лисица бѣгаетъ съ удивительной скоростью, и дѣлаетъ чрезвычайно быстрые, ловкіе и смѣлые повороты.

Лисій слѣдъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ представляетъ такую форму, какъ будто шель звѣръ на двухъ ногахъ, а не на четырехъ. Этотъ обманъ объясняется тѣмъ, что лисица ставитъ заднія ноги въ слѣдъ переднихъ.

Охотятся на лисицу всегда осенью и зимой, и лучшая изъ нихъ осенняя: ружейная съ гончими, а псовая съ борзыми. Описаніе картины охоты съ борзыми на лисицъ, мы передадимъ словами Е. Э. Дріанскаго *).

«Я считаю своею обязанностью, говорить онъ, хоть слегка объяснить для незнающихъ причину, почему псовый, наторѣвшій въ своемъ дѣлѣ, охотникъ травлю лисицъ предпочитаетъ

---

*) Записки мелкотравчатого.

всякой другой потѣхѣ. Спросите у любого, только опытнаго и втравленнаго борзятника, или лучше, предложите ему право выбора и спросите потомъ, кого онъ желаетъ травить: волка или лисицу? Лисицу, подавай лисицу! крикнетъ онъ изступленно и поскачетъ ни вѣсть куда, обречетъ себя на трудъ едва выносимый, на разнородныя лишенія для того только, чтобы добить и затравить «Патрикѣвну».

За что-жъ такое сильное предпочтеніе этой всемірной кумушкѣ, у которой нѣтъ даже настоящаго бѣга, потому что самая тупая изъ борзыхъ собакъ, на чистомъ, не дастъ ей хода, а собака рѣзвая не отпуститъ лису дальше того разстоянія, на какомъ «зазрѣла».

Умъ, хитрость, находчивость и изворотливость, сметливость и необыкновенное умѣнье въ минуту неизбѣжной гибели пользоваться самыми ничтожными средствами и случаями и съ помощью ихъ, въ глазахъ своего грознаго преслѣдователя извернуться, обмануть, проскользнуть какъ ртуть между пальцами и исчезнуть какъ дымъ отъ вѣтра, — вотъ качества этого проворнаго и увертливаго звѣрька, которыми такъ дорожить цесовый охотникъ. За то съ какимъ одушевленіемъ и энергіей будетъ онъ рассказывать, пожалуй ночь на пролетъ, о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ и продѣлкахъ, какіе выдѣлывала съ нимъ Патрикѣвна: всѣ моменты гоньбы и травли, всѣ эволюціи и увертки хитраго звѣрька будутъ передаваемы имъ съ такимъ одушевленіемъ и увлеченіемъ, что вамъ многое покажется вымысломъ и едва-ли вѣроятнымъ дѣломъ.

А гоньба по лисицѣ чего стоитъ? Та-же самая стая, которая помкнула по волку и въ мгновеніе она поставила сѣраго на вашъ лазъ, или, обогнувши два-три раза островъ, вынесла на *цититъ* бѣляка къ вашимъ ногамъ, та-же стая, усталая и подбитая натекла на лисій слѣдъ и вы слышите другіе голоса, чуется что-то особенное въ помычѣхъ выжлять, что-то болѣе дружное, жадное, свирѣбое въ гоньбѣ всей стаи. Волкъ, при первомъ звукѣ охотничьяго рога, при малѣйшемъ признакѣ опасности, мчится пзъ острова напрямикъ и потому держитъ на себѣ стаю недолго, особенно, если застигли въ островѣ не при гнѣздѣ; гоньба по волку

не менѣ зорка и злобная какъ и по лисицѣ, но быстрота скачки перваго и прямое направленіе, избираемое имъ большею частію случайно и напроломъ, не взирая ни на какія встрѣчи и препятствія, не всегда даетъ возможность гончимъ «скупиться» и гнать стайно. Заяць, преимущественно бѣлякъ, имѣетъ въ характерѣ «давать круги» и бить собакъ на одномъ мѣстѣ и потому выдерживать болѣе стойкую и продолжительную гоньбу, но это кушанье и для собакъ, и для охотника обыденное, будничное: другое дѣло — лисица.

Застигнутая въ расплохъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она задумала позавтракать вкусной зайчатиной или полакомиться тетерью, лисица, не вдругъ, не сразу пустится на утекъ; она очень хорошо знаетъ, что за всякій необдуманый шагъ впередъ или назадъ, за всякое движеніе на *авось* она непременно поплатится своею красивой и теплой шкуркой, безъ которой ей оставаться невозможно и потому Патрикѣвна начинаетъ съ искреннею заботливостью хлопотать о сбереженіи этой собственности: надѣлавши сметокъ и узнавъ посреди острова, прежде нежели горластый ловчій успѣлъ накликать, а проворные выжлятники подбить стаю на ея горячій слѣдъ, смысленая кумушка успѣла уже побывать на опушкѣ и навести справки о возможности улепетнуть изъ острова безъ большаго шума и огласки; но, увы! всѣ надежные пути для нея пресѣчены, всѣ лучшія и удобнѣйшія мѣста на пролазъ грозятъ засадой и гибелью; между тѣмъ стая вѣрной тропой натекаетъ, близится, не даетъ Патрикѣвнѣ ни свободнодохнуть, ни хорошенько поразмыслить о томъ, на что ей рѣшиться. Отысканная и подбуженная снова, она мчитъ на другой конецъ острова, ныряетъ подъ крайній кустъ и зорко оглядываетъ и соразмѣряетъ возможность на утекъ, но и тутъ ей предстоитъ опасность горше прежней: вездѣ, гдѣ бы не слѣдовало и быть, словно выросли изъ земли и торчатъ недвижимо зоркіе борзятники, а подлѣ, нихъ насторожа уши, сидятъ на корточкахъ рѣзвоногія борзны: съ этими послѣдними Патрикѣвна не желаетъ встрѣтиться даже и во снѣ, не только на яву и среди чистаго поля. Какъ быть? Дѣло, куда не поверни, выходитъ дрянъ! Осталось одно: обмануть

неотвязную ораву и пробраться низиной въ камыши... и вотъ, она ринулась прямо въ собакъ, собрала всю стаю и поволокла ее за хвостомъ въ глубь острова, вильнула направо, налѣво, разметала собакъ, скрала слѣдъ тишкомъ, бочкомъ, чуть дыша, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачкомъ, добралась до желанныхъ камышей, но, и тутъ къ Патрикѣвнѣ счастье обернулось спиною: проходъ въ камыши забранъ предательской стѣнкой изъ тенетъ, а по крыламъ стоятъ грозные тенетчики, кто съ ружьемъ, кто съ дубинкой... а собаки сзади свирѣпѣютъ, ревуть, словно повѣшенные за языкъ, ведутъ вѣрно, близятся.... и Патрикѣвна снова мчится вдоль острова, снова скрадываетъ слѣдъ и снова бочкомъ-тишкомъ прокралась она мимо всей стаи къ ручью; тутъ, надѣлавши новыхъ нетель, она, на свободѣ, побрѣла по теченію воды, обыскала мѣстечко поглубже и погуще, опустила въ воду съ ушами п, выставя кончикъ носа наружу, молча любитъ, какъ свирѣпая, стая примчавшись съ гикомъ къ берегу, остановилась, смокла, рассыпалась и съ жалобнымъ визгомъ кружить на одномъ мѣстѣ и ищетъ пропавшаго слѣда... Но и тутъ бѣдной затѣйницѣ суждено недолго наслаждаться плодомъ своего проворства и хитрости. Съ пѣной у рта, съ глазами на выкатѣ, горлани хриплымъ и поталкивая каблукми усталого коня, примчался ловчій къ тому мѣсту, гдѣ гончія «стеряли слѣдъ»: онъ подсвистываетъ измученнымъ выжлятамъ, кружить по мѣсту и зорко высматриваетъ, куда понорилась лиса; но ни тутъ, ни около норы не видно.... Безотвязный и опытный охотникъ останавливаетъ коня и, оглянувъ мѣстность, спускается въ ручей, мутить, буравить и пѣнить воду, ближе и ближе... и вотъ встряхиваясь и кой-какъ оправляясь на пути, Патрикѣвна опять волочитъ за мокрымъ хвостомъ озлобленную стаю, а ловчій трубить на зовъ по «красному». Тутъ только началась самая кипучая и безотвязная гоньба; стая «варитъ», не покидая слѣда... Лисица пошла «опушничать и вывертываться на чистоту:» охотники глядятъ на нее и стоятъ словно деревянные: съ этими расправа плоха! А вотъ, одинъ изъ нихъ приглянулся Патрикѣвнѣ: онъ жадно смотритъ на нее, нетерпѣливо оправляется въ сѣдлѣ, бодритъ

коня, осаждаетъ свору... Этоть, по мнѣ думаетъ Патрикѣвна и, отведя стаю далеко въ другой конецъ острова, примчалась на опушку и бѣжитъ прямо къ ногамъ горячаго охотника... Вотъ онъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, не выдержалъ, собаки ринулись, свора свистнула и въ тотъ же мигъ Патрикѣвна, увлекаемая пылкихъ борзыхъ, мчится назадъ въ островъ и падаетъ подъ первый кустъ: собаки юркнули мимо, разметались, ищутъ, мечутся въ стаю, а Патрикѣвна тѣмъ временемъ одинокая, свободная, безъ препонъ и помѣхи, напрягая послѣднія силы, катится какъ червонецъ, по темному грунту чернозема. Бѣдный борзятникъ скачетъ за ней сломя голову, кричитъ, хлопаешь, накликаетъ съ плачемъ пополамъ пропавшихъ собакъ, а смышленница летитъ какъ пухъ по вѣтру все дальше и дальше... Вотъ и борзья вынеслись изъ острова, за ними прорвалась и вся стая; отчаянный охотникъ, проводивъ лису, возвращается назадъ и, проклиная судьбу свою, начинаетъ сбивать гончихъ.... Къ нему на встрѣчу несется ловчій, съ бранью и проклятіями: — Галокъ тутъ считаете! кричитъ онъ еще издали и пошли упреки и доказательства со всѣми возможными прибаутками такого рода и склада, что со стороны слушая по неволѣ скажешь: мастеръ русскій человекъ браниться! А Патрикѣвна тѣмъ временемъ давно уже полизываетъ свои уставшія лапки и лежа на боку думаетъ... а что такое думаетъ она? ужъ тутъ присочинить трудновато.

Вотъ почему дорога охотнику лисица: она кипятитъ въ немъ кровь, *протираетъ* ему *глаза*, т. е. учитъ его проворству, ловкости, сметливости, тонкому соображенію.

Такъ было и съ нами. Знакомый графъ пригласилъ насъ охотиться на лисицъ. Всѣ приглашенные собрались.

Намъ подвели осѣдланыхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня, началъ графъ, обратясь къ охотникамъ: — на лазу¹⁾ стой, глазъ не раскидывай; проудишь²⁾ —

1) Мѣсто, откуда ожидаютъ звѣря.

2) Протравилъ — не поймалъ.

не твоя бѣда, прозѣваль — ремешкомъ поплатишься. Чуть запримѣтилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле; поперець, а то, въ шипецъ ¹⁾ нажидай... особенно, лису — заопушничала подлѣ тебя безъ помычки, на глади — стой, не дохни; а мѣсто есть на пролазь, тотчасъ рогъ ловчому посылай. Ты, Кондрашка, смотри берегись; я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голосу, втравилъ въ отъемную вершинну.... А главное, на драгу ²⁾ безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула которая, или тамъ увидаль полѣно ³⁾ али трубу ⁴⁾, и потомъ кличь кликать — п всѣ, дурачье, сыплють къ нему, а ловчій хотъ умирай на рогу: у насъ, дескать, своя забота!» Вотъ я за вами самъ начну присматриваться. Садись!

Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заметались вокругъ охотниковъ.

Ловчій ⁵⁾ со стаею тронулся впередъ; за нимъ поплелась длинная фура съ борзыми: доѣзжачіе ⁶⁾ разравнялись по три въ рядъ, раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себѣ шапку, тряхнулъ головой, откашлянулся и залился звонкимъ переливистымъ теноромъ:

«Эхъ — не одна во полѣ дороженька»....

Еще свистокъ и двадцать стройныхъ спѣтыхъ голосовъ грянуло разомъ:

«Пролегала»....

Вскорѣ и эхо изъ лѣсу кригнуло намъ вслѣдъ:

«Эхъ — заростала»....

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Наконецъ мы очутились у острова. Боже мой, какое надежное мѣсто для звѣря, если онъ захочетъ укрыться отъ зоркаго глаза охотника или спастись отъ преслѣдованія!

1) Пасть.

2) На подмогу.

3) Волчій хвостъ.

4) Лисій хвостъ.

5) Правящій стаею гончихъ собакъ.

6) Охотникъ съ борзыми.

Десятинъ сто рѣдкаго оспноваго лѣса, состоящаго изъ порубей и отдѣльныхъ кущъ, окаймили собой просторную ложбину или сухое болото съ кочками и хворостомъ. Отсюда, во всѣ стороны, въ степь, выходятъ тонкими языками отвершки или лучше сказать — рытвины, по которымъ втекаетъ вешняя вода и, образовавъ во время весны что-то въ родѣ озера, лѣтомъ просыхаетъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ было озеро, остаются кочки, заростающія рѣзакомъ и другими болотистыми травами. Тутъ, въ лѣтнее время, кипшатъ змѣи, плодятся журавли и другая дичь, а къ осени, когда болото подсохнетъ, оно наполняется лисцами, которыя бѣгутъ сюда со степи «мышковать».

Чтобъ разыскать и выжить отсюда звѣря, особенно лисицу, надо имѣть стаю не въ десять или двадцать собакъ, а именно стаю такую, какую мы подвели теперь къ синимъ кустамъ.

— Откуда думаете заводить? спросилъ Анѣевъ.

— А что тутъ заводитъ! Метнулъ съ поля, на духахъ, откуда ни ворвались — работа будетъ. Мѣсто, видите какое... сказалъ графъ.

Борзятники раздѣлились на двѣ половины и поѣхали на рысяхъ занимать мѣста. Немало было споровъ и перебранки у тѣхъ, которые старались захватить мѣста въ головѣ рытвинъ, идущихъ изъ острова: остальные протянулись линіей по чистой стени; цѣпь эта отстояла отъ острова почти на версту и охотникъ отъ охотника были расположены саженьяхъ въ двухъ-стахъ.

Разомкнутыя гончія сидѣли въ тѣсномъ кругу, жадно поглядывали на островъ и взвизгивали отъ петерпѣнія. Наконецъ Пашутка донесъ своему дядюшкѣ, что охотники на мѣстахъ. Сдавши верхніе кафтаны въ торока, оба ловчіе въ легкихъ курткахъ, съ рогами за плечами, пошли къ острову; тутъ надобно было слышать этотъ жалобный пискъ и вой всей стаи, изъ которой, однакожъ, ни одна собака не смѣла ступить шагъ впередъ. Выдержка удивительная! Но, вотъ, свистокъ и обѣ стаи ринулись съ гикомъ, рассыпались по опушкѣ и смолкли; выжлятники, раздѣлясь на двѣ руки, потрое

поскакали туда-жь — и начали порскать. Въ началѣ былъ слышенъ только одинъ шелестъ опавшаго листа въ томъ мѣстѣ, гдѣ шарили собаки, да рѣдкое взвизгиванье нетерпѣливыхъ ищеекъ, потомъ одна помѣнула и залилась: «вались! къ нему!» крикнули ей въ слѣдъ два человѣческіе голоса и нѣсколько новыхъ собачьихъ голосовъ мигомъ подравнялись къ пискувѣ и — *повели звѣря*; минутою спустя взревѣла вся стая и въ островѣ закипѣлъ адъ.... Слушая этотъ жесточенный ревъ и стонъ, становилось страшно: подобной гоньбы ни прежде, ни послѣ этого единственнаго случая я не слыхивалъ. Я повернулъ коня, отѣхалъ далеко въ поле и шагомъ окружилъ всю линію охотниковъ; (конечно, съ тыла, потому что проѣзжать передъ носомъ охотника, стоящаго на лазу, во время гоньбы было-бы непростительнымъ невѣжествомъ) всѣ они, даже лошади стояли неподвижно, словно, замороженные.

Смотрите на дилетанта, увлеченнаго стройнымъ, систематическимъ, разумнымъ порядкомъ, волнующимъ его душу звуковъ; слѣдите за приливомъ и отливомъ его страстнаго увлеченія этими гармоническими струями... Онъ глядитъ какъ-то торжественно, и умиленный, увлеченный, убаюванный чарующими мотивами, едва-слышно стучить тактъ ногой, объясняетъ взглядомъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.... Не таковъ образъ охотника, отуманеннаго зыкомъ паратой стаи — это нѣмой, окаменѣлый человѣкъ: однѣ полураскрытыя, дрожащія губы да глаза, жадно устремленные на одинъ дорожкой для нихъ пунктъ, даютъ знать, что это еще живой человѣкъ. А вотъ, дикіе, неистовые крики слились и покатались одною волной; чуткое ухо доноситъ охотнику, что звѣрь пошелъ — «прямика» стая ведетъ къ нему.... О, тогда не глядите охотнику въ глаза! вамъ будетъ и жалко и страшно слѣдить за этими муками въ человѣкѣ, у котораго сперлось дыханіе, остановилась кровь....

Я подѣхалъ и сталъ за спиной у Бацова; гоньба въ островѣ въ это время дошла до крайняго предѣла озлобленія и неистовства. Слушая, отсюда этотъ оглушительный ревъ и завыванье, казалось, будто весь островъ съ его кущами, зарослью

и кочкарникомъ сорвался съ мѣста, кружится и стонетъ какимъ-то зловѣщимъ всеокрушающимъ стономъ. Рогъ за рогомъ, порсканье и окрики выжлятниковъ, подбивавшихъ въ стаю, слились въ одну нераздѣльную неумолкаемую ноту.

— Береги! шепнулъ я Лукѣ Лукичу, глядя, какъ лисица, отслушивая гончихъ «тыняла» между кустовъ, пробираясь лощинкой прямо къ его ногамъ.

Горячій охотникъ не выдержалъ и, отдавъ не во время свору, понесся на встрѣчу къ лисѣ, но, въ тотъ мигъ, когда Карай и прочія собаки съ нею встрѣтились, Патрикѣвна — «пала», собаки съ горяча пронеслись и она шмыгнула мимо моей лошади; я поскакалъ вслѣдъ за нею по степи, но увы! пока Бацовъ успѣлъ справиться и показать ее собакамъ, плутовка была уже вблизи сосѣдней сурчины *) и, не дождавшись Карая, успѣла понориться. Блѣдный и растерянный подскакалъ ко мнѣ Лука Лукичъ; онъ проклиналъ и меня за появленіе не въ пору, и себя за то, что родился не въ пору на свѣтъ и, собравши на свору собакъ, снова сталъ на лазу.

Выжлятники, то тамъ, то сямъ, выскакивали изъ острова сбивать прорвавшихся гончихъ; кой-гдѣ травили, вторачивали и подавали позовъ, что — «звѣрь принять». Ловчіе тои-дѣло накликали своихъ послушныхъ выжлятъ на новый слѣдъ и снова въ островѣ закипала съ большей силой и съ большимъ остервененіемъ дружная, свирѣпая, неотвязная гоньба. Лисицамъ становилось въ островѣ плохое житье; никакія хитрости и увертки не помогали бѣдняжкамъ, застигнутымъ въ распахъ на ихъ сборномъ пунктѣ; ни густая заросль, ни высокія кочки, между которыми онѣ успѣвали на время скрадывать слѣдъ и затруднять гоньбу, не служили уже для нихъ убѣжищемъ и защитой: то тамъ, то сямъ, оторопѣвшая Патрикѣвна, не находя никакихъ новыхъ средствъ къ обману и уверткамъ, выносилась изъ опушки

---

*) Небольшіе курганчики, аршина въ два вышиною и сажени полторы въ діаметрѣ, съ нѣсколькими отпорками на верху; на нихъ всегда свистятъ сурки, сидя на заднихъ лапкахъ. Возлѣ отпорковъ ставятъ капканы, въ которые онѣ и попадаютъ.

прямо въ пасть къ борзымъ. Рѣдкая изъ нихъ въ этомъ крайнемъ случаѣ успѣвала обмануть бдительность охотника и увернуться отъ его своры. Вся игра Патрикѣвны оканчивалась все-таки тѣмъ, что она послѣ всѣхъ ловкихъ и граціозныхъ увертокъ, черезъ двѣ-три минуты, туго притороченная за головку къ задней лукѣ помахивала пушистымъ хвостомъ по кожаному потнику.

Лисица, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, обладаетъ необыкновенной способностью изобрѣтать средства для своего спасенія, и попавши въ руки охотника, нерѣдко прикидывается мертвою. Вслѣдствіе этого, какъ бы она ни была помята собаками, ее необходимо добить и туго приторочить за глотку; пристегнутая на мертвой петлѣ къ лукѣ, она не можетъ ожить и движеніемъ своимъ испугать лошадь. Такая предосторожность необходима для избѣжанія несчастныхъ случаевъ.

Кромѣ охоты съ гончими и борзыми, лисицъ бьютъ на манку, которая заключается въ томъ, чтобы подражать мышинному писку. Дѣлается это такъ: охотникъ прячется въ такое мѣсто, гдѣ бы его не было видно и начинаетъ производить мышинный пискъ. Патрикѣвна, услышавши голосъ любимой своей пищи, наостривши уши, начинаетъ осторожно подкрадываться къ звуку мнимой своей жертвы... Въ это время охотникъ, подпустивши ее на извѣстное разстояніе, убиваетъ на поваль. Такой способъ охоты бываетъ только въ концѣ осени или по первой порошѣ, когда лисицы «мышкуютъ».

Въ степныхъ мѣстахъ охотятся иногда на лисицъ безъ собакъ, на однѣхъ лошадяхъ. Вся суть этой охоты заключается въ томъ, чтобы загнать лисицу до такой степени, чтобы она, выбившись изъ силъ не могла сдѣлать лишняго шага впередъ. Доведя до такого состоянія, лисицу убиваютъ арапникомъ, дубиной, или берутъ живьемъ. Подобная охота производится по первой порошѣ, когда рыхлаго снѣгу выпадетъ четверти двѣ, а то и болѣе. По такому снѣгу лисица бѣгать долго не можетъ и очень скоро становится добычею охотника. Охотятся вдвоемъ, троемъ и болѣе. Вооружившись хорошими арапниками и добрыми дубинками, охотники, раннимъ утромъ,

отправившись въ поле и напавъ на свѣжій лисій *нарыскъ*, начинаютъ съѣзжать звѣря. Поднявшуюся съ логова лисицу, кто-нибудь изъ охотниковъ бросается преслѣдовать звѣря, а другой скачетъ стороной, чтобы Патрикѣвна не ухитрилась завалиться въ близъ лежащей лѣсъ или притаиться въ какомъ-нибудь овражкѣ, буеракѣ, сурчинѣ или рытвинѣ. Двѣ-три версты хорошаго гона, достаточно для того, чтобы лисица обезсилилась. Главное условіе въ этой охотѣ — не давать возможности лисицѣ дѣлать отдыхи.

Ловятъ лисицъ также капканами, петлями и другими собаками.

Куница. Этотъ звѣрекъ по хитрости и проворству, сродни лисѣ Патрикѣвнѣ. Живетъ куница въ большихъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ. Она несравненно проворнѣе бѣлки, которую съ удовольствіемъ ловить и кушаетъ.

«Осенью, говоритъ г. Воропай, какъ только собака попадетъ на куницу, она бросается бѣжать, и при томъ рѣдко землю, а большею частію вскакиваетъ на дерево, съ него на другое, а тамъ на третье и такъ далѣе; причемъ бѣжить такъ быстро, что собака едва успѣваетъ бѣжать за ней по землѣ. Охотникъ спѣшитъ, сколько силъ есть, прислушиваясь къ лаю собаки; но ему все-таки не поспѣтъ бы, если бы куница не останавливалась время отъ времени; сильно уставши, куница либо усядется на дерево, гдѣ ее и стрѣляютъ, либо заберется въ дупло».

Куница почти весь день спитъ и выходитъ на добычу къ вечеру, за которой и гоняется всю ночь. Она жретъ все: мышъ, зайца, бѣлку, глухаря и т. д. Зимой, во время голоданія, она пробирается къ деревьямъ и душитъ куръ, голубей и другихъ домашнихъ птицъ. Подкарауливши свою жертву, она быстро накидывается и перегрызаетъ ей горло.

Если во время погони за куницей, она заберется въ дупло, то его сначала чѣмънибудь закроютъ, а потомъ срубаютъ. Зимой куница чаще всего забирается въ кучи лому, засыпаннаго толстымъ слоемъ снѣга, откуда достать ее не особенно легко.

Во время течки, которая бываетъ у куницъ въ февралѣ

мѣсяцѣ, изъ-за обладанія самкой, вверху на древесныхъ вѣтвяхъ между самцами происходятъ такія баталіи, что ужасъ беретъ.

Кромѣ охоты съ ружьемъ и собакой, куницъ ловятъ капканами, поставушками, сѣтями и другими различными способами.

Разсказываютъ, что любопытство у куницы до такой степени развито, что если встрѣтишь ее случайно, безъ ружья, то достаточно передъ ней повѣсить что-нибудь, чтобы она дожидалась, пока возвратишься съ ружьемъ.

Соболь. По виду и образу жизни соболь схожъ съ куницей. Лучшими изъ нихъ считаются тѣ, которые водятся около Якутска, Березова, Туруханска и вверху Ангары.

Лучшее время охоты на соболей — это зима; въ это время одежда соболя лучше и шкурка цѣнится дороже.

Любимое мѣсто соболя халуй (валежникъ — лѣсъ, нагроможденный массой въ одномъ мѣстѣ — притонъ соболя и куницы). *Грядой* (т. е. перепрыгиваетъ съ дерева на дерево), соболь ходитъ очень рѣдко; не такъ какъ куница, которая замѣтя, что ее нагоняютъ, сейчасъ же взбирается на дерево и идетъ верхомъ.

Если соболь скроется въ какой-нибудь халуй, то охотникъ разставляетъ вокругъ халуя тенета, а шагахъ въ двухъ стахъ дѣлаетъ себѣ нодью и почуветь; тутъ онъ спитъ чутко, не смотря на усталость, и постоянно навѣщаетъ халуй, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли выходнаго слѣда; собака же караулитъ еще бдительнѣе, такъ что если бы охотникъ и заснулъ, она своимъ визгливымъ лаемъ непременно разбудила бы его. Но соболь рѣдко выходитъ ночью, а всегда на зарѣ.

Охота на соболей во многомъ сходна съ охотой на куницъ. Съ начала зимы и почти по конецъ февраля, охота на соболей производится на лыжахъ съ ружьемъ и собакой. Отрывши слѣдъ драгоценнаго звѣрька, собака звонкимъ лаемъ гонитъ его; охотникъ же въ это время, выбравъ благоприятный моментъ, поражаетъ соболя пулей на смерть... Чтобы представить болѣе подробное описаніе охоты на соболя, которая такъ схожа съ охотой на куницу, мы воспользуемся прекраснымъ

разказомъ г. Белдыцкаго, помѣщенномъ въ журналѣ «Природа и охота».

«Однажды, говоритъ онъ, въ 187* г., въ концѣ феврала, былъ я для развѣдокъ золота на вершинахъ одного изъ истоковъ Вишеры, т. е. на верху Уральскаго хребта. Рабочіе ушли въ нарты за провизіей на складъ, слѣдовательно шурфовка на три дня прекратилась. Сидѣть въ зимнемъ шалашѣ, безъ дѣла, и къ тому-же еще томиться неизвѣстностью и подогрѣвать упадающій духъ только сладкими надеждами — куда какъ не весело... Совсѣмъ съѣла тоска.

— А что, П. В., видя мою кручину, обратился ко мнѣ какъ-то вечеромъ остававшійся при мнѣ старикъ Устинъ, — не сходить ли намъ утромъ по соболя?

Я обрадовался этому предложенію, какъ лучшему средству прогнать скуку.

Рано утромъ, наскоро напившись чаю, мы стали въ лыжи и завязавъ покрѣпче юксы, двинулись въ лѣсъ, конечно захвативъ съ собой и Лапку (собака). Въ лѣсу было ужъ настолько свѣтло, что можно было свободно различить слѣды всякаго звѣря. Лыжи легко скользнули по снѣгу, покрытому настомъ. Лапка, наостривъ уши, бойко барабанила лапками по лыжницѣ, и отъ нетерпѣнія или забывчивости, постоянно наскакивала сзади на мои лыжи, отчего я часто чуть не падалъ, посылая собаченкѣ разныя проклятія. Въ послѣднемъ усердно помогаль мнѣ и Устинъ; такъ пробились мы съ собаченкой часа три, но слѣда на пути во все время ни одного не встрѣтили. Но вотъ наконецъ Лапка со всѣхъ ногъ бросилась въ сторону, понюхала, повертѣлась возлѣ елки, и пошла съ лаемъ завихаривать вправо отъ насъ.

— По красному, промолвилъ Устинъ, и быстро повернулъ лыжи за Лапкой. Я за нимъ.

Въ какія нибудь двадцать минутъ лай собаки уже не былъ слышенъ и Устинъ шелъ по слѣду Лапки. Онъ такъ надбавилъ ходу, что у меня стало духъ захватывать, спину точно кто окачивалъ водой, а между тѣмъ, я считаюсь здѣсь, на Вишерѣ, однимъ изъ лучшихъ ходоконъ на лыжахъ. Отстать отъ Устина — я считаль по этому для себя великимъ срамомъ

и рѣшилъ, во чтобы то ни стало, держаться; хотѣлось мнѣ, чтобы не очень ужъ утомлять себя, не сидѣть на лыжахъ Устина, а только не упускать его изъ вида. Но тутъ новая бѣда: лѣсъ густой, повороты соболя такіе крутые, что часто въ двадцати шагахъ Устинъ скрывался изъ виду, такъ что только по лыжницѣ и можно было слѣдить за старикомъ. Дѣлать нечего — надо идти. Хуже всего донималъ валежники: поваленныя вѣтромъ деревья — большею частью кедры, — попадались такой толщины, что снѣгъ и въ половину не покрывалъ ихъ, слѣдовательно, нужно было вскарабкаться на дерево и спускаться съ него, а это труднѣе, чѣмъ можетъ себѣ вообразить тотъ, кто не хаживалъ на лыжахъ по сѣвернымъ лѣсамъ.

Шли мы по слѣдамъ Лапки часа два, не слыша ея лая. Наконецъ послышался вдали отрывистый и звонкій голосъ собаки. Нужно было видѣть фигуру старика Устина, съ пудовыми тенетами и съ лузаномъ — этимъ походнымъ магазиномъ вишерца, — съ ружьемъ на плечахъ, несущагося по лѣсу, въ которомъ что ни шагъ, то препятствіе. Онъ такъ быстро несется на лыжахъ, что снѣгъ подъ ногами даже визжитъ. Но вотъ лай все ближе и ближе; наконецъ въ виду и сама Лапка. Мордочка поднята вверхъ, глаза устремлены на верхушку ели. Устинъ уменьшилъ ходу, снялъ винтовку и сталъ медленно подилывать къ елкѣ, на которую лаяла Лапка. У меня сердце замерло. Была минута, когда я готовъ былъ броситься впередъ крадущагося Устина и убить соболя, но воздержался. Смотрю, Устинъ остановился, переставилъ лыжи поперекъ лыжницы, взвелъ курокъ винтовки, прицѣлился, наводитъ... Наконецъ щелкнулъ кремьнь объ огниво*), ясно показались три искры у курка, но выстрѣла нѣтъ и... значитъ осѣчка. Ружье отнято отъ прицѣла, курокъ опять взведенъ, кремьнь потертъ ногтемъ большого пальца правой руки; опять прицѣлъ, — щелкнулъ курокъ, показалось нѣсколько искръ, а выстрѣла нѣтъ. Мнѣ стало не въ моготу: я взвелъ

---

*) Всѣ вишерцы стрѣляютъ изъ кремневыхъ ружей, только теперь изрѣдка стали вводиться пистонныя.

курки моей двухстволки и пошелъ новымъ слѣдомъ, не лыжницѣ Устина, а прямо къ Лапкѣ, которая, при видѣ меня, заплясала на мѣстѣ и, лая, указывала мордочкой на верхушку ели. Я сталъ рядомъ съ ней и началъ внимательно глядѣть на верхушку, но ничего увидѣть не могъ; я посмотрѣлъ на Лапку, чтобы по направленію ея мордочки опредѣлить, на какой высотѣ ели сидитъ соболь — мордочка смотрѣла, какъ мнѣ показалось, на самую верхушку, а я попрежнему ничего не видалъ. Кровь во мнѣ такъ и кипѣла. А съ другой стороны той-же ели, почти напротивъ меня, стоитъ Устинъ и все щелкаетъ куркомъ, а выстрѣла все нѣтъ — какъ нѣтъ. Отъ злости и нетерпѣнія я громко прошипѣлъ «кышь!» Мгновенно съ высоты половины елки слетѣлъ черный комочекъ, направляясь къ слѣдующему дереву, но не добравшись до дерева ушалъ въ снѣгъ. Какъ молнія сверкнула за нимъ Лапка. Выдерживая лай Лапки и щелканіе курка Устиновской винтовки, соболь невыдержалъ моего «кышь» и пошелъ въ ходъ. Была минута, когда Лапку отъ соболя раздѣляли пространства только въ одинъ аршинъ, причемъ Лапка уже не лаяла, а только разѣвала ротъ, готовясь схватить звѣря, но тотъ справясь въ снѣгу, мгновенно взвился на ближнюю елку и пошелъ грядой.

Лѣсъ былъ густой, и путешествіе по вершинамъ елокъ для соболя было весьма удобно, чѣмъ онъ и воспользовался какъ нельзя лучше. Лапка, несясь за нимъ, нестова визжала. Устинъ скоро очутился впереди меня и съ ловкостью оленя летѣлъ вслѣдъ за Лапкой... Признаюсь, что подобные конфузы рѣдко встрѣчаются: былъ соболь въ рукахъ — и проморгали. Устинъ, скользя мимо меня, немилосердно ругалъ свою винтовку за то, что она «дура» не выпалила...

Не болѣе какъ черезъ четверть часа, соболь опустился въ первый попавшійся халуй. Лапка завизжала и начала передними лапками рыть снѣгъ. «У-у-утъ», закричалъ Устинъ и Лапка еще сильнѣе стала рыть снѣгъ, всовывая въ щели халуя весь свой носъ, сильно потягивая оттуда воздухъ и снова принимаясь за визжанье и копанье. Устинъ быстро подкатилъ, мигомъ снялъ тенета и чрезвычайно ловко растя-

нувъ ихъ полукругомъ съ трехъ сторонъ халуя, подперъ палочками чрезъ каждыя три-четыре шага, вдавливая притомъ нижній край тенеть въ снѣгъ. Послѣ этой операціи, продолжавшейся не болѣе десяти минутъ, онъ вырубилъ топоромъ длинный, сажени въ двѣ, шесть, зашелъ со стороны, необложенной тенетами и сталъ шестомъ тыкать въ халуя, между лежавшихъ одно на другомъ деревьевъ. Лапка почти вся скрылась въ выкопанную ею самой ямку, но все-таки внутрь халуя попасть не могла. Не успѣлъ Устинъ раза два ударить шестомъ въ халуя, какъ соболю, въ пяти шагахъ отъ меня, выскочилъ изъ халуя и, бросившись въ самый край тенеть, мгновенно въ нихъ запутался, приче́мъ отъ сотрясенія тенеть, попадали ближнія палочки-подпорки.

— Здѣсь, здѣсь — закричалъ я во все горло. Но Устинъ уже самъ увидалъ соболя и несся къ нему съ поднятымъ шестомъ. Послѣ удара, не совсѣмъ ловко попавшаго, соболю, сплпно рванулся въ тенетахъ и, кто знаетъ, чѣмъ-бы кончилось дѣло, если-бы въ это мгновеніе не явилась Лапка. Она въ одну секунду задавила соболя и неистово стала рвать его, такъ что Устинъ едва могъ отнять его у нея, приче́мъ бѣдная Лапка получила въ награду отъ своего хозяина такіе удары, отъ которыхъ любой сетеръ навѣрное-бы издохъ.

Тенета оказались сильно порваны, такъ что соболю весьма легко могъ бы уйти, не будь Лапки, потому что стрѣлять въ пяти шагахъ и въ чащѣ, мнѣ было очень неловко и промахъ былъ бы весьма возможенъ.

Стали осматривать добычу. Соболю оказался матерымъ: шерсть на немъ была темная съ золотистымъ отливомъ. Устинъ сіялъ отъ удовольствія».

Кромѣ тенеть, ловятъ соболей капканами, ловушками и другими поставушками.

Хорь - хорекъ. Складомъ онъ похожъ на куницу. Это космополитъ своего рода, который постоянного мѣста жительства не имѣетъ и попадаетъ вездѣ: въ поляхъ, лѣсахъ, горахъ, пещерахъ, дуплахъ, въ кучахъ хлама, между камней, на снѣгъ а то и просто подъ поломъ.

Проворство и ловкость хорька изумительны, для него пре-

пятствій не существуетъ и онъ куда угодно пройдетъ. Доста-точно крошечной дырочки, чтобы ему пролѣзть. Онъ отлично ходитъ по самой тонкой веревочкѣ и въ этомъ отношеніи не уступить лучшему акробату.

Относительно пищи хорекъ не брезгаетъ ничѣмъ: мыши, крысы, суслики, кроты, птицы, лягушки, рыба, змѣи, насѣкомыя, плоды, для него одинаково пріятны и вкусны.

Охота на хорьковъ съ ружьемъ и собакой неразрывно связана съ ловлей ихъ въ различнаго рода капканы и ловушки. Къ такому способу охоты заставляетъ прибѣгать горькая необходимость. Часто случается найти хорька въ совершенно недоступномъ мѣстѣ, откуда достать его съ помощью собаки невозможно или такъ трудно, что не стоитъ самъ хорекъ той работы, которая нужна, чтобы его достать. Для этого, отправляясь на охоту, берутъ съ собой одну или двѣ ловушки, которыя въ подобныхъ случаяхъ и ставятъ около того мѣста, гдѣ засѣлъ хорь.

Тотъ только можетъ быть хорошимъ ловцомъ хорьковъ, который долго охотился за ними съ ружьемъ и собакой. «Промышляя съ собаками, охотникъ знакомится съ обычаями звѣрьковъ, узнаетъ тѣ мѣста, гдѣ хори больше держатся и время, когда ихъ надо искать въ томъ или другомъ мѣстѣ; поэтому онъ приобретаетъ навыкъ узнавать «на глазъ» вѣрныя мѣста и ставить ловушки съ рѣдкими неудачами. Если же начать охоту прямо съ ловли, безъ предварительной подготовки охотой съ собаками, то навыкъ этотъ почти недосыгаемъ».

Осенью хорекъ долго на одномъ мѣстѣ не живетъ, а перескакиваетъ съ одного мѣста на другое. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что хорекъ отыскавши укромное мѣстечко, держится около него до того времени, покуда обезпеченъ пищей. Въ осеннее время онъ преимущественно поселяется тамъ, гдѣ изобиліе мышей.

Хорекъ кровожаденъ до крайности. Онъ сплошь и рядомъ душитъ животныхъ не столько для удовлетворенія своего голода, сколько изъ любви къ искусству. Маленькихъ животныхъ онъ умерщвляетъ моментально, прокусывая голову и

высасывая мозгъ и кровь; болѣе крупнымъ перегрызаеть шею. Онъ настолько смѣлъ и отваженъ, что нападаетъ на взрослыхъ людей, а маленькихъ загрызаеть. Поэтому нужно быть крайне осторожнымъ при охотѣ на нихъ.

По поводу нападенія хорьковъ на дѣтей, Ленцъ, рассказываетъ слѣдующій случай: «Въ герцогствѣ Гессенъ-Кесельскомъ, въ деревнѣ Ферна, шестилѣтній мальчикъ посадилъ своего маленькаго брата на дорогу, недалеко отъ канавы, чтобы облегчить себѣ няньчанье съ нимъ. Вдругъ выскочили три хорька и бросились на малютку. Одинъ вцѣпился ему въ затылокъ, другой съ боку въ голову, а третій въ лобъ. Ребенокъ страшно закричалъ, братишка подбѣжалъ выручать его, но изъ канавы вылѣзли еще нѣсколько хорьковъ и хотѣли броситься на него самого. Къ счастью въ это время двое крестьянъ прибѣжали съ поля на крикъ дѣтей и убили двухъ изъ хорьковъ, послѣ чего остальные убѣжали». А вотъ и другой случай: «въ Ригѣ хорекъ влѣзъ въ комнату черезъ дыру въ полу, бросился на ребенка, славшаго въ колюбели, убилъ его и началъ ѣсть ему лѣвую щеку».

Хорекъ, живя въ какомъ либо мѣстѣ, всегда имѣеть ходы или *нуть*, которымъ онъ выходитъ на добычу. Кромѣ этого хорекъ имѣеть постоянные переходы, прокладываемые имъ среди кочекъ, пней и т. п.

Лучшее мѣсто, чтобы поймать хорька—это лазъ норы, гдѣ онъ проводитъ цѣлый день. Но лазъ неособенно легко найти. «Если мѣстность, въ которой поселился звѣрокъ, представляетъ для него много удобныхъ убѣжищъ, напимѣръ: много кучъ крупнаго камня или еловыхъ пней, подъ каждымъ изъ которыхъ онъ находитъ удобное для себя помѣщеніе, то онъ и не имѣеть постоянного логовища, а проводить день то тамъ, то тутъ — и ловить его приходится не иначе какъ на переходахъ. Если-же мѣстность не представляетъ такихъ удобствъ, то хорь селится въ постоянномъ помѣщеніи, нерѣдко выкапывая для этого нарочно не глубокою норку. Къ отверстию постоянного логовища звѣрокъ ходитъ на нѣкоторомъ разстояніи всегда однимъ и тѣмъ же

слѣдомъ и въ короткое время пробиваетъ узкую тропу, замѣтную даже для неопытнаго человѣка».

По небольшимъ порошамъ хорька еще можно выслѣдить, но зимой найти его — дѣло счастливаго случая. Онъ въ это время старается забраться подъ какую-нибудь постройку овина, сарая, амбара и т. п., гдѣ и занимается ловлею мышей, крысъ.

Съ начала весны у хорей начинается течка и самцы рыщутъ по гладкому насту днемъ и ночью, отыскивая себѣ самокъ. Возлѣ того мѣста, гдѣ находится самка, самцы пробиваютъ тропу. Въ это время охотникъ — не зѣвай.

Для охоты съ ружьемъ нужно имѣть собаку хорошую, приученную.

Хорь отъ преслѣдованія охотника всегда старается укрыться подъ корни, бряжи и т. п.

Самой лучшей привадою считается тетеревъ, курица или заяцъ, которые и привязываются къ ловушкамъ.

Горностай. Этотъ небольшой звѣрокъ водится почти во всей Россіи, но только не въ такомъ громадномъ количествѣ какъ въ Сибири. Онъ очень кровожаденъ, смѣлъ и проворенъ. Лѣтомъ на немъ шкурка сѣро-бурая, а зимой бѣлая какъ снѣгъ.

Въ теченіе дня горностай сидитъ въ норѣ, а ночью выходитъ на разбой для добычи. Относительно пищи онъ не брезгуетъ ничѣмъ какъ и хорекъ.

Движенія горностая быстры, ловки. Ползаетъ какъ змѣя, бѣгаетъ такъ, что позавидуетъ хорошая собака, а плаваетъ мастерски. Подкарауливши свою жертву, онъ дѣлаетъ прыжокъ, вскакиваетъ ей на спину и рѣжетъ своими острыми зубами. Въ особенности замѣчательна охота горностая на такую крупную птицу какъ глухарь.

Подравшись ночью къ сонному тетереву, онъ однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на него и, вонзившись когтями начинаетъ грызть шею около плечъ. Глухарь, испуганный нечаяннымъ нападеніемъ и мучимый болью, летитъ, не зная самъ куда; горностай же въ это время успѣваетъ загрысть, — и мертвый глухарь падаетъ вмѣстѣ съ хищникомъ на землю. Поѣвши въ сласть дичи, горностай убѣгаетъ въ свое логовище.

Горноста́й очень золь, и если его раненнаго взять неосторожно въ руки, то онъ въ одну минуту нанесетъ нѣсколько ранъ, которыя иногда бывають довольно опасны.

Лучшее время охоты на горноста́я это глубокой зимой.

«Изъ ружей горноста́евъ бьютъ рѣдко: его очень трудно найти и притомъ надо выгнать изъ лому, наваленнаго иногда такъ много, что на разборку его потратится много времени и труда; выгнанный горноста́й быстро взбѣгаетъ на ближайшее дерево и сидитъ уже на немъ пока, не убьютъ, потому что перескочить на другое не можетъ; кромѣ того у застрѣленнаго горноста́я шкурка пачкается кровью, которая съ трудомъ отчищается, и поэтому ихъ ловятъ больше западнями».

Мясо горноста́я до такой степени отвратительнаго запаха, что, когда съ него снимають шкурку, то даже люди привычные не могутъ его выносить.

Рысь. Живетъ она преимущественно на сѣверѣ въ непроходимыхъ лѣсахъ.

Рысь хитра и проворна. Обладаетъ превосходной способностью лазить по деревьямъ и вытянувшись во всю свою длину на какомъ-нибудь здоровомъ суку, поджидаетъ добычи, на которую кидается съ удивительной быстротой. Дикая коза, олень, лось и т. п. ей все подъ силу. Сдѣлавъ громадный прыжокъ, она впивается въ холку своего врага и до тѣхъ поръ его не выпускаетъ изъ когтей, покада тотъ не свалится мертвымъ.

Свирѣпный видъ рыси очень неприятенъ: морда усѣяна щетинистыми усами, на длинныхъ ушахъ торчатъ пучки волосъ, на щекахъ что-то въ родѣ бакенбардовъ, глаза круглые, шкура сѣро-желтая.

Во время течки, между самцами, за обладаніе самкой, происходятъ кровавыя побоища.

Для охоты за рысью нужно имѣть собаку хорошую, съ быстрымъ бѣгомъ, иначе этотъ звѣрь отъ креслѣдованія можетъ скрыться въ лѣсную глушь, гдѣ его потомъ и не найдешь.

Бить рысь нужно наповаль, т. е. въ сердце или голову,

иначе раненая рысь можетъ кинуться на стрѣлка и изуродовать его.

Охотникъ долженъ быть крайне остороженъ, и къ раненному звѣрю близко не подходить.

Рысь во время преслѣдованія собакой, имѣеть обыкновеніе вскакивать на дерево, поэтому охотнику необходимо быть всегда на сторожѣ, чтобы въ слѣдъ за проскакавшей собакой, имѣть возможность тотчасъ же выстрѣлить въ вскочившаго на дерево звѣря.

Кромѣ охоты съ ружьемъ, рысь ловятъ разными снарядами

Тигръ. Этотъ страшный и огромный звѣрь встрѣчается на Кавказѣ, въ южной Сибири и особенно въ большомъ количествѣ на Сырь-Дарьѣ.

Величина тигра бываетъ различна. Покрываетъ онъ короткой желтоватой шерстью съ поперечными черными полосами. Видомъ своимъ онъ представляетъ громадныхъ размѣровъ кошку и обладаетъ такой ужасной силой, что въ состояніи уносить въ зубахъ такихъ животныхъ какъ лошадь или корова.

Пищей тигру служатъ кабаны, выдры, козы, олени и т. п.

Чтобы вполне ознакомить своихъ читателей съ охотой на тигровъ, мы должны вторично возвратиться къ прелестной и чрезвычайно интересной статьѣ *Върненскаго гражданина*, помѣщенной въ журналѣ «Природа и Охота», подъ названіемъ: «Мантыкъ истребитель тигровъ». Мы вполне увѣрены, что почтенный авторъ разсказа на насъ за это не посѣтуетъ. Вотъ что онъ между прочимъ говоритъ:

«Я хочу говорить объ охотѣ, гдѣ уже удовольствіе самаго смѣлаго и ловкаго охотника вытѣсняется тою страшною опасностью, съ какою сопряжена охота за тигромъ, тутъ уже на мѣсто удовольствія выступаетъ отчаянная удалъ и дерзкая отвага; здѣсь вѣроятностей на успѣхъ охотнику очень мало, здѣсь шансы на побѣду почти всѣ на сторонѣ тигра: одинъ моментъ, одно мгновеніе пропущено и—охотникъ разстерзанъ въ клочки. На подобную охоту уже никто не ѣздитъ изъ диллентатизма: плохое удовольствіе побывать въ когтяхъ у тигра.

Въ Раимѣ¹⁾, гдѣ было полторы тысячи чиновъ горнизна, всего и былъ только одинъ настоящій охотникъ, уральскій казакъ изъ калмыковъ, дивный Мантыкъ, чертовски сложенный физически; человекъ этотъ былъ одаренъ такою силою воли, такимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, что вызывалъ невольное удивленіе. Изъ двухствольнаго ружья, съ ножомъ въ рукѣ, онъ билъ тигровъ одинъ безъ всякой сторонней помощи. Жаль его,—онъ давно спитъ въ сырой землѣ, сраженный тринадцатымъ тигромъ. Его борьбы съ тиграми безпримѣрны въ лѣтописяхъ охоты. Рѣшиться идти на тигра одному и одержать тринадцать побѣдъ,—это небездѣлица.

Мантыкъ рѣдко бывалъ на мѣстѣ, въ укрѣпленіи, а всегда бродилъ по камышамъ, степямъ и охотился... Однажды онъ собрался вдвоемъ съ казакомъ на дикихъ свиней и на всякій случай взялъ принадлежности и на тигра; два дня онъ ходилъ безъ всякой добычи. Чтобы отдохнуть, поѣсть, напиться, поразвѣдать, Мантыкъ заходитъ въ кибитку одного киргиза. Во время разговора, вдругъ они слышатъ отчаянный крикъ. Бросаются изъ кибитки и видятъ бѣгущаго къ нимъ съ воплемъ киргизенка, пасшаго не подалеку барановъ хозяина кибитки; въ киргизенкѣ, просто, души нѣтъ: блѣдный какъ покойникъ, все лицо обезображено ужасомъ, словъ разобрать было нельзя, наконецъ кое-какъ поняли, что тигръ напалъ на его стадо, схватилъ козленка и унесъ въ камышъ. Вбѣжать въ кибитку, схватить ружье — было для Мантыка дѣломъ одного мгновенья и онъ вылетѣлъ изъ кибитки съ быстротою ядра изъ пушки. По указанію киргизенка, потомъ по слѣдамъ тигра и крови козленка, Мантыкъ съ товарищемъ пустились бѣжать во весь духъ въ густоту камыша. Сажень черезъ полторасти или двѣсти отъ мѣста, гдѣ паслись бараны, въ камышѣ была чистая поляна; на этой полянѣ, тигръ, услыжавъ погоню по пятамъ, бросилъ добычу. Мантыкъ, увидѣвъ козленка, останавливается, останавливаетъ товарища и тотчасъ отступаетъ назадъ, въ камышъ.

— Тигръ не покинетъ добычи и вернется за козленкомъ

---

*) На Сыръ-дарьѣ.

сейчасъ-же — я это знаю, подождемъ, покараулимъ, прошепталъ товарищу Мантыкъ.

На цыпочкахъ пробрались и скрылись они въ густомъ камышѣ, саженьяхъ въ пятнадцать отъ козленка. Направление, по которому ушелъ тигръ, осталось отъ нихъ въ лѣвой рукѣ. Позиція чудная! Сѣли рядомъ, осмотрѣли курки, пистоны, а Мантыкъ и ножъ, который имѣлъ размѣры кинжала, и приготовились поподчивать тигра инымъ блюдомъ. Сидятъ и ждутъ, притаивъ дыханіе, лишь подергиваніемъ бровей передаютъ одинъ другому нужные знаки. Ничто не шелохнется, тихо какъ въ могильномъ склепѣ. Черезъ полчаса послышался маленькій трескъ слѣва. Тигръ по камышу ходитъ мастерски, рѣдко хрустнетъ что-нибудь у него подъ лапой.

— Идетъ! шепнулъ Мантыкъ.

Съ этимъ словомъ показался изъ камыша тигръ всею головою до плечъ и остановился. Въ разливахъ Сыра, камышъ растетъ густой, толстый, аршинъ шесть вышиною и оканчивается на полянахъ не опушками, а въ обрѣзъ, точно деревянный заборъ или стѣна; изъ такой-то стѣны и вышелъ тигръ; голова его съ плечами и лапами были видны въ обрѣзъ. Тигръ посмотрѣлъ во всѣ стороны, на минуту остановилъ глаза на козленкѣ и со всею осторожностію, медленно, но важно, съ свойственною ему только одному гордою осанкою, подошелъ къ нему, одинъ разъ рывкнулъ и остановился правымъ бокомъ къ охотникамъ и такимъ образомъ подставилъ вѣрную цѣль. Тигръ обнюхивалъ козленка.

Медлить болѣе нельзя.

Мантыкъ спустилъ оба курка разомъ.

Этимъ выстрѣломъ изъ двухъ стволовъ отбросило тигра въ противоположную сторону и свалило съ ногъ; жеребья попали ему въ переднюю лопатку и вылетѣли въ другую. Рана неотразимо смертельная. Однако же тигръ всталъ, страшно рывкнулъ и, послѣ маленькой паузы, заревѣлъ какъ только можетъ ревътъ одинъ тигръ, взмахнулъ хвостомъ и пошелъ прямо по выстрѣлу на охотниковъ.

— Стрѣляй! шепнулъ Мантыкъ товарищу.

Казакъ спустилъ курокъ — осѣчка!

Минута была страшная! Осѣчка ружья въ пятнадцати саженьяхъ отъ раненнаго тигра — вещь ужасная. Трудно сохранить самообладаніе и закаленному охотнику. У казака потемнѣло въ глазахъ. Но Мантыкъ не смутился ни на одно мгновеніе: его ничто не могло заставить потерять присутствія духа; онъ и не мигнулъ отъ осѣчки, онъ даже ее и не замѣтилъ, какъ сказывалъ потомъ, онъ весь превратился во вниманіе къ тигру и замѣтивъ, что тигръ шель на нихъ и шатался, разомъ смекнулъ, что тигръ въ предсмертныхъ судорогахъ, что онъ идетъ къ нимъ обезпамятѣвъ, безсознательно. Въ нападеніяхъ своихъ тигръ проворенъ и быстръ, какъ выстрѣлъ, а тутъ...

— За мной! закричалъ Мантыкъ и мгновенно кинулся къ тигру, схватилъ его за хвостъ и чтобы свалить, началъ дергать его изъ стороны въ сторону, крикнулъ товарища, который хотя и оторопѣлъ, но прибѣжалъ на помощь; вдводемъ они свалили тигра и ножомъ покончили съ нимъ.

Мантыкъ въ 1858 году состоялъ въ числѣ чиновъ гарнизона въ фортѣ Перовскомъ, и попрежнему не измѣнялъ своей страсти, чуть не живя въ степяхъ и камышахъ.

Въ этомъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ фортѣ Перовскомъ выпалъ первый снѣгъ. Мантыкъ, послѣ двѣнадцати геройски убитыхъ имъ тигровъ, собирался искать тринадцатаго. А слухи были, что тигры сильно пошалаиваютъ: то гдѣ-нибудь коровку задушатъ, то барашка унесутъ. Но въ темныхъ частяхъ камышахъ отыскать тигра безъ слѣдовъ было столько-же трудно, сколько и опасно: не зная, гдѣ тигръ, легко попасть ему въ когти. Понятно, насколько обрадовалъ Мантыка выпавшій снѣгъ. Въ тотъ же день, поутру, прискакали въ фортъ два киргиза и потребовали, чтобъ ихъ допустили къ коменданту. По поспѣшности и настойчивому требованію киргизъ было замѣтно, что случилось что-то необыкновенное — и ихъ повели къ начальнику форта. Черезъ пятнадцать минутъ, къ послѣднему позвали Мантыка, отъ котораго всѣ узнали слѣдующія вѣсти.

Въ камышахъ озера Кутанъ расположился на зимовку аулъ, въ которомъ находились и кибитки прискакавшихъ киргизъ.

Жена одного изъ нихъ, беременная въ послѣднемъ періодѣ, пошла рано поутру рубить камышъ на дрова. Киргизы ближній къ кибиткамъ камышъ невырубаютъ на дрова, а берегутъ какъ защиту отъ бурановъ и вѣтровъ, поэтому за дровами ходятъ дальше; здѣсь попалъ на нее тигръ, разорвалъ у нея животъ въ тряпки и съѣлъ восьмимѣсячнаго ребенка со всѣми внутренностями матери. Тигръ съѣлъ бы ее всю, но вслѣдъ за нею шла, тоже за дровами, другая женщина, меньшая ея сноха; услыхавъ ревъ напавшаго тигра и отчаянный крикъ его жертвы, она тотчасъ побѣжала назадъ и рассказала объ этомъ киргизамъ, которые съ топорами и мотыгами отогнали звѣря.

Комендантъ форта, генераль Дебу, предоставилъ Мантыку отыскать этого тигра. Заранѣе готовый къ такой охотѣ, Мантыкъ, конечно, только и ждалъ подобнаго случая и сопутствующій казакъ и двумя солдатами, чрезъ полчаса оставилъ фортъ. На мѣстѣ, на которомъ тигръ растерзалъ женщину, снѣгъ былъ окрашенъ кровью. По осмотрѣ слѣдовъ оказалось, что тигръ пошелъ въ глубину камыша. Тигръ отъ мѣста, на которомъ ему удалось сытно поѣсть, далеко не уходитъ, а ложится по близости, чтобы спокойно переварить съѣденное. По слѣдамъ, ясно отпечатавшимся на свѣжемъ снѣгѣ, охотники прошли съ полверсты и наконецъ вошли въ такой густой, толстый и высокій камышъ, что идти въ немъ было весьма трудно. Вдругъ на небольшой прогалинѣ, поросшей густою кугой, охотники увидѣли тигра; онъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ и, повидимому, прислушивался. Прежде чѣмъ Мантыкъ успѣлъ набросить къ щекѣ свою двухстволку, тигръ однимъ прыжкомъ скрылся въ камышѣ. Надо замѣтить, что тигръ никогда не бросается на охотниковъ, если ихъ нѣсколько, но одному не даетъ пощады; на троихъ или четверыхъ онъ кидается только въ крайнемъ случаѣ, когда очень голоденъ, или когда ему преграждены всѣ пути отступленія. Въ этихъ случаяхъ нападенія его неотразимы, и нужно имѣть много мужества и ловкости, чтобы не потеряться и вступить въ бой съ такимъ страшнымъ врагомъ. Стоитъ пропустить одно мгновеніе — и сраженіе проиграно.

Мантыкъ съ товарищами пустились за тигромъ. Отвязаться ли вздумалъ тигръ отъ преслѣдователей или былъ еще недостаточно сытъ, только онъ прибѣгнулъ къ своему извѣстному маневру, т. е. началъ кружить, вышелъ на слѣды охотниковъ и помѣнялся съ ними ролями — изъ преслѣдуемаго обратился въ преслѣдователя. Лишь только Мантыкъ замѣтилъ, что тигръ кружить и что его слѣдъ уже находится поверхъ ихъ слѣдовъ, какъ остановился и предупредилъ своихъ спутниковъ, что дѣло приближается къ развязкѣ, и что тигръ самъ напрашивается на нее.

— Тигръ хочеть кинуться на насъ сзади, но если онъ увидитъ, что мы ждемъ его четверомъ, то уйдетъ и опять начнется безконечное преслѣдованіе. Отойдите вы въ сторону, спрячьтесь такъ, чтобы васъ не было видно, а я подожду его здѣсь одинъ. Но какъ только услышите мой выстрѣлъ, не медля бѣгите ко мнѣ. На вѣрность выстрѣла я надѣюсь, но всяко бываетъ....

Не такъ говорилъ прежде Мантыкъ. Его слова всегда были увѣренны, рѣшительны; въ этомъ же наставленіи товарищамъ звучала непріятная нота сомнѣнья. Сердце вѣщунъ; оно предчувствовало у Мантыка что-то недоброе.

Охотники удалились, а Мантыкъ обернулся лицомъ въ ту сторону, откуда пришелъ и опустился на правое колѣно. Минувъ черезъ пятнадцать послышался легкій трескъ и глазамъ Мантыка предсталъ во всемъ величій царственный обитатель сырскихъ камышей — могучій тигръ — и остановился. Зубы его оскалились, глаза загорѣлись, хвостъ захлесталъ направо и налево. Вотъ онъ прилежъ на брюхо и затопалъ задними ногами, т. е. приготовился къ прыжку. Мантыкъ держалъ ружье у щеки и ни на одно мгновенье не спускалъ прицѣла съ широкаго лба звѣря. Тигръ сдѣлалъ движеніе... Мантыкъ спустилъ оба курка разомъ... Взялъ ли онъ невѣрно лобъ тигра на цѣль, или дрогнула рука, только пули вошли тигру въ грудь, пониже горла, т. е. сдѣлали раны ничтожныя для него. Со всею стремительностію тигръ смялъ Мантыка и съ бѣшеннымъ ревомъ сталъ терзать его, такъ что онъ не успѣлъ даже схватиться за кинжалъ, висѣвшій сбоку. При-

бѣжавшіе охотники трусили: у нихъ не хватило духу вмѣшаться въ бой и выручить товарища. Мантыку однако удалось привстать изъ-подъ тигра на колѣни, обнять обѣими руками врага около заднихъ ногъ и бросить его о землю, но чрезъ мгновенье борьба закипѣла снова.

— Гибну, братцы, стрѣляйте; если задѣнете меня — ничего, только стрѣляйте, кричалъ Мантыкъ.

Но трусы медлили и уже когда тигръ, снова опрокинувъ Мантыка, сталъ съ остервененіемъ грызть его и когда Мантыкъ отчаяннымъ голосомъ закричалъ: «помогите! спасите!» подбѣжалъ казакъ Рамневъ и выстрѣлилъ въ тигра въ упоръ. Такимъ выстрѣломъ слѣдовало бы сразу уложить тигра, но этого не случилось: выстрѣлъ былъ невѣренъ. Тигръ бросилъ Мантыка, кинулся на Рамнева и смялъ послѣдняго. По крику Мантыка солдаты запустили въ бока тигра применутые къ стволамъ ружей ножи и тѣмъ положили конецъ бою. Тигръ издохъ на Рамневѣ, который всталъ изъ-подъ него невредимъ. Мантыкъ же былъ не въ состояніи подняться: тигръ раздробилъ ему въ куски бедраюю кость правой ноги, измялъ правое плечо въ безформенную массу и содралъ на головѣ мѣстами кожу. Бѣдный Мантыкъ весь, съ головы до ногъ, обливался кровью. Какимъ-то чудомъ кинжалъ, висѣвшій у Мантыка на бедрѣ, оказался сорваннымъ съ пояса и былъ найденъ далеко въ сторонѣ.

Немедленно дано было извѣстіе въ фортъ и вскорѣ явился комендантскій тарантасъ. Бережно уложили Мантыка и привезли въ госпиталь. Усиленные старанія докторовъ и отеческія заботы генерала Дебу не повели ни къ чему: чрезъ пять дней Мантыкъ скончался.

Такъ кончили славные дни свой знаменитый Мантыкъ, помрачившій славу прославленнаго Жерара. Французскій охотникъ билъ львовъ изъ за засады, изъ-за камней и скалъ, такъ сказать изъ-за угла. Этотъ же русскій охотникъ уничтожалъ тигровъ въ открытомъ бою, въ единоборствѣ, рѣшиться на что Жераръ не смѣлъ и думать. Эти два знаменитые охотника имѣли только одинаковую участь. Жераръ растерзанъ львомъ, Мантыкъ загрызенъ тигромъ.

Послѣдній тигрь, брошенный на вѣсы, потянулъ 9 п. 12 ф. Чтобы поднять и бросить о землю такую живую массу, нужна была силща не французская!»....

Разсомаха. Она очень похожа на медвѣдя, такъ что неопытный глазъ сразу ее и не отличить отъ него. Ростомъ разсомаха съ добрую собаку, только морда разсомахи нѣсколько острѣе. Складъ ея и походка положительно собачьи. Подошва лапъ оставляетъ слѣдъ точно такой же какъ и медвѣдъ, съ тою только разницею, что у ней въ слѣдѣ видны небольшія кѣлѣточки, тогда какъ у медвѣдя отпечатокъ лапъ представляетъ живое подобіе босой ноги небольшого ребенка.

Верхъ разсомахи покрытъ отличнымъ чернымъ мѣхомъ, остальные же мѣста темно-рыжаго цвѣта.

Держится она преимущественно въ глухихъ мѣстахъ дремучаго лѣса. Зимой лежитъ подъ снѣжнымъ покровомъ, а лѣтомъ отдыхаетъ въ лѣсной чащѣ и тѣнистомъ мѣстѣ. Постояннаго логовища у разсомахи никогда не бываетъ.

Питается дохлыми животными, ѣстъ небольшихъ звѣрьковъ и выдается на оленей, лосей. Отыскавши тропу оленя или лося, разсомаха забирается на дерево, на которомъ и выжидаетъ свою жертву.

Какъ только олень или лось будетъ проходить мимо дерева, разсомаха моментально прыгаетъ и вшившись когтями въ спину своей добычи, начинаетъ грызть его загривокъ. Испуганнымъ нападеніемъ и мучимый страшною болью, олень носится по лѣсу съ врагомъ на спинѣ, до тѣхъ поръ, покуда не упадетъ мертвымъ.

Охотникъ всегда долженъ поспѣвать за преслѣдующей собакой разсомахи и стараться во время подать ей помощь, въ противномъ случаѣ остервенившійся звѣрь можетъ разорвать собаку. Это тѣмъ болѣе дѣлать легко, что разсомаха бѣгаетъ не особенно быстро.

Разсомахъ ловятъ также капканами и другими снастями.

Бѣлка - Венша. Это вѣчная жительница деревьевъ: рождается, живетъ и умираетъ на нихъ.

Лѣтомъ миловидная бѣлка только и знаетъ, что прыгаетъ съ одного дерева на другое, не смущаясь даже присутствіемъ

людей. Въ это время года цвѣтъ ея шерсти рыжій, но зато осенью, когда она перелиняется, шкурка бѣлки очень красива: брюшко бѣлое, спинка голубоватая, лапки красныя, хвостъ пушистый, мордочка пріятная.

Любимымъ блюдомъ бѣлки служатъ сѣмена, находящіяся въ сосновыхъ и еловыхъ шишкахъ, которыя она извлекаетъ чрезвычайно искусно.

Гнѣздышко, бѣлка преимущественно устраиваетъ себѣ между древесныхъ вѣтвей, дно котораго выстилаетъ мягкимъ мохомъ и на верху его дѣлаетъ что-то въ родѣ навѣса, гдѣ свернувшись въ влбочекъ и спитъ, и отдыхаетъ.

Охотятся за бѣлкой зимой. Въ это время она очень осторожна. Забравшись на верхушку ели, она свернувшись комочкомъ, сидитъ неподвижно, такъ что и завзятый охотникъ едва ее можетъ замѣтить.

Охота на бѣлку производится съ собакой особой породы, называемою *бѣлицей*.

Въ Архангельской губерніи, гдѣ лѣсовъ и бѣлокъ въ изобиліи, охотятся такъ: «охотникъ, подойдя къ дереву, ставитъ не подалеку отъ него мальчика, чтобы караулить, а самъ ударяетъ обухомъ по-дереву, на которое лаетъ собака; бѣлка, услышавъ ударъ, встрепенется, или перескочитъ на другое дерево и такимъ образомъ покажется; если здѣсь стрѣлять неудобно, то перегоняютъ на другое мѣсто. Иногда выбравъ толстое и высокое дерево, она заберется въ сучья и не обращаетъ вниманія на стукъ,— въ такомъ случаѣ рубятъ сосѣднее небольшое дерево и валятъ его на то, на которомъ сидитъ бѣлка, тоже дѣлаютъ и тогда, когда собака не знаетъ на какомъ именно деревѣ сидитъ бѣлка и лаетъ на разныя. Шумъ упавшаго дерева испугаетъ бѣлку и заставитъ прыгнуть дальше и показаться».

Бить бѣлку, сидящую между сучьями, никогда не слѣдуетъ, такъ какъ можетъ быть промахъ. Необходимо выгнать бѣлку на открытое мѣсто.

Бѣлокъ бьютъ крупной дробью и пулями.

Кромѣ охоты съ ружьемъ и собакой, бѣлокъ ловятъ поставками и другими способами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пѣвчія птицы, голуби и бойцовые пѣтухи.

О звукѣ птицъ. — Языкъ птицъ. — Соловей. — Малиновка. — Пѣночка. — Варакушка. — Горихвостка. — Славка. — Черношляпка. — Камышевка. — Завирушка. — Мухоловка. — Дрозды. — Сворецъ. — Трясогуска. — Кузнечикъ. — Жаворонки. — Ходулька. — Юла. — Овсянка. — Зябликъ. — Щеголь. — Рѣполовъ. — Чечотка. — Чижь. — Дубоноска. — Синица. — Щуръ. — Клестъ. — Свиристель. — Свигирь. — Иволга. — Перепелка. — Канарейки. — Ловля птицъ. — Голуби. — Бойцовые пѣтухи.

Пѣніе птицъ чрезвычайно разнообразно и почти у каждого вида есть своя собственная манера пѣть и свои особенныя мелодіи. Кромѣ того не всѣ особи одного и того-же вида поютъ одинаково: есть отличныя пѣвцы, а есть такіе, которые поютъ плохо и искажаютъ только мотивъ. Звуки въ пѣніи птицъ состоятъ не только изъ нотъ обыкновенной музыкальной гаммы, но также еще изъ многочисленныхъ звуковыхъ колебаній въ промежуткахъ отъ одной ноты къ другой, колебаній, для которыхъ въ музыкѣ не существуетъ даже и выраженій. Тѣмъ не менѣе въ пѣніи птицъ нѣтъ ничего рѣзкаго и неприятнаго для слуха; напротивъ, благодаря болѣе мелкому дѣленію звуковъ, интерваллы становятся менѣе велики, не столь замѣтны и правильны какъ интерваллы тоновъ и полутоновъ, почему даже и одновременное пѣніе самыхъ разнообразнѣйшихъ птицъ не производитъ никогда никакой какофоніи. Впрочемъ общей гармоніи птичьяго пѣнія способствуетъ кромѣ того еще и то, что почти всѣ птицы поютъ въ одномъ и томъ же тонѣ, а именно: *sol mineur*.

Продолжительность періодовъ въ пѣніи птицъ также чрезвычайно разнообразна: у однѣхъ, какъ напр. у пѣвчаго дрозда и зяблика, онъ продолжается не болѣе 2—3 секундъ, у другихъ, какъ напр. у соловья, славки и малиновки, секундъ 5, а у нѣкоторыхъ, какъ у горлицы и жаворонка доходитъ до пяти минутъ. Однѣ повторяютъ свои мелодіи лишь два, три раза и затѣмъ умолкаютъ на болѣе или менѣе долгое время, другія же повторяютъ ихъ безконечное число разъ.

Большая часть птицъ обладаетъ столь гибкимъ и богатымъ звуками голосомъ, что дѣйствительно могутъ между собой переговариваться. Пѣніе замѣняетъ птицамъ наше слово, имъ онѣ выражаютъ различныя ощущенія и понятія, причемъ главную роль конечно играетъ интонація. Короткій крикъ, по словамъ изслѣдователей, всегда выражаетъ страхъ, напротивъ того длинный и повторенный — радость; короткий обрывающійся, но тихій звукъ — знакъ предостереженія, но тотъ же самый звукъ, только протянутый или повторенный, несомнѣнно выражаетъ удовольствіе. Для выраженія нѣжности и любви птица издаетъ звуки такіе же мягкіе и какъ бы тающіе, какъ и человѣкъ; крикъ страданія рѣзокъ и въ гортани птицы; гнѣвъ и ненависть изливаются въ непріятныхъ звукахъ, даже у такихъ птицъ, въ благозвучныхъ пѣсняхъ которыхъ незамѣтно ни малѣйшей какофоніи: соловей отвратительно шипитъ, когда сердится или хочетъ выразить свою ненависть.

«Въ какой степени, говоритъ Брэмъ, птицы понимаютъ свой птичій, болѣе или менѣе общій для нихъ всѣхъ языкъ — въ этомъ легко убѣдиться, дѣлая наблюденія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ различныя виды птицъ живутъ вмѣстѣ; самыя умныя и осторожныя становятся скоро руководителями остальныхъ: предостерегающій крикъ сукаленя навѣрное вспугнетъ все береговое птичье общество; такой же крикъ ворона обращаетъ въ бѣгство скворцовъ; фазанъ слушается предостереженія малиновки»...

Въ нѣкоторыхъ птицахъ развита подражательная способность: такъ, напримѣръ, большая камышовка подражаетъ шелесту тростника, журчанью волнъ, кваканью лягушекъ, а попугай — слову человѣка. Особенно сильно развита подражательная способность у тѣхъ птицъ, которыя имѣютъ толстый, закругленный языкъ, похожій на языкъ попугая, напр. скворцы, вороны, дрозды, сороки и т. п.

Изъ птицъ, водящихся у насъ въ Россіи, тоже есть не мало подражателей. Сойка подражаетъ крику сокола, вороны и токующихъ тетеревей; варакушка — европейскій пересмѣшникъ передразнивающая почти всѣхъ птицъ, и горный жаворонокъ;

отлично поддѣлывающійся подъ пѣніе щегла, чижа, подъ писекъ цыплятъ и мяуканье кошки; затѣмъ ворона и скворецъ; послѣдній можетъ быть нѣсколько приравненъ попугаю, потому что не только отлично передаетъ голосъ всѣхъ птицъ и животныхыхъ, но подражаетъ также скрипу дверей, телѣгъ, шуму мельничнаго колеса, визгу пилы и даже голосу человѣка.

Между всѣми птицами первенство, какъ по обширности голоса, такъ и по красотѣ пѣнія, безспорно принадлежитъ соловью.

Соловей. Разнообразіемъ и страстнымъ выраженіемъ своего голоса онъ затмѣваетъ всѣхъ своихъ товарищей. Пѣснь его обыкновенно начинается томной нерѣшительной прелюдіей, затѣмъ мало-по-малу пѣвецъ воодушевляется, раздается громкій свистъ и шелканье, которые смѣняются подъ конецъ едва слышнымъ шепотомъ, быстрыми и чистыми какъ перлы рудами и трелями, нѣжнымъ замираньемъ, вздохами любви... Голосъ соловья слышенъ очень далеко, на разстояніи двухъ верстъ, чему способствуетъ также и то, что соловей поетъ преимущественно ночью. Поютъ только самцы, и старше лучше молодыхъ, самки-же иногда только начинаютъ и тотчасъ-же смолкаютъ, сознавая свое неумѣнье; впрочемъ бывали случаи, что и самки выучивались пѣть, но эти случаи чрезвычайно рѣдки.

Въ неволѣ соловьи поютъ въ продолженіе 9—10 мѣсяцевъ въ годъ и начинаютъ пѣть преимущественно два раза: въ маѣ и декабрѣ; но эти сроки можно искусственно измѣнять, уменьшая постепенно свѣтъ въ этой комнатѣ, гдѣ находится соловей, до совершенной темноты; когда-же хотятъ, чтобы птица снова запѣла, то также постепенно усиливаютъ свѣтъ. На свободѣ соловьи поютъ гораздо меньше, съ конца апрѣля и до Иванова дня, т. е. до послѣднихъ чиселъ іюня; позднѣе-же вмѣсто пѣнія они издають рѣзкіе крики, напоминающіе хрипѣніе.

Чтобы заставить пѣть соловья въ неволѣ, нужно обходиться съ ними какъ можно нѣжнѣе, и держать ихъ нужно между растеніями; при соблюденіи этихъ условій, пѣніе соловья въ неволѣ совершенствуется и онъ поетъ даже лучше, чѣмъ пѣлъ

на свободѣ, разнообразя свое пѣніе пассажами, заимствованными у другихъ птицъ, которыхъ любители большею частію держатъ вмѣстѣ съ соловьями; кромѣ того на соловья производятъ сильное впечатлѣніе звуки музыкальныхъ инструментовъ.

Соловей, на сколько великъ своей чарующей пѣсню, на столько же простъ и зауряденъ своимъ опереніемъ: спина зольно-красноватаго цвѣта; брюшко и грудь темно-бѣловатые; хвостъ красновато-бурый; глаза каріе. Клювъ темно-роговаго цвѣта, носъ тонкій, прямой; ноги толстоватыя. У молодыхъ, по спинѣ разсыпаны ржаво-желтыя пестрины. Самка отличается отъ самца только тѣмъ, что короче ноги и шея.

Соловьи появляются въ концѣ апрѣля. Первыми прилетаютъ самцы и опускаются на прошлогоднія мѣста. За ними прилетаютъ самки. Послѣ дальней дороги, немного отдохнувъ, онѣ начинаютъ пѣть и предаваться восторгамъ любви. Въ это время пѣсня соловья производитъ чарующее дѣйствіе.

Соловей любитъ держаться лиственныхъ небольшихъ лѣсовъ, густыхъ зарослей и кустарниковъ, растущихъ при маленькихъ рѣчкахъ и ручейкахъ. Въ краснолѣсье онъ почти и не заглядываетъ. Въ особенности нравятся ему тѣнистыя мѣста.

Соловей высокихъ деревъ не любитъ и всегда садится на самыхъ нижнихъ вѣткахъ, которыя ближе къ землѣ. Качаясь на стебелькѣ и поднявши хвостъ къ верху онъ держитъ себя важно. Но лишь только замѣтитъ приближающуюся фигуру человѣка, какъ быстро перепорхнетъ съ одного куста на другой.

На волѣ любимой пищею соловья служатъ гусеницы и личинки различныхъ насѣкомыхъ.

Гнѣздо вьютъ на землѣ подъ кустомъ, хворостомъ, въ густой травѣ, бурьянѣ, около пня и среди отростковъ около корня стараго дерева. Дно гнезда выкладывается изъ сухихъ листочковъ, края его изъ разныхъ стебельковъ и корешковъ, и сверху всего застилается пухомъ, волосомъ и т. п.

Снесши четыре или шесть яичекъ, самка садится на гнездо для вывода дѣтенышей. Самецъ занимаетъ ее мѣсто только

тогда, когда она отправляется за кормомъ. Выведенные малютки въ послѣднихъ числахъ іюня начинаютъ летать, а старики линять. Послѣ линьки соловьи собираются семьями, а въ сентябрѣ отлетаютъ въ Африку.

Соловьи раздѣляются на три рода: *дневныхъ*, *ночныхъ* и на *боевыхъ* или *репетирныхъ*. Дневными называютъ тѣхъ, которые поютъ днемъ. Ночными тѣхъ, которые поютъ ночью. Боевыми называютъ тѣхъ, которые поютъ днемъ и дѣлаютъ нѣсколько колѣнъ ночью. Кромѣ этого, соловьевъ еще дѣлятъ на *мажорныхъ* и *минорныхъ*.

Въ продажѣ считаются лучшими соловьями Курскіе и Бердичевскіе.

Соловьиная пѣсня раздѣляется охотниками на слѣдующія колѣна *).

Первое: *Пульканіе* — эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль...

Второе: *Клыкканіе* — клы, клы, какъ желна.

Третье: *Дробь* — выходитъ примѣрно какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: *Раскатъ* тррррррр...

Пятое: *Пленканье* — почти понять можно: пленъ, пленъ, пленъ...

Шестое: *Лышева дудка* — эдакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: ту!

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ*. Самое рѣдкое колѣно: я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ*. Га-га-га-га... У Малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходить.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Какъ юла — есть птица на жаворонка похожая — или какъ вотъ арганчики *бываютъ*, — эдакій круглый свистъ: фюію-ію-ію-іюію...

Десятое: *Починъ* — эдакъ: тий-вить, нѣжно, маноновкой. Это по настоящему не колѣно — а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, потнаго соловья оно еще вотъ какъ

---

*) «Разказы охотника». И. С. Тургенева.

бываетъ: — начнетъ: пий-вить — а тамъ тукъ! — Это оттолчкой называется. Потомъ опять — тий-вить... тукъ! тукъ! Два раза оттолчка — и въ полъ удара, эдакъ лучше; въ третій - разъ тий-вить — да какъ разсыплеть, сукинъ сынъ, вдругъ дробью или раскатомъ едва на ногахъ устоишь — обожжетъ! Эдакій соловей называется съ ударомъ или съ оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной слѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣй другое и — смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать, не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пустить, напримѣръ, колѣно, дробь, что-ли — сперва будто къ низу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружить, какъ каретное колесо перекатитъ — надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у Мценскаго купца Ш...ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціями продалъ?

Было очень много попытокъ, чтобы словами передать пѣсню соловья, но всѣ онѣ неудачны. Представляемъ одно изъ лучшихъ подражаній, записанное извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Бехштейномъ.

Тіуу тіуу тіуу тіуу.

Спе тіу сѣво.

Тво тіо тіо тіо тьо тьо тьккс.

Кутіо кутіо кутіо кутіо.

Цѣво цѣво цѣво цѣво.

Тцю тцю тцю тцю тцю тцю тцю.

Кворрроръ тіу сѣва пиписѣвизи.

Цо цо цоцоцоцоцо цоцоцо цирргадангъ.

Тси зизи тсизизизизизизизи.

Цорре цорре цорре цорре ги.

Цатнъ цатнъ цатнъ цатн цатн-ци.

Дле дле дле дле дле дле дле дле дле.

Квіо тр рррррррррр — ити и т. д.

Ловля соловьевъ производится различными способами. Прежде чѣмъ ловить его, нужно высмотрѣть мѣсто, на которомъ со-

ловей поеть и опредѣлить тотъ пунктъ, котораго онъ всегда держится; внизу того дерева или куста, гдѣ онъ поеть, нужно разместить точку*) и поставить на немъ лучки, оправивши которые какъ слѣдуетъ, посыпать въ нихъ муравьиныхъ яицъ и черныхъ таракановъ, оторвавши послѣднимъ ноги. Веревочку отъ лучковъ провести къ густому кусту и, спрятавшись въ немъ, посвистывать въ дудочку, принаравливаясь къ голосу самки. Соловей, какъ только услышитъ этотъ звукъ, сейчасъ же спускается съ вѣтви на землю, и, бѣгая, завидѣвши кормъ, разсыпанный въ лучкахъ, начинаетъ его клевать, въ этотъ моментъ его слѣдуетъ покрывать. Для такой ловли соловьевъ надо приходиться на мѣсто рано — на зарѣ, когда онъ голоденъ.

Чаще всего ловятъ соловьевъ такимъ образомъ. Птицеловъ раскидываетъ тайникъ и отъ насторожки протягиваетъ въ ближайшій кустъ нитку; а на точку для приманки привязываетъ за обѣ ноги соловьюху. Скрывшись въ то мѣсто, въ которое протянута отъ насторожки нитка, птицеловъ начинаетъ подражать на дудочкѣ голосу самки и зорко посматривать, не спустился ли соловей. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что соловей, услышавъ голосъ самки, или завидя ее, прямо летитъ на точку. Но бываетъ и такъ, что онъ сначала покружить около того мѣста, гдѣ находится самка, а затѣмъ и опустится. Какъ только это замѣтитъ птицеловъ, то не теряя минуты, дергаетъ нитку и покрываетъ дорожную добычу.

Ловятъ соловьевъ и самоловами. На тѣхъ же мѣстахъ, какъ сказано выше, съ вечера на всю ночь ставятся самоловы, въ которые онъ и попадаетъ, разыскивая себѣ кормъ. Рано утромъ осматриваются самоловы и добыча вынимается.

Ловятъ ихъ еще въ такъ называемыя «петли». Петли эти настораживаютъ на точкѣ. На ту и другую сторону «петель» кладутся муравьиныя куколки или мучные червяки. Такимъ образомъ, соловей переходя за пищей съ одной стороны на другую, запутывается въ петляхъ.

---

*) Точкомъ называется разчищенное мѣсто, для котораго снимается дернъ.

Кромѣ этого, прибѣгаютъ для лова соловья къ слѣдующему способу. На точкѣ втыкаютъ нѣсколько прутиковъ, которые предварительно намазываются птичьимъ клеемъ. Соловей, поклевывая разсыпанный кормъ, незамѣтнымъ образомъ прилипаетъ своими ножками къ прутикамъ.

Пойманному соловью необходимо связывать кончики крылышковъ. Связанныхъ соловьевъ сажаютъ въ клѣтку, дно и верхъ которой должны быть полотняные, а въ боковыхъ, деревянныхъ частяхъ дѣлаются небольшіе просвѣты.

Молодыхъ соловьевъ слѣдуетъ доставать изъ гнѣздъ во второй половинѣ мая. Ищутъ гнѣзда такъ: засѣвши въ кусты около того мѣста, гдѣ перелетываютъ старики (самецъ и самка), охотникъ внимательно наблюдаетъ, куда они носятъ пищу, замѣтивши это, гнѣздо найти уже не трудно. Кромѣ этого; гнѣзда отыскиваютъ собакою. Маленькихъ птенчиковъ вмѣстѣ съ гнѣздомъ кладутъ въ западню и ставятъ на то мѣсто, съ котораго оно была снята.

Самецъ и самка, слыша пискъ малютокъ, забывая всякій страхъ, летятъ съ кормомъ въ западню и дѣлаются вмѣстѣ съ ними плѣнниками. Пойманную такимъ образомъ семью пересаживаютъ въ полотняную клѣтку, о которой мы говорили выше, и насыпаютъ въ нее корму (муравьевъ). Родители начинаютъ сейчасъ кормить птенцовъ и продолжаютъ это дѣлать до совершеннаго ихъ возраста.

Пойманнаго соловья, посадивши въ клѣтку, нужно ее закрыть, чтобы онъ не пугался людей. Крылья необходимо связать и не развязывать ихъ до тѣхъ поръ, покуда онъ перестанетъ пѣть. Бываютъ впрочемъ смѣлые соловьи, которымъ нѣтъ надобности связывать крылышки.

Клѣтку, въ то время, когда соловей начнетъ пѣть, переставлять съ одного мѣста на другое не слѣдуетъ, такъ какъ отъ перемѣны мѣста соловей перестаетъ пѣть.

Лучшимъ кормомъ для соловьевъ въ неволѣ служатъ муравьиныя куколки или яички. Пойманному соловью нужно давать свѣжія муравьиныя яича до тѣхъ поръ, покуда ихъ можно доставать. За прекращеніемъ свѣжихъ, приходится кормить сушеными, которыя предварительно необходимо обваривать и

примѣшивать къ нимъ немного самихъ муравьевъ. Когда соловей переодуется, то свѣжихъ яичекъ давать ему не годится, такъ какъ отъ нихъ онъ прежде времени начнетъ линять.

Нѣкоторые охотники предполагаютъ, что отъ постоянного употребленія соловьями муравьиныхъ яичекъ, онѣ жирѣютъ и вслѣдствіе того перестаютъ пѣть, даютъ имъ сначала мучныхъ червей, а потомъ кормятъ слѣдующимъ блюдомъ: растеревъ черствую булку, прибавляютъ муравьиныхъ яицъ и смачиваютъ молокомъ, затѣмъ кладутъ отжатаго свѣжаго творогу и тертой, желтой рѣпы. Кормъ этотъ дешевъ и полезенъ для соловья.

Во время линьки соловья, нужно строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы яйца были свѣжія. Свѣжія яйца давать съ начала нужно понемногу, иначе у соловья можетъ образоваться поносъ.

Молодыхъ соловьевъ всегда нужно подвѣшивать къ старымъ, и то только къ такимъ, которые хорошо поютъ.

Чтобы превратить дневнаго соловья въ ночнаго, прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: клѣтку деннаго пѣвца занавѣшиваютъ съ трехъ сторонъ непронускающей свѣта матеріей, и держатъ въ такомъ видѣ до весны, затѣмъ по наступленіи теплыхъ дней, переносятъ клѣтку къ открытому окну, чтобы соловей освоился съ вѣшнимъ, свѣжимъ воздухомъ. Въ началѣ соловья держатъ недолгое время у окна, а потомъ, когда онъ попривыкнетъ, то держатъ подальше. Съ наступленіемъ же положительнаго тепла, клѣтку вывѣшиваютъ за окно и на подоконникъ ставятъ свѣчи. Вся эта процедура производится темнымъ вечеромъ. Занимаясь такимъ образомъ подъ рядъ нѣсколько вечеровъ, соловей черезъ какую нибудь недѣлю будетъ пѣть по ночамъ. Когда онъ начнетъ попѣвать понемногу, тогда постепенно снимаютъ свѣчи, одна за другой.

Малиновка садовая. Называютъ эту птичку и красношейкой и рѣполовомъ. Величиной она почти на половину меньше соловья. Перышки на спинѣ сѣро-оливковаго цвѣта, на груди и брюшкѣ свѣтло-сѣрыя и частію желтоватыя, горлышко и верхъ груди желто-краснаго цвѣта, носикъ тоненькій, острый и черный.

Малиновка—птичка бойкая, живая; она вѣчно въ движе-

ни, то порхаетъ съ дерева на дерево, то прыгаетъ по землѣ, то мелькаетъ между вѣточками. Любимыхъ мѣстомъ для отдыха служатъ ей столбы, заборы, пни и другіе одиночные предметы.

Держится малиновка преимущественно садовъ, кустарниковъ и вообще тѣхъ мѣсть, гдѣ изобилуетъ малина и большая высокая крапива.

Вьетъ она гнѣзда почти такія же какъ и соловей. Въ маѣ самка кладетъ отъ 4 до 5-ти яичекъ и высидиваетъ дѣтенышей дней въ 14—15.

Питаются малиновки различными мелкими мошками, червячками, паучками и личинками насекомыхъ.

Погулявши нѣсколько осенью и полакомившись разными ягодами, зимовать отлетаютъ на югъ.

Пѣніе малиновки чрезвычайно нѣжно и приятно. Извѣстностію пользуется почти такую же какъ и соловей.

Ловятъ малиновогъ также какъ и соловьевъ, разставляя лучки и петли около тѣхъ мѣсть, гдѣ онѣ водятся.

Малиновка чрезвычайно скоро приручается, хорошо выносить неволю и живетъ подолгу въ клѣткѣ. Бывали случаи, что выпущенныя изъ клѣтки малиновки на зиму возвращались къ хозяину.

Въ клѣткахъ имъ даютъ такой же кормъ, какъ и соловьямъ.

Пѣночка садовая. Она меньше малиновки. Опереніе ее не роскошно: спинка - сѣровая, брюшко бѣло-желтоватое, въ крылышкахъ и хвостикѣ темно-оливковыя перышки, глаза орѣховаго цвѣта, ножки свѣтло-голубыя, а у нѣкоторыхъ свѣтло-бурыя, носикъ тоненькій и остренькій.

Встрѣчается она во всѣхъ лѣсахъ и преимущественно въ большихъ садахъ. Чаще всего она попадаетъ на опушкахъ лѣса, въ небольшихъ рощахъ, около изгородей и въ кустахъ.

Пѣсни пѣночки чрезвычайно мелодичны, нѣжны, звонки, съ переливами. По прилетѣ она поетъ вплоть до вечера, дѣлая самые малые перерывы.

Прилетаютъ къ намъ пѣночки довольно поздно; въ концѣ апрѣля и началѣ мая, и занимаютъ прошлогоднія мѣста.

Пѣночка почти ни минуты не посидитъ на одномъ мѣстѣ, постоянно шмыгаетъ, прыгаетъ и перелетаетъ съ одного мѣста на другое.

Питаются онѣ разными насѣкомыми, которыхъ очень ловко ловятъ на вѣточкахъ и листочкахъ. Въ особенности онѣ любятъ пчелокъ и плутовски ихъ ловятъ. Подлетитъ къ улью, постучитъ въ него носикомъ и ждетъ вылета потревоженныхъ труженицъ. Поближе къ осени, когда поспѣваютъ ягоды, она и ими охотно лакомится.

Гнѣздо пѣночки оригинально; оно имѣетъ форму мѣшечка и устраиваетъ его преимущественно въ вѣтвяхъ орѣшника, крушины, бузины и садовыхъ кустахъ. Самочка кладетъ 4—5 яичекъ. Дней черезъ двѣнадцать появляются дѣтеныши. Выводъ дѣтей бываетъ въ концѣ мая или въ началѣ юня.

Осторожную пѣночку ловить не особенно легко. Кромѣ тѣхъ способовъ, какіе употребляются при ловлѣ соловьевъ, прибѣгаютъ еще къ слѣдующему: въ клѣтку сажаютъ пѣночку, и поставши тамъ, гдѣ нужно, окружаютъ ее прутиками, густо намазанными птичьимъ клеемъ. Порхающая по вѣтвямъ пѣночка, какъ только замѣтитъ на землѣ свою подругу, быстро кидается къ ней, попадаетъ на прутья и прилипаетъ.

Пойманную пѣночку сначала кормятъ мучными червячками и муравьиными яйцами, а затѣмъ преподносятъ обыкновенный кормъ соловья.

Желудокъ ихъ очень малъ и потому клюютъ понемножку, но часто.

Нерѣдко, съ приближеніемъ холоднаго времени, пѣночекъ выпускаютъ на волю, потому что они трудно переносятъ нашу суровую зиму.

Варакушна. Казанскіе охотники зовутъ ее зорькой. Величиной она съ малиновку. Одежда варакушки очень красива: въ крыльяхъ и на головѣ перо темно-сѣрое, подъ горломъ и на груди лазуревое, на брюшкѣ свѣтло-сѣрое, въ хвостѣ черное, носъ тонкій, шиломъ, надъ глазами желтоватыя полоски.

Различіе между самкой и самцомъ заключается только въ томъ, что у самки горлышко едва окрашено голубой краской и цвѣтъ всѣхъ вообще перьевъ нѣсколько блѣднѣе.

Прилетаютъ варакушки къ концу апрѣля, а отлетаютъ въ началѣ сентября.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прилета, мѣстность, гдѣ опустились варакушки, начинаетъ оглашаться пѣсней. Пѣніе этой птички очень пріятно и замѣчательно тѣмъ, что оно представляется, какъ будто двѣ птички поютъ. Кромѣ этой особенности, варакушка обладаетъ еще способностью подражать пѣнію другихъ птицъ.

Держится варакушка въ кустахъ болотистой мѣстности и въ рощахъ около ручейковъ и рѣчекъ, въ которыхъ и проводитъ все лѣтнее время. Сидящей на деревѣ ее рѣдко встрѣтишь, она постоянно на землѣ. Только въ любовную пору увидишь поющаго самца на таловомъ кустѣ.

Гнѣзда варакушки устраиваютъ на землѣ, вблизи воды, между корнями и сучьями какого-нибудь стараго дерева. Самка кладетъ 4—5 яичекъ и выводитъ дѣтей недѣли черезъ двѣ. Въ началѣ іюня дѣтеныши уже порхаютъ, а въ іюлѣ летаютъ. Самецъ и самка высиживаютъ дѣтей чередуясь.

На волѣ варакушки питаются насѣкомыми, а въ неволѣ ихъ держатъ на соловьиномъ кормѣ.

Ловятъ ихъ почти также какъ соловьевъ и на приманку кладутъ мучныхъ червячковъ и небольшихъ черныхъ таракановъ съ оторванными ногами.

Ловушки ставятся на чистомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онѣ водятся или поютъ.

Варакушки очень довѣрчивы и на приманку въ западнѣ идутъ охотно.

При хорошемъ уходѣ варакушка можетъ жить въ клѣткѣ нѣсколько лѣтъ.

Горихвостка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее зовутъ лысушкой, иволгой и черношейкой. Величиной она съ варакушу. Самецъ-горихвостка очень красивъ: верхнее перо грифельнаго цвѣта; грудь, бочка и хвостикъ ярко-ржаво-красные, а середина хвоста темная; лобъ и брюшко бѣлые. Самка отличается тѣмъ, что перо не такъ ярко окрашено какъ у самца и на спинѣ перья сѣрватя съ красниной.

Живетъ горихвостка въ мелкихъ лѣсахъ вблизи рѣчекъ, ручейковъ и рудниковъ и держится въ большихъ садахъ.

Прилетаютъ онѣ въ началѣ апрѣля а въ концѣ августа отлетаютъ.

Вскорѣ послѣ прилета начинаютъ пѣть. Пѣсня горихвостокъ въ неволѣ тихая, но пріятная. На волѣ онѣ поютъ громче.

Питаются различными насѣкомыми и червячками. Охотно гоняется за бабочками и ловить гусеницъ,

Гнѣзда вьютъ въ дуплахъ, въ строеніяхъ, щеляхъ и т. п. Самка кладетъ 5—6 яичекъ. Въ концѣ іюня дѣтеныши уже летаютъ.

Ловятъ ихъ лучками и тайникомъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ держатся. Нѣкоторые птицеловы для приманки привязываютъ на точекъ ручную горихвосту. Прикармливаютъ ихъ муравьиными яйцами и бузинными ягодами.

Въ клѣткѣ горихвосткамъ даютъ соловьиный кормъ; при хорошемъ уходѣ онѣ живутъ долго и поютъ почти круглый годъ.

Садовая славка. Она меньше горихвостки. Одежда не особенно щеголевата: спинка покрыта оливково-сѣрымъ перомъ, горлышко и брюшко бѣловатымъ; бочка и грудь желтовато-сѣроватымъ, маховыя перья и хвостигъ окрашены темно-сѣрымъ цвѣтомъ.

Прилетаютъ къ намъ во второй половинѣ апрѣля, а отлетаютъ въ сентябрѣ.

Держится въ густыхъ заросляхъ, уремахъ, луговыхъ кустахъ и почти въ каждомъ саду. Особенно любитъ мѣста возлѣ рѣчекъ.

Вскорѣ по своемъ прилетѣ, славка начинаетъ пѣть и поетъ почти безъ умолка съ утра и до вечера. Поетъ она крайне пѣжно, звуки пѣсни мелодичны, флейтообразны.

Садовая славка вьетъ гнѣздо между густыхъ вѣтвей, почти на землѣ. Самка кладетъ отъ 4 до 6 яичекъ и высиживаетъ дѣтенышей въ продолженіе двухъ недѣль.

Пойманную славку нужно сажать въ клѣтку, обтянутую какой-нибудь темной матеріей — лучше всего зеленой; крылышки необходимо связывать. Такія предосторожности необходи-

мы потому, что она вначалѣ сильно бьется. Впрочемъ она къ неволѣ привыкаетъ скоро.

Садовая славка начинаетъ пѣть въ декабрѣ и умолкаетъ въ юлѣ.

Съ найденнымъ гнѣздомъ поступаютъ такъ же какъ и съ соловьинымъ, т. е. помѣстивши гнѣздо въ клѣтку, оставляютъ ее тамъ, гдѣ взято гнѣздо.

Садовымъ славкамъ дается кормъ соловьиный.

Черношляпка. Нѣкоторые называютъ черноголовкой и черношальной славкой. Величиной она почти такая же, какъ садовая славка. Головка этой птички покрыта перушками чернаго цвѣта, горлышко сѣренькими, а щеки и боковыя части шеи свѣтло-пепельными. Носъ черный а ноги свинцоваго цвѣта.

Держится черношляпка въ кустахъ, роцахъ, борахъ, и въ особенности любить тѣ мѣста, гдѣ протекаютъ рѣчки.

Это одна изъ непосѣдливыхъ птичекъ. Она поминутно перепархиваетъ съ одного мѣста на другое и постоянно мелькаетъ между древесными вѣточками.

Поетъ она замѣчательно хорошо, такъ что многіе пѣніе черношляпки приравниваютъ къ соловьиному. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обладаетъ способностью подражать пѣнію другихъ птицъ и даже рѣчи человѣка. Болле рассказываетъ, что одна канарійская монашенка имѣла привычку, поднося къ черноголовкѣ кормъ, произносить: «мое милое дитя»; слова эти птичка заучила и отлично стала ихъ произносить.

Гнѣздо свое черношляпка устраиваетъ между густыми еловыми вѣтвями и въ колючихъ кустахъ.

Ловить черношляпокъ мы совѣтуемъ старыхъ, порядочно уже попѣвшихъ на свободѣ, а не молодыхъ, которыя попавши въ неволю, поютъ очень плохо.

Лучше всего ловить черношляпокъ весной, вскорѣ послѣ ихъ прилета. Ловятъ ихъ большею частію лучками, около тѣхъ мѣстъ, куда стекаетъ вода отъ тающаго снѣга. Одни для приманки разсыпаютъ мучныхъ червячковъ, а другіе муравьиныя куколки.

Въ лѣтнюю пору всѣ вообще птицы валяются къ водѣ, а

черношляпки въ особенности. Вотъ на этихъ-то водопойныхъ точкахъ ихъ и ловятъ. Около ручья или рѣчки выкапываютъ, въ аршинъ съ небольшимъ, ямку, наполняютъ ее водой и раскидываютъ поверхъ ее тайникъ. Прилегающее же мѣсто ручья или рѣчки къ ямѣ застилается разными прутьями и сучьями.

Лѣтомъ такимъ способомъ можно ловить всѣхъ почти пѣвчихъ птичекъ, и почти всегда удачно.

При внимательномъ уходѣ за черношляпками, онѣ могутъ жить въ клѣткахъ очень долго—лѣтъ 8—10.

Болотная камышевка. Одежда этой птички вся оливкаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ по спинѣ.

Держится она преимущественно болотистыхъ мѣстъ, богатыхъ камышомъ, тростникомъ, ситникомъ и т. п. Встрѣчается она и въ лѣсу, лежащемъ не особенно далеко отъ болотъ и осенью въ полѣ.

Въ теплую весну болотная камышевка прилетаетъ къ намъ въ апрѣлѣ, а въ холодную въ маѣ.

Пріятная и мелодичная пѣсенка этой птички раздается съ утра до вечера.

Гнѣзда вьетъ камышевка почти на землѣ, на самыхъ низкихъ вѣткахъ просохшаго болота. Гнѣздо похоже на чашечку, силетенную изъ болотныхъ сучковъ и вѣточекъ и выстланное мягкими травинками и волосками. Самка кладетъ отъ 4 до 6 яичекъ, и дней черезъ двѣнадцать высиживаетъ крошечныхъ малюточекъ. Въ концѣ іюня молодые начинаютъ попархивать. Съ образованіемъ крыльевъ и хвоста камышевки расстаются съ своими производителями.

Питаются камышевки преимущественно болотными и водными насекомыми.

Осенью, поплявшись по полямъ и полакомившись разными ягодами, онѣ въ октябрѣ отлетаютъ въ теплыя страны.

Ловятъ ихъ такъ же, какъ и предыдущихъ птичекъ.

Въ неволѣ, приученныя къ соловьиному корму, онѣ могутъ жить долго.

Завирушка. Въ нѣкоторомъ отношеніи эта птичка схожа съ жаворонкомъ. Голова и шея ея покрыта дымчатымъ пе-

ромъ, коричневая спинка усѣяна темными пятнышками; крылья черненькія, маховыя перья ржаво-бурыя съ полосками.

Иногда прилетаетъ она въ мартѣ и снуетъ въ кустарникахъ и близъ изгородей. Съ наступленіемъ же теплыхъ, апрѣльскихъ, дней, переходитъ въ сосновый и мѣшанный лѣсъ. Изрѣдка встрѣчается и въ чернолѣсѣ.

Вьетъ гнѣздо преимущественно въ еловыхъ вѣткахъ, вышиною отъ корня аршина на два, а то и ниже. Въ маѣ мѣсяцѣ самка несетъ 4—6 яичекъ и недѣли черезъ двѣ выводитъ крошечныхъ завирушекъ.

Во время полета завирушка несетя очень не высоко отъ земли. Опытный птицеловъ по ея быстрому лету всегда ее отличить отъ другихъ пташекъ. Замѣтивши для себя опасность, завирушка съ крикомъ подымается въ высь и исчезаетъ изъ глазъ.

Въ іюнѣ послѣ полного оперенія птенцовъ, самка съ самцомъ, покидая дѣтей на волю Божию, снова предаются любви и выводятъ второе поколѣніе завирушекъ.

Вслѣдствіе недоувѣрчивости этой птицы, ее ловить не особенно легко. Ловятъ ихъ тѣми же способами какъ и другихъ птицъ.

Кормятъ ихъ сѣменами, муравьиными яичками, хлѣбными червячками.

Маленькая мухоловка. Она очень крошечнаго роста. Держится почти постоянно въ лѣсу и рѣдко заглядываетъ въ мелколѣсье.

Опереніе ея до того видоизмѣняется, что описать почти невозможно. У старыхъ самцовъ верхъ сѣро-красноватый; отъ подбородка къ брюшку идутъ ржаво-красныя перья, а по самому брюху мутно-бѣлыя. Носъ и ноги черныя, а глаза темно-коричневые.

Прилетаютъ онѣ къ намъ въ пору вполне установившейся весны. По прилетѣ, во время ухаживанія за самкой, самецъ поетъ безъ умолку. Вообще эта птичка поетъ очень пріятно, если не сказать больше.

Мухоловка вьетъ гнѣзда почти всегда въ вѣтвяхъ, дуплахъ и т. п.

Съ выводомъ дѣтей самецъ перестаетъ пѣть, и лишь только птенцы станутъ немножко летать, то производители немедленно уводятъ ихъ въ лѣсную чащу.

Въ лѣтнее время, если мухоловку выпустить изъ клѣтки, то она, летая по комнатѣ, замѣчательно быстро ловить мухъ, и иногда ловить и поетъ.

Онѣ очень ручны и любятъ купаться въ водѣ.

Кушаютъ они почти то же, что и соловей.

Способъ ловли мухоловокъ тотъ же какъ и другихъ птичекъ.

Дроздъ рябинникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его называютъ можжевельникомъ, малымъ рябчикомъ.

Изъ разнообразной породы дроздовъ гораздо чаще попадается рябинникъ. Хотя его можно встрѣчать почти во всѣхъ лѣсахъ, но онъ особенно любитъ чернолѣсье, смѣшанные боры. Поляны и лѣсныхъ опушекъ онъ тоже не забываетъ. Чисто хвойныхъ же мѣстъ онъ почти не посѣщаетъ. Въ осеннее же время года его можно встрѣтить и въ можжевельникѣ.

Величиной онъ побольше жаворонка. Одѣтъ рябинникъ очень скромно: спина и плечи покрыты перьями каштановаго цвѣта съ просѣдью; большія маховыя крылья пепельнаго, а малыя и хвостъ чернаго цвѣта; подбой крыльевъ рыжеватый. По горлу и груди рыжеватаго цвѣта виднѣются черныя пятна. Брюхо бѣловатое. Клювъ желтоватый, а глаза коричвые.

Дрозды прилетаютъ къ намъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. Послѣ прилета, пошлявшись дней пять или шесть возлѣ навозныхъ теплыхъ мѣстъ, они разбиваются на пары и летать въ ближайшую рощу, въ которой и вьютъ себѣ гнѣзда. Устраиваютъ они ихъ между вѣтвей излюбленнаго дерева и не особенно высоко. Дрозды вьютъ гнѣзда изъ стебельковъ, моху, травинокъ и очень искусно, крѣпко и гладко подмазываютъ его грязью и глиной.

Самка кладетъ отъ 4 до 5 яичекъ и сидитъ на нихъ въ продолженіе трехъ недѣль. Съ выводомъ дѣтенышей для самца и самки наступаетъ самое хлопотливое время: они не

успѣваютъ доставать пищи для своихъ прожорливыхъ птенцовъ. Въ это время мѣстопребываніе дроздовъ легко замѣтить, — они ежеминутно летаютъ то въ гнѣздо, то изъ него, волоча въ своемъ клювѣ пищу вѣчно голодающимъ и орущимъ дроздовичкамъ. Въ лѣсу трескъ, пискъ, визгъ и чоканье.....

Дней черезъ двадцать послѣ выхода изъ скорлупы, молоденькіе рябиннички начинаютъ летать и бродить съ отцомъ и матерью по полямъ, лугамъ и опушкамъ. Образъ такого странствованія продолжается чуть не два мѣсяца: іюнь и іюль.

Послѣ линьки рябинники въ концѣ августа группируются вмѣстѣ съ молодыми выводками въ огромныя стаи и начинаютъ разгуливать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ изобильно рябиной, шиповникомъ, боярышникомъ, крушиной и другой подобной растительностію, что и продолжается вплоть до ихъ отлета, т. е. до октября.

Полеты дрозда по лѣсу очень быстры и увертливы. При малѣйшей опасности онъ несется въ глубь лѣса и какъ молнія замелькаетъ въ вѣтвяхъ зеленой листвы.

Пѣсня дрозда - рябинника нехороша и коротка; звукъ пѣсни похожъ на «чокъ-чокъ». А иногда на «ра-та-та» и на «шнерр». У него есть способность подражать другимъ птицамъ, но, къ сожалѣнію, онъ это скоро забываетъ. Дрозды всѣ вообще поютъ цѣлый день, начиная съ весны и до конца лѣта.

Для ловли употребляются силъя, лучи и сѣти, а приманиваютъ рябиной.

Весной и лѣтомъ на дроздовъ охотятся съ ружьемъ и бьютъ ихъ изрядное количество. Къ дрозду нужно подкрадываться осторожно, въ особенности когда онъ сидитъ на деревѣ — малѣйшій стукъ и онъ полетитъ между древесныхъ вѣтвей, въ которыхъ убить его трудно.

Осенью, когда дрозды выберутся изъ лѣсу на открытыя мѣста, тогда другое дѣло: ихъ можно стрѣлять въ летъ и той строгой осторожности, которая нужна въ лѣсу, тамъ она не требуется.

Самое удобное время для стрѣльбы дроздовъ то, когда они хлопочутъ объ устройствѣ гнѣздъ и занимаются приготовленіемъ къ выводу дѣтенышей.

Собака при охотѣ на дроздовъ не нужна.

Въ клѣткахъ дроздовъ кормятъ ржанымъ хлѣбомъ, мелко искрошеннымъ и смѣшаннымъ съ творогомъ, также обыкновеннымъ муравьинымъ кормомъ и можжевельными и рябиновыми ягодами.

Дроздъ пѣвчій. Между любителями-охотниками этотъ дроздъ цѣнится очень высоко, и данное ему названіе «пѣвчаго», какъ нельзя лучше выражаетъ его голосовыя достоинства.

Опереніе его незатѣйливо: самка темно-оливковаго цвѣта; брюшко бѣлое съ темными пятнышками; на груди и по сторонамъ шеи перо красновато-желтое, съ темными крапинками; правильныя перья въ хвостѣ и крыльяхъ темныя.

Самка отъ самца отличается тѣмъ, что на груди у ней перо несравненно свѣтлѣе.

Держится тѣхъ же мѣстъ, гдѣ и рябинникъ. Вьетъ гнѣзда такъ же какъ и тотъ. Самка кладетъ отъ 4 до 6 яичекъ.

Прилетаетъ и отлетаетъ почти въ одно время съ рябинникомъ.

Пѣсня этого дрозда полна и мелодична, а флейто-образные его звуки не хуже соловьиной пѣсни.

Ловятъ ихъ тальникомъ на точкахъ, приманивая рябиной и можжевельными ягодами.

Дроздъ черный. Перо этого дрозда все черное съ стальнымъ отливомъ. Носъ большой золотистаго цвѣта и немного загнутый къ низу. Глаза и ноги черноватые.

Самка отъ самца отличается тѣмъ, что часть нижняго оперенія окрашена въ темно-сѣрый цвѣтъ, съ свѣтло-сѣрыми пятнами.

Держится черный дроздъ особенно въ мелкихъ сосновыхъ лѣсахъ, въ которыхъ протекаютъ ручьи и рѣченки.

Гнѣзда устраивать стараются на двойныхъ деревьяхъ, въ дуплахъ, и нерѣдко въ кустахъ. Самка кладетъ 5—6 яичекъ и черезъ двѣ недѣли выводитъ красивенькихъ пташекъ.

Образъ жизни, устройство гнѣздъ, точно такіе же какъ и у другихъ дроздовъ.

Черный дроздъ несравненно осторожнѣе другихъ дроздовъ и убить его сдѣлаетъ честь любому охотнику. Удивительно какъ ловко онъ умѣетъ прятаться въ густыхъ вѣтвяхъ дерева.

Ловятъ ихъ на точкахъ тальникомъ, лучками и силками, прикармливая рябиною и можжевельновыми ягодами; пѣсня чернаго дрозда чрезвычайно мила. Ихъ можно обучать пѣнію съ органчикомъ, только въ такомъ случаѣ ихъ нужно доставать изъ гнѣздъ молодыхъ.

Скворецъ. Величиною онъ съ чернаго дрозда. Опереніе его черное съ сизымъ и красноватымъ отливами, на кончикахъ перьевъ бѣленькія пятнышки, отъ чего онъ представляется точно весь въ бѣлыхъ крапинкахъ.

Носъ у самца свѣтло-желтый, а у самки синеватый и на перьяхъ крапинки бѣлыя, нѣсколько крупнѣе и чаще разсыпаны.

Смѣлость этой птицы и крикливость заставляетъ обращать на себя вниманіе даже людей, никогда не любившихъ птицъ и не охотившихся на нихъ.

Скворцы прилетаютъ къ намъ чуть ли не раньше всѣхъ птицъ. Поля не сбросили еще съ себя снѣжнаго покрывала, а ужъ говорятъ: «скворцы прилетѣли». По прилетѣ скворцы отыскиваютъ старыя свои гнѣзда, вьются около торчащихъ скворешень и дуплистыхъ деревьевъ.... Рыская такимъ образомъ, они чрезъ нѣсколько дней совершенно освоиваются съ мѣстностью и начинаютъ хлопотать объ устройствѣ гнѣздъ. Послѣ самцовъ прилетаютъ самки и начинается пора любви и битвы за обладаніе скворчихи.

Скворцы устраиваютъ гнѣзда въ дуплахъ деревъ, выкладывая его изъ соломонокъ, и стебельковъ, и застилая ихъ перьями или мягкими листочками. Въ апрѣлѣ самка кладетъ 5—6 яичекъ и черезъ тринадцать или шестнадцать дней, изъ скорлупы появляются дѣтеныши, и къ концу мая начинаютъ уже летать.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ вылета молодыхъ сквор-

цовъ изъ гнѣзда, старики, крошечку отдохнувши, начинаютъ заниматься производствомъ втораго выводка.

Молодые скворцы сначала держатся въ кустахъ, прилегающихъ къ ихъ гнѣзду, а потомъ сваливаются на выгоны; затѣмъ перелетаютъ на поля, а съ нихъ на скошенные луга.

Питаются скворцы разными насѣкомыми и хлѣбными зёрнами.

Для ночлега скворцы отправляются на полевые болота, поросшія ивовыми, таловыми и другими кусточками и тростникомъ.

Такой образъ жизни тянется у скворцовъ до отлета, т. е. до сентября.

Ловятъ ихъ большею частію сѣтями, такимъ образомъ: по прилетѣ разставляютъ тайничи на проталинахъ и для приманки привязываютъ ручнаго скворца. Пролетающее стадо лишь только замѣтитъ скворца, сейчасъ же спустится къ нему. Въ тотъ моментъ, какъ они коснутся только земли, ихъ нужно покрывать сѣтью. Ловятъ ихъ и такъ: берутъ обыкновенную рыболовную вершу, во внутренность ея кладутъ связанныя въ пучекъ вишни и ставятъ вершу на деревья. Скворцы, завидя любимыя свои ягоды, цѣлыми десятками набиваются въ вершу.

Скворецъ поетъ на столько разнообразно, что пѣніе его невозможно выразить словами. Это скорѣе болтовня, нежели пѣсня; въ ней есть нѣсколько непріятныхъ хриплыхъ звуковъ, но зато она издается съ такою веселостію и удовольствіемъ, въ рѣзкихъ свистящихъ звукахъ слышно такъ много выразительности, а щелкающіе и чирикающіе болтаются такъ простодушно, что ее все-таки слушаешь съ удовольствіемъ. Замѣчательная способность къ подражанію много способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать пѣсню, если не пріятнѣе, то забавнѣе. Всѣ звуки, какіе только слышатся въ извѣстной мѣстности, — проглоченный, горловой свистъ иволги, ревъ сойки, громкій крикъ *муя*, кудахтанье куръ, хлопанье мельницы и скрипѣніе двери или флюгера, бой перепела, переливы жаворонка, цѣлыя строфы изъ пѣсни камышевки и дрозда, щebetанье ласточекъ, и т. п. — Все это улавли-

вается его чуткимъ ухомъ, старательно заучивается и затѣмъ чрезвычайно весело передается въ пѣснѣ. Скворецъ начинаетъ пѣть съ самымъ раннимъ разсвѣтомъ; затѣмъ часа на два умолкаетъ; послѣ сытнаго обѣда, опять поетъ; а по временамъ, и при томъ всегда соединившись съ другими, устраиваетъ большой вечерній концертъ.

Странно, что скворцовъ такъ рѣдко держатъ въ неволѣ. Содержаніе ихъ не стоитъ рѣшительно никакихъ трудовъ, а удовольствія они могутъ доставить вдоволь.

Трясогузна. Эта крошечная птичка названа трясогузкой потому, что постоянно потряхиваетъ хвостикомъ.

Верхъ трясогузки пепельно-сѣраго цвѣта. Зашеекъ и затылокъ бархатнаго чернаго цвѣта. Грудь, горло, ноги, среднія рулевья перья черныя, остальные мѣста почти всѣ бѣлыя. Самка отъ самца отличается только тѣмъ, что у ней черное пятно на горлышкѣ не такъ велико, какъ у самца, и бѣлый цвѣтъ пера ближе подходитъ къ сѣрому.

Держится трясогузка такихъ мѣстъ у рѣчекъ, озеръ и прудовъ, берега которыхъ не заросли травой. Тутъ она, съ ранняго утра и до поздняго вечера, бѣгаетъ и отыскиваетъ себѣ пищу.

Гнѣздо устраивается въ почвенныхъ углубленіяхъ, подъ корнями деревьевъ, на стропилахъ крышъ и конькахъ домовъ, въ сложенныхъ дровахъ, кучахъ хвороста, словомъ гдѣ придется. Самка владеть отъ 5 до 6 яичекъ и высиживаетъ недѣли въ двѣ хорошенькихъ дѣтенышей. Въ теченіе лѣта бываетъ два вывода.

Питаются трясогузки всевозможными мошками и червячками.

Ловятъ ихъ преимущественно сѣтями, разставленными по землѣ, или дѣлаютъ точекъ, на который для приманки кладутъ таракановъ съ оторванными ногами, муравьиныхъ яицъ и мучныхъ червячковъ. Лишь только прилетятъ птички на приманку; ихъ сію же минуту покрываютъ сѣтью.

Пойманныхъ трясогузокъ кормить слѣдуетъ тараканами и муравьиными яйцами, исподволь и постепенно приучая къ соловьиному корму. Молоденькихъ, взятыхъ изъ гнѣздъ, кор-

мять мякишемъ бѣлаго хлѣба. Вообще же держать ихъ на соловьиномъ кормѣ.

Пѣніе трясогузокъ очень пріятно. Поютъ они почти круглый годъ.

Кузнечикъ садовый. Эта птичка нѣсколько больше трясогузки. Спинка покрыта красновато-сѣрымъ перомъ, а брюшко бѣлымъ.

Кузнечикъ садовый преимущественно держится садовъ и кустарниковъ. Гнѣзда устраиваютъ на землѣ подъ кустомъ. Самка кладетъ отъ 4 до 5 яичекъ и въ двѣ недѣли высиживаетъ дѣтенышей.

Самая хорошая для нихъ пища: всевозможныя насѣкомыя и разныя ягоды.

Прилетаютъ въ концѣ апрѣля, а отлетаютъ въ исходѣ сентября.

Голосъ чрезвычайно пріятный и пѣсня очень нѣжная.

Ловить кузнечиковъ садовыхъ нужно лучами, на приманку класть муравьиныя яйца, точекъ дѣлать на томъ мѣстѣ, гдѣ они держатся.

Въ клѣткахъ кормятъ ихъ муравьиными яйцами.

Жаворонокъ полевой. Кто не знаетъ жаворонка и кто имъ не восхищается! Этотъ пѣвецъ на столько же извѣстенъ, какъ и соловей.

Жаворонокъ величиной съ овсянгу. Верхъ покрытъ сѣровато-рыжеватыми перышками, съ темною полоскою по срединѣ каждаго пера. Глаза кофейно-коричневаго цвѣта, щечки темно-сѣрыя. Самка отличается отъ самца только тѣмъ, что имѣетъ большое количество пятенъ и болѣе темный цвѣтъ пера.

Въ концѣ марта жаворонки начинаютъ пѣть и въ особенности много поютъ въ любовную пору.

Жаворонки устраиваютъ гнѣзда не особенно хитро. Самка, отыскавши въ хлѣбномъ полѣ или на лугу небольшую ямочку, устилаетъ ее соломинками, стебельками, хворостинками и кладетъ въ нее отъ 5 до 6 яичекъ, на которыхъ, поочередно съ самцомъ, и сидитъ двѣ недѣли. Выводки быстро растутъ и, еще не имѣя силъ летать, выскакиваютъ изъ гнѣзда и бѣгаютъ какъ крошечныя мышенки въ травѣ или ржи.

Жаворонки никогда не живутъ въ лѣсу, даже не садятся на сучья, а всегда держатся въ полѣ или въ степи. Бѣгаютъ они чрезвычайно быстро. При появленіи чѣловѣка взлетаютъ и издаютъ особенный звукъ, по которому ихъ всегда можно отличить отъ другихъ птицъ. Въ весеннее время вспорхнувшій жаворонокъ, уносясь въ высъ, постоянно поетъ пѣсню.

Пѣсця жаворонка очень разнообразна. «Едва только раннимъ утромъ сѣрая полоска на востокѣ возвѣститъ приближеніе молодого дня, говоритъ Науманъ, какъ жаворонки уже начинаютъ издавать свою непрерывную пѣсню, сидя на кочкѣ или глыбѣ земли до тѣхъ поръ, пока не разсвѣтетъ совершенно. Но вотъ они поднимаются со своихъ мѣстъ, привѣтствуютъ восходящее солнце своею пѣснью; трепещась высоко въ воздухѣ, они продолжаютъ пѣть даже четверть часа спустя послѣ захода солнца, когда наконецъ умолкаютъ. Просто удивительно, какъ они могутъ тратить столько времени на свое пѣніе, такъ какъ пища вовсе не заготовлена для нихъ кучами и имъ все же приходится отыскивать ее. — Ни одна птица не поетъ, по крайней мѣрѣ во время полета, такъ долго, какъ полевой жаворонокъ. Трепещетъ въ воздухѣ, поднимается поющій самецъ вверхъ, все выше и выше почти по отвѣсной линіи, затѣмъ описываетъ большую спираль и забирается часто такъ высоко, что пропадаетъ изъ глазъ. Его большія крылья и широкій хвостъ поддерживаютъ его на воздухѣ, и, постоянно двигая крыльями, онъ отклоняется далеко отъ мѣста, гдѣ поднялся, надъ городами и селами, затѣмъ, описывая большую дугу, постепенно опускается внизу и, наконецъ съ известной высоты, подтянувъ крылья, падаетъ стремглавъ, какъ камень, въ своей самкѣ, къ гнѣзду или по крайней мѣрѣ по близости его. Впрочемъ жаворонки не всегда поднимаются такъ высоко и не отлетаютъ такъ далеко, потому что подобное пѣніе и полетъ продолжаются часто четверть часа и болѣе; однако поютъ они большею частью на лету, а сидя издаютъ обыкновенно только свою утреннюю пѣсню и послѣднюю вечернюю. — При порахъ они тоже издаютъ короткія и оборванные строфы.

Даже самки издають нѣчто въ родѣ пѣнія, описывая при этомъ большую дугу, но не летятъ далеко. Звуки пѣсни жаворонка свѣтлы, чисты и такъ сильны, что слышны на далекомъ разстояніи; пѣсня эта слагается изъ многихъ строфъ, состоящихъ изъ трелей и переливовъ, т. е. звонкихъ и вытянутыхъ нотъ, которыя повторяются такъ часто, что надоѣдаютъ. Между ними попадаются пѣвцы, повторяющіе одну и ту же строфу десять и болѣе разъ, пока не перейдутъ къ другой строфѣ и затѣмъ очень скоро доводятъ свою пѣсню до конца. Пѣніе различныхъ самцовъ также различно, какъ и составляющія его строфы, и у нѣкоторыхъ слышатся такіе пассажи, къ которымъ совершенно не способны другіе, хотя всѣ они составляютъ только варіаціи на одну и ту же тему и, сходясь въ большей части строфъ, колѣнъ, переливовъ, они все-таки различны между собой. У нихъ въ этомъ отношеніи замѣчается тоже, что у соловьевъ. Они, повидимому, примѣшиваютъ къ своей пѣснѣ чужіе звуки, какъ мнѣ кажется, въ особенности тѣ, которые живутъ близъ болотныхъ и водяныхъ птицъ, такъ что иногда совершенно точно подражаютъ ихъ голосу. — Молодые самцы осенью, при отлетѣ, также поютъ довольно пріятно въ хорошую погоду, хотя пѣсня ихъ не имѣетъ той выдержки и силы, какъ у старыхъ»*

Жаворонки чрезвычайно переимчивы и способны къ подражанію, вслѣдствіе чего ихъ достаютъ молоденькими изъ гнѣздъ и обучаютъ подъ органчикъ разнообразнымъ пѣсенкамъ и проч.

Ловятъ жаворонковъ, преимущественно по прилетѣ, т. е. ранней весной. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: выбравъ въ полѣ такое мѣсто, которое было бы нѣсколько возвышенно и мимо котораго они больше всего летаютъ, слѣдуетъ это мѣсто разчистить отъ снѣга, сажени на двѣ въ ширину и длину; на обнаженную изъ-подъ снѣга землю поставить тайникъ или лучки и посыпать зеренъ овса и тарихи; для сидѣнья же охотникъ долженъ сдѣлать шалашъ, саженахъ въ 10 — 12 отъ точка, и провести туда веревочку отъ лучковъ или тайника. Жаворонки лишь только завидятъ голую землю, сейчасъ же будутъ опускаться на точку, на котормъ ихъ покрываютъ.

Для болѣе вѣрнаго успѣха ловли жаворонковъ, мы совѣтуемъ выставять на точекъ клѣтку съ годовалымъ жаворонкомъ. Конечно клѣтку нужно прикрывать, чтобы жаворонки не боялись опускаться.

Пищей жаворонкамъ служить обыкновенный соловьиный кормъ съ прибавкой небольшого количества мака; ободранныя конопляныя сѣмена, рубленый крессъ-салатъ, капуста и изрѣдка муравьиныя яйца.

Только что вынутыхъ изъ гнѣзда сначала кормятъ мякишемъ бѣлаго хлѣба и макомъ, размоченныхъ въ молокъ, и даютъ немного муравьиныхъ куколокъ.

Если молодымъ жаворонкамъ насвистывать какой-нибудь мотивъ пѣсни, то они его быстро переймутъ.

Ловятъ жаворонковъ и сѣтями, разставленными въ полѣ на подобіе тенетъ. Обыкновенно сѣти разставляются днемъ, а подгоняютъ жаворонковъ вечеромъ. Подгоняютъ ихъ въ то время, когда они летятъ низомъ и легко могутъ запутаться въ сѣтяхъ. Подгонять слѣдуетъ не торопясь, тихонько.

Есть оригинальный способъ ловли жаворонковъ. Вотъ какъ его описываетъ г. Вавиловъ. «На охоту отправляются два охотника: одинъ вооружается сачкомъ на длинной палкѣ, а другой колокольчикомъ, который навязываютъ обыкновенно скоту и фонаремъ съ полированнымъ зеркаломъ. Пришедши на поле, охотники начинаютъ осторожно обходить его, при чемъ одинъ изъ нихъ, держа въ протянутой рукѣ фонарь, освѣщаетъ передъ собою значительное пространство, а другою рукою изрѣдка позваниваетъ въ колокольчикъ, къ которому они привыкли при пастьбѣ скота: вмѣсто того, чтобы улетѣть, плотно прижимаются къ землѣ и даютъ себя покрыть сачкомъ и даже просто брать руками».

При хорошемъ уходѣ въ клѣткахъ жаворонки могутъ жить подолгу.

Жаворонки выводятъ дѣтей два раза въ лѣто

Жаворонъ хохлатый (подсусѣдка). Онъ нѣсколько больше полеваго. Хохлатымъ названъ потому, что на головѣ имѣетъ длинный черноватый хохоль, который онъ то поднимаетъ, то опускаетъ. Перо пестрое, но нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у

полеваго. На груди и шеѣ имѣеть черныя крапины. Хвостикъ черный.

Образъ жизни хохлатаго жаворонка отъ полеваго отличается тѣмъ, что онъ больше всего живетъ около деревень и держится ближе къ человѣку.

Гнѣзда устраиваютъ не только въ поляхъ, лугахъ, садахъ, но и среди человѣческихъ жилищъ.

Кормятъ хохлатыхъ жаворонковъ тѣмъ же, чѣмъ и полевыхъ.

Поютъ они очень пріятно и мелодично.

Ловятъ ихъ лучками на прикормку, а иногда корытами или рѣшетами, подпертыми тоненькими палочками.

Жаворонокъ лѣсной. Названъ онъ лѣснымъ жаворонкомъ потому, что никогда его не покидаетъ, точно такъ же какъ полевой, непокидаетъ никогда поле и степь. Онъ нѣсколько меньше полеваго жаворонка. Оперень почти такъ же какъ и полевой, исключая брюшка, которое не бѣлое, а желтоватое съ черными крапинками и на головѣ четыре черныхъ полоски.

Самка перьями немного темнѣе самца и крапинки чернѣе.

Держится онъ овраговъ, обрывовъ, около пней, кочезъ и тому подобныхъ мѣстъ.

Лѣсной жаворонокъ прилетаетъ къ намъ въ половинѣ марта, и не смотря на то, что снѣгъ въ лѣсу еще не растаялъ, онъ весело распѣваетъ.

Самка для устройства гнѣзда вырываетъ подъ елкой или въ травѣ около пней ямочку, и кладетъ 4—5 яичекъ, съ которыхъ почти и несходитъ во все время высидиванія.

Питаются насѣкомыми и сѣменами.

Пѣніе лѣснаго жаворонка на столько пріятно, что его сравниваютъ съ соловьемъ. «Самая привлекательная сторона лѣснаго жаворонка, говоритъ Брэмъ, это его прелестное пѣніе. Идешь, бывало, пѣшкомъ по пустынной мѣстности, гдѣ даже красивый видъ вдаль не можетъ заглушить всепріятнаго впечатлѣнія, производимаго бѣдною окружающею растительностью и, гдѣ повидимому, нѣтъ никакихъ слѣдовъ животной жизни, какъ вдругъ подымается малый лѣсной жаворо-

ночь, издавая вначалѣ свой вѣжннй призывной крикъ «люлю», поднимается вверхъ и паритъ цѣлые полчаса подъ облаками, не прерывая пѣнія, или садится на дерево съ тѣмъ, чтобы докончить свою пріятную пѣсню. Еще пріятнѣе звучитъ эта пѣсня ночью. Когда я проходилъ въ тихіе полуночные часы по печальной мѣстности, составляющей его главное мѣсто жительства и слышалъ издали вой *филина* или ворчанье *козада*, чувствуя себя чрезвычайно одинокимъ въ пустынной мѣстности, меня ничто не радовало такъ, какъ пѣсня мѣстнаго жаворонка. Мнѣ случалось стоять подолгу и слушать эти, сыпящіеся изъ-подъ облаковъ, звуки. Подкрѣпленный этимъ я брался за посохъ и шелъ дальше. Я очень хорошо знаю, что лѣсной жаворонокъ запѣлъ потому, что его побуждало къ пѣнію внутреннее чувство и желаніе развлечь и доставить удовольствіе своей самкѣ; однако мнѣ казалось, что онъ поднялся съ тѣмъ, чтобы показать свое вниманіе мнѣ, своему старому другу, и сколько нибудь усладить мое одиночество».

Кормятъ лѣсныхъ жаворонковъ тѣмъ же чѣмъ и соловьевъ, прибавляя маку и сѣнной трухи.

Ловятъ ихъ лучками на муравьиныя яйца, раскидывая его тамъ, гдѣ жаворонокъ поетъ; для приманки сажаютъ прирученнаго жаворонка.

Ловятъ также на клейкіе прутья, изъ которыхъ дѣлаютъ вродѣ метлы, намазываютъ клеемъ и ставятъ на палки тамъ, гдѣ жаворонокъ поетъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о клѣткѣ.

Потолокъ въ жавороночной клѣткѣ необходимо затягивать полотномъ или коленкоромъ, чтобы жаворонокъ во время пѣнія, взлетая кверху, не разбилъ себѣ голову. Полъ клѣтки долженъ быть покрытъ протечнымъ листомъ бумаги и усыпанъ пескомъ. Клѣтка должна быть продолговатой формы и обтянута полотномъ.

Ходульна. Она немного меньше полеваго жаворонка. Верхъ пера темно-оливковаго цвѣта съ черными пятнышками. Брюшко бѣлое, на груди красновато-желтоватое съ черными крапинками. Правильныя перья въ крыльяхъ темныя съ бѣлыми полосками.

Самка свѣтлѣе самца, и, кромѣ того, на груди и шеѣ перья бѣлыя.

Держатся онѣ въ поляхъ по буграмъ. Гнѣзда устраиваютъ на землѣ въ кустахъ и травѣ. Самка кладетъ 3 — 4 яйца и выводитъ дѣтей въ двѣ недѣли.

Въ клѣткахъ слѣдуетъ кормить муравьиными яйцами, коноплянымъ ободранымъ сѣменемъ и ставить воды побольше, такъ какъ ходульки любятъ купаться.

Ловятъ ихъ лучками и тайникомъ. Для приманки подъ лучекъ подсаживаютъ въ клѣтки прирученную ходульку.

Юла (фіялна). Величиной она немного меньше полевого жаворонка, и цвѣтъ пера, такой же какъ у него.

Держится она преимущественно тѣхъ мѣстъ, гдѣ вырубленъ лѣсъ, въ такъ называемыхъ сѣчахъ, около которыхъ находится вода.

Гнѣзда юла устраиваетъ на землѣ въ травѣ, по берегамъ рѣчекъ. Кладетъ 3 — 4 яйца и выводитъ дѣтей въ двѣ недѣли.

Прилетаютъ въ мартѣ, вмѣстѣ съ полевыми жаворонками, а въ августѣ отлетаютъ.

Пѣсня юлы мягка и прекрасна.

Ловятъ ихъ также, какъ и полевыхъ жаворонковъ, на такихъ же точкахъ лучками или тайникомъ на тарицу. Нужно поймать только одну юлу, посадить ее въ клѣтку, поставить подъ лучекъ, а она ужъ приманитъ другихъ.

Кормъ дается точно такой же какъ и полевому жаворонку.

Овсянка. Ростомъ съ воробья, только немного подлиннѣе. Опереніе самца чрезвычайно красиво. Голова и нижняя часть тѣла желто-лимоннаго цвѣта. Грудь и брюшко пересыпаны красно-коричневыми пятнышками. Затылокъ и бочка шеи оливково-зеленаго цвѣта съ ржаво-желтымъ. Спинка ржавато-красная съ темно коричневыми пятнами.

Держится она въ мелколѣсьи, по порубкамъ, въ лѣсныхъ опушкахъ и т. п. мѣстахъ, прилегающихъ къ полямъ. Въ густыхъ лѣсахъ и борахъ она никогда не встрѣчается.

Гнѣзда устраиваютъ около небольшихъ кустиковъ на землѣ.

Во время жаркаго лѣта у овсянокъ бываетъ иногда по три выводака.

Кромѣ насѣкомыхъ и хлѣбныхъ зеренъ онѣ любятъ овесъ.

Ловить овсянокъ легко, такъ какъ онѣ очень довѣрчивы. Ловятъ ихъ тайникомъ или лучками, а нерѣдко и въ петли.

Въ клѣткахъ кормятъ ихъ овсомъ и коноплянымъ сѣменемъ.

Пѣсня овсянокъ хотъ и не блещетъ пріятностію звуковъ, но очень мила.

Зябликъ. Величиной онъ съ воробья, но немного подлиннѣе.

Опереніе его не блещетъ яркостію цвѣтовъ, какъ и всѣхъ вообще хорошихъ пѣвцовъ. Спинка темно-коричневая съ оливковымъ отливомъ. Грудь и брюшко темно-фіолетовыя. Лобъ и затылокъ синевато-сѣрые. Крылья черныя съ бѣлыми поперечными полосками. Крестецъ зеленоватый.

Пѣсня зяблика коротка, но въ ней такъ много силы и мелодіи, что заслушаешься.

Во время быстраго ея лета, постоянно слышится призывной крикъ: «пинь», «финк». Звуки эти зябликъ издаетъ тогда, когда находится въ одиночествѣ. Въ стаѣ онъ кричитъ: «гюпп—гюпп». Въ минуту опасности какъ будто шипитъ, издавая звукъ: «зи».

Устроивши гнѣздо, около какого-нибудь деревца или на самомъ деревѣ, самка кладетъ 4 — 5 яичекъ. Во все время насиживанія, которое продолжается двѣ недѣли, самецъ безъумолку поетъ и дерется со своими сосѣдями.

Зяблика можно встрѣтить во всѣхъ лѣсахъ, за исключеніемъ мѣстъ болотистыхъ.

Самка отличается отъ самца тѣмъ, что у нея перья на спинкѣ, шеѣ и головѣ темно-сѣрыя; на груди красновато-сѣрыя, а на брюшкѣ смуглыя.

Ловятъ зябликовъ на точкахъ тайникомъ и лучками, прикармливая сѣмечками. Ловятъ и такъ: въ ручному зяблику привязываютъ клейкій прутикъ и пускаютъ подъ то дерево, гдѣ онъ сидитъ. Завидѣвши своего противника, онъ тотчасъ бросается на него и прилипаетъ къ прутіку.

Въ клѣткахъ кормить нужно размоченнымъ рѣннымъ и

льнянымъ сѣменемъ; коноплянаго же не давать, такъ какъ отъ него зяблики слѣпнутъ.

Прилетаютъ въ мартѣ, а въ сентябрѣ отлетаютъ.

Щеголь. Онъ очень красивъ. Спинка темно-коричневая. Лобикъ и глотка кармино-краснаго цвѣта. Щечки и передъ шею бѣлыя. Задъ головы и щечекъ черныя. Брюшко бѣлое. Въ основаніи маховыхъ черныхъ крыльевъ, перья, золотисто-желтыя. Конецъ хвоста бѣлый.

Самка отличается отъ самца тѣмъ, что у ней красный и желтый цвѣта не на столько ярки и низъ рыжеватый.

Щегленка рѣдко можно встрѣтить на землѣ, онъ постоянно или на деревьяхъ или въ кустахъ. Онъ уменъ, остороженъ и человекъ боится больше всего на свѣтѣ.

Охотники раздѣляютъ щегловъ на два вида: *дубровника* и *березняка*. Держатся онѣ въ мелколѣсѣ и рощахъ, большихъ лѣсовъ избѣгаютъ. Въ особенности любятъ тѣ мѣста, гдѣ растутъ рѣпейникъ.

Гнѣзда устраиваютъ на вершинахъ деревъ, въ развѣтвленіяхъ вѣтвей, въ густой листвѣ, такъ что трудно замѣтить.

Щегленокъ круглый годъ живетъ въ нашихъ лѣсахъ и садахъ, не боясь ни холода, ни голода.

Птичка эта не можетъ похвалиться богатствами звуковъ своей пѣсни, но за то поетъ мастерски и очень пріятно. Призывной крикъ щегленка похожъ на «*штиллит*», «*тикольнитъ*» и «*кикельникъ ки клейа*». Предостерегающій звукъ похожъ на «*шай*», а возбуждающій на «*ра, ра, ра*».

Ловятъ щегленковъ тайникомъ и лучками, привармливая на точкѣ. Ловятъ ихъ въ западни, въ которыя для приманки сажаютъ самку. Ловятъ также и силками.

Щегленки очень любятъ рѣпейникъ и посѣщаютъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ растетъ.

Кормятъ ихъ макомъ съ небольшою прибавкой сѣмянъ терновника и рѣпейника, а также раздавленной коноплей съ прибавкой, изрѣдка, зеленыхъ листочковъ.

Рѣполовъ (коноплянка). Онъ нѣсколько меньше щегла. Опереніе очень красиво. Спинка темно-желтоватая съ ржавою

пестриною. Грудь алая. Брюшко бѣлое. На затылкѣ и ко-
стрецѣ по аловатому пятну.

Самка отличается отъ самца тѣмъ, что у ней перо по-
свѣтлѣе и на груди нѣтъ алаго пятнышка.

Держатся они въ мелколѣсѣхъ и садахъ. Гнѣзда устраи-
ваютъ въ кустахъ и кладутъ по 3 — 4 яйца и выводятъ дѣ-
тей въ двѣ недѣли.

Прилетаютъ въ мартѣ мѣсяцѣ, а отлетаютъ въ октябрѣ.

На волѣ главная пища рѣполова состоитъ изъ сѣмянъ
сорныхъ травъ. Исключая этого онъ очень любитъ рѣпныя и
конопляныя сѣмена.

Въ клѣткахъ кормятъ преимущественно рѣпнымъ и ко-
ноплянымъ сѣменемъ.

Пѣсня рѣполова тиха, но очень пріятна.

Ловятъ ихъ на точкахъ тайникомъ и лучками. Лучшей
приманкой на точокъ служитъ соль, которую рѣполовы чрез-
вычайно любятъ.

Чечотка. Она очень красива и немного больше чижа. Послѣ
линьки яркій цвѣтъ пера прикрытъ сѣроватыми краями
перьевъ.

Чечотки смѣлы, человѣка почти не боятся и ихъ ловить
легко.

Гнѣзда устраиваютъ на деревьяхъ, неособенно высоко отъ
земли. Самка кладетъ 3 — 4 яйца и выкармливаетъ дѣтей
преимущественно комарами.

Ловятъ ихъ тайникомъ на точкѣ точно такъ-же какъ и дру-
гихъ птичекъ.

Чечотка очень скоро привыкаетъ къ неволѣ и не требуетъ
за собой почти никакого ухода.

Чижъ. Величиной онъ крошечку поменьше чечотки. Перья
на спинѣ и шеѣ зеленоватыя, на брюшѣхъ свѣтло-желтова-
тыя, на груди зеленовато-желтыя, подъ горломъ и на голо-
вѣ черное пятнышко, крылья черныя съ поперечной желтою
полоскою.

Самка имѣетъ перья сѣроватыя съ черными крапинками,
а на брюхѣ свѣтло сѣрыя.

Любитъ онъ преимущественно хвойныя лѣса и держится

почти всегда на верхушках елей и сосенъ, на которыхъ и устраиваетъ гнѣзда.

Вообще зеленоватая окраска его пера очень подходит къ темной зелени краснотѣся, и его было бы трудно замѣтить, еслибъ онъ не издавалъ постоянно звуковъ, вродѣ: «третет», «теттертеттет», «ди ди» и «ди ди лей».

Ловить чижей не особенно трудно. Они очень общительны и на призывный крикъ ручнаго чижа смѣло летать.

Весною ловятъ ихъ понцами, расчищая снѣгъ и дѣлая точокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они больше пролетаютъ. Ловятъ ихъ и въ обыкновенныя западни, посадивши туда годовалаго чижа.

Кормить ихъ въ клѣткѣ нужно конопляными и рѣпными сѣменами, макомъ, и изрѣдко давать понемногу какой-нибудь зелени.

Дубоносна. Она величиною нѣсколько больше зяблика. Верхнее опереніе желто-зеленаго цвѣта. На брюшѣ и груди немного посвѣтлѣе. Крылья и хвостъ черноватые.

Самка отъ самца отличается тѣмъ, что на спинѣ перо немного темнѣе, на груди желтоватое, а на брюшкѣ сѣровато-желтоватое.

Держатся онѣ въ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ. Гнѣзда устраиваютъ на деревьяхъ. Самка кладетъ 4 — 5 яичекъ и черезъ двѣ недѣли выводитъ крошечныхъ дубоносочекъ.

Питаются всякими травяными сѣменами, и въ особенности любятъ конопляныя.

Пѣсня дубоносокъ очень пріятна и похожа на пѣсни канареекъ.

Ловятъ ихъ на точкахъ лучками и тайникомъ, приманивая коноплянымъ сѣменъ. Ловятъ и силками, привязанными на конопляные снопки.

Въ клѣткахъ кормятъ коноплей.

Синица обыкновенная. Она величиной съ зяблика. Перья на спинѣ зеленовато-оливковыя, на брюшкѣ, груди и затылкѣ зеленовато желтыя, на головѣ черныя, глянцовитыя, подъ горлышкомъ черное пятно, отъ котораго, чрезъ всю грудь и брюхо, по срединѣ проходитъ черная же полоска; правиль-

ныя перья въ крыльяхъ и хвостѣ черныя съ свѣтло-синими окраинами; щечки бѣлыя, носъ тонкій, прямой, очень острый, которымъ они долбятъ дерево какъ желѣзомъ.

Она живетъ у насъ круглый годъ. Для нея кажется одинаково пріятны, какъ іюльскія жары, такъ и крещенскіе морозы.

Лѣтомъ она держится преимущественно въ мелколѣсьи и въ смѣшанныхъ лѣсахъ. На зиму переселяется поближе къ тѣмъ жилищамъ, около которыхъ есть сады.

«Очень рѣдко, говорить Науманъ, можно видѣть, чтобы синица хотя нѣсколько минутъ посидѣла смирно или была бы въ дурномъ расположеніи духа. Всегда веселая, она прыгаетъ и лазаетъ по вѣтвямъ деревьевъ, въ кустахъ, на изгородяхъ и заборахъ, привѣшивается то здѣсь, то тамъ къ стволу деревьевъ или качается головою внизъ на тонкой вѣточкѣ и ловко скользитъ сквозь щели и отверстія; все это дѣлается во всевозможныхъ положеніяхъ и съ такою живостью, которая доходитъ до смѣшнаго. Какъ ни подчиняется она своему крайнему любопытству, осматривая, обнюхивая и колотя клювомъ по всему, что только покажется ей сколько нибудь страннымъ, однако она далеко не осторожна, напротивъ того—выказываетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ высокую степень ума. Она не только робко избѣгаетъ преслѣдованій, но умѣетъ искусно обходить мѣста, гдѣ подверглась хоть разъ непріятности. Уже по глазамъ ея можно видѣть, что это шаловливая и лукавая птица; у нея чрезвычайно хитрый взглядъ».

Къ этимъ милымъ качествамъ синицы нужно прибавить еще слѣдующее: она кровожадна какъ разбойникъ. Очень часто она накидывается на крупныхъ птицъ, вскочитъ имъ на спину, вцѣпится когтями и начинаетъ долбить клювомъ голову до тѣхъ поръ, покуда не проломитъ черепа.

Весной и лѣтомъ питается насѣкомыми и гусеницами, а осенью ягодами и сѣменами. Поселившись вблизи пчельника, она ловко ловитъ пчелъ.

Гнѣздо устраиваетъ въ дуплахъ, въ стѣнныхъ отверстіяхъ, и нерѣдко помѣщается въ старыхъ гдѣздахъ воронъ, сорокъ

и бѣлокъ. Но замѣчательнѣе всего то, что такая маленькая птичка высиживаетъ отъ 8 до 14 дѣтенышей.

Кромѣ пріятной пѣсни, она обладаетъ способностью перенимать и заучивать подъ органчикъ разныя мелодіи.

Ловятъ ихъ на точкѣ лучками на конопляное сѣмя, силками на конопляныя снопы и больше всего западными съ посаженной туда для приманки синичкой. Иногда кладутъ свѣчное сало, на которое онѣ отлично идутъ.

Въ клѣткахъ кормятъ ихъ ободраннымъ коноплянымъ сѣменемъ и соловьинымъ кормомъ. Если имъ изрѣдка давать понемножку свѣчнаго сала, то онѣ лучше поють.

Московка. Эта синица въ половину меньше обыкновенной. Перо на спинѣ зольно-голубоватаго цвѣта, на брюшкѣ бѣлое съ красноватымъ отливомъ, на груди, бокахъ и шеѣ бѣлое; на глоткѣ черное пятнышко. Носъ острый, черный.

Самка отличается отъ самца тѣмъ, что у нея на головѣ и шеѣ перья посвѣтлѣе.

Держатся московки въ сосновыхъ и еловыхъ борахъ. Гнѣзда устраиваютъ въ дуплахъ недалеко отъ земли, а иногда въ земляныхъ норкахъ. Самка кладетъ отъ 6 до 8 яичекъ и вмѣстѣ съ самцомъ высиживаетъ дѣтенышей.

Пѣсня московокъ также хороша какъ и обыкновенныхъ синиць.

Ловятъ ихъ большею частію въ западни, которыя ставятъ въ тѣхъ мѣстахъ, около которыхъ онѣ чаще всего бываютъ. Для приманки подсаживаютъ синичку и сыпать ободраное конопляное сѣмя.

Щуръ. Онъ нѣсколько больше елеста. Опереніе его очень красиво. На спинѣ черныя перья съ красными краями; на груди и головѣ алая; на брюшкѣ сѣроватая. Носъ короткий, толстый.

Любимыя мѣста этой птицы: сосновыя и еловыя лѣса сѣвера, сѣменами которыхъ и питается. Не брезгуетъ и лѣсными ягодами, древесными молоденькими листочками.

Щуръ устраиваетъ гнѣзда на деревѣ, не особенно высоко отъ земли. Самочка нанесетъ четыре яичка и высиживаетъ дѣтенышей одна.

Это одна изъ довѣрчивыхъ птицъ. Стоитъ только поймать одного шура, о объ остальныхъ и говорить нечего — всѣ будутъ ваши.

Ловить ихъ можно на точкахъ тайникомъ, прикармливая можжевельными ягодами и рябиною

Въ клѣткахъ кормятъ ихъ льнянымъ, коноплянымъ и рѣпнымъ сѣменемъ. Даютъ также можжевельныя и рябиновыя ягоды.

Ихъ необходимо какъ можно чаще выставлять въ клѣткахъ за окошко, такъ какъ онѣ не могутъ въ лѣтнее время долго переносить комнатнаго тепла.

Клестъ сосновникъ. Самое названіе говоритъ уже, что это житель хвойныхъ лѣсовъ и преимущественно сосновыхъ.

Перо на немъ мѣняется три раза: первый годъ по рожденіи онъ бываетъ сѣроватый, во второй красный, а потомъ желтосѣрый. Носъ имѣетъ кривой, верхняя половина котораго загнута къ низу, а нижняя къ верху, такъ что вмѣстѣ не сходятся, а заходятъ одна за другую. Самки же перо имѣютъ зеленовато-сѣрое.

Питается онъ зернами еловыхъ и сосновыхъ шишекъ, вѣтъ коноплю, волчицу и другія маслянистыя сѣмена. Лѣтомъ кушаетъ насѣкомыхъ и въ особенности травяныхъ вшей.

Смолистая пища предохраняетъ мясо этой птицы на долгое время отъ порчи.

Пѣсня клеста не особенно блестяща, но довольно пріятна. Звуками: — «гип, гип», «цок, цок» и «геп, геп», — онъ выражаетъ всѣ свои потребности.

Гнѣздо устраиваетъ на верхушкѣ дерева на толстомъ сучкѣ, въ развѣтвленіи, и всегда окруженнымъ вѣтвями, которыя скрываютъ его отъ глазъ охотника.

Извѣстно, говоритъ Брэмъ, что клесты гнѣздятся во всякое время года, какъ въ разгаръ лѣта, такъ и въ самую льдистую зиму, когда снѣгъ лежитъ густыми слоями на вѣтвяхъ и вся лѣсная жизнь совершенно заглохла.

Самка кладетъ отъ 3 до 4 небольшихъ яичекъ.

Ловятъ ихъ различными способами. Кроютъ сѣтями и петлями. Послѣднія привязываются на длинные прутья, и въ то

время, когда клесты заняты їдой на привадѣ, осторожно на-кидываютъ на нихъ. Дѣлаютъ также изъ прутьевъ метлы, намазываютъ ихъ липкимъ клеємъ, привязываютъ къ длинному шесту, а подлѣ него вѣшаютъ клѣтку съ ручнымъ клестомъ. Лѣсные клесты, слыша его голосъ, опускаются на метлу и прилипаютъ къ прутьямъ.

Въ клѣткахъ кормятъ клестовъ коноплянымъ сѣменемъ, можжевеловыми и рябиновыми ягодами.

Свиристель. — Хохлушка. Эта птичка чрезвычайно красива. Величиною она съ снгиря. На поверхности перо красновато-дичкое, на груди и брюшкѣ красновато-каштановое; подъ горлышкомъ черное пятнышко; правильныя перья черныя, по которымъ разсыпаны золотисто-желтоватыя пятнышки; носъ тонкій и довольно длинный, отъ котораго къ глазамъ проходятъ черныя полосы; на затылкѣ перья длинныя, представляющія какъ бы хохолокъ, темнаго цвѣта.

Безконечныя лѣса сѣвера составляютъ вѣчный пріютъ свиристели. Только въ страшные морозы перемѣщается она въ южную сторону. Съ наступленіемъ же весны опять летитъ на сѣверъ.

Свиристель очень довърчива и человѣка не боится, поэтому и ловить ихъ легко. Ловятъ петлями и сѣтями, приманивая рябиной.

Въ клѣткахъ кормятъ коноплянымъ сѣменемъ и держатъ не столько за пѣсню, сколько за красоту.

Снигирь. Очень красивенькая птичка. Перо на спинѣ и верхней части шеи голубоватое, на груди и подъ шеей красноватое, на брюшкѣ бѣлое, на головѣ и подъ горлышкомъ черное. Носъ короткій, толстый и черный.

Самка отличается отъ самца тѣмъ, что не имѣетъ на себѣ красныхъ перьевъ.

Держится онъ во всевозможныхъ лѣсахъ и только въ страшные морозы посѣщаетъ жилия мѣста.

Снигирь постоянный нашъ гость.

Гнѣздо устраиваетъ въ развилинѣ вѣтвей и не особенно высоко отъ земли. Самка кладетъ отъ 4 до 5 небольшихъ яичекъ и высиживаетъ дѣтей въ двѣ недѣли.

Питаются различными сѣменами и ягодами, и въ особенности любятъ можжевельника.

Снигирь очень способная и перептчивая птичка. Молодыхъ, вынутыхъ изъ гнѣздъ, обучаютъ насвистывать разныя пѣсенки. Для этой цѣли ихъ слѣдуетъ вынимать изъ гнѣзда не позже какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ ихъ вывода и кормить размоченымъ бѣлымъ хлѣбомъ, примѣшивая туда немного рѣпного сѣмени; когда же они совершенно оперятся, тогда кормить нужно конопляннмъ, льнянымъ и рѣпнымъ сѣменемъ. Учитъ ихъ лучше всего съ органчикомъ. Легче всего снигирь перенимаетъ человѣческой свистъ. Выученныя имъ двѣ-три пѣсенки онъ мастерски высвистываетъ.

Въ клѣткахъ вообще кормятъ ихъ овсомъ, коноплею, льнянымъ сѣменемъ и изрѣдка зеленью и ягодами.

Пойманный снигирь чрезвычайно скоро становится ручнымъ и привязаннымъ къ своему хозяину. «Прирученный снигирь, говоритъ Брэмъ *), висѣлъ очень низко, такъ что можно было подходить къ нему и разговаривать. Онъ не боялся даже чужихъ людей. Когда хозяинъ хотѣлъ, чтобы онъ свисталъ свою пѣсенку (которую передавалъ удивительно хорошо), то подходилъ къ нему, звалъ его по имени и кланялся три раза. Снигирь весело и любезно отвѣчалъ тоже поклонами. Послѣ третьяго онъ начиналъ прелестно свистать и оканчивалъ пѣсенку безъ перерывовъ и безъ малѣйшей ошибки. Потомъ онъ ждалъ, чтобы господинъ похвалилъ его и былъ до нельзя радъ, когда тотъ начиналъ выражать ему свое удовольствіе.

Замѣчательно, что этотъ снигирь слушался всякаго мужчину, подходившаго къ нему, какъ слѣдуетъ, съ поклонами, но никогда не обращалъ вниманія на просьбы женщинъ. Родственница хозяина надѣла его шапку и подошла къ невѣжливой птицѣ, но снигирь продолжалъ молчать, какъ прежде».

Ловятъ ихъ тайниками, лучками, петлями и западнями. Для приманки подъ тайники и лучки рассыпаютъ зерна, а въ западню сажаютъ ручнаго снигирия.

Иволга. Величиной она съ дрозда рябинника. Эта птичка

---

*) Жизнь птицъ—Брѣма.

замѣчательна по своей живости и красотѣ. Перо золотисто-желтое. Крылья черныя. Конецъ хвоста желтый. У самки верхнее перо зеленоватаго цвѣта, нижнее—бѣловатое съ черно-сѣрыми пятнышками, а на передней части шеи свѣтло-пепельнаго цвѣта.

Держится она въ сосновыхъ и березовыхъ рощахъ, въ опушкахъ лѣсныхъ уремъ и большихъ листовенныхъ лѣсахъ, а также въ паркахъ и садахъ.

Гнѣздо устраиваетъ на деревьяхъ въ видѣ кошелька, прикрѣпляя его въ развилинѣ сучьевъ. Кладетъ 4—5 небольшихъ яичекъ и въ теченіе двухъ недѣль выводитъ дѣтей.

Въ началѣ лѣта питаются насѣкомыми, гусеницами, бабочками и т. п., а къ концу лѣта ягодами и въ особенности вишнями.

Прилетаетъ въ маѣ, а отлетаетъ въ августѣ.

По прилетѣ самецъ поетъ съ утра и до поздняго вечера. Пѣсня его коротка и состоитъ въ одно и то же время изъ громкихъ и мягкихъ переливающихся звуковъ.

Иволгу ловить лучше всего около гнѣзда.

Въ клѣткахъ кормить слѣдуетъ тѣмъ-же, чѣмъ и соловьевъ.

Перепелка. Объ этой птицѣ мы уже говорили ранѣе. Ее хоть и считаютъ пѣвчей птицей, но она преимущественно употребляется въ пищу и принадлежитъ къ дичи.

Канарейка. Родина этой общеизвѣстной птички Канарскіе острова. Въ Россіи она не живетъ, какъ другія пѣвчія птицы, а привозится изъ-за-границы въ клѣткахъ и разводится домашнимъ образомъ.

Въ дикомъ состояніи канарейки живутъ въ вѣчно зеленыхъ лѣсахъ Канарскихъ острововъ и цвѣтъ пера имѣютъ не желтый, какъ у нашихъ доморощенныхъ, а желто-зеленый.

Хотя для разведенія канареекъ каждый выбираетъ птицу на свой собственный вкусъ, но мы считаемъ не лишнимъ привести поэтому случаю нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ нами у г. Ленца, превосходнаго знатока канареечной охоты.

Онъ между прочимъ говорить слѣдующее:

Выборъ канареекъ. Птицы совсѣмъ зеленыя или съ большими зелеными пятнами очень выносливы, но зато склонны къ слиш-

комъ громкому крику. — Совсѣмъ буровато-желтыя или темно-желтыя часто очень нѣжны и не особенно плодовицы. — Нельзя ожидать правильно окрашенныхъ молодыхъ даже отъ самыхъ правильныхъ пестрыхъ родителей. — Канарейки съ красными глазами нѣжныѣ всѣхъ другихъ. — Если хотять имѣть канареекъ съ хохломъ, то нужно смотрѣть, чтобы на хохлѣ родителей не было ни малѣйшей лысины, особенно назади. — Чтобы получить хорошихъ пѣвцовъ, нужно выбирать отца и мать изъ хорошо поющей породы и ни въ какомъ случаѣ не отдавать молодыхъ въ ученіе къ жаворонкамъ, зябликамъ, соловьямъ и т. д. Все что онѣ выучатъ здѣсь, не свойственно ихъ породѣ и скоро забывается. Нужно строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы молодыя канарейки могли перенимать пѣніе только у старыхъ пѣвцовъ ихъ же рода. Стоитъ птицѣ раньше трехъ или четырехъ лѣтняго возраста услышать дурнаго пѣвца и она можетъ легко испортить свое пѣніе. Даже и гораздо позже канарейка быстро перенимаетъ всѣ недостатки другой, если слышать ее часто.

Многіе канарейки, если ихъ учить съ молоду, выучиваются безъ большаго труда напѣвать подъ органчикъ, но со временемъ становятся тупыми. Я часто пробовалъ учить молодую канарейку у двухъ хорошихъ, но различно поющихъ мастеровъ; результатъ былъ тотъ, что канарейка перенимала только самыя легкія мѣста ихъ пѣсни. Вообще можно принять за правило, что трескучіе звуки и переливы трелей выучиваются гораздо легче, чѣмъ низкіе раскаты, глубокія ноты флейты, звенящія и клочущія тоны; далѣе, что дѣти дурныхъ пѣвцовъ только съ большимъ трудомъ, или вовсе не выучиваются пѣть хорошо, даже если ихъ съ самаго ранняго времени отдать въ ученіе къ хорошимъ мастерамъ.

Какъ держать канареекъ въ ученіи. Молодыхъ птицъ, находящихся въ ученіи, нужно держать такъ, чтобы они не слышали ни одной чирикающей или поющей птицы, кромѣ своего учителя и въ особенности не слышали бы пѣнія канареекъ самокъ, отъ которыхъ могутъ перенять ихъ бѣдныя, короткія стрфы. Мѣсто должно выбрать такое, гдѣ бы часто проходили люди, чтобы ученіе могъ сдѣлаться или оставаться

ручнымъ. Кромѣ того клѣтка должна висѣть далеко отъ окна; близость его развлекаетъ канарейку, и она пріучается пѣть съ перерывами и громко кричать. Пища должна состоять только изъ рѣннаго сѣмени и хлѣбныхъ крошечекъ, размоченныхъ въ водѣ, чтобы молодая птичка не столько занималась ѣдой, сколько пѣніемъ.

Всякая зелень манитъ ее клевать попустому; отъ плодовъ она вдобавокъ еще жирѣетъ къ веснѣ и получаетъ охоту шалить, такъ что нерѣдко можно видѣть, какъ птички, которымъ давали много плодовъ, начинаютъ класть кормъ между своихъ пальчиковъ или на рѣшетку клѣтки. Въ этихъ случаяхъ ихъ нужно посадить въ садокъ, или онѣ пропадутъ. Рѣшетка клѣтки должна быть на столько густа, чтобы канарейка не могла просовывать головы и смотрѣть по сторонамъ. Какъ только замѣтятъ, что она забавляется клеваніемъ ленточекъ, щепочекъ или бумажекъ, нужно помѣшать этому занятію, отнимая предметъ, надъ которымъ она работаетъ. Если же птица все продолжаетъ клевать, что указываетъ на желаніе притупить края своего клюва, то нужно давать ей ежедневно по четыре твердыхъ овсяныхъ зерна, которыя могутъ доставить желаемую работу для ея клюва. Если птица должна постоянно висѣть въ одиночку, то неслѣдуетъ, когда она достигнетъ полугодоваго возраста, показывать ей другихъ канареекъ, ни самки ни самца; при видѣ ихъ она сильно волнуется и начинаетъ кричать, а не пѣть. Но въ случаяхъ, когда два самца должны постоянно висѣть вмѣстѣ, нужно съ молоду ставить ихъ клѣтки рядомъ, чтобы они могли постоянно видѣть другъ друга и привыкнуть къ товариществу. Если молодая птичка остается съ учителемъ года два, то она навѣрное выучится всему, что возможно для ея способностей. Если приходится осенью покупать птицъ, которыя уже не могутъ дальше оставаться въ ученьи, то нужно выбирать самыхъ старшихъ, какъ слушавшихъ учителя болѣе долгое время.

Самое дурное вліяніе на пѣніе канареекъ могутъ имѣть чижики, щегляты и коноплянки; но опасность уменьшается, если нѣсколько одинаково хорошо поющихъ канареекъ находится вмѣстѣ. Если въ первую осень молодая птица удалена

отъ старой, и если на слѣдующую, когда послѣ линянья канарейка снова начинаетъ лѣтъ, посадить ихъ снова вмѣстѣ, то очень скоро обнаружатся результаты хорошаго примѣра.

Клѣтки для канареекъ. Относительно выбора клѣтокъ нужно остерегаться такихъ, въ которыхъ есть жезъ, или которыя выкрашены краской; полъ долженъ быть посыпанъ пескомъ; къ послѣднему хорошо примѣшивать кусочки глины, немного растолченой яичной скорлупы, или раковинъ улитокъ. Липовыя жердочки всего лучше для сидѣнья; въ клѣткѣ должно быть по возможности меньше щелей, и какъ только будутъ замѣчены въ щеляхъ или на самой клѣткѣ какія-нибудь насѣкомыя, нужно хорошенько намазать всѣ трещины льнянымъ или горчичнымъ масломъ. Дверцы должны запираются сверху внизъ, чтобы онѣ могли попадать сами собой, если какъ-нибудь забудутъ запереть клѣтку. Дверцы должны быть довольно широки, чтобы чашка съ водой для мытья и купанья могла проходить свободно. Гдѣ въ клѣтку могутъ забраться кошки, совы, ласки и проч., тамъ нужно защитить ее рѣшеткой, отстоящей на дюймъ отъ клѣтки. Самокъ, если онѣ между собой въ дружбѣ, что не всегда случается, сажаютъ вмѣстѣ въ общую клѣтку и внѣ времени вывода дѣтей, отдѣльно отъ самцовъ.

Гдѣ вѣшать клѣтки. Мѣсто для клѣтки зимой и лѣтомъ должно быть довольно теплое. Если птица не защищена отъ горячихъ солнечныхъ лучей, это ей вредно; не достаточно какакой-нибудь покрывки, дающей тѣнь, чтобы удалить это неудобство. Самкамъ положительно не вредно зимовать въ температурѣ, опускающейся до точки замерзанія. Но самцы при этомъ условіи, мало или даже совсѣмъ не поютъ. Я не могу сказать съ точностію, сколько именно градусовъ холода переносятъ канарейки; но знаю, что онѣ выдерживаютъ порядочный холодъ; самокъ хорошенько слѣдуетъ кормить и давать имъ снѣгу вмѣсто воды. Для пробы я разъ оставилъ нѣсколькихъ канареекъ въ клѣткѣ, стоявшей на дворѣ, и онѣ пережили ночь въ 10° мороза по Реомюру, защищенная отъ вѣтра только крышею сверху. Птички остались здоровыми, и я лѣтомъ получилъ отъ нихъ хорошій приплодъ. Въ другой разъ я помѣстилъ зимой нѣсколько канареекъ

въ сараѣ; онѣ отправлялись ночевать въ клѣтку, которая висѣла передъ окномъ, и только сверху была защищена отъ дождя и снѣга, не перемѣняли мѣста ночлега даже при пяти градусахъ мороза и сильномъ вѣтрѣ, такъ что я принужденъ былъ запереть входъ въ клѣтку. Я видѣлъ такіе же примѣры и у другихъ моихъ знакомыхъ, но нисколько не совѣтую слѣдовать этимъ примѣрамъ.

Необходимо предохранять канарейку, висящую въ комнатѣ, отъ рѣзкаго сквознаго вѣтра, а не то она немедленно охрипнетъ. Случается, что канарейка хрипнетъ и отъ слишкомъ щедрого корма. Есть также запахи, которые могутъ быть вредны. Разъ мой дядя поставилъ цвѣтущую *orchis bifolia* въ комнату, въ которой находились три канарейки. На другое утро онъ нашелъ обѣихъ самокъ мертвыми, а самецъ лежалъ на полу тоже близкій къ смерти; его вынесли на свѣжій воздухъ, и онъ пришелъ въ себя. Табачный дымъ безвреденъ. Деревянное масло, которое горитъ въ лампадкахъ, зимой чернитъ желтыя перья, но не причиняетъ зла канарейкѣ.

Пища канареекъ. На счетъ пищи, продолжаетъ Ленцъ, я твердо убѣжденъ, что способъ кормленія канареекъ въ Андреасбергѣ лучше всѣхъ другихъ. Тамъ канарейкамъ даютъ почти только одно рѣпное сѣмя, въ изобиліи, и еще бѣлый хлѣбъ, размоченный въ водѣ, котораго птица ѣстъ тоже, сколько хочетъ. Я не прибавляю къ хлѣбу яицъ даже во время вывода дѣтей... Смѣшанной и разнообразной пищей воспитываются обжоры и крикуны, которые жирѣютъ и негодны ни для вывода дѣтей, ни для пѣнія. Хорошее свѣжее сѣмя узнается потому, если не имѣетъ неприятнаго запаха, кажется чистымъ, скоро пускаетъ ростки, если положить его между сырыми шерстяными лоскутками. Зеленые листья салата, шпината, капусты, мокрицы, кресса, равно какъ и твердая морковь совсѣмъ лишнія при кормленіи рѣпнымъ сѣменемъ и бѣлымъ хлѣбомъ; наоборотъ, если птичка заболѣетъ, то для пробы хорошо примѣшивать нѣсколько зелени къ прежней пищѣ. Если же при хорошей пищѣ давать ежедневно яблочки, въ особенности яблокъ, то канарейка начнетъ сильно жирѣть.

Канареечный садокъ. Если хотятъ устроить канареечный

садокъ, нужно выбрать самцовъ, которые не ожирѣли отъ слишкомъ изобильной пищи; самки тоже не должны быть очень жирны, иначе онѣ дѣлаются болѣны послѣ каждаго положеннаго яйца и даже нерѣдко умираютъ, прежде чѣмъ начнутъ класть ихъ. Яйца такихъ самокъ или вовсе не даютъ дѣтей или производятъ слабыхъ и непрочныхъ птенцовъ. Если самка провела зиму и не въ слишкомъ большомъ довольствѣ, но съ наступленіемъ весны начала получать различныя зерна, печенье, зелень, яблоки и т. д., то она, хотя и кладетъ хорошія яйца, но обыкновенно больше, чѣмъ слѣдуетъ. Разъ я довелъ самку до того, что въ годъ она положила 29 яицъ. Но толку изъ этого не выходитъ, потому что высиживанія яицъ слѣдуютъ очень быстро другъ за другомъ, при чемъ каждый разъ строится новое гнѣздо, а между тѣмъ прежніе птенцы еще далеки отъ зрѣлости. Въ прочихъ отношеніяхъ съ устройствомъ садка можно поступать различно: а) въ топленую комнату, стѣны которой должны быть безъ обоевъ и непокрыты крашеной извѣстью, сажаютъ уже въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ нетопленую не раньше мая, по одному самцу и по три или по четыре самки на каждыя одну или полторы кубическихъ сажени; на каждую самку нужно два гнѣзда. в) Или же самца съ тѣмъ же количествомъ самокъ помѣщаютъ въ отдѣльное пространство той же вмѣстимости, такимъ образомъ, чтобы два сосѣднихъ помѣщенія были раздѣлены не прозрачной перегородкой. с) Даже если хотятъ посадить самца съ одной только самкой, то все-таки для этого нужна большая клѣтка, по крайней мѣрѣ въ два кубическихъ фута вмѣстимости, чтобы птицамъ было достаточно простора для ихъ есорь, часто очень сильныхъ; конечно слишкомъ драчливыхъ птицъ нужно удалять прочь изъ жилья. Такъ какъ самцы, сидя въ садкѣ вмѣстѣ съ самкой, поютъ лишь изрѣдка, то ихъ слѣдуетъ впускать къ самкамъ не ранѣе того, какъ эти начнутъ таскать въ гнѣздо ниточки, положенныя для пробы. Когда самка положила всѣ свои яйца, самца можно переманить въ другую клѣтку какой-нибудь зеленью, и тогда его уже слѣдуетъ поставить такъ, чтобы самка не могла его видѣть. Когда она начнетъ таскать ниточки во второе гнѣздо,

то къ ней снова выпускають самца, и опять начинается прежняя исторія. д) Точно такимъ же образомъ можно одного самца припустить къ тремъ самкамъ, изъ которыхъ каждая сидитъ или въ отдѣльной клѣткѣ или въ разныхъ отдѣленіяхъ одной общей. Во всякомъ случаѣ ни одна изъ нихъ не должна видѣть другую, также и самца, когда онъ у другой. Если нѣсколько самокъ начинаютъ строить гнѣзда разомъ, то самца выпускають къ каждой изъ нихъ поочередно на полдня, разумѣется, при этомъ нужно устроить помѣщеніе такъ, чтобы самецъ могъ переходить изъ клѣтки въ клѣтку, не тревожа самокъ. Приучить его къ этому очень легко. Если самецъ, впущенный къ самкѣ вечеромъ, спарился съ нею, то яйцо, положенное на слѣдующее утро, хорошо. Всякое новое яйцо требуетъ новаго спариванья. Преимущество раздѣленія самокъ въ отдѣльныя помѣщенія заключается въ томъ, что ни одной изъ нихъ не мѣшаютъ сидѣть на яйцахъ и птенцамъ другой, наконецъ въ томъ, что самецъ остается съ самою не долго и въ остальное время можетъ пѣть. Въ то время, когда самецъ выпускается къ самкѣ, къ ихъ обыкновенному корму полезно прибавлять толченаго коноплянаго сѣмени, но въ остальное время его не слѣдуетъ давать.

Гнѣзда должны стоять въ такихъ мѣстахъ и быть устроены такимъ образомъ, чтобы ихъ легко было вынимать для осмотра и ставить на прежнее мѣсто. Маленькія гнѣзда не годны тѣмъ, что птицы изъ нихъ вылетаютъ слишкомъ рано. По той же причинѣ неудобны и такія гнѣзда, которыя вьютъ сами родители, по примѣру дикихъ птицъ на поставленныхъ имъ въ клѣтку деревцахъ.

Деревянные ящики для гнѣзда, которые употребляются въ Андреасбергѣ *), имѣють четыре дюйма ширины и столько же вышины. Дно ихъ посыпается мелкимъ слоемъ древесной золы для защиты отъ клещей; сверху золы такой же слой просѣянаго песка; потомъ столько плотно умятаго мелкаго мха, чтобы онъ доходилъ до половины ящика. На этой то основѣ

---

*) Небольшое мѣстечко въ Германіи, гдѣ особенно хорошо разводятъ канареекъ.

канарейки и строятъ себѣ гнѣздо изъ коріи длиною въ дюймъ. Самые лучшіе изъ такихъ ящичковъ имѣютъ крышку, отстоящую на два дюйма отъ ихъ верхняго края, чтобы другія птицы могли садиться сюда, не тревожа насѣдку. Какъ только выводокъ улетѣлъ, все содержимое ящичка сожигается, всякая трещинка намазывается масломъ, ящичекъ снова посыпается золой и набивается свѣжимъ мхомъ.

Въ Андреасбергѣ имѣютъ обыкновеніе удалять изъ садка молодыхъ годовалыхъ самцовъ, когда ихъ самки начали сидѣть на яйцахъ во второй разъ. Вообще же тамъ всякій самецъ сажается въ садокъ ежегодно. Нужно еще замѣтить, что самецъ, побывавшій одинъ разъ въ садкѣ, легко заболѣваетъ, если не посадить его туда на слѣдующій годъ. Если же самецъ съ дѣтства сидитъ одинъ, то можетъ состарѣться при такомъ образѣ жизни и остаться здоровымъ.

Насиживание и линянье. Яйца насиживаются отъ 13 до 15 дней. Если самка купается во время насиживания, то яйцамъ отъ этого никакого вреда не бываетъ; тоже если въ комнатахъ стучать, хлопаютъ дверьми, или на дворѣ гремитъ громъ. Когда птенцы вылупились то болтуновъ и больныхъ новорожденныхъ вынимаютъ, чайной ложкой изъ гнѣзда и выбрасываютъ. На двадцать первый день по рожденіи молодые птички вылетаютъ, а на 25-й или на 30-й могутъ уже сами ѣсть. По прошествіи четырехъ недѣль по вылетѣ изъ гнѣзда, молодые птицы начинаютъ мѣнять свои перья, за исключеніемъ хвоста и крыльевъ, и процессъ этотъ тянется нѣсколько мѣсяцевъ.

Здоровые молодые самцы начинаютъ пѣть уже равьше этого линянья или съ началомъ его и отличаются отъ самокъ тѣмъ, что пѣсня у нихъ представляетъ нѣчто связанное, тогда какъ у самокъ она отрывочна.

Нерѣдко случается неприятное обстоятельство, что самка, которую ужъ черезчуръ кормятъ, начинаетъ вновь класть яйца въ то время, какъ птенцы сидятъ еще въ гнѣздѣ или по крайней мѣрѣ не могутъ еще ѣсть. Мать перестаетъ тогда совсѣмъ заботиться о дѣтяхъ. Самецъ же или вообще дѣтей не кормитъ, или если кормитъ, то, въ случаѣ многочислен-

наго семейства, только дѣтей своей любимой жены. И такъ, если въ этомъ случаѣ самецъ принимаетъ на себя обязанности матери, то бѣды отъ равнодушія послѣдней нѣтъ. Я часто бывалъ свидѣтелемъ, что молодыя птицы предшествовавшихъ выводковъ, принимали на себя попеченіе объ оставленныхъ братьяхъ и кормили ихъ вмѣсто родителей. Если же и этого не случается, то птичекъ можно выкормить искусственно. Для этой цѣли изъ ствола пера дѣлается маленькая ложечка и ею кладется въ ротъ птичкамъ смѣсь изъ размоченныхъ въ водѣ и потомъ растертыхъ рѣпныхъ сѣмянъ съ растертымъ макомъ и размоченными корочками бѣлаго хлѣба. Годовалыя самки выводятъ дѣтей обыкновенно два-три раза въ годъ, и кладутъ каждый разъ отъ трехъ до пяти яицъ; старыя же выводятъ три-четыре раза въ годъ и кладутъ отъ трехъ до шести яичекъ.

Что же касается до кормленія птицъ во время высиживанья яицъ и воспитанія дѣтей, то лучше всего давать имъ сухое рѣпное сѣмя вмѣстѣ съ тѣмъ, же сѣменемъ, размоченнымъ въ водѣ, и размоченный въ водѣ черствый бѣлый хлѣбъ.

Въ жаркое время, когда птенцы вывелись, размоченный хлѣбъ нужно мѣнять ежедневно въ полдень. Давать хлѣбъ, размоченный въ молокѣ, опасно потому, что масса эта легко закисаетъ; не слѣдуетъ также давать яицъ, сваренныхъ въ крутую. Молодыхъ птицъ, вынутыхъ изъ садка, слѣдуетъ кормить мѣсяца два сухимъ и размоченнымъ въ водѣ рѣпнымъ сѣменемъ, также размоченнымъ хлѣбомъ.

При спариваньи канареекъ степень родства не имѣетъ значенія, только не слѣдуетъ сажать вмѣстѣ дѣтей одного и того же выводка.

Прирученіе канареекъ. Приручить канарейку вылетать на волю и снова прилетать въ клѣтку не трудно; но этимъ опытомъ обыкновенно скоро кладутъ конецъ хищныя птицы и другіе враги канареекъ.

Если канарейку хотятъ приручить въ рукахъ, то не даютъ ей въ клѣтку ни корма, ни питья, но даютъ зернышки, кусочки хлѣба и капли воды съ руки.

Канарейки очень понятливы. Есть такія, которыя соста-

вляють сказанное хозяиномъ слово изъ отдѣльныхъ буквъ цѣлой азбуки, разложенной передъ ними, или изъ положенныхъ въ кучу тряпочекъ выбираютъ ту, которую прикажутъ. Есть птички, которыя складываютъ, вычитаютъ, множатъ и дѣлятъ, выбирая изъ ряда положенныхъ предъ ними чиселъ то, которое требуется на вопросъ. Другія поютъ по приказу; нѣкоторыя падаютъ мертвыми, когда въ нихъ стрѣляютъ изъ маленькой пушки, тогда другія двѣ везутъ мертвеца на маленькой тележкѣ хоронить; тамъ мертвая канарейка оживаетъ и поетъ хорошенькую пѣсню и т. д.

Способъ учить канарейку или щегленка всякаго рода штукамъ основанъ, какъ и дресировка собаки или лошади, преимущественно на системѣ голоданья. Наградой служить конопляное сѣмя или кусочекъ сахара. Такія канарейки понимаютъ малѣйшій знакъ своего хозяина и исполняютъ приказанія его въ точности. Если нужно, на примѣръ, птичкѣ составить слово, то она начинаетъ кричать между буквами и беретъ между ними ту, предъ которой хозяинъ кивнетъ ей головой.

Кто хочетъ выучить канарейку насвистывать арии, то ее слѣдуетъ держать въ клѣткѣ одну и насвистывать своимъ голосомъ или органчикомъ какую-нибудь пѣсенку въ то время, когда она ѣсть.

Содержаніе птицъ въ клѣткахъ. Какъ бы ни были доверчивы и смиренны пойманныя птицы, но замѣтивши подходящаго къ нимъ человека, онѣ начинаютъ биться, и о потолокъ клѣтки могутъ расшибить себѣ голову. Поэтому необходимо ихъ сажать въ просторную и обтянутую со всѣхъ сторонъ полотномъ клѣтку. Въ такомъ положеніи онѣ скорѣе привыкаютъ къ неволѣ и становятся смиреннѣе. Каждая птица должна сидѣть въ отдѣльной клѣткѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ на примѣръ варакушкамъ, пѣночкамъ, соловьямъ и т. п., необходимо, на нѣсколько дней, связывать кончики крыльевъ.

Тѣхъ птичекъ, которыя на волѣ питались преимущественно насѣкомыми, необходимо въ началѣ кормить полуживыми мучными червячками и муравьиными яичками. Послѣднія должны быть самыя свѣжія и нѣсколько сыроватыя. Въ пер-

вые дни неволи воды давать не слѣдуетъ, такъ какъ она на первыхъ порахъ производитъ у птицъ поносъ. Сырость муравьиныхъ яицъ замѣняетъ имъ воду.

Если въ первые дни пойманныя птицы не ѣдятъ корму, то ихъ нужно кормить насильно или выпустить опять на волю. Кормленіе насильнымъ образомъ требуетъ умѣнья и особенной осторожности, иначе птица погибнетъ.

Пѣвіе птицы служитъ признакомъ умаленія ея дикости. Съ этого момента ее слѣдуетъ приручать, т. е. постепенно и понемногу сдергивать съ клѣтки полотняную оболочку и вѣшать клѣтку въ разныхъ мѣстахъ комнаты, наравнѣ съ ростомъ человѣка.

Когда птица станетъ довѣрчиво садиться на просунутый палецъ въ клѣтку и принимаетъ пищу изъ рукъ, значитъ она совершенно привыкла къ своему хозяину и сжилась съ неволей. Въ такомъ случаѣ птицу можно сажать на палецъ, и прижавши слегка другимъ пальцемъ ея ногу, носить по всѣмъ комнатамъ. Точно также можно сажать на голову, плечо. Приучивши прилетать на свой призывъ, ее можно пускать летать по комнатѣ. На первыхъ порахъ нужно подходить къ клѣткѣ почаще, разговаривать какъ можно ласковѣе и изрѣдка просовывать въ клѣтку палецъ.

Хворь пѣвчихъ птицъ.

Пользовать больныхъ птицъ вещь очень трудная. На всякій случай мы укажемъ на тѣ средства, котóрыя признаны полезными.

Больная птица всегда сидитъ нахохлившись, не поетъ и не ѣстъ. Легче пользоваться наружными болѣзнями, чѣмъ внутренніми.

Наружныя болѣзни пѣвчей птицы.

Линяніе. На птицъ, живущихъ на волѣ, оно не производитъ почти никакого вліянія, но на комнатныхъ птичекъ дѣйствуетъ болѣзненно. Нужно кормить какъ можно сытнѣе и давать побольше муравьиныхъ яицъ. Для зерноядныхъ къ муравьинымъ яицамъ слѣдуетъ прибавлять разное сѣмя и бѣлый

размоченный хлѣбъ. Тяжело линияющую птицу хорошо опрыскивать разбавленнымъ водою бѣлымъ виномъ и ставить клѣтку на солнышко или поближе къ печкѣ.

Лишаи преимущественно появляются около глазъ и клюва. Кругомъ больныхъ мѣсть перышки состригаются и мажутся свѣжимъ коровьимъ масломъ. Лучшее средство—чистота и опрятность.

Типунъ—рогообразный наростъ на кончикѣ языка. Натираютъ больное мѣсто горячей золой и потомъ осторожно снимаютъ иглой самый наростъ. Во время такой операціи язычекъ слѣдуетъ придерживать пальцами.

Вши. Птицу купаютъ въ виноградномъ винѣ, разведенномъ водою, обертываютъ въ фланель и держатъ въ ней, покуда она не высохнетъ. Вино можно замѣнить табачнымъ отваромъ, но нужно стараться, чтобы онъ не попалъ въ глаза, ноздри и уши. Вся вошь съ птицы переберется въ фланель.

Слѣпота. Вылечивать эту болѣзнь невозможно. Особенно опаснаго она ничего на себѣ не носитъ, и ослѣпшая птичка живетъ очень часто долгое время.

Переломъ ноги. Устлать хорошенько дно клѣтки не особенно толстымъ слоемъ мха, извлечь жердочки и поставить клѣтку вдали отъ людей. При сильномъ переломѣ обвернуть ногу тряпкой, намазанной тертымъ испанскимъ козелкомъ (*Supplium officinale*) вмѣстѣ съ коровьимъ масломъ.

Остростаніе ногтей. Осторожно обрѣзать лишнюю часть ногтя.

Опухоль въ ногахъ. Ноги мазать куринымъ жиромъ, и смазывать чѣмъ нибудь жирнымъ жердочки.

Внутреннія болѣзни.

Охриплость. Лучше всего помогаетъ канареечное сѣмя съ наибольшимъ количествомъ моркови.

Насморкъ. Если насморкъ сильный, то необходимо продерживать свозъ ноздри тоненькое перышко, пропитанное миндальнымъ масломъ и не вынимать дня два. При слабомъ насморкѣ достаточно дать съѣсть нѣсколько мучныхъ червей, пролежавшихъ нѣкоторое время въ миндальномъ или прованскомъ маслѣ.

Поносъ. Обрѣзаютъ около прохода перышки, а самый проходъ смазываютъ деревяннымъ масломъ и кормятъ густо свареннымъ яичнымъ желткомъ.

Запоръ. Кормятъ паучками, мокрицами, бузинными ягодами и мучными, червячками пропитанными миндальнымъ масломъ. Вкладываютъ еще въ задній проходъ, по нѣскольку разъ въ день, булавочную головку, намазанную миндальнымъ масломъ. Діета самая строгая.

Ожирѣніе. Уменьшить количество пищи и давать намоченныхъ въ миндальномъ маслѣ, мучныхъ червячковъ.

Грыжа. Дать слабительное, т. е. въ водопойку опустить квасцовъ или соли, величпной съ горошину и кормить какъ можно меньше. Грыжа выражается тѣмъ, что животъ вспучивается и дѣлается прозрачнымъ.

Подагра. Единственное средство, — доставлять птицѣ теплоту.

Ударъ. Какъ можно скорѣе обрѣзать до крови ногти на шпорахъ и выкупать въ холодной водѣ.

Потливость. Распустить соль въ водѣ и обливать брюшко, послѣ чего сполоснуть обмытое мѣсто чистой водой и поставить для обсушки клѣтку на солнцѣ

Худоба. Нужно кормить птицу какъ можно сытнѣй. Насѣкомояднымъ давать муравьиныя яйца, смоченныя сладкимъ миндальнымъ масломъ, и толченый макъ, смоченный водою. Зернояднымъ прибавлять къ корму мелко искрошеннаго крессу.

Пудучая болѣзнь. Ослабить эту болѣзнь можно холодными ваннами и обрѣзываніемъ до крови когтей на шпорахъ. Вылечить же невозможно.

Ловля пѣвчихъ птицъ.

Ловятъ птицъ различными снарядами. Между ними, первое мѣсто, конечно, занимаютъ сѣти.

Сѣти. Обыкновенныя развѣсныя сѣти вяжутся точно такъ же какъ рыболовныя, съ тою только разницею, что онѣ тоньше рыболовныхъ.

Колновая сѣть. Она бываетъ тройная: въ срединѣ находится настоящая сѣть, а съ обоихъ сторонъ *ръжа*. Настоящая сѣть

имѣеть *ячей*, величиною три четверти вершка, а *ръжа* два вершка. Самая сѣть вяжется изъ тонкихъ, а рѣжа изъ посредственныхъ нитокъ. Всѣ три сѣти посаживаются на бичевку, къ бичевкамъ дѣлаются палочки, которыми прикрѣпляется сѣть къ землѣ, когда ее ставятъ.

При посадкѣ сѣтей слѣдуетъ наблюдать, чтобы обѣ рѣжи были посажены вѣрно одна противъ другой ячейми. Средняя сѣть противъ рѣжей должна быть въ полтора раза больше, такъ какъ она посаживается слабѣе противъ остальныхъ. Длина колковой сѣти можетъ быть произвольная: 10—12 сажень, а въ вышину аршинъ и болѣе.

Трепло или перевѣсъ вяжутъ изъ тонкихъ и крѣпкихъ нитокъ. Ячей вяжутся великою въ вершокъ съ четвертью, шириною до трехсотъ очей.

Посаживается эта сѣть на тонкую, очень крѣпкую бичевку и сверху нанизываются мѣдныя колечки, въ которыя продеваются веревки; внизу же сѣть посаживается на тонкую бичевку.

Понцы состоятъ изъ двухъ равныхъ половинокъ сѣти, на подобіе дверей; каждая половина въ длину сажень по десяти, а въ ширину аршинъ по семи; дѣлаютъ ихъ и меньше. Ячей величиною вершка по полтора. Посаживаются на тонкія бичевки. Ставятъ ихъ слѣдующимъ образомъ: одну сторону въ длину прикрѣпляютъ крѣпко къ землѣ деревянными крючками; къ поперечнымъ обоимъ бокамъ пришиваютъ налки, на которыхъ дѣлаютъ съ концовъ зарубочки; по обоимъ концамъ сѣти, въ линію съ крючками, которыми прикрѣплена сѣть, вколачиваютъ колышки, и, привязавъ веревочки за зарубочки, что на концахъ палочекъ, прицѣпляютъ ими за колышки, натянувъ туго и приподнявъ полотнище сѣти, отъ чего оны и будутъ стоять поднятымъ; потомъ привязываютъ за тотъ же конецъ передней палочки длинную бичевку и протягиваютъ въ шалашъ, гдѣ сидятъ охотники. Когда птицы опустятся на точки, то дергаютъ за веревку и pokrываютъ одной половиной понцовъ. Точно также поступаютъ и съ другой половиной понцовъ, отъ которой также протянута веревочка. Дергаютъ же за нѣхъ одну послѣ дру-

гой, потому что нужно, чтобы одна половина упала прежде другой. Приэтомъ необходимо наблюдать, чтобы край одной половины заходилъ по крайней мѣрѣ на поларшина.

Тирась или наволочная сѣть. Ячей этой сѣти вяжутся не косья, но прямыя, какъ переплеты въ оконныхъ рамахъ. Начинають вязать съ одной петли и въ каждомъ ряду прибавляютъ по одной; когда же въ ширину она будетъ сажень около осьми, то съ одной стороны убавляютъ отъ каждаго ряда по одной петлѣ, а съ другой прибавляютъ, и такимъ образомъ вывязываютъ до семи сажень длинны; потомъ убавляютъ съ каждой стороны по петлѣ, пока останется одна, отъ чего сѣть и будетъ похожа на косынку. Посаживаютъ сѣть на тонкую бичевку и на переднемъ краю продѣвается веревка такой длины, чтобы ея осталось на всѣхъ углахъ аршинъ по шести. Эту сѣть наволакиваютъ на птицъ и когда ее тащатъ, то она не сжимается, а идетъ расправленною.

Тенета. Они дѣлаются изъ самыхъ тонкихъ и крѣпкихъ нитокъ, длиною аршинъ восемь-девять, а вышиною аршина въ четыре. Ячей дѣлаются въ полвершка.

Тайникъ. Сѣть эта дѣлается точно такъ-же, какъ одна половина понцовъ, и такимъ же образомъ становится на то-чекъ.

Самоловъ. Онъ имѣетъ видъ ящика, обороченнаго къ верху дномъ. Дѣлается онъ изъ двухъ рамокъ, длиною въ три четверти аршина, а шириною въ полъ аршина. Рамки утврждаются на четырехъ столбикахъ, вышиною вершка по четыре, что и составитъ родъ станочка. Потомъ его обтягиваютъ нитяною сѣтью только сверху и по бокамъ, а низъ оставляется закрытымъ. Вверху сѣть должна имѣть вздержку, чтобы повисшую птицу можно вынуть сквозь нее.

Самоловъ ставится на гладкомъ точкѣ и *подчиняется* такъ: одинъ конецъ у самолова поднимается и подставляется подъ его рамку подчиночный клинушекъ; клинушекъ этотъ виситъ на ниточкѣ, которая привязывается на палку, воткнутую въ землю; подъ самоловъ привязывается за заднюю сторону нижней рамки ботажокъ (палочка), такой же длины какъ самоловъ; на переднемъ концѣ ботажа дѣлается зарубочка,

въ которую и вкладывается вышеозначенный подчиночный клинушекъ; около ботажка, съ обѣихъ сторонъ по его длинѣ, посыпается понемногу муравьиныхъ яицъ или какихъ-нибудь зеренъ, для приманки птицъ. Какъ только птицы станутъ клевать разсыпанный кормъ, то непременно дотронутся до ботажка и самолетъ захлопнется.

Такимъ самолетомъ преимущественно ловятъ соловьевъ и другихъ мелкихъ птицъ.

Лучки. Они дѣлаются изъ двухъ полуобручей, концы которыхъ закладываются одинъ за другой, т.-е. сгибаются въ дугу. Въ концахъ обручей провертываются дырочки, сквозь которыя продѣвается бичевка и натягивается довольно туго (бичевка служить вмѣсто шарнировъ для раскрыванія и закрыванія лучковъ). Когда лучки закрыты, то представляютъ цѣлый кругъ; а когда открыты, то составляютъ полукружіе, или лучекъ. Къ обручамъ пришивается круглая сѣтка и посаживается слабо, такъ, чтобы она, когда лучки поставлены, подбиралась вплотъ къ обручамъ, отъ чего птицы не могутъ ее увидѣть. Ставятся же лучки такъ: одну половину прикрѣпляютъ къ землѣ деревянными крючками, а за другую, которая должна открываться и закрываться, привязывается на срединѣ обручка длинная бичевка и протягивается къ птицелову. Когда за эту веревочку дернуть, то лучки закроются.

Ловятъ лучками соловьевъ, пѣночекъ и другихъ пѣвчихъ птичекъ.

Поножи. Онѣ дѣлаются такимъ образомъ: свивается вмѣстѣ нѣсколько лошадиныхъ волосъ (смотря по тому, на какихъ птицъ охотятся), изъ нихъ дѣлаютъ петли (силки) и влетаютъ въ веревочку, длина которой можетъ быть не опредѣленна. Веревочка разстилается по землѣ, гдѣ нужно ловить птицъ, и прикрѣпляется въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ землѣ деревянными крючками. Птицы ходятъ по ней и запутываются.

Поножами ловятъ преимущественно крупныхъ птицъ.

Западня. Это та же клѣтка, только продолговатая, на концахъ которой устраиваются захлопывающіяся дверцы.

Скрипица. Она состоитъ изъ деревяннаго жолобка и крючка, которые дѣлаются такъ: взять отъ яблони вялый сучекъ

вершка въ четыре въ длину и въ палецъ толщины, расколоть на двое и изъ одной половинки сдѣлать желобокъ, а крючекъ приготовить изъ развилистаго, сыраго сучка той же яблони. Затѣмъ въ желобокъ насыпать мелко-истолченного угля и по немъ взадъ и впередъ водить крючкомъ, отъ чего будетъ происходить пискъ, какъ будто попавшей въ западню птицы и призывающей къ себѣ на помощь.

Ловятъ такимъ образомъ только по ночамъ. Попадаютъ въ эти силки преимущественно горихвостки и дрозды.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатся птицы, нужно сдѣлать изъ еловыхъ вѣтвей шалашекъ. На разстояніи одного аршина отъ шалаша, съ четырехъ его сторонъ слѣдуетъ воткнуть въ землю колья, которые бы были на полъ аршина выше шалаша. Въ кольяхъ, съ наружной стороны, вверху, отступя отъ верхняго конца вершковъ на шесть, вколачиваются клинушки; на нихъ кладутся тоненькія жердочки отъ одного кола на другой, что и составляетъ четырехъ-угольную рамку надъ шалашемъ. Къ нему принадлежатъ силки, сдѣланные такъ: свить силки толщиною не больше какъ въ два конскихъ волоска и вплестъ ихъ въ самую тоненькую бичевку, такъ часто, чтобы они, когда будутъ расправлены, то были бы рядомъ одинъ съ другимъ и не имѣли промежутковъ. Эту бичевку съ силками слѣдуетъ протянуть кругомъ шалаша, привязавъ за колья надъ жердочками на столько высоко отъ нихъ, чтобы расправленные силки висѣли внизъ и не достигали до жердочекъ, но крайней мѣрѣ на вершокъ; бичевку съ силками натянуть крѣпко, и силки заправить такимъ образомъ, чтобы они стояли вдоль по жердочкѣ. Когда прилетитъ птица, то садится прямо на жердочку, и голова тогда уже находится продѣтою въ силокъ, и поэтому, какъ только она взлетитъ, то силокъ и затягивается у ней на шеѣ.

Ловлей такого рода нужно заниматься съ полуночи, садиться въ шалашъ и приманивать птицу скрипцей.

Жердочки должны быть или изъ бѣлаго лѣса, или окрашены бѣлою краской, потому что птицамъ они въ ночное время виднѣе.

Ловля на клей. Взять колъ, наvertѣтъ въ немъ сквозныхъ

дырь (отъ верха до половины) и просунуть въ нихъ брусочки, толщиною въ полвершка. Верхніе бруски должны быть короче, а нижніе длиннѣе, такъ чтобы выходило подобіе елки. Въ самыхъ брусочкахъ наvertѣть, наискось отъ кола, маленькихъ дырочекъ, и вставить въ нихъ тоненькіе прутики, намазанные клеємъ. Прутики должны быть съ ошипанными листочками. Намазывать ихъ клеємъ какъ можно ровнѣе; нижній конецъ, которымъ втыкать придется, оставить вершка на полтора не намазаннымъ.

Втыкать прутики нужно не особенно крѣико, такъ, чтобы сѣвшая на ницъ птица могла выдернуть. Выдернувши, она не улетитъ, а упадетъ на земь.

Такой коль съ прутьями ставятъ на точкѣ и вокругъ его разставляютъ выставочныхъ птицъ, аршинъ на восемь отъ него.

Ловля большею частью производится весною и осенью.

Клей готовится слѣдующимъ образомъ: взять полфунта мездринаго клею и наливши на него пива, дать стоять въ тепломъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда клей окончательно не размокнетъ; потомъ варить его на легкомъ огнѣ пока онъ совершенно не распустится и не сдѣлается нѣсколько густоватымъ. Послѣ этого снять съ огня, прибавить двадцать золотниковъ чистаго меду и сорокъ золотниковъ венецейскаго терпентина, и поставивши опять на огонь, мѣшать деревянною палочкою какъ можно тщательнѣе, чтобъ не было комочковъ. Когда масса станетъ густѣть, то снявши съ огня, остудить немного и переложить въ сухую каменную посуду.

Этотъ клей употребляется для ловли крупныхъ птицъ.

Для ловли маленькихъ пташекъ, клей готовится слѣдующимъ образомъ: весною нарвать еловыхъ шишечекъ, положить въ каменную посуду, покрыть чѣмъ-нибудь и на нѣсколько дней закопать въ сырой песокъ, чтобы шишечки загнили. Потомъ толочь въ деревянной ступкѣ до тѣхъ поръ, покуда шишки не превратятся въ тѣстообразную массу. Истоловши такимъ образомъ шишки, нужно промывать. Это дѣлается такъ: берутъ кадочку, повертываютъ въ боку dna

дырочку и затыкаютъ ее деревяннымъ гвоздемъ. Въ такую кадку складываютъ истолченные шишечки и постепенно наливаютъ самую холодную водой. Чѣмъ холоднѣе будетъ вода, тѣмъ скорѣе выработается клей. Воду нужно перемѣнять почаще, выпуская старую въ дырочку, затынутую гвоздикомъ. Во все время наливаія перемѣны воды, нужно безпрестанно п до тѣхъ поръ мѣшать лопаточкой, пока масса не будетъ свертываться въ комокъ и не станетъ приставать къ лопаткѣ. Послѣ этого нужно массу мять въ водѣ руками, пока совершенно не очистится и не будетъ похожа на масло.

Сдѣлавши такимъ путемъ клей, положить его въ сухую каменную банку и беречь до употребленія.

Отправляясь на ловлю, клей нужно разводить деревяннымъ, а за неимѣніемъ его орѣховымъ или льнянымъ масломъ. Масла слѣдуетъ употреблять полтора золотника на полфунта клею, и растирать деревяннымъ пестикомъ, чтобы масло впиталось хорошенько въ клей. Подбавляя масла, необходимо соображаться съ температурой: когда тепло, тогда класть его меньше, а когда холодно, то побольше. Лить масло слѣдуетъ не вдругъ, а постепенно.

Когда понадобится брать клей въ руки, то ихъ необходимо смазывать масломъ, чтобы онъ очень крѣпко къ нимъ не прилипалъ. Смыть его съ рукъ тоже нужно масломъ.

Правила ловли на точкахъ. Для ловли лѣсныхъ пѣвчихъ птицъ, необходимо выбирать для точка такое мѣсто, чтобы оно было на пути пролета птицъ. На такомъ мѣстѣ нужно выбрать гладкую долину, расчистить сажени на двѣ и сдѣлать точекъ слѣдующимъ образомъ: съ двухъ сторонъ наколотить кольевъ, вышиною отъ земли аршина на полтора; кольца переплести ивовыми прутьями, или хворостомъ, перемѣшавъ его съ ельникомъ и можжевельникомъ, изъ чего и образуется стѣнка точка. У одной изъ нихъ съ внутренней стороны, выкапывается канавка для скрѣпя тайниковой сѣти.

Если на точкѣ надобно пускать передовыхъ птицъ, то вокругъ всего точка должно обгородить дралицамп, чтобы передовыя птицы не имѣли возможности уйти съ точка; дралицы же нужно обтыкать еловыми или другимъ какими вѣт-

ками для присѣста птицъ. Вокругъ всего точка, въ разныхъ мѣстахъ втыкають маленькія деревья. Такой точекъ называется лѣсной.

Другаго рода точекъ дѣлается на полѣ, недалеко также отъ лѣса; на немъ втыкаются низенькіе, зелененькіе кусточки аршина на три съ половиною въ длину и на полтора въ ширину; возлѣ кусточковъ ставится такой величины тайникъ, который бы могъ покрыть все пространство, занимаемое кусточками.

Такъ какъ на такихъ точкахъ ловля производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ, то птицы очень охотно опускаются на зелень.

На точкахъ надобно пускать и ставить въ клѣткахъ птицъ, которыя бы приманивали летящихъ. Для этого необходимо имѣть: 1) *Вспарочныхъ*. Онѣ сажаются на точкѣ такъ: на шейку ихъ надѣвается изъ шелкового шнурка петелька, и отъ нея концы подвязываются подъ крылышки, а потомъ связываются на груди вмѣстѣ, но такъ, чтобы птичка не удавилась; за связанные концы шнурка привязывается коротенькая ниточка, не болѣе полуаршина; на точкѣ втыкается въ землю наискось прутикъ и къ нему привязывается за ниточку птичка; за этотъ же прутикъ привязывается тоненькая бичевка и протягивается въ шалашъ, которую во время пролета птицъ птицеловъ долженъ дергать, чтобы *вспарочная* птичка взлетывала и приманивала летящихъ птицъ. 2) *Выставочныхъ*. Онѣ ставятся на точкахъ въ клѣткахъ и своимъ пѣніемъ приманивають летящихъ птицъ. *Выставочныя* птицы должны быть такія, которыя уже переживали въ клѣткахъ. Поставивши на точкѣ выставочныхъ птицъ, необходимо прикрыть клѣтки зелеными вѣточками. 3) *Подходныхъ*. Они точно такъ же, какъ *вспарочныя*, привязываются шнуркомъ за шейку и крылья, и на длинной ниточкѣ пускаются по точку бѣгать. 4) *Передовыхъ*. У нихъ подрѣзываютъ крылья и пускають бѣгать по точку не привязанными. Но пускають только въ томъ случаѣ, если точекъ обнесенъ заборцемъ, какъ говорили мы раньше.

Выставочныхъ птицъ не слѣдуетъ переставлять на точкѣ въ разные мѣста, но всегда должно ставить на однѣ, потому

что онѣ отъ перемѣны мѣстъ не будутъ пѣть, а слѣдовательно и приманивать летящихъ птицъ.

Голубиная охота.

Голубиная, или какъ ее называютъ нѣкоторые, воздушная охота, имѣетъ свои прелести. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ любителей этой охоты, что ловля рыбы на удочку, охота съ ружьемъ — хороши, но тамъ видишь и страданья и смерть, а тутъ жизнь со всею ея прелестью, сладостными прогулками, любовными объясненіями, поцѣлуями, семейными заботами и радостями....

Чтобы имѣть голубей хольныхъ, бодрыхъ, бравыхъ, съ перомъ чистымъ, блестящимъ, то нужно за ними имѣть хорошей уходъ.

Голубятня. Она должна содержаться всегда въ опрятности и чистотѣ. Если чердакъ великъ, то отгораживаютъ въ немъ комнатку къ слуховому окну. На полу, по срединѣ, стелятъ рогожку, и посыпаютъ ее мелко-истолченнымъ кирпичемъ и песочкомъ, который голуби клюютъ съ удовольствіемъ. На рогожкѣ, въ плоской шаечкѣ, ставится птицѣ питье и дается конопляное сѣмя. Вокругъ стѣнъ, на прибитыхъ къ стѣнкамъ палочкахъ, разгораживаются гнѣзда; имъ можно давать видъ ящика съ небольшимъ входомъ, а не то видъ крошечныхъ лошадиныхъ стойлъ; только первое будетъ для птицы поспокойнѣе. Въ углахъ устраивается нѣсколько жердей, только отнюдь не такъ, чтобы онѣ дѣлали помѣщеніе тѣснымъ: чѣмъ оно просторнѣе и свѣтлѣе, тѣмъ лучше. Чтобы вылѣзть на крышу изъ голубятни, къ слуховому окну придѣлывается отлогая глухая лѣсенка. У слуховаго окна, снаружи, устраивается приполокъ; это нѣчто въ родѣ балкона, по которому удобно было бы ходить и человеку и голубямъ; та половина, которая ближе къ окну, отгораживается небольшими планочками, чтобы когда бросишь изъ голубятни на приполокъ сѣмя, оно не скатывалось внизъ. Отъ приполка къ конику, т. е. къ самому верху, крыша убивается планками, чтобы способнѣе было по ней ходить. На самомъ конькѣ прибавляется тайникъ — сѣть; чѣмъ она больше, тѣмъ лучше, и должна

содержаться въ чистотѣ: послѣ каждаго дожда надо ее под-
нять и такъ укрѣпить, чтобы нитка просохла; иначе она мо-
жетъ загнить. Веревка отъ тайника кладется на желѣзный
костылекъ, вбитый въ самый конекъ и имѣющій фигуру ли-
теры У для того, чтобы крыть легче: а конецъ ея прово-
дится въ бокъ слуховаго окна, въ нарочно вырѣзанное кро-
хотное окошечко, севозъ которое однако можно видѣть ко-
некъ, не выходя изъ голубятни. Если къ этому прибавить
два хлыста, одинъ подлиннѣе, для того, чтобы съ крыши за-
гонять голубей въ голубятню, а другой покороче съ навязан-
ной на конецъ его тряпкой, для того, чтобы спугивать голу-
бей, когда захочется ихъ гонять — вотъ и все, что нужно для
жилища голубей.

Породы голубей. Ихъ очень много, но мы укажемъ только
на тѣ породы, которыя живутъ и водятся въ Россіи: *чистые,*
козырные, турмана, дутыши, плюмажные, трубастые или
трубацкіе, сизяки и египетскіе. Всѣ, кажется, другъ на друга
похожи, а нѣтъ,—и видъ не тотъ и полетъ другой. Про *си-*
зяковъ, конечно, и говорить нечего: ихъ всякій знаетъ. Для
охоты, говорятъ голубятники, они не годятся: что, примѣрно,
въ человѣческихъ сословіяхъ мужикъ не отесанный, то си-
зякъ между голубями. Перо на немъ сизое, по зубу отлива-
етъ въ малиновое и зеленое золото; носъ черный, глазъ жел-
тый, какъ у плотвы рыбы; лапки безъ мохонъ, темно-крас-
ныя; сложенъ плотно, грубо; ростомъ великъ и голубка такая
же большая и не складная, какъ голубь; летаетъ на пря-
микъ: такъ и ломить; когда опускается на землю — хлоп-
нетъ въ крылья, да кораблемъ, кораблемъ — и сядетъ выпуча
глаза — настоящій обломъ.

Козырной. Онъ постройнѣе и попригляднѣе сизяка, хотя
сложенъ также крѣпко, какъ и тотъ. Перо большею частію
бѣлое, носъ бываетъ и бѣлый, и черный; глазъ желтый, а
иногда и темный, на лапкахъ большія мохны, у другаго та-
кія, что даже мѣшаютъ ходить; на головѣ хохоль или два —
очень красивые: одинъ надъ носомъ — звѣздочкой, а другой
на темени — загнутъ; чѣмъ красивѣе хохлы и чѣмъ больше
мохны, тѣмъ голубь дороже; нѣкоторые, точно, бываютъ пре-

лесть какія; но полеть тотъ же, какъ у сизяка—на прямикъ, слѣдовательно, для охотника они тоже не годятся; можно такъ только, для виду держать.

Дутыши. Это великаны голубиные. Клычка имъ дана по шерсти. Ростъ большой; зобъ огромный, какъ пузырь какой. Воркуетъ басомъ: бу, бу, бу, бу. Носъ у дутышей бѣлый, небольшой, глаза темные, вѣки бѣлыя, перо бланжевое; на зобу отлиываетъ въ золото-коричневое, но только немного.

Плюмажные. Они почти такого же большого росту, какъ дутыши, только зобу нѣтъ и на головѣ хохоль чепчикомъ.

Трубастые. На одну стать съ предыдущими и такіе же оболтусы. Только ростъ ихъ обыкновенный, за исключеніемъ хвоста, отъ котораго они получили свое названіе,—именно онъ трубой, точно какъ у павлина, когда онъ его распустилъ. Перо на нихъ бѣлое, носъ то же бѣлый, лапки безъ мохонъ, летаютъ очень плохо, по причинѣ хвоста, который уподобляется опахалу, и позволяетъ имъ только развѣ слетѣть съ жердочки на полъ или перелетѣть съ крыши на крышу. Для охоты они не годны, также какъ и *египетскіе голубки*; перо, какъ кофе со сливками; носикъ черненькій, глазки темненькіе, вѣки бѣленькія, лапки безъ мохонъ, на шеѣ черный ошейникъ, отливающийъ въ зелень и золото. Зимой держать ихъ можно только въ комнатахъ, иначе они замерзнутъ. Они очень милы, но дороги.

Турмана. Достоинство ихъ заключается въ кувырканьи. Хорошій турманъ можетъ, забравшись повыше, повернуться разъ десять сразу, и повторять это въ нѣсколько приѣмовъ.

Въ старину вельможи занимались голубиною охотой, и особенно любили турмановъ. Въ лѣтній ясный, солнечный день, послѣ обѣда, или вообще когда захочется потѣшиться охотой, прикажутъ вынести на дворъ серебряный тазъ съ водою и спустить турмана, который немедленно жаворонкомъ поднимался въ небо все выше и выше, и становился, наконецъ, незамѣтнымъ пятнышкомъ, такъ что невооруженнымъ глазомъ и разсмотрѣть его было нельзя. Но въ серебряномъ тазу онъ былъ видѣнъ. Гости и хозяйка всѣ смотрѣли въ этотъ тазъ. А голубъ все выше, да выше, и все надъ одной точкой

и, забравшись такимъ образомъ, въ самое поднебесье, оттуда, съ такой страшной высоты, кувыркою, кувыркою, прямо въ простыню, которую держали четверо за концы, чтобы сберечь дорогую птицу. Кувыркою! — кажется, что тутъ хорошаго? Но вѣдь нужно видѣть, каковъ этотъ кувырокъ — духъ захватываетъ отъ удивленья: быстрота какая, какая красота, какая страшная сила въ крыльяхъ! Точно чудо въ глазахъ совершается; черезъ голову, разъ, два, три, четыре; и чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе, ловчѣе..

Красивъ, очень красивъ турманъ. Ротъ небольшой, носъ крошечный, какъ у ястреба, бѣлый; глазъ желтый или темный, вѣки бѣлыя или тоже желтыя, лапки безъ мохонъ, перо различное, преимущественно же черное или темно-красное, съ самыми легкими кофейными оттѣнками, на zobу и шеѣ отлиываетъ и въ золото, и въ зелень, и въ коричневый темный цвѣтъ, и не уловить, какіе еще есть оттѣнки, особенно на солнцѣ, а черное — рѣшительно какъ дорогой бархатъ или атласъ — тоже играетъ на zobу такими переливами цвѣтовъ, что залюбуешься и заглядишься.

Бываютъ турмана и бѣлые — крылья до половины черныя или красныя, — такіе, по сходству своему (особенно съ чернымъ на крыльяхъ) съ сороками, извѣстны у охотниковъ подъ именемъ «сбродчекъ». Вообще турманъ сложенъ хорошо, другой маленькій, весь въ кулачекъ, какъ охотники говорятъ, круглячокъ этакій, крѣпкій, стройный, бодрый, хвостъ, когда сидитъ, держитъ немного къверху — таеъ уже и видно, что вертунъ, а бываютъ и уроды, огромные, неуклюжіе, особенно между «сбродками».

Летаютъ турмана какъ сизяки.

Нѣкоторые вертятся черезъ голову, другіе черезъ хвостъ, третьи черезъ крыло. Передъ перевертомъ голубь сперва хлопнетъ въ крылья и *залезитъ*, т. е. проплыветъ въ воздухъ, а тамъ уже и перекувырнется. Нѣкоторые забираются сначала повыше въ воздухъ и тамъ перевертываются, а другіе такъ все по низу, при чемъ иногда чуть не ударяются о крышу, а иногда попадаютъ даже въ трубу, изъ которой вылетаютъ, перемаравшись въ сажѣ, хуже трубочистовъ.

Чистые. Это настоящая охотничья птица. Что въ ней ни возьми — все хорошо. Головка, носикъ, крылья, лапки.

Чистый голубь строень, головка небольшая, глаза — желтыли они или темны, красновѣки или бѣловѣки, смотрять быстро и разумно; перо нѣжиѣе, чѣмъ у другихъ породъ и очень разнообразно; весь онъ легокъ, и видно, что способенъ къ быстротѣ въ полетѣ; малѣйшій шумъ его беспокоитъ, такъ что стукни чѣмъ нибудь, онъ ужъ и поднялъ сейчасъ головку, и вытянулъ шейку, и весь подался впередъ, готовясь вспорхнуть; точно также и всякое движеніе охотника не ускользаетъ отъ его провицательности: едва пошевелилъ рукой, уже вся стая смотритъ, съ любопытствомъ приподнявши головы, что такое будетъ? Ласточка ли рѣветъ вверху чуть замѣтной точкой, мигомъ всѣ головки уже повернулись немного и глядятъ въ небо. Что за милая птица! На лапкахъ маленькія мохны, словно панталончики, обшитые внизу кружевцомъ; носикъ бѣлый, словно выточенный изъ слоновой кости, ближе къ головкѣ имѣетъ розовый оттѣнокъ; большею частью крылья до половины темныя, а остальное перо все бѣлое. По перу-то и раздѣляютъ ихъ на породы. Общая же примѣта чистыхъ голубей — бѣлый носъ и на лапкахъ небольшія мохны.

Теперь положимъ, что вы обзавелись голубинымъ хозяйствомъ и приступаете къ дѣлу. Въ такомъ случаѣ, прежде всего, нужно сдѣлать *вязки*, т. е. сшить крылья молодымъ по легче, старымъ покрутѣй и покрѣпче. Крылья шиваютъ не всѣ, а только перья, и притомъ какъ можно осторожнѣе, чтобъ ихъ не попортить. Нитки нужны здоровыя, свѣжія, иначе старый голубь, уже бывавшій въ подобныхъ передѣлкахъ, перетретъ ихъ, расщиплетъ носомъ, и, прежде чѣмъ захочется его погонять, улетитъ къ прежнему хозяину, оставивъ новаго съ длиннымъ носомъ. Шивать нужно летательныя перья, пера по три въ пучечекъ, а потомъ этакихъ три пучечка стянуть въ одинъ, и тогда уже завязать плотнымъ узелкомъ такъ, чтобы онъ былъ подъ крыломъ, а не наружѣ. Старымъ напротивъ, дѣлаютъ *ръзки*, т. е. обрѣзаютъ всѣ летательныя перья. Дня два послѣ того голубей не слѣдуетъ выпускать изъ голубятни, чтобъ они хорошенько въ ней огля-

дѣлись; а чтобъ имъ изъ нея не выдти произвольно, къ слуховому окну придѣлывается рамка, натянутая сѣтью, которую можно вынимать и вставлять. Голуби осматриваютъ свое новое жилище съ такимъ вниманіемъ, что даже удивительно; мало того, что выглядяты всѣ уголки съ полу, но взлетѣвши на жердочку, и оттуда смотрять... совсѣмъ ознакомятся. Тутъ же и выбираютъ себѣ гнѣзда по вкусу. И вотъ, когда денька два посидятъ птицы въ голубятнѣ, ихъ можно выпустить на крышу. Съ изумленіемъ станетъ выходить вся стая, увидѣвши незнакомое мѣсто; все имъ кажется страннымъ: и притолокъ не тотъ, и покатость крыши не такая какъ прежде, и насупротивъ торчитъ каменный домъ, а внизу зеленѣетъ садъ. Каждая планка, каждый гвоздикъ на крышѣ — все незнакомое; внизу, по сторонамъ, — все неизвѣстное; только въ одномъ верху таже лазурь, какъ и прежде. Медленно взбирается вся стая на крышу, разсыпавшись и разсматривая новыя мѣста. Каждый голубь ежится и словно говорить: Что-жь молъ, это такое? совсѣмъ незнакомое мѣсто и какъ это я здѣсь очутился! Все окружающее занимаетъ его чрезвычайно. Но мало-по-малу уже смѣлѣе ходятъ голубки и здѣсь и тамъ. Въ это время за ними слѣдить нужно, чтобы не заходили на другую сторону крыши, а если зайдутъ, то хлыстомъ потихоньку перегнать, чтобы всѣ были на лицо и съ перваго разу не приучались своевольничать.

Съ этой птицей строгость нужна: разъ попусти, ужъ повадится дѣлать тебѣ непріятность, за-то, если смотрѣть за ними хорошенько, то они будутъ понимать каждое слово хозяина.

Выпускать ихъ на крышу первый разъ нужно не надолго и притомъ не кормивши, а потомъ сманить кормомъ на приполокъ, а съ припложка кормомъ же въ голубятню. Нѣкоторые охотники, какъ въ это время, такъ и въ другое манятъ ихъ крикомъ: *уль, уль, уль*, или *кись, кись, кись*.

Приучать также нужно и къ хлысту, т. е. не сманивая на кормъ, загонять въ голубятню хлыстомъ. Выпускать два раза въ день для первыхъ разовъ достаточно: утромъ и подъ вечеръ; но необходимо всегда присматривать самому. А вотъ какъ этакъ прогуляютъ денька три, уже можно будетъ оставлять ихъ

на крышѣ и безъ присмотра. Выдержавши такимъ образомъ голубей недѣли двѣ въ вязкахъ и давши ознакомиться имъ съ крышей, можно нѣкоторыхъ развязывать, а нѣкоторыхъ погодить, и уже развязанными выпускать на крышу, чтобы крылья у нихъ поотошли, перья выправились и они почувствовали, что имѣютъ возможность летать свободно. Послѣ такой выдержки можно приступить къ гонкѣ; тѣхъ, которые въ вязкахъ, оставить въ голубятнѣ, а развязанныхъ выгнать на крышу и взявши *магалку* (хлысть съ навязанной тряпкой), осторожно спугнуть стаю съ крыши. Когда полетаютъ минутъ пять, дать присѣсть; а тамъ обождавши, спугнуть снова. При первой же гонкѣ можно уже увидѣть, у кого къ чему склонность — кто *правикъ*, кто *лѣвикъ*; это нужно хорошенько замѣтить, чтобы не гонять потомъ ихъ вмѣстѣ; иначе выйдетъ путаница — будутъ другъ другу мѣшать и наконецъ совсѣмъ собьются съ крыла, т. е. одинъ и тотъ же голубь будетъ поворачивать и влѣво и вправо, а это нехорошо: никакого виду и никакого толку не выйдетъ. У плохаго охотника, впрочемъ, всегда такъ: взгонить и пойдутъ путаться надъ крышей, чуть другъ на дружку не налетаютъ; да еще иные и турмановъ гоняютъ вмѣстѣ съ чистыми; тогда ужъ совсѣмъ северно; эти такъ и ломаютъ напрямикъ, перерѣзываютъ ихъ круги, хлопаютъ, лещатъ, вертятся, однимъ словомъ, выходитъ какая-то каша, отъ которой хорошій охотникъ съ грустью отвернется.

Истинная охота состоитъ въ томъ, чтобы гонять правиковъ съ правиками, а лѣвиковъ съ лѣвиками; тогда только вся стая будетъ летѣть дружно, свертывать въ одно время, въ ладъ, и нестись далеко и высоко; чѣмъ дальше, тѣмъ стройнѣе и красивѣе. Кажется, каждый кругъ придаетъ имъ болѣе и болѣе задору, и, наконецъ, заберутся они вверхъ и даль такую, что станутъ словно мухи, и едва видно, какъ эти темныя точки въ ладъ и въ мѣру, точно по музыкѣ, описываютъ одинъ и тотъ же кругъ; на мгновенье какъ будто замрутъ въ воздухѣ, а тамъ дальше и дальше, пока не пропадутъ изъ глазъ. Но вотъ, мало-по-малу выпираютъ они назадъ, высматривая родную крышу. Замѣтивши это, нужно поскорѣе выкинуть имъ изъ голубятни голубка *на усадъ*, чтобы скорѣе

летѣли домой. А когда правики уже залетѣли далеко, выгнать лѣвиковъ да и спугнуть. И вотъ, новая стая начинается забирать въ другую сторону, и также далеко, и также высоко, какъ первая. Что за стройность и сила въ полетѣ: какъ заберутъ, заберутъ, да вдругъ разомъ такъ и ухнутъ всѣ, описывая кругъ; такъ и окунутся всѣ разомъ въ воздухъ; а потомъ выплываютъ, выплываютъ — ухъ! новый кругъ, еще, еще — и вонъ ужъ едва примѣтныя точки рѣжутъ ясную лазурь небесную. Хотя полетъ этотъ у голубя наслѣдственный, но необходимо, отобравши молодыхъ правиковъ, дать имъ во время гонки путеводителя — стараго, опытнаго правика, и кромѣ того, при каждомъ ихъ своротѣ пристукивать палкой и присвистывать; отъ этого они сворачиваютъ дружныѣе и быстрѣе; а старикъ заводитъ молодежь выше, да выше. Сопровождая при каждомъ кругѣ стукомъ и свистомъ, можно довести голубей до такой стройности и быстроты въ поворотахъ, что глазамъ будетъ любо. Съ лѣвиками точно также поступаютъ, т. е. двухъ породъ не смѣшиваютъ.

У меня, — говоритъ одинъ старый охотникъ, — если голубь правикъ, то и голубка къ нему правуха, лѣвикъ голубь — лѣвуха и голубка.

— Отчего у васъ, Николай Кириловичъ, голуби такъ бойко летаютъ? — спрашиваютъ, бывало, у меня.

— Отчего! смѣшно, право! Оттого, что я веду такъ, выдумка такая, выправка; у меня не выдался голубь, сейчасъ его продамъ, чтобы дряни не держать. А не выдается голубь разумѣется чѣмъ-либо: сбивается съ крыла, какъ его не учи; либо лѣнивъ, такъ что садится на чужія крыши и своимъ примѣромъ портитъ всю стаю. Вотъ у меня хоть голуби и простенькіе, а ста рублей за инаго не возьму. Только здѣсь въ нашемъ городѣ моей охоты не понимаютъ; здѣсь только бы надъ крышей сновали, такъ и ладно. Вотъ у меня, впрочемъ, есть парочки двѣ-три, тоже снуютъ надъ крышей, но за-то какъ снуютъ! Согвалъ бы я, напримѣръ, одного; не хотите ли вы посмотретьъ? — Какъ ручка у мельницы, когда мелютъ кофе. Кружки маленькіе, маленькіе, такъ и сѣтъ, такъ и сѣтъ, и все по одной линіи, ни выше, ни ниже и вы думаете, что

вотъ онъ пропалъ за церковью? Нѣтъ, вотъ онъ, вотъ онъ, такъ и кружить, такъ и кружить, и все дальше, да дальше и, наконецъ, уже почти его не видать! Вѣдь это *катунь*, это онъ *катится*, какъ говорятъ охотники. И точно будто катится, такъ легко онъ дѣлаетъ свои крошечные кружки. Это, изволите видѣть, у меня *мазурь*. Такимъ голубемъ нужно дорожить и стараться имѣть отъ него породу, подобравши къ нему такую же, какъ онъ голубку.

Но ничего не можетъ быть досаднѣй, когда на видъ голубь — единственный, перо обличаетъ самую чистую породу, сложенъ прекрасно, а летаетъ плохо. Смотришь — глазъ бы не отвелъ, взгонишь — хочется отвернуться. Такъ это неприятно! Такого голубя нужно продать. Въ особенности не щадить тѣхъ, которые садятся на крышу. Сейчасъ же ихъ вонь. Такихъ голубей зовутъ *труболетами*.

Для ловли чужихъ голубей, въ голубятнѣ дѣлается *отсодокъ*, т. е. отгородка. Сѣтью отгораживаютъ уголокъ въ родѣ клѣтки, куда бы посадить чужаго, пока не попривыкнетъ и не получить какого-либо назначенія.

Чужаго перваго разряда не поймашь скоро, чаще совсѣмъ не поймашь, но за то если поймашь, то можно себя похвалить съ голубемъ. Его видно по полету. Хотя онъ иногда претъ на прямки, стараясь поскорѣе добраться до отдаленной крыши своей, но изрѣдка все-таки свернетъ, сдѣлаетъ нѣсколько круговъ, и по этимъ кругамъ, по той вышинѣ, на которой несетъ онъ, можно заключить, что это не простая птица. Вы замѣтили его! — Каково забрался?! Не зѣвайте-же! Смотрите-же, въ которую сторону сворачиваетъ. А! онъ правикъ! Сейчасъ-же своихъ правиковъ на крышу! Согнали — и ваши голуби пошли выше и выше, сворачивая, какъ и онъ, — вправо. Чужой замѣтилъ ихъ; вотъ уже, оставивъ полетъ на прямикъ, начинаетъ и онъ задавать круги, вотъ уже онъ подлетаетъ къ нимъ ближе и ближе и вдругъ — какъ будто погнало его — несетъ отъ нихъ прочь, дальше и дальше безъ всякихъ круговъ и уже почти скрывается изъ виду. Конечно — этого не поймашь.

Но что за точка виднѣется справа? Э! да это голубь! Не

другой ли? Нѣтъ, это опять онъ. А ваши то, ваши то, еле видны! Но вотъ онъ къ нимъ ближе, ближе и вмѣшался въ ихъ стаю. Теперь есть надежда. Вмѣстѣ съ ними кружить онъ дальше и дальше; очутившись въ семьѣ, которая въ одинъ ладъ съ нимъ то зампраетъ въ воздухѣ, то стремительно даетъ кругъ, забываетъ онъ уже и свою крышу, и все, и несется съ нею быстрѣе и быстрѣе: должно быть ему самому любо, что попалъ въ такую удалую компанію. И ужъ не выпустить его лихая стая изъ среды своей — вся она какъ словно подлаживается подъ его полетъ, желая увлечь его все дальше и дальше. Уже утомленный прежнимъ своимъ летаньемъ, чужой еще больше утомляется отъ своей новой прогулки. Выкиньте изъ голубятни запаснаго правика на *уады*, а сами спрячьтесь въ голубятню. Ага! — Стая замѣтила, что вы приглашаете ее садиться; уже круги стали рѣже, голуби выпираютъ на прямикъ, стараясь скорѣе исполнить ваше желаніе. Тутъ ли чужой? — Здѣсь: вашихъ было шесть штукъ, а теперь ихъ семь. Не показывайтесь изъ голубятни, иначе все пропало! Ниже и ниже спускается стая; уже можно различить темное и бѣлое на крыльяхъ. Наконецъ они почти надъ самой крышей. Садятся. Но чужой не садится; онъ еще описалъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ и наконецъ осторожно, нерѣшительно, сѣлъ съ голубями. Тише! Смотрите въ окошечко, въ которое протянуть конецъ веревки отъ тайника! А! вотъ онъ сидитъ, готовясь взлетѣть при малѣйшемъ шорохѣ, еле прикасаясь лапками къ крышѣ, какъ будто она раскаленная. Что за видъ! Крылья, кажется, дрожатъ, норовя распустились, а глаза такъ и бѣгаютъ, осматривая новое мѣсто. Улетитъ! А вотъ, попробуйте! Тихо, безъ шума, достаньте изъ ящичка корму и бросьте на приполокъ, а сами беритесь за веревку отъ тайника. Ваши слетѣли на кормъ, онъ одинъ на конькѣ и уже завертѣлся, готовясь вспорхнуть и улетѣть, уже расправляетъ крылья. — Кройте скорѣе! — Бацъ! сѣтъ опустилась, вся стая на мгновение оставила кормъ и глядитъ, что случилось: чужакъ бьется подъ сѣткой, съ особеннымъ уханьемъ хочетъ вырваться изъ вашихъ рукъ... Сажайте-же скорѣе въ отсадокъ, да подберите тайникъ.

Иногда большпхъ трудовъ стоитъ поймать такого голубя; много нужно сметки и расторопности. Молодаго поймать легче, и даже другой разъ не нужно крыть и тайникомъ, а просто можно загнать въ голубятню хлыстомъ, или и самъ влетитъ вмѣстѣ съ вашими.

Въ сильный вѣтеръ гонять не слѣдуетъ: легко можно потерять голубей; въ погоду даже выпускать ихъ на крышу гулять не годится. На все есть время. Утромъ всталъ по раньше: если погода хорошая — погоняй, покорми, потомъ выпусти всѣхъ на крышу погулять.

Извѣстно, что для того, чтобы поймать чужаго, нужно его увидѣть, а чтобы увидѣть, нужно быть на крышѣ. Уходя куда нибудь, охотникъ замыкаетъ голубятню, оставляетъ на крышѣ *скакуна*. Скакунъ усаживается спокойно на конька, потомъ разгуливаетъ по крышѣ, добываетъ себѣ закатившіяся подъ планки зернышки, спускается на приполокъ, однимъ словомъ гуляетъ въ свое удовольствіе; потомъ это ему наскучитъ, встряхнется и полетитъ надъ крышей; полетаетъ и опять сядитъ. Но если въ дали показался чужой, скакунъ мгновенно оставляетъ свою прогулку, *соскочитъ* и начнетъ подниматься все выше и выше, съ явнымъ намѣреніемъ присоединиться къ единому страннику, и наконецъ дружно и весело схватывается съ нимъ летѣть дальше и дальше. Такъ блуждаютъ иногда цѣлые часы; но скакунъ мало-по-малу все тянетъ въ свою сторону и, наконецъ, усадитъ таки его на свою крышу.

Чтобъ выбрать скакуна, для этого нужно пробовать своихъ голубей, оставляя ихъ по одиночѣ поочередно на крышѣ, и наблюдая, который изъ нихъ чаще соскакиваетъ, значитъ въ томъ и есть способность, которую нужно усовершенствовать, оставляя его чаще на крышѣ. Нѣкоторые для пробы, оставляя голубя на крышѣ, другаго своего же заносятъ и выпускаютъ гдѣ-нибудь подальше. Если оставленный на крышѣ голубь, увидя возвращающагося домой товарища, соскочитъ — это признакъ, что онъ и съ чужимъ сдѣлаетъ тоже. Повторивши же этотъ опытъ нѣсколько разъ, можно еще лучше убѣдиться. Голубки не способны сидѣть на скаку, а зимой — и голуби.

У голубей, какъ и у другихъ животныхъ, есть враги. Въ особенностн для нихъ опасны: хорекъ и крыса. Часто прогрызши незамѣтно для охотника дыру, крысы въ одну ночь поѣдаютъ нѣсколько паръ. Хорь еще свирѣпѣе и ловчѣе крысы. Онъ изъ заѣденной птицы лакомится только ея мозгами. Кошки не особенно опасны, но надѣлаютъ много страху. Но отъ кого ни защититься, ни спрятаться голубкамъ — это отъ ястреба, который, такъ сказать, коренной, природный ихъ врагъ и вмѣстѣ съ силой въ острыхъ когтяхъ обладаетъ чрезвычайною ловкостью. Какъ часто, когда стая весело вьется въ вышинѣ, вдругъ слетитъ онъ стрѣлою въ самую ея середину, ударитъ одного, бросится къ другому, разгонитъ всѣхъ и потомъ, выбравши котораго-нибудь, гонится за нимъ, залетаетъ ему впередъ, бьетъ его съ размаху острою грудью своею, схватываетъ когтями, и тащитъ въ гнѣздо свое...

При высиживаніи птенцовъ голубь и голубка аккуратно чередуются, и потомъ, когда выйдутъ дѣти, голубь кормитъ голубку свою цѣлыхъ восемь дней, чтобы она передавала пищу дѣтямъ.

Гонять молодыхъ голубей надо на то крыло, на которое они сами кружить будутъ и ни въ какомъ случаѣ не переламывать на другое. Молодыхъ поздняковъ, которые откормятся въ августѣ, лучше не гонять до весны, а только выпускать на крышу и выгуливать. Молодыхъ раннихъ отъ сильныхъ производителей, если слабо летаютъ до третьяго пера, то гонять до пятаго.

Содержать голубей, послѣ гонки до весны, вужно такъ: съ двадцатаго іюля старыхъ не выпускать на крышу до десятаго августа; кормить нужно два раза въ день — въ это время они придутъ въ разлинку. Съ десятаго августа опять выпускать на крышу, но не на долго. Въ сентябрѣ и октябрѣ, когда разлиняются головами, для голубей необходимо гулянье, для чего давать имъ волю быть на воздухѣ столько, сколько они захотятъ того сами. Съ октября до весны надо отсадить самыхъ лучшихъ, и кормить самокъ и самцовъ по одному разу въ день. Съ ноября до февраля, въ полдень, давать корму на десять паръ, двѣ горсти птичьяго гороху; когда его под-

клюютъ, то бросить пшеницы, но не болѣе того, сколько они могутъ съѣсть; чрезъ нѣсколько времени дать немного коноплянаго сѣмя и поставить воду. При этомъ нужно наблюдать, чтобы ни сѣмя, ни зерно, на ночь не оставалось. Кормить такъ сыто нужно только въ морозы, а въ теплые зимніе дни давать корму меньше; въ морозы не ставить воды по утру до корма. Съ десятаго февраля не кормить горохомъ, да и кормъ давать въ четыре часа пополудни. Если кормъ всегда будетъ даваться не по припорціи, то отъ этого можетъ сдѣлаться тифунъ.

Чтобы вывести побольше молодыхъ отъ пегонныхъ голубей, то нужно сажать на яйца съ пятнадцатаго марта, на особенную просторную держку, но не больше десяти паръ. При этомъ нужно наблюдать, чтобы они въ теченіе семи дней находились на воздухѣ и корму ѣли меньше. Когда самка сложитъ первыя яйца, то постараться подложить подъ нея яйца изъ-подъ кормилицы, чтобы она перваго молодаго прокормила восемь дней и потомъ его выкинуть. Вторыя яйца допускать высиживать самимъ, а потомъ давать кормить не больше шести.

Голубятню содержать въ чистотѣ и не мѣшаетъ хоть разъ въ мѣсяцъ окуривать тминомъ и другими пахучими травами. Не худо также въ голубятняхъ держать шалфей, богородскую траву и т. п.

Вообще пища для голубей состоитъ изъ ячменя, чечевицы, гречихи, овса, коноплянаго сѣмени. Для предохраненія отъ болѣзней даютъ немного ржи. Для питья употреблять чистую и свѣжую воду.

Бойцовыя куры и пѣтухи.

Пѣтушинный бой еще въ глубокой древности составлялъ любимую забаву многихъ народовъ.

О началѣ этого спорта у древнихъ грековъ существуетъ слѣдующая легенда. Знаменитый аѣинскій вождь Ѳемистокль, наканунѣ битвы съ персами, увидавъ дерущихся пѣтуховъ, воспользовался этимъ случаемъ воодушевить свое войско. Онъ

обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующими словами *): «Посмотрите на этихъ птицъ, — сказалъ онъ, — они дерутся только для славы побѣды; но они не имѣютъ ни отечества, ни боговъ, ни семействъ, что должно одушевлять васъ для борьбы съ врагомъ помимо воинской славы»... Это находчивое объясненіе дѣйствительно подняло упавшій духъ солдатъ и они, сражаясь какъ львы, одержали надъ персами побѣду. Съ тѣхъ поръ греки въ память счастливаго окончанія войны, установили ежегодный праздникъ пѣтушинаго боя.

Въ Китаѣ, Индіи, Мексикѣ и другихъ странахъ пѣтушинный бой, составляетъ любимое время проведенія туземцевъ.

Въ Англіи начало этой потѣхи послѣдовало въ царствованіе Георга втораго.

Бойцовыя куры и пѣтухи преимущественно раздѣляются на двѣ породы: англійскихъ и индійскихъ.

Англійскій бойцовый пѣтухъ. Чистокровный англійскій бойцовый пѣтухъ можетъ быть покрытъ перомъ очень разнообразнаго цвѣта, но складъ его во всѣхъ разнообразностяхъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Шея у него длинная, сильная и граціозно изогнутая; шейныя перья длинныя, тонкія и весьма плотныя, отъ чего грива, хотя и полная, но плотно облегаетъ шею и своими концами стелется по плечамъ. Грудь широкая; спина короткая, прямая, широкая въ плечахъ. Все тѣло очень крѣпкое и жесткое, съ совершенно правильною грудью и спиною; послѣдняя стуживается по направленію къ хвосту. Крылья выпущеныя, большія и мощныя, плотно прижаты къ бокамъ; крыло должно защищать собою бокъ и ляшки, и совершенно закрывать узкій, сильно подтянутый животъ птицы; передняя часть, т. е. комель крыла, должна быть очень мускулистая и толстая. Ляшки сильныя, мускулистыя, плотно покрытыя перьями, какъ бы выточенныя, изящно выгнутыя; они въ соединеніи съ плюсною образуютъ нѣкоторый уголъ и поставлены такъ, чтобы дать возможно большую силу и развязность движеніямъ ноги. Плюсна предпочитается длинная, сильная, но сухая, покрытая гладкою, плотною и блестящею чешуею. Лапа

---

*) Вуроводство. И. И. Абозина.

снабжена длинными растопыренными пальцами, что даетъ возможно большую опору и устойчивость корпусу птицы. Задній палець долженъ быть поставленъ низко и лежитъ на землѣ почти всей своей длиною. Когда задній палець поставленъ высоко и не откинутъ назадъ, нога называется утиною, что считается весьма серьезнымъ недостаткомъ при премированіи птицъ на выставкахъ. Пальцы снабжены сильными изогнутыми когтями. Постановъ ногъ — просторный въ ляшкахъ и слегка сѣуженный по направленію къ землѣ, такъ что внутренніе пальцы лапъ касаются другъ друга и пѣтухъ высоко поднимаетъ на ходу ногу, какъ бы боясь зацѣпиться ею за собственныя шпоры. Перья тѣла коротки, плотны и жестки, бронеподобны, обладающія блестящимъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ глянцемъ. Хвостъ пѣтуха длинный, серповидный; косяцы его красиво изогнуты. Обѣ половины хвоста плотно прилегаютъ другъ къ другу; весь хвостъ изящно отогнутъ назадъ, но не направленъ къ головѣ и не простирается надъ спиною, что составляетъ извѣстный недостатокъ, называемый хвостомъ вежки. Хвостъ долженъ быть хорошо утверждень въ основаніи; онъ не долженъ быть слишкомъ растопыреннымъ или свѣшивающимся на сторону. Голова этихъ птицъ въ высшей степени красивая; она тонкая и длинная, напоминающая голову левретки; плоская и широкая въ лобной части, она имѣетъ крутой, широкій затылокъ; часть лобной кости выдается надъ глазомъ, служа для нея защитою. Клювъ массивенъ у основанія, сильный и хорошо изогнутый. Глазъ большой, очень полный, блестящій и искрящійся. Выраженіе всей фізіономіи живое, взглядъ огненный, задорный. Ушная мочка, сережки, лицо и горло блестящаго краснаго цвѣта, равно какъ и гребень, который у необрѣзанныхъ птицъ одиночный, прямо стоячій и тонкій. Шпоры, очень плотныя и крѣпкія, должны быть низко насажены на ногахъ для того, чтобы увеличить силу удара этого опаснаго оружія. Эта воинственная принадлежность очень часто замѣчается и у нѣжнаго пола.

Форма курицы и опереніе разнятся отъ пѣтуха на столько, сколько это необходимо для различія пола. Голова ея тоньше,

лицо чистое и тонкое. Маленькій тонкій гребень долженъ быть низокъ въ передней части, съ немногими вырѣзами и совершенно прямостоячій.

Разновидности англійскихъ бойцовыхъ, различаются главнымъ образомъ по цвѣту перьевъ.

Изъ нихъ выдаются:

1) Березово-желтые черногрудые, съ утиными перьями. 2) Такіе же буро-грудые или съ грудью цвѣта инбиря. 3) Серебристо-сѣрые, черногрудые, съ утиными крыльями. 4) Свѣтло-лучнисто-сѣрые. 5) Черно-красные. 7) Темно-голубые или темно-дымчатые. 8) Бѣлые. 9) черные. 10) Бѣлые съ красными плечами. 11) Полосатые, разрисованные по бѣлому фону, полосками какого-либо цвѣта въ гривѣ, груди и хвостѣ. 12) Темно-полосатые, если полосы черного цвѣта. 13) Кокосовые, если бѣлый цвѣтъ смѣшанъ съ желтымъ и чернымъ, и много другихъ.

Сильная, стройная и въ то же время воинственная фигура бойцоваго пѣтуха, одѣтаго въ блестящее, бронеподобное опереніе, его порывистыя граціозныя движенія, его огненный взглядъ, смѣлый воинственный крикъ даютъ достаточное понятіе о его неукротимой храбрости, силѣ и ловкости. Смѣлость его не знаетъ предѣловъ: не только индѣйки, гуси, утки и другіе пернатые наши друзья, но и домашнія четвероногія не осмѣливаются безнаказанно потревожить своимъ приближеніемъ его царственнаго покоя. Даже на человѣка бросается иной слишкомъ самоувѣренный витязь и съ упорствомъ старается вонзить въ него свои острыя шпоры, отъ которыхъ все населеніе птичника спасается поспѣшнымъ бѣгствомъ, зная по опыту ихъ силу.

Куры не уступаютъ въ храбрости пѣтуху и не любятъ, когда въ ихъ среду попадаетъ новая особа. Случалось, что бойцовыя куры вступали въ битву съ пѣтухами, въ особенности другой породы, съ большими шансами на побѣду.

Кромѣ наружныхъ качествъ бойцоваго пѣтуха, очень важны боевыя его достоинства. Эти качества заключаются въ слѣдующемъ.

1) Ударъ, который долженъ быть силенъ и вѣренъ. Чтобы

охарактеризовать силу ударовъ пѣтуховъ этой породы, г. Абозинъ рассказываетъ слѣдующій примѣръ, видѣнный имъ у одного любителя пѣтушинаго боя. «Одинъ изъ боевыхъ пѣтуховъ его, гуляя по двору, замѣтилъ въ окно одного изъ низенькихъ курятниковъ другаго бойца, громкимъ кукареку какъ бы вызывающимъ его на бой. Горячій боецъ, недолго думая, свирѣпо бросается къ противнику и наноситъ ударъ по двери курятника. Ударъ былъ таковъ, что шпора обезумѣвшаго отъ ярости бойца вошла глубоко въ дерево и отломилась».

2) Безуходность, т. е. титаническое терпѣнiе, оказываемое птицей при самыхъ страшныхъ ударахъ противника. Породистый пѣтухъ до тѣхъ поръ будетъ драться, пока въ состоянiи держаться на ногахъ; уйти же отъ соперника считается самымъ плохимъ признакомъ и такой трусъ никогда не удостоится попасть на племя хорошему заводчику.

3) Подъемъ и отшпорка. Пѣтухъ долженъ высоко подниматься на воздухъ для нанесенiя удара, а также долженъ отражать удары противника, поднимаясь съ земли одновременно и встрѣчая его удары своими шпорами. *Скорость* такъ-же очень цѣнное качество боевой птицы, такъ какъ скорый пѣтухъ, успѣвая наносить лишнiе удары, имѣетъ при равныхъ достоинствахъ много шансовъ на побѣду надъ менѣе быстрымъ соперникомъ. Но надо также, чтобы при скорости была и *вѣрность*, т. е., чтобы боецъ попадалъ шпорами въ опасныя мѣста врага, на примѣръ — въ голову, горло и т. п., а слѣдовательно, и бралъ клювомъ около головы, — былъ *мѣстовитъ*, какъ говорятъ охотники. Пѣтухъ, который беретъ клювомъ гдѣ попало, не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ удары его пропадаютъ даромъ.

Породистый пѣтухъ никогда не ослабѣваетъ въ бою, но кажется, что чѣмъ далѣе, тѣмъ энергичнѣе его атака, тѣмъ рѣшительнѣе и вѣрнѣе ударъ.

Пущенные на арену пѣтухи на нѣсколько мгновенiй останавливаются какъ вкопанные, другъ противъ друга, всегда въ изумительно красивыхъ позахъ.

Бой начинается бѣшенными скачками, во время которыхъ каждый изъ бойцовъ старается нанести другому ударъ безъ

прихвату. Послѣ этихъ первыхъ скачковъ соперники ведутъ бой съ самымъ тонкимъ расчетомъ. Можно видѣть, какъ сильный пѣтухъ, чувствуя свое превосходство надъ соперникомъ, напраетъ на него грудью; слабый прибѣгаетъ къ различнымъ хитростямъ — или прячется подъ зобомъ, или подъ крыломъ своего врага и стараясь оттуда нанести ему рѣшительный ударъ, воспользовавшись секундой его оплошности. Иной пѣтухъ постоянно какъ бы избѣгаетъ боя и, спасая свою голову, подставляетъ своему сопернику подъ удары свой хвостъ. Такой пѣтухъ идетъ зигзагомъ, поворачиваясь то вправо, то влѣво, согласуя свои обороты съ наступательнымъ движеніемъ врага. Были пѣтухи, которые летали по ширмамъ, спасаясь отъ преслѣдованія непріятеля, и доводили его до того, что у него кружилась голова, онъ шатался на ногахъ и оставлялъ преслѣдованіе; въ это время его соперникъ нападалъ на него съ быстротою молніи и вѣрными ударами рѣшалъ бой въ свою пользу.

Удары этихъ птицъ бывають смертельны, въ особенности когда дерутся перьярки на острыхъ шпорахъ. Часто отъ сильного и вѣрнаго удара птица падаетъ замертво, но опомнившись, встаетъ и съ ужасной энергіей нападаетъ на своего противника, стараясь во что-бы то ни стало отомстить за ударъ.

Пѣтуха необходимо приготовить къ бою — *отдержать* къ бою, подобно тому, какъ это дѣлають съ призовыми рысистыми и скаковыми лошадьми.

Въ Россіи отдержка боевыхъ пѣтуховъ производится такъ: имъ даютъ лишь сухой овесъ и черный хлѣбъ въ катышкахъ, при чемъ утромъ обыкновенно даются катышки и затѣмъ въ кормушкѣ пѣтуха оставляется овесъ, а въ особой посудѣ — свѣжая вода. Вечернее кормленіе совершается поздно — при свѣчахъ, чтобы приучить пѣтуха видѣть при этомъ освѣщеніи, такъ какъ бои происходятъ обыкновенно по вечерамъ.

Пѣтухъ скоро привыкаетъ къ такой выдержкѣ. Онъ ѣсть, пьетъ, и хорохорится вечеромъ совершенно такъ-же, какъ и днемъ, и, какъ видно, такое нарушеніе естественныхъ привычекъ не производитъ на него неблагоприятнаго вліянія.

Совершенно приготовленный пѣтухъ приобретаетъ возможно

меньшій вѣсъ при возможно большемъ количествѣ мускуловъ, которые совершенно свободны отъ жира. Онъ веселъ и здоровъ, тѣло его твердо какъ камень. Онъ безпрестанно поетъ и до того жаждетъ боя, что иногда бросается на свою собственную тѣнь. Даже опасно такого пѣтуха долго оставлять безъ боя, такъ какъ онъ или издерется безъ вѣдома хозяина, при чемъ часто обламываетъ себѣ шпоры и разбиваетъ ноги о рѣшетку или заборъ, такъ что становится никуда негоднымъ, или же окалѣваетъ отъ апоплексическаго удара.

Послѣ боя голову пѣтуха обмываютъ теплой водой, вспрыскиваютъ водкой и бойца сажаютъ въ теплое помѣщеніе, гдѣ держать до тѣхъ поръ, пока съ него не сойдутъ болячки; приэтомъ ранки его полезно смазывать свинымъ саломъ или же просто коровьимъ масломъ. Чтобы уменьшить опухоль головы и унять жаръ, прикладываютъ къ головѣ примочки изъ свинцовой воды.

Индійскій бойцовый пѣтухъ. Они обыкновенно блестящаго бѣлаго цвѣта, низки на ногахъ и по сравненію съ англійскими бойцовыми, имѣютъ толстую голову и шею.

По словамъ Тегетмейера, они дерутся съ храбростью и упорствомъ бульдога, но имъ не достаетъ того удивительнаго проворства, которое отличаетъ чистыхъ бойцовыхъ.

Недостатки и достоинства этой птицы, равно какъ и англійскихъ бойцовыхъ, обнаруживаются въ боевой практикѣ, хотя опытный любитель по внѣшнимъ признакамъ можетъ до нѣкоторой степени вѣрно судить о достоинствахъ птицы, подобно тому, какъ покупатель лошадей оцѣниваетъ достоинства данной лошади на взглядъ, не видя ея рѣзвости.

Московскій бойцовый пѣтухъ. По рассказамъ старожилловъ, говоритъ В. Н. Соболевъ *), начало пѣтушиной охоты въ Москвѣ положилъ графъ А. Г. Орловъ. Насколько вѣрны эти рассказы — утвердительно сказать нельзя, но ему приписываютъ первую выписку изъ Англійи боевыхъ пѣтуховъ, которыми онъ потѣшался вмѣстѣ съ другими вельможами того времени, устраивая у себя пѣтушине бои, сопровождавшіеся большими

---

*) О пѣтушнихъ бояхъ въ Москвѣ.

закладами. Въ то же время былъ въ Москвѣ другой извѣстный пѣтушинный охотникъ, генераль Всеволожскій, у котораго были также выписаны англійскіе пѣтухи и происходили боевыя состязанія съ пѣтухами другихъ охотниковъ изъ купцовъ, за которыми онъ посылалъ свои экипажи. Пѣтухи же были у графа Орлова пера краснаго, а у Всеволожскаго — сѣраго.

Въ 1812 году, при нашествіи на Москву французовъ, въ ней, конечно, было не до пѣтушинныхъ боевъ и всѣ боевыя пѣтухи или были заблаговременно вывезены, или попали въ супъ; но по изгнаніи непріятеля англійскіе боевыя пѣтухи были заведены уже многими лицами. Пѣтухи же графа Орлова появились тогда у діакона того прихода, гдѣ жилъ графъ, и, надо полагать, что этотъ діаконъ получилъ ихъ въ подарокъ отъ графа Орлова, или приобрѣлъ другими какими-либо путями. Отъ діакона порода перешла къ дьячку Калитниковскаго кладбища, который прославился ею между охотниками, и долгое время пѣтухи подъ названіемъ *калитники* считались самыми лучшими въ Москвѣ.

Кромѣ этихъ птицъ, славилась также порода одного продавца газетъ. Пѣтухи этого любителя были замѣчательно красивы и отличались большимъ ростомъ. Они не были такъ проворны, какъ калитники, но за-то отличались необыкновенной силой и выносливостью.

Пѣтухи дьячка уступали по красотѣ перьевъ пѣтухамъ газетчика и были извѣстны подъ названіемъ *старыхъ газетъ*. Между ними были соловые, черногрудые и бурогрудые.

Кромѣ этого, въ Россіи извѣстны пѣтухи: свѣтло-сѣрые, узкокрылые, черные мѣднокрылые, черные полосатые, кроваво-красные, дымчатые и многіе другіе.

Вообще же у московскихъ охотниковъ предпочитаютъ желтыя или темно-бронзовыя (горѣлыя) ноги и считается особеннымъ достоинствомъ, если при этомъ шпоры и ногти черныя какъ уголь.

Въ общихъ чертахъ московскій бойцовый пѣтухъ сохраняетъ характерныя признаки своего роданачальника — англійскаго бойцоваго пѣтуха; но подъ вліяніемъ климатическихъ и дру-

гихъ мѣстныхъ условій видоизмѣнился на столько, что можетъ быть разсматриваемъ, какъ самостоятельная порода.

Дѣйствительно, разсматривая нашихъ бойцовыхъ куръ, легко замѣтить, что между ними преобладаютъ два типа:

1) Голоперые — такъ называемые пѣтухи на высокихъ ногахъ, съ выпуклой, но, однако, не горбатой спиной, съ тонкою длинною шеей, покрытые узкимъ и мелкимъ перомъ.

2) Приземистые — на болѣе низкихъ ногахъ, прямой спиной, короткой шеей и такъ называемымъ конистымъ складомъ, покрытые болѣе обильнымъ оперениемъ.

Изъ многочисленныхъ наблюденій боевыхъ достоинствъ нашихъ пѣтуховъ замѣчено, что самыми лучшими бойцами бывають птицы второй категоріи. Не будучи столь высоки на ногахъ, они гораздо устойчивѣе сложены, проворны и чрезвычайно выносливы.

Нашъ пѣтухъ не такъ проворенъ и вѣренъ, какъ настоящій англійскій, но его ударъ тяжелъ и онъ сильно отшпоривается. Хорошій нашъ боецъ разсудителенъ и хладнокровенъ въ боѣ; онъ, какъ говорится, не гонится за тычкомъ, но, стойко перенося удары, въ то же время стережетъ удобный моментъ, чтобы захватить клювомъ соперника къ мѣсту и нанести ему могучій ударъ. У насъ никогда не употреблялись стальные шпоры, какъ у англичанъ, и поэтому наши старожилы не боятся, что ихъ пѣтухъ будетъ убитъ наповаль первымъ ударомъ, и въ силу этого у насъ цѣнятся птицы, у которыхъ запасъ силы сберегается къ концу. У англичанъ бой рѣшается первыми ударами, у насъ — послѣдними. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, и пѣтухъ, который выпалилъ весь свой запасъ на первыхъ парахъ и ослабѣлъ къ концу, не удостоивается другой чести, какъ попасть въ лашу.

Въ послѣднее время порода нашихъ бойцовыхъ куръ стала замѣтно вырождаться. Тѣмъ не менѣе московскій бойцовый пѣтухъ есть, безъ сомнѣнія, самая красивая и сильная изъ всѣхъ куриныхъ породъ, разводимыхъ въ Россіи; въ то же время это самая выносливая изъ нашихъ благородныхъ породъ. Куры эти ни сколько не боятся зимнихъ стужъ и съ легкостію переносятъ сильные морозы. Куры правильно не-

сутся даже зимой, если содержатся въ умѣренно-тепломъ помѣщеніи (не свыше 5° тепла); даже въ обыкновенныхъ холодныхъ курятникахъ онѣ начинаютъ класть яйца очень рано и иногда несутся въ такіе морозы, что яйцо трескается.

Возвратимся, однако, къ причинамъ вырожденія у насъ этой полезной породы. Она стала клониться къ упадку въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ, вслѣдствіе энергическихъ преслѣдованій пѣтушинныхъ боевъ обществомъ покровительства животныхъ. Общество преслѣдовало пѣтушинныхъ охотниковъ не только въ публичныхъ мѣстахъ (обыкновенно бои происходили при трактирахъ, на дворахъ), но запрещало производить испытанія боевыхъ пѣтуховъ и на домахъ частныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого стало меньше любителей, стало и меньше птицъ.

Такимъ образомъ запрещеніе испытывать боевыя достоинства пѣтуховъ этой породы равносильно положительному уничтоженію съ лица земли превосходнѣйшей породы куръ.

Пѣтухъ, какой бы то ни было породы, по природѣ — боецъ. Онъ идетъ въ бой добровольно и совершенно несправедливо многіе подъ словомъ *пѣтушинный бой* разумѣютъ нѣчто въ родѣ *травли*. Это есть настоящій поединокъ двухъ витязей или рыцарскій турниръ, гдѣ соперники бьются на равныхъ шансахъ. Драчливость есть инстинктъ, вложенный самою природою — безъ сомнѣнія, съ благою цѣлью — въ самцахъ многихъ животныхъ. Попробуйте заставить драться пѣтуха, который самъ нейдетъ въ бой, и вы убѣдитесь, что бой не есть стравливаніе. Если пѣтухъ не пошелъ въ бой добровольно, то противникъ можетъ заколотить его до смерти, не вызвавъ со стороны оробѣвшаго ни тѣни сопротивленія. Съ другой стороны, пѣтухъ даже и не бойцовой породы, ищетъ самъ удобнаго случая подраться и, конечно, пѣтухи, дерущіеся безъ надзора, изувѣчатся гораздо опаснѣе, чѣмъ въ ширмахъ, на глазахъ хозяина, который не дастъ напрасно забивать своего, иногда очень цѣннаго пѣтуха, если видитъ, что онъ не въ состояніи противостоять сопернику. Къ тому же и въ этомъ спортѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свои правила и судьи, ограничивающіе произволы частныхъ личностей.

Бойцовыя бантамни. Это одна изъ самыхъ красивыхъ породъ.

Она появилась очень недавно, но въ настоящее время пользуется большимъ вниманіемъ любителей, въ особенности въ Англии, гдѣ она появилась впервые и доведена до высокой степени совершенства.

Бойцовыя бантамки — пѣтухъ и курица — должны представлять точную, хотя и миниатюрную копію обыкновенныхъ бойцовыхъ куръ.

Сходство это выражается не только въ опереніи, но и въ формѣ гребня, глазъ, клюва, общей фигурѣ и даже характерѣ, и чѣмъ дальше удаляются данныя птицы отъ этихъ признаковъ, тѣмъ менѣе онѣ имѣютъ цѣны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Техника ружейной охоты.

Ружье (заряды, прицѣлъ, стрѣльба). — Вой ружья дробью и пулею. — Вѣрность выстрѣловъ. — Максимумъ боя ружья. — Отчего живить ружье. — Гильзы: австрійскія, прусскія, англійскія *Елея*. — Варшавскія Бекера. — Принадлежности охоты.

Добрый совѣтъ по части технической для охотниковъ еще неопытныхъ, только начинающихъ охотиться, можетъ быть во многихъ случаяхъ полезенъ.

Начнемъ съ принадлежностей охоты. Конечно, главная и первая принадлежность — собака, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. За собакой слѣдуетъ ружье. О другихъ предметахъ, какъ, на примѣръ: пистонницѣ, ягдташѣ и тому подобныхъ вещахъ, мы много говорить не станемъ, такъ какъ они имѣютъ второстепенное значеніе.

Ружье. Для мелкой, въ особенности болотной, дичи, хорошо имѣть ружье, которое бьетъ на разстояніи 50—55 шаговъ. При выборѣ ружья необходимо пробовать «какъ оно бьетъ въ цѣль мелкою и крупною дробью, какъ разсѣваетъ дробь, глубоко ли входятъ дробины въ доску, и какая доска — мягкая или жесткая? Мѣра должна быть всегда средняя: 40 шаговъ для бекасинной и 60 — для самой крупной или гусиной дрови». Лучше же всего, конечно, пробовать на птицѣ.

Было время, и время это не за горами, когда въ Россіи нельзя было достать своего хорошаго напильника, не только что ружья, но время это, благодаря Бога, миновало. Въ настоящее время нѣтъ уже надобности выписывать дорого стоящія ружья изъ-за границы, ихъ можно имѣть прекраснаго достоинства и въ Россіи. Варшава, Тула, Петербургъ, Мо-

сква, Кіевъ, Рига, Митава, имѣютъ превосходныхъ мастеровъ, ни сколько не хуже иностранныхъ. Кромѣ ружей, заряжающихся съ дула, существуютъ еще такія, которыя заряжаются съ казенника, готовыми патронами.

Стрѣльба. Во время прицѣла и стрѣльбы необходимо принимать въ соображеніе разстояніе, силу свѣта и вѣтра, быстроту полета птицы и бѣгъ звѣря.

Ружье нужно прикладомъ плотно прижимать къ плечу, держаться прямо и стоять на ногахъ твердо. Правой рукой держать ружье, а лѣвой поддерживать. Заряженное ружье наводятъ и прицѣливаются. Приэтомъ стрѣлокъ зажмуриваетъ лѣвый глазъ и смотритъ только правымъ черезъ мушку въ точку, въ которую желаетъ попасть. Затѣмъ производятъ выстрѣлъ, для чего спускаютъ курокъ такимъ образомъ, чтобы ружье не дрогнуло. Для достиженія этой цѣли, не слѣдуетъ сильно упирать ружье въ плечо; курокъ нужно спускать, постепенно нажимая на спускъ; сдерживать дыханіе и не моргать; прикладъ плотно вставлять въ плечо, такъ какъ приэтомъ ружье только слегка, почти нечувствительно, толкнетъ въ плечо, но не отдастъ. Во время прицѣливанья, и вообще на охотѣ, горячность сильно вредитъ. Попавши въ мѣста, сильно изобилующія дичью, горячій охотникъ совершенно растеряется, будетъ бѣгать, суетиться, пугать дичь, давать промахи, разстрѣляетъ попусту заряды, однимъ словомъ, испортитъ дѣло. Замѣтивши свою горячность, гораздо лучше сѣсть, отдохнуть, полежать и потомъ уже идти снова, не торопясь и не горячась; поступая такимъ образомъ, можно сдѣлаться хладнокровнѣе и приносить ягдташи полнѣе.

Начинающій цѣлиться стрѣлать, долженъ выходить въ первый разъ на охоту во второй половинѣ августа; въ это время молодыхъ выводковъ дичи бываетъ много и они смирны. Не худо ему быть самъ-другъ съ охотникомъ, и непременно имѣть одну лягавую собаку, старую, опытную. Если ружье двухствольное, то первыя двѣ недѣли онъ долженъ стрѣлать изъ одного лѣваго ствола, не иначе какъ по тѣмъ только птицамъ, надъ которыми остановилась собака, и не далѣе какъ на двадцать или двадцать пять шаговъ. Пока молодой охотникъ

не приобрѣлъ навыка судить о разстояніяхъ, ему поможетъ въ этомъ сопровождающій охотникъ. Если птица поднялась далѣе двадцати пяти шаговъ, пусть летитъ себѣ благополучно; начинающій стрѣлокъ идетъ не затѣмъ, чтобы набить дичи, а затѣмъ, чтобы привыкнуть спокойно судить о разстояніи и полетѣ птицъ, не тревожась и не торопясь. Это главное.

Всякій сьумѣетъ прицѣлиться, но мѣтко стрѣляетъ только тотъ, кто спускаетъ курокъ въ тотъ самый моментъ, когда цѣль попала на это направленіе. Кто, прицѣлясь, слѣдитъ ружьемъ за птицею, тотъ стрѣляетъ на воздухъ. Здравый разсудокъ и привычный глазъ укажутъ куда цѣлиться, чтобы птица не вышла изъ прицѣла. Изъ ста промаховъ, девяносто девять происходятъ навѣрно отъ того, что опоздалъ палець. Быть предупрежденнымъ объ этомъ новичку очень полезно, и особенное вниманіе на спусканіе курка много сократитъ ему время искуса и терпѣнія. Время неприятныхъ неудачъ еще больше сократится, если начинающій охотиться, прежде выхода въ поле, или стрѣлянія въ цѣль постарается, на открытомъ мѣстѣ почаще прикладываться незаряженнымъ ружьемъ въ разные предметы и во всѣхъ направленіяхъ. Такими эволюціями онъ приобрѣтетъ навыкъ быстро поднимать ружье, останавливаться на линіи прицѣла и мгновенно спускать курокъ.

Если это онъ будетъ дѣлать со вниманіемъ, то увидитъ, что при всей его неопытности и неловкости, ему каждый разъ будетъ замѣтно, когда его палець опаздываетъ.

Равнымъ образомъ молодой охотникъ скоро убѣдится и въ томъ, что при всемъ его стараніи, при всей твердости ружья и кажущейся неподвижности тѣла, дуло ружья его остается вѣрно на цѣли только одинъ моментъ; отсюда-то и происходитъ необходимость строгаго совпаденія времени выстрѣла и прицѣла.

Въ Швейцаріи, на сходкахъ охотниковъ для стрѣльбы въ цѣль, каждый стрѣлокъ послѣ своего выстрѣла скажетъ безошибочно, не смотря на щитъ, попалъ онъ въ яблоко или нѣтъ; даже опредѣлитъ отклоненіе пули отъ центра. Это возможно потому, что малѣйшій промежутокъ между ударомъ

курка и неизмѣнчившимся еще направлениемъ ружья для опытнаго охотника ощутителенъ; онъ *чувствуетъ*, тогда ли вышелъ зарядъ, когда ему удалось еще удержать стволъ на вѣрномъ прицѣлѣ.

Въ оружіи и искусствѣ стрѣлять нѣтъ ничего таинственнаго и непостижимаго. Всего непонятнѣе кажется то, что при всевозможномъ совершенствѣ отдѣлки и при соблюденіи математической точности въ зарядѣ и прицѣлѣ, качества ружей и винтовокъ бываютъ неодинакія, и что даже въ выстрѣлахъ однихъ и тѣхъ же бываетъ разница.

Доброкачественное ружье, сильная, мѣткая винтовка составляютъ для каждаго охотника своего рода драгоценность, и вызываютъ съ его стороны самое заботливое попеченіе. Неизбѣжное вліяніе на металл оружія пороховаго нагару и ржавчины ставитъ въ необходимость разбирать, осматривать и вычищать его.

Если этимъ дѣломъ заниматься охотнику нельзя, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ присматривать за ними и обязанъ знать значеніе каждой части ружья, составъ его и тѣ предосторожности, безъ строгаго соблюденія которыхъ даже хорошее оружіе можетъ скоро испортиться.

Стволъ, безъ всякихъ пороковъ есть такая рѣдкость, что заставляетъ иногда забывать въ немъ нѣкоторые недостатки, если только они вознаграждаются другими, болѣе существенными качествами. Такъ, на примѣръ, сильные и мѣткіе стволы очень часто, особенно въ казенной части, имѣютъ *сыть*, которая хотя дѣйствию его не вредитъ, но зато очень благоприятствуетъ зарожденію и распространенію ржавчины, и частое промываніе становится необходимымъ. Если же сыпь очень густа и глубока, то въ этомъ мѣстѣ стѣнка ствола отъ пороку скоро выгоритъ и образуется такъ называемая *раковина*. Для предохраненія ружейныхъ стволовъ отъ ржавчины, говоритъ «ружейный охотникъ», ненужно вымазывать ихъ на зиму деревяннымъ масломъ, а всего лучше выстрѣлить разъ изъ чистыхъ стволинъ и, *не продувая* ихъ, заткнуть суконными пробками и повѣсить въ сухой комнатѣ. Весной стоитъ только промыть стволы теплою водой. Замки можно смазывать деревяннымъ масломъ.

Бой ружья. По мнѣнію нѣкоторыхъ, извѣстныхъ охотниковъ, хорошо бьетъ то ружье, которое въ листъ обыкновенной писчей бумаги приноситъ въ пятьдесятъ шаговъ, номера девятого, дробинъ полтораста, разумѣется, иногда, немного болѣе или менѣе. И, еслибъ ружья били на сто шаговъ подобнымъ образомъ, то они, для охотника за благородной дичью, и въ особенности за тетеревами, вальдшнепами и рябчиками никуда бы не годились; во-первыхъ потому, что дупшеля, вальдшнепъ, гаршнепъ, тетеревъ (молодой), рябчикъ и куропатка вскакиваютъ почти всегда въ мѣру, слѣдовательно ихъ надо бы отпускать шаговъ на восемьдесятъ, а въ лѣсу или кустовомъ болотѣ это очень неудобно, потому что они нѣсколько разъ на такой дистанціи могутъ скрыться. Если же изъ подобнаго ружья стрѣлять въ двадцати-тридцати шагахъ, то или сдѣлаете промахъ или разобьете птицу, потому что въ эту дистанцію зарядъ придетъ пулей. Во-вторыхъ, такія мелкія птицы, какъ гаршнепъ и бекасъ, въ ста шагахъ покажутся охотнику почти мухами, и въ эту дистанцію не легко ихъ поймать на цѣль. Въ большинствѣ случаевъ бьютъ благородную дичь на разстояніи тридцати—сорока шаговъ, не далѣе. Но случается иногда, что стрѣляютъ и на большемъ разстояніи, но очень рѣдко. Такія заряды пускаютъ по подраненному дупшелю, когда онъ норовитъ улетѣть въ крѣпъ.

Для стрѣльбы утокъ, гусей, дрофъ и другихъ крупныхъ птицъ, нужно имѣть ружье съ огромнымъ боемъ.

«Бой ружья дробью, говоритъ г. Адосовскій *), до сихъ поръ не изслѣдованъ и нието изъ охотниковъ и ружейныхъ мастеровъ окончательно не высказался, отъ какихъ именно причинъ зависитъ качество боя; правда, есть указанія, что качество боя ружья зависитъ отъ матеріала стволовъ и отъ щательности отдѣлки, но эти два условія являются совершенно случайными, какъ это знаютъ по опыту всѣ охотники. Кому, напримѣръ, не извѣстны случаи, что ружье, самое лучшее на видъ и по отдѣлкѣ, далеко уступало по бою ружью самому простому.

*) «Максимумъ боя ружья дробью».

Качество боя ружья опредѣляется: 1) Степенью разсѣванія дробинъ. 2) Равномѣрностью разсѣванія. 3) Скоростію дробинъ въ моментъ попаданія.

Понятно, что всѣ три данныя зависятъ отъ разстоянія, на которое стрѣляешь. Степень разсѣванія дробинъ и равномѣрность разсѣванія суть обстоятельства рѣшающія при оцѣнкѣ боя охотничьяго ружья дробью: понятно, что то ружье лучше, которое на дальнее разстояніе принесетъ большее число дробинъ, ну хоть въ листъ бумаги, и если на этомъ листѣ эти дробины расположатся настолько равномѣрно, что та птица или звѣрекъ, противъ котораго мы стрѣляемъ, не можетъ быть уложенъ на мѣстѣ, не бывъ задѣтъ нѣсколькими дробинами. Всѣ рассказы охотниковъ о какихъ-то центральныхъ дробинахъ, о ружьяхъ, несущихъ дробь кучками, не заслуживаютъ никакой оцѣнки, и показываютъ только, что тѣ ружья, о которыхъ говорятъ, далеко недоброкачественны и обладаютъ лишь однимъ свойствомъ, что изъ нихъ легко дѣлать промахи не по собственной винѣ.

Третье обстоятельство, отъ котораго зависитъ бой ружья— есть скорость дробинъ въ моментъ попаданія, которая конечно зависитъ отъ величины относительнаго заряда, то-есть отъ отношенія вѣса пороха къ вѣсу дроби, идущихъ на зарядъ, отъ длины стволовъ и отъ отдѣлки ихъ. Измѣняя величину относительнаго заряда, можно въ весьма широкихъ предѣлахъ измѣнять скорость дробинъ въ моментъ попаданія, а слѣдовательно достигать той или другой силы боя; но при измѣненіи величины относительно заряда, при условіи выносимой отдачи, придется измѣнять и количество дробинъ, такъ что послѣднее непремѣнно повліяетъ на разсѣваніе ихъ. Рѣшить вопросъ о количествѣ пороха и дроби для заряда на данное ружье можно не иначе, это знаютъ всѣ охотники, какъ опытомъ, и этотъ опытъ долженъ быть непремѣнно провѣренъ по дичи, такъ какъ не безъизвѣстно, что часто ружья, бьющія очень сильно (рѣзко), *живятъ*, а другія, бьющія очень слабо, тоже *живятъ*; изъ этого уже ясно слѣдуетъ, что есть такая скорость попаданія дробинъ, при которой ружье бьетъ наилучшимъ образомъ.

Разсѣваніе дробинъ, имѣющее рѣшительное вліяніе на бой охотничьяго ружья, зависитъ отъ разнообразія ихъ вращательнаго движенія. Дѣло въ томъ: если шаръ, имѣя поступательное движеніе, при этомъ еще и вращается, то увлекаемая этимъ вращеніемъ частицы воздуха, встрѣчаясь съ другими частицами, дадутъ струю частицъ, которая произведетъ давленіе на поверхность шара въ сторону вращенія, а слѣдовательно шаръ начнетъ отклоняться отъ первоначальнаго своего направленія въ сторону вращенія; такъ, напри- мѣръ, если шаръ летитъ и вращается слѣва направо, то полетитъ правѣе того направленія, по которому летѣлъ бы не вращаясь и т. д. Каждая дробишка вылетѣвшая изъ канала охотничьяго ружья, получить вращательное движеніе, и эти вращенія могутъ произойти отъ разныхъ обстоятельствъ; одно изъ главныхъ обстоятельствъ — это неправильная фигура шара; такъ какъ эти неправильности, вообще говоря, могутъ быть разнообразны, то и скорости вращенія и направленіе этихъ вращеній для разныхъ дробинокъ будутъ, вообще говоря, различны; устранить эти обстоятельства мы совершенно не можемъ, но до нѣкоторой степени уменьшить разлетъ дробинъ можно, употребляя дробь самаго лучшаго качества — но и только; никакія приспособленія тутъ не помогутъ, такъ какъ разлетъ дробинъ въ этомъ случаѣ находится въ природѣ вещей. При стрѣльбѣ же дробью есть еще одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго дробинки получаютъ вращательное движеніе, а именно давленіе пороховыхъ газовъ на пыжъ; — вся дробь заряда двигается по каналу, при чемъ первый рядъ (прилегающій къ пороховому пыжу) вжимается между дробинами втораго ряда и т. д., а вслѣдствіе этого дробинки, лежащія по окружности каждаго ряда, прикасаются къ стѣнкѣ ствола; въ моментъ же взлета каждаго ряда, наружныя дробинки получаютъ вращеніе въ сторону своего прикосновенія, а слѣдовательно во время полета и отклоняются въ ту же сторону.

Итакъ, большая часть дробинъ, идущихъ на зарядъ, получаетъ въ моментъ вылета такія вращенія, которыя главнымъ образомъ и дадутъ разлетъ; относительное число от-

клоняющихся такимъ образомъ дробинъ находится въ зависимости отъ калибра ружья, — вотъ чѣмъ можно объяснить улучшение боя ружья съ увеличеніемъ калибра. Не знаю, на основаніяхъ ли опыта или по результатамъ другихъ соображеній, но охотники старались устранить это вредное дѣйствіе вращенія дробинъ въ сторону краевъ обрѣза дульной части; на примѣръ, сѣтка Eley, патронъ Daby, Shokebore, есть, по моему мнѣнію легкая попытка устранить прикосновеніе дробинъ къ стѣнкамъ канала при движеніи заряда по каналу, и, какъ извѣстно, зарядъ дробы, заключенный въ сѣтку *Eley*, бьетъ иногда несравненно лучше, чѣмъ обыкновенный зарядъ, иногда потому, что дробь разобьетъ въ каналѣ, тогда выстрѣлъ получается обыкновенный, то ее вовсе не разорветъ, и зарядъ дробы летитъ пулей.

Наконецъ послѣднее приспособленіе, *shoke-bore* ¹⁾, ведетъ отчасти къ тому же. Если все сказанное справедливо, то понятно, что максимумъ боя получится тогда, когда вся дробь заряда будетъ разлетаться только отъ обстоятельствъ чисто случайныхъ, вслѣдствіе тѣхъ вращеній, которыя получаютъ дробинки, и когда всѣ постоянныя причины, а слѣдовательно и постоянныя отклоненія, будутъ устранены; въ разсуждаемомъ случаѣ такія постоянныя отклоненія являются вслѣдствіе прикосновенія дробинъ къ стѣнкамъ ствола. Я предлагаю устранить это прикосновеніе посредствомъ несложнаго прибора, который бы разлетался въ моментъ вылета заряда. При употребленіи такого снаряда, я его называю *шратнелью*. Устройство такого приспособленія очень просто: на толстый пороховой пыжъ вкладется чашечка или просто прочный кружекъ, потомъ трубка, разрѣзанная пополамъ въ длину, конечно по калибру ствола, и въ эту трубку насыпаютъ дробь. Верхній пыжъ можетъ быть вставленъ какъ въ гильзу, такъ и въ самую трубку. Понятно, что при движеніи заряда дробы по каналу, дробь не прикасается къ стѣнкамъ ствола, а при вылетѣ этотъ цилиндръ разлетается и дробинки получаютъ

---

¹⁾ Ружье чекъ-боръ (съ перехватомъ), отличается отъ другихъ кучно-стію и рѣзкостію боя.

вращеніе и разлетъ, такъ сказать, естественный, при такихъ то обстоятельствахъ и получается максимумъ боя.

Всякій охотникъ легко убѣдится въ улучшеніи боя своего ружья и, надѣясь, обстрѣляетъ самые лучшіе образцы ружей съ какими угодно приспособленіями.

Относительно невѣрности выстрѣловъ пуль на дальнемъ разстояніи, г. Черкасовъ ¹⁾ совѣтуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1) Выцѣливать предметъ нужно не торопясь, потихоньку, и выцѣливши, не мѣшать долго, а тотчасъ полегоньку спускать курокъ. Если же быстро дернуть за спускъ, то при этомъ будетъ хотя малѣйшее сотрясеніе въ винтовкѣ, и выстрѣлъ послѣдуетъ невѣрный. 2) Во все время прицѣливанія предмета, а тѣмъ болѣе при спускѣ курка, не должно переводить дыханія, словомъ не дышать, а быть какъ истукану. Промышленники, уча кого-нибудь стрѣлять изъ винтовки, говорятъ: *ты замри*. 3) Такъ винтовки и штуцера на среднюю дистанцію обыкновенно немножко *привзмичиваютъ*, т.-е. бьютъ выше мишени, то вслѣдствіе этого всегда цѣлить (братъ) нужно такъ, чтобы то мѣсто, въ которое хочешь попасть, какъ бы *сидѣло* у тебя на цѣликѣ. Сибирскіе охотники говорятъ, что нужно *подбирать*, или же говорятъ *«бери какъ убить»*; это выраженіе здѣсь очень понятно, равно какъ и *утопи цѣликъ*; ихъ обыкновенно употребляютъ въ такомъ случаѣ, если кто-нибудь стрѣляетъ изъ чужой винтовки, слѣдовательно къ ней не привыкъ и не знаетъ ея боя. 4) Если солнце сильно свѣтитъ съ боку и рѣзко освѣщаетъ одну сторону цѣлика, такъ что другая его сторона кажется темною, то нужно цѣлить такъ, чтобы смотрѣть черезъ рѣзку ближе къ той сторонѣ, которая совпадаетъ съ освѣщенной стороной цѣлика; или же наводитъ послѣдній немножко правѣе или лѣвѣе мишени, смотря по тому, съ которой стороны освѣщеніе. Иначе выстрѣлъ будетъ не вѣренъ и *обочитъ* въ ту сторону, которая противна освѣщенной сторонѣ цѣлика. Для избѣжанія этого неудобства, нѣкоторые охотники дѣлаютъ надъ рѣзками особаго рода зонтики

---

¹⁾ Записки охотника Восточной Сибири.

изъ кости, желѣза, кожи, которые здѣсь называются *кораб-ченами*. 5) Если придется стрѣлять круто *на гору*, нужно *подобрать* (взять ниже мишени) значительно, смотря по бою винтовки, иначе какъ разъ выстрѣлишь *черезъ*, т.-е. выше мишени. 6) Наоборотъ, — если придется *стрѣлять изъ винтовки круто *подъ гору*, нужно брать *вртзь*, т.-е. въ то самое мѣсто, куда хочешь попасть, или нѣсколько выше, смотря по силѣ ружья. 7) Когда придется стрѣлять изъ винтовки поздно вечеромъ или рано утромъ, такъ что *рѣзки* (прицѣла) и концеваго цѣлика не видно, а едва только можно отличить *чернову* ствола отъ общаго мрака, тогда нужно *подобрать* значительно противъ того мѣста, куда хочешь попасть, потому что, не видя рѣзки, приходится смотрѣть черезъ нея, какъ бы съ подземнаго визира, отчего пуля должна ударить гораздо выше мишени. Линію же прицѣла должно брать по длинѣ темнѣющаго ствола, который, поворачивая то въ ту сторону, то въ другую, можно отличить въ сумракѣ. Такая стрѣльба здѣсь часто случается при караулѣ звѣрей ночью на солонцахъ и озерахъ. 8) Когда же придется стрѣлять звѣря *на побѣгу*, нужно спускать курокъ тогда, какъ только цѣликъ коснется передней части туловища звѣря, конечно примѣняясь къ быстротѣ его бѣга. Во все время прицѣливанья не должно останавливать ствола винтовки, а вести его равномерно въ рукахъ по направленію бѣга звѣря; если же при спускѣ курка стволъ остановить на одномъ мѣстѣ, пуля непременно *обзадитъ*, т.-е. пролетитъ *позады* звѣря.

По поводу невѣрности выстрѣловъ изъ ружья, заряжающагося съ дула, онъ говоритъ: «многіе охотники, особенно простолудины, думаютъ, что чѣмъ больше положить пороху, тѣмъ ружье лучше и дальше *ударитъ*. Напрасно! пороху въ дулѣ ружья сгоритъ столько, сколько можетъ сгорѣть, а лишнее количество его вылетитъ изъ ствола не сгорѣвшимъ. Не вѣрящіе этому легко могутъ провѣрить эту истину; — стоитъ только передъ дуломъ ружья разостлать полотно, простыню, скатерть и т. п., тогда, послѣ выстрѣла, на полотнѣ будутъ найдены не сгорѣвшія крупинки пороха, которыя оказались излишними противъ калибра ствола. Отъ слишкомъ

большаго количества пороха дробь разбрасываетъ, а пуля — *мотаетъ*, какъ говорятъ сибиряки, т. е. летитъ неправильно и сбивается съ линіи направленія. Вѣроятно это происходитъ отъ того, что пулю большимъ зарядомъ слишкомъ толкнетъ, такъ что она не пойдетъ по нарѣзнымъ гранямъ винтовки, а вылетитъ зря, не получивъ правильнаго полета отъ нарѣзныхъ винтовъ; почему здѣсь и говорятъ, что большимъ зарядомъ (въ винтовкѣ) пулю *срываетъ*. Нужно замѣтить, что колыбѣ для отливанія коническихъ пуль должна быть сдѣлана очень аккуратно и правильно, въ противномъ случаѣ пуля будетъ летѣть невѣрно. Круглая же пуля въ этомъ отношеніи не такъ чувствительна. Здѣшніе промышленники, по скудности и дороговизнѣ свинца, иногда нарочно не доливаютъ пуль, въ особенности если винтовки большаго калибра, и стрѣляютъ этими небольшими пулями такъ же хорошо, какъ и цѣлыми. Вся разница состоитъ въ томъ, что на недолитыя пули они кладутъ другой зарядъ пороху. Но съ коническими пулями этого сдѣлать нельзя.

Кстати упомяну, что я имѣю штуцеръ (работы Ижевскаго завода), который превосходно билъ круглой пулей и прескверно конической. Понятно, что все дѣло заключается въ пулѣ. Это обстоятельство случилось со мною въ тайгѣ, и я узналъ настоящую причину уже послѣ не одной сотни выстрѣловъ; именно, я замѣтилъ, что коническая пуля иногда прилетала въ мишень бокомъ, а не конусомъ, т. е. заостреннымъ концомъ пули, какъ бы слѣдовало; это-то обстоятельство и заставило меня обратить вниманіе на то: — вѣрна-ли пуля? Послѣ долгихъ изысканій я нашелъ, что пуля въ толстомъ своемъ концѣ была толще, нежели въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается конусъ; такъ что, будучи вставлена острымъ концомъ своимъ въ дуло, почти до конца цилиндрической ея половины, — она въ немъ хлябала, т. е. была въ объемѣ меньше внутренней окружности ствола. Почему я тотчасъ понялъ въ ней недостатокъ и, не имѣя съ собой инструмента, я концомъ перочиннаго ножа выскоблилъ въ колыбѣ ту часть, гдѣ пуля была тоньше, довелъ до того, что вновь отлитыя пули плотно входили въ дуло. Тѣмъ дѣло и кончилось: коническая пуля

стала бить такъ-же вѣрно, какъ и круглая. Поэтому очень важно то, чтобы коническая пуля была вѣрно сдѣлана, а чтобы узнать, правильна пуля или нѣтъ, нужно пострѣлять въ цѣль и замѣчать, всегда-ли пуля, на различномъ разстояніи, прилетаетъ въ мишень своимъ острымъ концомъ? Если она постоянно ударяется концомъ — то пуля вѣрна; если нѣтъ, т. е. ложится въ мишень бокомъ, или тупымъ — неправильна.

Бой ружья можетъ быть невѣренъ и отъ слѣдующихъ причинъ: когда прицѣль сбитъ, или мушка покривлена; когда согнуть стволъ, или каналъ его заржавѣлъ, или разстрѣлянь; когда спускъ очень туго, вслѣдствіе чего требуется нѣкоторое усиліе, отъ котораго происходитъ дрожаніе руки и слѣдовательно невѣрный выстрѣлъ; когда засорится затравка; наконецъ, когда порохъ дурень или сыръ.

Доброкачество пороха узнается такимъ образомъ: кладутъ щепотку пороха на простую писчую мягкую бумагу, и поджигаютъ его; если порохъ мгновенно вспыхнетъ и ничего не оставитъ на бумагѣ, то это служитъ вѣрнымъ доказательствомъ его доброкачества. Если-же, напротивъ, останется много черной копоти и сажи, значитъ въ порохѣ много угля, и онъ будетъ мараить ружье. Точно также, если на бумагѣ, послѣ вспышки останется желтое пятно, то это доказываетъ, что въ составѣ пороха много сѣры и селитры. Но это еще ничего — такой порохъ бываетъ сильный. Совершенно же худой порохъ, при вспышкѣ, долженъ зажечь бумагу. Забайкальскіе промышленники пробуютъ порохъ еще проще: берутъ его щепотку и растираютъ между пальцами или на ладони; если онъ крѣпокъ, не скоро растирается и при томъ не мараетъ пальцевъ, то порохъ хорошъ. Даже по цвѣту можно судить о достоинствѣ пороха: если онъ слишкомъ черенъ, значитъ не хорошъ, въ немъ много угля. Порохъ сѣраго цвѣта посредственный; но съ голубымъ оттѣнкомъ, или *голубой порохъ*, самый сильный и лучший.

Относительно дроби мы должны сказать, что всего лучше приобрѣтать ее изъ одного мѣста, т. е. отъ одного мастера или фабриканта. Каждый мастеръ, для отдѣленія номеровъ дроби, имѣетъ свои грохоты, вслѣдствіе этого случается такъ,

что одинаковые номера дроби, но разных мастеровъ, не одинаково укладывающа въ стволъ, не одинаковое производятъ при выстрѣлѣ и дѣйствіе. Поэтому необходимо приобретать дробь не только совершенно круглую, ровную и плотную, но и всегда одного мастера или одной фабрики. Только при такомъ условіи охотникъ можетъ узнать однажды и навсегда, какіе номера дроби цѣлесообразнѣе для его ружья.

Для руководства при выборѣ дроби прилагаемъ табличку, изъ которой видно количество дробинокъ, находящихся въ одномъ лотѣ.

№	Число дробинокъ въ одномъ лотѣ.	№	Число дробинокъ въ одномъ лотѣ.
0	22	7	86
1	24	8	139
2	26	9	210
3	32	10	308
4	47	11	440
5	52	12	538
6	64	13	1274

№№ 0-й и 1-й хороши для стрѣльбы на близкомъ разстояніи, изъ засадъ и шалашей, также для журавлей, драхвы и дикихъ гусей.

№№ 3-й и 4-й хороши для лисицъ, особенно если мѣтить въ горло.

№ 5-й, въ рукахъ ловкаго стрѣлка, самый лучший для зайцевъ.

№№ 6-й и 7-й. Шестой № хорошо употреблять на утокъ, осенью и зимою; въ другое время гораздо лучше употреблять № 7-й и даже 8-й.

№№ 8-й и 9-й хороши для куропатокъ, и особенно послѣдній.

№№ 9-й и 10-й хороши на вальдшнеповъ.

№№ 11-й и 12-й хороши на бекасовъ, а въ тихую погоду, въ особенности хорошъ послѣдній.

№ 13-й слѣдуетъ употреблять только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда стая мелкой птицы подпускаетъ къ себѣ на близкое разстояніе.

Вообще слѣдуетъ помнить, что придерживаться мелкой

дробь, въ увѣренности большимъ числомъ дробинокъ скорѣе попасть въ птицу, есть расчетъ не особенно вѣрный; но еще того хуже, употреблять съ этою цѣлью на зарядъ излишнее количество дроби.

Такъ какъ успѣхъ стрѣльбы много зависитъ отъ доброкачественности пуль, то мы укажемъ на правила, которыми должно руководствоваться при отливкѣ ихъ.

Совершенно вѣрно выточенная пульная форма и чистый, новый свинецъ, который не былъ еще ни разу переплавленъ, самое главное условіе для полученія хорошихъ пуль. Растоплять свинецъ нужно въ желѣзной съ носкомъ ложкѣ и не болѣе какъ на 6—8 пуль, чтобы формы успѣть наполнить прежде, чѣмъ свинецъ остынетъ, и въ ложку положить кусочекъ свѣчнаго сала, жидкій слой котораго, покрывая поверхность растопленного сала, предохраняетъ его отъ окисляющаго вліянія воздуха.

Чтобы узнать, готовъ ли свинецъ для наполненія формъ, нужно опустить въ него кусокъ бѣлой бумаги, и если она не загорится и не почернѣетъ, а приметъ свѣтло-коричневый цвѣтъ, то значитъ онъ готовъ.

Наполненіе формъ есть самая важная часть всей работы. Здѣсь все дѣло въ томъ, чтобы по мѣрѣ наливаія въ пустоту формы металла, воздухъ выходилъ изъ нея свободно, давая свинцу мѣсто; для чего онъ долженъ литься изъ носка ложки тонкою струей и медленно; въ противномъ случаѣ воздухъ засядетъ въ формѣ и пуля выйдетъ со свищами внутри или углубленіями снаружи.

Каждую формою, какъ только она полна, нужно два или три ударить по кирпичу, на которомъ она стоитъ, чтобы свинецъ плотнѣе и равнѣе осѣлся.

Кромѣ того, необходимо нужно, чтобы формы, прежде ихъ наполненія растопленнымъ свинцомъ, были такъ же горячи какъ и самый свинецъ. При соблюденіи этого условія, пули не будутъ имѣть свищей и получать одинаковую плотность.

Съ изобрѣтеніемъ и введеніемъ въ употребленіе ружья, заряжающагося съ казны, ружейная *ильза*,—необходимая его принадлежность.

Ружье центрального боя кажется убѣдило русскихъ охотниковъ, что оно не модная игрушка, а такое ружье, которое намъ давно нужно было.

До основанія г. Беккеромъ въ Варшавѣ фабрики гильзъ, для выписки ихъ изъ-заграницы требовались не мало хлопотъ и крупныхъ затратъ.

«Прошлая жизнь въ пограничной мѣстности, говоритъ Д. В., въ статьѣ «ружейная гильза», дала мнѣ возможность испробовать разныхъ сортовъ гильзы: англійскія, французскія, австрійскія и прусскія, а въ послѣдствіи и наши К. Ю. Беккера. Постараюсь описать ихъ подробно, съ указаніемъ пригодности и недостатковъ.

Австрійскія. Гильзы эти двухъ сортовъ: *сырая* и *темно-розоваго* цвѣта. Головка гильзы (затылокъ) красной мѣди; барабанъ для вставки пистона — металлическій; пистонъ упирается въ одну мѣдную распорку; ни металлической, ни папковой втулки (порохового гнѣзда) гильза не имѣетъ.

Сѣрая гильза изъ твердой, какъ кость, папки лопается сразу отъ самаго слабого заряда, вдоль, такъ что подклеить ее невозможно. *Розовая* изъ толстой, эластичной и упругой папки. Гильза никогда не лопается, а постепенно выгораетъ внутри и можетъ быть берегаема подлейкой очень долгое время. Каждая выноситъ отъ 11 до 17 *мѣтнихъ* выстрѣловъ, безъ закручиванія краевъ гильзы.

Лучше австрійской розовой гильзы, по своей пригодности и дешевизнѣ, я въ теченіе 12 лѣтней практики не встрѣчалъ. Недостатки ея замѣчаются въ слѣдующемъ: *бортъ* (ободокъ) *затылка* *слишкомъ* *толстъ*, такъ что въ ружье съ обыкновеннымъ зарѣзомъ патронника гильза не входитъ, а нужно высверливать зарѣзъ глубже. *Первый стрѣльный пистонъ* *вынимается* *съ* *большимъ* *трудомъ*, и *пистоны* *фабрики* *Eley*'я *входятъ* *въ* *барабанъ* *такъ* *слабо*, что нерѣдко вываливаются.

Прусскія. Гильзы эти я встрѣчалъ лишь одного сорта — темнаго цвѣта. По своей внѣшности — гильза очень подходит къ австрійской розовой, но папка нѣсколько грубѣе и мягче и она имѣетъ папковое же пороховое гнѣздо. Затылокъ желтой мѣди. Особенность его заключается въ томъ, что

пистонный барабанъ не вставной, какъ во всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ гильзахъ, а составляетъ съ затылкомъ одно цѣлое. Переснаряжаются съ трудомъ. Надо отдать справедливость нѣмцамъ — гильза *Dreyse* такъ же прочна, какъ и розовая австрійская, но такъ же аляповата въ затылкѣ, и кромѣ того папка очень ужъ мягка: послѣ 4—5 выстрѣловъ гильза еще много можетъ служить, но снаряжать ее — коммиссія, папка (трубка) мнется, пыжь, въ особенности твердый, ворочаетъ ее и туда и сюда.

Французскія. Гильзы эти по самой внѣшности отличаются отъ прусскихъ и австрійскихъ, какъ какой-нибудь элегантный *Monsieur* отъ безшабашнаго *Bursch'a*... Затылки у нихъ желтой мѣди, несравненно глубже, барабаны вставные, папка тверже, пороховое звѣздо (штулка) металлическое (жельзное), костылекъ въ барабанѣ одинъ.

Изъ этихъ гильзъ мнѣ извѣстно два сорта:

Gevelot зеленая, и гильза съ надписью на затылкѣ *S. G. D. G. amori. Gaupillat breveté* голубовато-шахматнаго рисунка, чрезвычайно красивая... Первая по достоинству не уступаетъ гильзѣ перваго сорта *Eley'a*, вторую, при всемъ моемъ желаніи, я извѣдать не могъ, ибо, смѣшно сказать, если и есть возможность вынуть изъ нея стрѣлянный пистонъ, то эта возможность осталась мнѣ недоступною, хотя я переломалъ пронасть всякихъ металлическихъ орудій при этомъ бесплодномъ дѣлѣ. Добился я одного: вынуть можно не пистонъ, а барабанъ вмѣстѣ съ пистономъ, и затѣмъ, *finis!* Я лично пришелъ къ заключенію, что при фабрикаціи, должно быть сначала вставляется пистонъ въ барабанъ, а потомъ самый барабанъ съ пистономъ въ затылокъ. За точность этого предположенія не ручаюсь, но покупать этихъ красивыхъ гильзъ никому не совѣтую. Гильзы Жевело въ продажѣ рѣдки и цѣнятся наравнѣ съ англійскими *Eley'a*.

Англійскія. Гильзы эти — *Eley'a* я знаю четырехъ сортовъ: 1) зеленныя, 2) красныя, 3) темнозеленыя и 4) сѣрыя; на 1, 3 и 4 сортахъ, папка твердая, на красныхъ мягче и толще. Каждая имѣетъ затылокъ изъ желтой мѣди, вставной въ него такой же пистонный барабанъ и пороховое звѣздо (штулку).

Въ гильзахъ зеленыхъ втулка желѣзная. Отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ мною гильзъ, гильза Елеу'я отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ пистонъ вставляется не одна *упорка*, а двѣ чечевице — образныхъ. До 75 года я и слышалъ и видѣлъ, что гильзы Елеу'я существуютъ всего трехъ сортовъ: зеленныя, красныя и сѣрыя. Въ 79 году одинъ мой пріятель получилъ изъ Одессы гильзы Елеу В-гс К. № 20 *темно-зеленого* цвѣта съ черной полоской по продольному спаю папковой трубки. Исслѣдовавъ гильзу, мы нашли, что въ ней втулка не металлическая, какъ въ *зеленой*, а папковая, а самая гильза далеко уступаетъ послѣдней въ добротности. Если это *поддѣлка*, то поддѣлка самая наглая; но можно также допустить что благодѣтельный *Эли* выдумалъ этотъ сортъ исключительно для сбыта въ Россію. Вѣдь есть же заграницей (Бирмингамъ) особаго сорта фабрикація ружей, сбываемыхъ исключительно въ Россію, чрезъ нашихъ благодѣтелей, содержателей оружейныхъ магазиновъ.

Елеу у насъ въ Россіи пользуется огромною популярностію на равнѣ съ Веблеемъ; его пистонъ, его гильзы получили у насъ полныя права гражданства, и считаются не только *лучшими*, но даже *превосходными*...

Кто, выстрѣливъ разъ, небрежно бросаетъ пустую гильзу, тому, конечно, лучше гильзы *Эли* и желать ничего нельзя; но я имѣю въ виду такихъ охотниковъ (какъ самъ), которые желаютъ и стараются поддержать службу гильзы до крайняго предѣла, и поэтому нахожу, что гильза *Эли* не только *не превосходна*, но даже не можетъ быть поставлена на одну доску съ австрійскими и прусскими гильзами...

Зеленныя и сѣрыя гильзы *Эли* извѣданы мною, можно сказать, до безконечности, всевозможными способами. Нужно замѣтить, что зимой и поздней осенью, или лучше сказать, при охотахъ за звѣремъ, я стрѣляю гильзами, снаряженными наизурачнѣйшимъ манеромъ, пригнаннымъ зарядомъ, прекрасными пыжами; порохъ и дробь употребляю англійскіе, гильзы перваго сорта *Эли*; и края патронъ закручиваю. Этотъ снарядъ (и зарядъ) я называю *настоящимъ*. Лѣтомъ-же, напротивъ, я вкладу нѣсколько уменьшенный зарядъ русскаго пороха,

пыжи — хотя и кожаные, но тонкіе и краевъ гильзы никогда не закручиваю.

Посмотримъ-же теперъ, какъ выполняетъ при стрѣльбѣ свою службу гильза Эли.

И зеленая № 1 и сырая № 4 лопаются отъ перваго-же выстрѣла *настоящимъ* зарядомъ. Первая вдоль, иногда съ половины трубки, иногда изъ конца въ конецъ, вплоть до затылка, иногда даетъ трещину; вторая — поперекъ, кругомъ охвата, у металлическаго борта затылка, такъ что трубка отлетаетъ прочь.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что служба гильзы находится въ непосредственной зависимости, не только отъ способа *снаряженія*, но и отъ устройства самого патронника: если ружье имѣетъ тѣсный, хорошо сдѣланный патронникъ, то и гильза служить дольше. Зеленая гильза, подъ *настоящимъ* зарядомъ съ русскимъ порохомъ, выносить иногда два выстрѣла (изъ сотни — 35 шт.), она (подълеенная) еще можетъ служить только подъ *лѣтній* зарядъ. Сѣрую — и русскій порохъ рветъ сразу. При *лѣтнихъ* зарядахъ зеленая гильза сноситъ 4—7 выстрѣловъ, сырая — 3—4. Папка зеленой гильзы очень тверда, сѣрой — черезъ-чуръ поздревата; первую и вторую можно поддерживать подклеивая изнутри бумагой, полотномъ, или шелковыми матерчатыми обрѣзками, но, въ такомъ положеніи гильза годится лишь подъ лѣтній зарядъ, и нерѣдко, при заряжаніи, если патронникъ тѣсенъ, лопается — и ее снаряженную, приходится бросать. Съ зелеными гильзами это бываетъ рѣдко, съ сѣрыми — сплошь и рядомъ. Подлѣе всего бываютъ такого рода случайности: положишь подклеенные заряды, — сдѣлаешь выстрѣлъ — отерываешь затворъ, чтобы переснарядить и вдругъ, вмѣстѣ съ стрѣляной гильзой, экстракторъ подаетъ вамъ и головку отъ гильзы снаряженной. Извольте ковырять! Приходится снимать стволы (чтобы не засорить экстракцію), выковыривать порохъ, дробь, добывать трубку... очень мило, а главное утѣшительно...

Какъ-бы то ни было, но все-таки несовершеннѣйшей частью Элеевской гильзы нужно признать барабанъ. Всѣ гильзы иностранныхъ фабрикъ устроены такъ, что нижняя чашечка ба-

рабана, имѣющая отверстіе для воспламененія снаряда, выдается изъ папковой брони затылка, лежитъ въ самомъ порохѣ и ничѣмъ не защищена отъ разрушительнаго его дѣйствія, и если вы стрѣляете мелкимъ порохомъ, то зерна его попадаютъ въ самый барабанъ (внутри пистона) и рвутъ его. Ни въ какихъ гильзахъ я этого не замѣчалъ, въ Элеевскихъ-же барабаны лопаются до безобразія, часто — въ зеленыхъ гильзахъ — изъ сотни 6—17, въ сѣрыхъ — 14—27.

Я, разумѣется, говорю о гильзахъ новыхъ, не стрѣляныхъ. Эта мерзость приучила меня, послѣ всякаго выстрѣла осмотрѣть барабанъ и въ высшей степени бываетъ досадно бросать гильзу съ лопнувшимъ барабаномъ, гильзу, которая могла бы служить на 2—3 выстрѣла.

Переснаряженіе гильзъ Эли требуетъ особой машинки и доставляетъ пропасть возни. Устройство машинки для выниманія и вставки пистона — всѣмъ извѣстно. Я уже упоминалъ, что въ гильзѣ Эли — упорки двѣ; при выниманіи стрѣлянаго пистона — нерѣдко металлпческой шпенець (игла) попадаетъ какъ разъ между двумя упорками и вязнетъ въ нихъ, — только не бойтесь — пистона не вынуть...

И за эти же Элеевскія *превосходныя* гильзы намъ приходится платить, смотря по мѣстности — отъ 3 р. 50 к. до 6 р. за сотню! Вотъ тутъ и утѣшайся русскій охотникъ... Впрочемъ, — въ послѣднее время, судьба надъ нами сжалилась, — мы имѣемъ нашу отечественную фабрику гильзъ Беккера*), которая кромѣ превосходства въ службѣ противъ Элеевской гильзы, дешевле на 30%.

Всматриваясь въ достоинство той и другой, мы видимъ, что въ гильзѣ *Беккера* сдѣланы такія усовершенствованія, съ которыми она далеко оставила позади *Элеевскую*. Суть этихъ усовершенствованій заключается въ особомъ устройствѣ *упорки*, о которую разбивается пистонъ, и внутренней части *пороховаго* гнѣзда. Упорка устроена такъ, что нижній ея удлиненный конецъ входитъ въ отверстіе чашечки барабана. Когда нужно перемѣнить пистонъ (пистоны въ гильзахъ Бек-

---

*) Въ Варшавѣ.

кера обыкновенные), стоит толкнуть деревяннымъ пестикомъ изнутри, — онъ вывалывается; вставка новаго тоже не представляет затрудненій: упорка вставляется пальцами, пальцами же надѣвается пистонъ и придавливается на мѣсто пестикомъ, вотъ и все. Если вы сотню патроновъ (гильзъ) *Эли* — переснаряжаете *часъ*, причемъ навѣрно испортите 6—10 барабановъ, или самый шпенекъ машинки, то надъ гильзами Беккера операцію эту можно несравненно легче и удобнѣй (отсутствіе машинки) продѣлать въ 20—25 минутъ, и при этомъ всѣ гильзы останутся у васъ годными.

Внутренняя полость затылка, какъ и во всякой гильзѣ — папковая, но въ гильзѣ Беккера, — нижній конецъ барабана, какъ ни въ одной изъ видѣнныхъ мною гильзъ, — находится подъ папкой броней, предохраняющей его отъ разрушительнаго дѣйствія пороховыхъ газовъ. Самый барабанъ защищенъ папкой, отверстіе, чрезъ которое воспламеняется снарядъ, закрытъ нижнемъ стержнемъ упорки, поэтому мнѣ не случилось видѣть, чтобы въ гильзѣ Беккера лопнулъ хоть одинъ барабанъ.

Я знаю только два сорта гильзъ Беккера: перваго сорта *зеленая* и третьяго сорта *сѣрая*. Гильза зеленая ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ зеленой № 1 Элеевской, собственно въ службѣ, и имѣетъ преимущества въ прочности барабана, простотѣ и скорости переснаряженія, гильза же *сѣрая*, по моему, вынесенному изъ опыта убѣжденію, должна быть признана *высшимъ сортомъ всѣхъ вообще описанныхъ гильзъ*. Можетъ быть оно странно нѣсколько, но разубѣдиться въ этомъ я до сихъ поръ не имѣлъ причинъ.

Сѣрая гильза Беккера — вполне напоминаетъ мнѣ своей службой *розовую австрійскую* гильзу. При употребленіи лѣтнихъ зарядовъ, — послѣ одного-двухъ выстрѣловъ, — она имѣетъ видъ *совершенно* не стрѣляной, никогда не лопається у охвата затылка, а сгораетъ равномерно, внутри по стѣнкамъ трубки.

Исключая описанныхъ нами гильзъ, есть еще гильза Тешнера, употребляемая при ружьяхъ игольчатой системы. Она состоитъ изъ папковой гильзы, обдѣланной сзади и съ боковъ цинкомъ; передняя часть гильзы имѣетъ выступъ, имѣющій

форму усѣченного конуса, обращеннаго основаніемъ къ патрону. Отъ основанія выступа и до наружнаго края патрона, идетъ углубленіе, самый же край имѣеть закраину. Съ другаго конца приклепвается цилиндръ изъ толстой писчей бумаги. Вдоль всего патрона идетъ коническое отверстіе для иглы, въ шляпку которой бьетъ курокъ. При выстрѣлѣ, толстое папковое дно остается въ ружьѣ».

«Одно изъ главныхъ условій хорошаго боя ружья есть правильно опредѣленный зарядъ (количество пороха) и снарядъ (количества дроби). Это давно уже признано всѣми охотниками. У нихъ давно сложилось убѣжденіе, основанное на многолѣтнемъ опытѣ, что для каждаго ружья существуетъ своя величина заряда, то есть количество пороха и свинцу. Величина заряда опредѣляется различными способами. Крестьянинъ заряжаетъ по глазомѣру; сибирякъ мѣркой, которую находятъ посредствомъ пристрѣливанія; интеллегентный охотникъ поступаетъ въ этомъ случаѣ по теоріи. Найти мѣру настоящаго заряда—довольно трудно и требуетъ много времени и хлопотъ. Опытъ указываетъ, что при полномъ зарядѣ ружье бьетъ лучше, чѣмъ всѣми остальными. Чтобы опредѣлить такой полный зарядъ, стрѣляютъ въ цѣль сперва небольшими зарядами, которые постепенно увеличиваются; замѣчая всякій разъ количество пороха и свинца, можно добраться до настоящаго заряда, который легко отличить отъ прочихъ: звукъ его полонъ, густъ и крѣпокъ, ружье не толкаетъ, не отдаетъ сильно, а какъ бы прижимается къ плечу и щекѣ охотника; большой зарядъ сильно отдаетъ; тоже самое бываетъ и при маломъ зарядѣ, если положить меньше пороха и больше свинцу. Чтобы скорѣе опредѣлить пристрѣливаньемъ величину настоящаго заряда, нужно держаться слѣдующаго правила: вымѣрить внутренней діаметръ дула, воткнуть въ него пробку на глубину полутора діаметра и насыпать порохъ въ уровень съ краями дула; это количество показываетъ приблизительно настоящій зарядъ пороха; количество же крупной дроби должно быть нѣсколько болѣе, а мелкой менѣе. Вообще можно положить, что при длинѣ ствола въ одинъ аршинъ съ верхкомъ нужно мелкаго пороха

одинъ золотникъ, дроби семь золотниковъ. Вотъ и все, что можно сказать про настоящую мѣру заряда.

Кромѣ указаннаго, есть еще способъ г. Сарандинаки, заключающійся въ томъ, что отлпвають круглую калиберную пулю, взвѣшиваютъ ее, дѣлятъ вѣсъ на 8, и полученное частное множатъ, для пороху, на $\frac{3}{32}$, для дроби на $7\frac{1}{32}$.

Многіе охотники, незнакомые со способомъ опредѣленія заряда предложеннаго г. Сарандинаки, употребляютъ для ружей центральнаго боя если такъ можно выразиться, *русскій* зарядъ, состоящій изъ равнаго количества (по объему) пороха и дроби.

Хорошій или дурной бой ружья зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ правильности стволовъ, отъ ихъ длины, отъ калибра, отъ конструкціи камеръ, отъ заряда и т. п. даже иногда, какъ кажется, безъ всякой причины, совершенно одинокіе стволы бьютъ различно.

Очень многіе говорятъ, что ружье *живитъ, слаборанно*, т. е. въ цѣль бьетъ отлично и густо, и дробь въ дерево уходитъ глубоко, а по птицѣ плохо: только одни-де перья сыплются. Правда, ружье можетъ бить и слаборанно, но когда? ежели пропорція пороха мала противъ дроби, или обратно; но въ такомъ случаѣ дробь уже не будетъ уходить глубоко въ дерево, хоть ружье можетъ бить и часто. Чтобы помочь этому горю, прибавьте пороху или убавьте дроби, смотря по калибру стволовъ и конструкціи камеръ, и исторія слаборанности кончена. Но случается слышать отвѣты: все пробовавали — ничто не помогаетъ и прибавляютъ, что это ужъ отъ желѣза, а намъ кажется, или отъ неумѣнья стрѣлять, или отъ нетерпѣнья прибрать зарядъ. Что же касается до того, что перья сыплются, а птица улетаетъ — причина тому ясная: не перешибете птицѣ крылья, или не попадете ей въ голову, въ легкія, въ сердце, т. е. не намете смертельной раны.

Относительно заряженія шомпольныхъ ружей, совѣтуемъ держаться слѣдующаго правила: чтобы не высыпался порохъ изъ шпилекъ, курки нужно спустить и заряжать оба ствола одновременно. Сначала насыпать въ одинъ стволъ зарядъ пороху и вложить въ него пыжь, а потомъ въ другой, и

оба пыжа прибить къ пороху поплотнѣй. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и съ дробью. Нѣкоторые охотники заряжаютъ сначала одинъ стволъ, а потомъ другой, но это не особенно удобно въ томъ отношеніи, что при малѣйшемъ разсѣяніи можно забыть, который изъ двухъ стволовъ заряженъ и въ торопяхъ легко въ одинъ и тотъ же стволъ всыпать другой зарядъ пороху. Если пороховые пыжи прибиты, то шомпала въ стволѣ оставлять не слѣдуетъ, такъ какъ при насыпкѣ дроби въ одинъ стволъ, иногда дробью попадаютъ въ тотъ, въ которомъ оставленъ шомполъ и тогда его ужъ очень трудно будетъ извлечь изъ ствола. Надѣвать пистоны на шпильки слѣдуетъ тогда, когда ружье будетъ заряжено. Это необходимо дѣлать во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ.

Нужно стараться привыкать стрѣлять сначала изъ лѣваго ствола, а потомъ изъ праваго. Это необходимо въ томъ случаѣ, что у того, кто привыкъ прежде стрѣлять изъ праваго, легко можетъ соскочить палецъ на лѣвый спускъ и произвести не только бесполезный, но иногда и несчастный выстрѣлъ. — Сдѣлавши выстрѣлъ изъ одного ствола, нужно въ тотъ же моментъ спускать другой курокъ на первый взводъ, и тогда только заряжать ружье.

Прицѣливаться и стрѣлять, по мнѣнію опытныхъ охотниковъ, слѣдуетъ такимъ образомъ, *во первыхъ*: въ птицу прижавшуюся плотно къ землѣ или держащуюся на водѣ, нужно цѣлить подъ птицу, т. е. ниже; *во вторыхъ*: при быстромъ полетѣ птицы, цѣлить надо впередъ, а при медленномъ, въ голову; *въ третьихъ*: при прямомъ и низкомъ полетѣ птицъ, нужно цѣлить такимъ образомъ, чтобѣ ружье закрывало птицу и прицѣлъ былъ въ шею; *въ четвертыхъ*: если полетъ птицы наравнѣ съ головою охотника, тогда цѣлить надо въ задъ птицы; *въ пятыхъ*: въ птицу летящую низко и прямо на охотника, нужно стрѣлять тогда когда зрѣніе его коснется летящей птицы; *въ шестыхъ*: въ летящую птицу прямо надъ головою стрѣлка, нужно цѣлить въ голову; *въ седьмыхъ*: въ звѣря, бѣгущаго отъ охотника по прямой линіи, нужно стрѣлять въ голову между ушей; *въ восьмыхъ*:

въ звѣря, бѣгущаго прямо на охотника, нужно стрѣлять въ лобъ; въ девятихъ: въ звѣря, стремящагося мимо охотника, слѣдуетъ, сообразуясь съ его бѣгомъ, стрѣлять впередъ, чтобы попасть подъ лопатку или въ голову.

Кромѣ этого, не слѣдуетъ цѣлить очень долго, или какъ говорятъ стрѣлки: *не держать на цѣли, не наводитъ на цѣль...* Охотникъ долженъ смотрѣть на птицу, и звѣря, а не на цѣль ружья, быстро приложиться и стрѣлять, какъ только цѣль коснется птицы. Отъ долгаго прицѣла въ птицу, у охотника могутъ дрожать руки и онъ приобретаетъ мѣшкательность, которая всегда будетъ служить тормозомъ пріобрѣтенія проворства и умѣнія хорошо стрѣлять.

Начинающій охотникъ никогда не долженъ думать о промахѣ, иначе онъ войдетъ въ привычку, отъ которой трудно будетъ остать. До тѣхъ поръ, покуда молодой охотникъ, не привыкнетъ къ *лазомъру*, всегда будетъ *пуделять*. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ — промахи бывають и у старыхъ, записныхъ охотниковъ. А покуда *лазомъръ* не выработался, нужно стрѣлять на всевозможныхъ разстояніяхъ и не считать выпущенныхъ зарядовъ.

Самое главное условіе для начинающаго охотника, непредаваться отчаянію при неудачахъ. Сдѣлавши нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ, лучше всего присѣсть или прилечь на полчаса и потомъ опять стрѣлять.

Говоря почти обо всемъ, что относится до охоты мы не сказали почти ни слова о тѣхъ мелкихъ вещахъ, которыя, отправляясь въ поле, охотникъ долженъ имѣть при себѣ. Необходимо имѣть: патронташъ, пороховницу, дробникъ, пистонницу, ягтажъ, арапникъ, кто не умѣетъ свистать — свистокъ, двойную отвертку, пилу для чистки шпилеѣвъ и винтовъ, пыжи.

Отправляясь въ поле съ молодой и не особенно вѣжливой собакой, необходимо запастись парфорсомъ и бичевкою, чтобы не доставить другимъ охотникамъ неурядности.

По чужой птицѣ, если она сядетъ хоть въ двухъ шагахъ отъ васъ — не стрѣляйте. Не слѣдуетъ даже стрѣлять по той птицѣ, которая летитъ мимо васъ отъ другаго охотника, по-

тому что онъ можетъ быть, натаскивая молодую собаку, нарочно самъ не убиваетъ птицу, желая ее перемѣстить для того, чтобъ снова навести на нее свою собаку.

Стрѣльба по чужой птицѣ дозволяется, когда тотъ, кто ее нашелъ, кричитъ *тиро*, т. е. стрѣлай, и извинительна въ такомъ случаѣ, когда вы видите, что птица улетаеъ въ крѣпъ или въ лѣсъ.

Охотясь въ лѣсу, необходимо равняться съ другими охотниками, т. е. идти по одному направленію, не выдаваться впередъ и не оставать. Находясь въ лѣсу, нужно чаще окликаться (гогаться), чтобъ не задѣть другъ друга зарядомъ, въ особенности когда идетъ охота по молодому тетереву, который летитъ невыше человѣческой головы.

Какъ въ лѣсу такъ и въ болотѣ, слѣдуетъ по возможности расходиться другъ отъ друга далѣе, по крайней мѣрѣ на ружейный выстрѣлъ. Во первыхъ, это избавляетъ отъ опасности быть задѣтымъ дробью, а во вторыхъ, даетъ больше свободы, искать побокамъ дичь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лягавая собака.

Значеніе собаки для охотника. — Породы лягавыхъ собакъ. — Англійскій пойнтеръ и сеттеръ. — Гордоновскій и Ирландскій сеттеръ. — Курляндская собака. — Выборъ щенковъ и воспитаніе. — Дрессировка собакъ въ комнатѣ. — Дрессировка (натаска) въ полѣ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, собака служила и служитъ синонимомъ вѣрности и дружбы. Она, въ полномъ смыслѣ слова, безкорыстный и истинный другъ человѣка.

Если собрать всѣ случаи, выражающіе привязанность собакъ къ человѣку, въ одно цѣлое, то составилъ бы огромный томъ, чрезвычайно интересныхъ разсказовъ, самоотверженнымъ героемъ которыхъ былъ бы пестъ, жертвующій собою, ради спасенія жизни своего хозяина.

Хорошую собаку каждый любитъ, но охотникъ въ особенности — она для него, неоцѣненное существо.

Чтобы полнѣе пользоваться всѣми способностями собаки, ихъ выведено безчисленное множество породъ, сообразно тѣмъ потребностямъ, охотничьимъ и домашнимъ, какимъ онѣ должны удовлетворять: *борзыя*, которыя, спущенныя со своры охотникомъ, съ быстротою стрѣлы изъ лука, нагоняютъ рѣзваго звѣря и, подобравшись къ нему, поддаютъ скачки и убиваютъ на повалъ молодецкимъ броскомъ, — которыя схватываются порой въ одиночку съ матерымъ волкомъ, подымаются съ нимъ на дыбы, осиливаютъ, валятъ и даютъ возможность хозяину или сострунить его, или зарѣзать ножомъ; *гончія*, злобныхъ и неутомимыхъ, для которыхъ ничто всѣ звѣровые пути, чащи и болота, которыя съ лаемъ преслѣдуютъ звѣря, утом-

ляютъ и душатъ, если ихъ добычу не перейметъ быстроногая борзая или мѣткій стрѣлокъ; *подлаекъ*, выслѣживающихъ куну на верхнемъ ходу и норку въ землѣ, — садящихся те-терева на дерево, останавливающихъ медвѣдя и лося; *лялявыль*, — тонкимъ чутьемъ распутывающихъ паутинные слѣды крохотныхъ птичекъ, которыхъ даже не въ состояніи бѣсть! А сколько другихъ породъ и разновидностей, съ другими назначеніями, съ другими призваніями, — по истинѣ имъ имя легионъ!

Но, какъ намъ кажется, никому собака такъ не дорога, никому она не доставляетъ столько удовольствія, какъ страстному охотнику. Для него собака составляетъ все наслажденіе, всю прелесть охоты, стрѣльба — удовольствіе уже второстепенное.

Невыразимая минута наслажденія въ охотѣ та, когда собака *прихватила* (почуяла)... Широкими кругами идетъ она по болоту, время отъ времени оглядываясь на своего господина, высматривая, далеко ли онъ? Вотъ донесся до ея тонкоразвитаго чувства запахъ загаившейся птицы и поднявъ морду, раздувъ ноздри, иногда въ страстномъ напряженіи, закусивъ губу, выправивъ хвостъ, она безъ шума дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и вдругъ замираетъ надъ найденной дичью. И не охотникъ залюбуется на эту картину! Что же испытываетъ въ эту минуту страстный охотникъ?.. Стучить въ груди сердце, какъ маятникъ гигантскихъ часовъ, что-то особенное, щеко-тливое подступаетъ къ горлу... И хочется, и не хочется выйти изъ такого очарованія, разрушить его магическимъ *ниль!*..

Волненіе, испытываемое охотникомъ, можетъ дойти въ эту минуту до такой степени, что нѣкоторые, хорошіе стрѣлки на облавахъ или въ случайно поднятую дичь, до конца жизни не могутъ бить птицу изъ-подъ стойки лягавой собаки, избегаютъ отъ одного вида этой картины.

Изъ этого видно, что главное удовольствіе охотнику по страсти доставляетъ собака, разумѣется, хорошая, а чтобъ имѣть такую, надо умѣть сначала ее выбрать, потомъ вы-еормить, выдрессировать, натаскать и въ случаѣ ея болѣзни дать по возможности помощь.

На сколько съ нашей стороны будетъ возможно, на столько мы и познакоимъ съ этими условіями своихъ читателей.

Породы лягавыхъ собакъ *). «Собственно говоря существуютъ только двѣ породы лягавыхъ собакъ: короткошерстныя и длинношерстныя. Отъ скрещиванія этихъ породъ образовались всѣ другія. *Гладкая* или *кровная* лягавая собака не велика ростомъ, но имѣеть чрезвычайно пропорціональное сложеніе; чувственные способности ея хорошо развиты; она имѣеть отличное зрѣніе, слухъ и чутье, да притомъ обладаетъ врожденною смѣлостію. Дрессировкѣ эта собака поддается весьма охотно, а потому дѣлаеть быстрые успѣхи. Поискъ у нея спокойный; она отлично подаетъ поноски и великолѣпно ходитъ по куропаткамъ. Отличительные признаки этой породы: большая голова съ широкимъ лбомъ и съ глубокою бороздою, идущею вдоль носа; выраженіе морды мрачное и спокойное; глаза обыкновенно каріе и выразительныя. Носъ нѣсколько вдавленъ и тупъ, чернаго цвѣта, съ мелкими дырочками, постоянно влажными. Губы отвислыя и мокрыя. Уши висячія, длинныя и широкія. Грудь, шея, широкія. Хвостъ длинный, нѣсколько загнутый къ верху. Шерсть короткая, плотно прилегающая къ тѣлу, и съ лоскомъ, когда собака здорова.

Длинношерстная лягавая собака также называется *водяною*; она больше и длиннѣе, но зато тяжелѣе и неповоротливѣе предыдущей. Въ разъяренномъ состояніи она зла и отважна. Она не такъ понятлива какъ гладкая, а потому требуется значительно больше времени для образованія изъ нея исполнѣ годной, для полевой охоты, собаки. Чутье у нея также слабѣе. Лучше всего онѣ работаютъ въ водѣ; тутъ онѣ неутомимо ползають по камышамъ и кустамъ; также хорошо онѣ ищутъ въ болотахъ по бекасамъ, дупелямъ и др. Дрессировать ихъ надо очень осторожно, потому что онѣ туго понимаютъ и мало интересуются этимъ дѣломъ; при томъ онѣ весьма коварны, и при случаѣ не прочь укусить даже своего хозяина.

Наружные признаки этой породы весьма характеристичны. Шерсть длинная, хвостъ пушистый. Борозда на носу мало

*) Лягавая собака. Соч. Ф. Освальда.

замѣтна. Выдающаяся кость (премудрости) на головѣ неостра, какъ у предыдущей породы, а закруглена. Носъ короткий, съ горбомъ; самое чутье покрыто болѣе грубою кожей, чѣмъ у гладкихъ собакъ, и не такъ влажно. Последнее относится также къ губамъ, которыя менѣе отвисши. Уши не слишкомъ длинны и не плотно прилегаютъ къ головѣ. Шея и грудь узкія. Лѣтомъ эти собаки вяло работаютъ, потому что страдаютъ отъ жары, вслѣдствіе длинной шерсти; напротивъ, для зимней охоты онѣ незамѣнимы, работаютъ безъ утомленія, охотно бросаются въ холодную воду, и вообще въ этомъ отношеніи несравненно лучше короткошерстныхъ. Переднія лапы обростаютъ, такъ называемыми, штанами, и на видъ неуклюжи; между пальцами есть перепонки, способствующія плаванию.

Черезъ скрещиваніе этихъ двухъ прототиповъ лягавыхъ собакъ произошли новыя породы.

Въ наше время, однѣ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ лягавыхъ собакъ, это — англійской и курляндской породы.

Англійскій пойнтеръ. Типичность чисто-кровоного пойнтера, по мнѣнію англичанъ, говоритъ г. Вестенрикъ, должна выражаться въ пропорціональномъ, прочномъ и сильномъ тѣлосложеніи, сильномъ развитіи костей и мяса. Большая голова должна симметрично съ обѣихъ сторонъ ограничиваться ушами. Цвѣтъ длиннаго, широкаго, четырехъ-угольнаго носа (чутья), по мнѣнію знатоковъ, долженъ быть черный. Такъ называемое брыле считается порокомъ. Уши должны быть длинныя, мягкія, тонкія, низко посаженныя, плотно прилежающія къ тѣлу, покрытыя рѣдкими короткими и мягкими волосами. Глаза соразмѣрные, оживленные и осмысленные, двѣта рубашки. Шея длинная, покрытая гладкою, безъ складокъ, кожей. Грудь должна быть высокая, не слишкомъ широкая, подобно строенію груди кровныхъ лошадей. Заднія ребра необходимо должны быть широки и длинны, указывая тѣмъ на обширность полости, вмѣщающей въ себѣ органы пищеваренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ служа признакомъ крѣпкаго здоровья.

Ноги, главные органы выносливости собакъ, заслуживаютъ особаго вниманія. Лопатка должна быть длинная, съ косымъ уклономъ и развитымъ мясомъ. Переднія ноги должны быть

совершенно прямыя, безъ всякаго выворота наружу или внутрь. Стопа должна быть округленная (комкомъ), подобно кошачьей, хотя нѣкоторые охотники и предпочитаютъ продолговатую стопу, заячью, будто бы болѣе выносливую. Въ томъ же значеніи толщина и твердость роговаго покрова стопы есть весьма важная вещь. Предплечья должны быть костисты, покрыты сильными мясами; плечи длинныя.

Ляжки должны быть широки и какъ можно толще; бедра широкія. Подошва такая же, какъ у переднихъ ногъ. Подколенные достаточно согнуты, колѣно выдающееся. Хвостъ служить важнымъ расовымъ признакомъ, фигура его можетъ быть уподоблена иглѣ или пчелиному жалу, т. е. у кровныхъ пойнтеровъ хвостъ, покрытый короткимъ волосомъ, въ основаніи долженъ быть толстъ, затѣмъ быстро суживается и заканчивается почти остриемъ. Чистокровные пойнтера носятъ его прямо, не поднимая выше хребта, подходя въ птицъ, быстро махаютъ имъ въ стороны. Толстый, снизу поросшій нѣсколько длиннѣйшими волосами, хвостъ указываетъ на присутствіе посторонней крови. Шерсть на тѣлѣ должна быть короткая, довольно мягкая; цвѣтъ ея весьма различенъ.

Обыкновенно пойнтера бываютъ одноцвѣтной рубашки, или же съ пятнами, или съ крапинами. Одноцвѣтныя масти бываютъ: бѣлая, черная, каштановая, бронзовая, желтая и черная въ подпалинахъ.

Пойнтеръ долженъ отличаться выносливостью, широкимъ поискомъ, рѣзвостью, понятливостью, верхочутьемъ, мертвою стойкою и хорошею памятью.

Англійскій сеттеръ. Голова гладкая. Уши, тѣло, низъ хвоста, тылъ заднихъ ногъ покрыты длиннымъ, прямымъ или волнистымъ (но никогда не курчавымъ) волосомъ.

Сеттеръ выносливѣе, ласковѣе и мягче пойнтера. На твердомъ и неровномъ грунтѣ онъ менѣе натираетъ себѣ ноги, и гораздо легче выучивается подаванію убитой птицы. Съ другой стороны, сеттеръ труднѣе переноситъ жару, охотнѣе ищетъ въ водѣ, которую пойнтеръ вообще мало любитъ. Вообще сеттеръ дрессируется труднѣе пойнтера, и постоянно требуетъ упражненія въ заученномъ, иначе поддается само-

волю и непослушанію. Но за то хорошо выдрессированный и натасканный въ поле сеттеръ, вполне вознаграждаетъ затраченные на его воспитаніе труды.

Чутье у обѣихъ породъ одинаково прекрасное; впрочемъ, послѣ долгихъ засухъ лучше чуетъ пойнтеръ, а при слабыхъ заморозкахъ сеттеръ.

Англичане отличаютъ три вида сеттера: *англійскій*, *ирландскій* и *гордоновскій*.

У англійскаго сеттера голова легкаго строенія, морда продолговатая, нѣсколько вдавленная между глазами. Носовая кость по срединѣ вдавлена, ближе къ ноздрямъ нѣсколько поднята. Носъ черный, ноздри широкія и открытыя. Щеки ровныя, безъ выпуклостей. Верхняя губа закрываетъ нижнюю, въ углахъ рта могутъ быть небольшія отвислости. Длина, низко посаженныхъ и плотно прилегающихъ къ тѣлу, тонкихъ ушей, должна равняться ширинѣ головы; вверху они должны быть шире чѣмъ внизу, концы закругленные, края восматые. Уши никогда не должны ни подниматься, ни выставляться впередъ, даже не на стойкѣ. Глаза, обыкновенно цвѣта рубашки, живые, умные, по мнѣнію нѣкоторыхъ должны быть выдающимися, по мнѣнію другихъ напротивъ впалые. Шея длинная, толстая, сзади толще чѣмъ спереди, должна рѣзко ограничиваться отъ головы. Грудь высокая, умѣренной ширины. Лопатка длинная, съ сильно развитыми мясами. Ребра менѣе выпуклы, чѣмъ у пойнера. Хребетъ широкій, слегка выгнутый. Бедрa широкія, ступни кожею и прямыя. Пальцы восматые, пятки большія, подколѣнки сильныя, прямыя, съ небольшимъ только уклономъ во внутрь. Хвостъ средней длины, совершенно прямой или саблевидный, поднимающійся выше уровня хребта; снизу хвоста имѣется подвѣсъ, на срединѣ хвоста изъ длинныхъ, а при основаніи и на концѣ изъ короткихъ волосъ.

Голова сеттера должна быть покрыта короткимъ и мягкимъ шелковистымъ волосомъ; шея, хребетъ, бока, уши, задняя сторона ногъ, мошонка, голень и стопа должны быть покрыты длинными, мягкими, прямыми или волнистыми, но никогда курчавыми волосами.

Англійскій сеттеръ бываетъ различной рубашки: чисто

бѣлой, бѣлой съ каштановымъ, желтымъ, чернымъ, иногда съ подпалинами; одноцвѣтныя рубашки бываютъ тѣхъ же цвѣтовъ. Бронзовая масть обыкновенно служитъ признакомъ помѣси съ пойнтеромъ или спаниелемъ.

Сеттеръ бѣгаетъ легко, какъ бы подпрыгивая, виляя при томъ хвостомъ; работать долженъ рѣзво и весело. При скрещиваніи съ другими породами легко упрочиваются природныя способности, сеттера, въ противоположность другимъ видамъ лягавой собаки.

Гордоновскіе сеттера, складомъ весьма похожіе на предыдущихъ, но съ большою головою, большими ушами, широкою грудью, костистымъ и мясистымъ тѣломъ, и нѣсколько кратчайшимъ хвостомъ. Гордоновскій сеттеръ выносливѣе англійскаго, менѣе чувствителенъ къ зною, и на стойкѣ принимаетъ чрезвычайно красивыя и разнообразныя позы. Шерсть должна быть шелковистая, густая и гладкая; курчавость волоса также служитъ дурнымъ признакомъ. Масть тутъ имѣетъ важное значеніе, вся рубашка должна быть темно-вороноваго цвѣта съ отливомъ, съ темно-рыжими подпалинами (желтыя или въ крапинкахъ подпалины считаются порокомъ). Подпалины должны покрывать: щеки, губы, горло, ступни, заднюю сторону переднихъ ногъ вплоть до локтя, переднюю поверхность заднихъ ногъ до бедра, внутреннюю поверхность уда, окрестности задняго прохода, нижнюю поверхность хвоста, внутренность ушей, и кромѣ того подъ каждымъ глазомъ должна находиться большая и ясно обрисованная подпалина. Бѣлый воротникъ и бѣлые пальцы хотя и не считаются порокомъ, но лучше, если ихъ не имѣется.

Гордоновскій сеттеръ рыскаетъ безъ шума, отличаясь при томъ необыкновенно крутыми поворотами; нрава веселаго, послушный, иногда боится выстрѣла и тяжело переноситъ чуму. Вообще же гордоновскій сеттеръ обладаетъ необыкновенными способностями къ охотѣ, такъ что очень часто безъ предварительной дрессировки прямо можетъ быть взятъ въ поле, гдѣ сразу начинаетъ правильно работать. Но иногда изъ той же породы попадаются такіе упрямые и глуные экземпляры, что не поддаются никакому обращенію.

Ирландскій сеттеръ. Примѣты его слѣдующія: голова продолговатая, худая, лобъ высокій, черепъ полукруглый; уши длинныя, достигающія концами до носа, обвислыя, низко и назадъ посаженныя; шерсть на ушахъ умѣренная. Глаза пивные или свѣтло-бурые, большіе, смѣлые, добрые, не выкатившіеся. Носъ или каштановаго, или темно-мясстаго, или темно-бурого цвѣта. Темно-мясистый цвѣтъ носа менѣе цѣнимъ. Переднія ноги прямыя, умѣренно косматыя, лапы собранныя и небольшія, но не круглыя. Грудь широкая, но не черезъ-чуръ, ибо въ послѣднемъ случаѣ походка собаки была бы валкая и лѣнивая. Удѣ прямой, плоскій, мясистый, густо покрытый бурю шерстью. Ляшки длинныя, умѣренной ширины, брюхо подобранное.

Хвостъ долженъ быть густо покрытъ щетинистымъ волосомъ, курчавымъ сверху, висящимъ снизу; положеніе хвоста должно быть, или параллельное землѣ въ уровень съ хребтомъ, или немного приподнятое. На поискѣ хвостъ выпрямляется и бьетъ по заднимъ ногамъ.

Шерсть на тѣлѣ твердая, прямая или волнистая. Масть каштановая безъ подмѣси; бѣлый цвѣтъ допускается только на лбу и груди; черныя отмѣтины не допускаются.

Ирландскіе сеттеры превосходятъ всѣхъ другихъ сеттеровъ, чрезвычайно высоко цѣнимы, а потому еще мало распространены, и попадаются только какъ рѣдкость за предѣлами Ирландіи. Ирландскій сеттеръ силенъ и выносливъ въ полѣ, ищетъ галопомъ, но вообще упрямъ и трудно дрессируется. Будучи же натасканъ, неоцѣнимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Курляндская собака. Вообще она обладаетъ хорошимъ верхнимъ чутьемъ, очень вынослива, можно сказать, неумоима, переносить чужу легче сеттера и и пойнера, но упряма, и для своего образованія требуетъ строгой методической дрессировки. Плотное довольно неуклюжее тѣло покрыто короткими волосами; уши очень длинныя; хвостъ толстый и длинный, обыкновенно обрубаемый охотниками. Щенки курляндской расы неуклюже, грубѣе и упрямѣе англійскихъ, но очень понятливы, и обладаютъ отличною памятью. Курляндскія собаки славятся какъ хорошіе и сильныя апортеры. При

известной подготовкѣ онѣ могутъ исполнять всевозможныя обязанности: лягавой, гончей и даже дворовой.

Извѣстный петербургскій охотникъ, г. Ваксель, между прочимъ говоритъ, «что между кровными курляндскими лягавыми собаками, я не знаю лучше *желтопыхъ*. Онѣ средняго роста, поджары, прекрасной рубашки, нѣсколько головасты, съ длиннымъ рыломъ; чутье у нихъ свѣтло-желтое, небольшіе свѣтлаго цвѣта глаза, небольшія уши въ трубку, прямыя ноги и хвостъ серпомъ, не очень тонкій.

Курляндскія собаки добронравны, неумомимы, съ хорошимъ чутьемъ и съ мертвою стойкою: но у всѣхъ потяжка (подходъ къ птицѣ) утомительная; онѣ едва подвигаются и безпрестанно замираютъ».

Кромѣ описанныхъ породъ, есть много другихъ, напримѣръ: французская, нѣмецкая и т. д.

Выборъ щенковъ. Выборъ щенковъ слѣдуетъ производить черезъ двадцать четыре часа послѣ родовъ, и оставлять для воспитанія тѣхъ, у которыхъ здоровыя оконечности, длинныя уши, суровый видъ и много морщинъ надъ глазами.

Такъ какъ у суки, только по четыре соска съ каждой стороны, то она и можетъ хорошо выкормить только четырехъ щенковъ. Причина тому слѣдующая: сука при кормленіи ложится на одну сторону, слѣдовательно одновременно можетъ кормить только четырехъ щенковъ, а остальные должны дожидаться очереди. Но послѣдніе этого правила не соблюдаютъ, жмутся къ матери, толкаютъ сосущихъ и въ концѣ концовъ, выходитъ то, что ни одинъ изъ нихъ не насосется досыта. Вслѣдствіе этого щенки худѣютъ и растутъ. Кромѣ того, что восемь или девять сосущихъ щенковъ, истощаютъ мать, половина изъ нихъ непременно будетъ задавлена. Поэтому мы совѣтуемъ, безъ особенной надобности не оставлять болѣе четырехъ-пятерыхъ щенковъ, а остальныхъ убивать.

«Во время сосанія надобно водворять между щенками порядокъ, слабыхъ защищать отъ притѣсненій сильныхъ и припускать ихъ къ лучшимъ соскамъ. На восемнадцатый день начинаютъ пріучать щенятъ къ посторонней пищѣ. Только

съ такими предосторожностями можно выкормить пять здоровых щенковъ одного помета. Обыкновенно сука только въ первые восемь-десять дней лежитъ почти безвыходно со щенками въ гнѣздѣ, чтобы доставить имъ необходимую жизненную теплоту и регулярное питаніе; но едва только щенки окрѣпнутъ, она, накормивши ихъ, не остается въ гнѣздѣ, а уходитъ и возвращается только тогда, когда накопится достаточно новаго молока. Чѣмъ старше дѣлаются дѣти, тѣмъ продолжительнѣе дѣлаются эти отлучки».

По прошествіи девяти дней, а иногда и долѣе, у щенятъ начинаютъ понемногу глаза раскрываться. Если случится, что у щенятъ и на четырнадцатый или пятнадцатый день, еще глаза не вполне раскрылись, то ихъ нужно промывать тепловатымъ молокомъ.

Черезъ 16—18 дней у щенковъ появляются зубы, и имъ нужно предподносить вмѣсто молока матери другую пищу, какъ напримѣръ: хорошо прокипяченное коровье молоко, съ небольшимъ количествомъ сахара. По прошествіи же четырехъ недѣль въ молоко можно примѣшивать бѣлый хлѣбъ.

Если у щенковъ заведутся блохи, то самое лучшее средство для ихъ истребленія, употреблять персидскую ромашку. Хорошо также мыть отваромъ изъ горсти табачнаго листа и полутора штофа воды.

Самое главное условіе, держать щенковъ, какъ можно въ большей чистотѣ.

По истеченіи пяти недѣль, щенковъ, приученныхъ уже въ другой пицѣ, можно отъ матери и отсадить. Въ это время нужно ихъ кормить въ волю и правильно, т. е. давать въ полдень и вечеромъ часовъ въ 5—6-ть мясной бульонъ съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Отсаживать щенковъ отъ матери слѣдуетъ не вдругъ, а постепенно, сначала одного, потомъ другаго и т. д. Дня за два до отнятія послѣдняго щенка, суки нужно смачивать, раза три въ день, теплою водкой соски и втирать въ нихъ, какъ можно осторожнѣй, свиное сало.

Щенковъ, отсаженныхъ отъ суки, лучше всего держать на дворѣ, гдѣ бы они имѣли возможность поиграть на солнышкѣ.

Молодыхъ собакъ, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ брать въ поле.

Послѣ каждой дачи корма, щенка необходимо выпускать на дворъ. Если онъ напакоститъ въ комнатѣ, то его слѣдуетъ слегка ударить прутикомъ, или просто пригрозить чѣмъ-нибудь. Когда щенокъ испражнится на указанномъ ему мѣстѣ, то его не мѣшаетъ и погладить, давая тѣмъ знать ему, что онъ поступилъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Вслѣдствіе дурнаго содержанія, у молодыхъ собакъ появляются стружья, которые совѣтуемъ, на пораженныхъ мѣстахъ мазать сѣрымъ мыломъ, и когда оно засохнетъ, смывать тепловатою водою.

Такъ какъ блохи любятъ особенно гнѣздиться въ складкѣ кожи, находящейся сзади каждаго уха, то эти мѣста слѣдуетъ тщательно вычесывать.

Вообще молодую собаку нужно держать въ чистотѣ и кормить почаще, но понемногу. На ночь кормить слѣдуетъ часа за четыре до сна, такъ чтобы она въ остальной промежутокъ времени успѣла испражниться.

До истеченія собакѣ четырехъ мѣсяцевъ, ее кормятъ легкой пищей, а на пятомъ даютъ молочную овсянку съ прибавкою бульона. Хорошо молодыхъ собакъ покармливать сыромъ, который развиваетъ у нихъ чутье и укрѣпляетъ желудокъ.

Костей щенкамъ давать не слѣдуетъ, такъ какъ они этимъ портятъ себѣ и впослѣдствіи мнутъ убитую птицу.

Молодымъ собакамъ хорошо натирать носъ внутренностями убитой дичи, конечно не показывая ей птицы.

Чтобы собака не потеряла чутье, то ей не слѣдуетъ давать горячей пищи.

На третьемъ мѣсяцѣ своего возраста, щенокъ начинаетъ линять. Въ это время его нужно держать въ теплѣ и въ кормъ прибавлять небольшое количество масла.

Послѣ линьки, т. е. по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, щенокъ становится настолько уже развитымъ, что начинаетъ понимать своего хозяина, и потому ему можно давать кличку. Кличку нужно давать такую, которая легко и коротко произносится. При произнесеніи имени, не мѣшаетъ свистнуть.

По прошествіи 5—6 мѣсяцевъ, щенка нужно приучать къ покорности и послушанію. Начинають съ того, что подводят щенка къ корму, держатъ за шею, прижимають къ полу и не даютъ ему ѣсть, произнося «*тубо*». Щенокъ, конечно, на первое время этого не понимаетъ, но чрезъ нѣсколько уроковъ пойметъ. Продержавши такимъ образомъ недолго надъ кормомъ, щенку говорятъ «*пиль*», и даютъ ему полную свободу. Такое обученіе продолжается до тѣхъ поръ, покуда щенокъ не привыкнетъ ничего безъ позволенія брать.

Сырой говядиной или остатками дичи молодыхъ лягавыхъ щенковъ кормить не слѣдуетъ, а въ особенности кониной, отъ которой они, правда, крѣпнуть и скоро растутъ, но за то теряють чутье.

Самая лучшая пища для молодыхъ собакъ: мясной бульонъ съ хлѣбомъ и овсянка. Хорошо также давать картофель, но только сваренный въ молокѣ или съ говядиной; къ обыкновенному корму можно подбавлять горохъ, бобы, морковь и т. п.

Между третьимъ и пятымъ мѣсяцемъ, нужно особенно слѣдить за молодой собакой, такъ какъ она въ это время бросается на все, что передъ ея глазами движется. Въ особенности щенокъ любитъ гоняться за курицами. Если онъ выдается на нее и останавливается, точно дѣлая стойку, то это признакъ хорошій.

По наступленіи девяти мѣсяцевъ на собаку надѣвають ошейникъ, на мягкой подкладкѣ, и водятъ ужъ на цѣпочкѣ. Такимъ образомъ лишаютъ ее прежней свободы и готовятъ къ полезной дѣятельности.

Дрессировка собакъ. Прежде чѣмъ приступать къ дрессировкѣ собаки, ее необходимо испытать, стоитъ ли она того, чтобы тратить на нее и время, и деньги.

Въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ: берутъ молодую собаку, отправляютъ съ нею въ поле и идя противъ вѣтра, наблюдаютъ, насколько она бойко ищетъ, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону. Послѣ этого, кидаютъ кусочекъ хлѣба въ траву и идутъ дальше. Пройдя нѣсколько шаговъ, возвращаются назадъ, и вставши съ подвѣтренной стороны, ведутъ собаку къ брошенному куску хлѣба. Способная, моло-

дая собака, на разстояніи 10—15 шаговъ, сразу почуетъ запахъ брошеннаго хлѣба и, поднявши носъ, прямо потянетъ къ нему: остановится немного и сыщеть его. Дурная же собака этого не сдѣлаетъ. Послѣ этого урока, собаку ведутъ въ то поле, гдѣ водятся жаворонки и заставляютъ ее искать. Хорошая, породистая собака, издалека потянетъ и сдѣлаетъ стойку. Преслѣдуя вспорхнувшаго жаворонка, она, возвратившись на то мѣсто, откуда онъ вылетѣлъ, начинаетъ его обнюхивать и искать. Такіе приемы рекомендуютъ собаку съ хорошей стороны. Наконецъ, бросаютъ въ кустарникъ незамѣтно для собаки кусокъ мяса, ставятъ ее съ подвѣтренной стороны, и если она пойдетъ его искать, не обращая вниманія на боль, причиняемую ей сучьями, то спокойно возвращаются, чтобы заняться дрессировкой испытаннаго щенка.

Собака, которая мало подвижна, ищетъ низомъ по прямой линіи и при благопріятномъ вѣтрѣ, не находитъ того, что ей брошено, то это признакъ не особенно хорошиій; въ особенности же, если она чуетъ птицу на очень близкомъ разстояніи и передъ ней не останавливается и не можетъ отыскать слѣда.

Тотъ, кто приступаетъ къ дрессировкѣ собаки, долженъ знать ея характеръ. Это необходимо въ томъ отношеніи, если собака робкая, мягкая, то строгими мѣрами ее можно до такой степени запугать, что она ни чему не выучится. Если же собака строптивая, упрямая, то одного ласковаго обращенія для нея недостаточно, ей нужна и нѣкоторая строгость. Разумѣется, собаку наказывать не слѣдуетъ за то что она непонимаетъ, но, если она поняла и упрямится повторить, то за это конечно слѣдуетъ наказать. Вообще же отъ собаки слѣдуетъ добиваться всего лаской и терпѣньемъ.

Приступать къ дрессировкѣ щенка хорошо на одиннадцатомъ-двѣнадцатомъ мѣсяцѣ, когда онъ уже переручьется.

Собаку слѣдуетъ учить только тому, что составляетъ главную необходимость для охотника. Чтобы она была вѣжлива, безъ приказанія своего хозяина ничего не дѣлала, подавала бы хорошо поноску, не гоняла бы дичь послѣ выстрѣла и по свисту охотника отходила бы со стойки.

Вообще, выдрессировать лягавую собаку не особенно лег-

кое дѣло. Горячему, нетерпѣливому охотнику, мы даже не посовѣтовали бы и приниматься за это дѣло.

Есть два способа дрессировки собакъ: парфорсный — методическій, и непринужденный — добровольный. Методическая дрессировка имѣетъ то преимущество, что при помощи ея, можно почти всегда достигнуть положительнаго успѣха. Но къ сожалѣнію, не у каждаго охотника найдется столько свободнаго времени и терпѣнія, чтобы заняться такой щепетильной и продолжительной дрессировкой, какъ парфорсная.

Для дрессировки нужны слѣдующія принадлежности:

Сворка. Она состоитъ изъ веревки, одинъ конецъ которой дѣлается петлей, отъ петли идетъ узелъ, который, если продѣть въ петлю, образуетъ родъ ошейника. Длина веревки, идущей отъ сворки, должна быть аршина три.

Парфорсъ. Приготавливаютъ его такимъ образомъ: изъ дерева вытачиваютъ шесть шариковъ, каждый по одному съ четвертью дюйма въ діаметрѣ. На верху шариковъ утверждаютъ по шести желѣзныхъ шпилекъ съ овальными концами, каждая длиной въ одну треть дюйма. Въ каждомъ шарикѣ есть просверленное отверстіе, которымъ и нанизываютъ ихъ на бичевку, дѣлая съ каждой стороны шарика по одному узлу. Образуется нѣчто похожее на ожерелье, которое надѣвается на шею собаки, связывается бичевкою, и концы ея отрѣзаются. Парфорсъ нужно пригнать по шеѣ собаки такъ, чтобы онъ не производилъ ей боли, какъ при надѣваніи, такъ и при сниманіи.

Струна. Ею, въ первый же день дрессировки, обвязываютъ шею собаки, чтобы она не имѣла возможности сбрасывать парфорса. Обвязывается она кругомъ шеи не особенно туго и не снимается во время всего ученія.

Панеть. Изъ старыхъ, но чистыхъ тряпокъ шиваютъ чучело, похожее на небольшую птицу. Она не должна быть очень тверда и тяжела.

Заячье чучело. Сухую заячью шеурку, волосомъ къ верху, шиваютъ и связываютъ такъ, чтобы изъ нея вышелъ шести-дюймовый пакетъ.

Рогатна или искусственная поносна. Она дѣлается въ видѣ

валика, длиною 6—8 вершковъ, а шириною съ вершокъ. Валикъ этотъ обшивается кожей, сукномъ или чѣмъ нибудь другимъ. По обѣимъ его сторонамъ дѣлаются крестообразно коротенькія ножки, въ виду того, чтобы валикъ не ложился прямо на полъ и не марался бы.

За нѣсколько дней до приступа къ дрессирѣвкѣ, на собаку слѣдуетъ надѣть желѣзную цѣпь и посадить въ отдѣльное, уединенное помѣщеніе.

Учить лучше всего два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Въ первые дни уроки должны продолжаться не долѣе 15—20 минутъ. При каждомъ новомъ урокѣ, собаку нужно заставлять повторять старыя, чтобы она ихъ не забывала.

Вообще, если собака понимаетъ то, что ей преподають, не мѣшаетъ ее и приласкать и похвалить, а то чѣмъ нибудь и наградить изъ съѣдобнаго.

Собаку, какъ во время ученья, такъ и послѣ ученья, держать нужно въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы она, въ первомъ случаѣ, ничѣмъ не развлекалась, а во второмъ привыкала къ порядку и покорности.

На первыхъ порахъ собаку приучаютъ къ тому, чтобы она понимала призывъ «*ici*». Въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ: учитель беретъ за веревку отъ сворки (петли) и направляется съ нею въ смежную комнату, произнося «*ici*». Если собака на этотъ призывъ не пойдетъ, то нужно тихонько дернуть парфорсъ. Вслѣдъ по произнесеніи «*ici*» нужно свистнуть. Продолжать такимъ образомъ нужно до тѣхъ поръ, пока собака не будетъ понимать этого призыва и свиста, равняющагося призыву.

Послѣ этого слѣдуетъ учить поворотамъ, которые преподаются такъ: конецъ веревки берутъ въ правую руку, а лѣвую накладываютъ на нее, ближе къ парфорсу. Учитель становится такимъ образомъ, чтобы собака находилась между стѣной и имъ.

Управляя веревкой правою рукою, учитель начинаетъ дѣлать прогулку кругомъ стѣны, ровными солдатскими шагами. Собака, уставши, при желаніи остановиться и отдохнуть, будетъ чувствовать отъ парфорсныхъ шпильекъ уколы. Вслѣд-

ствие чего, пожалуй, ляжет на полъ и начнет визжать и метаться; тогда веревку нужно сдѣлать настолько свободной, чтобы парфорсъ не причинялъ боли. Послѣ отдыха собаки, прогулка начинается снова. При каждомъ поворотѣ направо, учитель произноситъ «аггѣге» (назадъ). Такіе уроки продолжаются до тѣхъ поръ, покуда собака не пойметъ, чему ее учать. Послѣ каждаго десяти круговъ нужно дѣлать отдыхъ. Точно такимъ же образомъ учать повороту налѣво.

Покончивши съ призывомъ и поворотами, собаку учать садиться. Для этого учитель наворачиваетъ на правую руку веревку, почти вплотъ до парфорса, а лѣвою нажимаетъ на задъ собаки и говоритъ «сядь», «садись». Прижимая собаку лѣвою рукою къ полу, правую же нужно потихоньку тянуть за парфорсъ и тѣмъ заставить ее принять желаемое положеніе. Какъ скоро собака приметъ лежачее положеніе, то ее нужно приласкать и погладить. Послѣ того, когда собака по слову «сядь», научится садиться, приступаютъ къ новому уроку «сидѣть». Этотъ урокъ заключается въ томъ, чтобы научить собаку сидѣть въ отсутствіе охотника, дѣлается это такъ: собаку усаживаютъ на полъ и говорятъ: «сидѣть». Учитель взявши въ лѣвую руку веревку дюймовъ на шесть отъ парфорса, становится передъ собакою и держа веревку надъ ея головою, произноситъ: «сидѣть». Послѣ этого, придерживая собаку рукою, чтобы она не вскочила и не послѣдовала за нимъ, онъ дѣлаетъ движенія то въ ту, то въ другую сторону, не позволяя собакѣ двигаться съ мѣста. Произведя такую операцію нѣсколько разъ, онъ начинаетъ постепенно отъ нея удаляться. Послѣ двухъ-трехъ десятковъ подобныхъ повтореній, собака непременно будетъ сидѣть.

Научивши садиться и сидѣть, приступаютъ къ ученію «allons!» (впередъ). Учитель становится съ правой стороны отъ собаки, и произнося: *allons!*, дѣлаетъ движеніе на нѣсколько шаговъ впередъ. Въ нѣсколько уроковъ, собака начинаетъ понимать команду. Послѣ «allons» а, переходятъ къ «пиль».

Собаку подводятъ къ тому мѣсту, гдѣ находится поноска, и указывая на нее, говорятъ: «пиль» (возьми). Но она этого

приказа не понимаетъ, и потому приступаютъ къ слѣдующей операци: надавливаютъ ей на клыки, разжимаютъ ротъ, кладутъ поноску въ пасть и послѣ слова «держи», придерживаютъ нижнюю челюсть рукой, начинаютъ ее водить по комнатѣ. Потомъ собаку усаживаютъ на мѣсто и начинаютъ потихоньку отходить. Продержавши нѣсколько минутъ собаку съ поноской во рту, ей говорятъ: «laissez» (отдай, пусти).^{else} Такимъ образомъ научаютъ по слову «пиль» брать и держать поноску.^{on}

Въ началѣ вкладываютъ въ ротъ собакѣ *рогатку*, затѣмъ *пакетъ*, а подѣ конецъ *заячье чуело*.

Послѣ урока «пиль» (возьми), собаку приучаютъ подавать поноску. Урокъ проходитъ такимъ образомъ: передъ собакою становится учитель, одною рукою держитъ веревку, а другою подкладываетъ подѣ морду поноску (рогатку) и говоритъ: «*apporte!*» (подай); конечно, собака, въ началѣ этого не пойметъ. Тогда слегка потянувъ веревку парфорса, пригнуть ей голову, и принуждая взять поноску, говорятъ: *allons!—apporte!*^{del} Повторивши нѣсколько разъ урокъ, собака наконецъ пойметъ, что отъ нея требуютъ. Приучая собаку къ поноскѣ, нужно каждый разъ видать ее подалше, чтобы она приучилась подавать съ различныхъ разстояній. Предметы поносоеъ всегда слѣдуетъ перемѣнять. Необходимо также обращать вниманіе на то, чтобы собака не мяла и не грызла поноску.^{an}

Приучивши къ подачѣ поносоеъ, нужно перейти къ ученію «*tout-beau!*» (смирно — лягъ!). По такому приказу, собака немедленно должна лечь. Въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ: дрессировщикъ, произнося: «*tout-beau!*», одну руку кладетъ на запястье собаки, а другою вытягиваетъ переднія лапы по прямой линіи и потомъ прижимаетъ ее голову къ ногамъ. Приведа въ подобное положеніе, собакѣ повторяютъ нѣсколько разъ: «*tout-beau!*» или «*couche*»; придерживая одною рукою голову, а другою грозя пальцемъ. Доведа собаку такимъ образомъ до послушанія, ее знакомятъ съ словомъ: «*ici!*»² Чтобы достигъ этого, учитель придерживая лежащую собаку, сначала долженъ ходить кругомъ нея, потомъ перешагнуть нѣсколько разъ черезъ нее и отойдя на нѣкоторое разстоя-

ніе, крикнуть: «ici!» и при этомъ громко свистнуть. Многіе изъ охотниковъ любятъ приучать собаку къ ползанью, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ слѣдующему средству. Сначала говорятъ ей «tout-beau!» а вслѣдъ затѣмъ «avance!», и въ то же самое время, тащатъ ее по полу къ поноскѣ. А для того, чтобы она не имѣла возможности привстать, прижимаютъ одною рукою ея спину. Подтаскивая же къ поноскѣ, постоянно проносятъ «tout-beau» и «avance». Какъ только собака подползетъ къ поноскѣ, ей приказываютъ взять ее.

Научивши хорошо ползать и крѣпко лежать, нужно приучать къ тому, чтобы собака безъ приказанія хозяина, не смѣла брать брошенную поноску. Для этого бросаютъ въ сторону кусокъ хлѣба или мяса, за которымъ, конечно, собака бросается охотно; но лишь только она подскочитъ къ нему, какъ ей кричатъ: «нетронь!» и въ то же время удерживаютъ парфорсомъ. Послѣ того, говорятъ: «кругомъ!» и обводятъ вокругъ хлѣба, зорко посматривая, чтобы она его не схватила. Наконецъ, подводятъ къ куску хлѣба, приказываютъ собакѣ сѣсть, даютъ понюхать и бросаютъ его въ сторону, крикнувши: «allons!» (впередъ!) или «кругомъ!» и снова дѣлаютъ нѣсколько обходовъ около хлѣба. Уроковъ въ 10—15-ть, собака легко пойметъ требованіе охотника.

Затѣмъ, переходятъ къ ученію: «ищи!» — «пропало!» (cherche!). Съ начала заставляютъ собаку лечь, и кладутъ передъ ней кусокъ хлѣба. Учитель, кусокъ лежащаго хлѣба начинаетъ передъ глазами собаки катать, то подкатываетъ его къ носу собаки, то быстро удаляетъ. Затѣмъ, поспѣшно хватая кусокъ хлѣба, зажимаетъ его въ рукѣ, дѣлаетъ видъ, будто его бросилъ и съ крикомъ: «allons!» — ищи, пропало, — кидается искать вмѣстѣ съ вскочившею собакой пропавшій хлѣбъ, продолжая дѣлать возгласы: «cherche!» — «allons!» Побѣгавши нѣкоторое время, онъ подбрасываетъ незамѣтнымъ образомъ хлѣбъ и подведя ее къ нему, говоритъ: «tout-beau!». Подъ конецъ ученія нужно забрасывать хлѣбъ въ темныя мѣста, чтобы собака приучалась находить его не глазомъ, а чутьемъ. Привышшую собаку по слову: «cherche!» находить пропажу, велить ее брать и подносить къ себѣ.

Этимъ почти и заканчивается комнатная дрессировка лягавой собаки.

Не нужно забывать, что послѣ каждаго урока, собаку необходимо отводить въ уединенное мѣсто, какъ мы и ранѣе этого говорили. Точно также при ученіи нужно всегда держаться, однажды произнесеннаго слова, а не мѣнять его. Послѣ хорошо исполненнаго урока, собаку не мѣшаетъ приласкать, погладить и подарить чѣмъ нибудь: кусочкомъ сахара или хлѣба.

Кромѣ сказаннаго нами, собаку приучаютъ въ комнатѣ не трогать живую птицу и при взлетѣ ея не гоняться за нею. Въ подобномъ случаѣ поступать надо такъ: къ внесенной въ комнату курицы подводятъ собаку и велятъ ей лечь. Когда она ляжетъ, то курицу осторожно вспугиваютъ, чтобы она отлетѣла въ какую нибудь сторону, а собаку заставляютъ спокойно лежать. Замѣтивши что курица съ испугу заблалась въ какое либо укромное потайное мѣсто, собакѣ приказываютъ встать и искать бѣглянку. Подобные уроки продолжаются до тѣхъ поръ, покуда собака не научится находить скрывающуюся птицу.

Почти такимъ же образомъ приучаютъ собаку, чтобы она не гонялась за зайцами, а исполняла свои обязанности. Въ комнату впускаютъ живаго зайца или кролика. Увидя собаку, звѣрекъ, конечно, бросится бѣгать, какъ угорѣлый, и нѣтъ ничего мудренаго, что у собаки проявится желаніе поймать нежданнаго гостя. Но учитель на это не обращаетъ никакого вниманія и продолжаетъ дѣлать обходы, какъ будто въ комнатѣ нѣтъ никакого звѣря, стараясь при этомъ водить собаку такъ, чтобы возлѣ нея постоянно прыгаль заяцъ. Какъ только искушаемая зайцемъ собака выразитъ намѣреніе броситься на него, то сейчасъ же нужно сдѣлать поворотъ и что нибудь приказать, дабы она поняла, что ей не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на прыгающаго кругомъ ея зайца. Доведя собаку до того, что она перестанетъ интересоваться зайцемъ, ее подводятъ къ нему, велятъ лечь и въ такомъ положеніи держать нѣсколько минутъ. Наконецъ, если заяцъ забился въ уголъ и преспокойно въ немъ сидитъ, то вспу-

гиваютъ, предоставляя возможность собакамъ только любоваться бѣгствомъ его, а не гнаться за нимъ. Въ нѣсколько уроковъ, собака пойметъ, что отъ нея требуетъ охотникъ.

Въ этомъ случаѣ интересно наблюдать, какъ собака борется со своимъ инстинктомъ, ради исполненія воли своего хозяина.

Для того, чтобы собака не боялась воды, постунаютъ такъ: въ комнату ставятъ большое корыто или лоханку съ водою и выдаютъ туда кусочки хлѣба и мяса, заставляя собаку доставать ихъ оттуда. Сначала выдаютъ такъ, чтобы собака доставала брошенный кусокъ только протянувши шею, потомъ такъ, чтобы она становилась въ воду передними ногами и наконецъ такъ, чтобы она входила вся въ воду и доставала съ самаго дна корыта. Въ воду бросать нужно не одни куски хлѣба или мяса, но и поноски.

Кромѣ этого, собаку слѣдуетъ приучить къ ягдташу, ружью и выстрѣлу. Чтобы достигъ этого, нужно надѣть на себя ягдташъ и другія охотничьи принадлежности, положить въ него нѣсколько кусочковъ хлѣба, давать его нюхать и потомъ класть въ ягдташъ. Потомъ привязать собаку покороче къ ягдташу и гулять по комнатѣ, размахивая руками и постукивая по сумѣ. Продѣлавши такія штуки нѣсколько разъ, нужно снять съ себя ружье и показать видъ, будто его заряжаешь, затѣмъ наложить пистонъ, прицѣлиться и, бросивши чучело птицы выстрѣлить, приказавши собакамъ принести къ себѣ мнимую птицу.

Убѣдившись, что собака поняла все, чему ее учили въ комнатѣ, нужно повторить всѣ уроки снова въ полѣ и требовать отъ нея, во-первыхъ, чтобы она строго и отчетливо исполняла требованія своего хозяина и не развлекалась посторонними предметами. Во-вторыхъ, заставлятъ находить спрятанную и подстрѣленную птицу, держать стойбу какъ только можно дольше, отзывать со стойбы и подводить съ другой стороны къ птицѣ.

Приучая въ полѣ собаку къ выстрѣлу, сначала нужно заряжать ружье небольшимъ зарядомъ и доводить до полного заряда постепенно.

Самое лучшее время, чтобы приучить собаку пдти въ воду—

лѣто. Поноски сначала кидаютъ около берега, а потомъ на такое разстояніе, чтобы собака поставлена была въ необходимость плыть. Рѣка должна быть не особенно глубока и быстра, берега не крутые, а отлогіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда собака заупрямится и нейдетъ въ воду, нужно принять принудительныя мѣры, т. е. тащить парфорсомъ въ воду. Но бывають и такія собаки, которыя не любятъ, боятся воды; такихъ конечно не втащишь и парфорсомъ.

Послѣ того, когда собака будетъ подавать хозяину всѣ поноски изъ воды, тогда нужно вмѣсто поносокъ кидать въ воду битую птицу, а потомъ подстрѣленную, живую. Можно дѣлать и такъ: спрятать въ какомъ-нибудь кустѣ или высокой травѣ курицу, заставивши собаку найти и выгнать ее, застрѣлить и приказать принести къ себѣ.

Теперь перейдемъ къ дрессировкѣ собаки въ поле.

Полевая дрессировка (натаска).

Дрессировка лягавой собаки въ поле можетъ начаться только тогда, когда она совершенно усвоила себѣ все то, чему ее учили въ комнатѣ.

Отправляясь въ поле натаскивать собаку, охотникъ долженъ забыть всякую охоту для своего удовольствія, а весь отдаться только тому, что необходимо для натаскиванія пса.

Въ первый разъ выведенную собаку въ поле, поражаетъ новизна встрѣчаемыхъ ею предметовъ, и очень легко можетъ случиться, что она будетъ сбиваться, упрямится и не слушаться своего хозяина, въ такомъ случаѣ, необходимо дать легонькую острастку, т. е. немного наказать и принудить сдѣлать то, что нужно.

Для натаскиванія собакъ, лучше всего отправляться въ поле въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца, когда молодые выводки совершенно оперяются и стануть летать. Молодую, только что выведенную въ поле собаку, стараться нужно начинать натаскивать съ гаршнеповъ и дупелей, такъ какъ они несравненно крѣпче другой дичи выдерживаютъ стойку. Послѣ

же нихъ начать натаскиваніе съ другихъ птицъ, и чѣмъ натаскиваніе на птицъ будетъ разнообразнѣе, тѣмъ лучше.

Охотнику, отправляющемуся на охоту съ цѣлью натаскивать собаку, слѣдуетъ всегда выбирать такое мѣсто, которое изобильно дичью.

Отправляясь въ поле, съ собаки нужно снять парфорсъ и взять ее на короткую бичевку, или подъ парфорсъ подложить кожаный ошейникъ, чтобы иглы не могли производить боли и собаку не беспокоили.

Для начала поисковъ дичи лучше всего отправиться въ поле, поросшее густою травою. Собаку вести нужно такъ чтобы она шла противъ вѣтру, и идти не торопясь. Если охотникъ замѣтитъ, что собака что-нибудь почуяла, то ее сейчасъ же слѣдуетъ понудить произнося: «ищи!» Собаку, если она тянетъ прямо, надо отвести въ другую сторону и дѣлать, такъ сказать, зигзаги, для того чтобы въ ней произвести живость и покойство.

На первыхъ порахъ учитель долженъ слѣдовать за собакой и руководить ею.

Начинать натаскивать слѣдуетъ всегда при благопріятномъ вѣтрѣ, послѣ, конечно, можно работать въ какую угодно погоду.

Сказанное нами относится до удержки собаки отъ подхода къ дичи, чтобы улучшить у ней сначала поискъ.

Потомъ, когда охотникъ замѣтитъ, что собака движеніями и носомъ даетъ знать, что передъ нею сидитъ дичь, то эти признаки называются подтяжкой. Въ такую минуту ему слѣдуетъ крикнуть: «не тронь!». При слишкомъ быстромъ подходѣ собаки къ птицѣ, охотникъ долженъ придерживать бичевку, и тѣмъ уменьшить ея пылеость. Такой приемъ вынудитъ собаку подходить осторожнѣе къ дичи. Не допуская еще до стойки, собаку не мѣшаетъ отозвать и потомъ подвести ее съ другой стороны къ птицѣ. Не бесполезно также по дорогѣ къ дичи, заставляя крикомъ: «tout-beau!» собаку ложиться и крикомъ: «avance!» подвигаться впередъ. Такимъ и тому подобными требованіями, собака приучается къ быстрому исполненію желаній своего хозяина и въ то же время пристращается къ охотѣ и поискамъ.

Послѣ этого, собаку можно допустить къ стойкѣ. Стойка бываетъ чрезвычайно разнообразна и картинна: вблизи притаившейся дичи, собака, вытянувъ хвостъ и шею на одной линіи со спиною и устремивши взглядъ въ невидимый предметъ, остановилась и стоитъ какъ мертвая.

Давъ постоять надъ дичью минутъ пять, птицу спугиваютъ, а собаку отзываютъ.

Послѣ такого урока, собаку заставляютъ искать другую птицу, и когда она найдетъ и сдѣлаетъ стойку, то охотникъ кричитъ: «впередь!» (avance) и самъ готовится къ выстрѣлу. Въ это время на бичевку отъ парфорга слѣдуетъ наступить, для того, чтобы послѣ выстрѣла, собака не бросилась къ убитой дичи.

Стрѣлять нужно только тогда, когда охотникъ надѣется на вѣрность своего выстрѣла.

Послѣ удачнаго выстрѣла собакѣ говорятъ: «ищи!» (apporte) и заставляютъ отыскать убитую птицу. Посылать искать слѣдуетъ немного погодя послѣ выстрѣла, чтобы собака нѣсколько успокоилась послѣ впечатлѣнія, произведеннаго выстрѣломъ. Точно также, когда собака возвращается съ найденною птицею къ охотнику, то къ ней на встрѣчу никогда не слѣдуетъ выходить.

Во время заряжанія ружья, собака должна находиться у ногъ охотника, и послѣ выстрѣла, безъ приказанія хозяина, не смѣетъ выскакивать впередъ.

Стрѣльба въ лѣсу не представляетъ уже тѣхъ удобствъ какъ поле. Бываютъ случаи, что собака сдѣлаетъ стойку подичи возлѣ такого дерева или куста, гдѣ охотнику невозможно стрѣлять поднявшуюся птицу и онъ долженъ обходить ее, чтобы стать противъ собаки и принудить летѣть птицу въ противоположную сторону. Вслѣдствіе этого необходимо приучать ложиться собаку и не позволять ей вставать до тѣхъ поръ, покуда онъ не прикажетъ.

Вообще собака не всегда можетъ замѣтить, куда упадетъ дичь, въ особенности въ лѣсу, поэтому охотникъ, понуждая ее искать, не долженъ допускать никакой торопливости, такъ какъ отъ этого собака горячится и ищетъ птицу не столько

чутьемъ сколько глазомъ и вслѣдствіе этого пробѣгаетъ мимо убитой дичи.

Охотникъ, завидѣвши въ какое мѣсто упала убитая имъ птица, долженъ подвести къ нему собаку и приказать ей искать по слѣду.

Когда птица будетъ только подстрѣлена и побѣжить въ травѣ или въ кустахъ, то собакѣ не слѣдуетъ позволять ловить ее. Позволяя собакѣ продѣлывать подобныя вольности, значить ее портить, или иначе сказать, приучить ее гонять дичь.

Самая доступная охота съ лагавою собакою, это охота на вальдшнепа.

Лучшая пора для стрѣльбы этой птицы, конечно, весной, во время тяги.

Для того, чтобы приучить собаку къ охотѣ на тягѣ, вечеромъ отправляются въ лѣсъ. А для того чтобы собака не развлекалась, ее привязываютъ къ ягдташу и останавливаются на томъ мѣстѣ, гдѣ назначена стрѣльба. Какъ только появится вальдшнепъ, по немъ сейчасъ стрѣляютъ и въ то же время смотрятъ за собакой, чтобы она была спокойною, не трогалась съ мѣста и не смѣла, безъ приказанія своего хозяина, рваться послѣ выстрѣла впередъ. Послѣ удачнаго выстрѣла, охотникъ идетъ не торопясь въ ту сторону, въ которой упалъ вальдшнепъ, отвязываетъ собаку, и давши свободу, кричитъ ей: «apporte!» (ищи). И если птица не убита, а *она* только подстрѣлена, то собака должна такъ идти по слѣду, чтобы не сбиться съ него. Осторожность тѣмъ болѣе нужна, что подстрѣленный вальдшнепъ, иногда забирается въ такую глушь, что его нѣтъ никакой возможности найти.

Если же птица убита наповаль, и ушедшая собака отыскивать ее принесетъ къ охотнику и правильно подастъ, то не мѣшаетъ нисколько, хоть на первый разъ, собаку приласкать и приголубить.

Для того, чтобы въ памяти собаки глубже врѣзался этотъ случай, нужно поступить такъ: взять вальдшнепа, подавить брюшко, и вышедшимъ изъ него пометомъ намазать собакѣ носъ, и дать хорошенько обнюхать и оглядѣть убитую птицу.

Точно также поступать и въ послѣдующіе раза охоты. Въ концѣ же охоты, убитаго вальдшнепа оставляютъ на мѣстѣ и отойдя отъ него на небольшое разстояніе, посылаютъ за нимъ собаку, приказывая ей принести его. Такое упражненіе полезно для собаки.

Осенью и раннею весною хорошо стрѣлять вальдшнеповъ изъ подъ стойки собаки. Самое благопріятное время для такой охоты отъ утра и до полудни. Обыскавши кустарники и края луговъ, нужно пробираться въ крупный лѣсъ, ведя собаку противъ вѣтра. Неслѣдуетъ никогда забывать, что направленіе вѣтра, играетъ очень важную роль въ охотѣ съ молодою собакой.

Приучать собаку къ крѣпкой стойкѣ, нужно такъ: найдя сидящаго вальдшнепа въ травѣ или подъ кустомъ, необходимо убить его на землѣ, чтобы собакѣ не представлялось надобности подвигаться впередъ. Если же подобной стрѣльбѣ что-нибудь мѣшаетъ, то лучше птицу спугнуть, но не понуждать собаку къ подвиганью. Впослѣдствіи, когда собака окончательно натаскается, тогда можно дозволить ей подымать птицу, но на первыхъ порахъ этого дѣлать никакъ нельзя. Точно также нужно собаку приучать, чтобы она со стойки сходила не торопясь.

Такъ какъ куропатки очень крѣпко лежатъ въ лѣсной травѣ, то поэтому стараются, во время охоты на нихъ, приучить собаку дѣлать мертвую стойку, поступая такъ: собаку отзываютъ нѣсколько разъ тихимъ свистомъ или просто: «те!», и направляютъ ее въ противоположную сторону. Когда она будетъ хорошо исполнять эти отзывы, то ее слѣдуетъ подводить нѣсколько разъ къ выводку, позволять дѣлать стойку и убивши одну птицу приказать подать.

Въ росломъ, густомъ лѣсу, куропатки, какъ извѣстно любятъ бѣгать, и кромѣ того, что ихъ не особенно легко остановить, но и стрѣлять очень трудно. Поэтому собаку приучаютъ выгонять изъ лѣсной чащи, какъ можно осторожнѣе птицъ, на болѣе благопріятныя мѣста для стрѣльбы. Она, по слѣдамъ выводка, должна идти спокойно, не спѣша, и всегда находится передъ глазами своего хозяина. При каждомъ

подходѣ собаки къ дичи, ее нужно отзывать, дѣлать небольшую выдержку и затѣмъ продолжать шествіе. При отысканіи убитой птицы въ высокой травѣ, не бесполезно говорить: «cherche!» (ищи!).

Мелкихъ птичекъ никогда не слѣдуетъ стрѣлять, и въ особенности заставлятъ молодую собаку подавать ихъ. Если бы она сама даже бросилась искать ихъ, то ее необходимо отозвать.

Точно также нельзя позволять собакамъ гоняться за зайцемъ. Съ молодой собакой всегда слѣдуетъ отправляться на такое мѣсто, гдѣ непременно можно встрѣтить зайца. Найдя и вспугнувши его, охотникъ долженъ сейчасъ повернуть въ противоположную сторону отъ бѣгущаго зайца. И если собака вздумаетъ броситься въ догонку за удирающимъ зайцемъ, то ее слѣдуетъ удержать отъ такого порыва парфорсомъ. Словомъ ее нужно приучить, чтобы она спокойно стояла возлѣ своего хозяина, когда побѣжитъ заяць.

Въ заключеніе приведемъ описаніе дрессировки лягавой собаки, безъ парфорса, употребляемой г. Вестенрикомъ *).

Между прочимъ онъ говоритъ: «прежде всего я давалъ молодому щенку ясно, легко и коротко произносимую кличку. Затѣмъ начиналъ приучать молодую собаку къ *стойкѣ надъ кормомъ*, надъ кусочкомъ хлѣба и надъ всѣмъ съѣдобнымъ, даваемымъ ей въ теченіе дня. Этому искусству щенокъ обыкновенно обучается очень скоро, въ три-четыре дня. Но для того, чтобы наука тверже вѣзалась въ память, необходимы непрерывныя упражненія и повторенія; съ тѣхъ поръ щенокъ ничего не долженъ брать безъ стойки. Въ первое время придется щенка удерживать силою отъ прыжка на кормъ, приговаривая «*не тронь*», и только чрезъ секунду давать ему свободу со словомъ «*возьми!*» Каждый разъ послѣ того, какъ собака съѣстъ брошенное ей, надо ее подзвать къ себѣ свистомъ, приучая тѣмъ уже теперъ къ аппелю **). Если она слѣ-

*) Лягавая собака. Ф. Освальда.

***) Охота на дичь, доставляетъ только тогда настоящее удовольствіе, когда, какъ говорятъ охотники, собака *аппелиста*, т. е. когда она при всякихъ обстоятельствахъ и во всѣхъ положеніяхъ, встрѣчающихся на охотѣ,

лаеть свое дѣло хорошо, то слѣдуетъ ее погладить, говоря: «хорошо! хорошо!» въ противномъ же случаѣ можно ее въ наказаніе посадить на цѣпь, но никогда не бить ни рукою, ни чѣмъ либо твердымъ. Даже непродолжительное сидѣнье на цѣпи составляетъ для щенка уже вполнѣ чувствительное наказаніе. Для того, чтобы такого рода дрессировка шла успѣшно, положительно необходимо, чтобы хозяинъ собаки всегда самъ кормилъ ее, выводилъ на дворъ и вообще не отпускалъ бы ее съ глазъ. Иначе собака легко избалуетъся, и не будетъ считать обязанностью вести себя прилично внѣ дома. Когда собака приучится твердо стоять надъ кормомъ, можно, отсвистнувъ ее отъ корма, приказать лечь у своихъ ногъ, говоря: «лежать!» или «*couche!*» и помогая ей въ началѣ руками при исполненіи этого еще незнакомаго маневра. Продержавъ собаку въ лежачемъ положеніи минуты двѣ, надо отнять руки, и сдѣлать движеніе къ хлѣбу, показать рукою въ ту сторону, говоря «авансъ!» Къ корму собака должна подходить осторожно и медленно. Передъ самымъ кормомъ можно опять сдѣлать «лежать!» и только послѣ отчетливаго исполненія всего требуемаго, можно ей дозволить приступить къ уничтоженію корма, давъ на то разрѣшеніе словомъ «возьми!» и вмѣстѣ съ тѣмъ погладить ее за хорошее поведеніе. Для приученія къ аппелю надо съ самаго начала дрессировки пользоваться каждымъ случаемъ; такъ напримѣръ, во время стойки надъ кормомъ можно нѣсколько разъ отсвистывать къ себѣ собаку, а въ послѣдствіи отсвистыванье можно производить и во время самой ѣды, требуя при томъ быстрого и отчетливаго исполненія; вялое и неохотное послушаніе можно наказывать отниманіемъ корма на продолжительное время и сажаніемъ на цѣпь. Для вацшаго приученія собаки къ свисту, можно ее также присвистывать во время отдыха и сна, и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно предполагать, что собака неохотно послѣдуетъ призыву. Затѣмъ, я считалъ также полезнымъ приучать собаку уже въ комнатѣ къ пони-

---

немедленно оставляетъ все и безъ размышленія спѣшить къ охотнику, на его зовъ, свистъ, или другой условный знакъ.

манію значенія слова «*шци*» или «*cherche*». Для сего я незамѣтно для собаки пряталъ въ комнатѣ кусочки хлѣба (не на полу, а на высотѣ морды, чтобы развить верхочутье) и затѣмъ, вставъ посреди комнаты, и повторяя постоянно слово «*шци*», направлялъ ея поиски движеніемъ руки. Передъ отысканнымъ такимъ образомъ хлѣбомъ, продѣлывалось все прежде изученное, т. е. лежать, свистъ, лежать, авансъ, лежать, возьми, свистъ и т. д. Вотъ, собственно говоря, все самое существенное, чему каждая лягавая собака должна быть обучена, и что при нѣкоторомъ терпѣннн можно достигнуть вышеописаннымъ упрощеннымъ способомъ дрессировки. Во многихъ случаяхъ охотнику по неволѣ придется удовольствоваться такою дрессировкою; ибо служба, занятія, недостатокъ денежныхъ средствъ и подходящаго помѣщенія, и еще многое другое, часто представляютъ непреодолимые препятствія для правильнаго методическаго воспитанія своей собаки.

Ко всему вышесказанному, можно еще прибавить нѣкоторыя полезныя сноровки, облегчающія и дополняющія эту дрессировку. Такъ напримѣръ, выводить молодую собаку на прогулку я совѣтовалъ бы всегда на привязи, заставляя ее спокойно идти около своей лѣвой ноги. Эта привычка не только принесетъ пользу впоследствии на охотѣ, но предохранитъ собаку вообще отъ многихъ шалостей, присущихъ свободно рыскающимъ собакамъ, въ особенности въ городѣ. Но такъ какъ ради здоровья, молодой собацѣ необходимо порѣзвиться, то можно ее отъ времени до времени выводить въ поле, гдѣ и дать полную волю. Еще одна сноровка. Присвистывая къ себѣ собаку, никогда не слѣдуетъ ей идти на встрѣчу, но остановившись, ожидать ея прибытія, ибо привыкнувъ встрѣчать хозяина на полѣ-дорогѣ, собака никогда сразу не подойдетъ къ ногамъ его, если провинится и можетъ ожидать наказанія.

Кто желаетъ купить молодаго щенка, еще не совсѣмъ сформировавшагося, тотъ долженъ быть крайне остороженъ при подобной сдѣлкѣ. При покупкѣ щенка необходимо узнать происхожденіе его.

Самое лучшее, приобрѣтать щенка полугодовалаго, когда

уже можно замѣтить признаки хорошихъ качествъ и опредѣлить его достоинства пробую въ полѣ.

Точно также покупая дрессированную собаку, ее необходимо испытать не только въ полѣ, но и дома, чтобы убѣдиться въ томъ знаніи, какое присуще хорошей лягавой собакѣ.

Чтобы приучить къ новому хозяину купленную собаку, слѣдуетъ поступать такъ: по приводѣ въ домъ угостить ее хорошимъ кормомъ. Въ то время, когда она будетъ заниматься даннымъ ей блюдомъ, слѣдуетъ называть по имени и отзываться отъ ѣды. При непослушаніи, дернуть за бичевку, привязанную къ ошейнику. Потомъ подвести къ тому мѣсту, гдѣ помѣщаются принадлежности охоты и дать ихъ обнюхать. Затѣмъ надѣть на себя всю, такъ сказать, охотничью сбрую, взять ружье и показать видъ, что отправляешься на охоту. Наконецъ, заставить ее сѣсть, называть по имени, взять въ руки голову, глядѣть въ глаза, открыть пасть и плюнуть въ нее нѣсколько разъ. Небезполезно также давать кусочки хлѣба, продержанные нѣкоторое время подъ мышкою. Продѣлавши все это, взять ружье, пригласить съ собой собаку и погулять по двору или въ саду.

Сдѣлавши нѣсколько такихъ приемовъ, дня черезъ три-четыре можно смѣло отправиться съ купленною собакой на охоту.

Во время охоты никогда не слѣдуетъ злоупотреблять свистомъ, да и вообще безъ надобности не надо свистать собакѣ. Слыша частый свистъ, собака можетъ настолько къ нему привыкнуть, что впослѣдствіи не будетъ обращать на него никакого вниманія. Свистать надо не особенно громко.

Кромѣ уже извѣстныхъ приемовъ, собакой нужно управлять движеніемъ руки, кивкомъ головы и т. д. Такія движенія направляютъ собаку въ то мѣсто, куда охотникъ находитъ нужнымъ ее послать.

Никогда не слѣдуетъ молодую собаку допускать къ тому, чтобы она работала вмѣстѣ съ старыми собаками: это ее можетъ портить.

Небезполезнымъ считаемъ для любителей собакъ привести способъ выкармливанія щенка на рожкѣ.

«Въ первые дни по рожденіи щенка, говоритъ г. Ермолаевъ, какъ извѣстно, часто заболѣваютъ, а потому выкармливаніе щенка на рожкѣ требуетъ тщательнаго присмотра. Первое, щенку нужно устроить теплое гнѣздо въ плетушкѣ или ящикѣ, рожокъ завести стеклянный, а то просто стеклянный пузырь и три или четыре гуттаперчевыхъ соска. Послѣ кормленія сосокъ промывать и просушивать, чтобы не завелась кислота. Поить парнымъ молокомъ; въ сутки достаточно небольшого горшка въ $2\frac{1}{2}$ стакана. Перемена пищи болѣзненно дѣйствуетъ на щенка, вслѣдствіе чего является рвота, поносъ, и судорги. Постель щенка нужно переменять каждый день, держа ее сухою и обтирать щенка теплой водой, потому что отъ нечистотъ у щенятъ удивительно быстро разводятся вши, блохи и т. п. Сырости въ гнѣздѣ щенка никакъ допускать нельзя, иначе щенокъ начинаетъ подопрѣвать. Узнать присутствіе глистовъ у щенка не трудно по тугому животу и судорожному подергиванію конечностей; щенокъ часто чавкаетъ и трется мордой о плетушку. Судороги бываютъ впрочемъ и при прорѣзываніи зубовъ, что обусловливается приливами крови къ полости рта и мозгу. Если при прорѣзываніи зубовъ у щенка бываетъ поносъ, то поносъ не нужно останавливать.

Прорѣзываніе зубовъ узнать легко — стоитъ оцупать десны. Вообще первый и второй мѣсяцы щенокъ требуетъ особенно тщательнаго ухода. Кормить щенка слѣдуетъ тогда, когда онъ самъ заявитъ о голодѣ визгомъ и будетъ стараться вылѣзти изъ гнѣзда. Первый мѣсяцъ не мѣшаетъ дать щенку два или три раза по полторы чайныхъ ложки ревеннаго сироу. Когда щенокъ будетъ глядѣть и немного окрѣпнетъ, нужно отбучать его отъ рожка, налить молока въ блюдечко и держать блюдечко подъ мордой; щенокъ съ четвертаго раза обыкновенно уже самъ начинаетъ лавать.

Послѣ молока не нужно сразу давать грубую пищу, а постепенно приучать къ ней.

Прежде всего даютъ ему больону, потомъ прибавляютъ хлѣба и т. д. Отъ глистовъ щенку даютъ тоже самое, что и дѣтямъ, т. е. сантонинъ или цицварное сѣмя, но отнюдь не конопляное масло; говорю по опыту, потому что уморилъ

щенка коноплянымъ масломъ. На четвертомъ мѣсяцѣ можно давать овсянку, заваренную кипяткомъ. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что лучше кормить не заваренной овсянкой, а просто развести ее простой водой — и собаки лучше и экономія дровъ — но мнѣ кажется, что не все равно, подать ли щи, налитыя водой, но несваренныя, или хорошо сваренныя. Когда щенку пойдетъ шестой мѣсяцъ, щенокъ требуетъ тщательнаго ухода, питательной пищи и болѣе движенія. Въ это время у щенка начинаютъ выпадать молочные зубы и онъ самъ начинаетъ формироваться. Сыраго мяса давать неслѣдуетъ. Начиная съ шести мѣсячнаго возраста до полной возмужалости, щенка не худо мыть съ мыломъ разъ въ недѣлю.

Подобная выкормка и уходъ за однимъ щенкомъ не составить особаго труда для любителя собакъ. Возни много только въ первые три мѣсяца, но зато охотникъ можетъ быть увѣренъ, что получить хорошую собаку, съ хорошо развитыми костями и мускулами, и кромѣ того крайне къ нему привязанную.

Кромѣ того, что мы сказали одрессировкѣ лягавой собаки, совѣтуемъ начинающимъ охотникамъ держаться еще слѣдующихъ правилъ.

Собаку въ лѣтнюю пору лучше всего кормить молочной пищей, а зимой мясной. Остатки отъ обѣда или ужина, давать ни въ какомъ случаѣ не годится. Пропорцію корма нужно давать такую, чтобы собака все съѣдала.

Чашку, изъ которой собака ѣстъ, нужно мыть, чтобы она не окислялась. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дается пища, должна всегда стоять чистая вода.

Въ зимнее время, собаку необходимо выводить на прогулку, чтобы она пропinalась, иначе она будетъ сильно жирѣть. Ногти, которые у ней въ это время отрастаютъ, нужно обстригать, только крайне осторожно.

Во-время охоты, если собака очень устанетъ, ей непременно нужно дать немного отдохнуть, а если проголодалась и ослабѣла, то и покормить, для чего не мѣшаетъ брать съ собою, что нибудь изъ съѣднаго для собаки.

Собаку, возвратившуюся съ охоты, слѣдуетъ покормить, но спустя нѣсколько послѣ возврата.

Охотникъ никогда не долженъ строго наказывать собаку, въ особенности за отлучки съ поля, которыя происходятъ иногда отъ того, что собаку не отучаютъ отъ привычки при приближеніи къ дому, ни забѣгать впередъ своего хозяина.

Собаку, гонящую дичь, отучаютъ парфорсомъ и въ крайнемъ случаѣ выстрѣломъ и то съ величайшею осторожностію, чтобы не приучить ее къ боязни выстрѣла и не покалѣчить. Заряжать слѣдуетъ въ подобномъ случаѣ дунетомъ и выстрѣлъ производить по собагѣ, вовремя гона ею птицы, шагахъ въ сорока.

Если собака мнетъ дичь, такъ что кишки выползаютъ, то нужно отучать ее парфорсомъ, чтобы она не подавала убитую птицу. Усадивши собаку на мѣстѣ, охотникъ самъ подымаетъ птицу и владеть ей въ ротъ; если-же она вздумаетъ прихватить зубами птицу глубоко, то слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько ударовъ парфорсомъ, и полагаемъ, что это ее вразумитъ. Иначе очень трудно отучить собаку отъ этой привычки. Но всего труднѣе исправить ту собаку которая рветъ и съѣдаетъ дичь. Все это зависитъ отъ дрессировки, и потому мы советуемъ порочную собаку снова продрессировать.

Псовая собака.

Псовыхъ собакъ есть много разныхъ породъ; но чистыхъ, туземныхъ, гончихъ собакъ, между охотниками, въ Россіи признается только двѣ: первая польская, тяжелая — ружейная, и порода *паратая*, то есть быстро, «на всѣхъ духахъ», гонящая звѣря. Наилучшею признается порода такъ называемыхъ востромескихъ звѣрогоновъ, употребляемыхъ исключительно подъ борзыми. Всѣхъ же вообще породъ борзой собаки только три: русская, англійская и азіатская. Кромѣ того, азіатскія порода собакъ распадается еще на двѣ другихъ: *крымскую* (степную) и *горскую*.

«Главное отличіе русской, псовой собаки отъ англійской и азіатской состоитъ во-первыхъ; въ длинной шерсти, волнистой, части кудрявой и пушистой, которая напоминаетъ ангор-

скую козу и ясно показываетъ, что псовая собака рождена для странъ сѣверныхъ. Второе отличіе ея заключается въ томъ, что у нея уши не торчатъ по бокамъ головы, какъ у дурной породы англійскихъ, полугорскихъ и разныхъ смѣшанныхъ собакъ и не лежатъ на затылкѣ концами врозь, какъ у хорошей породы англійской собаки, но сложены концами вмѣстѣ, вслѣдствіе того, что голова у псовой собаки очень узка и во лбу, и въ щекахъ, тогда какъ у англійской лобъ крутъ, голова широка и кругла и переносье съ порогомъ отъ лба; у азіатской собаки уши висятъ. Узкій лобъ, соединенныя на затылкѣ уши и шерсть составляютъ главныя наружныя отличія псовой собаки; въ конструкціи всего корпуса разница между псовою и другими борзыми собаками невелика. Мышцы ея развиты много меньше, нежели у англійской собаки, какъ на спинѣ, такъ и на заднихъ и на переднихъ лопаткахъ; они даже меньше замѣтны, нежели у азіатской собаки; но не отличаясь выпуклостью, круглотою, мышцы ея очень длинны. Ногти у псовыхъ собакъ гораздо крѣпче, нежели у англійскихъ, короче и поставлены выше; кромѣ того пальцы и ногти одѣты густою шерстью. Англійская собака, на нашемъ грунтѣ земли очень часто срываетъ ногти и сдираетъ кожу на пальцахъ и цѣвкахъ; псовая же очень рѣдко, не смотря на быстроту своей скачки. Складъ псовой собаки не такъ округленъ, какъ у англійской, вслѣдствіе чего псовая собака, также какъ и азіатская, никогда такъ не отъѣдается и спина ея, по техническому выраженію охотниковъ, остается всегда «пирогомъ». Шея короче, нежели у англійской собаки и меньше поднята къ верху; ноги заднія не столько «пучковаты», т. е. меньше согнуты, прямѣе нежели у всѣхъ остальныхъ борзыхъ. Ребра также глубоки, но меньше «бочковаты», т. е. не такъ выпуклы; грудь тоже, нѣсколько уже, т. е. псовая собака вся, начиная со лба уже, шире англійской; только заднія ноги ея также широко поставлены; притомъ псовая собака нѣсколько короче, спина ея круче и наклону напередъ у нея больше.

Шерсть псовой собаки бѣлая, сѣрая, синеватая, сѣро-пѣгая, желтая съ черными полосами, съ сѣрыми «подпалинами».

Псовая собака раздѣляется на *чисто псовую* и *чисто псовую*. У первой шерсть длинная по всему тѣлу, за исключеніемъ *шлица* *), и нерѣдко бываетъ вся въ завиткахъ. У послѣдней же длинная, висячая шерсть только на привалѣ **), на ногахъ, по бокамъ шеи и на краяхъ гачей.

Идеаломъ псовыхъ собакъ могутъ служить: «Сарванъ» и «Милотка», принадлежавшія *старому охотнику* ***). Между прочимъ, онъ говоритъ: «въ тридцатыхъ годахъ былъ у моего брата бѣлый кобель *Сарванъ* и бѣлая же сестра его *Милотка*. Ростомъ *Сарванъ* былъ 17-ти вершковъ, *Милотка* была средняго роста, съ небольшимъ верхомъ; шерсть у обѣихъ бѣлая, шелковистая, волнистая, мѣстами съ завитками; *глаза* большіе, темнобаріе, ласковые, *лапы* — въ комкѣ, съ длинными пальцами, короче; уши лежали *всегда* концами вмѣстѣ на затылкѣ и даже скрещивались, когда собакъ брали на свору; лобъ продолговатый, узкій и едва замѣтнымъ уступомъ сходилъ на переносицу, образуя граціозный профиль греческихъ античныхъ статуй; *шлицъ* до того сухой, что ясно были видны формы и направленіе костей и главныя вены, и къ носу нѣсколько наклоненный внизу, безъ чего шипецъ походилъ бы на лисій или волчій. *Шея*, сравнительно съ англійскими собаками, была не длинная и поднималась отъ лопатокъ вверхъ не такъ прямо, что было у всѣхъ породистыхъ новыхъ тогдашняго времени. «Зарѣзъ» (какъ у лошадей на затылкѣ) меньше, чѣмъ у англійскихъ. *Спина* — съ крутымъ верхомъ, съ пильными почками, но не такая широкая и полная какъ у англійскихъ собакъ и всегда «пирсогомъ», т. е. съ замѣтными позвонками, не смотря на густую и длинную шерсть. *Ребра* отнюдь не бочковатыя, какъ у англійскихъ и нѣкоторыхъ горскихъ собакъ, но очень длинныя, пониже локотковъ и съ большимъ разстояніемъ одно отъ другаго, что, при короткости собаки, почти уничтожало пахи; достаточное же разстояніе между ребрами, какъ у собаки такъ и у ло-

*) Морда псовой собаки.

**) Хвостъ.

***) Журналъ «Природа и Охота».

шади даетъ животному возможность сильно сгибаться и разгибаться на скаку. *Задъ* широкій и нѣсколько свислый, что способствуетъ заносить дальше подъ себя заднія ноги; прямой крестецъ — плохая рекомендація для скаковой лошади и борзой собаки. *Ноги*, особенно заднія, *Сарвакъ* держалъ всегда, такъ сказать, подъ собою, а не за собою сзади; также держатъ ихъ олени, дикія козы, зайцы. Заднія ноги нѣсколько изогнуты, не совсѣмъ прямыя, отчего онѣ длиннѣе, такъ какъ изогнутая линія длиннѣе прямой; до «пучковатыхъ» ногъ еще далеко; съ прямыми задними ногами рѣдко хорошо скачутъ и лошади и собаки. *Мышцы* (черныя мяса) на заднихъ ногахъ и плечахъ были длинны, но не выпуклы; у англійскихъ собакъ, напротивъ, они коротки и очень выпуклы; первое даетъ быстроту, второе — способность продолжительной скачки, что замѣчается и у англійскихъ скаковыхъ лошадей. *Грудь* не широкая, не шире ладони — такъ же какъ у волка и дикой козы, и если нѣкоторые охотники ищутъ у борзыхъ широкой груди и выпуклыхъ мускуловъ, то очень ошибаются. *Хвостъ* (правило) былъ не серпомъ, но саблей, что, конечно, много граціознѣе, и не длинный, какъ у многихъ сырыхъ собакъ, но не доходилъ до земли вершка на два по крайней мѣрѣ»....

Высворка псовой собаки.

Высворкой называется приученіе собаки ходить на сворѣ и быть вѣжливой.

Для высворки необходимо имѣть двѣ вещи: ошейникъ и свору; ошейникъ долженъ быть изъ широкаго кожанаго ремня, съ тонкой внутренней подкладкой. Свора, т. е. веревка которою охотникъ держитъ псовыхъ собакъ. Она готовится изъ пеньки, сыромятнаго ремня, волна и другихъ матеріаловъ. Лучшею считается англійская свора. Своры должны быть длинныя, чтобы возможно было надѣвать на плечо.

Приучать собаку къ ошейнику нужно щенкомъ. Когда онъ къ нему привыкнетъ и подростетъ, то взявши за ошейничное колечко, щенка слѣдуетъ брать съ собой на прогулку.

Послѣ этого приучаютъ къ сворѣ, сначала пѣшкомъ, а потомъ верхомъ на лошади.

Въ началѣ начинаютъ ѣздить шагомъ и приучаютъ собаку къ тому, чтобы она не забѣгала впередъ, а шла наравнѣ съ лошадыю. Потомъ ѣздятъ рысью, въ началѣ тихой, а подь конецъ самой быстрой. Затѣмъ скачутъ въ галопъ, требуя и отъ собаки того же. Но при этомъ нужно крѣпко держаться въ сѣдлѣ, чтобы собака не могла стащить охотника съ сѣдла, ни взадъ ни впередъ. Вообще охотникъ долженъ быть отличнымъ ѣздокомъ.

Высворка псовой собаки производится не вездѣ одинаково. Это зависитъ преимущественно отъ мѣстныхъ условій; на-примѣръ: для степной охоты, гдѣ звѣрю негдѣ укрыться, и гдѣ большею частію охотятся въ наѣздъ, и на хлопки, тамъ, пожалуй, и не нужна полная, совершенная высворка собаки. Совсѣмъ другое дѣло въ мѣстностяхъ неровныхъ, лѣсныхъ: тамъ собака должна быть доведена до крайней покорности и видаться на звѣря только по приказанію своего хозяина.

Есть такіе охотники-артисты, что выдержку собакъ доводятъ до невѣроятности и изумленія... Мы знали одного такого артиста. Онъ былъ ловчимъ у русскаго барина, страстнаго любителя псовой охоты. Ловчаго звали Θεопеномъ*).

Пріѣхалъ однажды баринъ съ гостями въ свое помѣстье, чтобы поохотиться... Закусивши и отдохнувши, какъ слѣдуетъ, баринъ пригласилъ своихъ гостей осмотрѣть царный дворъ, находившійся на бугрѣ, омываемый съ трехъ сторонъ рѣчкою.

— Гдѣ Θεопень? спросилъ баринъ у выжлятника, попавшагося на встрѣчу.

— Ушелъ въ проводку.

— Вотъ-те разъ! пріѣхали, а смотрѣть не на-что. Θεопень-то стаю увелъ. Да скоро-ли онъ вернется?

— Запарка готова, отвѣчалъ Пашка. Сейчасъ станемъ кормить.

---

*) Заимствуемъ съ небольшимъ измѣненіемъ изъ рассказовъ г. Дрянскаго.

Отъ бездѣля гости занялись разсматриваніемъ мѣстности; направо поле высокимъ гребнемъ тянулось надъ рѣкой вдали, а налѣво, въ верстѣ отъ псарни, шумѣла красивая ольховая роща.

— А вотъ и онъ, сказалъ баринъ, указывая по направленію къ рощѣ.

И то они! Теопень незамѣтно подошелъ берегомъ рѣки къ мостику. Подъ мышкой онъ держалъ арапникъ, а за спиной у него висѣлъ большой длинный рогъ.

— Это онъ. Да гдѣ же стая? спросили гости.

— Вѣрно бросилъ гдѣнибудь въ полѣ, отвѣчалъ баринъ. Теопень подошелъ и снялъ шапку.

— Гдѣ же твоя стая? спросилъ баринъ.

— Да вонъ.... шишгинскихъ гусей стережетъ. Давай сухари, прибавилъ онъ обратясь къ Пашкѣ.

Баринъ и гости въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга. Да и было отчего разинуть ротъ любому охотнику: ловчій уводитъ несомненную стаю, за версту, за двѣ, т. е. туда, откуда слышенъ рогъ въ лѣсъ, въ полѣ, въ луга, гдѣ ходятъ гуси, пасутся овцы, мычатъ телята; крикнетъ онъ собакамъ:— стай-сь! и стая сжучилась, сжалась, усѣлась и глядитъ поднявши головы, какъ понюхивая табачокъ; ея пестунъ бредетъ одинъ до дому, и когда-то ему вздумается позвать въ рогъ своихъ послушныхъ дѣтокъ?.. Сидятъ собаки, не шевелятся, ждуть, а вокругъ нихъ столько жирныхъ лакомыхъ блюдъ!.. Тамъ гусыня гогочетъ къ стаду, тутъ мычитъ теленокъ... Да! спросите у любого ловчаго о подобной продѣлкѣ и онъ станетъ клясться, божиться, что тутъ дѣйствуетъ не человѣчья, а нечистая сила, а между тѣмъ у ловчаго Теопена это дѣло будничное, урядовое....

Пашка принесъ полумѣрокъ сухарей; Теопень разсыпалъ ихъ по корыту и размѣшалъ лопаткой, потомъ вынулъ рогъ черезъ плечо и далъ *позовъ*. Съ этимъ звукомъ роща огласилась визгомъ и стая безъ смычковъ помчалась къ мосту.

Собаки скоро очутились на бугрѣ и оцѣпили въ два ряда вокругъ корыта, въ такомъ отъ него разстояніи, что можно было между ними и корытомъ проѣхать на телѣѣ. Теопень

снова взбуровилъ овсянку лопаткой, стукнулъ о край и крикнулъ: «дбурць!» Собаки живо видаются въ корыту и принялись локать.

— Ну, Θεопень, ты колдунъ! сказалаь одинъ изъ гостей.

— Чѣмъ это, ваше сіятельство?

— Да какъ же? кому-жъ придется въ голову кинуть въ чужомъ поселкѣ, заглазно, разомнутую стаю! долго-ли до грѣха?

— М-м... ничево-съ... они привычны..., стой! крикнулъ Θεопень собакамъ.

Собаки тѣмъ же порядкомъ отскочили отъ корыта и выровнялись. Θεопень снова размѣшалъ овсянку.

— Дбурць!... пиръ начался снова.»

Вотъ такъ выдержка! Вотъ такъ ловчій!

«Ловчихъ есть два, пожалуй даже три рода: можетъ быть кто нибудь отыщеть ихъ и больше, да о тѣхъ говорить не стоитъ, потому-что они люди такого сорта, для которыхъ все равно, быть-ли ловчимъ или каменщикомъ, плотникомъ, сапожникомъ, однимъ словомъ, быть тѣмъ, чѣмъ быть *приказано*; слѣдовательно, каждый изъ нихъ попадь въ ловчіе только потому, что ему не пришлось быть ни пастухомъ, ни дворникомъ. Но ловчій по природѣ, по призванію, по *охотѣ*, это другое дѣло, и дѣло новое, невообразимое для тѣхъ, кто не испытывалъ на себѣ и не видывалъ изъ примѣра, на что бываетъ способенъ человѣкъ и что можетъ сдѣлать онъ по увлеченію, по страсти, по *охотѣ*. Ловчій по призванію, это абрекъ, сорви-голова, жизнь-копѣйка! человѣкъ на диво другимъ, человѣкъ по волѣ, по охотѣ обрешій себя на трудъ, на рискъ, на испытаніе, на истязаніе. — По натурѣ своей онъ долженъ быть не ровня другимъ людямъ: это натура особнякъ, это двужильный, желѣзный человѣкъ!

Говоря объ артистѣ, не худо имѣть нѣкоторое понятіе и объ инструментѣ, на которомъ онъ играетъ, и потому скажемъ кое-что и о томъ орудіи или инструментѣ, посредствомъ котораго ловчій приобрѣтаетъ себѣ или громкую извѣстность и славу (конечно между охотниками), или совершенное безславіе.

Изъ всѣхъ собахъ, которыя, по своей породѣ и свойствамъ принадлежатъ къ различнымъ родамъ охоты, едва-ли отыщется хоть одна, которой-бы суждено было терпѣть такую скорбную участь, какой обречена наша русская такъ называемая стайная порода — гончая собака. По самой уже природѣ она предназначена къ постоянно-тщетному доискиванію чего-то вѣчно убѣгающаго отъ нея, о близости котораго доносить ей тонкое чутье; она тянется изо всѣхъ жилъ; работаетъ до истощенія послѣднихъ силъ, носится, ищетъ, гамить, хлопочетъ и все это для доставленія потѣхи другимъ, сама же не можетъ и не смѣетъ достронуться до предмета своихъ вѣчныхъ поисковъ и чуть она отрыскала, увлеклась дальше своего предѣла, какъ уже крикъ выжлятника и грозная рука съ арапникомъ встрѣчаютъ и провожаютъ ее къ новымъ поискамъ, гоньбѣ и тревогѣ. И за всю эту усердную службу въ награду — скудная запарка, всегдашній внугъ и вѣчное заключеніе въ тѣсную заутку въ обществѣ неуживчивыхъ и задорныхъ товарищей, среди удушающихъ міазмовъ, грызни, блохъ, болѣзней подъ тяжкимъ гнетомъ неволи, уворачивающей и безъ того ея недолгой вѣкъ.

За что-же эта необходимѣйшая и самая дорогая собака въ охотѣ, эта рьяная, самоотверженная, добыточная труженица и вѣрнѣйшая помощница охотнику, доставляющая ему одно изъ наилучшихъ для него удовольствій, оставлена имъ въ такомъ черномъ тѣлѣ и не выходитъ ни на шагъ изъ-подъ тираніи своихъ грозныхъ надсмотрщиковъ и стражей, въ то время, какъ сухопарая борзая и вислоухая, лягавая пользуются такимъ почетомъ и ласкою своего господина, ѣдятъ съ одной съ нимъ тарелки, спятъ на мягкихъ диванахъ и пользуются всѣми благами довольствъ и свободы? а за-то, что ни одна изъ охотничьихъ собакъ не обладаетъ такимъ количествомъ звѣрскихъ инстинктовъ, сколькими надѣлена гончая собака, преимущественно звѣрогонъ; его жадность, зоркость и злоба, безъ постоянного вниманія и строгаго за нимъ досмотра, ведутъ его прямо къ звѣровой одичалости, къ «набаловѣѣ», т.-е., онъ изъ звѣрогона дѣлается «скотинникомъ» и можетъ разомъ испортить всю стаю, отъ

того то выдержка стаи гончих такъ трудна и требуетъ большаго терпѣнья, умѣнья и мастерства.

Натравливаніе. Приступаютъ къ натравливанію собакъ только тогда, когда онѣ хорошо выворены и не ранѣе, какъ по истеченіи восемнадцати мѣсяцевъ кобелямъ и двѣнадцати сукамъ.

Сразу цѣлую свору никогда не натравливаютъ, а всегда по одной собакѣ. Точно также никогда не пускаютъ на натравленіе вмѣстѣ съ молодыми старыхъ, избалованныхъ собакъ. Въ одиночку натравленные борзья работаютъ въ сворѣ лучше.

Борзыхъ собакъ раздѣляютъ на *волкодавовъ* и на *русачниковъ*. Въ рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, бывають такія собаки, которыя бы хорошо угоняли зайца и брали волка и лисицу.

Легче всего натравливать собаку на зайца. На бѣднаго зайку каждая идетъ охотно и бросается жадно. Какихъ нибудь въ пять-шесть полей собака положительно изучаетъ всѣ его хитрости и уловки.

Во время натравливанія собаки на зайца, надо внимательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы она не рвала его, а била грудью. Когда же собака наброетъ зайца, то надо сказать къ ней и кричать: «атрыть, атрыть!» (брось). Отнявши зайца, слѣдуетъ русака *оттозопчить*, т. е. отрѣзать заднія лапки и отдать ихъ собакѣ.

Вся суть въ притравливаніи заключается въ томъ, чтобы пріучить собаку нападать на звѣря смѣло, т. е. чтобы она схватилась съ звѣремъ, поднялась на дыбы, сцѣпилась зѣвъ въ зѣвъ, расперлась, стала бы съ нимъ какъ вкопанная, и тѣмъ дала бы возможность подскакать охотнику и вонзить винжалъ въ звѣря.

Борзыхъ и гончих притравливаютъ преимущественно къ красному и хищнымъ звѣрямъ. Притравливаніе бываетъ двухъ родовъ: искусственное и естественное.

Искусственное притравливаніе. Для этой цѣли берутъ волка, нѣсколько прирученнаго, соструниваютъ, и привязаннаго ведутъ въ открытое поле. Придя на назначенное мѣсто, волка начинаютъ тащить за заднія ноги такъ, чтобы молодымъ со-

бакамъ оставалась возможность хватать его только за горло. Послѣ каждаго притравливанія собаекъ отбиваютъ отъ волка. Когда же притравливаемые собаки дойдутъ до того, что смѣло станутъ бросаться на волка, тогда его разструниваютъ пускаютъ собаекъ уже на свободнаго волка.

Естественное притравливаніе. Дѣлается это такъ. Вмѣстѣ съ гончими собаками берутъ борзыхъ, такъ называемыхъ волкодавовъ, и отправляются въ поле. Когда гончими волкъ будетъ выгнанъ изъ острова и отбѣжитъ отъ него на порядочную дистанцію, тогда пускаютъ волкодава и лишь только онъ вѣдѣнится въ волка, какъ подтѣзжаютъ съ молодыми собаками, напускаютъ на звѣря и даютъ имъ полную свободу тѣшиться до тѣхъ поръ, покуда онѣ не вопьются въ волчью глотку. Какъ только это замѣтится, то сейчасъ же волка прикалываютъ и таскаютъ его въ разныя стороны. Послѣ такой операціи, собаекъ, конечно, слѣдуетъ приласкать. На первыхъ порахъ нужно молодыхъ собаекъ подпускать въ тотъ моментъ къ волку, когда имъ легко можно справиться съ нимъ. Послѣ притравливанія къ волку, уже легко будетъ притравить и къ другимъ звѣрямъ.

Какъ гончихъ такъ и борзыхъ собаекъ притравливаютъ одинаково. Разница заключается только въ томъ, чтобы гончихъ наведя на слѣдъ звѣря, не отходить отъ нихъ въ то время, когда старыя гончія расправляются съ звѣремъ.

Вообще же притравить гончихъ собаекъ несравненно легче, чѣмъ борзыхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что каждому истинному охотнику, желающему имѣть хорошихъ псовыхъ собаекъ, нужно поступать такъ: какъ только сойдетъ вешняя вода, и заиграетъ въ полужу листъ на молодыхъ березкахъ, то сѣдлатъ коня. За недѣлю до выхода подвалить погодковъ выжлять къ стаѣ, дать имъ обнюхаться, обсидѣться и отправиться въ поле. Повести подальше старую, умѣлую стаю, перемѣнувши ее съ молодыми и стать въ бору недѣльки на двѣ, а то и на мѣсяцъ. И изо дня въ день, утреннею и вечернею зарею, гамить, трубить и скакать по лѣсу...

И, вотъ, *молодыя* узнали слѣдъ, идутъ *въ доборъ*, не гонятъ *по зрячему*, стали *тверды тропъ*, перестали *скалываться*, узнали

позовъ, затвердили голосъ своего хозяина, привыкли къ стойкѣ, однимъ словомъ, охотникъ подровнялъ стаю, и самъ узналъ голоса, изучилъ помычку, изслѣдилъ характеръ гоньбы каждаго новобранца... Усталому и измученному придется возвратиться домой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Болезни собакъ.

Первое условіе при болѣзни собакъ. — Бѣшенство. — Чума. — Падучая болѣзнь. — Воспаленіе въ легкихъ. — Воспаленіе желудка. — Глисты. — Зобъ. — Параличъ. — Кашель. — Нарывы. — Течь. — Ушибы. — Чесотка. — Глазныя болѣзни. — Наросты. — Паразиты. — Ярвеніе. — Вывихи. — Бородавки. — Раны. — Поносъ кровавый. — Саль. — Тугой слухъ. — Падагра. — Жаба — и проч.

Для меня, говоритъ охотникъ, собака дороже денегъ... При такомъ взглядѣ на собаку, за ней, конечно, долженъ бы быть и хорошій надзоръ; но, къ сожалѣнію, послѣдняго-то и нѣтъ. Въ этомъ то кажется и кроется главная причина заболѣванія собакъ. Разумѣется, что и хорошій присмотръ и правильное воспитаніе не исцѣлятъ собаку отъ болѣзни, но во всякомъ случаѣ предохранять ее.

Мы постараемся дать въ этой главѣ тѣ средства противъ болѣзней, которыя признаны лучшими.

При самомъ началѣ болѣзни, собакѣ нужно давать слабительное — касторовое масло или англійскую соль. Щенкамъ вливать по-полъ ложкѣ, а большимъ по цѣлой, и всегда смѣшанное съ небольшимъ количествомъ воды.

«При осмотрѣ больной собаки слѣдуетъ соблюдать всегда большую осторожность; замѣтивъ по взгляду и движеніямъ ненормальное состояніе собаки, нужно внимательно осмотрѣть все ея тѣло снаружи и затѣмъ прослѣдить, правильно ли совершаются различныя отправленія организма; изслѣдуя пораженные болѣзнью органы, слѣдуетъ обращать вниманіе и на общее разстройство во всѣхъ отправленіяхъ.

Давать собакѣ лекарство удобнѣе въ пилюляхъ, но можно и въ порошокѣ. Чтобы приготовить пилюли, — нужно предписываемыя средства смѣшать съ соотвѣтствующимъ количествомъ камеди или несоленого масла, раздѣлить все это на равныя части и придать имъ форму шариковъ, немного закатать въ мукѣ или порошокѣ изъ солодкового корня. Чтобы давать лекарство въ порошокѣ, — слѣдуетъ сдѣлать изъ жести или картонной бумаги небольшой совокъ, который могъ-бы свободно проходить въ ротъ собаки. Открывъ собакѣ ротъ, нужно стараться просунуть пилюлю или ссыпать съ совка порошокъ какъ можно дальше въ пасть, потомъ зажать ротъ, который въ такомъ положеніи должно оставлять до тѣхъ поръ, пока собака лекарство не проглотитъ. Давая больной собакѣ лекарство, охотникъ непременно долженъ быть всегда въ крѣпкихъ и очень толстыхъ замшевыхъ перчаткахъ; это предохраняетъ его отъ царапинъ, могущихъ получиться на рукахъ вслѣдствіе прикосновенія къ зубамъ собаки, что иногда вредно вліяетъ на здоровье человѣка».

Бѣшенство или **водобоязнь** составляетъ одну изъ самыхъ опасныхъ болѣзней. Въ это время нужно быть крайне осторожнымъ. Ядъ бѣшенныхъ животныхъ сохраняетъ свою силу чрезвычайно долго.

Признаки этой болѣзни слѣдующіе: 1) Ранѣе всего у собакъ замѣчается страшная раздражительность, наклонность къ злости, сильное оживленіе или необыкновенное уныніе, смотря потому, какой родъ бѣшенства образуется. 2) Проявляется особенное безпокойство, тоска, вслѣдствіе чего собака начинаетъ бѣгать изъ стороны въ сторону, что выражаетъ ея тоску. 3) Позывъ къ ѣдѣ исчезаетъ, но между тѣмъ собака глотаетъ и грызетъ вещи, въ пищу неупотребляемыя — дерево, кожу, землю и т. п. и быстро спадаетъ съ тѣла. 4) Болѣзнь сопровождается завалами и рвотою. 5) Появляется желаніе кусать, причемъ бѣшенная собака схватываетъ людей, животныхъ, неодушевленные предметы, терзаетъ даже собственное тѣло. Поэтому не слѣдуетъ пропускать безъ вниманія, если собака укуситъ какое-либо животное, съ которымъ до того времени всегда жила въ дружбѣ.

Самый главный признакъ, замѣчаемый всегда у всѣхъ бѣшеныхъ собакъ, есть особеннаго рода измѣненіе въ голосѣ, который въ это время дѣлается хриплымъ, неприятнымъ и въ которомъ звучитъ какъ-будто тонъ боязни; лай такой собаки всегда отличается отъ лая здоровой и состоитъ не изъ отдѣльныхъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ звуковъ, но переходитъ въ короткій, такъ что его нельзя принять ни за лай, ни за вой, а за что-то среднее между тѣмъ и другимъ.

Болѣзнь развивается не всегда одинаково, но обыкновенно, спустя пять — шесть дней послѣ ея появленія, собака издыхаетъ.

Если въ собакѣ замѣчаются признаки бѣшенства, ее достаточно продержатъ на привязи двѣ недѣли; собаку же, укушенную бѣшеной, слѣдуетъ держать на привязи непрерывно шесть недѣль, и даже болѣе.

Средствъ для уничтоженія бѣшенства не существуетъ, въ виду этого, каждую бѣшеную собаку, тотчасъ же по появленіи въ ней этой болѣзни, слѣдуетъ непрерывно убить и трупъ ея зарыть какъ можно глубже.

Чума. Признаки этой болѣзни слѣдующіе: собака дѣлается скучною, теряетъ аппетитъ, забнетъ, часто кашляетъ, глаза у нея гноятся, изъ носа у ней вытекаетъ иногда густая матерія. Иногда болѣзнь сопровождается рвотой, иногда поносомъ, нерѣдко и конвульсіями. Собака быстро спадаетъ съ тѣла, слабѣетъ ногами, особенно задними; задъ нерѣдко отнимается совсѣмъ; это пораженіе зада называютъ шатомъ. Шать трудно вылечивается и если собака и выздоравливаетъ, то подергиваніе все-таки, большею частью, остается у ней на всю жизнь.

Чума бываетъ почти у каждой собаки, но припадки ея различны; у одной они бываютъ сильны и нерѣдко смертельны, у другой слабѣе, а у нѣкоторыхъ едва замѣтны. При самомъ началѣ чумы слѣдуетъ продернуть собакѣ между ушей заволочку; для заволочки употребляется сплетеная изъ волосъ тесемка въ $\frac{1}{8}$ вершка, и длиною вершковъ въ шесть; тесемка эта смазывается шпанскою мухою, вдѣвается въ заволочную иглу и продергивается подъ кожу собаки между ушей; для этого кожа приподнимается такъ, чтобы продѣвая заволочку

не задѣть самой шеи собаки; на концахъ тесемки прикрѣпляются палочки, мѣшающія ей выскочить. Заволока держится 10—12 дней, каждый день продергивается раза два и смазывается при этомъ скипидаромъ; это уменьшаетъ въ головѣ жаръ и приливъ крови, оттягиваетъ вытекающую изъ носа матерію, иногда вредно вліяющую на чутье собаки. При сильномъ кашлѣ, даютъ по столовой ложкѣ (большимъ, а маленькимъ по половинѣ) поваренной соли въ порошокъ, что производитъ рвоту, во время которой выскакиваетъ иногда густая матерія въ родѣ яичнаго желтка; когда нѣтъ сильнаго кашля, то соль замѣняютъ ложкой кастороваго масла. Давать это лекарство можно черезъ день.

Чума у собакъ (подобно мыту у лошадей) причисляется къ болѣзнямъ свойственнымъ извѣстному возрасту, поражающимъ ихъ преимущественно во время перемѣны зубовъ, т. е. въ первый годъ ихъ жизни; позже этого возраста она случается у нихъ рѣже.

Чума въ началѣ своемъ характеризуется общими признаками нездоровья: невеселымъ расположеніемъ собаки, частымъ чиханьемъ, уменьшеннымъ аппетитомъ, запоромъ на низъ, иногда лихорадочными симптомами (при усиленной степени болѣзни), т. е. ознобомъ, горячимъ и сухимъ потомъ, учащеннымъ пульсомъ (пульсъ у собаки изслѣдуется на внутренней поверхности ляжки близъ скакательнаго сустава, ударяетъ въ минуту отъ 75 до 85 разъ), краснотою внутренней оболочки вѣкъ, слюнотеченіемъ, позже истеченіемъ изъ глазъ и носа слизи.

Въ умѣренной степени чума, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, ограничивается объясненными выше припадками и черезъ пять, семь дней оканчивается выздоровленіемъ субъекта. При дальнѣйшемъ же распространеніи болѣзни, у собаки обнаруживаются признаки болѣе опредѣленнаго пораженія какой нибудь части тѣла; такимъ образомъ, если болѣзнь поражаетъ дыхательные пути (гортань, дыхательное горло и легкія), то является кашель — вначалѣ рѣдкій — въ видѣ перхоты, — позже частый, глубокій (съ напряженіемъ) и мокротный, сопровождающійся даже рвотою. При этомъ

замѣчается затрудненное дыханіе, трудное глотаніе, обильное истеченіе изъ ноздрей прозрачной, жидкой слизи, обращающейся черезъ два, три дня въ густую, гнойную жидкость, заклеивающую носовыя отверстія (почему собака сопить), отчего глаза загнаиваются; на одномъ или обоихъ глазныхъ яблокахъ являются прыщи, превращающіеся въ глубокія язвы; животное болѣе стоитъ или сидитъ на заднихъ лапахъ и ложится только при изнеможеніи и замѣтно худѣетъ

При наступленіи выздоровленія въ этомъ періодѣ болѣзни, всѣ означенные припадки и лихорадочные симптомы постепенно ослабѣваютъ; кашель слышится рѣже, дыханіе совершается свободнѣе, изъ носа и глазъ уменьшается слизи-отдѣленіе, животное дѣлается бодрѣе, веселѣе, охотнѣе ложится, принимается за кормъ и наконецъ совершенно выздоравливаетъ.

При ухудшеніи болѣзни — лихорадочное состояніе усиливается, пульсъ ударяетъ въ минуту 120—150 разъ; изъ ноздрей выфыркивается гнойная, зеленоватая слизь, — по временамъ совершенно заклеивая ноздри. Подъ конецъ является изнурительный поносъ, слабость зада, крайнее истощеніе, и затѣмъ уже наступаетъ смерть.

При пораженіи пищеварительныхъ органовъ, — желудка, кишекъ и печени, предвѣстникомъ этой формы болѣзни бываетъ повторительная рвота; вслѣдъ за кратковременнымъ запоромъ, открывається поносъ. Собака, вскорѣ по заболѣваніи, теряетъ аппетитъ, причѣмъ у ней замѣчается желтизна глазъ и внутренней оболочки вѣкъ, — вздутіе живота и боль, вызываемая при давленіи на него рукою. Слабость и общее истощеніе наступаетъ быстрѣе, чѣмъ при предъидущей формѣ болѣзни, является слабость и даже параличъ зада, первые припадки и затѣмъ, при ухудшеніи болѣзни, смерть. Выздоровленіе при этой формѣ болѣзни бываетъ рѣже при наступленіи лихорадочныхъ припадковъ, прекращеніи рвоты и поноса, возстановленіи аппетита и силъ животнаго. Эта форма болѣзни иногда соединяется съ предъидущею (при болѣе распространенномъ катаррѣ) при выраженіи припадковъ страданія грудныхъ и брюшныхъ органовъ.

Нервные припадки, присоединяющіеся къ той и другой формѣ болѣзни, состоятъ въ судорожномъ подергиваніи отдѣльных частей тѣла: вѣкъ, глазъ, ушей, губъ, всей головы, которой либо-ноги, всего зада, или судорожномъ подергиваніи всего тѣла, которое большею частію остается на долго и по выздоровленіи животнаго.

Бруженіе собаки (при чумѣ въ какую нибудь одну сторону, указываетъ на одностороннее пораженіе мозга.

Припадки падучей болѣзни, появляющейся иногда при чумѣ, начинаются трясеніемъ головы и движеніемъ нижней челюсти (какъ при жеваніи), при обильномъ отдѣленіи слюны и пѣны у рта; причемъ собака падаетъ съ конвульсивными движеніями ногъ и завороченною въ сторону головою. Пролежавъ въ конвульсіяхъ отъ 1-й до 5-ти минутъ, вскакиваетъ и безсознательно бѣгаетъ или описываетъ круги по комнатѣ, до прекращенія пароксизма. Приступы припадковъ въ началѣ болѣзни бывають рѣже, далѣе учащаются.

Параличъ зада (крестца) или одной которой-нибудь ноги, сопровождается потерю движенія пораженной части (задъ или нога при ходьбѣ волочится) и обыкновенно заканчиваетъ форму болѣзни, сопровождающуюся падучею болѣзнію или изнурительнымъ поносомъ.

Всѣ эти припадки нервнаго и мозговаго пораженія могутъ являться при незначительномъ развитіи другихъ симптомовъ чумы, и въ этомъ случаѣ болѣзнь получаетъ характеръ преимущественнаго нервнаго пораженія, чрезвычайно упорнаго къ излеченію.

Пузырчатая сыпь, появляющаяся у собакъ на груди и животѣ, на внутренности ляшекъ, сначала въ видѣ красныхъ пятенъ, покрывающихся на третій день гнойными прыщами, лопающимися и засыхающими въ струпу, — которые потомъ спадаютъ — составляютъ рѣдкое явленіе при чумѣ.

Для предохраненія собакъ отъ чумы слѣдуетъ избѣгать простуды ихъ, содержать щенятъ на питательной пищѣ, доставлять имъ возможность въ хорошую погоду быть больше на воздухѣ, оставлять щенятъ только отъ весенняго помета и устранивать сообщеніе здоровыхъ съ чумными собаками.

При леченіи собакъ, заболѣвающихъ чумою, должно соображаться съ формою ея проявленія, — обращая вниманіе на перемѣны въ отправленіи животнаго организма, на его общее состояніе, пульсъ, дыханіе, пищевареніе и проч., на степень развитія болѣзни, возрастъ животнаго и проч. Такъ при обнаруженіи у собаки хотя слабыхъ признаковъ чумы, тотчасъ же слѣдуетъ, окруживъ ее внѣшними благоприятными условіями въ отношеніи содержанія (назначивъ имъ въ пищу овсянки, а слабымъ болонъ и сырое мясо) — дать внутрь рвотнаго изъ 2—4 гранъ рвотнаго камня, или корня бѣлой чемерицы, грана 3 до 6 въ соединеніи съ сахаромъ, выдать въ два приѣма, (для малыхъ животныхъ приемы лекарствъ слѣдуетъ уменьшить на половину). Затѣмъ до выясненія направленія болѣзни (въ теченіе 1—2 дней) собакамъ у которыхъ будетъ замѣчено лихорадочное состояніе, дается: глауберовой соли 2 драхмы и нашатырю 1 драхма, растворенныя въ полстаканѣ отвара льняныхъ сѣмянъ, по столовой ложкѣ черезъ два часа. Въмѣсто этого можно взять 1 драхму селитры и 1 драхму лакрицы, растворенныхъ въ 4-хъ унціяхъ того же отвара, давая въ томъ же приѣмѣ.

При обнаруженіи признаковъ пораженія дыхательныхъ путей дается соединеніе изъ золотосюрмянной сѣры $\frac{1}{2}$ драхмы, лакрицы 2 драхмы и меду въ достаточной пропорціи, для составленія изъ этой массы 12 пилюль, которыя нужно давать по одной черезъ два часа.

Независимо отъ внутреннихъ средствъ, дѣлаются теплые пары для вдыханія изъ ромашки (обваренной кипяткомъ) или теплаго укуса, повторяя два раза въ день по $\frac{1}{4}$ часа каждый разъ.

При усиленіи болѣзни послѣднее внутреннее лекарство замѣняется слѣдующимъ: рвотнаго камня 1 гранъ и селитры $\frac{1}{2}$ драхмы, растворить въ отварѣ наперсточной травы ($\frac{1}{2}$ драхмы травы на 4 унціи воды) и давать черезъ два часа по десертной ложкѣ, до ослабленія болѣзни; причеиъ въ бока груди втирать настойку шпанскихъ мухъ, до появленія струпа на кожѣ втертаго мѣста.

Когда болѣзнь не уступаетъ описанному здѣсь леченію и

даже состояніе ухудшается, то даютъ слѣдующій порошокъ: 3 грана каломеля и 2 грана вытяжки бѣлены смѣшать съ 3-мя драхмами сахару и раздѣлить на 9 частей, давая черезъ три часа по одной, до появленія послабленія на низъ. Въ бока груди втираніе мушки повторяется.

Собакамъ слабымъ и тѣмъ у которыхъ обильно отдѣляется изъ носа слизь и начинается поносъ, дается въ питье отваръ сѣмянъ корня девясила и даже отваръ корня хинны, взявъ одну драхму перваго на одну унцію воды. При ослабленіи припадковъ груднаго страданія и видимомъ улучшеніи болѣзни, лечение заключается слѣдующею мѣстурою: взять англійской соли 3 драхмы, рвотнаго камня, 1 гранъ и растворить въ 4-хъ унціяхъ воды, давая черезъ два часа по десертной ложкѣ.

Если болѣзнь проявляется въ формѣ брюшнаго страданія характеризуюсь первоначально приступами рвоты, то сначала употребляется рвотное изъ рвотнаго камня или бѣлой чемерицы, гранъ 10 съ сахаромъ; затѣмъ черезъ сутки, когда у собаки проявляется поносъ, то даютъ отваръ льняныхъ сѣмянъ съ опіемъ (взявъ на $\frac{1}{2}$ стакана перваго 15 гранъ послѣдняго), черезъ два часа по десертной ложкѣ, или взять даверова порошокъ 30 гранъ на $\frac{1}{2}$ стакана той же жидкости, давая въ такомъ же приѣмѣ до прекращенія поноса.

При изнурительномъ не прекращаемомъ поносѣ и видимомъ истощеніи животнаго употребляется порошокъ хинной коры съ сахаромъ или растворомъ 1 грана ляписа въ 1-й унціи воды, по чайной ложкѣ черезъ три часа. Въ животъ приэтомъ втирается бабковое или камфорное масло.

Когда замѣчаются у собаки судорожныя подергиванія какойнибудь части тѣла, то ставятъ заволоки вблизи этихъ частей: при подергиваніи заднихъ ногъ — на крестцѣ и т. п.; внутрь дается: настойка валеріаны — 1 драхма, сѣрно-кислый хивинъ — 10 гранъ въ отварѣ изъ челибухи (10 гранъ челибухи на три унціи воды), — по чайной ложкѣ черезъ два часа.

При появленіи припадковъ падучей болѣзни, даются сначала соединенія изъ каломеля и гуммигута, по 1-му грану

съ сахаромъ на приѣмъ, 3 раза въ день. На другой день дается: сѣрнаго эфира 1 скрупуль, камфоры 10 гранъ въ трехъ унціяхъ слизистаго отвара, по чайной ложкѣ каждый часъ. Въ затылокъ, или шею втирается мушка.

Пораженіе глазъ требуетъ слѣдующаго леченія: глаза омываются бузпннымъ чаемъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ капель опійной настойки; при сильномъ отдѣленіи гноя изъ глазъ и изъязвленія глазнаго яблока, — въ глаза впускается растворъ сѣрно-кислаго цинка, 3 грана на 1 унцію воды.

Мѣста, покрытыя сыпью, обмываются отваромъ льняныхъ сѣмянъ.

Падучая болѣзнь. Болѣзнь эта, по мнѣнію многихъ, считается неизлѣчимою. Собака, страдающая этой болѣзнію, не имѣетъ никакихъ признаковъ нездоровья: глаза ея чисты, носъ холоденъ, она весела, пьетъ и ѣстъ хорошо, но по временамъ съ ней бываютъ припадки: она падаетъ, голова и ноги сводятся судорогами, изо рта выходитъ пѣна; собака бьется, чрезъ нѣсколько минутъ вскакиваетъ и начинаетъ бессознательно бѣгать изъ угла въ уголь; но минутъ чрезъ 10 — 20 все это исчезаетъ и она дѣлается по-прежнему здоровою. Такіе припадки сначала появляются рѣдко, разъ или два въ годъ, потомъ повторяются чаще и, наконецъ, бываютъ и по нѣсколько разъ въ день, послѣ чего собака околѣваетъ. Собаки, одержимыя падучею болѣзнію, живутъ долго; мы знали собаку, страдавшую припадками этой болѣзни лѣтъ семь, и она работала въ полѣ какъ здоровая.

Причинами падучей болѣзни бываетъ: отдержка, глисты, разливъ молока, изнуреніе во время кормленія большаго числа щенковъ и наслѣдственная передача.

Средствъ для уничтоженія этой болѣзни еще не найдено, но многіе совѣтуютъ собакъ, страдающихъ падучею болѣзнію, чаще купать въ теплой водѣ, въ которую кладутъ по одной горсти пшеничныхъ отрубей и ромашки, а внутрь давать по одной пилюли, по слѣдующему рецепту:

Венеціанскаго мыла 10 гранъ.

Вареной бычачьей желчи 10 гранъ.

Badix aronis 5 гранъ въ порошокъ.

При учащеніи припадковъ втирають въ затылокъ мазь изъ шпанскихъ мухъ.

Мокрецъ. Такъ называется воспаление во внутренности уха. Оно, по большей части, бываетъ у собакъ, получающихъ обильную, особенно мясную пищу и тѣхъ, которыя часто находятся въ водѣ и вообще подвергнуты сырости, которая уничтожаетъ нормальную теплоту уха.

Признаки этой болѣзни слѣдующія: собака наклоняетъ голову на больную сторону, безпрестанно чешетъ пораженное ухо и трясетъ головой; внутренняя поверхность ушной впадины краснѣетъ, лоснится и когда болѣзнь усилилась, то образуются ранки, откуда вытекаетъ желтоватая матерія. Если болѣзнь не встрѣчаетъ препятствій къ своему развитію, то поражаетъ слуховой органъ и собака глухнетъ.

Однако же, какъ бы ни была эта болѣзнь запущена, но при постоянномъ леченіи и строгой діетѣ прекращается.

Меркуріальное масло которое мы предлагаемъ, есть одно изъ самыхъ надежнѣйшихъ средствъ для уничтоженія мокреца.

Rp. Olei olivar ꝯj

Calomel ꝯjβ.

M. contuse ut. f. ad. usum idoneum.

Этимъ масломъ нужно натирать части, подвергнувшіяся заразѣ, утромъ и вечеромъ минутъ по пяти. Необходимо также дать слабительное и посадить собаку до полного излеченія на діету.

Восца на ухахъ. Она встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ предыдущая. Болѣзнь обнаруживается маленькой ранкой, покрытой сухимъ струпиномъ, на оконечности уха. Язва эта чрезвычайно чувствительна ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, производитъ зудъ, вслѣдствіе котораго собака безпрестанно трясетъ головою.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что восца одного характера съ мокрецомъ.

Гигиеническія условія относительно пищи и содержания собаки должны быть тѣ же, какъ и при мокрецѣ. Изъ лекарствъ же полезнѣе всего употреблять вяжущій растворъ,

рецептъ котораго мы здѣсь приводимъ. Для болѣе успѣшнаго леченія, не мѣшаетъ дать слабительнаго.

Rp. Ungv. Aegyptiae ℥j.
 Acid Sulphur. ℥j.
 — nitric ℥j.
 Spiri. terebent. ℥j.
 Vini rectific. ℥j.

NR. Primo ungv. Aegyptia misceas cum paupillo vini spirit. rectific. deinde paullatim in fundas acid. sulphuric. post hoc acid. nitricum sub finem miscendo basulo vitres liquorem. infunde totam spiritum vini rectificatum.

Если болѣзнь сопротивляется, въ такомъ случаѣ на полторы унціи раствора можно прибавить полунции olei antimonii, Прижиганіе яписомъ, раскаленнымъ желѣзомъ и вырѣзываніе раны нерѣдко также уничтожаютъ восцу на ушахъ.

Воспаленіе въ легкихъ встрѣчается у собакъ довольно часто и узнается по слѣдующимъ признакамъ: собака видимо страдаетъ, вытягиваетъ шею, носить боками, дышетъ съ большимъ трудомъ и кашляетъ.

Воспаленіе въ легкихъ случается большею частью отъ простуды; напримѣръ, если горячую собаку напоить или послать плавать въ холодную воду; вообще отъ быстрыхъ переходовъ изъ тепла въ холодъ.

Чтобы остановить развитіе болѣзни, должно немедленно пустить изъ шейной жилы кровь отъ 6 до 10 — унцій. Если дыханіе не сдѣлается свободнѣе, то, черезъ 6 — 8 часовъ кровопусканіе можно повторить. Потомъ полезно употреблять нарывную мазь, которой и натирать, въ продолженіе 10 — 15 минутъ, пространство между передними лопатками до пуповины. Натираніе слѣдуетъ производить два-три дня, раза по три или по четыре въ сутки.

Rp. Cantarid. pulveris ℥β.
 Ungv. Basilic ℥jj.
 Olei terebenth. ℥j.
 M. f. ungvent.

Послѣ натиранія собакѣ слѣдуетъ дать пилюлю.

Rp. Calomelanos. gr. vj.

Pulv. radi salap. gr. xxv.

Syrup. sacch. d. s. ut f. bolus.

Пилюли эти даются въ продолженіи трехъ - четырехъ сутокъ по одной въ день.

Во время леченія собака должна быть на свободѣ, освобождена отъ парфорса, ошейника, привязи и т. п. Пища должна быть легкая.

Воспаленіе желудка. При воспаленіи желудка собака имѣетъ частые позывы на рвоту; сильно страдаетъ, не принимаетъ пищи; а если что и проглотить, то сейчасъ же извергаетъ назадъ и чувствуетъ сильную жажду.

Леченіе слѣдуетъ начинать кровопусканіемъ отъ 6 до 8 унцій. Если воспаленіе не уменьшается, то, черезъ 6 — 8 часовъ кровопусканіе можно повторить. Часть живота, находящаяся противъ желудка, надо натирать три или четыре раза въ сутки слѣдующимъ масломъ:

Rp. Cantariá.   зβ.

Olei olivar.   зjj.

Olei terebenth.   зj.

Все это смѣшать и втираніе производить въ продолженіе десяти минутъ.

Послѣ этого нужно поставить промывательное изъ двухъ унцій глауберовой соли, одной унціи льнянаго масла и кружки теплой воды.

Въ случаѣ, когда воспаленіе произошло отъ попавшаго въ желудокъ яду, какъ-то: мышьяку или мѣдныхъ окисей, то оно сходно съ предъидущимъ, только сопровождается болѣе опасными припадками.

Яичные бѣлки очень хорошее средство противъ мышьяку и мѣдныхъ отравъ.

Глисты. Собаки вообще, въ особенности же молодья, очень часто страдаютъ не только отъ глистовъ и волосатика, но нерѣдко и отъ глистовъ колѣнчатыхъ.

Признаки: выпалзываніе червей изъ прямой кишки во время испражненія. Это въ особенности бываетъ при предстоящей переменѣ погоды. Сильный голодъ, попеременно смѣняющійся отвращеніемъ отъ пищи, печаль, мутные глаза съ необыкновенно расширившимися зрачками; наружная кожа носа и губъ, небо и языкъ блѣдноватые; частое теченіе слюны изъ конечныхъ угловъ рта; головокруженіе, раздраженіе въ лѣвой сторонѣ живота при согнутіи спины; частое ползаніе заднею частію; судороги, достигающія иногда сильной степени; падучая болѣзнь и тому подобное; послѣдній случай большею частію служитъ признакомъ (тесемочной) колѣвчатой глисты, противъ которой употребляются слѣдующія средства: варятъ одну драхму александрійскаго листа въ четырехъ унціяхъ воды; процѣдивши, прибавляютъ одну драхму порошка сабура и $\frac{1}{2}$ унца кассію. Давать лекарство собакамъ каждое утро до тѣхъ поръ, пока червь этотъ не пойдетъ низомъ. Собаку слѣдуетъ держать отдѣльно отъ другихъ собакъ.

Противъ глистовъ и волосатиковъ помогаетъ слѣдующее лекарство: взять льнаго сѣмени полную столовую ложку, сварить его въ двухъ чашкахъ молока, процѣдить и давать каждое утро собакамъ пить. Другое средство: взявши горсть полыни, дикой рябины и порошка цицварнаго сѣмени, и давши постоять часъ времени въ полмѣркѣ воды, хорошо закупоренной, прибавить туда желѣзнаго купороса, сока свилы и морскаго луку. Давать каждое утро по столовой ложкѣ до выздоровленія. По истеченіи 6 — 8 дней не мѣшаетъ собакамъ дать слабительнаго.

Зобъ. Помогаетъ мазь, приготовляемая изъ одной драхмы нашатырнаго спирта, одной драхмы камфоры и четырехъ драхмъ деревяннаго масла. Намазываютъ этой мазью шерстяной лоскутъ и прикладываютъ на больное мѣсто, два раза въ день, въ продолженіе 8—10 дней, или втираютъ раза три въ день.

Внутрь давать пилюли: три унціи сѣрной печени, одну унцію пятисѣрнистой сурьмы, двѣ унціи очищенной селитры и полторы унціи сѣрнистаго калп. Сдѣлать на свиномъ салѣ 15-ть пилюль и давать утромъ и вечеромъ по одной.

Параличъ. Онъ поражаетъ или все тѣло, или отдѣльныя части. Параличъ происходитъ отъ быстрого охлажденія потной собаки, или отъ испорченности соковъ. Вначалѣ всего стремятся къ тому, чтобы у собаки проявился хорошей аппетитъ и образовалось правильное испражненіе. Для этого даютъ ей слабительное и въ то же время растираютъ больныя мѣста шерстянымъ лоскутомъ, намазаннымъ мазью, состоящей изъ одной унціи муравьиного спирта и одной унціи можжевельного масла. Для внутренняго употребленія давать теплое питье изъ полтора штофа сладкаго молока, полъ-горсти бузины, щепоти ромашки и одной осьмой чайной чашки постнаго масла.

Мазь слѣдуетъ повторять втираемъ черезъ два часа.

Послѣ дачи теплаго питья собакѣ, ее слѣдуетъ обернуть теплымъ одѣяломъ.

Въ холодную и ненастную погоду больную собаку выпускать на дворъ не слѣдуетъ.

Вообще параличъ хорошо пользуется теплыми ваннами и въ особенности съ примѣсью шалфея, отрубей, муравьиного спирта и мыла.

Кашель. Причиной кашля служить быстрое охлажденіе вспотѣвшей собаки, или органическое разстройство въ легкихъ. Кромѣ того онъ можетъ образоваться отъ накопившейся въ желудкѣ густой слизи, которая производитъ раздраженіе въ гортани и дыхательномъ каналѣ. Какъ о легочномъ, такъ и желудочномъ кашлѣ мы говорить не будемъ потому, что тотъ и другой часто служитъ предвѣстникомъ чахотки, чумы и т. п. Мы скажемъ нѣсколько словъ о простудномъ только кашлѣ.

При простудномъ кашлѣ собака подвергается лихорадочному состоянію и возываетъ къ рвотѣ. Чтобы помочь послѣднему обстоятельству, собакѣ даютъ рвотнаго. Кромѣ того, слѣдуетъ давать, три раза въ день, теплый отваръ изъ слѣдующей смѣси: одинъ штофъ сладкаго молока варится съ одной щепотью ромашки и съ четырьмя кусочками сахару. Давши теплаго отвара собакѣ, ее слѣдуетъ сейчасъ же укутать въ шерстяное одѣяло и помѣстить въ теплую комнату, чтобы она согрѣлась. Потомъ, черезъ полчаса можно вывести на прогулку, разу-

мѣется, если на дворѣ тепло. Продолжать такой способъ леченія до выздоровленія.

Нарывы. Онѣ происходятъ отъ различныхъ причинъ. Главное условіе въ подобныхъ случаяхъ — содѣйствовать возможно быстрому нагноенію, для чего лучшимъ средствомъ могутъ служить припарки изъ ржаной муки, хлѣба, льнянаго сѣмени, луку, меду и тому подобное; если же нагноеніе совершается медленно, то прикладываютъ кислое тѣсто съ горчичнымъ порошкомъ, или съ голубинымъ, или коровьимъ пометомъ. Опухоль обыкновенно вскрываютъ и, выдавивши гной, лечатъ какъ обыкновенную рану.

Раны. Прежде всего слѣдуетъ промыть, очистить рану и намазать прованскимъ масломъ. Кровотеченіе изъ раны не слѣдуетъ торопиться останавливать. Если рана не особенно широка, то по прекращеніи кровотеченія, края ея можно соединить липкимъ пластыремъ. Въ противномъ случаѣ, необходимо сшивать края нитками. Во избѣженіе воспаленія, нужно класть на рану холодный компрессъ, привязавъ его къ тѣлу широкой лентой. Въ особенности же это слѣдуетъ дѣлать на ночь.

Кровотеченіе останавливаютъ льдомъ, холодною водою съ уксусомъ, трупомъ, купоросомъ зеленымъ и вообще всякимъ веществомъ, створаживающимъ кровь. Послѣ того, какъ появится нагноеніе, рану слѣдуетъ мазать только однимъ масломъ. Тѣ раны, которыя гноятся, нужно промывать теплою водою, каждый день, закладывать ихъ корпіей, пропитанной прованскимъ масломъ и, наконецъ, пластыремъ или бинтомъ. При перевязкѣ ранъ необходимо обращать вниманіе на то, чтобы не попало въ нихъ какое либо постороннее вещество. Огнестрѣльные раны также нужно обмывать холодною водою и пользоваться, какъ говорилось ранѣе. Дробины, засѣвшія подъ кожу, нѣтъ особенной надобности извлекать — онѣ не вредятъ.

Во время леченія собаку слѣдуетъ кормить супомъ изъ телячьихъ ножекъ и то не особенно много.

Ушибы. Вслѣдствіе ударовъ, ущемленій и паданій, у собакъ образуются на тѣлѣ опухоли, а иногда и ранки. Если образуется только подтекъ безъ разрыва кожи, тогда ограни-

чиваются припарками изъ молока, ромашки и бузины, или изъ водки съ уксуомъ. Когда же, вслѣдствіе ушиба, образуется рана, то вначалѣ всего промываютъ рану, потомъ примачиваютъ холодною водою и наконецъ мажутъ сливочнымъ масломъ. Если отъ ущемленія сдѣлается опухоль съ подтеками крови, то полезнѣе всего надрѣзать опухоль бритвою и лечить ее какъ и всякую рану.

Чесотка. Она раздѣляется на *сухую* и *мокрую*. Первая выражается тѣмъ, что вся шерсть, начиная отъ переднихъ лопатокъ до хвоста, выдѣзаетъ и, кожа покрывается струпьями. Проявляется страшный зудъ, вынуждающій собаку ежеминутно чесаться и грызть опаршивѣвшія мѣста. Причина этого обратительнаго недуга, исключая заразы: плохая пища, испорченная вода, неопрятность, дурное помѣщеніе и т. п.

Для пользованія отъ сухой чесотки употребляютъ слѣдующее средство: взять сухое полотенце и слегка очистить отъ струпьевъ кожу, направляя полотенце отъ головы къ хвосту. Послѣ отстраненія наружныхъ нечистотъ, обмочить въ холодной водѣ мягкую тряпку и выжавъ, водить ею осторожно по больнымъ мѣстамъ, чтобы смягчить и возродить дѣятельность кожи. Повторивши нѣсколько разъ подобную операцію, собаку намазываютъ сѣрымъ мыломъ и черезъ часъ смываютъ теплою водою. Такое намазываніе мыломъ слѣдуетъ дѣлать два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Послѣ того, какъ смоется мыло, тѣло собаки слѣдуетъ вытирать досуха. Когда кожа начнетъ дѣлаться чистою и собака замѣтно поправляться, то нужно обмывать больныя мѣста одинъ разъ въ день тепловатою водою съ терпентиномъ (на одну часть терпентина шестнадцать частей воды) и продолжать таковое до возобновленія роста волосъ.

Пища должна быть разнообразная и питательная, помѣщеніе чистое.

Мокрая чесотка. Форма этого недуга выражается тѣмъ, что парши появляются на спинѣ, около задней части и на кожѣ образуются складки, на которыхъ волосъ торчитъ дыбомъ. Кожа постепенно краснѣетъ, сбрасываетъ шерсть и покрывается слизью, похожею на сильный потъ. Затѣмъ, на этихъ

мѣстахъ образуются небольшія язвы, испускающія желтоватый сокъ, способствующій выпаденію волосъ. Вытекающій сокъ постепенно густѣетъ, подсыхаетъ и образуетъ нѣчто въ родѣ бурой коры, изъ-подъ которой сочится вонючая жидкость. Зудъ у собаки проявляется страшный, невыносимый.

Собака должна быть оказана быстрая помощь. Въ началѣ всего слѣдуетъ дать слабительное и продолжать таковое въ теченіе трехъ дней по одному разу. Потомъ прикладывать къ больнымъ мѣстамъ мягкую тряпку, пропитанную теплымъ молокомъ. Молоко съ больныхъ мѣстъ не стирать, а дать ему возможность всосаться въ кожу и образовать кору. Примачиваніе молокомъ должно продолжаться цѣлый часъ, да такъ, чтобы собака не могла слизывать его. По прошествіи нѣкотораго времени, ту же тряпку намочить теплою мыльною водою и осторожно смыть образовавшуюся молочную кору послѣ этого. Обнаженную, отвратительную на видъ кожу, пользоваться слѣдующею мазью:

Взять: 5 лотъ зеленого мыла,
1 1/2 лота сѣрной печени,
1 лотъ терпентиннаго масла.

Чайную ложку этой мази натереть на тряпку и втирать осторожно въ больныя мѣста собаки.

По прошествіи двадцати четырехъ часовъ, мазь эту слѣдуетъ смыть теплою водою съ мыломъ и досуха вытереть. Продолжать такое леченіе до полного восстановленія здоровья собаки.

Глазныя болѣзни. Болѣзнь выражается слѣдующими признаками: вѣки краснѣютъ; глазъ слезится; рѣсницы дрожать и смыкаются отъ сильнаго свѣта; иногда распухаютъ вѣки; бываетъ, что и самое яблоко повреждено. Такія явленія могутъ происходить отъ удара о твердый предметъ, отъ укула травы или сучка, а иногда и отъ раненаго зайца, который, барахтаясь, легко можетъ оцарапать глазъ собаки. Прежде всего нужно помочить тряпочку холодною водою и положить на глазъ. Дѣлать такой компрессъ до тѣхъ поръ, покуда не уменьшится жаръ. Употребляютъ также компрессы изъ гуляр-

довой воды и теплаго молока; при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы въ глазныхъ углахъ не скоплялась нечистота. Когда же бѣлокъ глаза станетъ краснымъ или мутнымъ, то полезно дать собакѣ ложку кастороваго масла и во время болѣзни кормить ее не особенно сытно. Послѣ слабительнаго нужно взять щепотку мелко истолченнаго сахара (въ видѣ порошка), всыпать его въ гусиное перышко, и вдунуть въ глазъ. Такое вдуваніе сахара слѣдуетъ производить ежедневно до тѣхъ поръ, пока глазъ не получитъ своего первоначальнаго цвѣта. Не бесполезно также класть на голову собаки компрессъ изъ холодной воды и уксуса, смѣшивая ихъ по равной части.

Если указанные средства не будутъ приносить пользы, то необходимо сдѣлать между ушей заволочку и не снимать до окончательнаго выздоровленія.

Нерѣдко глаза болятъ отъ того, что рѣсницы заворачиваются къ главному яблоку, также отъ роста волосъ на внутренней сторонѣ вѣкъ. Въ первомъ случаѣ рѣсницы выдерживаются, а во второмъ дѣлается операція, т. е. вмѣстѣ съ волосами вырѣзывается и часть самаго вѣка съ корнемъ волосъ.

Наросты на ногахъ. Силошъ и рядомъ на переднихъ ляжкахъ, ниже сгиба, образуются наросты, состоящіе изъ костяной массы, достигающей иногда величины голубинаго яйца. Какъ только онъ будетъ замѣченъ, то его немедленно слѣдуетъ растирать въ ту и другую сторону руками и втирать мыльный спиртъ три раза въ день. Послѣ можно растереть деревяшкой, а въ крайнемъ случаѣ, прижечь раскаленнымъ желѣзомъ, впуская въ образовавшіяся ранки меркуріальную мазь.

Паразиты. Собаки иногда до того страдаютъ отъ вшей и блохъ, что спадаютъ съ тѣла и теряютъ всякую бодрость. Главное условіе въ подобномъ случаѣ: держать собаку всегда въ чистомъ мѣстѣ и мыть. Чтобы избавить собаку отъ паразитовъ, надо чесать ее гребнемъ, обмокнутымъ въ отваръ черной тыквы, сдѣланный изъ штофа воды и полъ - лота горькой тыквы. Мочить особенно много этимъ отваромъ собаку не слѣдуетъ. Хорошую услугу оказываетъ въ этомъ случаѣ

и отваръ изъ табачныхъ листьевъ съ нѣсколькими каплями терпентиннаго масла. Персидская ромашка хороша, но дорога.

Яреніе больше всего встрѣчается у кобелей, которые, ухаживая за маленькою собаченкою, не могутъ съ нею имѣть совокупленія. Отъ этого надѣтородномъ членѣ, находящемся въ постоянномъ напряженіи, образуются на стволѣ нарщвы, железы распухаютъ и твердѣютъ. Половой органъ увеличивается въ объемѣ и воспаляется. Разумѣется, прежде всего нужно разъединить кобеля съ сученкой, потомъ смочить больную часть теплою водою и слегка смазать свинцовою мазью, не давая возможность слизывать ее собакамъ. Такую операцію нужно дѣлать два раза въ день. Если опухоль будетъ на столько велика, что наружную кожу нельзя залупить, тогда подъ кожу необходимо впустить нѣсколько капель прованскаго масла. Дней черезъ пять свинцовую мазь можно замѣнить теплымъ, топленнымъ несоленнымъ коровимъ масломъ, которое и втирать два раза въ день.

Случается иногда, что у кобеля послѣ совокупленія, узелъ члена до того напрягается, что не забирается во влагалище. Примачпваніе всего зада холодною водою все это дѣло поправить.

Вывихи. Особенно опаснаго они не представляютъ. Больное мѣсто слѣдуетъ разгладить ладонью и растереть водкою и мыльнымъ спиртомъ. Если же вывихъ соединенъ съ нарушеніемъ правильнаго соединенія двухъ смежныхъ костей, то нужно постараться вправить суставы. Но лучше всего въ такомъ случаѣ обратиться къ опытному ветеринару.

Бородавки. Очень часто у лягавыхъ собакъ образуются бородавки въ полости рта, въ ноздряхъ, на деснахъ и губахъ. Хотя онѣ не производятъ боли и не мѣшаютъ охотѣ, но сильно безобразятъ собаку. Для сведенія бородавокъ употребляютъ слѣдующее: перетягиваютъ бородавку шелковою ниткою и смазываютъ ляписомъ; по истеченіи нѣсколькихъ дней она отвалится. Небольшія бородавки можно прокалывать острой иглой (только осторожно) и проводить по проколу ляписомъ.

Понось кровавый сопровождается болѣе жидкими испражненіями, частыми, тягучими, гноевидными, смѣшанными съ кровью

и вонючими. Заднепроходное отверстие красно, горячо, изъязвлено; лихорадка, потеря аппетита, взъерошеніе шерсти, сильная жажда. Лечение состоитъ въ томъ, что собакѣ даются слизистые отвары, ставятся смягчающія промывательныя изъ алтейной воды и пускается кровь.

Саль. Собака совершенно здорова, весела, ѣсть и пьетъ хорошо, но чутье ея, т. е. носъ покрывается грубою корою и изъ ноздрей по временамъ вытекаетъ довольно густая матерія, смѣшанная съ кровью. При появленіи сапа слѣдуетъ тотчасъ же продернуть собакѣ между ушей заволоки, дня черезъ два давать слабительное, состоящее изъ столовой ложки касторового масла, сабура или англійской соли, а въ ноздри вспрыскивать уксусъ съ холодною водою, то и другое въ равномъ количествѣ, и смачивать почаще холодною водою голову.

Тугой слухъ. Происходитъ иногда вслѣдствіе уплотнѣнія ушной сѣры, которая, смѣшиваясь съ посторонними веществами, образуетъ твердую массу; послѣдняя сначала производитъ зудъ, а потомъ тугость слуха и наконецъ полную глухоту. При этомъ собака трясетъ ушами и чешетъ ихъ. Въ такомъ случаѣ, осмотрѣвши ухо и найдя въ немъ сказанную оплотнѣвшую сѣру, выстригаютъ всѣ волосы внутри уха и пускаютъ нѣсколько капель луковичнаго сока. Когда сѣра распустится, тогда вытираютъ ухо внутри тряпкою, намотанною на тонкую палку; потомъ вымываютъ ухо теплымъ молокомъ.

Падагра большею частію бываетъ отъ утомительной работы во время холода, или отъ быстрого охлажденія послѣ пота. Она сопровождается болями, ограниченными однимъ мѣстомъ или переходящими, является опухоль страдающихъ оконечностей и жаръ, аппетитъ пропадаетъ, и собака худѣетъ. Лечение начинается рвотными, а затѣмъ по три раза въ день порошокъ: изъ одного скрупула камфоры, двухъ лотъ бѣлаго сахару и одного скрупула пятисѣрнистой сюрмы. Больныя мѣста натираютъ мазью изъ равныхъ частей опотельдока, spirit. sal. ammoniaci и терпентиннаго масла; если же болѣзнь упорна, то втираютъ мазь: изъ полъдрахмы шпанскихъ мухъ, двухъ драхмъ прованскаго масла и одной драхмы терпентиннаго масла.

Жаба (воспаленіе горла) для предупрежденія смертельнаго

исхода, требуетъ быстрой помощи. Признакомъ этой болѣзни служитъ: трудное дыханіе, постоянный позывъ ко рвотѣ; языкъ становится бурнымъ и распухаетъ; пасть и горло воспалены; около отверстія дыхательнаго горла припухлость; глаза воспалены и выдаются; собака не ѣстъ ничего.

Собакамъ нужно тотчасъ же пустить изъ шейной вены кровь въ количествѣ двухъ чайныхъ чашекъ. Если кровопусканіе не принесетъ пользы, то большой иглой сдѣлать собакамъ проколъ подъ языкомъ въ основаніи, и такимъ образомъ произвести сильное кровотеченіе. Для остановленія крови нужно влить въ ротъ двѣ столовыхъ ложки масла. Если же при этомъ у собаки запоръ, то его слѣдуетъ немедленно устранить промывательнымъ. Не бесполезно по сторонамъ шеи поставить по заволокѣ изъ 15 волосъ. Внутрь давать, по четыре раза въ день, по четверть чайной чашки кислаго молока или сыворотки. При появленіи аппетита давать собакамъ сыворотку, а дня черезъ два, питательный супъ съ жиромъ.

